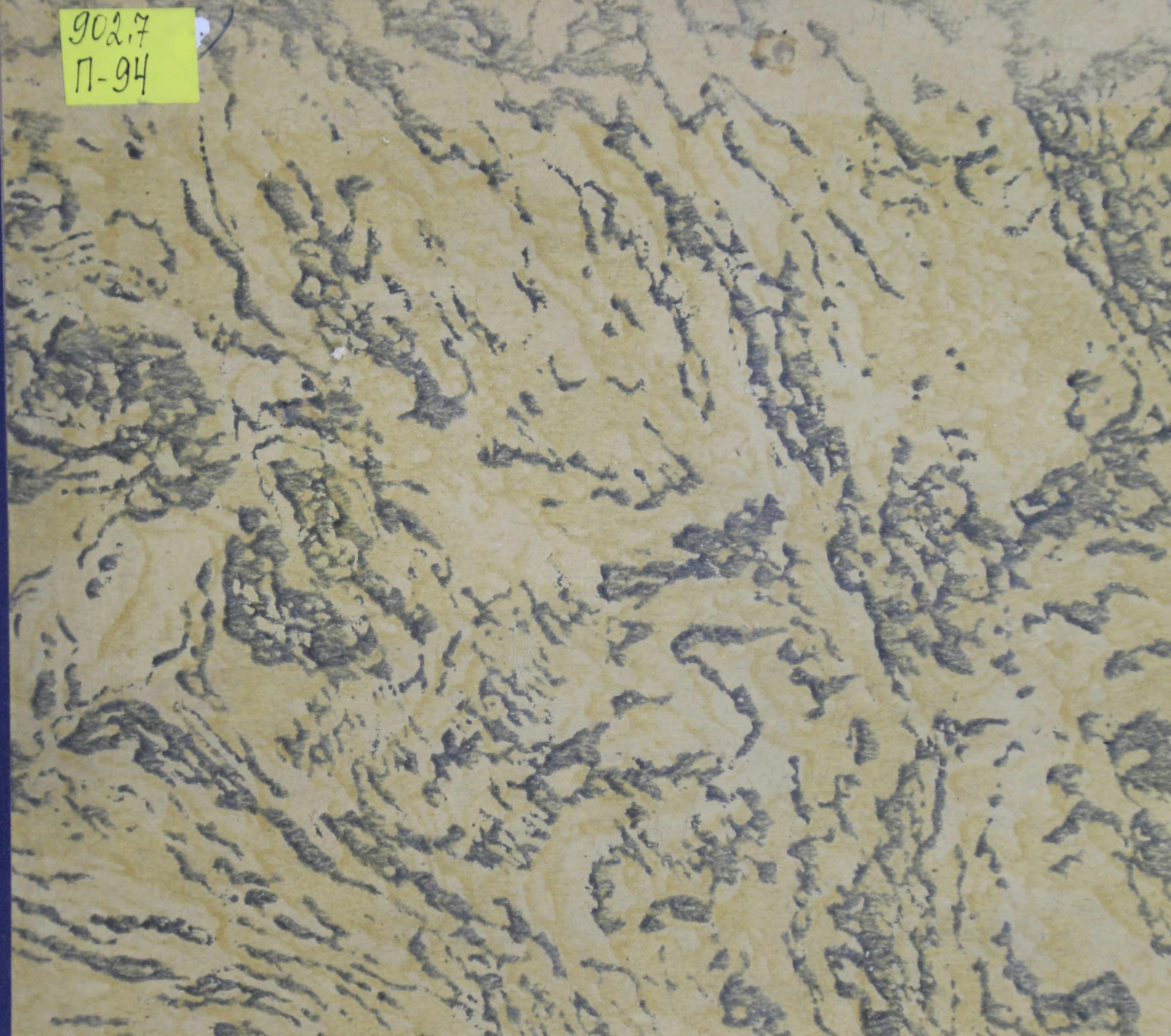

902.7

П-94

П-947

СТАРОЕ ЖИТЬЕ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

О БЫВШИХЪ ВЪ ОТШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ И ПЕРЯДЕАХЪ ВЪ УСТРОЙСТВЕ ДОМАШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

91508-1

М. И. ПЫЛЯЕВА

25194

РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ
БИБЛИОТЕК

22 АРТ 2008

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ДЕК 2011

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРОВА, ЗЕЛЕНЫЙ ПЕР., Д. 13
1892

УД
000000
000000

Какъ ѣли встарину.

Образъ утѣшительнаго мн.
Краснаго дѣла на повѣста моя.
Отъ автора пѣсень.

Ѣда нашихъ предковъ въ XVII столѣтїи была крайне неприхотлива: обыкновенною пищею простаго народа были ржаной и ячменный хлѣбъ съ чеснокомъ, или ячменная кашница. Пища составляла уже роскошное кушанье и даже больше того, если въ нихъ было какое свиное сало. Въ военное время въ войскахъ пища была — сухари и телокно. По свидѣтельству иностранныхъ посланниковъ, поваренное искусство русскихъ состояло изъ множества блюдъ, но нечистота и еще болѣе чесночный и луковый запахъ дѣлали ихъ почти несъѣдобными, притомъ почти всѣ кушанья приправлены были коноплянымъ масломъ или испорченнымъ коровьимъ. Встарину коровье масло приготавлилось въ печахъ, и безъ соли, отъ этого оно скоро горѣло. Петръ Великій первый научилъ русскихъ дѣлать его по голландскому способу, изъ сметаны и сливокъ. Иностранцы говорятъ, что единственно хорошими кушаньями у русскихъ были холодныя (Мейербергъ, стр. 37). До конца семнадцатаго столѣтїя русскіе не знали другой огородной зелени, кромѣ простой капусты, чеснока, луку, огурцовъ, редьки, бураковъ и дынь. Указомъ 1660 г. ноября 11 велѣно разводить въ Чугуевѣ арбузы и, когда они воспитаются, присылать въ Москву. Салата предки наши не ѣдали и не ѣли; Бродъ говоритъ, что въ его время русскіе стали разводить «салатеры», но спаржи и артишоковъ не знали, не смотря на то, что земля росла у нихъ даже на поляхъ. Первые артишоки въ Петербургъ были привезены изъ Голландїи въ 1715 году. Русскіе встарину не ѣли ни телупани, ни дичью, ни голубиное мясо, ни раковъ и вообще ничего, что само по себѣ умираетъ (Рейнгольдъ, 198); также они считали несчастнымъ въ пищу употреблять, которыя были употребляемы женщинами. Ни мясныхъ вѣстей самъ

обыкновенными были: говядина, баранина и свинина, также домашняя и дикая птица. Индейки появились у нас около 1625 года. Приготовление мясных блюд было весьма просто: почти всё мясо варили в одной воде с небольшим количеством соли, луку и перцу, и нередко различны рода мясо варили в одном горшкѣ. Къ мяснымъ кунаньямъ на столѣ ставили въ приправу: соленые огурцы, соленые сливы и кислое молоко.

Чтобы судить о мясныхъ и другихъ блюдахъ того времени, приведемъ то, что было подано царю Алексею Михайловичу въ свѣтлицѣ во время бракосвадебнаго его съ Пелагеей Кирилловной Нарышкиной: «какая въ серебряной ложатой братницѣ, да съ кормового двора приказныхъ братьевъ: напоръ съ лебедить по шафраннымъ заваркамъ; рыба окрошенная подь лимонна, петрохъ гусиный, да къ государынѣ царинѣ подано приказныхъ братьевъ: гуся жаркой, пороси жаркое, кури въ кольѣ съ лимоны, кури въ ланнѣ, кури въ цахъ богатыхъ, да про государя же и про государыню цариню подаваны хлѣбныя Бѣтвы: перенеча круничатая въ три дощатки недомѣсть, четь хлѣба ситного, курникъ подевшашъ яйцы, пироги съ бараниною, блюдо пироговъ кисельныхъ съ сыромъ, блюдо жаворонковъ, блюдо блинновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яйцы, блюдо сырниковъ, блюдо жаркое съ бараниной. Потомъ еще: пироги росольный, блюдо пирога розольный, блюдо пироговъ подовыхъ, на торговое дѣло, коронай яцкѣй, куличъ недомѣрокъ и проч.

Но самая любимая блюдо русскихъ были рыбныя; особенно такими любимыми они хвалятся передъ иностранцами. Рыба встарину не была дешева, и волжская свѣжая стояла въ цѣнѣ несравненно дороже мяса домашнихъ животныхъ и дичины.

Известно, что Таперъ говоритъ, что иногда одну половину рыбы едятъ и сильные мужчины въ состоянн были подать на столѣ. Множество рыбъ, по его свидѣтельству, совсѣмъ не имѣли собственного своего вкуса, но некуществомъ поваровъ обрѣжены были въ индейскихъ и туземныхъ, курь, русей и проч.

Въ время стола 1671 года патриархъ поднеслъ великому государю «домашняго кунанья въ три статьи по четьре Бѣтвы: первая статья: щука паровая живая, лещъ паровой живой, стурлядь паровая живая, синеца бѣлая живая; вторая статья: оладья, тѣльная живая рыбы, уха щучья живая, рыба, пироги съ тѣломъ живой рыбы; третья статья: щука володы живая, полголовы осетрей живой, тешка бѣтужкѣя; шучья поднесли: ренское, да романское, да бастрь».

Иногда яства у насъ встарину были, какъ и теперь, разные: въ нихъ ни позволялось есть рыбу, а въ другіе — пить. Такъ, «въ среду перваго недѣли Великого поста (1667 года) святѣйшему патриарху подавали: яства: хлѣба четь, вареники, кисель сладкай съ шнечамъ и съ яствами, съ перомъ да съ шафраномъ, арень, грѣбочки, кануса то-

паная холодная, горюшекъ зобанецъ холодный, кисельъ клюковный медомъ, канка торта съ маковымъ соусомъ и проч. Того же дня подали патриарху прислано: кубокъ романен, кубокъ ренского, кубокъ маван, хлѣбецъ круничатый, полка арбузная, горюшекъ паточки съ шнечамъ, горюшекъ мазули съ шнечамъ, три шинки ядренъ.

Столъ домашній у русскихъ бывалъ простой и сытный и не отличался большимъ обиліемъ блюдъ, но если столъ быть знатный, какъ, напримеръ, когда нужно было угощать иностранныхъ посланниковъ, число блюдъ доходило до пятидесяти. При столѣ русскихъ бояръ употребляемая яства и напитки были несравненно дороже, нежели была столовая и для питья ежедневно употребляемая посуда. Въ бытность Бухавъ въ Москвѣ, богатые вельможи бѣдали и шикали по большей части изъ серебряной посуды, которую дѣлывали монахи и у которой края были обыкновенно позолочены. Оловянная посуда и тарелки составляли то большую рѣдкость, но каждый бояринъ имѣлъ непременно серебряныя кубокъ, изъ котораго подавали гостямъ пить за здоровье.

Въ бытность Мефферера въ Москвѣ, въ царствованіе Алексея Михайловича, у бояръ столовая посуда была оловянная: ложки, ножи, вилки, какъ и тарелки, были подаваемы однимъ только почетнѣйшимъ гостямъ. Бухавъ, бывши при столѣ Іоанна Грознаго, говоритъ, что онъ не имѣлъ ни тарелки, ни ножа, а пользовался ими отъ сидѣвшихъ подлѣ него боярина.

Позднѣе, при Петрѣ Великомъ, столовая посуда у его вельможъ была почти у всѣхъ серебряная, а у придворныхъ императрицы Екатерины II перѣдко и золотая. Графъ Септоръ рассказываетъ, что когда онъ съ супругою пожелалъ императрицу на одномъ изъ праздниковъ въ с. Кузьмовѣ графу П. В. Шереметеву, то его поразило, что столъ графа былъ украшенъ золотомъ посудомъ на шестьдесятъ персонъ; графъ Комаровскій, видѣвши этотъ праздникъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «что всего болѣе удивило меня, такъ это плато, которое было поставлено передъ императрицею. Оно представляло на возвышеннн роугъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на томъ возвышеннн былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ брилліантовъ».

Порядокъ угощенія былъ совсѣмъ другой въ XVII, чѣмъ въ XVI столѣтнн. Такъ, въ XVII вѣкѣ столы при дворѣ начинались съ закусокъ и притомъ жареными парадными. Въ слѣдующемъ же столѣтнн, напротивъ, сперва подавали студень изъ говядины и съ нѣмъ икру.

При Петрѣ Великомъ въ домахъ его вельможъ столъ былъ украшенъ окороками, колбасами и другими солеными и копченными мясными блюдами, приготовленными съ деревяннымъ масломъ, чешукомъ и лукомъ. Постѣ этихъ холодныхъ подаваемыхъ были рѣчная рыба, жареная и другія теплыя кунанья и, наконецъ, закуски, составивши изъ слѣ-

живых и вареных в сахаръ плодовъ, по большей части въ дыняхъ и арбузахъ.

Десерты и закуски были особенно богаты въ XVII столѣтїи. Тащъ, по случаю рожденїя Петра Великаго, царю Алексѣю Михайловичу было подано въ столѣ въ числѣ другихъ лакомствъ: коврижка сахарная большая — въ сѣ государства московскаго; вторая коврижка сахарная же коврижчатая — другая большая рожисана съ цвѣтомъ, въсѣмъ два пуда двѣдцать фунтовъ; орелъ сахарный большой литой бѣлый и другой орелъ сахарный же большой красный съ державами, въсѣу въ нихъ по подточа пуда; дробъ сахарный литой, въсѣмъ два пуда; утя сахарная литая, въсѣмъ двѣдцать фунтовъ. Затѣмъ шли еще сахарные: понукай, голубъ. Но переходъ кондитерскаго дѣла здѣсь были: городъ Кремль сахарный съ людьми разными и пѣниши; башня большая съ орломъ; башня средняя съ орломъ; городъ четверугольный съ пушками; двѣ трубы сахарныхъ въсѣмъ по 15 фун.; марципанъ сахарный большой на пяти кругахъ; другой — леденцовый; двѣ снѣжки сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, въсѣмъ по двѣнадцати фунтовъ каждая; соросъ блюды сахарныя узорчатыхъ людей коцныхъ, пѣнишъ и разныхъ статей, по полуфунту на блюды. Слѣдовало дальше блюды смоквы, цукату, цитрону, шампалы, яблокъ мушкатныхъ и иныхъ, индѣйскихъ овощей; всего такихъ блюды было нарисовано и подано 120*).

Изъ напитковъ русскихъ самые древнїе были (меды. Пиво встарину называлось «солуя»; меды были вареные и ставленные, первые варилась, вторые только паливались... (см. «Прав. Русск.», стр. 88). При Петрѣ Великомъ, при дворѣ и въ домахъ знатныхъ вельможъ стало входить въ моду венгерское пиво: его употребляли при питѣ въ торжественныхъ случаяхъ. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ стало уже входить въ моду шампанское — первый привезъ его въ Россїю французскїй посланникъ маркизъ де-ла-Шетарди, а проагандировали его Андрей Шуваловъ и Григорій Разумовскїй.

Обыкновеннымъ напиткомъ русскихъ былъ квасъ: пили его всѣ отъ царя до крестьянина. Употребленіе чая стало извѣстно въ Россїи только около половины XVII столѣтїя. Сперва употребляли оны при царскомъ дворѣ какъ лекарство, и настоящїй китайскїй чай привозимъ былъ чрезъ Сибирь. Его еще тогда употребляли у насъ такъ мало, что Кильбургеръ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1674 году, покупать его по 30 копѣекъ за фунтъ. Кофе впервые стало извѣстно въ началѣ прошлаго столѣтїя: первый кофейный домъ былъ заведенъ Петромъ Великимъ въ Петербургѣ въ 1704 году, но кофе вошелъ въ употребленіе только съ половины XVIII столѣтїя. Императрица Екатерина II была большая

* См. «Слѣды трудовъ воли. рос. собр. при Импер. Московск. универс.» ч. 4, стр. 158.

охотница до кофе и пила необыкновенно крепкой. У насъ встарину были въ большой модѣ такъ называемый «изварецъ», родъ панетки, составленнаго изъ пшени, вина и меду съ разными кореньями; его пилили обыкновенно ковшами. У малороссійской такой панеткой извѣстна подлѣ именемъ «каренухи». Сахарныя фабрики у насъ заведены въ началѣ XVII столѣтїя. Петръ I указомъ 1718 и 1721 года запретилъ привозить изъ заграницы головной сахаръ; можно было ввозить только сахарный песокъ.

Въ царствованїе императрицы Екатерины II русское поваренное искусство терять свой національный характеръ: въ моду входить приглашенныя къ вельможамъ-гастрономамъ французы-повара; вкусъ русскаго стола и простыя русскїя яства уступаютъ мѣсто чужеземнымъ многосложнымъ. Въ это время русскїй столъ состоялъ изъ четырехъ податъ: 1) холодныхъ; 2) горячихъ или похлебки; 3) закуски и жаренье, и 4) пирожины. Величїе иррижественныхъ столовъ заключалось не столько въ изысканствѣ, сколько въ изобилїи и множествѣ блюды. Такъ, столъ ужинный на пятидесяти кувертовъ въ зимнее время состоялъ болѣе чѣмъ изъ восьмидесяти блюды; въ первой податѣ идетъ по десяти суповъ и похлебокъ, затѣмъ двѣдцать четыре среднихъ антрме въ родѣ: индѣйки съ шпю, шпроты королевскїя, териноы съ крылами и пуре зелеными, утка съ сокомъ, руладонъ изъ кроликовъ, пулярды съ кордонами и проч.; далье слѣдуетъ тридцать два орденца, въ которые входить маринады изъ цвѣтливъ, крыла съ пармезаномъ, курицы скатинныя и т. д. На смѣну имъ идутъ «похлебки большїи блюды»; далье: семка глазированная, жаренъ съ приборами, торбууть глазированный съ кулисомъ раковинамъ, окуни съ ветчиною; послѣднїе смѣняютъ: курицы жирныя съ приборомъ, пулярды съ трюфелями. Послѣ на смѣну этихъ идетъ тридцать два орденца, въ которые входить: рыбники по-испански, даже чернахи, чирата съ оливками, шюны съ фрикандо, курюкати съ трюфелями, фсаканы съ фиетинками, голубята съ раками, салми изъ бекасовъ. Послѣ идетъ жаренье: большїе антрме и салаты — здѣсь и рѣтѣнѣе изъ ягненка, диканка, гато юмпиенской, зайцы молодые, двѣдцать салаточъ, восемь соусовъ и пр. Послѣ слѣдуетъ двѣдцать восемь среднихъ антрме и горячихъ, и холодныхъ; въ числѣ послѣднихъ: ветчина, языки коченые, турты съ кремомъ, пирожины, тартелеты, хлѣбы итальянскїе; далье идутъ смѣны салаточъ: померанцы и соусы съ тридцатью двумя антрме горячихъ, слѣвходить: петроха по-королевски, цвѣтная запуста, сладкое мясо ягнече, буканы, кателеты изъ устрицъ и пр., и пр.

Въ Екатерининское время многіе изъ нашихъ вельможъ переняли своимъ изысканнымъ столамъ; къ числу такихъ гастрономовъ-баръ принадлежали: Потемкинъ, Строгановъ, Остерманъ и Разумовскїй. У перваго изъ этихъ вельможъ столъ отличался всѣми диковинками кушарнаго искусства: у князя было до десяти главныхъ поваровъ всѣхъ національностей, начиная отъ француза и кончая молдаваномъ, кочевымъ по-

вить князю кукурузную похлебку. По преданию, у Потемкина вся кухня была посуда была из чистого серебра и съ такими чашками-кострюлями, въ которые вводило до двадцати ведеръ жидкости; въ такой кастрюльке легко готовили уху изъ аршинныхъ стерлядей и кронштадтскихъ ершей. Столь великоблюдное князь былъ беспословичный: у него были чудные повара. Иногда изъ блюда были приготовлены изъ однихъ рыбъ, но, купивъ, вы бы и не подозревали, что это рыбы: какъ бы казалось, что это дичь, баранина, свиныя; каждое такое блюдо имѣло не только свойственный ему видъ, но даже вкусъ и запахъ. Его поварь-французъ ввелъ первый блюдо «бюбю а-ла-Сардинская»: это не было одинъ картофель, какъ теперь это дѣлать; въ то время это были котлеты, сдѣланныя изъ фарша всевозможной дичины. Императрица Екатерина II особенно ихъ любила, не смотря на то, что государыня не долбилась изысканныхъ блюдъ, а предпочитала всему разварную говядину съ соевыми огурцами и соусъ изъ выленннхъ оленьихъ языковъ.

Потемкинъ очень любилъ гусиную печенку, которой некусные повара, посредствомъ развариванья въ меду и молокъ, давали размеры почти нефритные. Точно также и свиную печень увеличивали въ то время до колоссальныхъ размѣровъ; для этого кормили свинью грецкими орѣхами и винными ягодами, а передъ тѣмъ, какъ убить ее, поили до-пьяна дичиннымъ венгерскимъ виномъ. Такая свинья за столомъ являлась почти цѣликомъ на видъ не выпотрошенной; искусники повара дѣлали, что половина ея была сварена, а другая сыра; для этого свинью убивали, дѣлая въ паху небольшую ранку, и когда кровь стекала, ее тщательно вымыли виномъ, а внутренности вынимали изъ горла, затѣмъ брали колбасы и сосиски и пропускали ихъ черезъ горло, заливая отъ времени до времени вкусомъ итальянскимъ соусомъ. Постѣ этого обжаривали одну часть тѣла съ толстымъ слоемъ тѣста, замѣшаннаго на винѣ и мѣлѣ, и ставили жариться въ самый вольный духъ. Когда жаркое было готово, тѣсто снимали; та часть свиньи, которая была обложена, оказывалась какъ бы жареною. Этотъ способъ приготовления былъ самый древнѣйшій, онъ былъ известенъ римскимъ гастрономамъ и носилъ названіе *potens tronas*, въ честь «Троянскаго коня».

Также тогда и въ русскомъ гастрономамъ былъ известенъ необыкновенно изысканный соусъ, или, вѣрнѣе, соя; его приправляли почти въ кувшины и даже устрицы. Она дѣлалась изъ молока какой-то рыбы, пресаливалась, ставилась на солищѣ, затѣмъ превращалась въ порошокъ и едла съ уксусомъ и приправами свецкими въ жидкомъ видѣ подавалась на столъ. Въ цѣль эта соя стояла выше всякаго вина.

Вотъ меню изысканнаго обѣда времени Потемкина:

Похлебка изъ рыбы съ пармезаномъ и кантанами.

Блины съ масломъ по-султански.

Говядина съ соусомъ, называемомъ «поутру просушннсь».

Говядина съ обильной частью въ эль, гарнированная трюфелями.

Хвосты теленки по-татарски.

Теленки уны крошенныя.

Баранина по-столетская.

Голуби по-Станиславски.

Гусь въ обуви.

Горлицы по Ноляеву и беласы съ устрицами.

Гато изъ зеленого винограда.

Кремъ жирный, дѣвннй.

У Разумовскаго, графа Строганова и Остермана обѣдали каждый день по полтора часа человекъ и болѣе: такое многочисленное собраніе гостей предло изготовленію блюдъ. Еще римляне говорили, что число гостей за столомъ не должно быть меньше числа гостей и больше числа мулъ. Это правило даже перешло въ поговорку: семь гостей — їда, девять — ѣда (*septem — convivium, novem — convivium*).

Въ царствованіе императора Павла роскошь стола значительно надасть; самъ императоръ дѣлать примѣръ умеренности и довольствуется простыми блюдами, которые ему изготовляетъ кухарка. Въ слѣдующемъ царствованіи опять лукуловскіе обѣды и праздники въ роскоши въ быту нашего барства, и цѣны миллионныя состоянія проявляются нашими вельможами, какъ, напримѣръ, сыномъ графа Зиндольскаго, который жарилъ себѣ дичь на коринѣ и гвоздикѣ, употребляя послѣднюю вмѣсто драгоцѣнаго.

Въ это время входитъ въ моду у насъ дорогое изобрѣтеніе французскаго кулинарнаго искусства, *roti à l'impératrice*. Рецептъ этого блюда заключается въ слѣдующемъ: возьми лучшую мисетую оливку, вынь изъ нея косточку, и на мѣсто ея положи туда кусочекъ анчоуса. Затѣмъ начини оливками жареннаго, которого, по надлежущему приношенію, заключи въ жирную перепелку. Перепелку должно заключить въ куропатку, куропатку въ фазана, фазана въ канюна и, наконецъ, канюна въ поросенка. Поросенка, жареннаго до румянки на вертелѣ, дѣлать блюдо, которое черезъ смѣшеніе всѣхъ припасовъ по вкусу и запаху не имѣетъ себѣ подобнаго. Величайшая драгоценность въ этомъ блюдѣ — оливка, которая, находясь въ серединѣ, называлась тончайшими словами окружавшихъ ее сладобій.

Въ гастрономическихъ дѣланныхъ Александровской эпохи у насъ занимаетъ почетное мѣсто министръ финансовъ графъ Д. А. Гурьевъ. прежде своей финансовою дѣятельности, онъ долго путешествовалъ за границей и тамъ усвериненствовался въ гастрономическихъ тонкостяхъ. Его имя носитъ манная каша, приготовляемая на сливочномъ масле, вмѣстѣ съ грецкими орѣхами, персиками, ананасами и другими фруктами; также подъ его именемъ известны еще шантеты и кюлеты. Въ свое время его домъ считался первымъ, гдѣ можно было бы хорошо поѣсть.

Такой же славой больших гастрономов пользовались еще другие два мясника царствования императора Николая, Уваровъ и К. В. Нессельроде; особенно заслуженным был Нессельроде по части изобретений в области кулинарного искусства: его пудинги, мороженое и potages по сей часъ удивляютъ его имя. Въ доброе старое время почти вся наша знать съезжалась своихъ кухмистеровъ на кухню Нессельроде, платя за науку баснословными деньгами его повару.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Петербургѣ гремятъ своими гастрономическими праздниками Никита Всеволодовичъ Всеволожскій. Въ барскомъ домѣ этого богача, въ селѣ Рыбовѣ, лежащемъ недалеко отъ Охты, въ праздники накрывался столъ на 120 кувертовъ, за которыми перѣдочно въ два дня въ дубовый сибирскую землянику со сливками и почаству за столъ вносились еще рыба четырьмя дюжими кухонными мужиками; такая рыба получалась по потрѣбѣ съ Урала. Меню этихъ обѣдовъ были поппа каламбуровъ и острогъ. Родъ Всеволожскихъ издавна славится своимъ остроумьемъ. Всеволожскій говаривалъ, что порядочный человѣкъ прежде всего долженъ позаботиться о своемъ столѣ. Хорошая кухня есть сытный кормъ для самой совѣсти. Вотъ несколько гастрономическихъ афоризмовъ: «картофель — мягкій воскъ въ рукахъ хорошаго повара; онъ можетъ сдѣлать изъ него все. Но и въ невнимательномъ природномъ костюмѣ картофель имѣетъ для многихъ любителей неодолимую прелесть, и въ такомъ видѣ они обжариваются къ нему, какъ рыбный Парижъ къ Елиѣ». Явно — всегдашній обязательный посредникъ въ спорныхъ дѣлахъ между обѣдами. Трюфель, при всей его неблагородности, можно считать алмазомъ кухни; но что, каково бы ни было его основаніе, по паноплеянный трюфельный сертѣ безъ сыра никака. Какъ и въ самомъ праздничномъ нарядѣ всегда выказываются ея оригинальность, станемъ и въ праздничномъ нарядѣ искать ее подъ покровомъ кровиною колбасы или въ мантильѣ сосиски».

Для полноты гастрономическаго очерка приведемъ дневникъ или, вѣрнѣе, путеводитель по лучшимъ петербургскимъ ресторациямъ, веденный за шесть дней въ гостиницѣ Рюссельтъ — русскими и иностранцами. Обѣдь дешевой, сто рублей ассигнацій, но широканого не подуютъ никакого и ни много у дуеса. 2-го июня. Обѣдать въ немецкой ресторации Клей, на Невскомъ и законченное заведеніе. Больше всего немецкаго и много пика. Обѣдь дешевой; мнѣ подали лапшу и беконъ этого дня болѣе животъ. 3-го июня обѣдь

у Дюме. По качеству обѣдь этотъ самый дешовый и самый лучший изъ всѣхъ обѣдовъ въ петербургскихъ ресторацияхъ. Дюме имѣетъ исключительную привилегію — наполнить желудки петербургскихъ львовъ и денди. 4-го июня. Обѣдь въ итальянскомъ шусѣ у Александра, или Signor Alessandro, по Мойскѣ, у Полицейскаго моста. Здѣсь имѣешь не близость, а болѣе итальянца и француза. Впрочемъ, вообще посетителей немного. Онъ принимаетъ только хорошо знакомыхъ ему людей, извѣстныя болѣе обѣды для отпуски на дома. Мазароны и стофато превосходны! У него прислуживала русская девушка Марья, переименованная въ Маріанну; самоучкой она выучилась прекрасно говорить по-французски и по-итальянски. 5-го. Обѣдь у Леррана, бывшій Фелета, въ Большой Морской. Обѣдь хороша; въ прошломъ году нельзя было обѣдать здѣсь два раза еряду, потому что все было одно и то же. Въ нынешнемъ году обѣдь за три рубля ассигнаціями здѣсь прекрасный и разнообразный. Сервисы и все принадлежности — прелесть. Прислуживаютъ исключительно татары, во фракахъ. 6-го июня. Превосходный обѣдь у Сентъ-Жоржа, по Мойскѣ (теперь Дюнонь), почти противъ Alessandro. Домикъ на дворѣ деревянный, просто, но со вкусомъ убранный. Каждый посетитель занимаетъ особую комнату; при домѣ садъ; на балконѣ обѣдать прелесть; сервисы превосходны, вино отличное. Обѣдь въ три и пять рублей ассигнаціями. 7-го июня нигдѣ не обѣдать, потому что неосторожно покурить и испортишь аппетитъ. По дорогѣ къ Alessandro, тоже на Мойскѣ, есть маленькая лавка Даманта, въ которой подаютъ страбургскіе шпроты, ветчина и проч. Здѣсь обѣдать нельзя, но можно брать на домъ. Но просьбѣ хозяйки позволить мнѣ позавтракать. Куханья у него превосходны, г. Даманъ золотой мастеръ. Лавка его напоминаетъ мнѣ парижскія guinguettes (маленькія трактиры). 8-го июня. Обѣдать у Simon-Grand-Jean, по Большой Коношенной. Обѣдь хороша, но нестерпимъ запахъ отъ кухни. 9-го июня. Обѣдать у Кулона. Дюме лучше и дешевле. Впрочемъ, здѣсь болѣе обѣды для живущихъ въ самой гостиницѣ; вино прекрасное. 10-го июня. Обѣдь у Отто; вкусный, сытный и дешовый; изъ дешовыхъ обѣдовъ лучше едва ли можно сыскать въ Петербургѣ».

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Петербургъ въ Великомъ посту славился своими постными яствами, подаваемыми въ нашихъ русскихъ ресторацияхъ и даже немецкихъ кафе-ресторацияхъ. Такъ, въ Стрѣльковомъ трактирѣ, на Невскомъ, близъ Полицейскаго моста, въ садѣмъ-отъ бирязами и березовыми калининскими кустами, обѣднная трапеза, на перѣздѣ и Стрѣльной подѣлахъ поста, ничѣмъ не отличалась отъ строго монастырской и въ эти дни въ этомъ трактирѣ рыбной пищи достать нельзя было ни за какія деньги, и весь обѣдь ограничивался однимъ грибомъ съ бекономъ. Зато въ перѣздѣ послѣднихъ находились такіе, которые теперь съ нами покарты. Такъ, въ то время извѣстны были: гриба, гриба съ лукомъ,

конуста не только съ грибами, грибы въ тѣстѣ, галушки грибныя, грибы холодные подъ хриномъ, грузди съ масломъ, грузди, грибы съ сокомъ. Кошъ грибовъ, въ обѣденную карту входили горохи и клебли; первые были: мягкие, битые, цѣбные; вторые—ягодные, омытые и гороховые съ картошкой, съ бѣлымъ миндальнымъ молокомъ. Чай въ эти дни пили съ вареньемъ и медомъ, варили и сбивень для постниковъ. Въ остальныхъ видахъ поста, когда уже нѣкоторые ѣли рыбу, въ числѣ рыбныхъ блюдъ видѣли такъ очень вкусную «прикромку тѣсную» — ибѣто въ родѣ котлетъ, затѣмъ — не менѣе лакомый «какардакъ», родъ окрошки изъ рѣчныхъ рыбъ, кашу изъ семги, винику съ хриномъ, стерилизіи присоль, съхбъ бѣлужій въ ошп, цуку-колотку, расольный енгъ, уху карасевую на сковородѣ и т. д. Изъ любопытливой карты кафе-ресторана П. П. Излера, помѣщавшагося тоже на Пескомъ, въ домѣ Армянской церкви, видно, что въ Великій постъ здѣсь пекли особенные пирожки-растеган, которые успѣли войти въ моду въ 1807 году, когда въ Москвѣ цѣлѣна Елена своимъ словенскимъ голосомъ дѣйствовала на сердца и карманы своихъ слушателей и поклонниковъ: особенно хорошо она пѣла романсы «Сарафанчикъ-растеганчикъ»; въ честь постѣдвно и стали печь растеган. Вотъ недѣльная карта излеровскихъ пирожковъ. Воскресенье: 1) растеган излеровскіе, 2) скоромные, 3) безопасные, 4) музыкальные (скоромные); понедѣльникъ: 5) съ рыбой-съ! 6) съ живыми картинками (скоромные), 7) уюткопительные, 8) безъ танцевъ (скоромные); вторникъ: 9) съ вариціями, 10) прѣто прелестъ! 11) на здорье, 12) мать золотникъ, да дорогъ! среда: 13) съ рыбой, но со вкусомъ! 14) съ загадкой? 15) либо и дешево! (скоромные), 16) съ борозничками; четвергъ: 17) астрономическіе, 18) на всѣхъ цѣнахъ пирога, 19) концертные, 20) съ флюритурой (скоромные); пятница: 21) настоящіе аусетіе, 22) нескучные, 23) въ добрый часъ, 24) бѣдные; суббота: 25) пчелка или что въ ротъ, то спасебо! 26) фенетъ (съ безъ шнестъ (скоромные), 27) повтори, 28) безъ разсказовъ (скоромные). Сверхъ того, всякій день приготавлились особые пирожки подъ названіемъ: «кларичность-солнестъ» и «вечера Новой-Деревни» (скоромные). Цѣна на эти пирожки была 10 и 5 копѣекъ. Великіе знали ходитъ въ къ Излеру съ пирожки. Эти пирожки носили название утреннихъ.

II.

Пышность гастрономическимъ столомъ отличался въ Екатерининское и Павловское время графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Этотъ гостеприимный великодушный любилъ на своихъ роскошныхъ обѣдахъ соединять въ кругу себя лучшихъ представителей русской интеллигенціи. Они, какъ Шугаевъ, носилъ въ то время названіе мецената; почти всѣ интелли-

и художники находили у него открытый столъ. Загородный его домъ, поселиціи его имя, воспѣтъ Гибдингъ въ идилліи «Рыбникъ». Здѣсь, въ воскресные дни, онъ давалъ свои лукуловскіе обѣды и ужины. Графъ Строгановъ не жалѣлъ на нихъ денегъ и все, что стоило или стоило безвѣрно дорого, поднималось у него за столомъ; императрица Елизавета II, представивъ его австрійскому императору, говорила: «Вотъ великодушный, который хочетъ развѣрнуться и низше не можетъ».

У графа Строганова, какъ у римскаго гастронома, были устроены триklinii—родъ столовой, гдѣ, подобно извѣстнымъ грекамъ или римлянамъ, гости лежали за столомъ на постели, облокотясь на подушку. Здѣсь убранство напоминало великолѣпіе и роскошь древняго Рима; помы были устланы мягкими дорогими коврами, стѣны были покрыты живописью, съ изображеніями сатировъ, собиравшихъ винограда, охотящихся за звѣрами, видны были плоды, гроздья винограда, всякая живность, рыбы и т. д. Подушки и матрацы были набиты любимымъ духомъ и пѣкни великолѣпная покрывала муриуроваго цвѣта съ золотомъ. Столы не уступали въ роскоши: они были мраморные съ мозаикой, или изъ дорогого каменнаго либо пахучаго дерева; но устамъ дымилась благовонная куренка; столы гнулись подъ тяжестью золотой, серебряной и хрустальной посуды. Число гостей на этихъ пиришествяхъ всегда было ограничено; приглашенныя ѣли полулежа на ложахъ. Мальчики, всѣ одного возраста, модные и красивые, прислуживали за каждымъ изъ гостей; перемены блюдъ было не особенно много, но зато все было изысканное; первое — закуски, которыя состояли изъ блюдъ, возбуждающихъ аппетитъ: икра, редиска, дѣла фрукты въ родѣ сливъ и гранатъ входили тоже въ составъ ея; самымъ цѣннымъ изъ закусокныхъ блюдъ были иски селедокъ: на одну тарелку цѣнымъ изъ закусокныхъ блюдъ были иски селедокъ. Во второй переменѣ поднимался тоже инкантия блюда: лосинныя губы, жаренныя ланъ медвѣда, жареная рысь. Кстати сказать, — это самое старинное русское блюдо, теперь совсѣмъ забытое, употребляемо было при дворѣ царя Александра Михайловича — рысь не считалась тогда несвѣдливой: мясо этого звѣра отличалось бѣлизною. Затѣмъ шли жаренныя въ меду и маслѣ кукушки, паштетъ медовый и свѣжакъ печенъ галууса; третья перемена была — устрица, дичь, паштетная орѣхами, свѣжакъ финовыми ягодами. Какъ салата, здѣсь поднимались соевые персики, очень рѣдкіе тогда ашиса въ укусъ и т. д.

Если гость чувствовалъ себя сытымъ, то онъ, какъ древній эпикуреецъ, прекратилъ себѣ въ ротѣ перомъ, производилъ тошноту и делалъ мѣсто для новой пищи. Этотъ обычай за ужиномъ повторялся не разъ, даже послѣ каждой перемены блюдъ, и не считался въ то время неприличнымъ. Послѣ ужина шла попойка. Наши русскіе шутки, что бы разбудить жажду, ходили даже въ баню и ѣли тамъ пашетную шкуру. У древнихъ въ томъ случаѣ дѣло доходило и дальше, и пашетные животны

до питья вина и минималицикуту, чтобы страх смерти заставлял больше пить; другие и тулечную немзу и даже кувались в грижи.

Латинские и греческие поэты научали древних надбывать, во время попойки, на голое тело вбрасывать из двитонь: существовало поверье, что цыбты уничтожают мучбы. Лучшей зеленью в этом случае считалась трава сельдерея. Наши русские энцикурефцы тоже вбрасывали свои головы вбрасывали и, снимая нудные парики, умащали свои головы душистыми мазями. Иногда, по распоряжению хозяина дома, на столы приносилась мертвая кошка, но при виде годного скелета иной шитухъ не робкть и, слегка задумавшись, еще сильнее, какъ бы съ гори, начинать пить.

На такихъ попойкахъ гости избирали царя пира, — царь пира отличался способностью пить много вина, отъ долженъ былъ пить неустанемо и ему безусловно подпокались все гости. Такимъ царемъ пира въ Екатериносское время явился некогда тульский купецъ Иванъ Гавриловичъ Рожковъ. Помимо этой особенности, Рожковъ отличался своимъ умениемъ пить русскую ибсенъ; голосъ у него былъ бархатный; не одинъ графъ Строгановъ звалъ его на свои заграничныя ширинки — графъ Безбородко считалъ его своимъ постояннымъ гостемъ и каждую недѣлю доставлялъ и себѣ, и своимъ посетителямъ удовольствие послушать этого очаровательнаго русскаго артиста-торговца. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что если хотѣли похвалить какого нибудь ибвца, то говорили о немъ: онъ пьетъ, какъ Рожковъ.

Царь ибсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главными, помимо способности пить много вина, были еще необыкновенныя удальство и смелость, которыя и доставляли ему покровительство тогдашнихъ знаменитыхъ гулякъ. За него нередко держали огромныя пари и зклады, и не было примѣра, чтобы проигрывали. Такъ разъ графъ В. А. Зубовъ держалъ за него зкладъ въ тысячу рублей, что Рожковъ верхнетъ на сибирскомъ своемъ иноходцѣ изѣдетъ въ верхній этажъ одного дома въ Мещинской улицѣ, гдѣ жила одна изъ дамъ полусвѣта, и Рожковъ не только выйдетъ, но, вынимъ зашномъ бутылку шампанскаго, не слѣзая съ лошади, тово за лестнично съхватитъ обрѣтно на улицу. «Когда я выйдетъ къ ней въ фатеру, разсказывалъ Рожковъ, — меня окружили все гости, всея зятывають до десяти будеть, да и кричатъ: браво, Рожковъ! шампанскаго! И всея ливрейный лакой подаетъ мнѣ на подносѣ палитый бокалъ; то барыня сама схватила этотъ бокалъ и вынула не поморщи, промовивъ: это за твоѣ здоровье, а тебѣ поддуть цѣлую бутылку».

Имена многихъ литераторовъ и художниковъ конца прошлаго столѣтія и первыхъ лѣтъ нынѣшняго тѣсно связаны съ именемъ графа Строганова. Начиная съ Фонвизина и Державина и кончая Крыловымъ и Гиббеломъ, и почти все художники находили въ немъ истиннаго покровителя и цѣнителя своихъ произведеній. Духовный наставникъ композитора Бортинскаго былъ одеть изъ его приближенныхъ друзей. Талантливыи стро-

итель Казанскаго собора Вѣроухинъ былъ воспитанникомъ его. Преданіе говоритъ, что самъ Строгановъ при постройкѣ этого храма трудился безъ устали и, не смотря на свое хилое уже здоровье, вѣрчался по лестямъ осматривать постройки. Народное поверье гласило, что графъ, какъ строитель, немногими днями переживалъ освященіе новаго храма, и точно—15-го сентября 1811 года храмъ былъ освященъ, а ровно черезъ двѣнадцать дней графъ Строгановъ скончался. Говорили, что графъ самъ твердо вѣрнулъ въ это предопредѣленіе и послѣ окончанія вечерней службы въ соборѣ подошелъ къ митрополиту подъ благословеніе, произнося: «Нашъ отпущаени раба твоего, Владыко, съ миромъ». Умирая, Строгановъ выразилъ свое послѣднее желаніе, чтобы и отпѣваніе его окончилось происходило въ томъ храмѣ, гдѣ у него явилось предчувствіе о своей смерти. На похородахъ графа присутствовалъ самъ императоръ, вмѣстѣ съ августѣйшимъ семействомъ, и сопровождалъ гробъ его до могилы, которая находится въ Александровской дачѣ.

Биографъ Строганова, П. Колмаковъ, разсказываетъ, что за графомъ есть еще большая заслуга: когда онъ былъ директоромъ Публичной Библиотеки, то, по переводѣ ея въ Петербургъ изъ Варшавы, у лица, производившихъ разборку книгъ, явилось предположеніе, не слѣдуетъ ли предать сожженію все книги, которыя по своему содержанию и направленію противны нравственности и политическому настроенію того времени. Строгановъ всею своею мощью вѣстать противъ такого варварскаго проекта.

Много говорили также въ прошедшемъ столѣтіи о лукулоскихъ обѣдахъ, дававшихся кнземъ Н. В. Реннинымъ въ Варшавѣ. Реннинъ былъ одинъ изъ блистательныхъ вельможъ вѣка Екатерины II, отличавшихся властительными заманками. По словамъ современниковъ, онъ игралъ въ Варшавѣ болѣе значительную роль, чѣмъ король. Англійскій поэтъ Джемеръ Гаррисъ, видѣвшій его ежедневно, говоритъ: ничего не могъ быть поразительнѣе высокомерія его съ самыми великими лицами и съ преувеличенной допелзы любезности съ женщинами. Въ застѣнкахъ онъ зятывалъ каждому ротъ, говори: «такова была императрица». Онъ обрѣцался такъ же безцеремонно со всеми, даже съ королемъ. У него былъ маскарадъ. Король, для начатія танцевъ послѣ ужина, хотѣлъ подѣлать, чтобы столы изъ ужинной залы были вынесены, потому что это была самая большая комната. Реннинъ, напротивъ тому, хотѣлъ, чтобы танцы начались сейчасъ же въ другой залѣ и всталъ на своемъ мѣстѣ и спокойно сталъ танцевать.

Въ театрѣ актеры ожидали прихода князя Реннина, чтобы получить предостереженіе даже тогда, когда король уже сидѣлъ въ своей ложѣ въ партерѣ. Реннинъ въ среду на Страстной недѣлѣ назначилъ спектакль въ Варшавскомъ театрѣ, но, кромѣ его и его свиты, зрителей много не было.

1803/4

Иностранец князь Карл Радзивилъ, великій гетманъ литовскій, бывшій одно время врагомъ Екатерины II и вывешенный на сѣчу несчастною самоубийкою князю Тараканову, не смотря на все свое своеволие, побиенный Россіей. Одинъ разъ, когда сеймъ былъ въ сборѣ, чтобы поддержать кутявство Радзивила отъ безобразнаго поведенія, онъ поставилъ въ его домѣ цѣловника съ командою изъ шестидесяти человекъ.

Въ день рожденія Екатерины Реннинъ далъ предписаніе, на которомъ было болѣе трехъ тысячъ замаскированныхъ гостей и при этомъ было вино, крѣпъ множества другихъ винъ, тысяча бутылокъ шампанскаго. Двѣдцать чашъ поварами едва успѣвали готовить ежедневно кушанья для огромнаго числа посетителей его дома. Комнатные дворяне (послѣдцы) служили у него во время обѣда съ тарелками въ рукахъ; они стояли за креслами князя, услуживая при столѣ и раздѣляя на воздухъ пудринки и прочее.

Пасхальная столъ Реннина ничѣмъ не отличался отъ такихъ же столовъ королей Сигизмунда и Владислава. На средній огромнаго стола лежали цѣлѣный агнецокъ, изображавшій агнца Божія. Это блюдо, по польскому обычаю, могли есть только дамы, высшій свѣтскій и духовный лицъ. Затѣмъ стояли четыре большихъ кабана, соответственно четыремъ временамъ года. Внутри каждаго кабана были колбасы, куски ветчины и баранины. Двѣдцать оленей съ золочеными рогами, зажаренные тощая, оленины и париченные дичью, изображали двѣдцать мѣсяцевъ года; иногда въ перемѣжку съ оленями лежали и зубры, убитые въ Бѣловѣдѣйи пунці. Возвругъ этихъ чудесъ кулинарнаго искусства было 365 кушечей; кѣтъмъ мажурки, жмудскіе пироги и лепешки, украшенные сушеными въ сахарѣ фруктами. За ними столько же бѣбъ; бѣбы эти украшены были перьями и надписями. Четыре большія стощи съ виномъ изображали тоже четыре времени года; вино въ нихъ было отъ старыхъ временъ. Двѣдцать серебряныхъ большихъ кубковъ съ виномъ изображали двѣдцать мѣсяцевъ въ году, 52 маленькихъ боченка, наполненные виномъ неманскимъ, кирекскимъ и итальянскимъ, соответствовали пятидесяти двумъ недѣлямъ въ году, 365 бутылокъ съ винарскими именами означали число дней въ году. Для прислуги ставилось 8,760 чашекъ меду, соответственно числу часовъ въ году.

Такое шествое и такъ обширное патріархальное кормленіе безпорочно было зимостояно Реннинъмъ у поляковъ; впрочемъ, кухня послѣднихъ у насъ уже тогда входила въ моду въ Москвѣ со времени Дмитрія Самозванца. Королевныя говорятъ, что жена послѣдняя, Марина Мининская, особенно отличалась своимъ дѣловымъ столомъ. У насъ встарину дослѣности при столѣ занимали столынки. Они носили кушанья и подавали вино; одинъ изъ нихъ, повелѣннѣе, какъ говоритъ П. Заблѣнскій, сваривать вино, т. е. приготавливать къ столу и вообще распорядился винами, другимъ — пить и разливать. Съ большимъ великолѣпіемъ и обряд-

ностью царскіе столы давались иностранцамъ послать; тогда въ столицѣ устраивалось ижебольно постановленіе: государевъ, боярскій, посольскій съ винами и частками. Число столынищъ и дворнягъ, которые свѣрды въ столѣ пить носили и чать ставились, доходило иногда до сотни и болѣе. Постѣ царскихъ столовъ спривилался всегда государевъ чаша, то есть пили государеву здоровье, при чемъ царь самъ поднималъ бокалы чашу, къ которой они и подходили по порядку родовою старшинства, т. е. такъ, какъ сидѣли за столомъ.

Перѣдко государь посылать обѣды къ иностранному послу на домъ. Въ «Дворцовыхъ разрядкахъ» сохранились довольно подробныя описанія такихъ случаевъ: такъ царь Михаилъ Овдоровичъ, посылалъ столыника Собакина къ Якову Русселю, вѣмчину короля шведскаго Густава, посылать столынику, прѣхавшъ къ нему на дворъ, вѣдти иль сапей у Актиницы и идти къ Русселю въ хоромы, а за собою вѣдѣть постѣ свѣтеры и судки (сѣдонку, укушенцу и перечинцу), и часту, и питье. Далѣе слѣдовало подробный церемональ, какъ свѣтеры на столѣ постѣти и судки поставити, и вина, и часту, и питье вѣдѣть подати и проч., и какъ, кени ковшъ питья, молвить: «о чашѣ великаго государя» и прочее.

Но, обращаясь опять къ прежнимъ временамъ, мы видимъ, что въ старой Москвѣ дуковскими обѣдами отличался сынъ графа Валентина Мусина-Пушкина, обладатель болѣе чѣмъ сорока тысячъ крестьянъ; онъ былъ первый по роскоши въ то время въ столицѣ. Никто не равнялся съ нимъ ни въ экипажѣ, ни въ парадѣ, ни въ обрѣдѣ жизни. На однихъ конфеты у него расходовалось въ годъ тридцать тысячъ рублей, а столъ его стоилъ ему болѣе ста тысячъ рублей; расточительность его на все рѣдкое слѣдствовало до того, что онъ выкармливалъ младенцевъ на трофейныхъ, а то и въ отъивающъ на сливахъ и джекагахъ въ лодкахъ, какъ новорожденныхъ младенцевъ. Домашнія его птица, предвѣщавшая къ столу на убой, въ корнѣ на мѣсто овса и крупы получала луненныя кедровые и грецкіе орѣхи и на волю, вмѣсто воды, сливки и рѣдкое вино. Поросятъ у него мыли ежеминутно и чуть ли не целыми, какъ грудныхъ дѣтей.

Также хлѣбосольно и открытымъ домомъ жила въ Москвѣ графиня Лиза Андреевна Остерманъ. Прѣхавшодухъ къ нему на обѣды, особенно по воскресеньямъ, иногда было до ста и болѣе персонъ, обѣда пода. Графиня почти девятидесятилѣтнимъ старикомъ сохраняла здоровье и полную память о прошломъ. Хлѣбосольство ея въ перѣ показывалъ почти ежедневнымъ; гостей за его столомъ умѣвали вести на убой; самъ Остерманъ ходилъ и смотрѣлъ, чтобы его гости князъ и вѣмчаны обѣда обѣдали у него до сорока и болѣе. Во все время стола грѣлка музыка въ хорѣ, и когда за столомъ преобладали дамы, то въ конѣ обѣда графиня вѣдѣла на хоры, давать звать въ лодонн, чтобы и чашаи другую музыку, и тогда грѣмѣть польскій—Годовскаяю, и гости хлѣбны иль-за стола,

титулием парам и в гостиную и далее по заламъ. Обыкновенно же, если у него не обѣдывали дамы, музыка кончалась съ десертомъ.

Своими роскошными обѣдами и празднествами въ былое время въ Москвѣ славился также и богатый чуждкъ Прокопій Акинфиевичъ Демидовъ; въ его домѣ на Касперовъ, гдѣ теперь Елизаветинскій институтъ и школа топографовъ, было собрано столько диковинокъ, мраморовъ, картинъ и рѣдчайшихъ коллекцій, что, какъ говорили тогда, Демидовъ обобралъ всю Европу. Дѣйствительно, оригинальнѣйшій Демидовъ, путешествуя заграничней, не забывалъ на покупку денегъ; такъ, проехавши въ Саксоніи, онъ удивлялъ тамошнее население какъ закупщикъ на ихъ рынкахъ всего предоклемаго тамъ, повидному, вовсе ненужнаго для него, такъ и роскошными своими, по руской натурѣ, угощеньями; сидѣвшіе за его огромнымъ столомъ гости говорили другъ другу на ухо: «Какой мотъ! Съ чѣмъ-то онъ выгнать отсюда?» Между тѣмъ, Демидовъ велухъ смѣлился надъ бѣдностью столичнаго нухъ города, Дрездена, говоря, что некуда ему дѣвать адѣй денегъ: купить нечего. Если вѣрить Кастера, то онъ устроилъ въ Петербургѣ, въ 1778 году, такой народный праздникъ, который, вследствие немѣрной вынуждѣ, былъ причиною смерти болѣе пятисотъ человекъ.

Богатый чуждкъ Демидовъ ридить въ ливрею прислуживающихся за столомъ лакеей такъ, что она бросалась всемъ въ глаза: одна половина ея синкалась изъ сатуновъ, другая—изъ самаго грубаго сукна; одна нога лакея обуклась въ шелковый чулокъ и изящный банмакъ, другая—въ лапотъ. Въ великолѣпный садъ его, въ которомъ было собрано болѣе двухъ тысячъ рѣдкихъ растений, допускались все; но, замѣтивъ, что дамы въ немъ руютъ плетъ и рѣдкіе цвѣты, онъ однажды свилъ все статуи и на мѣсто ихъ поставилъ обнаженыхъ мужиковъ. Разгнѣванный за что-то на одного изъ своихъ зителей, онъ прислать къ нему на званый обѣдъ напосланнымъ вербеницами мѣшокъ и живую свинью, приказавъ ее уложить за столомъ, такъ бы его самого.

Пригласилъ тогда рязъ къ себѣ на обѣдъ всю тогдашнюю знать. Накачивъ онъ, привелъ маляровъ, приказавъ выбкнить у себя все комнаты кромѣ столовой и устроить передъ каждою дверью лѣса. Явившимся на званый обѣдъ хозяйнѣ объявилъ, что рабочихъ навели въ его домъ, въ его отсутствіе, и гости должны были нѣсколько разъ сгибаться подъ лѣсами, пока, лакеи, дошли до столовой.

Въука этого Демидова, Павла Григорьевича, называли скунымъ, потому что онъ не дѣлалъ обѣдовъ и третилъ на себя не болѣе 6—7 рублей въ сутки и возмилъ жить крайне воздержанно: поутру обыкновенно пилъ чашку кофе или шоколаду; обѣдъ его состоялъ изъ самаго тонкаго бульона и одной коллетки, изъ которой онъ сосалъ только соевъ. После обѣда пилъ, шило, чай съ молокомъ по одной чашкѣ, а лѣтомъ—виселье молока по 6 дозакъ; хлѣба употреблать не болѣе четверти фунта въ сутки; зѣло любилъ славіе фрукты, которыми и снабжала его

собственной оранжерей. Этотъ Демидовъ былъ человекъ стробой чистоты, дѣлалъ также много добра и оставилъ себѣ богатую библіотеку. Онъ оживилъ Демидовскій лицей въ Ярославлѣ.

Роскошничество нашихъ вельможъ для простыхъ смертныхъ иногда выходило очень прилично. Такъ, существуетъ анекдотъ, какъ у нѣкоторыхъ изъ такихъ кившей міра всегда обносили слуги во время обѣда одного или екронныхъ гостей. И амфитрионъ узнать объ этомъ только тогда, когда на вопросъ его—все ли онъ съѣлъ, несолоно любившій гость отвѣтилъ: «благодарю, занае сѣятельство, все видѣлъ». Другой такой же вельможа, графъ Алексѣй Орловъ, на свои обѣды принималъ только дворянъ въ мундирахъ, и если находилъ не чиновника и не въ мундирѣ, то подумдиль и спрашивать его: «отъ кого вы, батюшка, присланы?»

Многіе изъ нашихъ помѣщиковъ встарину строго соблюдали посты, и по средамъ и пятницамъ не ѣли скоромнаго; у такихъ были и поваря, которые готовили одно постное, а у нѣкоторыхъ богатыхъ доходило и до того, что для каждаго кушанья былъ особый поваръ. Такъ, у известнаго экецентрика Головина было ихъ чуть ли не тридцать, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ самъ приносилъ свое кушанье на столъ барина. Такіе повара, постави блюда, снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили. Обѣды у этого помѣщика тинулись по три часа; онъ садился обѣдать за столъ непременно со своимъ приходскимъ свещеникомъ, который и благословлялъ трапезу. Кушаній за столомъ считалось семь, но число блюдъ доходило до сорока и болѣе. Служили официанты, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ вынуренными волосами и длинными бѣлыми косыками на шеѣ. После стола въ гостиную ожидали гостей сотни блочечекъ съ десертомъ или «каждками», въ родѣ пастилы, варенья, моченыхъ яблокъ, грушь и т. д.

Мороженое у насъ на вечерахъ стало подкаться только въ началѣ нынѣшняго столѣтія и пржде о немъ не знали. Анахасы начали реводить также не болѣе какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Первый, какъется, живилъ культурой ихъ въ Москвѣ богатый купецъ Гуситниковъ, вышедшій потомъ въ дворяне. Анахасы нстребляли во мнѣжествѣ старшій сынъ графа Завадовскаго; послѣдній ѣлъ ихъ не только сырыми и вареными, но даже кашеными: у него анахасы рубили въ кадушкахъ, какъ простую кашу, и дѣлали потомъ изъ нихъ щи и борщи; этотъ Завадовскій умеръ въ полвѣканіи, близкомъ къ нынѣшнѣ. На кухнѣ этого гастронома готовили поваря въ ихъ національнѣстѣ и были, какъ и у Потекина, даже простые мужики-повари подовахъ ироектомъ и греченикомъ; кисель Завадовскаго славилась въ былое время на всю Россію.

Въ глухой провинціи въ свое время было не мало помѣщиковъ, любившихъ дурную поветъ; такъ, въ Орловской губерніи, въ Мало-архангельскомъ уѣздѣ, жила генеральша Рагана, обѣдъ у которой длился

1803/6

Росси́йскіе музеи
и архивы
Биба Д 25794

1803/6

по семи часовъ, на столѣ подавалось до двадцати разныхъ кашъ изъ побольшихъ порціяхъ, приготовленныхъ изъ незрѣлыхъ зеренъ ржи, пшеницы и т. д., и маринадовъ и солений было безчисленное множество; въ сортахъ постельныхъ находились и такіе малосладобныя вещи, какъ сардинныя тарелки и свиргибуса. Генеральша эта была большая примерщица и вѣтромъ обыкновенно обѣдала на плоту своего пруда.

Въ томъ же уездѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, жили два брата Бо—ны; эти братья славилась своими превосходными аметимомъ. На обѣдъ ихъ готовилось не болѣе пяти блюдъ, но за то въ такомъ количествѣ, что послѣдніе могли угостить по одному десятку праздныхъ людей. Одинъ изъ братьевъ говорилъ про гуся, что эта птица самая неудобная, потому что одного гуся на жаркое мало, а двухъ много; братьямъ всегда къ обѣду жарилось три гуся. И вотъ, скушавъ ихъ вмѣстѣ съ двумя поросенками и тарелками пятаю борща или щей и гречневой кашки, одинъ изъ братьевъ начиналъ выдыхать; тогда другой говорилъ ему въ утѣшеніе:

— Не выдыхай, братъ, мы еще ужинать будемъ!

Чуть ли не на одного изъ этихъ братьевъ было написано слѣдующее стихотвореніе:

Вотъ нѣтъ я всегда хвалю,
Селянку былъ безъ принужденія,
Уху я тоже страсть люблю!
Зрѣть не могу безъ умиленія:
Книжки ко двору, бараний бокъ,
Крупною съ масломъ начиненный,
И лучшій вегетина въсокъ—
Суть три предмета несравненны.
Широкъ любимый мой есть тотъ,
Съ трудомъ въ рукахъ несутъ что тросъ,
Когда кладешь кусочекъ въ ротъ—
Насытитъ бы онъ и двою.
Про широкки что вамъ сказать:
Они шутками нечужды,
Но—чтобъ меня имъ насыщать—
Они лишь голодъ возбуждаютъ.

.....
Канусту, сваржку, кресь-салатъ,
Все, все считаю пустяками;
Черкасскій быкъ, теби ною,
Въ тебѣ зрю міра совершенство;
Ты увлекдешь жизнь мою
И выслать о тебѣ блаженство!

Превосходными гастрономическими ужинами въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ кормилъ и содержатели публичныхъ игорныхъ домовъ. У этихъ господъ все было исполнено съ извѣстнымъ блескомъ; кулинарумъ извѣстныхъ размѣровъ яви достигали въ одной улицѣ большого театра. Здѣсь были обитали одинъ богатый

одесскій грекъ чуть ли не на миллионъ рублей. Его заманили на роскошно приготовленное блюдо изъ откарныхъ куралей, выписанныхъ по пути съ береговъ Чернаго моря. Долго помнить этотъ грекъ петербургскія курали.

Но самой заслуженной славой большого гастронома въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, пользовался богатый тамбовскій помещикъ Рахмановъ. Получивъ двухмилліонное наследство отъ своего диди, извѣстнаго въ свое время игрока, онъ ухитрился его провать менѣе чѣмъ въ восемь лѣтъ. Но разскажишь, кухни этого гастронома отличалась всевозможными приспособленіями для кулинарнаго искусства, вся она выставка была для чистоты голландскими печами и водоу убишана широкими. Столъ этого необыкновенно тучнаго барина былъ баснословный, и иногда одинъ простой домашній обѣдъ для двухъ или трехъ гостей стоилъ не одну тысячу рублей. Рахмановъ имѣлъ качества, которыми обладать не всякій: тонкій вкусъ и умѣніе ѣсть приготовленные блюда. Особенно много у него было приложено старанія къ приготовленію домашней птицы; его цыплята, индюшки кормлены были особенной кашей съ трюфельми, а гуся постѣ выкармли, для увеличенія печени, подвергались различнымъ истязаніямъ; ихъ содержали передъ вылающими камнями, гдѣ они оборвали почти живые. Помимо для этой же цѣли травили аринными выродными щучками и т. д. Когда подавали на столъ Рахманову цыпленка, то онъ бралъ его въ руки и, немного помявъ, вынималъ изъ него всѣ кости, какъ изъ кошелька. Передъ нимъ на столѣ обыкновенно стояла огромная кружка вина. На столъ его подавались не всѣ части названныхъ нами птицъ; напримеръ, въ пуляркѣ онъ ѣлъ только верхнюю часть грудки, въ уткѣ тоже груднику и мозгъ, въ свиньѣ—вымя, въ борани—голову. Жирный раковый бискъ ему подавали замороженнымъ въ видѣ студни; ржан для этого тоже приготовлялись особенно: ихъ держали вмѣстѣ воды въ сливахъ съ фармакиномъ. Также необыкновенно вкусна у него была и простая гречневая кашка съ карли въ соку рабичномъ и съ рофоромъ. Рахмановъ почти каждый день изобрѣдалъ новыя блюда и въ роскоши стола старался превзойти даже римскихъ гастрономовъ. Постная блюда у него приготовлялись на миндаляномъ и кедровомъ мѣлѣ, сделанныхъ за полчаса. Изъ рыбъ онъ любилъ одну рѣдкую, какъ «шварфаубъ», которая довится только въ рѣкѣ Соосѣ, впадающей въ Дону; ее привозили ему живую на перекладныхъ; извѣстное «москвитъ» изобрѣтено Рахмановымъ. Лучшій его поваръ былъ изъ Желтыхъ деревень людей; это былъ своего рода великій артистъ; онъ жилъ въ услѣженіи у извѣстнаго изобрѣтателя автоматической стрѣлки А. П. Давыдова.

Азартные игры встарину.

Прохождение карт. — Первые колоды карт. — Игра в зернь, тален и шахматы в древности на Руси. — Законы и постановления против азартной игры. — Старинные карточные игры. — Пуэра-шюстраница. — Преследование игроков в Екатерининское время. — Картежные академики. — Ростовичики-мшляны.

Прохождение игральных карт термется в глубокой древности; козыбель игральных карт историки относят к арабам. Существует преданье, что карточная игра привезена из страны сарацинов, где именовалась «шанбъ»; другие утверждают, что карты явились к нам прямо из Индостана и записаны будто бы кобушонцами цыганами.

В Испании карты носят название «шансез», в Италии — «шанби». Слово «шанби» на арабском языке значит провоз. По другим сказаниям, карты пришли до нас из Китая и изобретены в Небесной империи задолго до Рождества Христова. Если карты пришли к нам из Китая, то можно сказать, что они на пути очень изменились. Китайские карты выривались на дощечках и рисовывались разными красками. Во Франции карты были в употреблении уже в начале XIII века.

Карты нынешнего вида изобретены, или, врибе, усовершенствованы в последней половине XIV столетия. Изобретателем их называют королевского шулера и живописца Жакелина Гренговера. Последний нарисовал три колоды для забавы слабоумного короля Карла VI. Карты эти для игры не были пригодны. На картах Гренговера, состоявших из фигур, тузов и восьмерки, королевскую корону имѣлъ только один бубновый король, изображавший короля Карла VI, все же прочие короли имѣли короны герцогскія. Валеты изображали влиятельных в ту эпоху придворных, дамы — фрейлины королевны, а никони дама и в то время была при дворе весьма интересна и имѣла на головѣ высокую шапку и вѣдь всю королю, а на ногахъ, вмѣсто пальцевъ, дьявольскіе когти;

изобразила она королеву Изабеллу Бургунскую. Карты были нарисованы съ большимъ искусствомъ; Гренговеръ получилъ за нихъ 1,500 золотыхъ сфринковъ.

Изобретенныя Гренговеромъ карты скоро получили печальную известность: ихъ стали употреблять для азартной игры въ Парижѣ, въ отелѣ Нельской башни. Отелъ этотъ скоро сдѣлался притономъ разврата, мошенничества и странной адекой карточной игры. Очень попятно, что первыя игральныя карты тамъ не были сдѣланы Гренговеромъ, но только по его образцу въ Нюрнбергѣ и Регенсбургѣ, художниками этихъ городовъ. Первоначальныя карты служили только для азартной игры, состоявшей въ слѣдующемъ: на карту извѣстной масти ставилась произвольная сумма, и если три или даже четыре карты той же масти непосредственно слѣдовали за другою, то поставленная сумма была выиграна. Въ 1397 году карты были запрещены какъ во Франціи, такъ и въ Германіи.

Самыя древнѣйшія карты: 17 картъ тарокко, называемыя «картами Карла VI», и карты «тарокко — Висконти», о времени появленія которыхъ можно заключить по шестой фигурѣ, на которой соединены гербы наваннаго принца и Беатриче-ди-Тенда, на которой онъ женился въ 1413 году и которую казнили въ 1418 году.

Самая древнѣйшая колода картъ въ Парижѣ хранится въ публичной библиотекѣ; она относится къ 1390—93 годамъ. Съ XV столѣтія распространилась карточная игра на деньги. Въ основаніи карточной игры лежала идея о сражающихся сторонахъ и первоначально состояла изъ восьми солдатъ (2—9 очковъ), валеа (valet), итальяйстера, королевны, дамы и короля. Тузы служили знакомъ каждого отдѣла. Карты имѣли различныя названія у разныхъ народовъ. Во Франціи королю, дамѣ и валеа давали имена историческія.

Въ Россіи карты, какъ и шахматы, зернь и тален, или шанби, были уже извѣстны въ XVI столѣтіи. Особенно процвѣтала въ эту эпоху зернь. Зернь были небольшія косточки съ бѣлою и черною сторонами. Выигранный опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ они, будучи брошены; искусники умѣли бросать ихъ такъ, что они падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предсудительнымъ преследованиемъ времени и въ каждомъ пакетѣ вездѣ предшествовало наказанію тѣхъ, кто будетъ заниматься ею.

Костомаровъ говоритъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ задержать въ деньгахъ однажды переселила эту пристрастную бѣду вѣсти; въ Сибири, въ 1667 году, зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преследованію. Допустить эти игры тѣмъ болѣе считалось предсудительнымъ, что они были любимымъ занятіемъ дворянъ, гулякъ, воеводъ, развратныхъ людей, пристрастившихъ

выигрыш были в карты или кубики, где имел для игры отведенный тайный каменный бани. Эти запрещенные игры особенно были распространены между слушавшими людьми. Русские распространили употребление их между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, а так как русские играли лучше инородцев, то оставались всегда в выигрыше и приобретали отъ себя дорогие меха.

Карты не были в таком большом употреблении, какъ зернь, но какъ зернь были допущены даже при дворе; такъ, при царѣ Михаилѣ Осодоровичѣ, для забавы маленькому Алексею Михайловичу съ своими сверстниками, куплены были карты. Что касается до шахматовъ, то эта игра была любимымъ препровождениемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили ихъ встарину, какъ и такел или шашки. Однако, бланкетисты и эти игры причисляли къ такой же бесовщинѣ, какъ зернь, карты и музыку.

Какъ игра въ зернь или въ кости, такъ и въ карты у насъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строго преслѣдовались и, наконецъ, совсѣмъ были запрещены. (См. ст. 15, 21 главы Уложения).

Императоръ Петръ Великій никогда самъ въ карты не игралъ и карточной игры при дворѣ связь не терпѣлъ. Но есть основаніе предполагать, что карточные игроки въ то время уже дѣйствовали. Такъ, по уставу Петра, въ арміи и во флотѣ не дозволялось проигрывать въ карты болѣе одного рубля. Петръ, впрочемъ, любилъ играть въ шахматы съ своимъ крестовымъ свидетелемъ Хризаноровымъ. — За искусство выигрывать партію царь прозвалъ его «ногъ битца».

Въ царствованіи императрицы Анна Ивановна при дворѣ входило въ моду игра въ карты и любимцы государыни, Виронъ и Остерманъ, играють на крупныя суммы съ иностранными послами. При дворѣ въ это время сильно царствуетъ развратная игра въ фаро и квинтиль. При императрицѣ Елизаветѣ азартныя игры не прекращаются: графъ Алексѣй Разумовскій почти ежедневно проигрываетъ большія суммы и въ нетрезвомъ видѣ даже пожелалъ женить своихъ партнеровъ. Щедрый и не дорожившій деньгами, онъ держалъ у себя въ домѣ большой банкъ и проигрывалъ тѣмъ, съ кѣмъ хотѣлъ подѣлиться деньгами. Стучалось, что иные изъ его гостей дѣлили съ нимъ его капиталами безъ его вѣдома и выносили деньги пожитыми друзьями и знакомыми.

Въ петербургскомъ обществѣ въ это время уже существовало много игорныхъ домовъ и одинъ изъ нихъ у Власеннаго, у извѣстной Дрезденши, въ то время былъ открытъ.

При Петрѣ III запрещенная игра не имѣла уже той силы; звать государь улажомъ и запрещаетъ играть въ фаро, квинтиль и въ прочія всякія азартныя игры, а только позволяетъ употреблять игры въ игорныхъ домахъ и то не на большія, но на самыя малыя суммы денегъ, и не для выигрыша, но единственно для препро-

провождения времени, какъ-то: въ ломберъ¹⁾, въ кадрилию²⁾, въ шнеть, въ конгру³⁾ и въ памфиль⁴⁾.

Въ царствованіи императрицы Екатерины II входитъ въ моду слѣдующія карточные игры: реть, вентъ-эигъ, кучки, юрдыль (самая азартная: отъ нея происходятъ имя пролордонилес), гоки, макоу, шнеть, три и три, рокамболь, тонтеръ, а-ла-мушь и совершенно выходятъ или моды старинныя игры, какъ: тресеть, баетъ, шивиль-шмапъ-шнуль, жарыль, дурочки съ парь, дурочки въ навалку, дурочки въ дѣл карты, ерники или хрюшки, три листка и семь листовъ, поски и никитинныя.

Екатерина II въ Уставѣ Благочинія (8-го апрѣля 1782 г.) запрещаетъ играть картами или шмапъ чѣмъ въ игры, основанныя единственно на случай или «азартныя» и предлагаетъ администраціи слѣдить, чтобы никто не могъ: 1) домъ свой или нанятой открыть днемъ или ночью игрокамъ и ради запрещенной игры; 2) въ домѣ, открытомъ днемъ или ночью, игрокамъ и ради запрещенной игры играть; 3) отъ запрещенной игры имѣть единственное пропитаніе; 4) кушамъ или ремесленникамъ, или мажерамъ быть или находиться тутъ при запрещенной игрѣ или въ той игрѣ записывать, или счетъ держать, или замѣчать чѣмъ, или способствовать игрѣ, или для той игры носить съ собою, или посылать, или въ займы дать, или брать, или обшарить, или инако прямо, или стороною доставить для той игры золото или серебро, монетою или въ дѣлѣ, или ассигнаціями, или мѣдными деньгами, или драгоценныя каменья въ дѣлѣ или не въ дѣлѣ, или вѣщи, или иной товаръ, казого бы званія ни былъ, или веселье. 5) Въ игрѣ во всякой употребить воровство—мошенничество.

Замѣчательно, что въ законахъ противъ игръ въ прошломъ столѣтіи обозначаемы были поименно игры, признаваемыя запрещенными; потому было прекращено именованіе ихъ, въ томъ, конечно, убѣжденіи, что игроки могутъ и простымъ игрокамъ придавать свойства азартныхъ.

Еще ранѣе этого указа, въ 1771 году, указомъ отъ 13-го октября, воспрещено было платить долги по карточной игрѣ и вѣдно отказывать въ уплатѣ денегъ кредиторамъ, если зайдено на игру давали оныя. Въ этомъ указѣ сказано было, что «отцы и матери дѣтей поодѣленныхъ платить за нихъ долговъ карточныхъ поновиннымъ и старымъ отъ сѣхъ послѣднихъ вековъ и закладнымъ почитаются не дѣйствительными».

Шулеровъ въ Екатерининское время было множество; особенно этой профессіей занимались разныя иностранцы-аукционеры.

Во время пребыванія Екатерины II въ городѣ Мозель и даже въ

¹⁾ Начало этой игры идетъ изъ Испаніи, названіе правильное «Гомберъ».

²⁾ Родъ ломбера четверою.

³⁾ Тоже, что лаетъ (jeu de la lété).

⁴⁾ Названа такъ отъ червоннаго жала «памфильомъ»; въ низшихъ классахъ эта игра вонята «фила», филей, претъ фетъ или прето и т. д. въ драчки.

...и пріиди за ...
...и здѣсь, ...
...и блѣхъ ...
...и пріиду, ни послѣ ...
...и Россіи не близко.

Одинъ князь ... проигралъ тогда все свое состояніе, равнявшееся ...
...и здѣсь на зеленомъ полѣ отличались ...
...и Зановичи. Эти искатели приключеній казали ...
...и Венеціи и ихъ портреты, за разными ...
...и были тамъ похищены на вѣкшицѣ рукою палача.

Зановичи, ... были уличены у насъ въ поддѣлкѣ дальнихъ ...
...и Зановичъ былъ исключенъ въ Москвѣ у ...
...и 700,000 дальнихъ ...
...и въ ...
...и 1789 г., по малому ...
...и, гдѣ, разными ...
...и услуги русскимъ, за что были освобождены и высланы за границу.

Не менѣе такой известностью крупнаго шулера пользовался въ Ека-
...и баронъ Жерамбо. Онъ ходилъ въ какомъ-то ...
...и, обшитомъ серебромъ; на груди у него ...
...и латинскіе стихи и надпись на соборѣхъ,
...и самый ловкій, и если ктонибудь ему ...
...и до послѣдней рубашки.

Но, не смотря на строгіе законы и заповѣди, азартная игра въ цар-
...и велась даже при дворѣ, а отъ двора распростра-
...и въ всѣхъ ...
...и Антверпенъ въ своихъ запискахъ ...
...и хотя были запрещены закономъ, но при-
...и на то смотрѣло сквозь пальцы.

Случилось однажды, что императрица иногда и преслѣдовала игроковъ.
...и 1795 года къ московскому главнокомандую-
...и Измайлову, да предписываетъ: «Коллежскихъ ассесоровъ Тенюна и ...
...и Ронштейна, подпоручика Волкина и секрет-
...и послать въ уѣздные города Вологодской ...
...и Вятской губерній подъ присмотръ городничихъ и воевъ при томъ имена ...
...и отъ обмана ихъ остерегаться». ...
...и было отобрано векселей, ломбардныхъ билетовъ и ...
...и на 150,000 рублей и, кромѣ того, множество золотыхъ и ...
...и бриллиантовыхъ вещей. Всѣ эти богатства приказано было: «яко стязаніе, ...
...и ему не принадлежащее, отдать въ ...
...и Московской губерніи на употребленіи ...
...и и во».

В томъ же году Кингъ-Камарскій писалъ къ князю Куркину:
...и о царскихъ академичѣхъ переборѣ. Ежедневно

привозить ихъ къ Измайлову; дѣйствіе сіе въ моихъ глазахъ, ибо намѣст-
...и въ мои житья. Есть и дама...»

Черезъ нѣсколько дней онъ пишетъ опять къ Куркину: «Академики ...
...и за собою присмотрѣ, многіе по дѣламъ ...
...и скрылись».

Изъ разсказовъ современниковъ видно, что въ Екатерининское время ...
...и по вечерамъ читали башки, и тогда уже казен-
...и болѣе и болѣе находились въ рукахъ крестьянскихъ душъ.
...и въ первое время послужило дворянству это учрежденіе де-
...и долговременнаго кредита. Двѣдцать миллионъ, выданные помѣ-
...и, повели еще къ большому развитію рожони и рожденію дво-
...и. Быстры и вѣсны были переходы отъ рожони къ рожденію.

Въ большомъ свѣтѣ завелись рожовники-мѣшаны; днемъ рожовники ...
...и въ каретахъ по домамъ съ корзинами, наполненными рожовыми бѣ-
...и, и промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоцѣнные камни,
...и вечеромъ увиделись около тѣхъ несчастливцевъ, которые проигрывали ...
...и, давали подъ зломъ вещей деньги и выманивали у нихъ ...
...и средства.

У Загоскина въ воспоминаемыхъ находимъ описаніе одного изъ та-
...и происхожденія, оставшаго бригадиромъ, ...
...и, промотавшаго четыре тысячи душъ наследственнаго имѣнія.
...и на однихъ изъ москов-
...и, гдѣ въ ту эпоху подобный рожовникъ-
...и принадлежностью.

«Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый рожовыми глян-
...и вещами; золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, була-
...и и всякія другія блестящія бездѣлушки разложены были весьма ...
...и по всю длину стола, покрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ ...
...и старикъ съ панурной головой, въ черномъ фракѣ и шитомъ ...
...и рожовыми перлами атласномъ камзолѣ. Парушность этому старика была ...
...и судя по его благородной и даже нѣсколько ари-
...и, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ ...
...и за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ, потому что онъ пре-
...и при насъ двумя дамами: одной золотое колечко съ бирюзой, а дру-
...и небольшое черепашковое опахало съ золотой насѣчкой; третья, борзанинъ ...
...и семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои ...
...и сережки и сказала:

«— Вотъ возмите! Маленька позволила мнѣ промѣнять мои сережки.
...и, воли ваша, вы много выли придани: цѣна, десять рублей мнѣ!»

«— Ну, вотъ еще, много! сказала продавщица. — Да твои-то сережки и ...
...и пяти рублей не стоятъ.

«— Ахъ, что вы, князь! возманила барышня. — Да и за нихъ двадцать ...
...и пяти рублей заплатила...»

II.

Игра въ брилліанты — Игроки: Потемкинъ, Чертковъ и Левашовъ. — Случай съ П. Б. Писекомъ. — Грота и картамъ. — Шутки и анекдоты. — Карточные откупщики Злобинъ и Чебококовъ. — Число карточныхъ фабрикъ въ Петербургѣ. — Иностранная колода картъ. — Радальница на картахъ: Ленорманъ, Штольцъ и Мароуша.

Императрица Екатерина II играла сама въ карты, по большому частію съ чужеземными министрами или съ тѣмъ, кому приказать; для такой игры карты подкаланы гостямъ, но назначенно, камеръ-лакеи, по случаю, что на парадныхъ и торжественныхъ вечерахъ государыня играла, раскладываясь брилліантами. Такъ, на праздникъ Азора, въ комнатахъ Эрмитажа, 13 февраля 1778 г., данного въ честь рожденія персидскаго внука императрицы, рождены были избранными гостями афинши отъ имени «Азора, африканскаго дворянина», который, «какъ представитель страны золота, серебра и драгоценныхъ камней и чудовищъ, не могъ выбрать минуты болѣе благоприятной для своего праздника, какъ такое время, когда земля, небо, воды и великаго рода твари призваны ознаменовать блестящую эпоху». Далѣе сказано, что на каждомъ изъ столовъ, приготовленныхъ для игры въ маза, будетъ стоять коробка съ брилліантами, и каждая девятка будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ. Императрица въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму расклевываетъ, что на этотъ вечеръ гости подились по узенькой лестницѣ въ комнату лакея, и верой въ золото и драгоценные камни были особенно поразены дипломаты — *les soures aux rois*). После полуторачасовой игры гости подѣлили между собой оставшіеся брилліанты. Въ соединеніи залахъ въ этотъ вечеръ горѣли два огромныхъ вазели «А» изъ самыхъ крупныхъ брилліантовъ и жемчуговъ, а подъ ними стояло двадцать нажеи, одѣтыхъ въ глаза, съ голубыми шарфами черезъ плечо. Въ видѣ десерта прѣзизъ зеркаль стояли въ разныхъ сосудахъ сервиза Бретейя все драгоценныя камни четырехъ знаковъ Эрмитажа. Несомненно, что подъ именемъ Азора явился переодѣтымъ самъ князь Потемкинъ, который былъ устроителемъ праздника. Кому бы могла войти въ голову такая развратная затѣя, какъ игра въ брилліанты, какъ не князю Писекову; великодушный князь Тавриды часто, играя въ карты, только одинъ могъ играть, не деньгами, а брилліантами.

Про большую игру въ карты Потемкина существуетъ нѣсколько анекдотовъ. Любимымъ его партнеромъ былъ одинъ калмыкъ, который имѣлъ привычку всегда говорить ты и приговаривать: «я тебѣ лучше скажу». Съ тѣмъ крупною игрою и игрались со всеми вельможами.

У этого имени государыня называетъ дипломатомъ.

Однажды, контируя съ какимъ-то знатымъ молдавшиномъ противъ калмыка, Потемкинъ игралъ несчастливо и, разгорячившись на поводу, вдругъ съ нетерпѣніемъ сказалъ банккету:

— Надобно быть сущимъ калмыкомъ, чтобы метать такъ несчастливо.

— А я тебѣ, возразилъ калмыкъ, лучше скажу, что калмыкъ играть какъ князь Потемкинъ, а князь Потемкинъ, какъ сущій калмыкъ, потому что сердится.

— Възъ насилу-то сказать ты «лучше!», подхватилъ, захохотавъ, Потемкинъ и продолжалъ игру уже хладнокрѣвно.

Въ другой разъ Потемкинъ наказалъ одного изъ своихъ партнеровъ довольно строго за то, что послѣдній, пользуясь его разсѣянностью, обманывалъ его несчастнымъ образомъ.

— Штъ, братецъ, сказалъ ему Потемкинъ, — я съ тобою буду играть только въ плевки; приходи завтра.

Приглашенный не преминулъ явиться.

— Пятой на двадцать тысячъ, сказалъ князь.

Партнеръ собралъ все силы и плонулъ.

— Выигралъ, братецъ; смотри, я дальше твоего поса плевать не могу! произнесъ Потемкинъ, отдавая проигранный.

Императрица Екатерина II часто, играя въ карты и дѣлая ошибки, терпѣливо сносила выговоры отъ своихъ партнеровъ. Камергеръ Чертковъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать ей такіе выговоры; а рѣшъ, играя съ нею и проигрывая, забывалъ до того, что съ досады не означилъ игры и бросилъ карты на столъ. Императрица ни слова не сказала ему и, когда кончился вечеръ, встала, поклонилась и молча ушла въ палату. Чертковъ просто остоленѣлъ отъ своего поступка. На другой день, когда гофмаршалъ вызывалъ лицъ, которая были назначены къ ея столу, Чертковъ стоялъ въ углу ни живъ, ни мертвъ. Когда гофмаршалъ произнесъ его имя, онъ ушами не вѣрилъ, и когда робко и нерѣшительно подошелъ, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла съ нимъ по комнатѣ, не говоря ни слова. Возвратясь же къ столу, сказала ему:

— Не стыдно ли вамъ думать, что я могла быть на васъ сердита? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себѣ никакихъ непріятныхъ слѣдовъ.

Какъ мы уже упоминали, Екатерина не долбилася азартныхъ провозовъ. Про нихъ она говорила: «Эти люди никогда не могутъ быть полезными членами общества, потому что привыкли къ праздной и развратной жизни. Они хотятъ всю жизнь свою провести въ этой пагубной игрѣ и, такимъ образомъ, лишая себя всего своего имѣнія и вѣсколко объ этомъ не заботясь, дѣлаютъ несчастными и другихъ, которыхъ они обманываютъ и вовлекаютъ въ игру».

Наконецъ для игроковъ въ Екатерининское время была арестъ въ тюрьмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Но иногда прибѣгали и къ болѣе

крутыми мѣрами. Такъ, узнавъ, что въ Москвѣ завелась карточная игра, она приказала къ главнокомандующему: «Иностранцевъ высылайте за границу, а если нужно будетъ, то принлите къ нимъ именную статью. И велю публиковать объ нихъ въ газетахъ, чтобы великій мѣръ ихъ остерегаться, зная ремесло ихъ».

Существовали преданія, что паны общественные клубы учреждены были въ ея время для того только, чтобы имѣть надзоръ за азартными играми. Такъ, не рѣдъ появились въ то время указы, гласящіе, что клубы посѣщаютъ люди не только такіе, что идутъ въ длинные зимніе вечера средству лишь «развѣшивать мысли свои», но и такіе, которые выдаютъ въ «подле поступки» и особенно умножаютъ страсть къ карточной игрѣ.

Императрица знала всѣхъ своихъ придворныхъ, которые вели крупную карточную игру. Узнавъ, что у ея статсъ-секретаря Попова по почтѣмъ съезжаютъ для большой игры, она спросила его:

— Игрете ли вы въ карты?

— Играю, государыня, отвѣчалъ онъ.

— Въ какую игру?

— И въ ломсѣрь (Gombré) играю.

— Выигрываетъ ли вы ломсѣрь, разсѣявшись, сказала императрица.

До свѣдѣній Екатерины дошло, что генералъ Левашовъ ведетъ большую азартную игру. Государыня при встрѣчѣ говоритъ ему:

— А вы вѣстаете, не смѣри на заиреніе, продолжаете играть?

— Выножать ваше величество, играю иногда и въ коммерческія игры.

Двусмысленный отвѣтъ обезоружилъ гнѣвъ императрицы.

Этотъ В. П. Левашовъ не измѣнилъ своего образа жизни до самой смерти и то-есть выигрывать и проигрывать большія деньги.

Уже подѣляясь въ царствованіе императора Александра I, Левашовъ былъ замѣчанъ въ какой-то крупный проигрышъ. Государь, встрѣтивъ Левашова, сказалъ ему:

— Я слышалъ, что ты играешь въ азартныя игры?

— Играю, государь, отвѣчалъ Левашовъ.

— Да какъ же не читать указа, данного мною противъ игроковъ?

— Читалъ, ваше величество, возразилъ Левашовъ, — но этотъ указъ до меня не стигнулъ: онъ обнародованъ въ предостереженіе «неопытныхъ и неиспытанныхъ», а самъ я, государь, изъ игроковъ со мною пятьдесятъ лѣтъ.

Въ Екатерининское время слыли за самаго отчаяннаго азартнаго игрока и вѣстнаго вѣломъ сына императрицы — Пейтъ Богдановичъ Пассекъ. Прогрыши и выигрыши этого страстнаго игрока ежедневно доходили до миллионовъ десятковъ тысячъ рублей. Про Пассека существуетъ слѣдующій анекдотъ. Въ одну ночь онъ проигралъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, долго сидѣлъ у карточного стола и задумалъ. Какъ вдругъ ему приидетъ слѣдующій странный съ бородою, который говоритъ: «Пассекъ, поль-

зуйся, ставь на тройку три тысячи, она тебѣ выигрываетъ соника, зигни паролл, она опять тебѣ выигрываетъ соника, зигни сетелечка, и еще она выигрываетъ соника». Проснувшись отъ этого видѣнія, Пассекъ ставитъ на тройку три тысячи и она сразу выигрываетъ ему три рубля.

Существовать также очень характерный анекдотъ про одного изъ вельможъ изъ «станъ славной» императрицы: игрокъ въ присутствіи самой Екатерины и почти всего двора, чуть ли не съ прусскимъ королемъ, и видя неминуемую гибель всего своего огромнаго состоянія, онъ принужденъ былъ съѣсть шкотового короля, чтобы только игра эта считалась правильною.

Какъ мы уже говорили выше, въ концѣ царствованія Екатерины II въ Москвѣ особенно сильно развилась азартная карточная игра. Это обстоятельство заставило государыню принять крутыя мѣры. Августа 7-го 1795 года императрица писала къ главнокомандующему Москвою, д. т. с. Михаилу Михайловичу Измайлову: «не оставьте подтвердить всѣмъ тѣмъ, кои въ представленномъ отъ васъ спискѣ поименованы¹⁾, дабы они отъ упрежденія въ разорительныхъ играхъ всемірно воздержались подь страхомъ нашего гнѣва и неизбежнаго высканія по законамъ».

Въ спискѣ картежниковъ, посланномъ Измайловымъ къ Екатерине II, были такіе вельможи и сановники, какъ, напримеръ, Ив. Архаровъ, князь А. Урусовъ, князь Василій Сибирскій, Ал. Давыдовъ, Ал. Акуловъ, Ал. Бибииковъ, князь Мих. Хованскій, С. Тимирязевъ, Ив. Гариновскій, князь Ив. Шаховской, Як. Ханьковъ, Ст. Лачиновъ, князь Дм. Голицынъ, князь Ал. Мендерскій, Федоръ Рахмановъ, Ник. Болтинъ, Юрій Пеллешскій; были и иностранцы, содержатели игорныхъ домовъ, какъ Бутазаръ, Манчалли, Штироли и Пиндорелли. Поводомъ къ составленію этого списка, какъ говоритъ А. Т. Болотовъ, послужилъ проигрышъ казенныхъ денегъ московскимъ почтамтскимъ кассиромъ Шатиловичемъ. Онъ проигралъ 26 тысячъ и изъ боязни наказанія отравился, но умершій оставилъ послѣ себя списокъ, съ кѣмъ онъ игралъ. Этимъ рохтромъ воспользовался главнокомандующій Измайловъ, распредѣлить сумму между неправыми и тотчасъ же ее собрать. Говорили, что пошло въ списокъ много такихъ, которые кассиръ Шатиловича и въ глаза не видали.

Послѣ этого случая въ Москвѣ ходило много слуховъ про игроковъ. Такъ, разсказывали, что, не смѣри на вѣрчайшія строгости относительно карточныхъ игроковъ, гдѣ-то въ иворномъ домѣ были найдены приказные съ отставными офицерами и послѣднихъ посадили на судъ мѣстнаго въ смиреннѣйшій домъ, а приказныхъ публично на перекресткахъ наказывали плетью. И послѣ этого было выдано приказъ, что дѣламъ карточныхъ маіорамъ дана привилегія въ частяхъ своихъ выказать въ

¹⁾ Въ всѣхъ игорныхъ домахъ, въ представленномъ спискѣ императрицѣ Екатерины II, Измайловымъ поименовано было болѣе семидесяти.

дела как скоро увидят, что у него нет денег, и посмотрят, в чем у него недостаток. Эти шутки, по словам, многих ударили от азартной игры.

Но слухамъ екатерининскимъ, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II карточная игра усилилась до колоссальныхъ размѣровъ; дворане почти только и занимались, что сидѣли за картами; и мужчины, и женщины, и старые, и молодые садились играть съ утра, зимою еще при свѣтѣхъ и играли до ночи, вставая лишь пить и ѣсть; заведенія приличныя жѣсть иногда прерывали, потому что изъ самаго заведенія вдругъ вынысали членовъ къ кому нибудь на карты; играли преимущественно въ коммерческія, но много и въ азартныя игры. Составлялись компаніи обирать кого нибудь вѣдѣльца; поддерживать себя карточной игрою нѣкогда не считалось предосудительнымъ. Карточная игра болѣе всего содѣйствовала тому, что многіе тратили болѣе, чѣмъ получали, что стали продавать свои имѣнія и даже земли обычаи, на первое время всѣмъ, сильно поразившимъ¹⁾, продавать людей безъ земли, особенно въ рекруты, чиновники — растрачивать казенныя деньги, дворяне — стучать въ окошечки и т. под.

Въ эти годы дошло до того, что зимою, въ Москвѣ, въ публичныхъ собраніяхъ и клубѣхъ и въ маскарадахъ вовсе почти не танцевали, а всѣ садились за карточные столы. Даже музыка болѣе часа не играла — и, какъ пишетъ А. Т. Болотовъ, слышали иногда по-русски, но и тутъ съ топаньемъ и крутаньемъ и дурию — и то при развѣдѣхъ, подгулявши.

Почти всѣ сановники Екатерины II были болѣе охотники до картъ, такъ какъ и Безбородко перѣдко дѣлалъ ночи проводить за зеленымъ столомъ. Въ карточной игрѣ Безбородко не былъ счастливъ, что можно заключить изъ письма къ нему А. И. Моркова; послѣдній отъ 5-го апрѣля 1782 года говоритъ: «Сожалѣю, что вы такъ худо ведете свои дѣла въ карты. Съ этой стороны я гораздо васъ снѣжонѣе. Какъ въ день гульдены шесть выиграло, такъ всѣ Гага мнѣ завидуешь. Женщины здѣсь прѣжаривши и по большей части мошенницы: воруютъ въ игрѣ такъ, что каждаго минутою лишаютъ». Въ другой разъ онъ пишетъ, поздравляя Безбородку съ побѣдой надъ своимъ родомъ: «Позвольте мнѣ при семъ поднести вамъ маленький календаръ, весьма полезный не для чиселъ, но для веденія карточныхъ счетовъ».

Богатый графъ С. И. Румянцевъ, блестящій вельможа времени Екатерины, чуждый въ свою умъ, болѣе образцовитости, былъ до глубокой старости подверженъ картежной страсти, которой предавался, такъ какъ и каждаго, и каждаго. Онъ заирался иногда на ивъ только дней съ игроками,

проигрывать изъ баснословныя суммы и переставать играть впредь до новаго зноя.

Относительно картъ существуетъ разсказъ, что Безбородко просилъ у Екатерины II позволенія стрѣлить изъ пушекъ на своей дачѣ на Невѣ. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Векорѣ лейбъ-медикъ Роджерсонъ, играя въ вистъ, по разсѣянности, началъ дѣлать ошибки (репоны), а хозяйинъ-графъ приказалъ каждый разъ извѣщать объ этомъ пушечнымъ выстрѣлами. Шутка эта такъ раздразжила взыскачиваго лейбъ-медика, что едка не кончилась крупной ссорой.

Нани Баре старину любили тѣшиться надъ своими партнерами, какъ мы выше уже говорили. Потемкинъ любилъ играть въ карты съ казанькомъ. А шибетный океантрикъ П. А. Демидовъ тоже имѣлъ у себя такого же чудака для игры въ карты — армянина, извѣстнаго въ то время въ Москвѣ подъ именемъ «Тараса Макарыча», человека недалекаго ума, но страстнаго игрока и пьяницу. Демидовъ игралъ съ нимъ въ карты, отмѣвая выигрывать на его лицѣ углемъ, и перѣдко, напоивъ мертвецки-пьянымъ, онъ отвозилъ домой въ гробу этого партнера вмѣстѣ съ выиграннымъ.

Карточной игрою въ молодости увлекался до страсти и поэтъ Державинъ; векорѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, послѣ пугачевщины, въ концѣ 1775 года, онъ на оставшіеся у него 50 рублей выигралъ въ короткое время 40,000 рублей (см. «Записки Державина», стр. 37, 41, 14). Потомъ, познакомившись съ киевцемъ Вяземскимъ, онъ часто у него бывалъ и проводилъ съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ (стр. 122). Впоследствии Державинъ, хотя и не оставилъ соебѣхъ карточной игры, однакожъ болѣе уже не предавался ей съ увлеченіемъ.

Державинъ въ своей страсти къ картамъ сознается такъ: «Иногда на торжничѣхъ праздности и любостыжанія сидѣлъ я за грудями золота, передвигая его туда и сюда, желая и у ближнихъ притянуть къ себѣ: не принадлежало имѣніе или ему свое бросить. И тутъ я чего не дѣлалъ? то въ кости, то въ карты, то въ шары, то въ шашки, а иногда, о, грѣшныи окаянный! заигралъ я и улоки. Иногда принимался я какиничать, морщился и протиралъ глаза свои, и сказывалъ, что у меня отъ работы голова вокругъ катится, хотя, впрочемъ, такъ же какъ и преже люди, чужими руками жаръ загребать; проигрывать и ночь въ разамболъ, а поутру за дѣлами дремать на диванѣ». Пушкинъ тоже, въ время пребыванія своего въ южной Россіи, куда-то бѣжалъ за ивѣстнаго вереть на бѣтъ, гдѣ надѣялся увидѣть предметъ своей тогдашней любви. Пріѣхавъ въ городъ, онъ до бала сѣлъ поитировать и проигралъ всю ночь до позднего утра, такъ что прогулялъ и всѣ деньги свои, и бѣлъ и любовь свою.

Въ прошломъ столѣтіи карты положительно каждаго всѣмъ высшимъ

¹⁾ См. И. Чечулинъ. «Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII

обществом. При императрице Елизавете, какъ говорить императрица Екатерина II, и при фараонѣ¹⁾ составляла занятіе всѣхъ придворныхъ дамъ съ утра до поздней ночи. Сама императрица въ то время должна была принимать участіе въ такомъ препровожденіи времени; поздне; въ царствованіе Екатерины II, въ извѣстные дни въ Эрмитажѣ, куда собирались придворныя дамы и гвардейскіе офицеры, всегда составлялись партия въ ламуш, бостонъ, реверси и шикетъ. Въ частныхъ домахъ въ это время у нашихъ дамъ, кромѣ этихъ игръ, играли очень сильно въ банкъ, шпость, квинтиль, тренетъ, пасъ-дизъ и ландкнехтъ.

Князь Вяземскій въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что онъ зналъ одного величпріятнаго и безпристрастнаго сына, который говорилъ ему, что покойный отецъ его, въ концѣ прошлаго столѣтія, выигралъ у пріятеля своего двадцать тысячъ рублей на кляквѣ. Вотъ какъ это происходило. Онъ предложилъ добродушному пріятелю своему угадывать, въ которой рукѣ его кляквы: вляковка, въ которой раздаваемая. Разумѣется, закладъ былъ определенъ въ известную сумму. Игра продолжалась около двухъ часовъ. Нужно ли добавлять двѣ простодушнаго читателя, что вызванный на игру не значить рѣшительно всегда невпонадѣ?

На всѣхъ поединкахъ публичныхъ маскарадахъ, гуляньяхъ, это дѣль тому нападѣ, были «принципы для играния въ карты». Такъ, въ Большомъ театрѣ, въ Петербургѣ, дикая маскарады, манишность Даниэри и танцовщицъ Ганфомесъ признавали публику, что у нихъ будетъ допущена и игра въ карты.

Самыя же карты въ то время стоили невысоко въ цѣнѣ и, какъ видно изъ публикацій въ «С.-Петербургскихъ Ведомостяхъ», цѣна ихъ на публичныхъ маскарадахъ была 2 руб. 60 коп. за дюжину. Карты въ то время были выписаны изъ-заграницы, а также и петербургскаго издѣлія. Карты покупались наоткупъ. Откупщиками картоннаго дѣла были — именитый французъ Злобинъ и с.-петербургскій купецъ Чеболоковъ.

Императоръ Павелъ I, когда, въ 1797 году 16-го декабря, запретила играть въ карты и возвысилъ сборъ за клейменіе картъ, уступленный казенному Восточнаго дома, то далъ Чеболокову шпату и медаль на году 1000 рублѣ, а Злобину — одну медаль. Злобинъ не пожелалъ выйти изъ своего званія. Онъ считался богачѣйшимъ изъ откупщиковъ, но и своимъ богатствомъ обладался большою простотою; онъ не любилъ выдѣлываться, неуклюже-толстъ, изъ лица красенъ и одѣванъ въ простомъ большой зашикъ; ходить онъ въ русскомъ платьѣ и съ 6 рублѣ. Сынъ его у него были очень хорошо воспитаны и одинъ изъ нихъ былъ зятемъ графа Сперанскаго. Жена Злобина ходила въ большомъ юбокшицкѣ на голубомъ и тѣлобрынкѣ, вся одежда ея была изъ золотой парчи и усыпана жемчужинами, крупными брилліантами и другими драгоценными

каменныи; кокошникъ у нея такъ былъ великъ, что не могла пройти въ двери, и входила она всегда бокомъ. По рассказамъ, брилліантовыхъ вещей у нея было такъ много, какъ ни у одной изъ тогдашнихъ аристократокъ.

Въ Екатерининское время въ Петербургѣ существовало въ семь немецкихъ картонныхъ фабрикъ, изъ нихъ одна принадлежала Воспитательному дому. Поздне, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, учрежденная подъ покровительствомъ императрицы Маріи Осодоровны, Александровская мануфактура стала выдѣлывать по способу Деларю по 14,000 колодъ ежедневно, но за всѣмъ этимъ она не могла удовлетворить требованіямъ тогдашняго общества и карты всегда распродавались быстро, безъ всякаго остатка. Наши карты отличаются достоинствами высшего качества.

Первыя у насъ карты были тарокко; это собственно названіе итальянскаго: карты для игры, называемой тароккъ, отъ того, что, какъ говорить, были изобрѣтены въ провинціи Таро, въ Ломбардіи, впервые стали употребляться въ Польшѣ, откуда и перешли къ намъ. Тарокковыя карты представляютъ фигуры самыя странныя. Онѣ употребляются во Франціи для составленія такъ называемой большой игры (grand jeu) у картонныхъ гадалицъ.

Въ Англіи игральныя карты появились ранѣе, нежели во Франціи. Тамъ въ обществѣ существуетъ два рода игральныхъ картъ; англійскія карты употребляются въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ.

Въ Германіи карты сохранили нѣкоторыя отлѣтки среднихъ вѣковъ: къ королямъ, дамамъ и валамъ былъ присоединенъ четвертый родъ фигуръ — рыцарей. Полная колода картъ французскихъ — 52, въ Германіи колода долго заключала въ себѣ 64 карты и между ними 21 козырныхъ, носившихъ названія: дьявола, смерти и т. п.

Карты тарокко состоятъ изъ 78 штукъ; въ Италіи, въ Швейцаріи и во Франціи тарокко по сейчасъ сохранило свой первоначальный видъ: масти тарокко называются: чаши, динарии, палки и мечи, а въ козырныхъ тѣ же старыя аллегорическія фигуры среднихъ вѣковъ христіанской эры. Испанскія карты, или карты Ромбе, числомъ 48; такія карты выдѣлываются въ большомъ количествѣ въ Германіи для вывоза въ Южную Америку, въ Мексику и Калифорнію. Въ преднія времена енишка картъ была бѣлая, на енишкахъ только тарокко и испанскихъ были рисунки или крашъ; отъ этого и получило названіе «крашенныя», присвоенное картамъ, имѣющимъ это украшеніе. Впрочемъ, послѣднее названіе у насъ теперь понимается иначе: крашенныя карты — это такія, которыя побирали до игры въ рукахъ шулеровъ.

Игральныя карты имѣютъ большое примѣненіе въ гадахъ у людей суевѣрныхъ, приближающихъ къ дознанію будущаго. Неумѣсто узнать будущее по расположенію игральныхъ картъ не особенно старо и у насъ въ Россіи восходитъ не ранѣе начала нынѣшняго столѣтія. Присвоено оно къ намъ изъ Франціи; матеріалъ гаданій надо признать извѣст-

¹⁾ То же, что бостонъ.

чье дѣвицу Лепорманъ: Многіе изъ панихъ офицеровъ, бывшихъ въ 1814 году въ Парижѣ, посѣщали изъ любопытства квартиру этой знаменитой воровки въ Курнопекской улицѣ, подъ № 5. Дѣвица Марія Лепорманъ приобрѣла себе славу во время консульства и имперіи. Искусствомъ прорицанія дѣвица Лепорманъ занималась болѣе пятидесяти лѣтъ. Писавшему эти строки приходилось знать въ Москвѣ одну богатую помещицу г-жу Кр-ну, судьбу которой Лепорманъ предсказала какъ по писанному. Эта барыня, въ силу ея предсказанія, что она умретъ ночью, никогда не спала ночью, когда спятъ люди, а спала днемъ, и чтобы не знать часа смерти, приказала во всемъ домѣ переносить все часы съ боемъ, чтобы не знать времени. Въ числѣ странностей этой барыни было также и то, что она не употребляла никогда для мытья воды, а на мѣсто послѣдней какую-то жидь. Когда Бидила нѣсколько разъ въ Парижѣ къ Лепорманъ и разъ по просьбѣ Аракчеева, портреть и оттискъ съ ладони которой возила къ ней для узнанія судьбы временщика.

Девятнадцати лѣтъ отъ роду Лепорманъ уже была извѣстна, какъ хорошая предсказательница и нередко за свои предсказанія платилась торговлей. Славу Лепорманъ сдѣлать Павловои: она предсказала молодому артиллерійскому поручику по чертамъ на ладони, что онъ выиграетъ не одно сраженіе, покоритъ царства, будетъ владычествовать и удивить міръ. Эта Сивилла во всѣхъ случаяхъ давала совѣты и императрицѣ Екатерианѣ, которая и покровительствовала ей въ благодарность за ея блестящія предсказанія.

Въ Петербургѣ извѣстныхъ гадалицъ на картахъ было немного: въ началѣ этого столѣтія — старуха-нѣмка Штольцъ и въ сороковыхъ годахъ — на Бердской заводѣ чухонка, извѣстная подъ именемъ Мароуши.

III.

Грѣхъ на картежники въ Панцовское время. — Случай съ Безсоновымъ, разсказанъ С. Глинки. — Петербургъ и ея картежные притоны. — Картежная Ашанья. — Игра на ярикахъ. — Характеристика этого игрока. — Рѣдкій проигрышъ и омырланъ. — Игроки братья И-и. — Прогрѣшить крупнаго сестонія. — Савва Яковлевъ.

Въ царствованіе императора Павла I особенно строгои мѣры послѣдовали противъ игроковъ. Полиція въ то время имѣла приказаніе прямо являясь въ домъ гдѣ вѣдасъ игра, и забирать играющихъ. С. Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ о томъ, что послѣ строгаго запримія Савка въ 1797 году и всѣхъ поединхъ собраній въ столицѣ, — тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Эртель, проѣзжавъ разъ ночью Арбатомъ, увидѣвъ свѣтъ въ одномъ изъ домовъ, поспѣшилъ туда въ лѣтніи и засталъ

полка Безсоновъ, казначей своего батальона. Не участвуя въ игрѣ, онъ спалъ въ комнатѣ на диванѣ. Оберъ-полицеймейстеръ разбудилъ его; Безсоновъ сказалъ:

— Оставьте меня, завтра нашему батальону ранній смотръ. Вы видите, что я спалъ. Не стыдите меня передъ начальникомъ. Для меня честь дороже жизни.

— Ступайте, прикрикнулъ Эртель.

— Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскayлись.

Часа въ четыре ночи привели игроковъ и Безсоновъ въ домъ начальника полка, гдѣ, по тогдашнему, обыкновенно стояли и полковныя знамена. Выходитъ Иванъ Петровичъ Архаровъ, разбуженный тревогою, въ колпакѣ и халатѣ. Взглянувъ на Безсонова, онъ сказалъ:

— Какъ, и ты здѣсь?

Посадили приведенныхъ подъ знамена. На заботливые разспросы начальника, полицеймейстеръ признался, что Безсонова онъ засталъ спящимъ.

— Грѣшно было тебѣ, братецъ, будить!

Смущенный Эртель просилъ дозволенія сказать Безсонову, что до него не будетъ дѣла.

— Не надобно было и заводитъ шума, прибавилъ Архаровъ. — Иди, братецъ, поправь свой грѣхъ.

Эртель пошелъ къ Безсонову и сказалъ, что онъ свободенъ.

— Поздно! закричалъ Безсоновъ, — я говорилъ тебѣ, не води меня сюда, ты привелъ: вотъ тебѣ!

Была схватка; Безсоновъ отданъ былъ подъ судъ. Офицеры полка были судьями, они плакали; но въ силу устава Петра I выставили въ приговорѣ: лишеніе руки.

Впрочемъ, до развязки не дошло, приговоръ хотя и былъ посланъ императору, но за примиреніемъ соперниковъ Безсоновъ былъ прощень.

Тотъ же С. Глинка, разсказывая про большую азартную игру въ то время, говорить, что С. Ю. Храмовицкій, служивъ въ Крыму, спустилъ все родовое имущество въ бездну карточную. Послѣдній намекаетъ, что счастливымъ партнеромъ послѣднюю была извѣстная герой Отечестваи войны М. М. Кутузовъ, про котораго тогда говорили его товарищи: «Кутузова и въ картахъ никто не перехитритъ». Но иногда такъ азартно игры у насъ не прощались, какъ съ восточествомъ на престолѣ императора Александра I. Этотъ государь вынужденъ былъ издать указъ съ истребленіи невозвѣдательныхъ картожныхъ игръ, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что столица безвѣстныхъ хищниковъ, съ хладокровіемъ обдумавъ разореніе цѣлыхъ семействъ, однимъ ударомъ изгоняетъ изъ рукъ неопытныхъ юношей достоиніе предковъ, вѣками служебна и трудовъ умощающее. На этомъ основаніи въ то время всѣхъ участвующихъ въ азартныхъ играхъ приказано было брать подъ стражу и отсылать къ суду.

Особенно славилась в эти года петербургская дорога своим трактиром, где велась такая же адекая игра. Эта дорога в те времена была сильно занята, так как полки стояли в Стрельбице и в Петербурге, ходить в Петербург было без разрешения великого князя не дозволялось. Подписанные дозволения осматривались на заставах. Вследствие этого обстоятельство, как в почтовых станциях, так и все трактиры по этому тракту были полны офицерами, любившими, как тогда говорили: «сунуть хрусталь и золотить на листе»; последнее обстоятельство также привлекло внимание советомъ царя Фарюна», т. е. тут метал банкъ отъ «жари дураков».

Особенно сильна была азартная игра велась в Красномъ кабаке, который содержала именная старикантка все в медальях и крестах на груди; по рассказамъ, при игре карты по угламъ комнаты выставлялось такъ много, что каждый день ихъ собирали ломатами и вывозили возами.

Тамъ за зелеными столами нередко можно было видеть молодежь военных, которые только знали, что карты и дуэли. Ужасные игры на ихъ лицахъ, очевидно, свидетельствовали о ихъ подвигахъ, у некоторыхъ бывали и вѣрно зашнурованные рукава. Были и такіе здѣсь красавцы-молодцы, у которыхъ победы были больше мирныя, и не проходило большого дня, въ который бы они не притащили съ собою или денегъ, или бриллиантовъ, или какихъ нибудь другихъ вещей отъ какой нибудь богатой графини и т. д. Вывеки, предиканшей имъ и душой, и сердцемъ. И все эти вещи и вещица ставились на карточныхъ дамахъ.

Жизнь того времени носила характеръ бивуачный; много еще было полковъ старыхъ солдатъ служавъ, участниковъ наполеоновскихъ войнъ и походивъ за границу. Общество офицеровъ по большей части состояло изъ стараго русскаго дворянства, жившаго не только богато, но подчасъ и роскошно.

И нередко можно было найти по Петербургской дорогѣ какую нибудь по известности разлитую крестьянскую избушку, внутренность которой была убрана съ изумительной восточной роскошью: неровный и дырявый полъ устланъ разными персидскими коврами, дверь въ избу завешана пестрымъ, стѣны также убраны драгоцѣнными коврами саванера, лавки покрыты краснымъ сукномъ, простой деревянный столъ съ золотой салфеткой, на которомъ стоялъ серебряный чайный сервизъ, а на окнѣхъ разставлены серебряныя принадлежности дорожнаго погребца. Въ углу стояла суконная крохатка, на которой подчасъ лежала молодая красавица, окутанная въ дорогую шаль и въ легкомъ дежабиле, обшитомъ дорогими бляхами и кружевами.

Такая Манса или Аснаия, интимная пріятельница какого нибудь усаба-белкосета, была посвящена во все таинства игры и во все плутни шулерства; она была здѣсь временная гостя, дормезъ ей или каретка въ конюшню лошадей стояла на постояломъ дворѣ. Госпожа эта пріближалась

сюда на денекъ или два помочь своему другу въ изобрѣженіяхъ дѣлахъ. Постоянная квартира у ней была въ городѣ. Ее звала вся кутиция молодежи. Жизнь ея вѣрно опредѣлить романомъ, говоря:

Грѣкъ изъ Одессы и жидъ изъ Варшавы,
Юный корнетъ и сѣдой генералъ,
Всѣмъ искалъ въ ней любви и заботы
И на груди у ней засыпалъ...

И нередко веселые гости такой прелестницы, послѣ нѣсколькихъ бакаловъ «искрометнаго Ан», закладывали банчишко, въ концѣ котораго шной гость оставался безъ туго набитаго бумажника, а другой уходилъ домой и безъ родового имѣнія.

Про азартную игру этихъ забытыхъ былыхъ временъ находимъ нѣсколько эпизодовъ въ разсказахъ С. Славутинскаго и С. П. Жихарева. Такъ, послѣдній разсказываетъ, какъ онъ былъ въ Москвѣ въ гостяхъ у извѣстнаго откупщика П. Т. Борогина, и какъ въ кабинетѣ хозяина на двухъ большихъ круглыхъ столахъ кипѣла такая чертовская игра въ банкъ, что отъ рожу, восклицаетъ Жихаревъ,— и не видывать столько золота и аспирацій. На одномъ столѣ метал перемѣнно князь Шаховской, Чертоковъ, Киселевъ и Рахмановъ (дядя извѣстнаго гастронома, игрокъ, выигравшій болѣе двухъ милліоновъ рублей). На другомъ братъ Дуриновъ, Михель и Раевскій; поштаровало много извѣстныхъ людей. Какой-то Кольчезовъ, небогатый вологодскій помещикъ, проигралъ 5 тысячъ рублей, очень хладнокровно заплатилъ и отошелъ. Въ другой разъ Жихаревъ разсказываетъ, какъ Ст. Шидловскій выигралъ 5 тысячъ у генерала Намайлова, и тотъ заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствия, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горекатаго полевника. Этотъ Л. Д. Измайловъ, извѣстный рязанскій и тульскій помещикъ, любилъ все шумныя и разгульныя удовольствія, ради ихъ онъ посѣщалъ Лебединскую ярмарку, гдѣ тогда собирались для покупки лошадей все ремонтеры кавалерійскихъ полковъ и помещики, конюшаводчики Тамбовской и соседнихъ губерній, почти все считавшіе обязанностью играть здѣсь бѣшено въ карты, пить и буйствовать напропалую. Намайловъ любилъ на ярмаркѣ выкачать во всеѣ красѣ предъ многими достойными лицами свою безтолковую помещичью роскошь, свое крайнее разнузданное самодурство. Намайловъ былъ очень богатъ; здѣсь онъ проигрывалъ по сту и болѣе тысячъ, ставя на одну карту по десяти тысячъ. Измайловъ любилъ только простые, русскія потѣхи—исповую охоту, скачки на дальнія разстоянія, борьбу, кулачные бои, гулянки съ неволькой и адекой игрой по цѣлымъ ночамъ.

Гости его всегда должны были быть готовыми на все, что ему было угодно. Онъ не чинился съ ними, и проважившійся въ потѣхъ накувыкался «лебедемъ», т. е. огромной пушистой «чанею», которую прихо-

дизель осушить на один прием, а также и арестом на хлеб и водку. Подать Троекурова в повести Пушкина «Дубровский» списанъ съ Измайлова.

Когда онъ командовалъ рязанскими ополченіемъ, въ 1812 году, то каждый день ополченскіе офицеры обѣдали и ужинали у него поголовно. Полторацка лихихъ троекъ находилась въ распоряженіи ихъ, — катайся, сколько души угодно!

Во время похода, заграничной онъ удивлялъ роскошью ибмцевъ; въ заграничный походъ изъ собственныхъ своихъ средствъ онъ истратилъ на ополченіе громадную для того времени сумму — миллионъ рублей.

Слишкомъ выдавать человекъ изъ крѣпостныхъ служителей: камердинера, офицанта, простые лакеи, казаки, кучера и неари сопровождали его; не любилъ онъ тоже жить съ собою и нѣсколько лицъ и изъ женской прислуги, обидѣнно печальномъ значеніи которыхъ нечего и распространяться. О любимыхъ его собакахъ, борзыхъ и гончихъ, вели въ большихъ, паронъ для того устроенныхъ фургонахъ. Лучшія изъ этихъ собакъ имѣли особенный костюмъ: какіе-то саночки на спинкахъ, какія-то паночки на головахъ.

У него была одна слуга подъ наикниземъ «Гусекъ», обязанность котораго была развѣдывать по его деревнямъ въ особенномъ экипажѣ, называвшемся «лодочка», для сбора дѣвокъ на генеральскія игрища. У него находилась цѣлая масса ибсеницъ и палеуній. Всѣ почти рязанскіе дворяне такъ и слѣзали къ нему, составили постоянную его свиту, сопровождая его то тамъ на картежную игру, то на охоту, на скачки, на игрища и вѣду, гдѣ онъ изволилъ тѣшиться.

Жихаревъ при Измайлова говоритъ, что онъ бывало напоятъ мертвецки пьяными человекъ изъ беднѣхъ дворянъ-собрѣдъ, посадить ихъ еле живыхъ въ бѣгущую лодку на колесахъ, привязавъ къ обонмъ концамъ лодки по лѣвому медвѣдо и къ такому видѣ спустить лодку съ горы въ рѣку; и онъ проигрываетъ тысячу рублей своему приверженцу Шилекому, испылать на него за какое-то безъ умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги, подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко!

Вотъ какъ онъ шутитъ очевидецъ молодецкій проигравшій и еще болѣе молодецкій отыгрывшій А. Д. Измайлова. Онъ поитывалъ у князя Урусова державнаго верховнаго банка вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и многими другими дельцами. Измайловъ прѣхалъ съ какого-то обѣда вмѣстѣ съ своимъ рязанскимъ приятелемъ. Войдя въ залу, сѣлъ къ лѣвой сторонѣ отъ стола, на которомъ металъ банкъ, и задремать. Банкометъ спросилъ его, не забудеть ли онъ поставить карту. Измайловъ не отвѣчалъ и продолжалъ дремать. Банкометъ взыселъ голосъ и саркастично прошепталъ:

— Не поставитъ ли и вы карточку?

Измайловъ очнулся и, подойдя къ столу, схватилъ первую появившуюся ему карту, поставилъ ее темною и сказалъ:

— Бейте пятьдесятъ тысячъ рублей.

Банкометъ положилъ карты на столъ и сталъ совѣтываться съ товарищами.

— Почему-жъ не бить? сказалъ князь Шаховской. — Карта глупа; а не бивши не убьешь.

Князь Урусовъ взялъ карты и соника убилъ даму. Измайловъ не перемѣнился въ лицѣ, отошелъ отъ стола и сказалъ только:

— Тасуйте карты, я синому самъ.

Банкометъ тасовалъ карты и совѣтовался еще разъ съ товарищами. Измайловъ пошелъ опять къ столу и велѣлъ прокинуть. Урусовъ прокинулъ. — Фоска идетъ 50 тысячъ! и во второмъ абдугѣ Измайловъ добавилъ 50 тысячъ мазу. У банкомета затряслись руки и онъ взглянулъ на товарища такъ жалостно, что князь Шаховской не выдержалъ, усмѣхнулся и сказалъ ему:

— Ну, что-жъ? Знай свое, мечи да и только.

Банкометъ повиновался, и чрезъ нѣсколько абдуговъ троекая десятка проиграла Измайлову. Окружающіе его дворяне стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везетъ, но этого довольно было, чтобы совершенно изволновать Измайлова, который все любилъ дѣлать наперекоръ другимъ: онъ схватилъ новыя карты, выдернулъ изъ середины червоюую двойку и сказалъ: Полторацка. Банкометъ помертвѣлъ и остолбенѣлъ: минуты двѣ продолжалась его нерѣшимость, но князь Шаховской опять ободрилъ своего собрата:

— Чего испугался? не свои бѣешь.

Урусовъ замечалъ; долго не выходила поставленная карта, и всѣ присутствующіе оставались въ какомъ-то необыкновенно-томительномъ ожиданіи, устремя неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко блѣвнувшую на огромномъ зеленомъ столѣ, потому что другіе поштеры играть перестали. Наконецъ князь Урусовъ, противъ обыкновенія своего, сталъ метать, не закрывая картъ своей стороны, и червоюая двойка ушла направо. Ухъ! вскрикнулъ банкометъ. Ухъ! повторили его товарищи. Ухъ! возгласила свита Измайлова, но самъ онъ, не замѣтившій въ лицѣ и не смутившійся, отошелъ отъ стола, извелъ шашину, поклонился хозяевамъ и сказалъ:

— До завтра, господа, утро вечера мудренѣе, и вышелъ вонъ бодрымъ вонетъ.

Тутъ начались совѣщанія: надобно ли будетъ завтра продолжать метать ему банкъ или удовольствоваться этимъ выигрышемъ. Большинство восточныхъ рѣшено было метать до миллиона, но проигрывать не больше настоящей выигрыша. На другой день въ Москвѣ ходили уже слухи, что Измайловъ проигрался; чтобы забыть о проигрышѣ, Измай-

долг купить знаменитого рысака «Краска» у Лопухина, заплатив за него долги баснословно высокую цену по тому времени, 7 тыс. руб. Вечером Измайлов был приглашен играть у Урусова. Долго шла игра, но Измайлов как будто не рвался принять в ней участие. Только после ужина придумал он к столу и поставил на дѣй карты 75 тыс. руб. Банкометь начал уже безрассудно. Обе карты выиграл Измайлову, он заиграл их и сказал: «те следующую талию». Урусов сталовать карты. Измайлов поставил дѣй новые карты и, не взглянув на них, заиграл каждую мирнодоуль. Но искомому абдугу он вскрыл одну карту, которая оказалась десяткою и уже выигранным сонником; он переиграл ее и, сказав: «Но проигрался», вскрыл между темъ другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, следовательно, также выигранным, он переиграл и поставил на первую очень спокойно, как будто дѣло шло о десяткахъ рублей, а не о его родовомъ имѣнии Дѣдуковъ, съ которыми онъ, въ случаѣ разоренія, рѣшился разстаться. У князя Урусова выходили руки,—но дѣлать было нечего, карты поставлены мирнодоуль и отступиться не было возможности. После нѣсколькихъ абдуговъ, десятка опять выиграла; банкометь бросил карты и встал изъ-за стола, а Измайловъ прехладнокровно предложилъ ему загнуть мирнодоуль, но банкометь не согласился.

— Ну, такъ ты квинты? сказалъ Измайловъ и тотчас же уѣхалъ домой, гдѣ его уже ждали съ поздравлениями цыгане, съ пѣнями и плясками, но случая поиграть «Краска».

Мнѣ переданъ покойный конюководникъ Н. П. Петровскій про Измайлова, который онъ зналъ лично въ своей молодости, что послѣдній дѣлал игры прѣзвѣстныхъ всегда со скачки въ Петровскій паркъ къ содержанию одного французскаго ресторана, у котораго два игрока въ саду была выстроена столбчатая бесѣдка. Здѣсь металъ крупный банкъ и шла такая азартная игра, которая и не смилась нынѣшнимъ игрокамъ. За зелеными столами тамъ засѣдали такіе тузы, какъ братья Мосоловы, Везеложскіе, Чесменской, побочный сынъ графа Орлова, Чемодановъ, Савеловъ, Яковлевъ, Обокины, Гундоровъ, Гусятниковъ и многіе другіе. Измайловъ до игры садился всегда въ болшія вольтеровскія кресла и после легкаго вѣхива, протиравъ глаза, вынималъ холоднаго кваса, поджигалъ съ полу сигару, валившуюся карту и ставилъ, если это была не фигура на кону около тысячи и после выигранныя или проигранныя въ нѣсколько тысячъ, съ вольнымъ сердцемъ, молча выходилъ изъ комнаты, садился на коню и возвращался домой.

Много разсказовъ ходило въ Москвѣ про двухъ братьевъ П.; игру одну о нихъ считали даже нечестною. При посѣщеніи этого игрока, въ кабинетѣ его и усиленный посѣтитель на одномъ изъ столовъ находилъ цѣлу о мѣрильную лентку. Здѣсь въ правильныхъ столбикахъ стояла звонкая россійская монета всякаго достоинства, начиная отъ золотыхъ лобан-

чиковъ и полуминераловъ до серебряныхъ пятаконъ и рублевиковъ. Они не играли иначе, какъ на звонкую монету, и такимъ пріятельнымъ видомъ золота и серебра соблазнили не одного молодого игрока. Рассказывали также, что у него на диканѣ лежала подушка, набитая скотскими ассеникаціями. Но разсказывалъ, годовою его оборотъ на зеленомъ полѣ нечислялся не однимъ миллиономъ рублей и чтобы играть съ нимъ, нѣкоторые изъ любителей азартной игры играли только своими картами. Такъ разсказывали, что онъ ухитрился выиграть у известнаго московскаго богача Му-П—на все его миллионное состояніе. Послѣдній, чтобы застраховать себя отъ его мошенничества, игралъ съ нимъ только у себя дома и своими картами, которыя держалъ въ шкафу подъ замкомъ. П. ухитрился подкупить слугу Му-П—на и обмѣнять все шашныя игры карты на свои.

Въ одинъ прекрасный вечеръ игра у Му-П—на началась съ П. въ серьезъ, и когда играли первыми верхними колодами, П. проигрывать, но какъ дѣло дошло до нижнихъ, то Му-П—нѣ оказался чистъ, какъ соколъ, даже безъ своего чуднаго дома на Тверскомъ бульварѣ. Это такъ его поразило, что онъ не пережилъ удара и умеръ отъ удара. Карточную крупную карьеру братьевъ П.—въ погубили известные на поприщѣ казнокрадства братья хлѣбосолы—одинъ изъ братьевъ П.—въ умеръ чуть ли не въ крѣпости.

Большое довѣріе къ чужимъ картамъ питалъ и известный богачъ Савва Яковлевъ, но и его векорѣ поддѣли на хитро придуманную шутку. Яковлевъ игралъ тоже только своими картами, которыя держалъ подъ замкомъ; но ихъ сумѣли подмѣнить крадеными локіе шулера и въ одинъ вечеръ выиграть на нихъ сотни тысячъ. Рассказывали, что во время пребыванія Яковлева въ Парижѣ, онъ гдѣ-то игралъ, не выпуская изъ объятій одну французскую цирцею. Покрытый поцѣлуями красавицы, сидѣвшей у него на колѣняхъ, онъ не задумался оставить на одну карту миллионъ франковъ. Карта была проиграна. Яковлевъ сообразилъ, что у него столько нѣтъ денегъ, чтобы сейчасъ расплатиться, и даже такой суммы не найдете и у его здѣшняго банкира. Но вотъ онъ даетъ документъ, и эксцентричный во всемъ, онъ тщательно вырѣзываетъ кружокъ зеленаго сукна съ лобѣрнаго стола и на немъ пишетъ мѣломъ: «Миллионъ франковъ, проигранный въ Парижѣ; — долгъ чести, уплачиваемый въ Петербургѣ. Савва Яковлевъ». Сукно это тщательно было вставлено подъ стекло и отослано въ Петербургъ, гдѣ и было уплачено въ конторѣ отца самодура.

Игра в азартные карты.—Шулерские плути.—Центры азартных игр.—Шулерские плути.—Князь А. П. Голицын и его жена.—История рулетки.—Разсказы про старую игральную машину.—Чудесная табакерка и не менее чудесный порт-сигар.—Азартная игра в Сибири.—Исторические шулера: Чиничи и Долгачев.

Игра в старину была большая велье и в английском клубе, и старые старинные игроки знали, что зашисные игроки суть корень клуба; они дают лицу его существование; прочие же члены служат только для его краем, его форма. Доход от карт в былые годы доходил ежегодно почти до полумиллиона рублей. Можно судить, как велика была азбука игра. И думаю, что еще многие из членов этого клуба помнят генерала Су—а, что игра в карты и палки по 25 руб. за фишку. Опытные игроки говорили, что всякая игра больше или меньше азартна, т. е. больше или меньше подвержена случайности. Обыкновенно азартными играми называются игры беззащитными. Но и так называемые коммерческие игры иногда опаснее обыкновенных повичкам; против них могут действовать умнее и осторожнее и случайность в сдаче ему хороших карт, не говоря уже о некоторых соображениях, при которых хорошие карты непременно отутятся в его руках. В старое время, как мы выше говорили, общепринятая игра была бостонь. Кто-то сказал, что в ней неминуемо иметь дело с двумя неприятелями и одним предателем, который идет тебе в высь. Всякая игра—бог: умнее умнее, но есть и доли счастья, и несчастья, то есть случайности, следовательно азартна. Есть люди, предопределенные роковою силою неминуемому проигрышу. Американец Толстой говорил об одном из таких обреченных, что начини он играть в карты сам с собою, то и тут найдутся средства проиграться.

В сороковых годах в П. гусарском полку служил богатый епископский похититель Ва—ов, который очень любил играть в карты, но и очень боялся играть с незнакомыми. Он платил большие деньги за обучение разным шулерским приемам. Так, у него была серебряная шестерка, которая при загибе угла превращалась в семерку. Она была так искусно подделана под настоящую, что даже самый опытный глаз не мог этого заметить. За эту шестерку он заплатил какому-то немцу 2 тысячи руб.

Тогда было да надглавная столько шуму в обихе столицах зрительная трубка с сильно увеличенными стеклами, изобретенная как будто морем В., настоящим профессором картошной шестрой маги, была им куплена чуть ли не за 5 тысяч руб. Эта трубка наводилась на игроушек и из другой комнаты давала возможность легко отличать не только карты, но даже читать на них едва заметный теньовой грань, т. е. зрительный.

Иногда азартные игры не достигали таких чудовищных размеров, как в Москве; в этом отношении также славился в былые времена и Тамбов. В Москве беспрестанно случались самые скандальные истории, где главная роль принадлежала картам. Так, в первых годах нынешнего столетия там были открыты русским Саргивом, обер-полицеймейстером П. П. Архаровым, большой игорный дом, содержимый парижским искателем приключений Дюкро, известным больше под именем Перрена. Ловкий француз был большой мастер своего дела; он выдавал себя за несчастного эмигранта, потерявшего все состояние во время революции, но в сущности это был прехитрый шулер, погубивший многих молодых людей из лучших фамилий. У него была для виду квартира на Миусницкой, в доме Демидова, но настоящее его логовище было за Москвою-рекою, в Коллежниках, в доме Мартынова, где собирались играть и кутить. У этого содержателя притона было много помощников обоего пола. В Коллежниках содержала квартиру мадам Пике и жила с хорошенькою швехо Шкато. Здесь играли в фараонь, какой-то племенъ Мозеръ, в качестве домашнего друга, держал банк. По показанию хозяйки дома Пике, что в этом доме делалось, она сказать не могла, так как некоторые посетители не встречались друг с другом и их принимали в особые кабинетах и они при входе виделись только с одним Перреном. Там бывали и женщины и, как признавалась мадам Пике, как низко она сама ни упала, но стыдится объяснить все то, на что эти женщины рвались и на что способны рваться. Когда была сдана обслуга этой квартиры, то в особом кабинете была найдена небольшая лаборатория, собранье разных физических и оптических инструментов, много книг и рукописей по части алхимии, астрологии и магии, наконец, несколько тетрадей с разными рецептами и средствами к сохранению молодости, красоте, обновлению угасших сил, возбуждению сердечной склонности, пропасть стканишь с разными настоянами и другими неизвестными жидкостями, множество каюмкленных на разных составках конфет и, главное, сверх того, большое количество фальшивых и краденых карт и подделанной жерни. Как сотрудник этого игорного дома Перренъ, так и его сотрудники все были высланы за границу.

Главной жертвой этого Перрена был князь Алекс. Ник. Голыцинъ, шуль знаменитого фельдмаршала князя Михаила Михайловича старшего и сын обер-гофмаршала Екатерины II, князь Николай Михайлович. Этот князь Голицынъ отличался крайним самодурством, за которое в Москве его прозвали именем оверы, бывшей в то время в большой моде, «Cosa rara». Про Голицына рускамысли, что он отшучивает ежедневно кучерам своим шамаласе, что он крупными ассенизациями зажигает трубки гостей, что он обожает на улице пикет.

т нагъ зоду... чтобы они толпились у его подъезда, и проч., и проч. Голицынь имѣлъ 24,000 дунь крестьянъ—разумѣется, все это громадное состояніе пошло въ прокъ. Голицынь проигралъ Перрену нѣсколько сотъ тысячъ; онъ судилъ билеты векселя не читая, сумма проигранныхъ денегъ на последнѣхъ ставилась не буквами, а цифрами, такъ что заимодавцы, на досугъ, легко принимали къ означенной суммѣ по нулю, а иногда по два и по три. Все прочія дѣйствія и расходы этого барина были въ такъ же историческомъ и этическомъ размѣрѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ получалъ приличное денежное содержаніе отъ племянниковъ своихъ, свѣтѣйшихъ князей Менишиковыхъ и князей Гагаринскихъ. Иногда онъ не сожалѣлъ о своей прежней пышности и о презрѣмъ своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ, а наслаждался по возможности жизнью, былъ всегда веселъ духомъ, а часто и навеселѣ. Князь Виземскій говоритъ, уже принадлежавши Екатерининскому времени,—онъ еще брался съ молодежью и раздѣлялъ наши невзгоды и виныя проказы. Въ старости онъ сохранялъ вѣрможескую паружность. Жуковскій, нашедши его, по приѣздѣ въ деревню къ молодому Виземскому, облекимъ домашнимъ человекомъ и, несяи ему за нѣкоторыя другія его знакомства и связи, похвалить его за то, что онъ умѣлъ привлечь къ себѣ такого степеннаго и почтеннаго старичка. Разумѣется, съ векорѣ развидѣвъ его и часто самъ смѣялся надъ своимъ скорымъ и опрометчивымъ заключеніемъ. Жена этого Голицына, урожденная Виземская, при жизни его вышла замужъ за графа Льва Кир. Разумовскаго. Князь Голицынь, не смотря на шумъ въ обществѣ, который надѣлалъ этотъ бракъ, не переставалъ вести дружбу съ графомъ Разумовскимъ, часто обѣдывалъ у своей жены и нерѣдко даже съ нею показывался въ театрѣ.

Жена Разумовскаго, «отпущеница» Голицына, графиня Марья Григорьевна, похлѣ старость*), какъ и ся первый мужъ, сильно любила азартную игру. Нерала она больше въ рулетку на водахъ и особенно въ Монако, куда ее приводили почти дряхлой старухой. Страсть нашихъ баръ къ публичной азартной игрѣ въ Гомбургѣ, Эмелѣ, Баденѣ, Ахенѣ, Спа и друг. развила почти съ учрежденіемъ въ этихъ мѣстахъ игорныхъ домовъ, и многіе изъ русской знати избрали постояннымъ своимъ мѣстомъ пребыванія преимущественно Баденъ и Гомбургъ, гдѣ купили себѣ прекрасныя виллы и дома. Начало рулетокъ въ курортахъ надо отнести къ началу публичныхъ игорныхъ домовъ въ Парижѣ. Хотя послѣднее обстоятельство и распустило тамъ множество тайныхъ притоловъ игры, но доходъ съ этихъ заведеній обогонялъ хорошенкыхъ патронессъ и ихъ молодцовъ-грековъ. Здѣсь кетати сказать, откуда взялось названіе во Франціи шулера—грекомъ. Въ концѣ царствованія

Людовика XIV одинъ греческій дворникъ, по имени Анулосъ, былъ допущенъ ко двору. Онъ участвовалъ тамъ въ игрѣ такъ удачно, что векорѣ возбудилъ подозрѣніе по своему огромному счастью. Однако, не смотря на удивительную ловкость, онъ былъ пойманъ въ плутовствѣ и сосланъ на галеры на 20 лѣтъ. Это происшествіе надѣлало много шума, и съ этого времени всякаго желаннаго поправить свои дѣла безчестнымъ образомъ начали называть Анулосомъ или просто грекомъ.

Но, возвращаясь къ исторіи рулетки, мы видимъ, что рыцари trente et quarante, во закрытіи ихъ домовъ въ Парижѣ, оставались въ бездѣйствіи и праздности, теряя даромъ золотое время. Привыкшіе къ огромнымъ барышамъ, такіе хозяева игорныхъ домовъ: Веназе и Брисоль придумали найти для своихъ операцій новое мѣстечко и вотъ они отравились на благодатной нѣмецкой Рейнѣ, на берегахъ котораго было разсѣяно много владѣній мелкихъ нѣмецкихъ князей, и предложили имъ самыя выгодныя, самыя щедрыя предложенія, получили привилегію, и рулетки съ trente et quarante раскрыли свои заманчивыя столы, и въ курзалѣ Бадена стало събираться народу болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ противъ прежняго. Изъ всѣхъ мѣстъ на Рейнѣ, гдѣ шла публичная игра, самыя сильныя были въ Гомбургѣ. Банкъ отивчалъ тамъ 400,000 франковъ и выенная меза или ставка 12,000 франковъ: игра тамъ продолжалась круглый годъ съ 11 часовъ утра до 11 часовъ ночи. Въ Гомбургѣ нѣкто Гарсія выигралъ болѣе милліона франковъ, и три наши соотечественника сорвали нѣсколько банковъ. Рулетка изобрѣтена въ Парижѣ и введена въ употребленіе въ первый разъ въ салонахъ отелей Живри и Суасонъ, знаменитыхъ по странной игрѣ, которая тамъ происходила. Вислѣдствіи братья Перренны усовершенствовали ее. Сначала они имѣли только нумера, числомъ 36, и два цвѣта—черный и красный. Перренны прибавили къ ней четъ и нечетъ, manque и passe первую, вторую и третью дюжину, три колонны и, главное, два зеро, т. е. два нлѣ или два тауса, при которыхъ все проигрывали. Игра въ рулетку—самая азартная изъ азартныхъ: въ нѣсколько минутъ можно потерять все состояніе; въ trente и quarante есть еще какой нибудь расчетъ, который можетъ руководить опытнаго и благоразумнаго игрока, въ рулеткѣ же никакого. Рулетку не разъ подвергали своимъ плутовымъ шулерамъ: одинъ изъ таковыхъ—старый коветръ, сдѣлалъ рулетку, въ которой черныя кѣтки были нѣсколько побольше, чѣмъ бѣлыя, для того, чтобы шаръ въ своемъ ходѣ цѣлѣ болѣе шансовъ падеть на черныя, чѣмъ на бѣлыя. Чуть ли нѣкогда въ Немецбургѣ, въ одномъ игорномъ домѣ, прованномъ «Мельничей», было сдѣлано очень хитрое такое усовершенствованіе, и въ игральномъ столѣ находили скрытый механизмъ, который нацѣлывалъ, по волѣ хозяина, въ кѣтку четъ или нечетъ. Маленькое движаніе подъ столомъ сжимало все четъ, если онъ видѣлъ, что въ четѣ стоитъ больше денегъ, и шаръ принужденъ былъ идти туда, куда не было шетраженъ входъ.

*) Она умерла въ 1866 году 93-хъ лѣтъ отъ роду.

В то время, как это происходить, понтеръ счистаетъ красныя и бѣлыя, справился съ фронтностью, но что значать самыя ученые выкладки противъ легкаго движенія колѣножь.

Вообще наши шулера ни въ чемъ не уступали французскимъ грекамъ. Сколько почти фронтныхъ разсказовъ извѣстно про ихъ подвиги на ярмаркахъ между ремонтерами и помѣщиками. Въ началѣ нынѣшняго столѣтїя жилъ въ Петербургѣ одинъ изъ такихъ шулеровъ съ собою спокойною совѣстью, въ довольствѣ и съ многочисленными друзьями. Онъ выстроилъ себѣ въ Петербургѣ великолѣпный домъ, окруженный садомъ (домъ хотѣлъ принадлежать одному изъ богатѣйшихъ князей). Но разсказъ, въ его сабинѣ между развѣсами картинами первыхъ мастеровъ Европы висѣла въ золотой рамкѣ картина бубенчъ; повѣстана она была хвостомъ въ знакъ признательности за то, что она ругировала ему въ игорѣ, которая онъ когда-то металъ на какой-то ярмаркѣ и выигралъ миллионъ.

Въ Москвѣ въ пятидесятыхъ годахъ, былъ извѣстенъ одинъ баринъ, принадлежавшій къ высшему кругу общества, съ которымъ даже въ коммерческія игры сѣдланы играть не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ никогда не тасовать и не сдавать карты, и онъ покорился этому требованію съ величайшимъ хладнокровіемъ. Другой такой же профессоръ картонной магіи събѣраетъ, что только одинъ дураки могутъ играть въ карты не навѣрное. Онъ очень наивно признавался, что онъ всего только два раза въ жизни переступилъ.

— Помилуйте, господа, говорилъ онъ, — войдите въ мое положеніе: я металъ банкъ, карта шла на 60,000, и подумалъ: жена, дѣти, семейство! подумалъ и переступилъ; повѣрите, великій, кто обладалъ бы такимъ же талантомъ, какъ я, сдѣлать бы то же самое на моемъ мѣстѣ.

Про этого же самаго господина разсказываетъ Н. Макаровъ. Однажды въ Москвѣ онъ делю металъ банкъ! понтеровъ было много, карты стояло еще болѣе, за понтерами надо было слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ. Утомившись, онъ посадилъ вмѣсто себя своего товарища, а деньги, бывшія въ банкѣ, и выигранный положилъ подъ подушечникъ, какъ это часто дѣлается. Игра шла своимъ чередомъ, игроки разгорячились и стали увеличивать кушъ. Товарищъ, метавшій банкъ, видя одну карту, которая шла на очень большой кушъ, передернулъ, но какъ-то неловко, такъ что монетничество ему тутъ же было замѣчено. Тотъ, у кою шла карта, схватилъ подушечникъ и ударилъ имъ по лицу метавшаго, другіе понтеры свистали деньги и стали дѣлать ихъ между собою. Тогда нашъ господинъ, посадившій въ себя товарища, обратился къ играющимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Господинъ, на что это похоже! Онъ оселъ, личность его я представилъ вамъ, дайте съ нимъ что угодно, но деньги-то брать не слѣдуетъ, это поблаторо...

Еще недавно здравствовалъ въ Москвѣ одинъ баринъ, который игралъ только въ коммерческія игры, и игралъ такъ счастливо, что ему всѣ завидовали, и если бы не одинъ случай, то тайна его счастія такъ и умерла бы вмѣстѣ съ нимъ. Дело было въ томъ, что этотъ господинъ, сѣдлы играть, клалъ подлѣ себя табакерку, на крышкѣ которой находилась небольшая миниатюра артистической кисти Пето, съ изображеніемъ анархонтической сцены. Партнеры любовались этою миниатюрой, брали въ руки табакерку и разсматривали вблизи. Когда же начиналась игра, владѣлецъ подвигалъ табакерку къ себѣ, брать изъ нея ценотку табаку и въ это время незамѣтно трогать скрытую пружину, отчего на мѣсто миниатюры явилось небольшое выгнутое зеркало, съ помощью котораго онъ, сѣдлы карты и держа ихъ надъ табакеркой, видѣть ихъ всѣ, благодаря отраженію въ зеркалѣ. Когда не надо было, онъ опять выдвигалъ медальонъ и вѣжливо предлагать своимъ жертвамъ пощохать табакку. Но разъ какъ-то скрытый механизмъ заупрямился и предательница-табакерка выдала тайну коварнаго счастливца.

Аналогичная исторія съ этимъ произошла и въ наши дни на Николаевской дорогѣ. Мѣть пятнадцать тому назадъ бѣжалъ въ Петербургъ извѣстный племянникъ не менѣе извѣстнаго московскаго миллионера. Тутъ держалъ онъ въ обществѣ очень богатаго кушца, но очень жаднаго на вѣрный выигрышъ, и еще нѣкото театральнаго мужа. Последний, какъ говорила скандальная хроника, владѣлъ чудодѣйственнымъ портенаромъ, внутренность котораго сияла лучше великаго брилліанта и венеціанскаго зеркала, выдавая предательски владѣльцу всѣ карты его партнеровъ. Тутъ былъ дальній; друзья, послѣ приличнаго волнѣнія, закли перекинутъ въ банара; результатъ игры вышель такой, что магическій портенаръ помогъ артистическому мужу выиграть отъ благодушной сѣбности 14,000 р.

Но разсказъ сибиряковъ, тамъ до того въ старое время доходила азартная игра, что призовые ставили на конь своихъ женъ и дочерей. Золотопромышленники въ время золотой горячки играли вездѣ, гдѣ только могли, и бывали случаи, что азартная игра возгоралась и между рабочими при выходѣ изъ промысловъ. Такъ, на Енисейскихъ промыслахъ, на рѣкѣ Ангарѣ, по дорогѣ идуть деревни, названія которыхъ ясно свидѣтельствуютъ, что здѣсь предавались азартной игрѣ съ неслѣдствомъ. Вотъ клички этихъ поселковъ по порядку: Мотыгино, Новорой, Пятъкуй, Понтрай и т. д. Счастливыя, какъ разсказываютъ, набивъ карманъ ассигнаціями, отъ лѣсика до кабака зашли въ сѣняхъ, запрягая на мѣсто лошадей бабъ и выходя въ аршинную грязь, бѣжали ассигнаци и становили по нимъ.

Особенно процвѣтала между служившими на промыслахъ игра въ ремешокъ: искусство состояло въ томъ, чтобы сѣдлы пощохать ремешкомъ въ петлю и зацѣпать ремешокъ. Въ эту игру впроцѣпан не малъ денегъ тогдашніе золотопромышленники С—ва, З—ва, Р—ва, С—ва. При

омскомъ губернии служилъ одинъ чиновникъ ибмаецъ, [который ухи-
трали выиграть въ эту игру до полмилліона рублей. Въ Томскѣ ста-
рину было немалое количество игорныхъ домовъ. Изъ крупныхъ были известны
одни, который держалъ ссыльный французъ, известный подъ кличкой
Тата-бала. Другой держатель такого же игорнаго дома, еврей X., на-
столько былъ изобретливъ на выигрыши, что когда всѣ гости уходили домой,
то онъ садился играть съ своимъ слугою и отбиралъ отъ него всѣ деньги,
которыя онъ вырочилъ съ гостей за карты.

Во время существованія кабинетскихъ крестьянъ, въ городѣ Барнауль
карточная игра между горными инженерами доходила до колоссальныхъ
размѣровъ. Тамъ играли сутки по двое подъ-рять, пока не сваливались
подъ стѣгу. Въ томъ же городѣ существовала въ одномъ домѣ, отдѣленномъ
съ полуазіатскою роскошью, «академія игры», гдѣ метали банкъ и играли
въ другія азартныя игры на сотни тысячъ въ вечеръ.

Какъ ловкій шулеръ въ Москвѣ и Петербургѣ были известны, въ
двадцатыхъ годахъ, ибкто Чивеничи; онъ служилъ прежде въ одномъ
въ канцелярскихъ полковъ, существовалъ же игрою въ карты, да по-
кушью, мѣною и продажею лошадей. Жизнь онъ велъ очень открытую
и богатую. Чивеничи прославился по крупному мошенничеству. Онъ
использовался близкимъ въ Петербургѣ большимъ наводненіемъ, сочи-
нелъ высочайшіи рескриптъ на имя одного московскаго богача, грека
Сивеніуса, подписаннаго подъ руку императора Александра I; въ рескриптѣ
повѣщалось Сивеніусу ссудить его величество полумилліономъ рублей
ассигнаціями для вспоможенія пострадавшимъ отъ этого несчастнаго
событія, вручивъ эту сумму высочайше командированному Чивеничи;
съ этимъ еще въ рескриптѣ значилось, чтобы Сивеніусъ доверилъ еще
Чивеничи и другіе драгоценныя жемчужины, которую государю благоугодно
было показать и доставить тогда заграничнымъ августѣйшимъ особамъ,
при чемъ въ концѣ ему обо всемъ этомъ хранить величайшую тайну.

Чивеничи, явивъ къ Сивеніусу, вручилъ ему поддѣльный рескриптъ,
а этотъ богачъ, будучи такимъ милостивымъ вниманіемъ государя,
поспѣшилъ выдать Чивеничи какъ требуемыя деньги, такъ и жемчу-
жину. Получивъ сокровища, Чивеничи пріѣхалъ въ Петербургъ, затѣявъ
тамъ свадьбу съ знатной дамой Смольнаго монастыря, любимицею покой-
ной императрицы Маріи Федоровны, и намѣревался, вступивъ въ бракъ,
уѣхать немедленно за границу. Но случилось, что вскорѣ обманъ его не-
чаяно былъ открытъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ
гнѣздомъ Голуновымъ. Послѣдній немедленно далъ знать объ этомъ въ
Петербургъ; Чивеничи былъ схваченъ и посаженъ въ Петропавловскую
тѣмъ жемчужина и деньги, за исключеніемъ небольшой суммы, про-
странной имъ, если отъ него отобраны и возвращены Сивеніусу. Чиве-
ничи въ концѣ концовъ, въ 1826 году, былъ вмѣстѣ съ женою признанъ за-

границу, въ Турцію, тамъ онъ тоже что-то напроказилъ и едва ли избѣгъ
смертной казни.

Не меньшею славою такого же карточного хищника гремѣлъ въ концѣ
двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ въ Петербургѣ ибкто Долга-
шевъ, онъ же Смоленской, очень загадочная и непонятная личность.
Этотъ весьма вредный господинъ былъ самый искуснѣйшій игрокъ какъ
на билліардѣ, такъ и въ картахъ; въ игрѣ на билліардѣ ему не было со-
перниковъ въ Петербургѣ; онъ почти жилъ у ресторатора Меграна (по-
томъ Дюссо), гдѣ особенно ловко обыгрывалъ своихъ жертвъ, особенно
молодыхъ и богатыхъ людей. Квартира этого Долганева была въ Мор-
ской, отдѣлана очень роскошно и изящно и полна всевозможными ред-
костями: на окнахъ стояли драгоценныя амфоры, чуть ли не времени
Сардапанала, этрусскія вазы, современныя Аннибалу, сыну Амилкара,
саксонскій фарфоръ времени короля Августа, мебель Людовика XVI и
другихъ царственныхъ особъ Франціи и Италіи. Кровать, на которой
онъ починалъ отъ трудовъ своихъ, принадлежала несчастной королевы
Маріи Антуанеттѣ. Долганевъ вполнѣ гонялъ, что наши жуиры свизой-
дутъ до какихъ угодно ступеней, только умѣйте обставить грѣшъ извѣст-
нымъ блескомъ изящества. Онъ хорошо зналъ, что наши благородные
игроки, съ тугими бумажниками, любятъ комфортъ и покой для того,
чтобъ ихъ занятіе вышло какъ можно изящнѣе. На этотъ высшій тонъ
игры и избранное общество очень манителъ, въ особенности разные
зажиточные интенданты, купцы, банкиры, которые, поелѣ денегъ,
всегда больше всего гоняются за избраннымъ обществомъ. Разнузданный
порокъ скорѣе всего отталкиваетъ не потому, чтобы онъ возмущалъ
правственное чувство своего изящнаго поклонника, но потому, что онъ
оскорбляетъ чувство изящнаго—этого соблазнительнѣйшаго покрова вся-
кой страсти. Долганевъ имѣлъ видъ барина, всегда со вкусомъ хорошо
одѣтаго; онъ называлъ себя фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ,
но происхожденію будто бы былъ якобы блевекимъ мацаниномъ, а звали
его Александромъ Герасимовичемъ. Въ ресторанахъ онъ былъ больше извѣ-
стенъ подъ именемъ «Смоленскаго». Впоследствии Долганевъ былъ вре-
меннымъ первой гильдіи с.-петербургскимъ купцомъ и участвовалъ даже
въ откупахъ въ польскихъ губерніяхъ. Но всѣмъ даннымъ, Долганевъ
былъ не тѣмъ, что внешне желалъ изъ себя представить—онъ не былъ
простодушнъ; въ сильно пьяномъ видѣ, что съ нимъ встрѣчалось вѣдма
редко, онъ иногда проговаривался на превосходномъ французскомъ и иб-
мецкомъ языкахъ; языкованіе онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ. Также
болѣе всего поразали его страшныя, но случайно вырвавшіяся у него
выходки: такъ онъ въ просонкахъ командовалъ подобно полковому ко-
мандиру, а на обѣихъ погахъ его, на щизлоткахъ, были глубокіе
слѣды оковъ.

Въ теченіе своего болѣе полутора десятка лѣтъ пребыванія въ Петер-

буржэ Долганцевъ. Обмануть и обыграть многихъ богатыхъ и небогатыхъ людей. Хорошо знавшие его говорили, что онъ перѣдко привозилъ домой большіе узлы изъ салфетки, въ которыхъ было множество пачекъ ассигнацій различнаго достоинства.

Мы въ одну изъ нашихъ фельетоновъ «Петербургская старина» рассказали о крупномъ мошенничествѣ Долганцева, которое въ свое время въ Петербургѣ наделало много шума и осталось до сихъ поръ покрытымъ мракомъ неизвестности.

VI

Игроки тридцатыхъ годовъ.—Московская шайка.—Игрокъ Раузовскій.—Американецъ Толстой и Волковскій.—Случай съ композиторомъ Алябьевымъ.—Продѣлки петербургскихъ игроковъ.—Пригрыши казенныхъ денегъ: гг. Клевенскихъ и Политковскихъ.—Картежные дома въ позднѣйшее время.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія продѣлки рыцарей зеленого поля были особенно смѣлы и часты. Въ обихѣ столицахъ существовало нѣсколько игорныхъ домовъ, гдѣ шайки шулеровъ дѣйствовали съ необыкновенною наглостью. Безъ товарищей, одинъ, шулеръ ничтоженъ; одному думать рискованно и, въ случаѣ разоблаченія продѣлки, за него кому-нибудь ступить и принять его сторону въ спорѣ, ему необходимо помощникъ. Въ игрѣ въ банкъ и ей подобныя одинъ—его кажутся антагонистъ; если нужно, онъ скажетъ «атанде»; если товарищ-банкометъ забудетъ число прометанныхъ абцуговъ, онъ ловко напомнитъ и т. д. Другой товарищ—его дольщикъ; онъ держитъ банкъ съ нимъ пополамъ, знаетъ, имѣетъ право прометать за него или дать ему другую колоду; сбился (блѣмуть¹⁾) или абцужный, онъ его поправитъ; пришлось дѣлать перебогу на большее число абцуговъ, онъ, шаяли, сдѣлаетъ се, ему это ловко, онъ сидитъ рядомъ съ банкометомъ и на него никто не обращаетъ вниманія. Въ коммерческихъ играхъ одинъ товарищъ тоже необходимъ: имѣетъ одному—нахальная дерзость; тогда онъ долженъ самъ дѣлать и подбирать, и воевать, что не можетъ остаться незамѣченнымъ. Товарищество въ шулерахъ необходимо: они связаны общимъ интересомъ и каждое лицо необходимо въ компаніи. Одинъ техникъ, онъ неуловимо дѣлаетъ дерки, вольты и прочее; другой имѣетъ даръ завлекать, дружить и «шутить»; третій отлично живетъ, имѣя богатую квартиру съ примаками для игроковъ; четвертый обладаетъ талантомъ пронохать, у кого можно въпарать; пятый всегда въ деньгахъ, у него хорошее зна-

¹⁾ «Блѣмуть» или «абцужный штедь» на языкѣ шулеровъ называется такой банкъ, въ которомъ всѣ карты биты, кромѣ двухъ первыхъ абцуговъ, которые идутъ на счастье.

комствю и т. д. Такимъ образомъ, хорошо организованная шайка шулеровъ живетъ какъ нельзя лучше, и стоитъ только попасть туда богатому игроку, рѣдкій изъ нихъ отдѣляется тысячею, а другой всѣмъ состояніемъ. Эти милые люди увлекутъ хоть кого своими ужинами, съ очаровательными дѣвицами; въ концѣ узина всегда завязывается игра, о результатѣ которой не трудно догадаться.

Такая хорошо организованная шайка дѣйствовала особенно нагло въ Москвѣ въ описываемое время; она, при помощи своихъ агентовъ, узнавала о приближающихся въ первопрестольную столицу богатыхъ лицахъ, только что получившихъ наследство провинціалахъ или просто зажиточныхъ людяхъ и ловко завлекала такихъ неопытныхъ людей къ себѣ, гдѣ красивыя барышни были особенно любезны съ ними. На вечерахъ шампанское было въ изобиліи. Изъ вина перѣдко подмѣшивали одуряющія наркотическія средства; особенно одно время было извѣстно такъ называемый «кукельванецъ». Онъ имѣлъ такое странное свойство, что не лишалъ игрока физическихъ силъ, но, затмевая разумокъ, совершенно отнималъ у него память о томъ, что происходило съ нимъ и вокругъ него. Описанный «кукельванецъ» дѣлался положительно автоматомъ, безсознательно исполняя все, что ему прикажутъ. Очень понятно, что тогда ловкіе, отборные артисты не дремали и метали банкъ и гости проигрывали всѣ свои наличныя деньги. Но этимъ дѣло еще не ограничивалось, являлись еще изъ дальнихъ комматъ невидимыя лица съ заемными шельмами, векселями, съ нотаріальными книгами. Пьянато заставляли подписать заемное обязательство и его копію въ книгу. Послѣ такой продѣлки игрока отвозили домой, гдѣ онъ просыпалъ цѣлыя сутки и, проснувшись, ни о чемъ уже не помнилъ. Векселя такіе, какъ разказывалось въ своихъ воспоминаніяхъ О. А. Пржеславскій, обыкновенно писались на срокъ шести мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени они переходили въ третью или въ четвертую руки, а съ наступленіемъ срока подавались къ высканію. Мошенничеству было обставлено такими псевдо-законными формальностями, что судебныя власти того времени, связанныя буквою закона, не допускающею протеста по безденежности заемныхъ обязательствъ, и не могли воспринять высканій. Минимые должники, ничего не помня, крайне удивлялись, всѣми силами протестовали противъ высканія, но такъ какъ не могли осмарикивать своей подписи ни на векселя, ни въ нотаріальной книгѣ, то въ концѣ концовъ должны были уступать и платить.

Въ Москвѣ одна такая шайка, пожелавшая заключить сразу большой кушъ, попала на слѣдующемъ мошенничествѣ. Въ тѣ года прибылъ въ Блѣокаменную поселиться одинъ молодой богатый офицеръ, единственный племянникъ старушки-миллионерши. Члены шайки, всѣ люди «свѣткіе», постарались сблизиться съ нимъ. Устраивали у себя вечера съ ужинами во вкусь à la regence, съ обильными восхищеніями и поду-

двигали. После ужина метали небольшой банк. Офицер поспичать вчера, но не пить вина и не играть ни во что. Шулера придумали с ним следующую штуку. Одна из присутствовавших на ужинах престанца, по видимому, очень понравилась ему; они заставили ее назначить ему свидание. Место, выбранное для rendez-vous, было в глухом переулке между огородами и садами. Возле самого дома стояла полицейская будка. Офицер приехал в дом; его впустили лакей, заплатил звончику и велел ему ждать прочь, сказав, что господин здесь останется на ночь. Если в очень плохую квартиру, офицер не нашел той женщины, которая к нему писала: вместо нее пришли его какая-то неизвестная личности самого неприглядного вида. Офицер обошел квартиру и, подозревая мышеловку, хотел уйти, но нашел все двери запертыми, а привившие его личности сказали ему, что они раньше от них не уйдут, пока не исполнит одного непреклонного условия. Последнее состояло в том, что он должен подписать на гербовой бумаге и в нотариальной книге заемное обязательство в 150,000 р., заданное числом и сроком на шесть месяцев, на имя какого-то неизвестного ему господина. Офицер отказался от этого; тогда мошенники завили ему, что его будут сечь розгами до тех пор, пока он не подпишет и не сдлает того, к чему его они принуждали. Когда и за это офицер не соглашался, то его раздели и сбили нацело. На его крики никто не являлся. Наконец, пытаясь согласиться на все и подписать все. Его отвели в какую-то каморку и уложили в постель полунагого. Придя в себя, ему удалось выскочить в окно и кой-как добравшись до гостиницы, где он жил. Утром он отправился к губернатору и рассказал, что с ним случилось. Загорелось огромное дело. Разыски долго не приходили к хорошему результату и только один случай помог к открытию. Пьяный исецк нотариуса проговорился. Обнаружилась связь московских шулеров с петербургскими.

Расхищена шулерами была также часть колоссального богатства одного из Раумовских, графа Петра Алексеевича. Назначенный чиновником особых поручений при поворооссийском генерал-губернаторе герцоге Эмануэле де-Ринелье, он окружил себя всякого рода греками, евреями и другими темными личностями и шулерами-проходимцами, безответно ему сбравшими. Он в короткое время проиграл свой и словесный достаток, полный всякого величия: мебель, картины, gobelens, портреты, бронза, фарфор—все это пошло за беззастенчивые расхищения за карты и не долги. Проигравшись совсем, граф поехал в Одессу на хутор, близ Молдаванки, выстроить себе, с беззастенчивыми затратами, дачу. Подъезжая он велел вырыть лабиринт, многочисленными извилинами которого ему лишь одному были известны. Туда он забегал играть на карты, когда к нему являлись родственные гости.

В двадцатых годах в обществе также много говорили про азарт-

ную игру известного Толстого, американца; говорили, что игра его на самом деле была безупречна. Толстой и сам сознавался в этом, отказав раз своему приятелю, князю С. Г. Волконскому, метать ему банк.

— Нет, мой милый, я вас слишком для этого люблю. Если бы вы сели играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцов приводит рассказ, как Толстой сошелся с Панюкиным, с которым он не разставался по смерти и умер у него на руках. Вот как описывает он первую встречу друзей. Шла адекан игра в клуб; наконец, все разошлись, за исключением Толстого и Панюкина, которые остались за ломберным столом. Когда дело дошло до расчета, Толстой объявил, что противник должен ему заплатить двадцать тысяч.

— Нет, я их не заплачу, сказал Панюкин:— вы их записали, но я их не проиграл.

— Может быть это и так, но я привык руководиться тем, что записываю, и докажу это вам, отвечал граф.

Он встал, запер дверь, положил на стол пистолет и прибавил:

— Он варяжен, заплатите или нет?

— Нет.

— Я вам даю десять минут на размышление.

Панюкин вынул из кармана часы, потом бумажник и отвечал:

— Часы могут стоить пятьсот рублей, а в бумажнике двадцатипятирублевая бумажка, вот все, что вам достанется, если вы меня убьете, а в полиции вам придется заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступление; какой же вам расчет меня убивать?

— Молодец! крикнул Толстой и протянул ему руку,— наконец-то я нашел человека!

В продолжение многих лет друзья жили безотлучно, кутили вместе, играли и попадали вместе в тюрьму.

В эти годы также много надблала шуму в Москве криминальная история, случившаяся во время азартной игры; виновником оказался молодой адъютант начальника корпуса генерала Боркина, известный в то время любимым компанитором Алибеев; последний играл в карты на крупный куш с князем Н. в доме не пользовавшемся хорошей репутацией господина, ссыланного в общество под кличкой камика. Ал—ву везло очень; раздосадованный на неудачу князь крикнул на всю залу:

— Здесь нафринка играют, у вас баломуть подсажены!

— Как баломуть? вскрикнули партнеры во главе с Ал—вым.

Последний в азарт ударил шандалом по голове князя и прямо угодил в висок; после удара князь не встал и отдал Богу душу.

да — въ быль судимъ и отпущенъ въ каторжную работу въ Сибирь. На этотъ случай написанъ Писемскимъ романъ: «Масоны».

Прекрасно въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаеть, когда при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Перовскомъ намато было гоненіе на шулеровъ, то открыто было, что, кромѣ мелкихъ трактирныхъ и кабацкихъ искусниковъ, французились въ низшихъ слояхъ населенія, всему городу были известны шулера высшего полета, припимаемые въ обществѣ, какъ-то: гг. С., Г., И., Л., К., Е., князь О., Р., К. и т. д. Некоторые имѣли свои дома и давали вечера. Они-то постоянно обыгрывали Карабахскаго хана. Всѣ они были привлечены къ слѣдствію, но никто изъ нихъ не былъ пойманъ на дѣлѣ и никто не признался въ азартной игрѣ. А какъ это происходило въ то время, когда еще требовалось собственное признаніе, то слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Въ производствѣ его наиболее замѣчательно было объявленіе одного изъ этихъ господъ С., который, какъ всѣмъ было извѣстно, все свое значительное состояніе приобрѣлъ игрою. На дѣлѣ онъ показалъ, что онъ не играетъ ни въ какую игру, а карты знаетъ только по насянцу, который часто раскладываетъ. Всѣ люди, бывшіе при слуги подтвердили его слова. Но по обыку открыть было большой сундукъ, стоявшій въ передней. Въ немъ оказалось большое количество картъ, углы и края которыхъ были загнуты въ видѣ нарочай и на изъ, что и составляло наглядное доказательство, что въ домѣ играли въ банкъ или въ штосъ. Но камердинеръ и тутъ нашелся. Онъ сказалъ, что эти карты служили для чистки золоченыхъ пуговицъ на фракахъ ихъ господина и то, что имѣло видъ нарочай, дѣлалось для сохраненія самаго платья отъ послѣдствій чистки.

Поводомъ арестованія и обнаруженія шаякъ петербургскихъ шулеровъ послужило слѣдующее обстоятельство. На углу Гороховой и Малой Морской, въ собственномъ домѣ, жила княгиня Голицына, мать тогдашняго московскаго генералъ-губернатора, извѣстная въ высшемъ обществѣ подъ именемъ «Princesse moustache». Она имѣла у себя перикю въ Петербургѣ въ кара француза, обѣды у ней считались самыми гастрономическими и нередко на нихъ присутствовали высочайшія особы. Въ такомъ случаѣ княгиня обыкновенно приказывала сервировать обѣду на серебря, подаванномъ императоромъ Петромъ I одному изъ предковъ княжескаго дома. Разъ, когда высокопоставленное лицо должно было обѣдать у княгини, вошелъ къ ней дворецкій и, ставъ на колѣни, со слезами кивнулъ, что историческій сервизъ не будетъ поданъ къ обѣду, потому что онъ заложилъ его въ ломъ-ардѣ и не имѣетъ возможности выкупить; причиной этого поступка было, по словамъ виновнаго, то, что онъ, протѣдая какую-то коммерцію, проторговался, закладомъ этимъ хотѣлъ поправить свои дѣла и тогда выкупить сервизъ. Княгиня тотчасъ же распорядилась о выкупѣ и сервизъ къ обѣду былъ готовъ, дворецкій былъ замѣненъ другимъ, болѣе надежнымъ лицомъ, а имѣетъ

съ тѣмъ стало извѣстно, что онъ никакой торговли не производилъ, а игралъ въ карты и былъ обличенъ шулерами; тогда же узнали, что игра происходила въ особыхъ комнатахъ трактира «Вѣна», напротивъ дома княгини Голицыной.

Описаніе одного петербургскаго игорнаго дома находимъ въ воспоминаніяхъ В. И. Гетуна; послѣдній, еще молодой человекъ, былъ введень туда однимъ изъ пріятелей; тамъ металъ 25-ти-тысячный банкъ извѣстный въ то время игрокъ грекъ Полукучи; противъ него пушировало болѣе двадцати человекъ и всѣ, какъ и надо было ожидать, оставались въ проигрышѣ. Этотъ картежннй домъ содержалъ нѣкто Смагинъ; тайны этого притона открылъ Гетуна нѣкто майоръ Гарновскій, который за большую картежную игру былъ высланъ изъ Петербурга и проживать въ Твери подъ надзоромъ полиціи. Этотъ Гарновскій впоследствии испрошилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ, съ обязаніемъ его подпискою, чтобы онъ впредь въ карты не игралъ; онъ признавался Гетуна, что онъ хотя въ домѣ Смагина не бывасть, а барыши отъ игры получаетъ; онъ увѣрялъ, что между картежниками существуетъ своего рода честность и одного къ другому довѣренность, безъ чего компанія ихъ не могла бы существовать. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ, лѣтъ нѣтъдесять тому назадъ, существовало три аристократическихъ картежныхъ дома — это были въ Петербургѣ дома гг. Ж. и Р. и въ Москвѣ В. По разсказамъ, если въ Петербургѣ Ж. и Р. не успѣли обыграть кого нибудь въ концѣ, то въ Москвѣ В. пускалъ его просто по-міру, такъ велико было его искусство въ азартной игрѣ.

Шулера ветарину жили широко и открыто; многочисленная наша ярмарка были поприщемъ ихъ подвиговъ и богатою жатвою. Шулера ѣздили артелью, знакомились съ богатыми помещиками, питали также особенную привязанность къ ремонтарамъ и казначеямъ. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ особенно часты были проигрыши казенныхъ денегъ; такъ, многу шуму надѣлать въ свое время въ Петербургѣ проигрывъ 300,000 казенныхъ денегъ, сдѣланный чиновникомъ Управы Благочинія, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Клевовскимъ. Правда, часть этихъ денегъ онъ проигралъ не въ азартную игру, а въ преферансъ; въ выигрышѣ отъ него участвовали лица, прикосновенныя къ сферѣ благодѣтелей благочинія и были не кто иные, какъ полиціймейстеры 2 и 3 отдѣленій города Петербурга, полковники Трубачевъ и Ломачевскій. Клевовскій былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и отдачѣ въ арестантскія роты, что были тогда въ городѣ Нарвѣ.

Другой случай проигрыша казенныхъ денегъ былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ Пестиковскимъ; про роскошную жизнь послѣдній разсказывалъ просто невѣроятныя вещи; но богатству его неавыкали петербургскимъ Монтекрисъ. Видъ этому господина не представлялъ ничего

особеннаго; Политковскій былъ брынетъ, низенькаго роста, довольно тучный, съ манерами въ высшей степени самоуверенными. Онъ держалъ танцовщицу Вилкову на содержаніи. Тогдашнее общество не допытывалось до источника дохода этого барина; все полагали, что тутъ главную роль играютъ карты. Политковскій долго гремѣлъ своимъ богатствомъ. Вдругъ въ одно прекрасное утро сдѣлалось извѣстнымъ, что въ инвалідномъ капиталѣ сдѣлалось похищеніе нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Въ действительности украдено было 1.100,000 рублей. Въ тайнѣ похищенія участвовали чиновники сибирскаго отдѣленія: Путвинскій, Рыбанинъ и Таракановъ; доверчивѣйшимъ лицомъ Политковскаго, собственно, былъ первый чиновникъ, страннѣйшій гуляка и забубенная голова. Дѣло, какъ ходили слухи, началось съ 10 тысячъ, которыя, при первой проверкѣ инвалідной суммѣ, на лицо не оказались. При извѣстии объ этомъ, Политковскій заболѣлъ и, спустя нѣсколько дней, умеръ накануне ревизіи. Слухи носились, что онъ отравился.

Послѣ проигрыша казенныхъ денегъ Политковскимъ, особенно строго стали слѣдить за игорными домами и картежниками; съ этого времени извѣстная въ Петербургѣ мѣстность, утолъ Тюремнаго переулка и Офицерской улицы, называвшая въ шутку игроками «Le passage des Termopiles», не стала уже по вечерамъ горѣть огнями въ двухъ угловыхъ домахъ и манить прозябавшихъ по улицѣ то направо, то налево. Но разсказы, въ этихъ двухъ домахъ всевозможные приманки и соблазны были собраны для посѣтителей:руды золота, прелестныя женщины, дорогія вина и роскошныя яетки, все было къ услугамъ посѣтителей. Игра здѣсь шла самая ужасная, самая азартная. Извѣстно, что все игроки еувѣрны, а эта мѣстность— въ виду тюрьмы, Лиговскаго замка, и жилища палача—считалась самою благополучною для игры. Какъ извѣстно, еще во времена процвѣтанія Венеціанской республики, такимъ еувѣріемъ не брезгали и на небольшой площадкѣ, противъ самаго доженскаго дворца, гдѣ возвышаются колонны св. Марка и св. Теодора и гдѣ между этими колоннами предавались казни повѣшеніемъ:здѣсь неполицескіе преступники, тамъ-то и было единственное счастливое мѣсто, гдѣ шла азартная игра и стояли золотые столы съ грудами золота, за которыми совершенно спокойно сидѣли банкеты съ картами въ рукахъ, не пугаясь царствомъ палача.

О крупнѣхъ проигрышахъ, близкихъ къ нашимъ днямъ, мы могли бы разсказать цѣлую книгу. Много еще сравнительно не такъ давно говорили о бездѣлюхъ выигрывающаго одного страстнаго игрока П., что взялъ въ чашъ милліонъ рублей съ одного одесскаго грека. Про этого героя зеленато поля разсказывали, что онъ держалъ у себя даже укрывающаго имѣиющаго, тоже страстнаго игрока. Когда этотъ баринъ проигрывался, то посылалъ и слугъ въ деревню къ укрывающему стричь овецъ. П. жилъ на такой ширинѣ долго не получая отвѣта. Когда же пришелъ отвѣтъ, то облеклось въ ни шерсти, ни овецъ уже не существуетъ и все про-

играно укрывающимъ; на такую телеграмму была послана другая, законическая—«Кому»? Злые языки уверяли, что когда баринъ узнать ния счастливца, то поспѣшилъ самъ прѣхать въ деревню и въ одинъ часъ отобрать отъ него все имъ выигранное и вдобавокъ залучить и за безпокойство довольно крупную сумму. Я думаю, еще живы старожилы въ Варшавѣ, помнищіе проигрывающаго цѣлаго города Д—ны, поставленнаго на одну карту княземъ М—мъ, или въ Петербургѣ проигрывающаго милліона рублей г. А—ою М—ву, или выигрывающаго князя В. съ графа П. 235,000 руб., въ прихожей, въ публѣ, при возвращеніи домой послѣ прошедшаго вечера за зеленымъ столомъ.

Знающими нашу статью, мы не можемъ не сказать, что страстные игроки были везде и всегда. Но нигдѣ карты не были въ такомъ употребленіи какъ у насъ. Въ русской жизни карты, какъ говорить поэтъ Вяземскій,—одна изъ непреложныхъ и неизбежныхъ стихій. Но мы здѣсь говоримъ о мирной, такъ называемой коммерческой игрѣ, о картонномъ временипровожденіи, свойственномъ у насъ всемъ возрастамъ, всемъ званіямъ и обоемъ поламъ. Одна русская барыня говорила въ Венеціи:

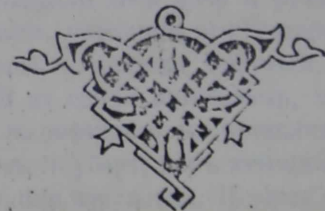
— Конечно, климатъ здѣсь хорошъ; но жалъ, что не съ кѣмъ сразиться въ винтъ.

Другой нашъ соотечественникъ, который провелъ зиму въ Парижѣ, отвѣчая на вопросъ, какъ доводитъ онъ Парижемъ, отвѣчалъ:

— Очень доволенъ: у насъ каждый вечеръ были своя партія.

Картонная игра въ Россіи есть часто оселокъ и мѣрило нравственнаго достоинства человека. «Онъ пріятный игрокъ»—такая похвала достаточна, чтобы благопріятно утвердить человека въ обществѣ.

Примѣты упадка умственныхъ силъ человека отъ болѣзни и отъ лѣтъ не всегда у насъ замѣчаются въ разговорѣ или на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности; но начини игрокъ забывать козыри—и онъ скоро возбуждаетъ опасеніе своихъ близкихъ и состраданіе общества. Картонная игра имѣеть у насъ свой родъ остроумія и веселости, свой юморъ съ различными прибаутками и поговорками.

Моды и модники старого времени.

I.

Гониміе на модниковъ въ XVII вѣкѣ.—Стрижка и бритье волосъ.—Уборы женщины.—Боярскія феризы кафтанъ, терлики и пр.—Нововведенія въ одеждѣ при Петрѣ I.—Поборники старинныхъ одѣвий.—Публичное осмѣяніе одеждъ и обычаевъ старинны.—Историческіе модники: В. В. Голицынъ и М. П. Гагаринъ.

Въ XVII столѣтіи наша русская знать пріобрѣла большую склонность къ новомоднымъ платьямъ и приуслугамъ. Указомъ 1675 года столыпникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцамъ повелѣно было, «чтобы они иноземскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ обычаевъ не перенимали, волосы у себя на головѣ не постригали, такожъ и платья кафтановъ и шапокъ съ иноземскимъ образомъ не носили и людямъ своимъ потому же носить не велѣли; а буде кто ширедь учинитъ волосы постригать и платья носить съ иноземнаго образца, или такоже платье обявится на людяхъ ихъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ онагѣ и изъ высшихъ чиновъ назначены будутъ въ нижніе чины».

Съ времени татарскаго ига русскіе, по обычаю враговъ, плотно стриглись, а нѣкоторые даже и брили себѣ голову. Передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непременно остричься. На обриту голову надевали тѣло (скуфы), на тѣло—колячекъ, а на колячекъ—тарпаную шапку. Чемъ выше была шапка, тѣмъ знатнѣе былъ носившій ее. Шапку не скидали и въ присутствіи самого государя. Приходъ домой, такой шапкой шапку нацѣплять на бокалецъ, расписанный парадно иконописцами и составившій украшеніе въ домѣ. Понадавшие въ церковь опавшіе или терянныя близкиихъ родныхъ отращивали на головѣ волосы въ зачѣпъ печали. Волосы были такъ длинны, что виски по лицу и плечамъ. Женщины же, наоборотъ, въ знакъ печали остригали себѣ волосы. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и

стыдомъ, и грѣхомъ оставлять непокрытъ свои волосы: опросторосить (открыть волосы) женщину было для нея большимъ бездѣствомъ. По словамъ Костомарова, въ Новгородѣ вошло даже въ обычай замужнимъ женамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрился церковно. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывши волосы подъ волоснякомъ (скуфьей), стиркали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами; это казалось имъ кривою. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пучкамъ волосъ на вискахъ.

Русскія женщины не заботились ни объ изящности формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ въ одеждѣ, лишь бы блестяло и нестрило. Въ ихъ одеждахъ не было тали, онѣ были мѣшки. О томъ, чтобы платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По мнѣнію русскихъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности; женщина стройнаго стна не считалась красавицею; напротивъ, ей предпочитали мясистую и тучную. По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатыя уши и нѣкоторыя запыленныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно.

На нестрыхъ платьяхъ женщинъ накладывалось множество украшеній; на шеѣ и на груди висѣло множество крестовъ на цѣпяхъ; на головѣ и по платью было напшто также много жемчуга. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ, было такъ тяжело, что у ней заболѣли ноги. На головкахъ дѣвицъ были вѣнцы, имѣвшіе форму гороховъ и теремовъ, съ жемчужными повязками. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины, поверхъ своего и безъ того тяжелатаго платья, надѣвали еще «подволоку или проволоку». Это былъ родъ богатой мантии изъ шелковой шербатаѣ или бѣлой матеріи, но чаще золотой или сребротканой; край этой мантии были особенно парадно разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями.

Не довольствуясь своими нестрыми и богатыми одеждами, русская женщина бѣдилась и румянилась такъ, что приводила въ смѣхъ иностранцевъ. Она такъ набивляла на лицо краски, что, по замѣчанію Олсарія, казалось, будто бы кто нибудь размалекаетъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалекивали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Красавицы, которые совмѣшали за собою пригожесть, все-таки принуждены были задрать, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ.

Главнѣйшую часть убора, какъ женщины, такъ и дѣвицъ, составляли серьги и запястья или зарукавья. Первые обыкновенно бывали золотыя, длиною иногда дюйма въ два, всегда почти съ яхонтами, изумрудами или гіацинтами. Серьги носили и мужчины, но только въ одномъ ухѣ. Запястья были широкія серебряныя или золотыя очень некусаго юж

длинного дѣла съ жемчугами и драгоценными камнями. По послѣднее украшеніе бѣли и кольца или перстни, и затѣмъ разнаго рода монеты и особенно жемчужины. Въ рукахъ у женщинъ были шелковый съ золотыми камами и платокъ, называемый ширинкою. Зонтики также у богатыхъ женщинъ были въ употребленіи: ихъ носили надъ ними рабыни.

Бояре еще въ первые годы царствованія Петра Великаго на мѣсто нынѣшнихъ мундировъ надѣвали богатые золотые, бархатные и обшарпанные френчи, въ которыхъ, по указу 1680 г., должны были являться ко двору. Френзю называлось и женское платье; послѣднее онѣ носили съ поясомъ. Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ. Только цари и знатныя особы надѣвали «перчатныя рукавицы» и то зимою отъ холода; по величію онѣ дѣлились на рукавицы и рукавки. Для мужскихъ одеждъ людей средняго состоянія употреблялась матерія зубъ, родъ камлота; у людей богатыхъ паружная одежда была шелковая; тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ—черные и темные цвѣта употреблялись только въ печальныхъ случаяхъ или такъ называемыхъ смиренныхъ одеждахъ, т. е. траурныхъ. По понятиюмъ вѣка, яркіе цвѣта внушали уваженіе и потому начальствующія лица, по приказу цари, ридились въ такіе цвѣтныя одежды. Преобладающій цвѣтъ въ народѣ были красный и особенно красно-фіолетовый (червчатый); даже духовныя особы носили рясъ красныхъ цвѣтовъ.

Богатые и чиновные люди на лѣтній терликъ надѣвали охабень (послѣдній былъ измѣненъ при царѣ Сеодорѣ Алексѣевичѣ и строго было приказано въ немъ не пускать не только во дворецъ, но и въ городъ Кремль) или «блорядокъ», очень длинный съ рукавами и канишономъ, богато украшенный жемчугомъ. Поверхъ его вельможи, выходя изъ дому, надѣвали длинный кафтанъ камлотовый, очень похожій на охабень, только безъ канишона и воротника. Голый затылокъ русскихъ бояръ закрывался стоялымъ воротникомъ, шириной отъ трехъ до четырехъ палцевъ; послѣдній былъ украшенъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Воротники даже у самыхъ русскихъ были безъ складокъ около шеи; послѣдніе всегда искусно вышивались потому что предки наши дома ходили въ однихъ рубашкахъ. Сверхъ рубашки носили легкое шелковое платье, съ пуговицами, длиною до коленъ. На него надѣвали кафтанъ узкій съ пуговицами, подолсанный персидскимъ кушакомъ, за который затыкали пояс или кинжалъ. Каштаны обыкновенно были бархатные, обшари или сукна карминнаго цвѣта, иногда же изъ золотой парчи.

Между богатыми старинными одеждами были извѣстны еще френдун или съ поясомъ кафтаны; затѣмъ родъ шубъ, которыя употребляли цари на охоту подъ названіемъ «боестроги или терники», послѣдніе были бархатные съ золотыми шнурами и кистями на лучинныхъ соболяхъ или чернубурныхъ лисицъ. Между княжескими одеждами были извѣстны еще кожанки или шуба русская. Такъ о царѣ Михаилѣ Сеодоровичѣ сказано:

нарядившись въ кожанку золотной аксамитной на соболяхъ да въ шубу русскую соболью, крыта бархатомъ золотнымъ, застаетъ полы назадъ за плеча (описаніе торжества при бракосочетаніи царя Михаила Сеодоровича, стр. 36). Въ военное время употребляли родъ епанчи, называвшейся въ древности корань.

Исподнее платье шивали атласное бѣлое, или изъ золотой парчи. Бояре, какъ мы выше уже говорили, на голову надѣвали высокие, дорогія гарлатныя шапки—верхъ шапокъ бывалъ парчевый или бархатный и исподъ изъ соболей или рысей. Шапка унизывалась жемчугомъ и на верху ея дѣлавались кисти, иногда съ дорогими камнями. Обыкновенно же въ первые годы царствованія Петра Великаго бояре носили черное бархатное платье, по краямъ унизанное жемчугомъ и драгоценными камнями.

Къ числу старинныхъ нарядовъ надо причислить и ожерелья, которыя носили особы царскаго рода. Лжедмитрій, възвизавъ въ первый разъ въ Москву въ 1605 году, имѣлъ на шеѣ у себя ожерелье, которое тогда цѣнили въ сто пятьдесятъ тысячъ червонныхъ.

Принятіе разныхъ нововведеній въ одеждѣ приписываютъ Петру Великому; но еще ранѣе его, царь Сеодоръ Алексѣевичъ, женатый на Атафѣ Семеновѣ, изъ польскаго рода Грунецкихъ, въ угоду послѣдней, какъ передаютъ лѣтописцы, спилъ съ себя и съ бояръ женскіе охабни, велѣлъ стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски—съ саблей и носить кунтушъ. Царь только одного не дѣлалъ: не брилъ бороды, и то потому, что у двадцатилѣтняго монарха борода еще не показывалась. Но на бороду гоненіе было еще ранѣе Сеодора Алексѣевича. Во время татарскаго владычества начало было входить въ обычай брить бороды и великій князь Василій Іоанновичъ послѣдовалъ этому обычаю; это обыкновеніе продолжалось до Іоанна Васильевича; съ его царствованія духовенство вопіяло противъ бритья и Стоглавъ предать неблагословенію церкви державныхъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ церкви,—какъ говоритъ Костомаровъ,—борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человека и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недоуміе и считали его способнымъ на дурное дѣло—и все тогда носили бороды, и чѣмъ бороды были длиннѣе, тѣмъ санка человека считалась почтеннѣе и величественнѣе. Богатый человекъ ходилъ ее, берегъ и расчесывалъ гребенкомъ изъ слоновой или морской кости. Царь Борисъ Годуновъ, старясь ввести многіе нѣмецкіе обычаи, приказывалъ тоже брить бороды, но приказъ этотъ плохо привился, и только Петръ Великій повелѣлъ пуганымъ гребить паружные знаки, отличавшіе всѣхъ подданныхъ его отъ иностранцевъ, т. е. длинныя платья и бороды. Въ 1699 году вышелъ указъ царя, по которому, исключая крестьянъ, монаховъ, священниковъ и дьяконовъ, всѣмъ вѣлѣно было брить бороды. Въ 1705 году повелѣлъ государь платить за бороды пошлину—послѣдняя была слѣдующихъ

размѣрѣвъ: въ дворянѣхъ и другимъ чиновникамъ—по 60 руб., гостямъ первой статьи—по 100 руб., средней и меньшей статьи гостинья сотни, торговцамъ и посадскимъ первой статьи—по 60 руб., средней и меньшей статьи боярскимъ людямъ, ямщикамъ, извозчикамъ и церковникамъ (кромя поповъ и дьяконовъ) и всемъ прочимъ, кромѣ хлѣбопашцевъ въ деревняхъ живущимъ—по 30 руб. въ годъ. Вносившимъ эту бородавую пошлину, въ бѣлѣ кафтанинъ, дышали мѣдные знаки. Съ этого времени у насъ стали употреблять прическу волосъ, пудру, помаду, носить парики и въ это же время вошли въ моду перья и картузы.

Въ 1699 году вышелъ указъ: всемъ, за исключеніемъ поповъ, дьяконовъ, монаховъ и крестьянъ, носить платье европейскаго фасона; въ первое время государь приказалъ носить венгерское платье, но потомъ отбранивъ это и приказалъ носить мужчинамъ верхнее—саксонское и французское, а низшее и шикнее платье—нѣмецкое, а женщинамъ приказалъ наряжаться въ нѣмецкое платье. Но чтобы повелѣніе это исполнилось точно, за ослушниковъ наложилъ штрафы, и на городскихъ заставкахъ въ воротахъ повелѣлъ всякаго, кто окажется въ русскомъ платьѣ и бородѣ, брать съ нѣмкихъ по сорока копѣекъ, а съ конныхъ—по два рубля съ человека. Въ это же время повелѣно было въ лавкахъ русскаго платья не продавать и портнымъ такого не шить, подѣ опасеніемъ наказания.

Съ этого также времени вошли въ употребленіе галстукки и манжеты, а между женщинами—кофты и юбки.

Относительно обуви старинну уже извѣстна была нѣкоторая роскошь; такъ богатые носили сапоги съ серебряными подковами и гвоздями, унизанные по швамъ, на носкахъ и каблукахъ жемчугомъ, а иногда и драгоценными камнями. При царѣ Михаилѣ Осодоровичѣ люди обоего пола носили короткіе сапоги сафьяновые или друтой цвѣтной кожи, унизанные тоже жемчугомъ. Съ самаго начала прошедшаго столѣтія начали уже носить у насъ, по примѣру иностранцевъ, башмаки и на нихъ серебряныя прижки, иногда тоже унизанныя брилліантами или другимъ драгоценными камнями.

Петръ Великій строго смотрѣлъ, чтобы не носили старинную одежду, и только при представлѣнн ридиться въ старинный нарядъ одному князю-боярину Ромадановскому. Послѣдній по одеждѣ, обычаямъ и роду своей жизни служилъ сѣпиромъ на старое время.

Князь Ромадановскій отличался безкорыстіемъ и честностью. Партенъ разсказываетъ, что когда Петръ I, объявивъ войну шведамъ, сильно нуждались въ деньгахъ, что у него нѣтъ денегъ и хотѣлъ уже обратитъ въ монастырскія сокровища, то Ромадановскій передалъ царю громадное количество серебряной монеты и голландскихъ сѣмекъ. Деньги эти, съ грудой серебряной и позолоченой посуды, были на храненіи у Ромадановскаго, но никто не вѣдалъ объ этомъ—такъ какъ царь Алексѣй

Михайловичъ приказывалъ Ромадановскому сберечь и деньги и посуду въ особой камерѣ при тайной канцеляріи и выдать сохранившимъ деньгамъ только въ случаѣ войны, при самой крайней необходимости. Если бы Ромадановскій желалъ ими воспользоваться, то онъ могъ бы это сдѣлать безъ всякой ответственности.

Въ время преобразования Россіи Петромъ I, борьба старинна съ новой, осмѣянія древнихъ причудливыхъ нарядовъ, обычаевъ и обрядовъ (не разъ производившагося публично)—такъ описываетъ Желибужскій, современникъ такихъ случаевъ—въ мельчайшихъ подробностяхъ были выполнены, въ 1702 году, старинный обрядъ трехдневнаго предновогодняго свадьбы «остроумиолотнаго Теофилакта (Иккиа) Шапскаго, многоулыбнаго шута и смѣхотворца, женившася, въ 1702 г., на сестрѣ князя Ю. Ѳ. Шаховскаго. Самъ императоръ принималъ участіе въ такомъ шествіи, имъ затѣянномъ и устроенномъ по его вкусу къ подобнымъ потѣхамъ. Тамъ онъ былъ одѣтъ по-старинѣ, въ бархатный опанашъ, въ охабенъ изъ вишневои зурфи, сверхъ его феришь камчатная; на головѣ была шапка зайчья, черная; на ногахъ сапоги желтые, сѣрляные. Въ свадебномъ поѣздѣ были бояре съ боярынями, окольные, думные столыники и дьяки въ мантияхъ, фериэляхъ и гарлатныхъ шапкахъ. Лицо царя представлялъ князь-кесарь Ромадановскій, въ старинной царской одеждѣ; лицо царицы—жена Вутурлина; патриарха—князь-пана, прозванный также патриархомъ Пресбургскимъ, Залужскимъ и всего Кокуя (т. е. Нѣмецкой слободы)—учитель Петра I, Зотовъ».

«Первая ночь у новобрачныхъ, говоритъ Желибужскій, была на баннѣ у Куритныхъ воровъ и тутъ шили три дня. Настоятельно поднимали же гостей, по старинѣ, только горячимъ виномъ и крѣпкимъ шномъ и медомъ. Самъ государь при этомъ острить, обращаясь къ поборникамъ старинна, употреблявшимъ эти напитки, «а старинные обычай всегда лучше новыя» и т. д. Послѣдствія такого подничанья для нѣкоторыхъ были печальны.

Въ другой разъ въ Москвѣ, въ 1715 году, Петръ Великій опять посѣтился надъ старыми нарядами русскими и въ декабрѣ назначилъ уличный маскарадъ, въ которомъ, начиная отъ самаго именитѣйшаго лица и до простаго смертнаго, все были одѣты въ курьезныя старинныя платья. Такъ, въ числѣ «дамскихъ персонъ» была Вутурлина въ нарядной шубѣ и лѣтничѣ; князь-игуменья Ржевскан—въ шубѣ и телогрѣѣ. Въ рукахъ у этихъ лицъ была какою нибудь инструментъ, гудокъ или балалайка. Такъ смѣялся преобразователь Россіи надъ старыми обычаями и нарядами. Въ ряду историческихъ модниковъ рѣзко выдѣляются двѣ личности: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Матвей Гагаринъ. Первый изъ нихъ—сынъ боярина князя Василя Андруевича, получивъ въ свое время почти необыкновенное образованіе—онъ говорилъ на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ. Начать онъ службу при дворѣ царя Осодора столыникомъ и чашникомъ. Когда Заевинъ пред-

ставился к шпору, то Голицыны говорили съ нимъ по-латыни. По словамъ современниковъ, онъ отличался «умомъ, учтивостью и великодушнѣемъ» и терпѣнъ не могъ горячихъ напитковъ. Вѣжностью онъ былъ красавецъ и прибгавалъ къ такимъ кокеткамъ, употребленіе которыхъ у мужчинъ считалось смѣшнымъ. Такъ, онъ румянился и бѣлелся, завивалъ усы, мѣнилъ разными способами свою небольшую свѣтлую бороду. Одѣвался въ изысканный бирюзового цвѣта кафтанъ на соболихъ, расшитый золотомъ и украшенный жемчугомъ и драгоценными камнями. Боярская его шанка стоила болѣе десяти тысячъ червонцевъ; она была изъ рѣдкого, такъ называемаго, краснаго соболи или, вѣрнѣе, бѣлаго. Каменный домъ его, въ Москвѣ, не уступалъ убранствомъ своимъ лучшимъ дворцамъ Европы; онъ вмѣщалъ богатую коллекцію картинъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ живописцевъ; стѣны палаты были обиты богатыми тканями, потолки были зеркальные или росписные. Крыша дома была мѣдная и горѣла отъ солнца, какъ золотая. Существуетъ преданіе, что онъ на Москвѣ первый далъ примѣръ богатымъ строить каменные дома. Библиотека Голицына въ свое время была изъ рѣдчайшихъ въ Россіи. Онъ первый выписалъ изъ Греціи 20 докторовъ. Этотъ весьма сильный вѣздужа, во время правленія царицы Софіи, думалъ содержать министровъ при главнѣйшихъ дворахъ европейскыхъ. Онъ широко заботился о просвѣщеніи, убѣждалъ бояръ, чтобы они обучали дѣтей своихъ, отправляя въ Польшу и другія государства. Голицыны приглашали къ себѣ иностранныхъ наставниковъ и звали всѣхъ иностранцевъ въ Россію; онъ хотѣлъ ввести свободное вѣроисповѣданіе. Часто устраивалъ у себя ученыя бесѣды, особенно съ иезуитами, которыхъ изгнали изъ Москвы на другой день паденія Голицына. Голицыны собрали записки о состояніи и управленіи разныхъ государствъ. Онъ первый построилъ отъ Москвы до Тобольска на каждыхъ пятидесяти верстахъ избы для крестьянъ, снабдивъ каждого хозяина тремя лошадьми, съ условіемъ, чтобы ихъ содержали въ всегдашнемъ комплектѣ и взимали съ проезжающихъ за десять верстъ по три копейки на лошадь; онъ же велѣлъ разставить по дорогамъ длинные шесты во всей Россіи вмѣсто веретъ. Василій Голицынъ современники за дѣла называли «великимъ». Но, обладая просвѣщеннымъ умомъ, онъ не могъ освободиться отъ предрасудковъ своего вѣка. Такъ, однажды находившійся въ свитѣ его двоюродный Буяковъ, судній за шмъ по улицѣ, внезапно упалъ въ припадкѣ надудей болѣзни и, по суевѣрію, извиль съ того мѣста гореть земли, которую завязалъ въ платокъ. Голицыны, сочтя Буякова чародѣемъ, велѣлъ пытать за то, что онъ «вынимать», будто бы, «свѣдь его для порчи». Также по ервѣ приказанію сожжены живымъ въ Москвѣ на болотѣ, при множествѣ толпы народа, мечтатель Квиринъ-Кульманъ за ересь. Но при такомъ отрицательныхъ качествахъ Голицыну принадлежало въ Москвѣ и тогда великолѣпныя вѣдн, какъ постройку деревянныхъ мо-

стовыхъ на Москвѣ, сооруженіе зданій въ Кремлѣ, посольскаго приказа, постройку великолѣпныхъ каменныхъ палатъ для присутственныхъ мѣстъ, затѣмъ Каменнаго моста на Москвѣ-рѣкѣ о двѣнадцати аркахъ. Постройка этого моста казалась въ свое время какимъ-то чудомъ. Изобрѣтателемъ и зодчимъ моста, по народному преданію, былъ какой-то монахъ, котораго имя, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Ивовыми дубовыми стѣнъ въ русло рѣки и настлавъ ихъ брусевыми, онъ выводилъ на нихъ каменное зданіе. Это сооруженіе по тому времени казалось столь дорогимъ, что даже вошло въ народную поговорку: «Дороже каменнаго моста».

По рассказамъ современниковъ, Голицыны выводилъ изъ чина людей ничтожныхъ (?), указавъ въ нихъ истинное достоинство, и не любилъ бояръ, когда, съ знатнымъ происхожденіемъ, они были безполезны для отечества. По его инициативѣ было уничтожено мѣстничество въ Россіи и преданы огню книги, причинившія раздоръ между семействомъ и вредъ службѣ. Голицыны кончили свою карьеру очень печально. По волѣ Петра, ему были прочтены приговоры; главныя вины его были, что онъ и приверженцы его докладывали царевичу, а не государямъ всѣ государственныя дѣла, писали отъ нихъ грамоты и печатали имя Софіи въ книгахъ безъ дозволенія царскаго, что отъ неудачныхъ походовъ въ Крымъ Голицына казна понесла великіе убытки. За всѣ эти преступленія велѣно: отнять у Голицына боярство и чины и сослать въ городъ Яренскъ (Вологодской губерніи) и отнестъ на имя государей всѣ помѣстья, дома и помѣтки. При обыскѣ найдено было въ его сундукѣ 100 тыс. червонцевъ и 400 пуд. серебряной посуды, кромѣ разныхъ монетъ. Князь Голицыны умеръ въ семьѣхъ въ Инигѣ 80-ти лѣтъ.

Другой такой модникъ въ Петровское время былъ князь Матвій Петровичъ Гагаринъ, сибирскій губернаторъ въ г. Тобольскѣ. Этотъ великока удивлялъ всѣхъ своею царскою пышностью. Онъ въ первое время пользовался большимъ довѣріемъ императора и потому почти самовластно управлялъ такою обширною и богатою странною, какъ Сибирь.

У него за столомъ подавали кушанья на пятидесяти серебряныхъ блюдахъ; самъ же онъ ѣлъ только на золотыхъ тарелкахъ. Колеса его кареты были также серебряныя и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Парадный мундиръ князя Гагарина былъ зашитъ алмазами. Привѣжи его бандажеры стоили десятки тысячъ. Князь былъ видомъ очень невзрачный: невысокаго роста, черноватый, съ быстрыми движеніями.

Князь Гагаринъ выстроилъ въ Москвѣ, въ Вскомъ городѣ, обширныя и роскошныя палаты, гдѣ стѣны были зеркальныя, а потолки изъ стекла, на которыхъ плавали въ водѣ живыя рыбы. Эти великолѣпныя палаты, на образецъ венеціанскыхъ, водвинуты были, вѣроятно, по проекту какого нибудь иностраннаго архитектора. Четырехъ-этажныя комнаты выходили фасадомъ на Тверскую улицу, образуя порталъ съ двумя

панцирями; въ уступахъ между ними, въ аркахъ, устроена была открытая терраса съ балюстрадаю.

Въ бельэтажѣ у портала и обонхъ панцирныхъ висѣли балконы изъ бѣлаго камня, украшенные вычурною резьбою. Палички и сандрики надъ окнами состояли изъ орнаментовъ, искусно высѣченныхъ изъ камня. Надъ подъездными воротами видно было клеймо, увѣчанное князьезною короною и зачеканѣнное слѣдующею надписью: «Боже, во имя Твое спаси!»

Изъ бельэтажа на улицу, по обѣ стороны воротъ, были красныя крыльца съ оборотами, съ фигурами, балюстрадами и т. д. На заднемъ фасадѣ дома на дворѣ были дивныя балконы съ художественными орнаментами.

Внутреннее великолѣпнѣе палаты соответствовало и вѣншему: разнаго рода дорогое дерево, мраморъ, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшеніе покоевъ. Зеркальныя потолки отражали въ себѣ блескъ люстръ, канделябровъ, въ висѣвшихъ большихъ хрустальныхъ сосудахъ плавали живыя рыбы; разноцвѣтные наборные помы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образовъ его въ спальнѣ, осыпанные брилліантами, стоили по оцѣнкѣ тогдашнихъ ювелировъ болѣе 130 тыс. руб. Въ числѣ его несметныхъ сокровищъ былъ самый драгоценный изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ въ цѣломъ свѣтѣ рубинъ, привезенный ему изъ Китая. Сынъ этого князя, путешествовавшій за границую, такъ сорилъ деньгами, что его иностранцы прозвали набобомъ.

Князь Гагаринъ былъ уничиженъ Петромъ I въ лихоимствѣ и повѣшенъ на плахѣ передъ Сенатомъ, на страхъ другимъ, не унимавшимся въ то время лихоимцамъ, и все его имѣніе было конфисковано. Несколько тысячъ крестьянъ, принадлежавшихъ ему, были отданы производившему надъ нимъ сѣдствіе Егору Пашкову, потомство котораго отъ этого и жило впоследствии видное мѣсто между богатыми семействами.

II.

Вызды бр... — Полада архіереевъ. — Мода на кареты. — Великолѣпная карета Разумовскаго. — Вызды съ фор-гитарами. — Петлиотры и амурички. — Васекъ двора при императрицѣ Аннѣ и Елизаветѣ. — Развлекла Миниха и Манштейна. — Модныя лавки и волоко-челы. — Пары... — Пудра, булки и парики. — Красныя кабулчанки. — Модныя дома вельможъ и богатей. — Старый дворинскій бытъ.

Ветарин у при московскихъ царяхъ вся роскошь богатыхъ придворныхъ бол... обращалась на вызды и конскіе уборы: арчаки и сѣдла украшались драгоценными камнями, стремени иногда дѣлались золотыя, по... шитыя золотомъ и серебромъ, уздечки жемчужныя. Такіе уборы... сравнились въ богатыхъ семействахъ по десяткамъ лѣтъ и

переходили изъ рода въ родъ. Конями особенными русскіе не славилась; лошади въ употребленіи были татарскія, пригоняемая въ мѣскахъ изъ Астрахани. Щеголяли лошадьми русскіе, особенно бѣлыми. Боярина въ древности ѣхалъ къ двору со звономъ бубенцовъ и грохотомъ литавръ; у верховой лошади на ногахъ, сверхъ коняты, привѣшивали маленькіе колокольчики, а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшой литавры, мѣдная или серебряныя: владникъ ударять въ нихъ бичомъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходившіе давали дорогу. Такія поѣздки по улицамъ запретилъ Петръ Великій. Въ XVII вѣкѣ стали ѣздить у насъ въ каретахъ въ нѣсколько лошадей и зимою, и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники—на четырехъ, во время же свадьбы и годовщины—на шести. Въ прочіе, не исключая и столыничковъ, должны ѣздить лѣтомъ непременно верхомъ, а зимою—въ саняхъ на одной лошади. Олсарій говоритъ, что ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣе ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особенно духовными лицами. Такъ, патріархъ іерусалимскій, призванный въ Москву для посвященія въ патріархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24-го іюня. Архіерей обыкновенно ѣзжали къ обѣдѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою, спереди служила нескъ носохъ, позади также или служки. Колымага или карета единственно употреблялась для двора, въ нихъ запрягалось по шести и болѣе лошадей. Чтобы имѣть понятіе о древнихъ нашихъ каретахъ, опишемъ одну изъ нихъ, которую царь Борисъ Годуновъ послалъ въ подарокъ азнину дочери своей, датскому принцу Іоанну: «Возокъ 6 лошадей сърыхъ, шлен на нихъ червячья, у возку желѣзо посрѣблено, покрытъ лавровымъ сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою; подушки въ немъ лавровы и червячаты, а по сторонамъ писаны золотомъ и ренными красками; колеса и дышло крашенны». Ветарину подарки заказывали у юрочиванныхъ особъ были самыми излюбленными. Такъ, англійская юрочиванна Елизавета прислала Годунову карету, обитую бархатомъ. Въ богатой же каретѣ, въ 1606 году, привезла въ Москву Марина Минихъ; карета была обита снаружи алымъ сукномъ, а внутри—краснымъ бархатомъ, подушки были парчевыя, уздечки жемчужныя. Эта драгоценная карета была запряжена, по словамъ лѣтописцевъ, двѣнадцатью чубарыми жеребцами, до того искусно подобранными, что, не смотря на пестроту шерсти, трудно было отличить одну лошадь отъ другой. При этомъ вызды бѣды и колеска, запряженная шестернею.

Впоследствии, какъ увидимъ, мода на роскошные экипажи не имѣла уже границъ. Въ царствованіе же Петра I въ Петербургѣ каретъ было очень немного, и во всемъ городѣ только одна пашканъ, которою иногда пользовались пріѣзжіе иностранцы. При Аннѣ Іоанновнѣ, какъ выражается Щербатовъ, «экипажи тоже величавіе возмуществовали», и вышло

кареты помытые, с точеными стеклами, обиты бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахромами и съ шелковыми кутасами; богатые лошади, серебряные и позолоченныя шоры. При Елизаветѣ Петровнѣ экипажи богатѣй блестали золотомъ; дорогія лошади были не столько удобны къ ѣздѣ, сколько для вида. Золоченыя колеса, красная сафьянная сбруя съ позолоченнымъ наборомъ, кучера въ бархатныхъ кафтанѣхъ, съ бобровою опушкою, являлись на улицу при ежедневныхъ выездахъ богатыхъ. Въ торжественныя же дни поѣздъ снаряжался еще роскошнѣе: у извозчиковъ богатыхъ господъ парадныя кареты съ зеркальными стеклами были позолочены снаружи; цугъ отличныхъ коней съ кокардами и бантами на головахъ. Кучера безъ бороды, но съ усамъ въ треугольныхъ шляпахъ, пудреные, съ косами; позади кареты стояли рослые гайдуки, одѣтые егерями или гусарами; впереди кареты бѣжали скороходы, и они, опираясь на длинныя булавы, дѣлали размашисто скачки; одѣты были эти бѣгуны въ легкія куртки съ ленточными бантами на колѣнкахъ и локтяхъ; такой нарядъ они носили и въ самые сильные морозы; на головахъ у нихъ были бархатныя шапочки съ кистями и страусовыми перьями. Владѣльцы этихъ скороходовъ употребляли ихъ не только для парада, но и вмѣсто почты. Въ оппеленные годы ѣздили въ Москвѣ, на Васманной, С. К. Нарышкинъ, слышавшій первый разъ о каретахъ въ свое время. Онъ ко дню бракосочетанія Петра III выѣхалъ въ богатой золотой каретѣ, въ которой вслѣдъ были вставлены зеркальныя стекла, даже на колесахъ; карета эта стоила ему около тридцати тысячъ рублей. Кафтанъ у Нарышкина былъ шитый серебромъ, на спинѣ его было вышито дерево, сучья и листья котораго расходились по рукавамъ.

Въ блестящій вѣкъ Екатерины II уже при дворѣ и у нашихъ вельможъ появились кареты, но цѣны стоящихъ паравѣ съ населенными имѣльцами; на дверцахъ шовой расколоченой кареты пишутъ пастушечьи сценки такъ великіе художники, какъ Вато или Буше. Императрица Екатерина II получала даже въ подарокъ драгоценныя кареты, украшенныя, помимо жемчуга, драгоценными камнями; одну такую ей шлетъ Людовикъ XV и другую великолѣпную двумѣтную карету посылаетъ ей Фридрихъ Великій. Въ это время безумная мода на кареты доходитъ до того, что Андрей Кирилловичъ Разумовскій заказываетъ карету для своего отца въ Лондонѣ, цѣною въ восемнадцать тысячъ рублей; за одно показаніе мастеръ сбиваетъ сумму въ нѣсколько тысячъ руб. По привозѣ этой кареты, Павелъ Петровичъ велитъ привезти ее на Каменный островъ для осмотра. Въ концѣ царствованія стали ѣздить въ каретахъ шестернями съ двумя фрейторами «на уносѣ»; передовой фрейторъ, трогаясь съ крыльца дома, при разѣздахъ кидался какъ уторѣнный; ему вѣнчалось въ обязанность непременно вывести персика съ бала своего барина, хотя бы въ разбитой каретѣ. При такихъ разѣздахъ общія

свѣзка и давка доходили до неистовія; не только въ дробящіе лошади экипажи, но давили на-смерть лошадей и людей; послѣ каждой бала, если крѣпостные кучера когонибудь задавили, то хвастались, какъ будто выигранной побѣдой.

При вступленіи на престолъ Павла I, варварская мода ѣзды съ фрейторами пріутихла, но за то съ восторженіемъ императора Александра I вновь появилась старая упряжка, съ кучерами въ русскихъ армякахъ и фрейторами. Особенно цѣгодили такими закладами въ Москвѣ. Жюхареви разсказываетъ, что въ 1805 году подъ Новинскимъ, въ числѣ такихъ упряжекъ, обрѣла на себя вниманіе карета, чрезвычайно парадная, какого-то Павлова: голубая, съ позолоченными колесами и рессорами, соловья лошади съ широкими проточинами и съ гривками по колѣню, въ бархатной пунцовой, съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Коренныя, какъ львы, на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручныя на кубертахъ. Старомодныя кареты попадались еще въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ; такъ, въ эти годы еще жила фрейлинка Екатерины II, княжна И. М. Долгорукова, которая ѣздила въ двумѣтной каретѣ, которая имѣла видъ вѣера (en forme d'eventail). Въ Екатерининское время прогулки въ экипажахъ ежедневно дѣлались у Гостиннаго двора. Здѣсь, на Ильинкѣ, около лавокъ, можно было встрѣтить всю аристократію; всѣ волокиты въ то время назначали свиданія. На это свиданія неоднократно жаловались царинѣ, говоря: «что петиметры и амурички только галантонить» и мѣшаютъ имъ продавать. Пріѣзды на прогулки въ эти мѣста нашихъ баръ отличались большою торжественностью. Большія высокія кареты, съ гравленными стеклами, запряженныя цугомъ большихъ породистыхъ голландскихъ лошадей, всѣхъ мастей, съ кокардами на головахъ, кучера въ пудрѣ, гусары, егери есаул и на заняткахъ, съ скороходами, бѣжавшими впереди экипажа; берлинныя, съ боковыми крыльцами, широкія сани съ полостями изъ тигровыхъ шкуръ, возницы, фрейторы въ треуголкахъ съ юзками, вооруженныя длинными бичами. Чинные и важныя поклонныя, привѣты рукою, реверансы и всякія другія учтивости по этикету того времени представляли довольно театральную картину на улицахъ Москвы и Петербурга.

Роскошь и блескъ нашего двора начинаются со времени Анны Юлиановны; чтобы быть на хорошемъ счету у государыни, тогда требовалось расходовать очень большія суммы, и чтобы не затеряться въ развѣченной толпѣ, наполнявшей дворцовыя апартаменты, человекъ, не обладавшій милліонами, неминуемо долженъ былъ продавать ежегодно по одну сотню «душекъ», по нѣжному выраженію майора Данилова. Придворныя чины, по словамъ Миниха-сына, не могли лучшаго сдѣлать императрицѣ уваженія, какъ если въ дни ея рожденія, тезоименитства и юрочанія пріѣзжали въ новыхъ платьяхъ во дворецъ. Манштейнъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «придворный, третившій на свой туалетъ въ годъ не болѣе 3 тысячъ рублей, былъ почти незамѣчатъ».

Блеск двора Елисаветы Петровны былъ еще болѣе изумительнъ; даже французы, привыкшіе къ блеску своего версальскаго двора, не могли надвинуться роскоши нашего двора. Щегольство и кокетство дамъ нашихъ было въ большомъ ходу, и всѣ женщины только и думали, какъ бы перецеголять другъ друга. Елисавета сама подавала примѣры щегольства; такъ, во время пожара въ Москвѣ, въ 1753 году, у ней сгорѣло 4 тысячи платьевъ, а послѣ ея смерти Петръ III нашелъ въ гардеробѣ ея саванномъ 15 тысячъ платьевъ, частью одинъ разъ надѣванныхъ, частью совершенно не носенныхъ; два сундука шелковыхъ чулокъ, лентъ; бантиковъ и туфель до нѣсколькихъ тысячъ; болѣе сотни перазрѣванныхъ французскихъ матерій и т. д.

Въ Екатерининское время уже появились въ обихъ столицахъ французскія модистки и разныя модныя лавки: послѣднія появились подъ названіемъ: «Au temple de goût», «Musée de Nouveautés» и т. д. Существовать введеніе, что введеніемъ французскихъ нарядовъ и модъ, Россія обязана Кириллу Разумовскому и другу его, Ив. Ив. Шувалову. Въ ихъ время въ Москвѣ славилась модистка Виль, которая продавала модныя шубки («шубки безъ рукавовъ»), чепцы, рожки, сорочки, «королевина вѣшаванье», à la grecque, баннички-стерлядки, улиточки, подкольный женскій кафтанъ, распашныя куръ-форме и фурро-форме, разныя бантики, бижутера. Модистка Кампионн предлагала своимъ покупателямъ цветы, гирлянды для наколокъ на дамскія платья и т. д. Уборщикъ и волососечъ Бергуанъ рекомендовалъ всѣмъ плыннымъ помаду для отращиванія волосъ; изъ духовъ «вдохи Амура»; онъ же дѣлалъ изобретенную имъ новую накладку для дамскихъ головокъ, въ видѣ башни съ швейцарскими садами à la Семирамидъ. Другой такой же французскій парикмахеръ Мюльетъ предлагалъ мужчинамъ парики изъ тонкихъ бѣлыхъ волосъ, которые такъ легки и покойны, что вѣсятъ только девять лотовъ; дѣлали ихъ, не надо помазать волосы толстымъ слоемъ сала и обильно муромъ. Были между парикмахерами великіе артисты своего дѣла; такъ, Леонардъ парикмахеръ несчастной королевы французской Марин-Антуанетты, очень пріятно распорядился громадными дамскими куафюрами, пудрой, голубиными крыльями (ailes de pigeon) и т. д. Когда революція поколебала французскій тронъ и снесла высокія головныя уборы, онъ перѣхалъ изъ Франціи. Про него существуетъ слѣдующій анекдотъ: разъ, причесывая модницу Разумовскую, которая сѣдила на балъ и хотѣла блеснуть новымъ прическою, но для этого ничего не было подѣ рукой — цѣпты, перья, брилліанты, все это уже было старо — графиня сообщила свое горе Леонарду. Парикмахеръ ходилъ по комнатамъ, ожидая вдохновенія. Вдругъ изъ уборной графа видитъ онъ короткіе штаны изъ краснаго бархата. Онъ ихъ хвѣстатъ, разрѣзаетъ ножницами, собираетъ огромныхъ пучкомъ и устранивъ графинѣ оригинальный, дотолѣ невиданный головной уборъ, съвѣсивъ прокладный ушбукъ.

Въ Екатерининское время за туалетами просиживали цѣлыя часы; иная щеголиха засядетъ въ пудеръ-магелѣ, горничная вьетъ бумажки, а дѣвочка бѣгаетъ, раскалываетъ ципцы. Одѣвались тогда болѣе по произволу, хотя и прибѣгали къ моднымъ портникамъ, чепчицамъ и волосочесамъ. Употребительная причеса молодыхъ красавицъ была слѣдующая: дѣтали посерединѣ головы большую квадратную буклю, будто батарею, отъ нея шли по сторонамъ косыя крупныя букли, словно пушки, назадъ шпильки и вся причеса была не менѣе полуаршина длинныя, что называлось: «le chien couchant». Употребляли пудру разныхъ цвѣтовъ — розовую, палевою, сиренькую, à la vanille, à la fleur d'orange, mille fleurs. Щеголиха дѣлала длинную маску, съ зеркальцами изъ слюды, прѣтилъ глаза, и парикмахеръ пудрилъ дульцемъ, маленькимъ мѣхомъ или шелковою кистью. Нѣкоторые имѣли особые шкафы, внутри пустые, въ которыхъ пудрились; барыни вѣкла въ шкафы, затѣрили дѣрца и благоуханная пыль нѣжно опускалась на ея голову.

Дѣвочки ходили въ волосахъ съ гирляндами, перьями на головкахъ, иногда съ наколками. Старики ходили распудренные въ букляхъ, въ парикѣ и съ кошелекомъ назадъ; нѣкоторые носили локоны, бархатные саногги, трость въ рукѣ. Тростями щеголяли: у одного казнаво вельможи трость стоила не одну тысячу. Трость графа Кирилла Разумовскаго оценивалась въ 20 тысячъ рублей — была она вся изъ агата съ алмазами и рубинами. Князь Лобановъ-Ростовскій имѣлъ у себя цѣлую коллекцію тростей, которую купилъ у него графъ П. П. Воронцовъ-Дашковъ за 75 тысячъ рублей. Замужнія женщины въ концѣ прошедшаго столѣтія носили на головѣ трои наковки, тюрбаны съ брилліантами, перьями и платья круглыя молдаванъ съ хвостами изъ бархата, штофа, атласа, люстрина, гродетюра, гроденанли. Ко двору надѣвали робы, вышитыя шелками, съ глазетовыми юбками, съ длинными, аршина въ полтора, хвостами или русскія съ рукавниками назадъ; послѣднія стоили по тогдашней цѣнѣ не менѣе тысячи рублей. Къ этому наряду прибавляли фишмы, обшитыя обручи, по аршину съ боковъ, которые поддерживали, сжимали, опускали по желанію. Слѣбно было видѣть двухъ такихъ щеголихъ дамъ въ четырехъбѣтной каретѣ. Они корчились, высокая причеса достигала имперіала, а огромныя фишмы высовывались изъ оконъ кареты. Защесто выѣзжали въ платьяхъ изъ липо-батиста, тарлатана, кисеи, въ шляпкахъ, чепцахъ; лѣтомъ съ зонтикомъ, зимою въ бархатныхъ шубахъ съ золотыми петлицами и съ муфтами собольими или изъ анора съ длинною шерстью. Вверхъ служить занятіемъ для рукъ; онъ защищали отъ солнца, помогали скрыть смѣхъ, шепнуть слово. Вклились, румянились очень прилежно, а также сурмили брови, напудрили мушки величиною съ гривенникъ и кончалъ мелкою блестякою. Мушка имѣла значеніе: большая у щегола глаза называлась «тиранъ», крошечная, на подбродѣ — «слѣбю, да не вижу», на щекѣ — «согласіе», подѣ носомъ — «разлуку».

Въ Екатерининское время вошло въ моду ходить на красныхъ каблучкахъ (les talons rouges). Красные каблучки означали знатное происхождение. Эта мода была перенята у французовъ, гдѣ существовала этотъ аристократическій обычай при послѣднихъ трехъ короляхъ.

При Екатеринѣ II, когда на куртагахъ явилась роскошь въ женскихъ туалетахъ, для дамъ были придуманы мундирныя платья по губерниямъ, и какой губернии были мужья, такого цвѣта и платья у жены. Юбка у такихъ платьевъ была атласная, а сверху что-то въ родѣ казаккина или стуртука, довольно длиннаго, изъ стамеди, цвѣта губернии, съ шелковою оторочкой другого цвѣта.

Пудра въ началѣ нынѣшняго столѣтія начала исчезать. Молодые модники стали являться въ больномъ свѣтѣ безъ пудры, буклей и конельковъ. Сначала на это смотрѣли, какъ на неслыханное новшество, введенное якобинецъ Шампаньи и его свитою. Но мода очень скоро взяла свое и надъ пудрою въ петербургскихъ гостинныхъ стали подсмѣиваться. Однако, при дворѣ и въ некоторыхъ гостинныхъ, гдѣ строго еще держались старыя нравы, безъ пудры никто не смѣлъ явиться. Молодые щеголи, послѣ визитовъ въ такія гостинныя, когда имъ хотѣлось побывать еще у когонибудь, принуждены были насоро бѣжать домой, чтобы вымыть себѣ голову и предстать въ салоны, какъ того требовала нынѣшная мода.

Но при императорѣ Павлѣ никто не смѣлъ и подумать о томъ, чтобы безъ пудры носить волосы или надѣть французское платье. Пудру перестали носить только послѣ коронаціи императора Александра I, когда она была отменена для солдатъ. Когда молодой государь пересталъ употреблять пудру и остричь волосы, то, глядя на него, и другіе сдѣлали то же. Но по-прежнему до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія были знатные старыя, которые гнушались новой модой. Къ такимъ принадлежали въ Москвѣ князь Юсуповъ, Куракинъ, Лобановъ, Остерманъ и еще некоторые другіе оставшіе сановники, которые появлялись въ обществѣ въ французскихъ кафтаняхъ, въ блонь жабо, блонь швейномъ камзолѣ, въ чулкахъ и бантикахъ.

Бѣлатье возможно безъ должностей, начиная съ вѣка Екатерины, стали переселиться въ Москву, гдѣ они щеголяли роскошно и разными модными новшествами. Дома ихъ походили на дворцы. Въ чертогахъ ихъ были: паркетъ, позолота, бархаты, картины, бронза, gobelены, полы изъ шёлка и паркета съ коврами, у дверей дюжины офицантовъ въ ладунахъ, букли съ шелковыхъ чулкахъ. Въ такихъ домахъ содержалось по пяти докторовъ, какъ бы въ больницѣ: одинъ для мужа, другой для барыни, третій для дѣтей и два для слугъ. Тогда про докторовъ говорили: «твой знаменитъ, твой любезнѣе, прочіе подешевле»; гостинная такого барского дома была загромождена софами и новомодными диванами; послѣдніе впервые у насъ появились послѣ визита Очакова; названіе они получили

отъ Потемкина. Передъ диванами на столахъ лежали обыкновенно раскладывать фарфоровыя куколки и игрушки «рококо», стояція иногда нѣсколько тысячъ рублей; такая модная гостинная въ то время скорѣе походила на магазинъ и служила выхоною безжалостнаго тщеславія.

Въ дни баловъ и модныхъ собраний или раутовъ, на лѣстницѣ съ бархатными ковками дѣлали цѣлую рощу изъ померанцевыхъ деревьевъ, а ингалерники представляли лавы, разставленные по ступенямъ; за узкимъ аршиннымъ стерляди, малины и вишнею цѣлая гора, не смотря на январь мѣсяць; пріѣзжали гости на такіе преддверки въ семистопельныхъ каретахъ, цугомъ, назади два араба или еврея, впереди два вершника и два скорохода.

Богатыми въ Екатерининское время считали такіе, кто имѣлъ до десяти тысячъ рублей дохода; эти счастливицы выходили изъ общаго уровня, держали болѣе слугъ, лошадей и т. д.

Дома такіе помѣщики имѣли въ столицахъ собственные; послѣдніе переходили отъ одного поколѣнія къ другому и оставались въ роду безъ передѣлокъ; до начала нынѣшняго столѣтія не выводили ни одного дома съ колоннами, всюду господствовала простота. На лѣстницѣ рядомъ были кладовыя съ желѣзною дверью и две огромныхъ сѣней, одна за другою, которыя перегородкивали стѣны; особой прихожей не было, частію босая дѣвка отворила дверь. Одноэтажный домъ состоялъ изъ семи-восьми комнатъ надъ сводами; для хозяевъ — спальни, кабинетъ; для дочерей и сыновей, сколько бы ихъ ни было, съ учителемъ, также по одной; столовая, гостинная, дѣвичья. Печи на столбахъ муравьиная, бѣлая, синія со вѣдниками, узорами; полы досчатые. Въ пріемной комнатѣ софы, кресла изъ черной кожи съ мѣдными гвоздиками, или плетенныя изъ ремешковъ; обои съ грубыми разводами пѣтушками, съ человѣческими лицами коричневаго и съ облаками зеленого цвѣта; трюмо изъ составныхъ стеколъ, окрашенныхъ, съ одной рѣзбою, замѣняли зеркала; въ окнахъ мелкіе переплеты; такіе дома походили на темныя архіерейскія кельи. Разъ введенный порядокъ въ такихъ домахъ не нарушался; поутру собирались къ чаю, затѣмъ расходились: барышни за рукодѣла, мальчики за уроки. Обѣдъ въ этомъ домѣ въ полдень; яства самыя простыя: щи, каша въ горшочкахъ и бутылки съ кисломъ; хозяйка въ тулупѣ, хозяйка въ салонѣ; за столомъ каждая дочь обѣдать приходилъ пошъ, который сидѣлъ по правую руку, рядомъ съ нимъ приходилъ учитель и шутъ; по лѣвую сторону трѣна дѣтей, старуха шиваза, мадамъ и губернере-и-и-и-и. Такойъ хозяйка дома была обыкновенно старая княгиня, владѣлецъ тысячу душъ крестьянъ, поминцій страхъ Божій и возмездіе.

Обѣдъ у него изъ деревенскихъ запасовъ; пріѣдетъ гости, къ столу прибавятъ лежанники или дутый широкъ и бутылку бѣлаго вина; послѣ обѣда отдыхъ, хозяйка спать и потомъ всѣ обѣдающіе съядутся вѣдѣть, раскладываются карты, хозяйка читаетъ печатныя вѣдомости, отиски

изъ деревень, сѣфута вяжетъ чулокъ; вечеромъ горять салныя свѣчи, лачюки снимаютъ свѣчами или щипцами нагорѣвшую свѣтильно; въ десять часовъ всѣ уже члены семейства спить. Слуги такого дома оборваны, грубы, дѣшно пьяны; въ прихожей старыя лакеи сидятъ и вяжутъ чулокъ. Комнаты безъ обоевъ; на стѣнахъ висятъ произведенія кисти крѣпостного художника по обыкновенію, картины со стѣдующими сюжетами: Юдифь, дефлорация окровавленную голову Олоферна, надъ большимъ серебрянымъ блюдомъ или обнаженная Клеопатра съ румяными грудями, которая кусаетъ огромная змія.

Такой помещикъ имѣтъ также свой штатъ; у него жили бѣдныя дворянки съ дочками, мамы, няни, барскія барыни; первыя жили на кухне, вторыя выдвкали сахаръ, кофе, чай, наблюдали за хозяйствомъ; барскія барыни одѣвали госпожу, смотрѣли за ея гардеробомъ, чистотою комнатъ, выѣзжали съ барынею по гостямъ. Изъ мужичь главными лицами были: дворецкій, дядька сыновей, затѣмъ казначей, парикмахеръ, стрижій, были еще въ домѣ кучинымъ; стряпчие хлопотали всякій день въ присутствіи нѣкихъ мѣстахъ, рѣдкій помещикъ не имѣлъ тѣлобѣ; второй — ракъ для поутру сбѣгать въ ряды за шинельками, булавками, за палочкой суровки. Сидѣли мамы, няни въ дѣтской на сундукахъ, скамейкахъ; мужской персоналъ въ столовой, передней, на войлокахъ. Слуги тогда по большей части отличались высокимъ ростомъ, дородствомъ и важной осанкой. Въ шель домашнихъ забавничковъ стояли за стульями во время обѣда госпожа карлики, шуты и дураки; шуты были въ шелковыхъ разноцѣтныхъ парикахъ, съ локонами, въ чужомъ кафтанѣ, въ камюлетѣ по кавказу; они передразнивали господъ, ругали ихъ, имѣли позволеніе говорить правду; дураки были одѣты въ одеждѣ изъ доскуткони, надъ ними всѣ смѣлялись, дергали, толкали, мазали ихъ горчицей по губамъ и физически имѣли надобдали.

III.

Модная галлманья.—Подражаніе иностранцамъ.—Характеристика московскихъ модницъ.—Республиканскія прически.—Щеголи и щеголихи начала XIX столѣтія.—Знаменитая старуха графиня Рауменская.—Щегольство графини Рауменской.

Мода ко всему французскому и введеніе французскаго языка во всеобщее употребленіе въ Россіи началось въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; въ то время такъ она въкоренилась въ обществѣ, что даже въ официальныхъ бумагахъ многія казенныя учрежденія стали посылаться по французской кличкѣ. Такъ, напримеръ, Россійская Академія Наукъ въ это время стала называться «Десанъ академія». Въ эти годы дворянство, какъ и дворянство, стали бредить, подражать и прекло-

няться всему, что приходило изъ Париза. По словамъ современниковъ, въ тѣ годы пріезжій иностранецъ не имѣлъ нужды въ своей сумкѣ и тарелкѣ: всадѣ двери для него были открыты, «милости просимъ, чѣмъ Богъ послать—кушай на здоровье, не брани». Подражаніемъ иностранцамъ, кажется, но сейчасъ еще страдаетъ русское общество. Такія рабскія подражанія французамъ осмѣляли наши лучшіе тогдашніе драматурги — Княжнинъ и Фонвизинъ. Первый — въ лицѣ героя Фирюлина модной въ то время пьесы «Несчастье отъ кареты», и второй — въ «Бригадирѣ», дуна сына котораго, какъ говорить одинъ изъ дѣствующихъ лицъ комедіи, принадлежитъ французской коронѣ. И. А. Крыловъ еще злѣе осмѣлялся надъ тогдашней столичной и провинціальной галломаніей. Смѣлялся также много и графъ Растининъ надъ французскимъ языкомъ и полубарскимъ воспитаніемъ значительной части дворянскаго сословія. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, кажется, всѣ хотѣли прослыть иностранцами. Посѣтитель, въ 1810 г., Москву поэтъ Батюшковъ вотъ что о ней писалъ въ письмѣ къ своему пріятелю: «Здѣсь всѣ картавить и кривляются. Зайдя въ конфетный магазинъ, на Кузнецкомъ мосту, гдѣ жидъ или гасконецъ Рокъ продаетъ мороженое и всякія сласти, я видѣлъ большое стеченіе московскихъ франтовъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ англійскихъ фразахъ и въ очкахъ, и безъ очковъ, и растрепанныхъ прическахъ. Стоятъ, конечно, англичанинъ; оцъ, разиня ротъ, смотритъ на восковую куклу. Нѣтъ, оцъ русакъ и родился въ Суздаль. Ну, такъ этотъ французъ; оцъ картавить и говорить съ хозяйкой о знакомомъ ей чревоущателѣ, который, въ прошломъ году, забавлялъ весельчаконъ парижскихъ. Нѣтъ, это старій франтъ, который не бѣзаетъ датѣ Макарья и, промотавъ родовое имѣніе, наливаетъ новое картами. Ну, такъ этотъ немецъ, этотъ блѣдный, вислоуій мужчина, который вышетъ съ прекрасной дамой? Ошибся! И оцъ русскій, а только молодость провелъ въ Германіи. Но, по крайней мѣрѣ, жена его иностранка: она насилу говоритъ по-русски. Еще разъ ошибся, — она русская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Пешалихой Кушны и кончить жизнь свою на свитѣ Руен. Прону замѣнить еще пожилого человека въ шпорахъ. Оцъ избобрѣлъ въ прошломъ году новыя подковы для своихъ рысаковъ, дрожки о двухъ колесахъ и картуль бѣль козель. Оцъ живетъ на конюшнѣ, завтракаетъ съ любимымъ блануотъ и бѣднѣтъ нарочно въ Лондонъ, чтобы познакомиться съ извѣстнымъ новозаломъ о болѣзни своей англійской кобылы».

Въ иностранныхъ книжныхъ лавкахъ Батюшковъ видѣлъ безцѣстнаго покушающаго модницъ, не уступающаго парижскимъ въ благодѣстн, которыя съ жадностью читають главыи и скучныи проповѣди, лишь бы только оцъ были наивеаны на языкѣ медоточиваго Фенелона, сладостно друга почтенной дѣвцы Гюль. Приди въ городъ, здѣсь оцъ видѣтъ совершенно восточный базаръ: тутъ были грекъ, татаринъ, турецкъ въ чалмѣ

и въ туфляхъ; тамъ сухой французъ въ банникахъ, искусно перескакивающій съ камня на камень, тутъ важный переиначить и т. д.

На модистъ тогда Тверскомъ бульварѣ ожить цѣлая толпа праздныхъ жителей. Хоръшій тонъ и мода требовали, чтобы сюда приходили: франтъ и кокетка, и старая вѣстовница, и жирный откупищисъ, и т. д. Какіе странные наряды, какія лица! Здѣсь вы видите прѣзикаго изъ Молдавіи офицера, шука придворной вѣнской красавицы, наследника податника, который не могутъ налюбоваться его остроумъ мундиромъ и певнинами шпестими. Тутъ вы видите провинціального щеголя, который прѣхалъ перенимать моды и который, кадетомъ, помираетъ слезами счастливца, предсказаннаго на почтовыхъ съ береговъ Сикваны — въ голубыхъ панталонахъ и въ широкомъ безобразномъ фракѣ. Здѣсь красавица ведетъ за собою толпу обожателей; тамъ старая генеральна болтаетъ со своею соседкой и возгнъ нихъ откупищисъ, тяжелый и задумчивый, который твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну половину рода человеческого для винокурения, а другую — для пьянства, идетъ медленными шагами съ прекрасною женою и съ карломъ. Университетскій профессоръ въ епанчѣ... пробирается на пыльную кафедру. Шалуны наивають водовилы и гонимъ прохожихъ своимъ шуделемъ, между тѣмъ какъ записной стихотворецъ читаетъ эпиграмму и ожидаетъ похвалы или приплатенія на обедъ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія особенно сильно подражали французамъ: бывшія моды до революціи Версали уже не появились у нашихъ щеголей и щеголихъ; послѣднія изъ маркизъ превратились въ Дианъ, Галатей, Венера, Аврору, Весталокъ и Омфалу. Платья на манеръ этихъ древнихъ божинъ вывели изъ употребленія фалбалы и палатины на польскій и нѣмечскій ладъ и другіе наряды на англійскій манеръ. Прическа мужчинъ и женщинъ состояла изъ коротко подстриженныхъ на шею волосъ, такъ, какъ стригли волосы тѣмъ, которыхъ гильотинировали. Такая прическа называлась à la Titus и à la гильотень. Въсего банникахъ женщины носили сандалы на босу ногу, и на пальцы ногъ вздвигали брилліантовыя кольца. Греческія моды, подобно французскимъ, у насъ держались довольно долго и женщины носили сперва обтянутыя батистовыя платья, на лавали на обыкновенныя рубашки, потомъ въсего такихъ прозрачныхъ носили кисейныя на батистовыхъ рубашкахъ и послѣ совершенно уничтожили рубашки и надѣвали трико, украшая ноги и руки золотыми обручами, которые надѣвали даже выше колыбъ. У мужчинъ вошли еще въ обиходъ одѣянія: фракы съ длинными и узкими фалдами, жилеты изъ розовато атласа, сапоги съ кистями и огромные галстуки, закрывающіе подбородокъ, длиною въ нѣсколько аршинъ, которые надѣвали обматывать вокругъ шеи.

Съ 1800 года модныя женскія платья не были особенно красивы: платья носили очень узенькія, носыть подъ мышками, спереди нога видна

но приколотку, а сзади у платья хвостъ; вскорѣ платья совсѣмъ огургузили и вся нога стала видна; на головѣ начали носить какіе-то картузы; безобразіе чепцовъ и шляпъ было такое, что теперь себѣ нельзя представить. Только у пожилыхъ дамъ туалеты были еще хороши и чрезвычайно богаче; тогда замужнія женщины носили матерій, затканная серебромъ, золотомъ и цѣвными газетными. Роскошь въ нарядахъ послѣ коронаціи Александра I была большая: съ этого времени современники стали замѣчать большое великолѣпіе особенно въ бальныхъ платьяхъ и съ этой же эпохи стали отдѣлывать роскошно комнаты въ домахъ и начали обѣдать часа въ четыре и шить — не такъ какъ прежде въ двѣнадцать.

Въ эти года мужчины на балы явились всегда въ шелковыхъ чулкахъ и банникахъ; явиться въ сапогахъ на балъ никто не посмѣлъ бы и только военные имѣли ботфорты; статскіе все носили банники; на всѣхъ порядочныхъ людяхъ были дорогія кружева, это много придавало щеголеватости. Кроме того, пудра на другихъ очень красива. Женщины и дѣвочки еще румянились; отъ этого не бывало зеленыхъ и желтыхъ лицъ. Съ утра румянились слегка, по вечеромъ, передъ баломъ, румянились сильно; были и щеголи, которые прибѣгали къ этому тоже. Обычай румяниться на Руси самый древній и, по словамъ иностранцевъ, бывшихъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, румянились у насъ все женщины, начиная отъ княгини до послѣдней крестьянки. Изъ историческихъ щеголей извѣстны Левъ Разумовскій; въ свое время онъ превосходилъ любезностью и щегольствомъ всѣхъ своихъ современниковъ. Не разъ отцу этого фантита приходилось улаживать долги молодого щеголя. Однажды къ отцу его явился портной со счетомъ въ 20,000 рублей. Оказалось, что у графа Андрея въ «знаменитой его гардеробѣ» однихъ жилетовъ было нѣсколько сотенъ. Разгнѣванный отецъ повелъ графа Андрея въ кабинетъ и, раскрывши шкафель, показалъ ему кобеникъ и мерлушечью шапку, которую носилъ въ дѣтствѣ.

— Вотъ что носилъ я, когда былъ молодъ, не стыдно ли тебѣ такъ безумно тратить деньги на платья, сказалъ гетманъ.

— Вы другого платья и носить не могли, хладнокровно отвѣчалъ сынъ: — вспомните, что между нами огромная разница, — вы сынъ престола казака, а я сынъ російскаго фельдмаршала.

Гетманъ, любившій и самъ отпустить острое слово, былъ обескураженъ отвѣтомъ сына.

Жена брата этого Разумовскаго, графиня Марія Григорьевна, отличалась еще большею безумною роскошью въ своихъ туалетахъ. Страсть ее къ нарядамъ доходила до того, что когда, въ 1835 г., въ Вѣнѣ, собралась она возвратиться въ Россію, то просила прозаканнаго черезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному ведомству, облегчить ей затрудненія, оказавшія се въ прѣѣзѣхъ туалетахъ пожитковъ.

— Да что же намъ рены вы провести съ собою? спросилъ онъ.

— Безъ нужды, отвѣчала она:— триста платяевъ!

Графиня Разумовская очень любила Парижъ и, какъ простодушно признавалась, любила его потому, что женщины немолодые тамъ носятъ туалеты въ видахъ свѣтлыхъ отблѣсковъ. «Ахъ, улица эта губитъ меня», шутила говаривала она на другой день послѣ прѣзда своего, гуляя по rue de la Paix. Въ Парижѣ она уѣзжала каждыя три года. Передъ коронаціей покойнаго государя, графиня рѣшилась туда съѣздить, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжествъ въ Москвѣ. Петербургъ не былъ еще связанъ стѣною желѣзныхъ дорогъ съ Европою. Путешествіе было долгое и утомительное. Графиня, нигдѣ не останавливаясь, однимъ духомъ добѣжала до Парижа: ей было тогда 84 года; прѣехала она довольно поздно вечеромъ, а на другой день, утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляла по любимой своей rue de la Paix. Въ то время въ Парижѣ находилась старая вѣнская прѣтельница и ровесница графини, княгиня Гессельковичъ, рожденная Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, не смотря на свои преклонныя лѣта. Узнавъ, что Разумовская однимъ духомъ доскакала до Парижа для заказа нарядовъ, княгиня съ завистью воскликнула: «Послѣ этого мнѣ останется только съѣздить на два дня въ Нью-Йоркъ».

Мода на драгоценныя камни у насъ существуетъ съизвѣстна: еще московскій великій князь Василій Ивановичъ, къ немалому соблазну своихъ современниковъ, сѣдовалъ модѣ занесенныхъ цеголей Западной Европы: нашивалъ на себя нутовицы, ожерелья, на рукахъ носилъ множество перстней, мажся благовоніями, притиралъ себѣ губы, сурмилъ брови, румянилъ и бѣлизилъ щеки и т. д. По свидѣтельству епископа Алансонскаго Арсеція, присутствовавшаго на парадномъ прѣмѣ, сдѣланномъ въ золотой палатѣ царицею Приной Родуновой, женою цари Оеодора Ивановича, на нувицѣ такъ много было драгоценностей, что смотрѣть на нее безъ удивленія нельзя было; нарядъ ея былъ весь покрытъ алмазами, изумрудами и жемчугами. Историки, видѣвшіе вѣщаніе цари Алексѣя Михайловича, говорятъ, что на царидѣ такъ много было драгоценностей и брачный нарядъ такъ былъ тяжелъ отъ драгоценныхъ камней, что царица вынувшись была переодѣта. То же самое повторилось и съ императрицею Анною Ивановною въ день ея коронаціи. Одинъ только императоръ Петръ I не особенно ухаживалъ блескъмъ драгоценныхъ камней, хотя и носилъ за ними первыхъ развѣдчиковъ, голландцевъ и итальянцевъ, на Уралѣ. Но за то его любимецъ Меншиковъ у себя имѣлъ ихъ на миллионы. Минихъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что императрица Анна, въ угоду врезвѣщику Вирону, тратила много миллионныхъ рублей на покупку брилліантовъ и жемчуговъ для его жены. Платежъ послѣдней стоилъ одно 400,000 рублей и другое, обильное жемчугомъ, 100,000 рублей. Беннига Виронъ носила на себѣ брилліантовъ на два

милліона рублей. При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, по разсказамъ брилліантника Позье, брилліантовъ при дворѣ было столько, какъ ни у одного европейскаго двора. Онъ говоритъ, что когда въ первое время во вѣнствіи своемъ на престолѣ императоръ Петръ III выискалъ изъ Германіи своего дядю принца Георга Голдингскаго и его семейство, то онъ принужденъ былъ имъ надѣвать нѣсколько уборовъ изъ фальшивыхъ камней разныхъ цвѣтовъ, подобранныхъ и перемѣняемыхъ съ брилліантами, чтобы, когда они явятся ко двору, то наши дамы не сжекали бы: «Смотрите-ка, эти иностранцы чуть не голыя прѣехали къ намъ». Брилліанты всегда были мѣриломъ богатства. Хотя у многихъ нашихъ аристократовъ были и подѣльные, и одно время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, были обычай на балы даже являться въ чужихъ брилліантахъ, и, случалось даже такъ, что сегодня взятые на прокатъ брилліанты были одѣты на одной и завтра на другой; хотя все это знали, но не считали это предосудительнымъ.

Царствование императрицы Екатерины II можно назвать вѣкомъ моды на брилліанты и цвѣтныя камни. Царедворцы ея вѣка все цеголяли драгоценными камнями. Кирилль Разумовскій имѣлъ цѣлый мундиръ, залитый брилліантами. Потемкинъ носилъ на головѣ шляпу, всю обшитую брилліантами. У него на праздникъ въ Таврическомъ дворѣ танцовали двадцать четыре пары изъ значительныхъ фамилій въ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которые въ итогѣ стоили десять миллионныхъ рублей. Графъ Пелль разсказываетъ про модника Екатерины II Зубова, что его мундиръ былъ залитъ брилліантами и что онъ имѣлъ страсть носить въ карманѣ камзола алмазы, которые пересыпалъ на рукѣ, любуясь ихъ игрою и блескомъ.

Дочь графа Орлова-Чесменскаго владѣла коллекціей драгоценныхъ камней, которые въ сложности стоили не одинъ миллионъ. У ней на шеѣ была длинная нить крупнаго жемчуга; въ нѣсколько разъ обшитая въ кругъ шен, она спускалась до пояса. Каждая жемчужина была величиной какъ двѣ самыя крупныя горошины, положенныя одна вѣстѣ другой, т. е. продолговатыя и удивительнаго блеска. Нить этого жемчуга оцѣнивалась въ 600 тыс. рублей. Покойная императрица Александра Оеодоровна говорила: «Je n'ai pas de perles telles que la comtesse Orloff».

Дорого стоившею страстью—собирать брилліанты владѣла была Татьяна Васильевна Юсупова; въ числѣ ея драгоценныхъ камней были, между прочимъ, ея купленъ знаменитый брилліантъ, называемый «Юлианная вѣзда»; она купила также діадему бывшей королевы испанской Каролины, жены Мюрата, и жемчужину, известную подъ именемъ «Перегринна», стоившую 200,000 рублей и принадлежавшую нѣкогда королю испанскому Филиппу II. Кромѣ того, у ней было огромное собраніе камней съ вырѣзанными на нихъ эмблемами и девизами.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія мода на драгоценныя камни со-

большою силой процвѣтала и были даже особы мужского пола, которые ими себя украшали. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ одного такого, который въ пятьдесятъ лѣтъ румянился, бѣлнлся, сурмилъ себѣ брови, заплелъ волосы и, слѣдуя старинной модѣ, носилъ двое часовъ или, въ крайней мѣрѣ, отъ нихъ двѣ цѣпочки съ брелоками, которыми дѣлалъ видъ, что висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ и которыми онъ побрякивалъ. Табакерки изъ янны, перстни бирюзовые, аметистовые, конны покрывалы были его пальца, и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камениковъ, которые поверхъ жилета носилъ онъ крестообразно; всего же примѣкательнѣе въ его сокровищницѣ было огромное жемчугъ, который при важныя оказія въ видѣ застежки являлся у него на груди.

Мода на драгоценныя камни немного увала въ началѣ царствованія императора Александра I. Это случилось послѣ расхищенія гардемебли въ Франціи, тогда всѣ лозовенныя драгоценности были увезены изъ Парижа и раздробились, сравнились; новая мода, которую война и торговля потомъ такъ быстро создали, не успѣла еще составиться — и брилліанты, рубины, изѣто брилліантовъ, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, ихъ мушкетерами и родственниками награжденными въ Италіи. Намъ и тогда надобно было подражать: брилліанты, которыми наши дамы были богаты, всѣ были похищены и предоставлены для пощенія кунрихамъ. За немовѣрную цѣну стали доставать тогда рѣзные камни, оправить ихъ и вѣснать въ браслеты и ожерелья. Это было горько антикварамъ. Въ Москвѣ въ это время проживалъ богатый помѣщикъ Годо — оны, который на украшеніе изъ камесей потратилъ все свое состояніе. Онъ считалъ за одну каме какого нибудь античнаго мастера по пяти тысячъ рублей и болѣе.

IV.

Страсть къ снмъ и косметикамъ. — Доктора. — Модные обшорки и перья. — Модная страсть къ моднымъ водкамъ. — Лекарство отъ всѣхъ болѣзней. — Эпоха танцовальнаго млевенія. — Страсть къ мушкетерамъ. — Обожаніе пивцовъ и пивницъ.

Косметики и духи вошли въ употребленіе у насъ только въ концѣ прошедшаго столѣтія; съ этого времени наши придворныя дамы, кромѣ гуашевой краски (розовой) да зорной и мятной настойки (холодеца), другихъ духовъ не знали. Первыми явились въ моду при Екатеринѣ II «Амброзійя» и «Локки», родъ сани; послѣднія считались предохранительными средствомъ отъ чумы и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Вмѣстѣ съ ними стали получать изъ-заграницы кармекую меленую воду, затѣмъ лодераль (лавердиканъ настойка). Общеупотребительный теперь одеского происхождения послѣ похода нашихъ войскъ во Францію; послѣдній очень полюбился Павловнѣ I и мнѣе изъ плечи и голову. Щеголихи

Екатерининскихъ временъ, для востановленія своей увядшей тѣлесной красоты, брали молочныя и земляничныя ванны. Первые духи были — «Вдохъ амура» и затѣмъ «Франкизианъ», изобрѣтенныя италіицемъ Меркуріо Франкизиани. Въ числѣ косметическихъ средствъ наши красавицы-прабабушки употребляли для лица слѣдующія прѣстия вещи: для мягкости кожи обкладывали лицо на ночь парной телятвиной; отъ вѣснущей натирали лицо раздавленными сорочными яйцами; для гладкости и бѣлизны употребляли дынное сѣмя, тертое съ бобовой мукой, также огуречное молоко; прыщи съ лица сводили отварами травъ неопы. Мыло первое у насъ стало извѣстно казанское яичное, ввели его въ употребленіе татары. Пудра первая была привезена изъ Франціи, называлась она à la мареналь; тамъ она явилась во время регентства. Первая французскія помады для волосъ стали употреблять въ Павловское время; цѣна за небольшую банку стояла очень высокая, не менѣе одного рубля. Для бѣлизны лица наши барыни натирали лицо свиноевыми бѣлизнами, румянились конешилью и также втирали въ щеки бѣдугу. Мушки, какъ мы уже говорили, тогда играли большую роль; изобрѣтены онѣ были въ Лондонѣ герцогиней Нью-Кастель; ношъ ими она скрывала прыщи, бывшіе у нея около рта. Мушки у насъ приготовляли изъ черной тафты, носили ихъ всегда при себѣ въ очень изящныхъ золотыхъ, чернаховыхъ и перламутровыхъ маленькихъ табакеркахъ; мушки вмѣли самыя прихотливыя рисунки: звѣзды, луны, собаки, лисицы и даже кареты, запряженныхъ четверною лошадей. Были также еще извѣстны въ старое время косметическія маски Ноней; послѣднія надували на ночь на лицо и послѣ утрома употребляли утиральники Венеры; это были куски замши, натертыя снержаментомъ съ бѣлизнами; надували на ночь такія же перчатки и на руки. Очень моднымъ въ концѣ прошлаго столѣтія считалось на груди носить блонныя ловушки, на шелковой ленточкѣ или золотой цѣпочкѣ; ловушки дѣлались изъ разскаго дерева, слоновой кости, изъ серебра или золота; это были небольшія трубочки со многими дырочками, снизу запертыя, а сверху открытыя, въ которыя ввертывались стволы, намазанной кровью, медомъ, снержаментомъ или какою нибудь липкою жидкостью.

Также въ числѣ модныхъ всякихъ увлеченій въ русскомъ обществѣ была и страсть къ докторамъ и разнымъ лекарственнымъ нападкамъ. Иностранныя медики еще въ царствованіе Екатерины II считались не лучше цирюльниковъ и въ полкахъ у полковыхъ командировъ и штаб-офицеровъ какъ бы жили въ услуженіи; при ихъ докахъ получали домашнія порученія, какъ, наиримѣръ, расчесывали ихъ волосы и прѣбу. Но въ 90-хъ годахъ доктора уже стояли въ большомъ почетѣ и за визиты имъ платили слншкомъ щедро — рублей 10, 25 и даже за визитъ въ рубль 100. Первые иностранныя доктора были вышесаны изъ Англій въ 1581 году; снорѣ это были фельдшера. Назначеніе докторамъ за

скою отъ преимущественнаго въ государствѣ медико, посвященнаго знанію саркіатаріа; знаніе это у насъ существовало до учрежденія медицинской коллегии 1-го сентября 1763 г.; послѣдній архіатеръ былъ Кюндондъ. За иностраннѣйшими лекарственными у насъ нарочно посылались доктора въ иностранныя земли, но были медикаменты и отечественныя; послѣдніе собирались здѣсь въдомъ особой подати, для чего заведены были особенныя аптекарскія книги. Такъ, наиримѣръ, изъ поволжскихъ губерній и Астрахани привезли солодовый корень, изъ Сибири — бадьянъ, отъ болгаръ и киргизцевъ — ревенъ; послѣдній продавался долгое время исключительно съ казны. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ разведены вдоль западной стѣны Кремля и въ садѣ Паманловѣ аптекарскіе огороды; къ собиранію и распознаванію травъ служили такъ называемые травники, содержавшіе рисунки и описаніе растений. Первая русская лечебная книга была переведена съ польскаго языка въ 1588 году; русскіе лекари и рудометы (аромъ пускатели) получили образованіе отъ прибывавшихъ медиковъ-иностраницевъ; первые такіе были набраны изъ стрѣльцкихъ дѣтей. Въ древности у насъ у каждой царевны была своя бабка-лекарка; лишь Наталья Кирилловна, первая царица, лечилась у мужчины, гортаннаго лекаря Ивана Губина. Страсть къ сахаризмъ и сахарамъ у насъ долго держалась. Кирилль Разумовскій тоже пользовался отъ подагры у какой-то бабы, которая трясла ему ногу и прикалывала соприкасающихся съ ногою въ видѣ припарки. Орловъ-Чесменскій тоже былъ вылеченъ знахарьей Ерофимецъ, давшимъ свое имя извѣстной водочной пастойкѣ. Польскіе первые въ концѣ шестнадцатаго столѣтія не были еще извѣстны, хотя и тогда прекрасныя половинны падали въ обмороки. Обмороки въ это время вошли въ большую моду и послѣдніе существовали различнаго названія: такъ, были обмороки Дидоны, капризы Медои, сназны Панид, каіферы Омфолы, «обморокъ кетати», обморокъ колоратности, и проч., и проч. Первые стали извѣстны чуть ли не въ двадцатыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія; стали входить они въ моду вмѣстѣ съ искусственными минеральными водами или, какъ ихъ тогда называли, «кильми».

Въ ряду модныхъ явленій обыденной общественной жизни въ двадцатыхъ годахъ шестнадцатаго столѣтія особенно рѣзко сказалась страсть аристократическаго общества къ леченію минеральными водами. Повизна и моды на это предное общество къ питью кислыхъ водъ. Въ эти годы въ аристократическая Москва прослышалась уже въ пятомъ часу утра и къ вечеру на всевозможныхъ экипажахъ въ заведеніе стараго московскаго бродяго Лодера, устроенное надъ Москвой-рѣкой, близъ Крымскаго моста. Лодеръ вмѣстѣ съ молодымъ докторомъ Еинхеномъ первый завелъ въ Россіи естественныя минеральныя воды. Помѣщался онѣ въ очень обширномъ зданіи съ галереями. Здѣсь, уже въ пятомъ часу утра, гремѣла музыка и раздавали веселыя толпы гуляющихъ больныхъ. Въ первые годы

больше всего лечились дамы и затѣмъ старики-сапожники отъ неизлечимой болѣзни старости. Слава заведенія Лодера искусственнаго воды была настолько сильна, что сюда съѣзжалась публика со всей Россіи. Въ Петербургѣ минеральныя воды открыты только въ концѣ тридцатыхъ годовъ. Но предписанію Лодера при питьѣ воды болные должны были ходить три часа; эта-то ходьба, на великѣхъ престолахъ бѣлѣвшихъ, и вызвала поговорку, характеризующую преднаго гуляку: «Лодеремъ ходить». Названное заведеніе въ короткое время получило такую извѣстность, что въ Москву на минеральныя воды не только что привозили изъ Петербурга, но и изъ Сибири. Особенно сильно на нихъ тянуло прекрасный полкъ. Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 20-хъ годовъ встрѣчаемъ слѣдующее интересное описаніе этихъ водъ: «Ясно! Ясно! Вгляди въ окно: видно пожаръ? Стучать, стучать... невозможно даже спать! Шестой часъ и некому, кромѣ пожарныхъ, будить Остобенку.—Нѣтъ, сударь! не видно ни огня, ни дыму, но ясно, по множеству казней, колесо и дробозъ тянется... Странное дѣло! въ шестомъ часу утра такой разбѣдъ, это что-то необыкновенное». Справившись одѣвается и выходитъ на улицу, здѣсь онъ встрѣчаетъ своего знакомаго, который объясняетъ ему причину такого движенія. Онъ идетъ съ нимъ въ заведеніе воды, и когда приходитъ къ нему, то видитъ: весь его дворъ устланъ экипажами, сотни лакеевъ толпятся передъ крыльцомъ, постелителей была масса; они наполняли и зданіе минеральныхъ водъ, и большой садъ. Мальчишки, раздававшіе воду, едва успѣвали наполнять кружки и снабжать подходившихъ листочками шафрея для чищенія зубовъ. Подрумяненные старушки, румяныя женщины, стѣдненькія дѣвки, кавалеры всѣхъ сортовъ и ранговъ тянулись непрерывною цѣною къ источникамъ здоровья, къ мальчикамъ, раздававшимъ воду. Убогій оркестръ наигрывалъ старинныя марши и экзесы. Только ливреи и борды, не вставляя фантазіи своихъ господъ, забавлялись на-ихъ счетъ; одинъ кучеръ уириять, что господъ обманываютъ: я самъ видѣлъ, какъ брали воду изъ Москвы-рѣки. Одинъ москвичъ, шившій эти воды, почтительно стихами:

Лишь только пять часовъ пробѣтъ,
Жена моя уже одѣта,
И подъ крыльцомъ стоитъ карета,
И ны съ пяти часовъ утра
Ужъ ждемъ съ нею со двора

и т. д. Въ эти же годы явилось много изобретенныхъ лекарствъ, или пастиль, которыми лечились отъ всѣхъ болѣзней; къ такимъ принадлежали: знаменитый аптекаръ извѣстнаго старца; это была пастилька изъ сабура, шафрана и горькихъ пранныхъ корней; затѣмъ большой эффектъ производили также старомосквіи «капаны», будто бы добываемая со дна Вар-

домашнего озера; злѣмъ наши отечественныя лекарства были: «самохотовскій змекенъ» отъ ревматизма, «Майскій бальзамъ» надворнаго советника Иманова, «саверинъ чай отъ золотухи», «камергерскій шауфгаузенскій пластырь»; послѣдній даже рекомендовался «отъ пеловизаго шага (?)» и, какъ въ старомъ описаніи, приготовлялся изъ какихъ-то червей. Также съ злѣмъ тѣмъ вошли въ большое употребленіе носить фонтанели на рукахъ и держаться китайскимъ плелукальничаніемъ и т. д.

Потребность общественной жизни въ большихъ городахъ была причиною открытія и модныхъ клубовъ. Первые такія дворинскія собранія открылись въ Петербургѣ и Москвѣ въ царствованіе Екатерины II. Начинались они 24-го ноября, въ день имения императрицы, и кончались 21-го апрѣля, въ день рожденія императрицы, и если этотъ день приходился не въ постъ, то этимъ днемъ и оканчивались собранія. Слѣжались обыкновенно сюда въ 6 часовъ и въ 12 часовъ все разбѣжались по домамъ. Въ Москвѣ, напримеръ, великолѣпная и обширная его зала, окруженная съ трехъ сторонъ колоннами, съ ними балюстрада отдѣляла возвышенныя площадки, гдѣ играть въ карты, сидѣть, проходить, а въ серединѣ безпрерывно танцуютъ. Танцевальный залъ въ былые годы вмѣщалъ до пяти тысячъ посетителей. Встарину ни одинъ изъ клубныхъ дней не былъ пропущенъ общими посетителями; тогда не входило въ обычай перемѣнять всякій разъ платье и небогатыя провинціалки стояли рядомъ съ первою почетною. Здѣсь не считали генеральни университетскимъ находиться въ обществѣ съ ассесорами и секретарями; составлялись кадрили и танцевали отъ души до упаду. Къ масляницѣ прѣзжали изъ Петербурга гвардейскіе офицеры и въ польскихъ, въ эжессахъ заключали брачные союзы. Но въ первое время по учрежденіи собранія танцующихъ бывало немного, потому что танцевать было танецъ премудреный: поминутно то-и-дѣло что или присѣсть или поклониться и то осторожно, а то съ чужимъ лбомъ стукнешься или толкнешь въ спину, или оборвешь чужой хвостъ платья и занутаешь его. Танцевали только умѣннее хорошо танцовать; то-и-дѣло было слышно: «пождемте смотреть, танцуетъ такія-то съ такимъ-то», и потянутся все въ ту сторону заны, обступятъ кругъ танцующихъ и смотреть всѣ на дивовишку, какъ дома присѣдать, а кавалеръ немо кивается: «да въ танцахъ было много учтивости и уваженія къ дамамъ; вальсъ тогда еще не знали и въ первое время, какъ онъ сталъ входить въ моду, его считали неблагопріятнымъ танцемъ; какъ это — обхватить руку въ талию и кружить ее по залѣ. Подибе, какъ описывать англичанинъ Ж. К. Пофли въ своихъ мемуарахъ, для летучихъ танцовъ и вальсовъ Европѣ мастера только были русскіе, и кромѣ русскихъ дамы вальсъ черезуръ быстрыхъ, почти воздушныхъ, не выдержали ни англичанки, ни немка, ни французженка. Въ самомъ дѣлѣ, тогда быстрые вальсы вальсомъ въ вальсѣ составили всю славу нашихъ танцевъ и потому обратившійся къ кругу нашей молодежи, такъ сказать съ дѣ-

ства сроднившійся съ ловкостью вальсировать, рѣшило откланяться отъ эжесныхъ и отъ эжесовъ, не трудныхъ вальсомъ. При императорѣ Павлѣ на вальсъ, или, какъ его тогда называли, «вальсонъ», вышло строгое запрещеніе.

(Но особенно при Екатеринѣ II вошли у насъ на балахъ въ большое употребленіе полонезы или польскіи. Имъ начинался каждый балъ. Огнискій и Козловскій обезмертили его, написавши каждый по предельному такому полонезу. Обыкновенно въ полонезѣ въ первой парѣ шесть хозяинъ дома съ почетнѣйшею изъ дамъ, мужчины выступали въ немъ саванито и выдѣлывали величавыя па, мѣнили руки и т. д. Полонезъ длился по получасу; все приглашенные гости принимали въ немъ участіе. Въ началѣ пятидесятиго столѣтія, какъ пишетъ П. М. Дараганъ, полонезъ занималъ минуты, исполнялся на петербургскихъ балахъ подъ названіемъ «кружало польскаго» вмѣстѣ съ вальсомъ. Послѣ польскаго шли на балахъ а-ля-греки, котильоны, англесы, гавоты, тампеты, матрадуры и манмаски.

Первый изъ названныхъ танцевъ исполнялся двумя парами; котильонъ, по опредѣленію танцевальнаго словаря, то же что и контрдансъ: его плясали отъ четырехъ до восьми паръ и каждое лицо представляетъ свою «роль попеременно!» Англесъ по идеѣ была пантомима любви и ухаживанья; женщина выдѣлывала эволюцію слѣдующаго рода: то она убога и уклонилась отъ ухаживанья кавалера, который ее преслѣдовалъ, то овить, подразнивая и кокетничая съ нимъ въ обществѣ, будто отдавалась ему, но когда онъ приближился, то мгновенно ускользала отъ него. Гавотъ былъ старинный французскій танецъ медленныхъ тѣлодвиженій. Тампеты, какъ и названіе его «буря», выказали страстность и бурю тѣлодвиженій; матрадура — былъ танецъ въ родѣ нынѣшняго кадрили, а манмаска — очень красивая полька съ фигурами. Русскіе танцы, которые иногда танцовали и при дворѣ, были по большей части хороводные и самый популярный «метелица» — родъ кадрили. Такіе русскіе пляски и хороводы устраивались при дворѣ Екатерины въ дни свитокъ и на масляницѣ и также встарину въ барскихъ домахъ на дѣвичинкѣ, гдѣ слѣжались родственники, молодыя подружки; тогда тамъ пѣли пѣсни, подъ которыми плавно въ хороводѣ ходили «паванки» танцующія дѣвицы; вотъ подъ какія пѣсни плясали: «Оставала лебедушка отъ стада лебединого», «Недолго вѣночекъ вѣтъ на столѣнкѣ», «На морѣ купалась утица, полоскалась сѣра» и тому подобныя. Хороводъ вселени помолвленію. Этотъ древній обычай означалъ процѣнное торжество семейства.)

Особенно славились своею русскою пляскою дочь чешменскаго гурца, графиня Анна Алексѣевна Орлова. Въ Александровское время русскія пляски вошли въ большую моду и на сценѣ, и въ обществѣ; вѣночки ее съ большимъ жаромъ. Въ Павловское время все танцы носили стро-

сривали х х костюмъ—самъ государь на придворныхъ балахъ принимать въ нихъ участие: Волкова въ своей «Грибоѣдовской Москвѣ» рассказываетъ про балетъ 1810 года, что тогда писали безъ отдыха, каждый день и не только не мерзая, но безпрерывныхъ балахъ, но и по утрамъ, на ставкахъ съ танцами».

Известный балетмейстеръ Глушковскій, рассказывая про эту эпоху, говоритъ, что всѣ первоклассные учителя балетныхъ танцевъ были заняты уроками, и что прелестную картину представляли иногда тогдашніе танцы-классы. Тутъ можно было видѣть мальчика лѣтъ восемь, съ булочкой въ ротѣ, ермачонцаго чижикомъ, шима-старичка съ подвижными зубами, который задыхается, но танцуетъ до поту лица, армянина въ національной одеждѣ, полянскихъ и молодыхъ барынь, въ панталонахъ на голыя, которые со всѣми гримасами стараются выдѣлывать надеждать и господыня на ребахъ, какъ будто спрашиваютъ: «а, что, какъ вы мѣ?» По словамъ Глушковскаго, репертуаръ тогдашнихъ балетныхъ танцевъ былъ самый обширный; въ то время танцевали: жокея, байетъ, котильонъ, французскую кадрили въ восемь фигуръ, гробфатеръ, вольеръ-солитъ, пергурдонъ, гавотъ, вестриса, мазурку въ четыре пары; характерныя танцы: русскую, на-де-шаль, фандинго, матлотъ, венгерку, краковикъ, реваландъ, на-де-шаль. Въ 1810 году завезена къ намъ изъ Париза маурка; послѣдняя въ эти годы вошла въ большую моду, ее танцуютъ въ четыре пары; по словамъ Глушковскаго, ее очень красиво танцевали артисты Сосницкій: танцуя маурку, онъ не дѣлалъ никакого усилія, все было такъ легко, зѣрцено, но вмѣстѣ украсительно. Сосницкаго приглашали нанерехватъ во всѣ аристократическіе дома, какъ балетнаго классика, такъ и танцмейстера. Въ сороковыхъ годахъ сдѣлалась самымъ моднымъ танцемъ полька-редова и затѣмъ—просто полька.

Отвращеніе къ простой жизни не могла пребывать въ одномъ положеніи и постепенно замѣнилась. Прогрессъ видѣлся, показались прихоти, вкусъ, молодые красавицы вышли изъ-заперти. До сороковыхъ годовъ высшніе сословія дворянъ проводили время не лучше, какъ въ монастыряхъ: сидѣли за шпалдами или ввели коньки, подвизки, шурки и быстро въ кидывали коньки. Мама въ очкахъ, съ чулкомъ въ рукавѣ забываясь разсказки о красотѣ своей въ молодости или какъ надежда въ музичковъ разобинки и какъ генода охотился въ старые годы. Книжекъ въ то время было очень мало, читали вскую, безъ разбора; особенно дѣльное впечатлѣніе производили: страшные романы задеть Радла въ или чувствительные—Докре-Доменили. Матери рѣдко были дѣтки съ собою и то къ старушкамъ бабушкамъ, тетушкамъ; рѣдко также бывали у дваницъ подруги. Всякое сообщество съ мужчинами строго запрещалось, они и близко не подходили къ нимъ. Увидѣли бы ихъ разобинковъ—Боже уясен! Такая былъ мода пошла. Дочь была учено и усиделась при матери. Но минуло это время, дваница не стали

боятся мужчинъ, молодыя красавицы вышли изъ-заперти, въ домахъ ксалыналось бридони клавирдонъ, иліе итальянскихъ арій и т. п.

Увлеченіе музыкой въ дворянскихъ домахъ началось еще со времени Елизаветы Петровны и наши молодые аристократки стали брать уроки музыки на арфе. Всѣ наши молодые дипломаты были тоже записаны меломаны. Петръ III превосходно игралъ на скрипкѣ; Корсаковъ, Ланской, Андрей Разумовскій тоже были хороши виртуозы на этомъ инструментѣ. Первыя клавишны—первообразъ наивѣншихъ фортепьяно—у насъ появились въ концѣ царствования Екатерины II. Потемкинъ тоже очень любилъ музыку; у него неотлучно жилъ самородокъ скрипачъ и балетачиникъ Хандонкинъ. Къ Потемкину ходъ Олжковъ обирался прѣлать Моцартъ; Андрей Разумовскій тоже не разстаклся съ Гайденомъ и самъ участвовать въ квартетахъ; знаменитого Гайдена подало изъ русскимъ меломанѣ тонкое музыкальное чутье, благодаря которому въ сочиненіяхъ Гайдена онъ угадывалъ самыя сокровенныя побужденія, оставшіяся для большинства публики недоступными. Ветховичъ тоже находить въ Разумовскомъ вдохновеннаго покровителя и друга. Потемкинъ въ своихъ походахъ возилъ съ собою итальянскую оперу вмѣстѣ съ известнымъ композиторомъ Сартти, а также большой оркестръ и канделу пѣвшихъ. Парышникъ, Безбородко, Строгановъ также цѣлолюте своими оркестрами. Особенно наши вельможи любили кататься по Перѣ на каткахъ со своей музыкой и эта мода у насъ особенно сильно процвѣтала въ царствованіе Александра I. А. М. Шлеинеръ рассказываетъ: въ думный лѣтній вечеръ, сижу я за своимъ шельменнымъ столомъ и слышу, вотъ ѣдетъ Григорій Орловъ на яхтѣ: вѣшь по Перѣ, за нами беремъ придворныхъ пловцовъ... впереди лодка съ сорока приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я въ жизни не слышалъ, а и пообразалъ, что знаю всѣ музыкальные инструменты обрѣзкованной Европы. Казалось, какъ будто играли на нѣсколькихъ большихъ перьяныхъ органахъ съ закрытыми трубами въ двухъ низшихъ октавахъ и въ дѣствие отдаленности звукъ казался переливающимся и заглушеннымъ. Это было такъ же ново для слуха, какъ изобрѣтенная воекадѣтви гармоника. Игралъ оркестръ рочовой музыки, изобрѣтенной въ Россіи въ 1757 г. канцельмейстеромъ Парышкина Маршемъ. По словамъ графа Комаровскаго, между тогдашними меломанами речность къ искусству и къ артистической славіи порождала зависть и соперничество. Великіе вѣтскіе музыканты не гнушались иногда играть со своими крѣпкими артистами. Въ описанное время молодой князь Реннинъ оставилъ Глафельтъ съ придворнымъ виртуозомъ и его пера стала въ зачаткахъ вѣшь; въ это же время слыла большой музыкантшей на клавишнѣ княжна Кантемиръ. Следованіца царица Екатерина II—Дашкова тоже вѣдѣтна была, какъ музыкантка. Музыка въ это время входила въ кругъ образованія великобѣтскихъ людей, особенно дамы и барышни ишли и перали

на разных инструментахъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ баре учреждали хоры пѣвчихъ, гдѣ сами пѣли вмѣстѣ съ крѣпкими людьми. Ставились въ то время въ Москвѣ хоры: Чашниковскій, Бекетовскій и Колодниковскій; въ послѣднемъ участвовали кунцы-любители, нѣкоторые изъ нихъ получили образованіе въ Италіи. Изъ этого хора вышелъ извѣстный пѣвецъ В. М. Самойловъ. Увлеченіе церковнымъ пѣніемъ было до того сильно, что въ церкви, гдѣ пѣли названные пѣвчіе по воскреснымъ днямъ, съжигалась вся Москва и, къ стыду, были случаи даже аплодированія поетѣ: исполненія или концертовъ, какъ это сообщаютъ очевидцы Бутель и Жихаревъ. Слабость къ пѣнію у многихъ изъ нашихъ баръ доходила до помѣшательства. Такъ, извѣстный богатый графъ Н. М. Скаряновскій воображалъ себя большимъ пѣвцомъ и композиторомъ и окружилъ себя пѣвцами и музыкантами; онъ разговаривалъ съ прислугой своей по нотамъ, речитативами; такъ дворецкіи докладывали ему бархатнымъ баритономъ, что на столѣ подано кушанье. Кучеры объяснялись съ нимъ густыми октавами, форейторы—дискантами и альтами, выданные лѣзи тенорами и т. д. Во время парадныхъ обѣдовъ и баловъ его слуги, прислужники, составили тріо, дуэты и хоры; самъ баринъ отвѣчалъ имъ также въ музыкальной формѣ.

Графъ Ростовчинъ, по поводу увлеченія нашихъ дамъ итальянцами, пишетъ: «Непни дамы обезумѣли; пѣвецъ оперы буфль, Мандини, доводить ихъ до крайнихъ дурчествъ. Изъ-за него онѣ спорить, завистничать, посягать девицы, которые онѣ имъ раздастъ... Княгиня Д. аплодируетъ ему одна, вѣтъ себя кричать изъ своей лодки: фора, bravo! а княгиня К. съ восторгомъ разсказываетъ, что Мандини провелъ у ней вечеръ въ плавѣжкѣ и ночью колнакъ. Жена его, публичная парижанка, поведенію пробана ради мужа». Не менѣе увлекались талантами итальянцевъ и, лѣтъ тридцать тому назадъ, еще многимъ, я думаю, памяты бенефисы Пастелли или Тамберлана, когда за локу бель-этажа поклонники платили по пятисотъ и болѣе рублей.

V.

Модные шлепки.—Помѣшкы прототипы Кошкарова.—Поѣзда помѣшкы.—Страсть къ лошадамъ и вѣчкамъ.—Мода ѣздить верхомъ.—Чудаки-спортемены: Новосильцевъ и Демидовъ.—Балы аристократовъ-самодуровъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II у нашихъ богатыхъ помѣшкы явились увлеченіе французскими агрономами; называли ихъ тогда «инженерами». Противъ такихъ управленческихъ-самоуверенцевъ возстали энергія печати, нѣтольгъ и правительство. Извѣстный въ то время агрономъ Дружковъ особенно сталъ сильно обличать «вызжихъ французскихъ обманщиковъ». «Ресуренныхъ отъ нихъ», писалъ онъ, «видать и до-

вольно; а обогащенныхъ никого». Полезныя французскія искусства, увѣрять онъ, здѣсь состоятъ въ томъ: чесать волосы, вымышлять и наряжать дамъ въ разнообразныя уборы, обирать бѣеожно, сколько возможно обмануть больше тѣхъ, кто имъ повѣритъ. Противъ нихъ въ академическомъ регламентѣ явился указъ: чтобы таковыхъ прожектеровъ и шарлатановъ въ знаніи ихъ искусства въ наукахъ свидѣтельствовать въ академіи, а безъ свидѣтельства никуда не опредѣлять. Прототипы голландскаго Кошкарова въ описываемое время уже встрѣчались; многие изъ помѣшкы жили на непрокую ногу, комнаты украшались вышешною мебелью, французская бронза, ковры, картины, турецкіе диваны; множество экипажей, лошади; нитать служащихъ при нихъ быть премного-численный, свои художники, чтецы, секретари, парикмахеры, французско-повара и т. д. Также помѣшкы разорила и неуверенная страсть къ охотѣ; случаи, гдѣ мѣшили на бояхъ царей и семейства людей съ деревнями, были нередки. Когда такой баринъ ѣхалъ къ себѣ въ имѣніе, обозъ его нитѣтъ не отличался по длинѣ отъ поѣзда желѣзной дороги. Въ одномъ изъ журналовъ нынѣшняго столѣтія мы встрѣчаемъ описаніе поѣзда одного помѣшкы въ деревню. Баринъ съ барыней, перекрестившись, сѣли въ великолѣпную коляску въ шесть лошадей, за ними потянулась вереница другихъ экипажей. Перекрестившись, баринъ ѣхалъ въ «Московскіи Вѣдомостяхъ» и грудой сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, поднесенныхъ помѣшкы его почитателями. За библіотекой слѣдовала кухня на трехъ повозкахъ; за кухней ѣхали пять поваровъ: французъ, итальянецъ, пѣмецъ, русскій и полякъ; далѣе слѣдовало десять поварочковъ, еще далѣе ѣхали докторъ и цирюльникъ съ домашней аптекой. Въ остальныхъ экипажахъ находились актеры, актрисы, стихотворецъ, писецы, музыканты, живописецъ, чтець, писемоводитель, горничная, камердинеры, парикмахеры, два шута; потомъ слѣдовали гардеробъ барина и барыни. Владѣлецъ всего поѣзда въ атласномъ плафрѣжѣ и зеленомъ сафьянномъ картузѣ гордо посмотривалъ изъ своего экипажа на проходящихъ. По случаю этого выѣзда въ деревню, стихотворецъ, находившійся въ поѣздѣ, было написано аллегорическое стихотвореніе подъ названіемъ «Аллегорическое шествіе Аполлона и Дафны въ село Талантовъ». Во время движенія поѣзда чтець и трагическій актеръ декламировали первое явленіе изъ Эдипа, пѣвцы и пѣвица вски «Лили только живилась жаръ», шуты хохотали съ горничными. Когда поѣздъ доѣхалъ до деревни, крестьяне съ такою же радостью и торжествомъ встрѣтили своего барина, съ какою были встрѣченъ прибывшій въ село деревню Тентетниковъ. Впереди шель старикъ въ зеленой курткѣ и вѣтъ за руку мальчишка лѣтъ двѣнадцати въ подосатомъ затрещаномъ халатѣ. Когда поѣздъ приблизился, раздаден общій крикъ: «съ прѣломъ подорожникомъ, батюшка нашъ кормилецъ!—Гаврило Петровичъ и катушка наша Анна Семеновна!—Староста поднесъ хлѣбъ-соль, старостиха—яица, а мальчишка

въ халатъ, размахнувъ руками, произнесъ рѣчь, начало которой было слѣдующее: «Высокородный господинъ! Когда усердіе и благоговѣнное изысканіе преданной покорности съ снѣмъ хлѣбомъ-солью и ящиками явится дурному лику твоему, да позволено будетъ дерзнуть излить предъ твоимъ, высокородный господинъ, чувствованіе глубоко тронутаго сердца». Рѣчь мальчишка получилъ отъ барина гривну. Когда баринъ вошелъ въ приготовленные для него покои, человекъ въ зеленой курткѣ, бывшій при немъ, предшествуя и растворяя двери, говоритъ: вотъ офицантъ, въ камне высокородіе, вотъ зала, въ камне высокородіе, вотъ тощаная, въ камне диканная, въ камне высокородіе, вотъ снѣжная, въ камне высокородіе, и т. д. Когда баринъ пошелъ осматривать село, приказчикъ разсказывалъ ему, гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ пруды, гдѣ сады и прочія угодья.

Мода на большіе парадные поезда была необыкновенно пышна: въ началѣ нынѣшняго вѣка, богатый и сановитый помѣщикъ, отправляясь изъ Москвы въ деревню, иногда имѣлъ свиту болѣе, чѣмъ въ двести человекъ. Тутъ, напримеръ, извѣстный орловскій помѣщикъ Пенлюевъ въ своемъ войскѣ имѣлъ три восьмимѣстныхъ линій, двѣ или три же кареты четверомѣстныхъ, многое множество колясокъ, кибитокъ, фуръ, дрожжекъ, телѣгъ, и все это было переполнено разнымъ народомъ. Подлѣ главныхъ экипажей шли въ широкимъ шагомъ, или скороходы и гайдуки, на шияхъ своихъ носили и сидѣли вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была какъ садъ, изъ всякаго рода цвѣтистыхъ компаньоновъ и компаньонекъ, шутковъ и шутихъ и даже изъ дуръ и дурачковъ; вслѣдствіе привычки и привычки голосами всякихъ животныхъ. Тамъ хозяинъ въ богатомъ гродетурномъ зеленомъ цвѣтѣ халатѣ, украшенномъ знаками отличія, лежалъ на сѣбяномъ пуховикѣ въ одной изъ колясокъ; на головѣ его былъ зеленый же картузь съ красными опушками, створоченный, гдѣ только возможно, галунами. Изъ-подъ картуза виднѣлся бѣлый колпакъ, яркочушковый рубчикъ котораго, отгнѣния зеленъ картуза, составили на самомъ лбу помѣщика какого-то почти радужнаго цвѣта кайму. Руки помѣщика держали гигантской величины трубку, мѣдиновый индѣйскій носовой платокъ и ужасную дорожную табакерку съ изображеніемъ одного изъ мудрецовъ Греціи. Даже небогатый помѣщикъ имѣлъ въ дорожной своей свитѣ нѣсколько экипажей и до десяти-двухъ людей. Обыкновенно первой въ поѣздѣ шла оная такая линія, за нею дорожная карета, потомъ коляска, двѣ кибитки и, наконецъ, огромная фура съ домашнимъ скотомъ. Въ числѣ свиты были непременно одинъ настоящій казакъ и одинъ такой же солдатъ гусаръ и затѣмъ нѣсколько собственныхъ кавказовъ, переряженныхъ изъ коноховъ, и до пяти солдатъ съ унтерами, взращенныхъ у начальства для конвой. Въ тѣ времена дороги не были безопасны отъ разбойниковъ. Въ свитѣ почти всегда слѣдовали компаньоны-помѣщики, какойнибудь оубный дворянинъ, убоженный псковскій кадетъ, гуверньеръ-французъ, французка

мадамъ непременно въ колосальной шляпкѣ. Не обходились также и безъ пѣвца, гитариста и флейтенриста. Какими были верхами вслѣдъ барской кареты во всемъ вооруженіи; гусары, егеря, унтер-офицеры и солдаты были рассажены по всѣмъ экипажамъ. Главная путевая должность вѣдалась на военныхъ людей: они содержали неуслышаный казачья при экипажахъ, но прѣздѣ на станціи они отводили квартиры и пр.

Встарину считалось необходимою отличить себя новымъ егеремъ или новымъ гусаромъ-красавцемъ. Мода на такихъ выданныхъ людей была самымъ губительнымъ. Одна одежда егеря, а особенно гусара, доходила отъ пяти сотъ рублей до тысячи, что составляло, если брать нынѣшнюю стоимость денегъ, до четырехъ тысячъ. Но самая разорительная мода у нашихъ помѣщиковъ была на лошадей и конскіе заводы, съ легкой руки графа Орлова-Чесменскаго, который сдѣлать у насъ вошелъ коннаго коннозаводства и съ нимъ тѣсно связаннаго скакового дѣла. Первые такіе публичные скачки на призы въ Москвѣ были въ 1785 году; графъ Орловъ выписалъ первоклассныхъ скакуновъ изъ Англій; по его примѣру, въ скачкахъ съ нимъ стали участвовать и другіе богатые помѣщики, и также повысывали изъ Англій лошадей. Соперникомъ лошадей графа были также проживавшій тогда въ Москвѣ царственный итальянскій, крымскій ханъ Саринъ-Гирей. Заведенный графомъ въ Москвѣ скачки продолжались до самой его кончины по четвергамъ весь май и июнь мѣсяца, и въ нихъ участвовали Д. М. Полторацкій, Муравьевъ, бригадиръ Чемодановъ, братья Мосоловы, Савельевы, Загряжскій, Д. П. Лопухинъ, Темиркевичъ, братья Всеволоженкіе, К. П. Воейковъ и другіе.

Одинъ Орловъ выписалъ изъ одной Англій 38 жеребцовъ и 53 кобылы, которыя и вошли, какъ элементы, въ созданную имъ породу: верховую и рысистую. Приобрѣтеніе же арабскихъ лошадей было произведено во время командованія имъ флотомъ въ Турецкую войну съ 1770 по 1774 годъ.

Вызвды этого съ другими коннозаводчиками на скачки и другія публичныя увеселенія, по словамъ современниковъ, отличались необыкновенною торжественностью—графъ ѣзжалъ постоянно на фаворитномъ своемъ конѣ, Спиритомъ; графъ былъ всегда въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами; азіатскія сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоценными камнями. Съ графомъ всегда ѣзжала и дочь его въ сообществѣ нѣсколькихъ дамъ; сопровождали Чесменскаго, по обыкновенію, его поочный сынъ А. А. Чесменскій, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій, А. В. Новосильцевъ и множество другихъ особъ. За ними слѣдовали бегемоты и конвоіе графа не менѣе сорока человекъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ походу по заведеной лошади, въ парадныхъ поножахъ и богатой сбруѣ—тынушевъ и графскіе экипажи, запряженные путами и четверками одновѣстныхъ лошадей. Современникъ графа С. П. Жихаревъ говоритъ о немъ, что, когда

онъ доказалъ своей громкой славой въкъ въ Москвѣ, какое-то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдыхавшаго на лаврахъ въ престоле чести жизни, и привлекало къ нему любовь народную. Чесменскій герцогъ былъ типомъ русскаго человека: могучій крѣпостью тѣла, могучій силой духа и воли, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ доступенъ, радушенъ, искрожелателенъ справедливъ; весь образъ жизни на русскій ладъ и вкусъ имѣлъ народный. Эти свойства графа Орлова необходимо должны были покорить ему сердца всѣхъ окружавшихъ, а окружавшими его были всѣ московскіе граждане, — они нечувствительно приняли его наравнѣе какъ въ образѣ жизни, такъ и во вкусахъ. Со времени удаленія графа отъ государственныхъ дѣлъ, любимымъ его занятіемъ была конская охота, и вотъ всѣ московскіе обыватели сдѣлались конскими охотниками. Съ легкой руки графа Орлова между нашими помещиками быстро и широко развилась охота къ рысакамъ. Привозъ изъ Англій многотысячныхъ лошадей сталъ повторяться чаще и чаще, — были такіе любители, что платили по 15-ти тысячъ рублей за одного вышесного жеребца. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія московское аристократическое общество считало самымъ моднымъ обычаемъ ѣздить верхомъ и появилось на улицахъ Москвы на своихъ многотысячныхъ скакунахъ, въ болѣе чѣмъ роскошной сбруѣ.

Вышеупомянутый Новосильцевъ, живя въ Москвѣ, поражалъ москвичей своимъ пышнымъ выѣздомъ. Онъ выѣзжалъ на великолѣпномъ конѣ, покрытомъ вышитымъ золотомъ чепракомъ: вся сбруя была составлена изъ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ отличнаго чекана дѣлечекъ. Во время такихъ пышныхъ своихъ уличныхъ поѣздокъ, въ сопровожденіи богато одѣтой свиты, онъ курилъ трубку. Последнее обстоятельствомъ порождало сѣбѣ и заставило простонародіе снимать передъ нимъ шапки. Въ тѣ времена куренье на улицахъ было строго запрещено. Новосильцева по раздумьямъ Грибоѣдовъ въ своемъ «Горѣ отъ ума», про него говорить Викусовъ, называя его Максимомъ Петровичемъ.

Существовали въ Москвѣ и такіе затѣйники, какъ, на примѣръ, богачъ Демидовъ, который выѣзжалъ въ такомъ экипажѣ, что глазамъ трудно было вѣрить, въ которомъ все было наперекоръ симетріи и здравому смыслу. Изъ занятій трехъ-аршинный гайдукъ и карлица, на козлахъ кучеромъ мальчишка лѣтъ десяти, а форейторомъ старикъ съ сѣдой бородой, ѣздя коренная съ верблюда и правя съ собаку. Ѣздили одинъ также въ Москвѣ зимою на колесахъ, а лѣтомъ въ саняхъ. Проживалъ еще въ Москвѣ одинъ ярый спортсменъ Лавръ Львовичъ Демидовъ, который даже носилъ особенное платье, приспособленное для верховой ѣзды: лѣтомъ ходилъ онъ въ куртку сѣраго сукна, панталоны въ обтяжку въ сапоги и круглая шляпа на головѣ. Зимой надѣвалась изъ длинная куртка до плечей мѣху, теплый ватный картузь, а на ноги бѣлые вязаные меховые сапоги, какіе обыкновенно носились въ то время жен-

щинами. Собой Демидовъ былъ худъ, держалъ себя прямо, копируя во всемъ англичанина. Онъ имѣлъ свой домъ на краю города, въ улицѣ Ольховцы, близъ Сокольникова. Въ домѣ у него и во всемъ хозяйствѣ, въ особенности же въ конюшнѣ, былъ полный порядокъ, чистоты и чистота; и если эту чистоту нарушала даже муха, то и тогда сдѣлалось если не изысканіе, то выговоръ, и выговоръ строгій его домохозяиномъ. О немъ нечего и говорить. На дворѣ его всегда бѣгало съ дюжиною маленькихъ шабоекъ — «позвонковъ». Вѣлецкіи, кезматыя, совершенно похожія одна на другую, онъ привѣтствовали каждого входящаго въ калитку такимъ звонкимъ, учащеннымъ лаемъ, и вертѣлись около него такъ быстро и дружно, хотя и безъ малѣйшаго вреда, что невольно заставляли останавливаться и выкидать, когда на лай выйдетъ кто либо изъ всегда закрытыхъ дверей дома. Ворота рѣшетчатого забора были всегда затворены и отворялись только тогда, когда хозяинъ въ удовольствіе своей страсти «къ лошадамъ» выѣзжалъ верхомъ или лѣтомъ на бѣговухъ дрожжахъ, а зимою въ саняхъ, промѣть застоявшуюся лошадь, что дѣлалось каждый день, попеременно нѣсколько разъ. Демидовъ никогда не отлучался изъ дому и даже не ходилъ въ церковь; однажды на вопросъ знакомаго, отчего онъ не былъ у обѣдин? «Нельзя, отвѣчалъ онъ, у меня три лошади стоятъ съ развѣшанными на бѣлки хвостами, англизируются. Это очень опасно-съ, хвостъ можетъ зарости на сторону, и изъ конюшни почти не выхожу, тамъ я силю и чай пью и обѣдаю. Что-жъ, пойдешь въ церковь, будешь думать о хвостахъ... нельзя-съ». Когда открылась Николаевская желѣзная дорога, Демидовъ выѣхалъ посмотреть на невиданное движеніе. Сталъ на полверсты отъ дебаркадера, вальсъ дороги, на ровномъ мѣстѣ и когда, тропушился, поѣздъ поропнялся съ нимъ, онъ пустился скакать въ перегонку. «Штъ, не обманись, говорилъ онъ послѣ. Лошадь, знаете, устасть, а машинна идти собѣ все шибче-съ и шибче».

Страсть къ верховой ѣздѣ почти въ то время была необходимою. По разсказамъ старожиловъ, въ Москвѣ, въ осеннюю и дождливую пору, дороги были совершенно недоступны для экипажа и московскіе помещики почти всѣ отправлялись въ Москву верхомъ. Такъ однажды выѣхалъ въ Москву и фельдмаршалъ Сакенъ. Утомленный, измученный вѣдчанами, онъ приказалъ отпречь лошадь изъ-подъ форейтора, сѣсть на нее и пустился въ путь. Когда явился къ нему московскій власти съ извѣщеніемъ почтенія, онъ обратился къ губернатору съ вопросомъ: былъ ли онъ уже губернаторомъ въ 1812 году, и на отвѣтъ, что не былъ, графъ Сакенъ сказалъ: «А жалко, что не былъ! При какъ Павловъ никакъ не могъ бы добраться до Москвы».

Въ старое время, когда еще были живы Орловы, Шереметевы, Остерманы и другіе представители московской аристократіи и когда всѣ эти магнаты жили съ необычайной роскошью, тогда роскошь была совершенно дѣйствитель-

как и в то время господствовало: огромные дома по большей части убранные без всякого вкуса, безчисленное множество слуг, кривостные театры, дезерожденные танцовщицы, домашние оркестры, ежедневные обеды, богатые не качеством, но количеством блюда, и балы, на которые съезжалась вся Москва. Вот картина одного из балов 1801 года. По всему дому безчисленное множество слуг и богато, и бедно одетых. В танцевальном зале гремит музыка, в ней почти все гости и сам ховинь, который в полном мундире и во всех орденах сидит посреди первых салонинок и почетных московских дам. Этот аристократический круг, эти кавалерственные дамы и едвые старики в лентах и звездах, масса молодых людей, тоже вся без исключения в мундирах, — все это придает какой-то важный и торжественный вид салу, который во всех других отношениях, конечно, не мог бы назваться блестящим. Ужинъ отделяется великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ, да полнымъ и обиліемъ блюдъ. Послѣ ужина танцы начинаются безконечнымъ вальсомъ, одна фигура смѣняетъ другую и кавалеръ первой пары, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, рѣшительно не знаетъ усталости; онъ начинаетъ престранную фигуру, очень похожую на хороводную фигуру, вѣ пары путаются, общій хохотъ, суматоха, бѣготня; вдругъ во время танцевальнаго разгула ховинь приветаетъ и кричитъ громовымъ голосомъ: «вразъ», т. е. вонь! Музыка умолкаетъ, кавалеры раскланиваются дамамъ и въ двѣ минуты во всей залѣ не остается ни одного гостя. Гости такой обиды не понимаютъ и черезъ недѣлю опять танцуютъ у ховинькаго ховинца, только онъ на этотъ разъ не кричитъ уже «вразъ», а протрубить на волторіи тоже вѣчно, что означаетъ «отушайте вонь!» Но это тоже никто не сердился, — вообще приличіе зажиточные люди въ доброе старое время понимали очень условно и знали только одно: «не смѣйте изъ злѣтѣйшему обхожденію», напечатанное по повелѣнію блаженнаго и вѣчно достойнаго памяти Петра Великаго. Книга эта учила, какъ держаться въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія и т. п. Такъ, эта книга не совѣтовала придворному человѣку «руками или ногами по столу ходить; колѣбродить, но смирно ѣсть, вилками и ножикомъ по тарелкамъ и скатерти не чертить. Когда говоришь съ людьми, наставляла эта книга, то будь благочиненъ, учтивъ, немного говори, а слушай. Если случится рѣчь печалькая, то надлежитъ быть печальну и имѣть совѣтливую. Въ радостномъ случаѣ быть радостну и явить себя весело съ веселымъ. Отъ клятвы, чужелюбства, игранія и пьянства должно себя велико удерживать; придворный прямой человѣкъ не долженъ носомъ хрюкать и глазами моргать, и ниже шеею и плеча, яко бы изъ похвядки, тристи. Не ходить и не приглашенъ въ гости не ходи, ибо говорится: кто ходитъ и не приглашенъ, тотъ не отходить не браня. Во всехъ шрахахъ, банкетахъ и шествіяхъ торжественныхъ отноди никакъ скупости или грабительства да не являть, дабы не признали гости. Также величійя роскошь и

прихотливая претори: зѣло не похваляются. Не малая гнусность есть, кто часто сморкаеть, яко бы въ трубы трубить, или громко чаетъ и тѣмъ малыхъ дѣтей устрашаетъ и пугаетъ. Еще зѣло непристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чистить, яко бы жевъ какую жевать, а особливо при другихъ честныхъ людяхъ и т. д.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась новая книга свѣтскихъ приличій: «Граціанъ придворный человѣкъ». Книга эта учила, что «большая вѣжливость — учтивый обманъ, а истинное учтивство — одушевленіе, а притворное, лукавство — обхожденіе, всегданняя наука въ жизни, чего ради въ немъ великой осторожности потребно; всякое величійе предно, а величійе въ обхожденіи. Когда ты въ компаніи, то думай, что въ шахматы играешь». «Возмѣрная хвала пристойна въ прикритіи лжи и злословіи». «Никогда большого мѣста не кажи». «Благодарность възрочу любезно подвержена и зѣло тягостна». «Зависть все твои пороки прикритить, а добродѣтели ни одной не увидитъ». «Обманъ входитъ ушми, а выходитъ глазами». «Великаго впронциа такъ надобно храниться, какъ шпіона». «Шутками наибольшій пряды выйданы» и т. д.

При Екатеринѣ II вышла въ свѣтъ «Модная книга» со свѣтскими наставленіями; она принадлежала къ такъ называемой шуточной литературѣ — сатира была направлена противъ французскихъ модницъ и модницъ, голяющихся безразеудно за модами. Авторъ въ предисловіи обѣщается къ господамъ и господамъ, у которыхъ поднимаются модные те-перъ паріи (vareurs); сочинитель говоритъ, что зеленый цвѣтъ, подобно прочимъ модамъ, продолжается не болѣе недѣли и потому предлагаетъ имъ наилучшій румянецъ, подобный тому, который «сѣнетъ на ихъ жестокое раскрасненіиныхъ лицахъ и способный, по мнѣнію докторовъ, рѣзвать и извѣщать ихъ отъ внеровъ».

Позднѣе было издано еще нѣсколько книгъ съ правилами вѣжливости и свѣтскихъ приличій; были и такія, которыя предлагали эти правила въ стихотворной формѣ. Такъ, въ одномъ изъ такихъ уже изданій въ сороковыхъ годахъ предлагаются такія, напримеръ, совѣты:

Старайся, чтобъ твой носъ былъ свѣжъ и чистъ;
Не фаркаль, не софалъ, не падавай бы смѣть,

или:

Старайся за столомъ такъ руки держать,
Чтобъ платья дамъ не замазывать...

и т. д. учтивыми свѣтскихъ приличій въ Екатерининское время были: французы-эмигранты. Положеніе эмигрантовъ тогда было ужасное, многіе изъ нихъ не имѣли ни пристанища, ни куска хлѣба; были и исключенія, которые могли назваться богатыми и привезли съ собою значительные капиталы. Люди чиновные и знатные вступали въ русскую службу и,

по милости императрицы, жили сообразно своему званию. Заблуждая упоминаясь от одного такого эмигранта, чуть ли не герцога, которого онъ знаетъ въ своемъ дѣтствѣ. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но никто не могъ ему дать этихъ лѣтъ: тонъ и манеры его были неподражаемы, шитый французскій кафтанъ, стальная шляпа, парикъ а-лель-де-нижонъ, распудренный, бриллиантовые перстни на пальцахъ, золотые брелоки у часовъ и пуговицы, балансоновые манжеты. Все это дѣлало его щеголемъ. Ловкость его была тоже удивительна: бѣвало закинуть ногу на ногу, развалиться на креслахъ, почти лежать. Сдѣлавъ это другой, такъ будетъ неблагодарно и даже неблагодарно, а къ нему все шло: начнетъ ли онъ играть своей золотой табакеркою, или обсыпать табакомъ жабо и отряхнуть пальцы манжеты. А посмотрѣли бы вы, какъ онъ это дѣлалъ. Въ каждомъ его движеніи были такія грацы, такая прелесть. О, конечно, въ этомъ отношеніи старые французы, добавивъ пошловатость, были неподражаемы!

Пристрастіе дворянъ къ воспитанію дѣтей въ названное время французами-эмигрантами съ великосибирскимъ лоскомъ доходило до смѣшного. Въ журналахъ того времени часто встрѣчаемъ выведенныхъ такихъ господъ; такъ въ «Московскомъ Вѣстникѣ» описанъ такой состоятельный помещикъ, который ищетъ учителя для своего маленькаго сына. Учителемъ не смѣнно долженъ быть французъ и притомъ трехтысячный, потому что дѣтенышъ—или пилицы, или воры. Онъ ни слова не долженъ знать по-русски, потому что съ такимъ учителемъ легче выучиться говорить по-французски. Въ «Литературныхъ Листкахъ» тоже выведенъ одинъ пятидесятитысячный сынъ помещика, прекрасно говорящій по-французски и танцовщикъ, какъ Дюпоръ (известный балетный танцовщикъ, которому наша дирекція платила по 1,700 рублей въ вечеръ). Но внушенію родителей, ризъ хочетъ любить свое отечество, но не умѣетъ, потому что не знаетъ его.

VI.

Воспитаніе по модѣ.—Французскіе «маданы и мусье».—Столѣтіе перваго моднаго журнала.—Мода съ дѣтьми парадъ.—Исторія фрака.—Шалуны и побѣды.—Русское удалство и кутежъ.—Мода на золото и портреты.—Уродливая мода времени директоріи.—Гонимыя и угнетенныя французскія моды.—Мода александровскихъ временъ.—Шланцы «cols» и «à la Quirouga», и шляпы «à la Bolivar».

«Воспитаніе по модѣ», состоящее въ содержаніи у себя въ домѣ «французской маданы и мусье», писатель XVIII столѣтія Н. П. Страховъ, редакторъ «Сибирскаго Вѣстника», характеризуетъ такъ: «Есан случилось»,—въ дѣтствѣ онъ,—«что еси господа разругали насъ въ глаза, то стоить только послать слугу въ Англійскій кофейный домъ, и на другой день передняя наша наполнится множествомъ мусьеви, хотя известная наша

склонность къ французскому языку, а еще наша пересборность лишила Парижъ половины слугъ; однакожь, можете вы между ними найти такихъ, которые у знатныхъ людей исполнили должность почтенныхъ господъ-камердинеровъ; причежь онъ дастъ совѣтъ не сражаться, знаютъ ли они учить правильно языку, но велушникаться, хорошо ли говорятъ они по-французски. Исчисляя прочіе предметы, входящіе въ составъ моднаго воспитанія, необходимо нужнаго для «переловитыхъ дѣвушекъ и молодыхъ», Страховъ упоминаетъ о танцованіи. Обращаясь къ молодымъ дѣвицамъ, авторъ прощически замѣчаетъ: «дабы не уменьшилось достоинство ногъ, продолжайте обучаться танцованію итальянскій вѣкъ. Почитайте оно главнѣйшимъ приданнымъ дѣвкамъ и тайнымъ достоинствомъ, которое составляетъ душу всѣмъ вашимъ дарованіямъ». Молодымъ девкамъ онъ даетъ такой же совѣтъ: «помѣстите въ ноги всѣ тѣ достоинства, которая не вѣдали въ нихъ голову». Относительно музыкальнаго воспитанія онъ тоже предлагаетъ только запомнить и заучить итальянскіе музыкальные термины.

Въ 1891 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ у насъ стала выходить первый модный журналъ—подъ названіемъ «Магазинъ англійскихъ, французскихъ и немецкихъ модъ». Издателемъ его былъ, по мнѣнію г. Неустроева, известный Н. П. Новиковъ. Первый, впрочемъ, такой модный журналъ, подъ заглавіемъ «Модное семейное сочиненіе или бібліотека для дамскаго туалета», появился ранѣе нѣсколькими годами, но содержаніе этого журнала не соответствовало своему названію и не давало никакихъ извѣстій о модахъ, кромѣ самыхъ краткихъ объясненій приложенныхъ къ нему четырехъ модныхъ картинокъ. Магазинъ модъ иллиминированъ былъ рисунками, и кромѣ извѣстій и обстоятельныхъ описаній каждой примѣчанія достояннѣйшей моды, появившейся за границей, въ отношеніи къ платью и нарядамъ обоего пола, мебелимъ столовымъ и прочимъ приборамъ, экипажамъ, распоряденію домовъ, комнатъ и украшенію оныхъ» и т. д.,—давало описанія оѣдакъ жизни, публичныхъ увеселеній и времяпровожденій въ знатнѣйшихъ городахъ Европы. Магазинъ этотъ не ограничивался одною только исторіею чужестранныхъ модъ, но отъ времени до времени давалъ извѣстія о господствующимъ и у насъ въ столицѣ появившимся уборахъ, платьяхъ, экипажахъ и вкусѣ. Моды, обнимаемыя въ журналѣ, какъ гласило объявленіе, будутъ появляться черезъ полтора мѣсяца послѣ ихъ появленія на горизонтѣ парижскихъ щеголей и щеголихъ.

Въ первомъ номерѣ, явившемся въ апрѣлѣ, про мужскіе туалеты писалось, что кавалеры теперь отличаются крайнею простотою, подходящею весьма близко къ деревенщинѣ (rusticité). Во фракахъ не послѣдовало никакой отмены, но, по случаю сырой погоды, носить сверхъ оныхъ стуртки. Далѣе совѣтуется: «чтобы походить во всемъ на англичанина—должно имѣть новомодныя англійскія коланыя шоры, которыя прежде

были серебряные или стальные, теперь делаются из жесткой черной кожи, и то еще назад к нимъ пришивается небольшая шейка из металла. Дамы, какъ писалъ парижскій корреспондентъ, одѣваются опять великолѣпно. Успѣшныя платья изъ темно-зеленаго полуатласа двухъ родовъ: первое на подобіе Эвфросины (Habitement à l'Euphrosine), полученное названіе отъ египетской оперы, и другое à l'Amadis. Въ шляхахъ и дамскомъ уборѣ Bonnets à Cylindre, т. е. чепецъ или наколки на манеръ цилиндра, вышнюю представляющаго настоящею сахарной головѣ, такъ что, по причинѣ вышней прически, въ залахъ собранія всѣ люстры и жирандолы повѣшены гораздо выше прежняго для предупрежденія пожара на головкахъ нашихъ красавицъ. Въ письмѣ изъ Гамбурга, въ этомъ журналѣ, между прочимъ, говорится объ успѣхѣ пьесы Коцебу, которая по справедливости принадлежитъ къ моднымъ театральнымъ пьесамъ. Векоръ эти пьесы доходятъ и до насъ въ переводахъ и держатся на сценѣ отечественнаго театра чуть ли не болѣе десятика лѣтъ—эти драматическія произведенія у насъ носятъ названіе «Коцебутины».

Интересно также сообщеніе о новой модѣ на карманное оружіе. Кто бы могъ подумать, что веселые и всегда поющіе парижане дойдутъ до того, что будутъ имѣть при себѣ въѣтъ со стекляночками, наполненными благоуханными водами и спиртами, съ золотыми сузенирами, съ бумажинками, съ фальшивыми часами и пр. очень галантерейными вещами еще итальянскій князь, пару карманныхъ пистолетовъ, трости съ саблями и шашками. мода эта продолжалась недолго; у всѣхъ модниковъ, жившихъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ, были опорожены всѣ карманы и наполнены этими галантерейными пѣсколками коробовъ. Такіхъ франтовъ ядраніе стали обмѣкивать на улицахъ и провожать шипками и толчками. Наши русскіе мететры и петить-метрессы, прадѣды и прабабушки, щеголяли въ Москвѣ; въ то время появлялись въ слѣдующихъ нарядахъ: для блондъ и въ торжественные дни дамы надѣвали русскія платья изъ обьярей, двойнѣхъ, тафтъ и заграничныхъ матерій, шитыхъ шелками или камешьями, или другого цвѣта; рукава имѣли одинаковаго цвѣта съ юбкою; пояса носили по корсету, шитые шелками или тоже камешьями, на шеѣ околки или бѣды косыночекъ на поддержкѣ изъ блондъ или кружевъ, на груди надѣвали газетку или рубашечку изъ итальянскаго флера на поддержкѣ; голова прикрывалась буклями большими или малыми, виски же подкрывались и травиѣ съ ушами; шиньонъ гладкій и конецъ его завивался буклюю; на волосахъ наклеивались ленты съ перьями и цвѣтами. Для выходовъ на обыкновенныя балы, на свадьбы употреблялись сюртуки безъ фраговъ, флеровые и тафтяные полосатые, съ цвѣточками, съ белыми флеровыми юбками, на шею платки и рубашечки съ мужскими воротничками, рукавички такіе же, какъ и къ русскому платью. Ноги изъ лентъ съ концами и съ бантами и приежи къ поясамъ стальные или съ камешьями; на головѣ носили тюрбаны изъ цвѣ-

ныхъ флеровъ, также и шапки. Для выходовъ въ клубъ и въскать въ тогдашнее модное гулянье употребительнѣшійя платья дамы были: сюртуки съ фраками—съ высокими воротничками, узенькими и короткими, въ родѣ турецкой, рукавички распушонаны ленточками, лацзаны такіе же и на пуговицахъ, юбки изъ лино-батиста, на головѣ шляпки à la Cloche (на подобіе колокола); вокругъ шляпы черныя и бѣлыя блонды; другія же употребляли шляпки à la Bergère (по-пастушески), надѣвались послѣднія на волосы на одинъ бокъ съ гирляндами изъ цвѣтовъ, лентъ и съ перьями.

Мужскія московскія моды были: сукошныя фраки разныхъ цвѣтовъ съ длиннымъ лифомъ и стальными пуговицами; весною и лѣтомъ употребляли для фраговъ шелковыя полосатые матеріи и английскія полусузна; на шеѣ носили косыночки изъ лино-батиста или кисей, обшитыя кружевомъ или вышитыя по краямъ разными шелками, повязывались отъ бантовъ напередъ съ распущенными концами; жилеты носили шитые по канифасу бѣлыми и разноцвѣтными шелками. Рубашки—изъ английской шелковой или полотняной матеріи съ узенькими полосочками, по сторонамъ ставились только по три пуговицы. Прическа головы—въ три букли на сторонѣ, одна вѣтъ другой и широкой а-ла-перкетъ. Шляпы къ фракамъ кружевыя, остроконечныя, перевязанныя лентами. Чулки шелковые, половинчатые, на подобіе санжюковъ до половины покры темнаго цвѣта, а отъ икры до колѣна бѣлые. На фракъ съ начала шибшійя столѣтія стали нападуть какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ, съ легкой руки Грибоедова, опредѣлившаго его такъ:

Хвостъ гладки, спереди какой-то чудный выежъ,
Газетку вопреки, наперекоръ стихіямъ.

Фракъ стать гонимъ—какъ и теперь рѣзко своего онъ вида не терять, то подымется, то опустится лифъ, воротнички или рукава сдѣлаются то уже, то шире, то длиннѣе, то короче. Загоскинъ написалъ о предѣ его цѣлую статью, утверждая, можетъ ли быть что нибудь смѣшнѣе и безобразнѣе фрака. Долговѣчность послѣдняго, надо думать, объясняется тѣмъ, что встарину, когда чинопочитаніе царствовало повсюду, одинъ только фракъ, который носили и служащіе, и неслужащіе, всѣ безъ исключенія, иногда уравнивалъ между собою и полковника, и гвардейскаго сержанта, но и тутъ безъ вѣдливости фракъ не спасаетъ шалуна или повѣсу. А повѣсу въ то время было многу, такіе ходили съ толстыми шашками въ рукахъ, послѣдній носили названіе геркулесовой дубины; эта мода явилась тоже изъ Фраціи. Въ тѣ года на улицахъ Парижа и въ публичныхъ собраніяхъ шалки и распушка шалкой играли большую роль. Великій смѣшнѣе отечать на грубое слово, на насмѣвку и прямо дала на тѣло ударомъ шалки. Тогдашніе щеголи не покидали ни на минуту своихъ тростей и часто пускали ихъ въ ходъ. Вѣдливость считалась предвѣсуд-

к-ль и молодцы люди ревнивились съ женщинами, надвигая шлыну на лобъ. Когда старики выказывали вѣжливость, молодые обсыпали ихъ насмѣлками.

Большими полюбави и шалунами въ началѣ нынѣшняго столѣтія были молодые кавалеристы; характеръ, духъ и тонъ военной молодежи и даже повадкѣхъ кавалерійскихъ офицеровъ составляли въ ту эпоху молодечество, удалство. «Послѣдній конѣвка ребромъ» и «жизнь—конѣвка, годона ничево», вотъ какія были поговорки и какіе девизы тогдашнихъ офицеровъ. Не надо забывать, что большая часть тогда эскадронныхъ командировъ и ротмистровъ были суворовскіе воины, крещенные въ кровавыхъ битвахъ и опаленные въ пороховомъ дымѣ. Поэтъ-партизанъ Денисъ Давыдовъ пѣлъ:

Сабля, водка, конь гусарской,
Съ нами вѣкъ мой золотой!
И люблю кровавый бой,
Я рожденъ для службы царской!

Теперь все перенло въ преданіе! Ни эха, ни слѣда прежнихъ дѣлъ. Старые офицеры некали и въ войнѣ, и въ мирѣ опасностей, чтобы отличиться безстрашіемъ и удалствомъ. Поширокѣе, подражать на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы не слѣдовало, — это входило въ составъ военной жизни и въ мирное время, нишеть современникъ того времени О. Вуларингъ: «Молодые кавалерійскіе офицеры были то же, что нѣмецкіе студенты-буриши и также вели вѣчную войну съ рябицами (такъ встарину кавалеристы называли штатскихъ). Военная молодежь не покорялась нишаккой власти, кромѣ своей полковой, и безпрерывно вела войну съ полиціей. Булнство хити и подвергалось въ то время наказанію, но не считалось порокомъ и не погрязало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ границъ. Стрѣлялись очень рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести, но за то рубились за всякую мелочь. Послѣ такихъ дѣлъ бывалъ пиръ и дружба. Общество офицеровъ въ полку было какъ одна семья, все было общее — и деньги, и время, и наслажденія, и неприятности, и опасности. Старшіе офицеры требовали отъ молодежи исполненія службы, храбрости въ дѣлѣ и сохраненія чести мундира. Офицеры, который бы смѣлилъ своему слову, или обманулъ кого либо, не были терпимы въ полку. Офицеры, правда, дѣлали долги, но въ крайности за нихъ скандальдись товарищи и платили ихъ. Офицерская честь высоко цѣнилась, и эта честь имѣла свое особенное, условное значеніе. Гвардія тогда была исключенна. Въ Кавалергардскомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ была особая тонъ и духъ. Офицеры этихъ полковъ принадлежали къ высшему обществу; они слыли танцорами, господствовали въ высш. придворныхъ обычаяхъ и общій языкъ былъ французскій, когда, на шотландск. въ другихъ полкахъ между удалою молодежью французскій языкъ считался неприличнымъ и говорить между собою позволя-

лось только по-русски. Офицеры, которые отличались сибѣею довѣстью и французскимъ языкомъ, называли «хрипуками»; послѣднее названіе произошло отъ подкачки парижанамъ въ произношеніи буквы *p*. Конно-гвардейскій полкъ былъ нейтральнымъ, онъ соблюдалъ сѣмашаніе обычаи. Лейбъ-гусары, павловцы, измайловцы и лейбъ-егеря слѣдовали господствующему духу удалства и жили по-армейски. Во флотѣ было еще больше удалства. Въ старыя времена офицеры кутили въ Елизариньѣ, Красномъ клубчкѣ и на Крестовскомъ островѣ; сюда ѣздили какъ на охоту, и горе было бѣднымъ нѣмцамъ ремесленникамъ, которыхъ находили здѣсь съ семействами. Начиналось обыкновенно такъ: заставляли толстыхъ замочить и напекать вальспровить до упаду, потомъ спанили весь мужской полкъ, за прекраснымъ поломъ все вполчились, обыкновенно это и оканчивалось баталіей. Кутили всю ночь до утра и въ 9 часовъ все являлись къ разводу, кто въ Петербургъ, въ Стрѣльну, Царское, Петергофъ, и какъ будто ничего не бывало. Черезъ нѣсколько дней приходили жалобы и виновные тотчасъ сознавались по первому спросу, кто былъ тамъ-то. Лгать было стыдно. На полковыхъ гауптвахтахъ всегда было тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Мраморномъ дворѣ. Каратыгинъ рассказываетъ, какъ гвардейскіе офицеры, возвратясь изъ славнаго похода въ Парижъ, однажды ночью, послѣ вѣселаго ужина, разбрелись потѣнаться по Невскому проспекту и въ продолженіе ночи перемѣнили нѣсколько вывѣсокъ. Поутру у булочника оказалась вывѣска колбасенна, надъ аптекой — гробовщика и т. д. Нишеть немислимы такія шалости, но въ то время пошлой полиціейскій надзоръ былъ очень слабъ и инкалдиды-будочники дремали у своихъ старослѣдственныхъ будокъ.

Въ 1791 году вошло въ большое обыкновеніе у дамъ носить много золота въ видѣ ожерейій, съ большими золотыми сердцами, серьги въ видѣ блонды и проч. Господствующій для всякой обшивки цвѣтъ былъ пунцовый и единственнымъ ему соперникомъ было только золото. Появилась въ тѣ года еще новая мода обшивать платье черными или желтымъ цвѣтомъ; она названа была à la contre révolution, но послѣдняя скоро вышла изъ употребленія. Года два спустя, появилась большая мода на миниатюрные портреты на слоновой кости, которыхъ носили въ медальонахъ на шеѣ. Мода эта вошла сперва въ Парижъ, гдѣ была знаменитый живописецъ Изобей, рисовавшій такіе портреты въ совершенствѣ. Этотъ родъ портретовъ очень распространился по всей Европѣ и держался очень долго и у насъ. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ всякая молодая дѣвушка, выходящая замужъ, дарила жншху медальонъ съ своимъ портретомъ на кости. Убила это обыкновеніе окончательно фотографія.

Въ концѣ 1791 года въ столичномъ обществѣ самымъ употребительнѣйшимъ женскимъ платьемъ былъ «модакангъ»; его носила сама импе-

патрица Екатерина II. Платье было съ короткими рукавами, шилось из атласа, рибру, из турецких тонких парней, обшивалось кружевомъ, блондами, бахромою, лентами; юбки къ этому платью носили бѣлыя и однѣцвоваго цвѣта съ корсетомъ. Также носили «шюро» изъ лину, шитые шелками и фуражерие съ большимъ шлейфомъ. Головы причесывали въ бубли и въ расческу узко, въ родѣ мужскихъ головъ. Носили султаны съ золотомъ и золотыми колосками и фольговаными цвѣтами.

Въ 1793 году вошли въ большую моду дамскіе спортушки; къ спортушку надѣвали камзолчики, газетовый изъ какой нибудь дорогой матеріи, у спортушкови были длинныя шлейфы. Умѣнье укривить длинныя шлейфы считалось признакомъ большой аристократичности. Въ это же время явилась «согрс», ужасная машинка, сжимающая женщину до того, что она превращается въ статую; скоро «согрс» изгоняется корсетомъ, фижмы также перестаютъ носить и замѣнили ихъ «des bouffantes», колѣны дѣлались изъ волосистой матеріи; кромѣ того, чтобы сдѣлать платье пышнѣе, употреблялось проклеенное полотно, называемое «la crêpe». Эта ткань шумѣла страннѣйшимъ образомъ при малѣйшемъ движеніи. Модные цвѣта въ это время носили слѣдующія сентиментальныя названія: сладкой улыбки (doux sourire), нескромной жалобы (plainte indiscrette), совершенной невинности (candeur parfait), заглушеннаго вадоха (sourir étouffé) и т. д.

Въ описываемыя годы мода на наряды настолько успѣхлась въ русскомъ обществѣ, что явилось нѣсколько изданій, которыя, «въ безпристрастномъ начертаніи», желали открыть нѣкоторымъ людямъ глаза и убѣдить ихъ во вредѣ, причиняемомъ модами, роскошью, вертофанствомъ и прочими пороками, которые являютъ повсюду въ современномъ обществѣ.

Самая крупная сатира на моды явилась въ книгѣ «Перенеска безрукихъ модъ»; въ книгѣ этой сказано, что «модѣ», понавшей во Францію въ самый разгаръ революціи, когда владычество ея рушилось, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ пробраться въ землю подражательности—Русью, гдѣ она и была встрѣчена съ распростертыми объятіями. Авторъ издѣлываетъ лобонятную характеристику слабостей и пороковъ современнаго ему русскаго свѣтскаго общества.

Послѣ французской революціи вошло въ моду у мужчинъ лорнеты и жабо въ видѣ подбородка и головы были острижены à la Titus и à la Kuzkalla; коротенькія косы flambeau d'amour. Императрица Екатерина II приказала вводить бородничковъ въ спортушки, въ жабо и дать имъ лорнеты въ руки; бороднички подходили къ франтамъ, шурили въ стеклушки и говорили имъ, какъ друзьямъ, bonjour! И жабо, и лорнеты быстро вошли въ моду. Франты въ то время носили съ длинными и узкими фалдами, жакеты изъ розоваго атласа, сапоги съ кистями, галетуки, закрывшіе подбородокъ въ нѣсколько аршинъ, которые надлежало обматы-

вать вокругъ шеи. Трудно представить болѣе безобразіе. Къ описанному наряду надо прибавить еще треугольную шляпу, которую прежде носили подъ мылкой, чтобы не смять волосы, да и вообще и прежде шляпы не употребляли; большой парикъ и безъ того софракать голову.

Шляпы, существующаго вида цилиндры появились въ 1785 году въ Англіи; носить ихъ на головахъ стали у насъ только съ уничтоженіемъ париковъ. Съ появленіемъ англійскихъ модъ водворятся странное смѣшеніе: женщины носятъ камзолы, жилеты, мужскія рубашки; мужчины—муфты. Эти муфты носили зимою и лѣтомъ; самая модная была бѣлаго цвѣта, изъ шерсти ангорскихъ козъ и украинскихъ; муфта носила названіе «манька»; были такія и очень дорогія изъ соболей и другихъ цѣнныхъ мѣховъ. Особенно такой «манькой» цѣнятъ Леопа Рязумовскій. Въ числѣ мѣховыхъ костюмовъ, кромѣ шубъ и кирѣй, носили еще модныя «винчуры»; послѣднія у нашихъ баръ были очень цѣнны. Такъ, у извѣстнаго любимца Екатерины II, графа Мамонова, была такая изъ мѣха туруханскихъ волковъ, цѣною въ 15 тыс. рублей.

Съ водвореніемъ императора Павла I появились военныя и указы противъ французскихъ модъ; указомъ панстрозайне было подтверждено, чтобы никто въ городѣ, кромѣ треугольныхъ шляпъ и обыкновенныхъ круглыхъ шапокъ, никакихъ другихъ не носилъ; воспрещалось также съ подлинской вѣсомъ находившимся въ городѣ ношеніе фижмовъ, жилетовъ, баншаконъ съ лентами, а также увѣрять шею безобразно платками, бусышками и т. д. Повелѣно было также о строгомъ и неупустительномъ наблюдѣніи, дабы штатскіе чины и приказныя служители и всѣ оставшіе отношъ не носили куртокъ, панталонъ, никакихъ фижмовъ, толстыхъ галетуковъ и другихъ платьевъ, кромѣ мундиромъ по высочайше апрѣбкованнымъ образцамъ. Обязательно было въ это время для всѣхъ чинцовъ Россійской имперіи, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ и бывшихъ въ отставкѣ съ какимъ бы то ни было мундиромъ военнымъ, морскимъ или гражданскимъ, носить длинношюнай прусской формы мундиръ, бѣлфорты, крашены, шапку на поясничѣ, шпоры съ колесцами, трость почти въ сажень, шляпу съ широкими галунами и паншученный парикъ съ длинною косою.

Державинъ писалъ про это время, что тогда зашумѣли шпоры, бѣлфорты, тесаки, и будто бы во завоеваній города ворвались въ догонъ вадѣ военные люди съ великимъ шумомъ. Съ востановленіемъ на прѣхаль Александръ I моды рѣзко измѣнились. Булгаринъ говоритъ: «Откуда-то вдругъ явилось у всѣхъ платье похабо французскаго покроя à l'incroyable», предстакнившее собой рѣзкую противоположность прежней официальной, кургузой прусской формѣ. Въ прическѣ франтовъ появилась какіе-то пендѣдомые «oreilles de chiens», «сперансы» и, къ немѣжданному узасу Павловскихъ бюстителей блабочины, модники, вмѣсто сѣченыхъ трѣ-

ствѣ, стали носить суцковатые дубины съ вышительнымъ названіемъ «droit de justice».

Такіе же носили кличку петиметровъ. Первымъ такимъ франтомъ въ петербургскомъ обществѣ явился знаменитый М. Л. Магницкій. Щеголили эти модники въ пелливахъ à la Robinson, въ очень узенькихъ панталонахъ съ узорами по бантамъ и въ сапогахъ à la Husard.

Женскія пароды той эпохи были очень поэтичны, напоминающіе древнія статуи. Но словамъ современника, Вигеля, если бы не мундиры и не фракки, то на балы можно было бы тогда глядѣть, какъ на древніе барельефы и на этрусскія вазы. И право было недурно: на молодыхъ женщинахъ и дѣвицахъ все было такъ чисто, просто и сѣбно; собранные въ видѣ дѣсны волосы такъ украшали ихъ молодое чело. Не страшась узасовъ и узъ, онѣ были въ полупрозрачныхъ платьяхъ, которыя плотно обхлывали широкій станъ и вѣрно обрисовывали прелестныя формы: казалось, что истокорыбли Пенхей порхають на паркетѣ. Но каково было пожимымъ и дороднымъ женщинамъ: имъ не такъ было выгодно выказывать свои формы.

Мужскія платья стали дѣлать въ то время изъ разноцвѣтныхъ суковъ, а также на бѣлы надѣвали бархатные фракки съ металлическими и перламутровыми пуговицами, при панталонахъ изъ каммира или шелковою трибо, всегда одного цвѣта съ фраккомъ, надѣваемыхъ подъ сапоги въ видѣ ботфорта съ желтыми иногда отворотами по утрамъ, но безъ нихъ—послѣ обѣда. Черный галстукъ не существовать при фракѣ, а былъ бѣлый—атласный или батистовый; рубашка—батистовая, съ брызжамъ, туго-задрахмеленными. Позднѣ появились черныя атласныя галстуки, съ бриллиантовыми булавками. Это называлось американскою модою.

Существоващаго вида брюки сверхъ сапоговъ первый ввелъ въ Петербургѣ герцогъ Веллингтонъ, генералиссимусъ союзныхъ войскъ и русскій фельдмаршалъ. Брюки носились со штриками; называли ихъ тогда «веллингтонами». Этотъ же герцогъ познакомилъ петербургцевъ и съ новымъ плащемъ, синимъ, чернымъ, безъ рукавовъ, плотно застегнутымъ. Плащъ носили названіемъ (cools) воротникъ. Немного позднѣе стали входить въ моду другой еще плащъ, à la Quigoga,—онъ былъ необычайной ширины, имъ можно было обернуться три раза. Уважались такіе плащи, которые были сдѣланы безъ швовъ, изъ одного куска сукна. Съ нимъ вошли въ моду сапоги со шпорами и усы, а также и шляпа, воспеваемая Пушкинымъ, а la Volivaq, поля которой были такъ широки, что невозможно было пройти въ узкую дверь, не снмая съ головы шляпы. Въ сорочковыхъ тонахъ всѣ модники одѣлись въ пальто «сакъ» (minkot) и шляпу «дари»¹⁾; затѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ, à la Palmerston и т. д.

¹⁾ Въ честь графа Пальмерстона.

Начало зрѣлицъ, баловъ, маскарадовъ и другихъ общественныхъ увеселеній въ Россіи.

I.

Древніе скomorохи.—Разсказъ Озарія.—Кукольныя комедіи, «райки», «вертепы», представленія «хадзеви», «шенице дѣйство», придворныя потѣшники. Заѣзжіе артисты на органахъ.—Первая театральная представленія.—Комедійная хранина.—Драматическое искусство.—Мистеріи.—Спектакли царя Софіи.—Ученнческія представленія.—Первая актриса и бонд-актеры.

Скоморохи всегда были любезны русскому народу; они были не только музыканты, но соединили въ себѣ разныя художества: одни играли на гусляхъ, гудкѣ, сопкѣ, сурмѣ (трубѣ); другіе били въ накры, бубны; третьи плясали; четвертые показывали медвѣдей, собакъ. Были и глумцы, стихотворцы-сказочники, умѣнные прибаутками и сказочными притчами потѣшать и развлекавать морщины слушатели. Нѣкоторые изъ нихъ носили на головѣ доску съ дискуссионной фигурой и забавляли зрителя поговорками или сценическими дѣйствіями; такіе наряжались въ скоморошное платье, надѣвали на себя хари, личины и т. д.

Непрерывный рядъ обличеній, которыми духовенство всегда грѣмило любезныхъ народу скомороховъ, свидѣтельствуетъ о распространенности и давности скоморошества. Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимали участіе въ ихъ играхъ, принимаясь пѣть и плясать. Скоморохи ходили большими труппами, человекъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ села въ село, изъ посада въ посадь, представляя свои поборы преимущественно въ праздники; слышавше, безумные невѣжасы дождаются недѣли (воскреснаго дни), чтобы собраться на улицы и на играхъ, говорится въ предисловіи къ слову о недѣлѣ

св. Екзекія, си гуть обрицении ина гудача, ина плещуца, ина поюща
пустошная, ина шуца, они боряцца и помакаюца другъ друга на зло».

И. Костомаровъ говоритъ: «Въ самый праздничный день гулябѣ на-
чиналась съ утра, народъ отвлекался отъ богослуженія, и такъ
веселе шла и въ день и вечеръ за полночь. Мѣстами представленій
были улицы и рынки; отъ этого самое слово «улицы» иногда означало
веселое широкое; и старыя, и малые гавѣли на нихъ и давали имъ—
кто денегъ, кто вина и пища. Но нередко скоморохи, лишеныя ве-
ликаго покровительства власти, терѣли и насиліе отъ частныхъ лицъ.
Последніе заставляли ихъ въ дома, и вмѣсто того, чтобы давать имъ,
отнимали у нихъ то, что они получали, ходя по-міру, да, вдобавокъ,
еще колотили. Правительство, иногда слѣдуя внушеніямъ церкви, и само
не разъ приказывало воеводамъ брать и жечь ихъ инструменты и хари,
и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ ивсениковъ и глумцовъ.
Въ поученіяхъ о казняхъ Божіихъ Осодосія пещерекаго встрѣчаемъ упо-
мипаніе, въ числѣ другихъ искушеній рода человеческого, и о скоморо-
хахъ съ музыками, соблѣями и всякими играми и дѣлесея неподобными». Вь
житіи послѣдняго святого, писаномъ Несторомъ, представляется
цѣлая картина нрава при дворѣ кіевскаго князя. Приди однажды къ
князю, Осодосій засталъ его окруженнымъ множествомъ ивсеновъ и скомороховъ:
одни играли на гусняхъ, другіе на органахъ, иные на голо-
сахъ и кнѣ ивсени. Осодосій смутилъ князя на мнѣніе вопросомъ,
такъ ли будеть на томъ свѣтѣ, и веселье на время прекратилось, чтобы
возобновить по уходѣ святого, такъ какъ «таковы быдъ обычаи у
князя».

Другія значенія духовенства рисуютъ намъ скомороховъ главнѣй-
шими участниками народныхъ обрядовъ. На свадьбѣ они играютъ одну
изъ первыхъ ролей и идутъ всегда съ ивсеними, плясками во главѣ
свадебнаго шествія. Настанеть ли тризна по умершимъ, или сойдеть ли
толпами на гробъ на кладбищѣ,—являются скоморохи, настроеніе мѣняется,
печаль уступаетъ мѣсто необузданному веселью, и «мужи и жены отъ
плача преставленна, начнутъ скакати и плясати, и въ ладоши бити, и
ивсени саташиескія ивти». Купальскіе и ковидные обряды также не обо-
дились безъ участія скомороховъ. Игра на замрахъ или зуркахъ, дом-
рахъ, гудкахъ, шутовскія ивсени, цѣлая сцена съ правильными распре-
дѣленіями ролей между членами скоморошней труппы, одѣтыми въ пест-
рые костюмы, увѣнчанныя бубенчиками, перерисованные въ зѣбриныя
шкурки или людскіе парды и маски (хари, скураты)—все это практи-
ковалось скоморохами.

Участіе въ народныхъ обрядахъ, они входили во внутренней бытъ
народа, проникали въ семейную жизнь и славились остроуміемъ и наход-
чивостью, нередко становились посредниками въ рѣшеніяхъ казныхъ
семейныхъ споровъ.

Даже въ пословицахъ, съ виду проницатели относящихся къ скоморо-
хамъ, слышится расположеніе къ нимъ: «Польника да гудачъ собери
намъ домокъ», «соха да борова разорила намъ дома», «Богъ дать пона,
а чортъ скомороха» и т. д.

Впечатлѣніе скоморошнихъ игръ было до того сильно, что увлекало
за собой даже представителей того начала, которое искони было вѣрнѣе
всѣмъ остатку древней жизни. Въ поученіяхъ митрополита Данила
говорится: «Щецы отъ священныхъ иже суть сн пресвитеры и дѣяконы,
и шодіаконы, и четци, и ивсени, глумяси играютъ изъ гусли, изъ домра,
въ смыканіи въ ивсенихъ бѣсовскихъ и безмѣрнотъ, и презиравотъ
пшнствѣ, и всякое плотское мудрѣніе и наслажденіе паче духовныхъ
любяще».

Какъ мы выше уже говорили, одно время, особенно при царѣ Ми-
хилѣ Феодоровичѣ, противодѣйствіе духовныхъ властей встрѣчаетъ под-
держку и въ свѣтскихъ властяхъ. Такъ, при этомъ царѣ однажды въ
Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ частныхъ домахъ
музыкальные инструменты отбирали и сожигали; такимъ образомъ ихъ
было тогда истреблено на кострѣ пять возовъ. Изъ патріаршей грамоты
этого времени видимъ, что по праздникамъ въ Москвѣ великія бѣвни-
ствѣ творится, и вмѣсто духовнаго торжества и веселья жители преда-
ются играмъ и коцувамъ бѣсовскимъ, слыкають по улицамъ медвѣд-
чиковъ¹⁾ и другихъ скомороховъ, приказываютъ ихъ на торжашцахъ и
распутяхъ саташиескія игры творити, въ бубны бити, въ сурны рѣвѣти
и руками пляскати и плясати, и иныя неподобная дѣлати.

По свидѣтельству Оларія, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ
уже устраиваются переносныя сцены съ представленіями марионетныхъ
ишесъ. Для этого, говоритъ онъ, они обвиваютъ вокругъ своего тѣла
простыню, поднимають свободную сторону ея вверхъ и устраниють надъ
головой своей такимъ образомъ ивчто въ родѣ сцены, съ которою они и
ходятъ по улицамъ, и показывають на ней изъ куколъ разныхъ пред-
ставленій. Иногда же, вмѣсто подобнаго устройства, скоморохи носили на
головѣ, какъ мы уже выше говорили, простыя доски съ подвижными
куклами, придавая имъ различныя забавныя положенія—такіе скоморохи,
какъ говоритъ тотъ же Оларій, были какъ русскіе, такъ и голландцы;
представимые ими фарсы были въ духѣ и характерѣ народнаго вкуса,
и все они носили на себѣ яркій отпечатокъ сальности и цинизма. На
такія неблагопріятныя представленія стѣснлась бѣдная толпа, и на
нихъ не только съ жадностью смотрѣла молодежь, но и дѣти, и женщины.
Цинизмъ фарсовъ заключался въ передачѣ движеніями марионетокъ, рѣ-
чами и даже тѣлодвиженіями скомороховъ сладострастныхъ сценъ, при

¹⁾ Представленія съ медвѣдами, когда въ сарофанѣ, вѣсивъ у насъ во времена Петра
Годунова—назвѣнныя они были изъ Сибири.

чем не стѣснялись изображеніемъ ихъ въ самыхъ грубыхъ формахъ, оскорбляющахъ стыдливость обоихъ половъ. Сюжеты тогдашнихъ кукольных комедій надо полагать, мало различались отъ нашихъ «петрушескъ». Такія комедіи по сейчасъ еще играютъ въ Москвѣ подъ Повинскимъ и на дворахъ въ столицѣ. Содержаніе этихъ представлений и теперь большою скромностью похвалиться не можетъ. Тотъ же цыганъ, продающій лошадей, та же Барашка, петрушишка невеста, и тотъ же козелъ, квартальный и чортъ.

Встарину также известны были еще вертены или райки; въ Малороссіи съ ними ходили ученики семинарій по домамъ горожанъ въ Рождество и на Пасхѣ. Такіе вертены были ничто иное, какъ тѣ же театрики марионетокъ; они существовали въ Польсѣ уже въ давній времена, назывались они тамъ «сеселки» или «szopka». Представленія по городамъ и селамъ начинались съ конца декабря и продолжались до февраля. При пьескахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ произносили ученики, скрытый позади сцены, а товарищи его играли рождественскіе канты. Представлялось: Христосъ, лежащій въ ясляхъ на сѣнѣ, осель и возъ стоять при ясляхъ; Іосифъ, св. Дѣва принимаютъ лицъ, приходившихъ на поклоненіе. На этой же сценѣ потомъ идетъ свѣтское представленіе, и изъ боковой башенки выходитъ здоровенный полякъ съ деревянною саблею, къ нему приседаютъ его жена въ чепцѣ; послѣ взаимныхъ поклоновъ, они танцуютъ польскій и уступаютъ мѣсто смуглому украинцу, который, поклонивъ зрителямъ, лихо выливаетъ со своей сударушкой; является затѣмъ пѣвецъ въ панталончикахъ въ обтяжку, а за нимъ съ трудомъ слѣдуетъ толстая пѣвица; далѣе бурливый забіяка съ толстою палицею шумитъ и достаетъ своимъ оружіемъ посылъ любопытныхъ зрителей; малорослый, но заблѣкшій краковикъ въ живописномъ костюмѣ своей родины, отирая въ дождю свою Катюшу, вступаетъ въ драку съ забіякой. Послѣ Прода, со снайперомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи своего наперсника-жидка, провозвѣститъ угрозы на весь міръ, но потомъ умираетъ въ ужасныхъ мукахъ; жидокъ подвергается той же участи, а жена Прода, Ревечка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистымъ въ адъ, вмѣстѣ съ тѣломъ мужа. Затѣмъ колдунья масло пахтаетъ, а дьяволъ вышываетъ у ней сметану. На послѣдокъ дряхлый старикъ съ мѣшочкомъ для денегъ проситъ себѣ смерти, и тѣмъ кончается представленіе.

Отарій въ разсказывае о такъ называемыхъ халдеяхъ, которые получали съ патриарха ежегодно позволеніе, передъ свитками и масляницей, производить свои представленія. Халдеи одѣвались совершенно какъ пѣвцы-актеры карнавалныхъ празднествъ, въ деревянныя расписныя шапки; борода у нихъ была обмазана медомъ для того, чтобъ не поджечь ихъ огнемъ; халдеями они назывались потому, что представляли работу иудейя Пануходоносца, которые разводили огонь въ печи для наказанія грѣшниковъ. О древне-русскихъ халдеяхъ, по свидѣтельству

профессора Архангельскаго, въ первый разъ упоминается въ приходско-расходной книгѣ повгородскаго архіеріеископскаго дома. Представленіе халдеевъ носило названіе «пещное дѣйство», совершалось оно въ Москвѣ, Повгородѣ и Вологдѣ. Дѣйство совершалось за пѣдло передъ Рождествомъ, въ воскресенье, во время заутрени. Посреди церкви ставилась печь. Такаѣ печи сохранились по сейчасъ въ музѣ Академіи Художествъ: съ остатки изъ двѣнадцати столбовъ, украшенныхъ різными и скульптурными изображениями святыхъ. Въ церковь входили отроки, выбраные изъ пѣвчихъ или монастырскихъ служекъ. На нихъ были надѣты шапки, обшитыя зячлымъ мѣхомъ и сверху позолоченныя и раскрашенныя; одѣты они были въ длинныя платья изъ красиваго сукна; халдеи снабжались бѣлыми убрисами (полотенцами), которыми въ назначенное время должны были связать руки отрокамъ и затѣмъ вести ихъ къ печи. У халдеевъ были въ рукахъ еще какія-то длинныя трубы. Кромѣ этихъ лицъ, въ дѣйствѣ участвовали еще такъ называемый «учитель отроцескій». Отроки собственно въ печь не ввергались, а стояли подтѣ нея; подъ печь ставили горшъ съ горячими углями, и при пещи стояло до 50 надевичницъ. Обрядъ дѣйства былъ связанъ тѣсно съ богослуженіемъ. Среди служенія однообразно звучали рѣчи халдеевъ: товарищъ зоветъ одного, когда отроки отказывались поклониться золотому тельцу. — Чавъ? отзывается другой. — Это дѣти царевы. — Нашего царя повелѣнія не слушаютъ? — Не слушаютъ и золотому тельцу не поклоняются. — Не поклоняются? — И мы вкнинемъ ихъ въ пещъ. — И начнемъ ихъ жечь. — Отвѣты отроковъ на требованія халдеевъ были слѣдующіе: Видимъ мы пещъ, говоритъ одинъ изъ нихъ: — но не убоимся ея; есть бо Богъ нашъ на небси, Ему же мы служимъ, и т. д. Въ послѣднюю минуту является ангель съ свѣщомъ. Ангель спускается въ трубѣ «зело величѣ»; на дѣлѣ же это не успѣвалось, и ангела замѣняли образъ, на которомъ былъ изображенъ архангелъ; образъ этотъ почему-то былъ подбитъ кожей. — По разсказамъ, впрочемъ, очевидца Флетчера, ангель слеталъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха халдеями; по другимъ разсказамъ, дьявоны и причетники кидали горсти плауна (*Semen lycoperidium*) на сѣни и направляли вѣвихвационція некры на халдеевъ.

Скоморохи известны съ XV ст., но только средину XVII вѣка можно назвать эпохой скомороховъ. Въ эти времена, помимо странствующихъ скомороховъ, были и такіе, что жили постоянно при царскомъ дворѣ или при домахъ богатыхъ и знатныхъ бояръ. Въ былинѣ о «Чурилѣ Пленковитѣ» говорится о придворномъ постельничѣ, что, по должности и обязанности службы, сиди у изголовья, потѣшалъ князя и княгиню игрою на гуслихъ; у царя Іоанна III былъ на службѣ при дворѣ органичный игрецъ, по имени Иванъ Спаситель, канцларъ бѣлыхъ чернецовъ Августинскаго ордена. При Іоаннѣ Грешномъ придворные скоморохи у

играли при дворе как стали видную роль, съ ними самъ царь иногда илъ разгульными пѣсни и плясать въ «манкарахъ».

По писаннымъ книгамъ 1500 года, между прочими людьми и ремесленниками, упоминаются скomorохи въ некоторыхъ погостахъ. Особою ими извѣстность городъ Ямы. Въ немъ стояли: дворъ Пичагы скomorохи, дворъ Кузюка Олухновъ скomorохи, дворъ Олексеѣико скomorохи, дворъ Зелена скomorохи, дворъ Ооноксо да Радивонки скomorохи. Не зная никакого ремесла, они питали народъ музыкой и своими штуками. Очень понятно, что въ тогдашнемъ обществѣ скomorохи не пользовались такимъ почетомъ, какой теперь воздаютъ преемникамъ музыкально-сценическаго ремесла ихъ. Дворы ихъ поставлены въ писанныхъ книгахъ наряду съ дворами пастуховъ, которые тоже считались вселѣдными людьми въ городѣ.

Въ слѣдующемъ столѣтїи при дворѣ царя Михаила Феодоровича уже служатъ разные сабжкіе прѣды на органахъ и клавикордахъ, а также разные цимбалники, скрипичники, научившіеся этому искусству у иноземцевъ. При дворѣ царя Алексея Михайловича разная «иницльманская хитрость» уже находитъ полное примѣненіе. Московскій дворъ того времени отличается блескомъ и пышностью; просвѣщенный бояринъ той эпохи Артемъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, изъ дома котораго была взята царица Наталья Кирилловна, даетъ вкусъ вѣку и имѣетъ модное вліяніе на придворную жизнь. Онъ вызываетъ изъ-заграницы многихъ актеровъ и музыкантовъ, и въ его время царь уже преслѣдуетъ грубое скomorошество и на своей свадьбѣ замѣняетъ прежнія музыкальныя потѣхи пѣніемъ. Такъ, въ описанїи царской свадьбы (Рос. Вивліоика, ч. XIII, стр. 214) мы читаемъ: «Да на прежнихъ же государскихъ радостяхъ быкло въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день съ вечера до ночи на дворѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ; и былъ великій государь на своей государевой радости накрамъ, трусамъ бить не изволилъ. А великій государь въ свои государски столы вмѣстѣ трубъ и органовъ, и великихъ свадебныхъ потѣхъ пѣти стормъ государевымъ пѣвчимъ, дякамъ, вебмъ станицамъ, перемѣняея строчные и джественные болніе стихи отъ праздниковъ и изъ трїодей драмъ вси со великимъ блжотнїемъ». Многие изъ придворныхъ царя, какъ, напр., князь Ив. Ив. Шуйскій, князь Д. М. Пожарскій и князь Шедяковъ, имѣютъ своихъ собственныхъ скomorоховъ. Оларїиъ рѣска-зываютъ о новитивѣ (органи) и великаго рода другихъ музыкальныхъ инструментахъ, которые имѣлъ у себя другъ пѣмцевъ, великій бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ. По свидѣтельству «дворцовыхъ разрядовъ», на комедійныхъ потѣхахъ въ то время играютъ уже иностранцы-музыканты, да и придворные люди боярина Матвѣева; послѣдній въ 1673 году вводитъ въ театральное училище, подготовившее актеровъ и музыкантовъ русскаго происхожденія. Въ эпоху тинайнаго царя, масса оте-

чественныхъ скomorоховъ увеличивается большимъ количествомъ захолныхъ иноземцевъ, комедіантовъ, фокусниковъ и т. д.

По свидѣтельству современниковъ, этотъ царь въ первый разъ слышать музыку на органахъ, фїолахъ (скринкахъ), трубахъ и другихъ инструментахъ въ своемъ дворцѣ 2 октября 1672 г. Также исполненіе музыкальныхъ пѣснь было исполнено вновь прибывшимъ въ Москву нѣмецкимъ оркестромъ подъ управленїемъ Готфрида Грегори. Оркестръ очень понравился царю; послѣднее обстоятельство дало смѣлость Грегори испросить у государя позволеніе и на театральное предстакленіе; репертуаръ Грегори состоялъ изъ пѣснь духовнаго содержания; самъ онъ былъ тоже духовное лицо — пасторъ. Царь далъ согласіе на открытіе такихъ предстакленій, назначивъ мѣстомъ ихъ свой дворецъ въ селѣ Преображенскомъ, — и ровно черезъ мѣсяць состоялось первое предстакленіе: давали комедію — «Какъ Олоферну-царю царица голову отѣкла». Участвовать въ предстакленіи самъ Готфридъ Грегори и «его компанія», хоръ же музыки состоялъ изъ смѣшаннаго русско-нѣмецкаго оркестра, обученнаго изъ дворовыхъ людей боярина Матвѣева нѣмецкими придворными музыкантами и органистами. Успѣхъ первой пѣснь былъ блестящій, актеры были вознаграждены царемъ щедро, а самая пѣснь была переплетена въ сафьянъ съ золотомъ.

Вносѣдствїи трупа пастора Грегори состояла изъ посадскихъ дѣтей, отданныхъ въ науку Грегори бояриномъ Матвѣевымъ. На первый разъ такихъ учениковъ ему отдано было 26 человекъ, на содержаніе ихъ было положено отъ казны поденно, пока «будутъ въ ученїи у магистра», какъ тогда называли Грегори, по четыре деньги человеку на день. Грегори жили въ Новонѣмецкой слободѣ, и тамъ же помещалась школа «Комедїйнаго дѣйствя».

Содержаніе, отнускаемое на школу казною, было крайне недостаточно, и въ сохранившейся жалобѣ учениковъ говорится, что «корму имъ не учинено, и что они, ходя къ магистру, платившимъ ободрались и снжжниками обносилсь и нить-бѣтъ нечего». Костюмы шились также на казенный счетъ, равно какъ изготовлялись на деньги приказа нарки, бороды и мелкія буцафорскія вещи. Такъ, Грегори было однажды выдано на платье ангеловъ и на молодого «Товно и на снуеть-ншественниковъ его 30 рублей». Въ другой разъ выдано на «бороды евреви и на иную меньшую пошину нить рублей».

На первомъ предстакленіи царь былъ безъ семейства; виднѣя ма виднѣя, что предстакленія уже давались въ присутствїи царицы и всей семьи. Чтобы скрыть царицу отъ публики, говоритъ А. Вхеловскій, прибѣвали къ средству, употребленному перѣдъо при торжественныхъ выѣздахъ иностранныхъ пословъ въ Москву, на которое царица и великія княгини смотрѣли изъ закрытыхъ помѣщений около воротъ Кремля; въ театрѣ была устроена галерея съ опускными рѣшетками. Какъ сцена,

такъ и мѣста, отведенныя для царя и его приближенныхъ, покрывались коврами и гренамъ сукномъ. Прочтыя же зрители сидѣли на лавкахъ, весьма неудобныхъ, которыя покупали у подгородныхъ крестьянъ. Сцена скрывалась отъ зрителей завѣсомъ, который висѣлъ на продольной и сѣвостѣ, укрѣпленный на ней мѣдными кольцами. Театръ освѣщался свѣчами, вставленными въ деревянные подсвѣчники.

За перерывъ представленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ спектаклей. Особенно похвалялся также еще пьеса объ «Артаксерксѣ и Аманѣ». На ваговѣныя были исполнены дивертисементы, въ которыхъ играли только на органахъ и танцовали. Дивертисементы, составленные изъ декламации и пѣсенокъ, исполнялись, повидимому, чаще пьесъ; у Рейтенфельса, известнаго путешественника по Россіи, сохранилось о представленіи бывшемъ въ субботу на масшницѣ 1675 г.: передъ началомъ бала на сцену выступилъ актеръ, одѣтый Орфеемъ, и обратился къ царю съ рѣчью въ стихахъ; въ ней онъ прославлялъ торжественный день, въ который труппа снова дерзаетъ потѣшать великаго государя. Затѣмъ до небесъ превозносилъ прекрасныя свойства души Алексѣя Михайловича и въ заключеніе, обращаясь къ двумъ пирамидамъ, стоящимъ по бокамъ его, освѣщеннымъ разноцвѣтными огнями и покрытымъ транспарантами въ честь царя, онъ призвалъ ихъ танцовать съ собою. За этими словами начался балетъ.

Самый же театръ былъ построенъ въ 1673 году, 22-го января; царь отдалъ приказъ объ устройствѣ комедійной хрѣмины надъ антекою; на работу было взято 25 плотниковъ, которые работали съ замѣчательною поспѣшностью днемъ и ночью, такъ что не прошло четырехъ дней, какъ все уже было готово; къ спектаклямъ стали приглашать и мѣстныхъ музыкантовъ; въ документахъ, изданныхъ Калачовымъ, видимъ, что были посланы «приказу галицкіе чети молодые подъячіе по три дня въ Новогородскую слободу по полковнику по Миколою фонъ Стадена и по музыкантамъ да по Тимофею Гажикруху съ товарищи, какъ имъ велѣно было въ комедійныхъ налатахъ для потѣхи». Въ составѣ оркестра видны мѣсто занимали небольшіе органы, затѣмъ употреблялись фиссы, валты и трубы; были и другіе «страменты».

Крогѣ цастора или магистра Грегори, во главѣ руководителей московскаго драматическаго искусства въ послѣдній годъ царствованія тишаишаго царя стоялъ еще нѣкто ильхтигъ Степанъ Чижинскій, бывший учитель Курь-братскои духовнои академіи. Профессоръ Буславъ полагаеъ, что онъ явился въ Москву не случайно. Представленія Грегори, дошедшія буквально и часто тяжелые переводы нѣмецкихъ пьесъ, никакъ не могли удовлетворить тогдашнее русскои общество; они могли представлять интересъ случайный лишь на первые разы, но затѣмъ необходимо должно надеяться; боирингъ Матвѣевъ, повидимому, былъ обязанъ тѣмъ, чтобы придать первому театру чисто русскій или славян-

скій характеръ. Чижинскій поставилъ нѣсколько пьесъ — лучшая изъ нихъ была «Давидъ съ Галиаомъ». Труппа, которую онъ обучалъ, состояла изъ 80-ти человекъ разнаго званія людей; каждый учившійся получалъ по алтыну въ день.

Изъ писателей народныхъ драмъ извѣстенъ былъ еще Сильвестръ Медвѣдевъ; родомъ онъ былъ изъ курскихъ подъячихъ, ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго. Онъ извѣстенъ такъ же, какъ авторъ записокъ о первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ. Медвѣдевъ, въ угоду царевнѣ Софіи, написалъ двѣ пьесы: небольшую въ лицахъ «Мечъ-кладенецъ» и первую русскую сатирическую комедію «Шемакинъ судъ». Авторъ этихъ пьесъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, былъ казненъ въ 1690 году вмѣстѣ съ Щедринымъ за участіе въ заговорѣ съ стрѣльцами, по доносу греховъ Лихудъ, основателя гречко-латинскои академіи.

Но самый продолжительный успѣхъ изъ сценическихъ представленій имѣли мистеріи Симеона Полоцкаго; послѣдній занимался такія театральныя представленія изъ ветхаго завета и изъ притчей Евангельскихъ. Эти мистеріи имѣли назначеніе укрѣплять въ вѣрѣ, посредствомъ изображенія въ лицахъ ея таинствъ, чудесъ и славы. Существуетъ любопытный библиографическій памятникъ одной такои мистеріи, нѣкогда хранимый въ собраніи г-на Кастерина. Мистерія эта была отпечатана въ 1685 году, въ Москвѣ, и играна была въ селѣ Преображенскомъ; названіе ея «Комедія притча о блудномъ сынѣ»; книга состоитъ изъ 57 воле-муншекъ, на которыхъ съ одной стороны отпечатаны гравюры на мѣди тексты комедіи, по мѣстамъ украшенный тридцатью восемью картинками, изображающими главныя сцены, съ декорациями, освѣщенными плошками, и съ зрителями на первомъ листѣ (послѣ заглавнаго, гдѣ вырѣзано: Исторія или дѣйствіе Евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, бывшае дѣло отъ Рождества Хр. 1685), изображены комедіанты въ нѣмецкомъ платьѣ, съ усами. На другомъ листѣ слѣдуетъ прологъ или Комедія-притчи прологъ:

Благороднѣя благочестивѣя государея милостивѣя!

Не тако слово въ памяти держится.

Якоже аще что дѣломъ явится

Христову притчу дѣйствомъ провѣстити.

Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.

О блудномъ сынѣ всѣ рѣчь будетъ наша,

Аки вещь живу уарѣтъ милость ваша,

Всю на шесть частей притчу раздѣлихомъ,

Но всѣмъ онѣхъ ничто приимѣлихомъ,

Угуби ради нбо все стужаетъ,

Еже едино безпремево бываетъ,

Низвольте убо милость свою явити:

Очю и слухъ къ дѣйствію приклонити,

Тако бо слабость будетъ обрѣтена

Не токмо сердцама, но и душамъ спасена

Важно начать может притча дана,
Только извольте прилежно внимати.

Сказав прологъ, комедіанты дѣлаютъ поклонъ до земли.

Изъ дѣйствія видно, что комедіанты тогда были люди смиренныя. Такъ, и въ концѣ блудный сынъ обращается къ зрителямъ, читаетъ эпилогъ, начинающій его словами: «Внимайте милостивѣе епископу поклонъ отдаю»; въ заключеніе, послѣ словъ: «Конецъ и Богу слава», сказано по поклону до земли «Вѣкъ судимъ ту, сѣмо и оумо. Въ спискѣ Повикова (Видеостранъ, т. VIII) сказано только: ту вси немедленіе поклонилися, а мусикіе вѣзеть и тако развѣдуютъ гости. Тамъ послѣ каждою дѣйствіемъ прибавлено: «и пойдуть вси за завѣсу и ивѣща поють и будутъ интереснѣе, чѣмъ итѣ въ ижемпірахъ г. Кастерина, гдѣ зато на картинкѣ изображено все, что примѣнили авторъ для разнообразія, безъ котораго все слушалось уже безъ перемѣнъ бываетъ. На 22-й картинкѣ изображено, какъ предѣстница бьетъ блуднаго сына кочергой и обливаютъ изъ окна водою; на 29-й картинкѣ его держатъ и въ весьма комическомъ положеніи бьютъ палками за то, что онъ, голодный, съѣлъ у свиньи кормъ. Неужели такъ было представляемо и на сценѣ? Въ спискѣ Повикова сказано: «бьютъ блуднаго сына за завѣсу и бьютъ плетью, а онъ кричитъ: «ударь, пощадил!» Можно полагать, что Повиковскій епископъ былъ профессоромъ для сцены. Впрочемъ, онъ совершенно сходенъ содержаниемъ съ текстомъ библиографической рѣдкости Кастерина.

Царствование царя Осодора Алексѣевича, какъ говоритъ О. Копп, имѣло значительное вліяніе на судьбу русскаго театра и на развитіе самобитной драматической литературы. Здѣсь впервые являютъ пьесы изъ исторической жизни русскаго народа, и начинается знакомство съ знаменитыми драматургами Запада. При дворѣ царя даются концерты, составляются хоры изъ знатныхъ людей, которые выполняютъ духовныя канты и особенно въ честь царя сочиненныя гимны. Царь самъ ими руководилъ. Онъ былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, по времени, очень ученаго духовнаго лица, знавшаго основательно и музыку. Въ эту эпоху почти впервые духовныя іерархіи пишутъ трагедіи; царица Софія написала первая единичную драму въ стихахъ «Екатерина Великомученица», которая ставится у ней въ терему. Карамзинъ видѣлъ это сочиненіе въ рукописи и отзывался о ней съ большою похвалою. Знаменитый патрархъ, князь А. Шаховской, говоритъ: «Мнѣ извѣстно, по семейному преданію, что прабабка моя, Татьяна Панинова Арсеньева, соприкоснувшись къ царицѣ Софіи, представила лицо Екатерины-мученицы, и что Паниновъ Великій, бывая всегда при этихъ театральныхъ зрѣлищахъ, прозвалъ Арсеньеву «Екатериной мучительницей большіе глаза». Знаменитый Иванъ Ао. Дмитриевскій имѣлъ переводъ комедіи Мольера «Лекарь притворенной», слогъ перевода которой принадлежатъ къ полудержавному и, какъ ему передавали, былъ сдѣланъ самой царицей». — Пьеса

эта была играна въ день рожденія царицы, 17-го сентября. По поводу этой комедіи существуетъ слѣдующее преданіе, которое разказываютъ въ своихъ запискахъ Дескриль, жившій въ Россіи въ ту эпоху: — въ 1657 году царь Алексѣй Михайловичъ такъ сильно занемогъ, что всѣ старшія врачи оказывались безплодными. Поэтому было объявлено всенародно, что бы знахари, умѣющіе лечить подобныя болѣзни, явились во дворецъ. За излеченіе обещана была огромная награда, зато было также извѣстно, что неустѣхъ могъ повести на плаху. Жена одного князьательнаго и крутого мужа, знавша интрижку, желала избавиться отъ его ревниваго надзора и побоевъ; она воспользовалась этимъ случаемъ и дала знать въ дворцовый приказъ, что мужъ ея знаетъ многія спасительныя зелья и вылечиваетъ почти всѣ болѣзни. Мужа потребовали къ царю; онъ долженъ былъ его освидѣтельствовать и, несмотря на всѣ отговорки, принялся за леченіе. Вѣднѣкъ придумывалъ всѣ домашнія средства, которыми ему случалось въ жизни испытать или о которыхъ онъ слышалъ, и, къ величайшему удивленію его самого и всего тогдашняго дворцоваго персонала, ему удалось восстановить здоровье царя. Это же самое событіе описано и у Олеарія, но онъ относитъ его къ Борису Годунову. Показаніе перваго должно быть вѣрнѣе, потому что обнаружено ранѣе, и потому, что при Алексѣѣ Михайловичѣ было слишкомъ много хорошихъ иностранныхъ врачей. Пьеса Мольера слишкомъ близко подходитъ къ этому событію, которое, какъ видно, было очень извѣстно въ народѣ, потому что даже и иностранные писатели о немъ узнали; и поэтому не мудро, что царица выбрала именно эту пьесу для перевода. Вотъ персонажи, данныя ею дѣйствующимъ лицамъ, и распредѣленіе ролей между придворными: Станарель, дровосѣкъ, князь Ю. А. Долгорукій; Марса, его супругица, кн. А. П. Хованская; Робертъ, сестръ его, князь В. В. Голицынъ, извѣстный любимецъ царицы, одинъ изъ обрѣзанныхъ людей своего времени; Геронъ, бояринъ, князь Як. П. Орсевскій; Луцинда, дщерь его, княгиня П. П. Барятинская; Валеріанъ, дворецкій, князь Д. Щербатовъ; Луиза, прислужница Герона, полковникъ С. О. Грибобѣдовъ; Акулина, жена, А. Б. Шереметевъ; Федотъ, мужичокъ, князь М. М. Черкасскій; Перинъ, сынъ ея, князь Г. Ао. Бокловскій; Леандеръ, суженый Луцинды, князь К. О. Щербатовъ.

Любимой еще пьесой какъ у царицы Софіи, такъ и у царицы Натальи была «Каноническая грѣшница». Вотъ содержаніе ея по князю А. Шаховскому, — послѣдній слышалъ ее отъ Дмитревскаго, который еще игралъ ее въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны на придворномъ театрѣ. Сцена изображаетъ пустынный видъ; посреди стоятъ три существа, единственные дѣйствующія лица въ пьесѣ: грѣшница, ея зовутъ хранитель и демонъ. Грѣшница въ бѣлой одеждѣ, скрытой подъ черными панталонами, на которыхъ написаны всѣ ея прегрѣшенія. Умъ ея и демона дополняется двумя невидимыми хорами ихъ собратій. Духомъ

скій хоръ и хвалить милосердіе и благодать Божья, и грѣшникъ готовъ покаяться, и, опустивъ глаза, онъ видитъ свою одежду, ужасается безднъ грѣхъ иной и бохульствуетъ; адъ радуется новой добычѣ. Но ангель восхваляетъ прощенье разбойника; это обуздываетъ отчаяніе грѣшника, и онъ отъ всего сердца начинаетъ молитву. По мѣрѣ покаянія, нашивки спадаютъ одна за другой, и наконецъ обнаруживается бѣлая одежда, символъ безгрѣшности. Но борьба одолѣла человека, смерть близка; онъ пенукаетъ духъ; душа его возносится къ небу при пѣніи ангеловъ, тогда какъ въ адѣ слышатся отчаянные крики и скрежетъ зубовъ.

Не менѣе еще была известна въ то время и другая комедія, подъ названіемъ: «Узменная измѣна счастливой жизни съ прискорбнымъ и нищетынымъ въ свинельскомъ пророцѣ и Лазарь изображенная»; въ ней была представлена въ лицахъ известная притча Спасителя къ ученикамъ. Эта комедія давалась при «запустыныхъ пированіяхъ». Она представлена была и дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцевъ въ новосібирскихъ словено-латинскихъ Дошпахъ въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1701 года.

Комедія начиналась прологомъ, въ которомъ «образивъ является всего дѣйствія вѣще и событіе». Въ прологѣ, въ первой сценѣ представляется счастливый, входящее въ міръ на седмглавомъ змѣи; во 2-й—является пророкъ въ свѣтлой одеждѣ за транею и засыпаетъ при плискѣ дождевыхъ струекъ. Явленіе 3-е: во время его сна является Ювъ на гнониці и тщетно убоиваетъ его оставить сласти міра. Явленіе 4-е изображаетъ пророка богатаго, на который приходитъ Лазарь, но, не получивъ ничего, уходитъ и полагается на гнониці. Въ это время среди ликованій богатый видитъ подобное себѣ лицо, мучимое въ геєнѣ огненной, устращается, по авторѣ «сабельное ликованіе» развиваетъ скорбь его. Это дѣйствіе является пѣсней хора. Явленіе 5-е: Лазарь вскорѣ получаетъ подтвержденіе съ неба. Явленіе 6-е: судъ Божій изрекаетъ слово блаженства Лазарю и опредѣленіе гибели богатому. Явленіе 7-е: Лазарь умираетъ, утѣренный ангелами, и при пѣніи ихъ душа его возносится на небо. Явленіе 8-е: ангель, взявощій ключи бздны, угрожаетъ пророку и отвергаетъ студенецъ геєнскій, изъ котораго исходитъ вошпи несчастныхъ, овалъ в дымъ. Засимъ слѣдуетъ пѣснь хора. Явленіе 9-е: смерть пещиваетъ съ чашу ликующаго пророка смертоносный ядъ, и онъ въ жестокихъ мукахъ умираетъ. Явленіе 10-е: душа пророка преширается съ тѣломъ о грѣшникъ своей гибели, но ангель смерти низвергаетъ тѣло на землю, и душу въ адъ похищаетъ. Явленіе 11-е: тѣло, пораженное громомъ, и жаждаетъ разверженоея землею. Явленіе 12-е: Лазарь на ложѣ Авраама, и богатый въ геєнѣ. Беседа между ними, окаянникоуиаси горькимъ рыданіемъ богатаго. Эпилогъ: церковь скорбитъ о гибели пророка и возноситъ подобнымъ ему предаетъ спасительное врачевство отъ тяжкаго грѣха счастливой—свитый постръ.

Въ комедіи, между прочими лицами, являются: и левъ хромай, и слава на оргѣ съ трубою, и лютая гидра, и дѣвы съ тимпанамы, и гусли-срѣтнотъ Давида, поютъ торжественныя пѣсни, и танцуются офицерскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства, и затѣмъ слѣдуетъ «интермедіумъ». Комедія того времени по внѣшней формѣ близка къ греческихъ трагедій; онѣ состояли изъ пролога, хора, нѣсколькихъ явленій и эпилога. Хоръ объяснялъ смыслъ явленій, которыя состоятъ въ символично-мимическомъ изображеніи известнаго дѣйствія; часто въ пѣсняхъ хора слышатся или правдивныя наставленія, или звуки скорби о дѣлахъ порока и звуки радости о славі добродѣтели.

Регламентъ московской славяно-греко-латинской академіи дозволялъ студентамъ «игру на мусикійскихъ инструментахъ и дѣлать комедіи», «что збѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіестъ честной смѣлости». Возвращаясь опять къ первымъ театральнымъ представленіямъ, мы видимъ, какъ это говорить О. Кони, что на третій день брака цари съ Марою Анракенной, въ селѣ Преображенскомъ играли болре и болрыни комедію: «Баба-Ига, костяная нога»; распределеніе ролей было слѣдующее: Ягу Бабу играла коненгагенская актриса Анна Паульсонъ, тогдашняя европейская знаменитость, приглашенная въ Россію бояриномъ Матвѣевымъ. Ивана царевича игралъ князь Ив. Пронскій; Людмилу, его суженую, кн. П. Барятинская; чернаго бога — полковникъ Грибоѣдовъ; подругъ Людмилы—Любаншу, Падюшу и Ташо: княжны: Куркишна, Черкасова и Одолевская. Это былъ послѣдній спектакль при царѣ Сеодорѣ Алексѣевичѣ. 27-го апрѣля 1689 года—царь скончался.

Профессоръ Тихомировъ отвергаетъ совецъ существованіе спектаклей при царѣ Сеодорѣ. Онъ основывается на словахъ г. Замисловскаго, — автора книги «Царствование Сеодора Алексѣевича», — который говоритъ, что еще въ декабрѣ 1676 года царь приказалъ очистить палаты, которыя были заняты на комедіи.

II.

Театръ при Петрѣ Великомъ. — Народный театръ на Красной площади. — Комедіантъ Силавекій. — Первые русскіе актеры. — Характеристика ихъ. — Наказаніе батогами. — Рассказы иностранцевъ. — Афиши. — Силачъ и его реклама. — Первое зрѣніе. — Театръ царши Наталіи. — Танцовальное искусство. — Какцонокъ. — Шиньманская хитрость. — Дубовое искусство. — Птицы вывисты. — Балансеры, ширинтеры, собачья комедь. — Конскія ристанія. — Афиша первого циркаста.

Первый придворный спектакль въ царствование Петра I въ с. Преображенскомъ былъ назначенъ въ день бракосочетанія цари съ Евдокіей Лопухиной, 19-го января 1689 г. Этотъ спектакль состоялъ изъ пѣсней: «Плывъ Муромскій богатырь и Соловей разбойникъ» и былъ режиссированъ слѣдующими придворными: Плыо Муромца игралъ Ив. Трескуртъ; Вла-

дизлака, и беза черниговскаго — князь Пронскій; Синопера, его компаньона, исполнилъ Г. Изыковъ, известный постельничій царя Оеодора, достигшій въ вѣвѣа молодыхъ лѣтахъ, къ соблазну всего двора, сана боярина, — оиъ закидывать стрѣлцѣкимъ приказомъ и быть убитъ во время стрѣлцѣа бунта; Приказу, книжку болгарскую, играла книжка Козловская, дочь околыничѣа, славившаяся бойкостью и красотой; Буриной, отъа ея, былъ К. Щербатовъ; Сиовида, дочь Синопера, была Марья Скуратова, а самого Соловья-разбойника исполнилъ М. П. Головицъ, бояринъ, которому было поручено «надлежащимъ правленіемъ вѣдать Москву». Въ этомъ же году спектакли шли въ Кремлевской палатѣ царицы Софии.

Но самая живая эпоха драматическаго искусства начинается съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, когда Петръ Великій перенесъ театръ изъ царскаго терема на площадь и иногда царскую потѣху, доступную для немногихъ, обратилъ въ всеобщую потребность образованнаго народа. Театральныя представленія этихъ первыхъ годовъ остаются по формѣ тѣми же, что были и прежде; но главнымъ въ этихъ зрѣлищахъ является представленіе подвиговъ царя и его побѣдъ, и въ назиданіе еще вводится сатирическій элементъ, въ которомъ на сцену выводится старовѣры съ ихъ заблужденіями, несчастный ставленникъ, котораго надуютъ похвѣіе, берущіе взятки, дмчокъ, который не хочетъ отдавать дѣтей въ школу и т. д. Съ этого времени начинаютъ появляться подстроинные переводы равныхъ иностранныхъ драматическихъ пьесъ, и въ ихъ числѣ, напримѣръ, произведенія Мольера, отрывки изъ «Донъ-Жуана» и т. д.

Въ декабрѣ 1701 г., комедіанта Яна Силавскаго, поступившаго на службу къ царю еще въ 1698 г., отправляютъ за границу въ Гданскъ (Данцигъ) для вербованія въ Москву театральной труппы; на расходы ему выдается 200 рублей. Въ Данцигѣ Силавскій уговаривается съ антрепренеромъ Іоанномъ Кунштомъ. По прибытіи съ труппой въ Москву царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами, угодить и къ тому всегда добро у готовому полезному быти», и за все это ежегодно получать по 6,000 сѣимковъ. Кроме этого, ему слѣдовало оказать пособіе на счетъ казенн при постройкѣ зданія для театра, при интѣв костюмовъ и приготовленіи декораций. Актеры Куншта, кроме комедіальнаго дѣйствія, обыкновенно исполняютъ еще и разныя должности при театрѣ: — тансъ, одинъ изъ нихъ, Антонъ Ротакель, долженъ былъ быть въ труппѣ парикмахеромъ и изготовлять парики и накладки; другой, Яганъ Эрдаманъ, облеченъ былъ въ должность портного. Труппа Куншта прибыла въ Москву въ 1702 г.: по прибытіи, Кунштъ обратился въ посольскій приказъ съ просьбой о выдачѣ ему на обзаведеніе денегъ, при этомъ оиъ предлагалъ приступить къ постройкѣ «дѣлательнаго двора» и испрашивать для этого разныхъ мастеровъ. Всѣ требованія Куншта были удо-

створены. Деревянная «медальная хранина» была поставлена въ Москвѣ, на Красной площади, а въ ней «театрумъ», хоры, лавки, дѣрчи и т. д. При этомъ еще въ нѣмецкой слободѣ, въ домѣ генерала Фрэнца Лефорта, въ большой палатѣ для посѣщенія, поставилъ та хранина построителъ, сдѣланъ театрумъ. «Великаго издивенія» не показалъ, нокая комедіальная хранина Москвы должна была послужить разсадникомъ будущаго народнаго театра. Первымъ условіемъ новой комедіи быть поставленъ русскій языкъ. — «Комедію отирадять ему на нѣмецкомъ языкѣ?» спрашивали дѣлки перваго директора русскаго театра Головина. Последній отвѣчаетъ: — «Надобно, конечно, на рускомъ, и тому Силавскому, какъ посулить, чтобъ такихъ вывезъ, приказано, чтобъ умѣли исполнить». Труппа Куншта вскорѣ стала ссориться со своимъ антрепренеромъ; актеры, по словамъ послѣдняго, вели разгульную жизнь и не слушались его. Въ октябрѣ того же года Головинъ приказалъ набрать русскіхъ актеровъ изъ подъячихъ разныхъ приказовъ. Набранные люди были отданы въ школу Куншту. За преподаваніе науки ему было дано въ прибавку жалованья еще 500 рублей.

Вотъ имена первыхъ актеровъ: изъ ратуши — Оеодоръ Буеласель, Семень Смирновъ, П. Кондратовъ, Левъ Невезинъ; изъ Сибирскаго приказа — Яковлеви, Совѣтовъ, Степановъ; изъ Монастырскаго приказа — Гитвишевъ, Погановъ; изъ ратуши — Петръ Быковъ, Долговъ, Меньшиковъ, Комареккой, Второвъ, Евсѣевъ; изъ Помѣрной — Василій Кошелевъ; изъ посадекихъ, а были въ истонникахъ, Василій Теленковъ.

Кунштъ не былъ доволенъ своими учениками; оиъ не разъ жаловался въ Посадскій приказъ, чтобы обязали ихъ являться на представленія въ одно время; затѣмъ оиъ докладывалъ, что «невозможно русскіхъ комедіантовъ во всѣхъ комедіяхъ своимъ театверскими платьями, перьями, накладными волосами, банниками, чулками, рукавицами, лентами и иными вещами нарядить, понеже имъ такихъ вещей на полгода не будетъ, а имѣ, Куншту, больше 1,500 рублей стали опрѣчь турецкихъ и персидскихъ, которыя еще готовить надобно». Въ 1703 г. русскимъ актерамъ «для ихъ скудости» и потому, что, «ходя въ нѣмецкую слободу по вся дни, платьемъ и обувью обносилась и испорчилась», царь приказалъ выдать съ октябрѣ 1702 по январь 1703 г. 100 р. Въ 1703 г. Кунштъ умираетъ; въ мартѣ слѣдующаго года является новый антрепренеръ и учитель театрального дѣла Артемій Флоретъ. На него вскорѣ подаетъ доносъ актеръ Быковъ, что оиъ не занимается обученіемъ актеровъ, а потому «которыя комедіи оиъ, комедіанты, выучили и тѣ комедіи за нерадѣніемъ его въ complimentахъ и за недѣжаніемъ въ рѣчахъ дѣйствуютъ не въ твердости для того, что оиъ иностранецъ, ихъ русскаго поведенія не знаетъ».

Изъ бумагъ 1705 г. видно, что для театральнаго представленія были выписаны изъ-заграницы и музыканты. Въ первый разъ оиъ прибавили

ить. Изъ оныхъ чрезъ иноземца Матиаса Поцца въ числѣ семи человекъ; двоимъ изъ нихъ было назначено жалованье по 140 руб., а остальнымъ — по 110 руб.; остальнымъ было еще четыре музыканта съ жалованьемъ по 150 руб.

У вѣдминистра Неварекана находимъ чрезвычайно интересный докладъ 40мъ года, гдѣ для поправки чести оныхъ, данъ и для одиной тогдашней сиротинѣ у насъ драматическаго искусства. Этотъ докладъ относится къ 1705 г. Вотъ онъ пошлѣ: «Ученики-комеданты русскіе безъ указу ходятъ всегда съ шапками, и многіе не въ шапкахъ полахъ, но въ рукавъ носятъ, и непрестанно по гостямъ въ пощныя времена ходя, шлютъ. И въ видѣхъ у торговыхъ людей товари смютъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестию, чтобъ съ нихъ что взять наказливо. И для тѣхъ выткови ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочать и убыточать въ разныхъ приказѣхъ мимо государственнаго посылскаго приказу, гдѣ они вѣдомы. И извѣвъ съ тѣхъ людей взятки, мрутъся, не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятковъ. И въ томъ на тѣхъ комедантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье. А комедій, которая по приказу боярина Феодора Алексѣевича (Головина) велѣно имъ списывать, писать не хотятъ, а тѣ комедіи для лучшаго обученія надлежитъ имъ списывать. А въ посылскомъ приказѣ тѣмъ комедантамъ вышеупомянутыхъ непристойныхъ дѣлъ чинить заказывають, однакожь они такъ приказъ презирають и чинятся во всемъ непослушны, а именно въ вышеупомянутыхъ причинахъ явились комеданты: Василій Теленковъ (онъ же Шмага пинный), да Романъ Амосовъ, взявъ въ ряду у торговаго человека, у Иванова сына Полунина, сукна и не хотя денегъ платить, для тѣмъ въ ратушнѣ мимо посылскаго приказу, въ безчестіи и въ томъ волочили его многое время и потомъ, гнѣто съ него взить, помирились. А пинѣ тотъ же комедантъ, Василій Теленковъ, билъ челомя мимо посылскаго приказу въ судномъ приказѣ на ратушнаго подьячего Якова Новикова въ безчестіи же, а по свидѣтельству постороннихъ людей явилось, что въ томъ задоръ и брань была отъ него, комеданта, а не отъ того подьячего. И для того посыланы изъ посылскаго приказу на него, комеданта, приставы, чтобъ его въ томъ унять. И онъ, комедантъ, въ посылскій приказъ по многое время не пошелъ. А потомъ отъ дьякова посланъ къ нему комедантъ Феодоръ Бусласивъ говорить, чтобы онъ тѣхъ противныхъ дѣлъ чинить пересталъ. И онъ, комедантъ Василій Теленковъ, ему, Феодору, говорилъ съ великимъ крикомъ, что онъ никого не слушаетъ и не боится, и судить его некому, и притомъ многія противныя слова говорилъ. И того числа тотъ комедантъ въ посылскомъ приказу сажанъ, и до указу велѣно его содержать въ приказѣ. А въ комедіи, дѣйствіе комедійное за нимъ не станеть, потому что не по мно-

гихъ комедіяхъ дѣйствіе его есть, и дѣла за нимъ мало, только безчестія много, а у того дѣла и быть онъ не потребенъ. А есть ученики комедійные русскіе добрые, которымъ велѣно быть до убылыхъ окладовъ въ пробыли (т. е. сверхкомплектныхъ). И о тѣхъ олушникахъ и безчинникахъ что чинить?»

Докладъ этотъ былъ посланъ къ боярину Головину, который изъ похода прислалъ такое рѣшеніе: «Комеданта пиннаго Шмагу, извѣвъ изъ приказу, чините имъ наказаніе, смотря по винѣ, кто чего достоинъ, не отисывая ко мнѣ». Позднѣе изъ дѣла объ актерахъ, мы видимъ, что съ ними особенно не церемонились; такъ, изъ дневника Берггольца вычитываемъ, что въ день представленія актеры разносили афиши, и одинъ изъ нихъ придумалъ даже извлекать изъ того выгоды, выранными вознагражденіе, за что и былъ наказанъ до спектакля батогами, — въ спектакль же онъ исполнялъ роль короля; товарищъ этого актера тоже получилъ удары батогами. Иностранцамъ казалось въ то время удивительнымъ, что наказанный такъ недавно батогами играть опять на театрѣ вмѣстѣ съ книжницею и благородными дѣвцами: одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно была книжескаго рода, а сурута наказаннаго батогами короля — родная дочь маршала вдовствующей царицы.

Въ запискахъ иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, находимъ нѣсколько интересныхъ свидѣній о старинномъ русскомъ театрѣ. Такъ, по словамъ Бассевича, московскій театръ былъ просто каркарекій и пощцаемъ былъ только одной чернью. Пьесы, которыя тамъ давались, раздѣлялись на нѣсколько дѣйствій, каждое изъ послѣднихъ — на столько явленій, что пьесы доставало на представленіи въ продолженіе цѣлой недѣли, и каждый день давалась изъ нея треть или четверть. Между антрактами представлялись шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ. Нѣмецкія пьесы, по словамъ тѣхъ же иностранцевъ, были сборищемъ площадныхъ фарсовъ, гдѣ удачное выказаніе и лощая сатира терялись въ безобразной смѣси романтическихъ чувствъ, разглагольствованій, декламируемыхъ королями и рыцарями, съ шутовствомъ Вапонецъ-дурачковъ, ихъ ваперениковъ и т. д.

Вкусъ императора, всегда вѣрный и здравый, даже въ искусствахъ, не совѣлъ ему знакомыхъ, побудилъ его обшцать премію актерамъ, если они дадутъ трогательную пьесу безъ этой любви, которую между нами называютъ, что надоѣдало царю, и веселый фарсъ безъ шутовства. Конечно, представленныя по этому случаю пьесы не удались, но для поощренія имъ все-таки выдана была награда. Вотъ одинъ изъ спектаклей у вдовствующей царицы, бывшей суруты царя Юшка Алексѣевича, который видѣлъ Бергголецъ, — онъ жеталъ царю въ спальнѣ; около нея сидѣли нѣкоторые изъ членовъ синода, какъ-то: архіепископъ новгородскій, ар-

хиандрити, тронцкій и другіе. Когда наступило время начать театральное представление, дали знать о томъ присутствующимъ. Тогда царину перенесли въ креслѣ въ залу, гдѣ уже было большое общество. Комедія началась въ 6 часовъ. Занавѣсъ поднялся. Театръ устроенъ очень изычно, только имена актеровъ не совсемъ хороши. Герцогиня Мекленбургская дирижировала всѣмъ, только пьеса изъ плохихъ. Дня черезъ три театръ похитилъ публичнѣе съ Берхольцомъ и герцогъ Голштинскій съ значительными лицами своей свиты. Герцогиня, въ оправданіе своего театра, называла его дѣтскою забавою и не считала его достойнымъ присутствія знатныхъ гостей. На этомъ-то спектаклѣ и пералъ вышеупомянутый битый батогами актеръ. Представленіе иностранцамъ не понравилось; въ особенности сердило ихъ, что занавѣсъ безпрестанно опускался, и зрители оставались совершенно въ потемкахъ; по этому случаю герцогъ нѣсколько разъ повторилъ: «Welch ein Schand von Comödie ist das», и самому Берхольцу стоило много старанія, чтобы удержаться отъ смѣха. «Въ прошлый театръ», говоритъ Берхольцъ, «у меня стинули изъ кармана табакерку, а въ нынѣшній у двоихъ нашихъ вытанили шелковые носовые платки...»

Другой разъ онъ присутствовалъ въ театрѣ, устроенномъ въ госпиталѣ таможенными учениками. Самъ императоръ присутствовалъ въ немъ до конца пьесы и, казалось, былъ очень доволенъ ею. Пьеса продолжалась четыре часа. Этотъ театръ былъ узкій и невзрачный; тамъ находилось уже нѣсколько нѣмецкихъ дамъ и очень мало значительныхъ лицъ. Комедію играли молодые люди, ученики доктора Видлау, очевидно, никогда не бывавшіе театра. Сюжетомъ пьесы была исторія Александра Македонскаго и Дарія; состояла она изъ 18 актовъ, изъ которыхъ девять давались въ одинъ разъ, другіе акты шли на другой день; между актрактами были забавныя интермедіи, послѣднія были очень плохи и оканчивались всегда потасовкой.

Первые актеры жалованье получали небольшое — большой окладъ давался только актрисамъ. Такъ, первая актриса въ труппѣ Флорета, исполнившая первую женскія роли, жена генеральнаго доктора Паггенкампафа, въ русскихъ документахъ передѣланная попросту въ Поганкову, получала 300 руб., а другая, дѣвица фонъ-Вилихъ, имѣла жалованья 150 руб.

Въ первое время появленія театральныхъ зрѣлищъ, какъ надо думать, печатались въ афини о представленіяхъ. Мы выше уже говорили, какъ одинъ изъ актеровъ даже пострадалъ за нихъ. Академику Пекарскому удалось издать одну такую афину; напечатана она была на одной сторонѣ листа. внизу было отмѣчено, что она вышла въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ, марта 17-го 1719 г. Оглавлена афинна была такъ: «Объявленіе о чудномъ мушѣ, его же нинѣ вторымъ Самисономъ нарицаютъ» — всей этой библиографической рѣдкости не вынесемъ. Но вотъ краткая выдержка изъ нея. Герой ея, силачъ, поднималъ пушку отъ 2,000 до

2,500 фунтовъ одною рукою, на которой стоялъ барбанинскій. «Ону пушку держалъ одною рукою такъ долго, пока другою рукою прощадиве господѣ зрителей (sic) рюмку вина выпьетъ. Двухъ или трехъ сильныхъ лошадей приретасть къ себѣ, которыя, хотя всѣми силами тянуть, однакожь съ мѣста сволочь не смогутъ. Канать перерветъ руками, котораго дѣй лошади перервать не могутъ. Подыметъ лошадь одною рукою, на которой человекъ или два сидѣли бы, и до тѣхъ мѣстъ поднимъ держитъ, пока вина рюмку выпьетъ. Ляжетъ на землю и лечитъ на себя двумя тяжелымъ человекамъ стать, съ которыми онъ встаетъ и становится на стулъ, который на столѣ стоитъ. Подыметъ отъ 10 до 12 человекъ самыхъ тяжелыхъ и, поднимъ одною рукою, такъ долго держитъ, пока рюмку выпьетъ вина. Желѣзный гвоздь въ футъ длиною, а въ душло шириною, свернетъ, какъ желѣвинку. Возьметъ въ зубы палку и велитъ двумъ сильнымъ людямъ тянуть, которую не могутъ у него изо рта вытянуть». Цѣна мѣстамъ у этого Самисона, за первое полтину, за другое десять алтынъ, а въ третьемъ или въ послѣднемъ пять алтынъ. Изъ этого объявленія видно, что афинна Петровскихъ временъ какъ по неумѣстности заманивать зрителей, такъ и по дороговизнѣ мѣсть едва ли чѣмъ отличается отъ нынѣшнихъ подобнаго рода. Этотъ Самисонъ, какъ говоритъ Берхольцъ, обманулъ собравшихся зрителей разъ первымъ апрѣлемъ. Такимъ обманомъ воспользовался и другой нѣмецъ Маннъ, устроившій театръ у нынѣшняго Полицейскаго мѣста, на Мойскѣ. Профессоръ Штелинь въ своей нѣмецкой хроникѣ театра въ Россіи рассказываетъ этотъ случай, который не можетъ повториться въ наше время. Маннъ великолѣпною афиннею извѣстилъ публику о необыкновенномъ новомъ представленіи, назначенномъ на первый день апрѣля. Стечение народа было странное, за билеты платили втрое, потому что театръ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ видѣть представленіе. Наканунъ прѣѣхалъ и государь. Музыка загремѣла, занавѣсъ поднялся, и вмѣсто спектакля, передъ изумленными зрителями явилось бѣлое полотно съ гигантскими словами: — «Нынче первое апрѣля». — «Нечего дѣлать! ступайте по домамъ!» сказалъ государь, улыбувшійся: — «это вслѣдствіе комедіантовъ».

По поводу 1-го апрѣля Берхольцъ рассказываетъ еще другой случай, бывшій при немъ въ Петербургѣ въ Петровское время. «Въ полночь увидѣли мы сильный огонь за императорскимъ садомъ; начали зночить въ набатъ, бить въ барабаны, а ночные караульщики весьма прилежно дѣйствовали трюкотками. Почти весь городъ былъ на ногахъ, а между тѣмъ этотъ огонь былъ ничто иное, какъ шутка, чтобы многиа тьмачи народа обмануть въ апрѣлѣ. Когда подходили къ огню, то поставленная тамъ стража отвѣчала, что сегодня послѣднее чело марта. Но какъ многіе другіе о томъ ничего не знали, то все-таки стечались на предполагаемый пожаръ. Это немало забавляло Петра Великаго, и онъ каждый годъ около

того времени задумывалось, что ибудь подобное». Итальянцы еще рассказывали о необыкновенном спектакле, который вестрину давали на масленице: участники царских конюшен; представляли эти импровизованные акты в рогожных костюмах, давали они представления в разных местах. Для извещения о том публично, на окнах выставляли бумагу с фонарем и играли на рожках. Представление носило название «шриль» или, как оно называется, «Sottises theatrales». Зрители за билет платили от 1 до 4 копеек.

Находите также свидетельства, что актеры старого времени принимали участие в похоронных процессиях; так, на пыльном погребении боярина Головина, известный антрепренер Фюрет принимал участие в церемонии, и на этот конец ему были выданы из театрального платяного шкафа добрые, вся военские одежды и съ поручи и съ рукави.

Вебер, мекленбургский посланник, бывший в Петровское время в Петербурге, дает нам описание театра любимой сестры цари, великой княжны Натальи. Театр ее помещался в огромном пустом доме, где были устроены партер и ложи; посещать этот театр было позволено всяким. Здесь давали трагедии и комедии, сюжеты которых были заимствованы или из Библии или из обыкновенных повседневных приключений. Труппа состояла из десяти русских актеров и актрис, самого обыкновенного качества. Про представления он рассказывает, что роль арлекина поручена была одному обер-офицеру, и он вышивался со своими шутками туда и сюда в продолжение всего действия; потом выходил оратор и рассказывал ход и содержание пьесы, а наконец следовала и сама пьеса, где была изображена неудачность восстаний и всегда несчастный конец их. В этой пьесе, как объяснили Веберу современники, было выведено на сцену одно из последних стрелецких возмущений. Представления же в народном театре на Красной площади давались по понедельникам и четвергам; в эти дни ворота в Кремль, Китай и Благовгород не запирались до девяти часов вечера, и съ проезжающих, как русских, так и иностранных людей, прозвонки пошлины не брали, «дабы смотреть того зрелища бхали охотно».

Съ царствования императора Петра в России появилось все, что только интересно современную жизнь в остальной Европе, и русские начали понемногу стывать от своих вьковых предрассудков; хотя форма, введенная в общественную жизнь Петром, все-таки были сухи и казенны, полной свободы не было, в обращении царил придворный этикет, патрбургий и церемонный. Все общественные увеселения того времени, как напр., маскарады и ассамблеи, в сущности были ничто иное, как церемонии, которыми при Петре весьма ошамочивалось почти каждое более или менше замечательное событие в государ-

стве. Так, къ торжественному шествию победоносного надъ шведами государя, приказано было приготовить театральное представление, въ котором, въ аллегорическомъ видѣ, были изображены победы его и побѣжденные имъ генералы.

На ассамблеи и балы придворные и военные съезжались большою частью, какъ на извѣстную церемонію, которая болѣе стѣснила и утомляла, чѣмъ вносила веселье. Первые танцы были тоже церемонны, и за ними только следовали обыкновенные. Приличіе того времени требовало, чтобы мужчина, желавшій танцевать съ дамою, подходить къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касаться пальцами съ пальцевъ, а когда окончатся, тогда цѣловать ей руку. Дамы также не отличались нѣмнѣнною свободою. Одежды въ европейскія платья, выученныя танцевать, онѣ все-таки сохранили старую застѣчивость: дамушка, напр., съ мужчиною не смѣла вступать въ разговоръ, не могла танцевать два раза въ вечеръ съ однимъ кавалеромъ. Хотя и существовали свободныя постановленія ассамблей, но на вечерахъ ихъ не было свободы и оживленности. Императоръ, любившій свободное обращеніе безъ чиновъ тамъ, гдѣ нужно было веселиться, шель на ассамблеяхъ особенный танецъ въ манеръ нѣмецкаго гротеска, въ которомъ все собраніе, мужчины и женщины, подъ звуки медленнаго, почти похороннаго марша, также медленно двигались по комнатамъ; вдругъ, по знаку маршальскаго жезла, музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, бѣгли помахъ между потанцованными; кавалеры ловили дамъ или искали другихъ; поднималась ужасная толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ; даже лица царской фамиліи не были изъяты отъ этого; за ними бѣгали, гонялись, какъ и за всеми другими, сами они ловили другихъ; наконецъ, по новому сигналу маршала, все опять приходило въ прежній порядокъ, и тѣ, которые оставались безъ дамъ, подвергались наказанію: осунуть кубокъ большаго и малаго орла. Этотъ огромный кубокъ обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ, и отъ осуненія онаго виновный не освобождался никакими отговорками.

При отцѣ императора, какъ говорятъ преданія, существовать одинъ только танецъ—это «Качюкъ»: буйный, удалой, занесенный изъ бѣлорусскую малороссійскимъ казачествомъ,—но онъ не сблизать оца пада. Одни свѣточныя посидѣлки и вечеринки развивали нѣсколько застрѣпическую теремную жизнь. Ассамблеи при Петрѣ давались по очереди всеми придворными. Царь лично утверждать списокъ ихъ, и самъ присутствовалъ на нихъ со своимъ семействомъ. Хозяйки обязаны были только хлопотать объ угощеніи, а о поклонахъ, застрѣтѣ и проходахъ въ стей онъ не работился. Подъ ассамблеи занимали четыре комнаты: въ одной бесѣдовали старики; въ другой танцовала и веселилась молодежь; въ третьей курили табакъ и пили вино, а въ четвертой играли въ шах-

маты и периды. На ассамблеях скликали обыкновенно барабаннымъ боемъ и прибитымъ на перекресткахъ улицъ объявленіями. Императоръ считался первымъ танцоромъ, онъ танцовалъ левче и правче всѣхъ. Между дамами въ это время отличались: графъ Мгужинскій, князь Трубецкой и Долгорукій и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первая танцовщица была великая княжна Елизавета Петровна и княжна Кантемиръ. Общественная жизнь хотя при Петрѣ и измѣнилась, принявъ свѣтскія формы, но нужно помнить, что это случилось только въ высшемъ обществѣ, между знатно и придворными.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I и Петра II придворные и частныя башы почти прекращаются, и существовать ли тогда на Красной площади театръ — свѣдѣній не имѣется; известно только, что въ это время процвѣтають немудреные спектакли въ главномъ госпиталѣ, гдѣ лекарамъ ученики завели у себя постоянный театръ, настилая доски на порожней кровати, разгоразивали сцену нестрыми ширмами и вылепливали свѣтъ больныхъ веселой забавою, а здоровыхъ морили со смѣху комедіями своего издѣлья, въ которыхъ уже появляются настоящія русскія народныя лица. Къ нимъ вскорѣ приважили и питомцы корабельнаго училища Сухаревой башни и стали тоже давать спектакли. Со вступленіемъ на престолъ Анны Иоанновны, великія удовольствія, зрѣлища, торжества и праздники входятъ въ большую моду; дворъ въ это время отличается великолѣпіемъ и пышностью. Польскій король Августъ II отираивается къ императрицѣ лувинскихъ артистовъ дрезденскаго театра, — какъ музыкантовъ, такъ и танцовщиковъ. Изъ числа замѣчательныхъ артистовъ въ службу къ императрицѣ вступаетъ знаменитая пѣвица Казанова, мать известнаго актиора, и комикъ-пѣвецъ Педрильо, впоследствии любимый шутъ императрицы. Спектакли того времени уже отличаются роскошью въ костюмахъ и декораціяхъ. Въ это же время въ обществѣ столичныхъ появляются разные нѣмецкіе куинтмейстеры, эквилибристы, позитурные мастера, великаны и проч. На Свитой и на Масляницѣ строятся балаганы и дубочные шалашы, — отъ нихъ и произошло впоследствии слово «дубочное», какъ самое знаменное въ искусствѣ.

Изъ старыхъ забавъ, чисто-народныхъ, стали опять процвѣтать медвѣдь съ козю — до первыхъ у насъ были такіе охотники, что держали у себя ихъ въ домахъ, и они, срываясь иногда съ привязей, причиняли большое безпокойство жителямъ. Кроме такихъ ученыхъ медвѣдей, появляются и ученые козлы, но послѣднимъ художествомъ преимущественно отличались только нѣмцы; здѣсь требовались особенно тонкіе приемы, послуживъ достойные русскому человеку, спеціальностью котораго преимущественно были одни медвѣди. Зато въ другомъ чемъ, какъ говоритъ П. В. Забланинъ, отличался русскій человекъ. Это были «птичьи вышесты», гдѣ онъ доходилъ до изумительнаго совершенства. На старинныхъ гуляньяхъ жесты музыканты составляли иногда цѣлыя хоры самыхъ разно-

образныхъ птичьихъ голосовъ, начиная съ соловья и до малиновки. Особенно славились этимъ тверскіе ямщики, которые, по словамъ Пашкевича, на известной свадьбѣ князя Гелицкаго-Касанина въ ледномъ домѣ, «обязывали весну разными вышесты по птичьимъ».

Петръ Великій не любилъ разныхъ шутокмейстеровъ, англійскихъ шпрингеровъ, балансеровъ и тому подобныхъ людей, удивлявшихъ своимъ дотошъ невиданнымъ искусствомъ русскихъ людей, которые платили за ихъ шутки невольными старинными рублями. Онъ ихъ неслишкомъ уважалъ, и когда одна трупа балансеровъ прибыла къ нему, онъ принялъ ее съ большимъ неудовольствіемъ. Для народа онъ приказалъ имъ показывать свое искусство даромъ, а для богатыхъ назначилъ таксу — не больше гривенъ съ каждаго звизаки, и потому велѣлъ трупу вырывать изъ города, замѣтивъ, что «намъ надобны художники, а не фигляры... пришельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣхъ». Зато послѣ Петра шатуны эти стали появляться въ Россіи въ большой количествѣ. Газеты того времени сохраняють въ цѣлости имена этихъ увеселителей и описываютъ ихъ шильманскую хитрость, которую тѣ продолжали передъ публикой. Вотъ что напечатала англійской «эквивалиристы Штуардъ» о новостроенномъ имъ комедіальномъ домѣ, подлѣ земляного вала, между Красными и Покровскими воротами, что у Лысого риду. Этотъ Михаилъ Штуардъ за свои «чрезвычайныя и здѣсь еще невиданныя, весьма достойныя зрѣнія, во многихъ разныхъ штукахъ балансерованія» бралъ за мѣста съ публики, за первое по одному рублю, за второе по 50 коп., за третье по 25 коп. съ персоны. Господскіе служители безъ платежа денегъ впускены не будутъ. Представленія начинались ровно въ пять часовъ и давались каждый день, кромѣ субботы. Подлѣ, этотъ шуткемистеръ объявлялъ въ газетахъ, что находящійся здѣсь «англійской шпрингеръ и позитурный мастеръ, свой театръ будетъ растворять о свитой подлѣ на третій и на четвертый день праздника».

Пріѣзжалъ еще французскій механикъ Петръ Дюмолинъ съ различными курьезными машинками, показывалъ онъ публикѣ ихъ въ нѣмецкой слободѣ въ домѣ дѣвочки Настя. Машинны эти были: «1) маленькая бериская крестьянка, которая шестъ лентъ вдругъ тчетъ, такъ что онахъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куряты; 2) машинка, сдѣланная кинарейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая; 3) разные движущіеся и перемѣняющіеся весьма курьезныя и чрезвычайныя картины». Затѣмъ, онъ еще извѣщала публику, что у него добавлена электрическая машина, которою онъ будетъ дѣлать разные и весьма курьезные эксперименты. Картины, представляющія ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ многіе движущіеся и въ бразенія дорожныхъ людей и возовъ, и многіе работные люди, которые укрѣпятся въ разныхъ вещахъ такъ натурально, какъ бы живые; другая картина представляеть голову движущуюся, которой дѣйствія такъ

удивитесь, что всех зрителей устрашают. Русской мужикъ, который голову и глаза двигаетъ такъ совершенно, что можно его почесть живымъ. Движущіеся куклы, которые такъ хорошо сдѣланы, что не можно пообразить, что это была машина. Си двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную. Это же Диомидъ извѣщаетъ публику, что онъ недавно окончилъ машину движущуюся, надъ которой онъ долго трудился. «Сія машина имеетъ время на часахъ и показываетъ оное, плавая на суднѣ». Въ томъ же домѣ, гдѣ показывались эти машины, заѣзжій нѣмецъ показывалъ съ платѣжью по полтиннѣ съ персоны великолѣпное строеніе славной римской церкви св. апостола Петра, сдѣланное съ модели. Приѣзжалъ въ Москву еще и вѣто голландскій кунштмейстеръ Іозефъ Заргеръ, показывалъ онъ голову Цицеронову и другіе голландскіе куншты, и сверхъ того представлялъ комедію «о докторѣ Фаветѣ» большими итальянскими двухтарелчатыми куклами, которые разговаривали, тутъ же и ученая его лошадь дѣйствовала. Наѣзжали и итальянскія маріонетки, веселая комедія и также «новая комедія», которую выхлопоталъ себѣ вольный комедантъ Іоганъ Нейгофъ съ женою Іоганною-Елеонорою въ городахъ: Петербургѣ, Гибѣ, Москвѣ и Ревелѣ. Новая комедія состояла изъ большихъ итальянскихъ маріонетокъ или куколъ, длиною въ два аршина, которые по театру свободно ходятъ и такъ искусно представляютъ себя будучи, такъ почти живыми. Комедія, которая съ куклами представлена быть имѣетъ, называется «Храбрая и славная Юдью».

Приѣзжали еще курсаконскіе рудоконны съ курскою и удивительною машиною, которая показывала статуями въ движеніи, такъ, какъ натуральныя люди работаютъ въ горахъ, подковахъ и ямахъ для высканія руды серебряной и золотой; показывалась еще въ нѣмецкой слободѣ любоньтинская машина «оракуль», которая на разные предлагаемые ей вопросы даетъ отвѣтъ. За входъ платили по одному рублю. За этимъ мезаникомъ заѣзжалъ еще другой Тезъ: онъ показывалъ, «новую дѣйствительно физическо-оптическую машину, которая во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ любоньтства москвичей»; этой машиною онъ удивительнымъ перенесеннымъ представленіемъ по правиламъ архитектуры показывалъ города, замки, церкви, сады, гакини, триумфальныя ворота и прочія любоньтства; достоиная вещи, которые зрителей довольно приводятъ въ удивленіе. Сверхъ того, онъ показывалъ и мореплаваніе кораблей, которое по волнѣ и удивленію всѣхъ, превращается въ прекрасную, изъ свѣтлыхъ колесъ и свѣтующую живонься, а наконецъ, въ пріятныя сады, плоды, цвѣты и проч. Онъ же даетъ наставленіе, какъ рисовать, такъ и мѣшать краски, и то обученіе оканчивается въ восемь дней. Еще показывалъ онъ корабль, разбиившійся при островѣ Мартиникѣ объ скалу, на которую корабль изъ уминовеннаго корабля былъ выброшенъ, который три аршина длиною и шестю камушками, проставленными разными камнями, данные ему желаніе. Желающіе сіе видѣть выскантъ помянутого механика могутъ у

Красныхъ воротъ въ домѣ князя Трубецкаго, у французскаго трактирщика М. Оттона. Причемъ съ каждой персоны браво будетъ 25 коп., а знатымъ особамъ ничего не предписывается, но чаще оставляется на ихъ щедрость, сколько каждая по своему произволію пожелаетъ заплатить.

Прибывала также цѣлая труппа искусниковъ, танцующихъ на веревкѣ, прыгающихъ, ломающихся и представляющихъ «пантомиму». Былъ пріѣзжій итальянецъ Іозефъ-Юліанъ Швейцаръ съ нѣкоторымъ числомъ большихъ и малыхъ собакъ, пріученныхъ къ разнымъ удивительнымъ дѣйствіямъ. За смотрѣніе онъ бралъ сперва по рублю съ персоны, а затѣмъ по полтиннѣ, а съ простаго народа по 10 коп. съ персоны.

Смотрѣла Москва также африканскую птицу «Трусъ» или страуса; объявлялось, что эта птица больше всѣхъ птицъ на свѣтѣ, и притомъ чрезвычайно скоро бѣгаетъ, распусти крылья, и особенную силу имѣетъ въ своихъ когтяхъ, которыми на бѣгу можетъ схватить камень и такъ сильно онымъ ударить, какъ бы изъ пистолета выстрѣлено было; она-же птица бѣтъ сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горячіе уголья. За смотрѣніе оной каждый изъ благородныхъ можетъ заплатить по своему произволію, а съ купечества браво будетъ по 25 коп. Простому же народу будетъ при самомъ входѣ цѣна объявлена.

Первый циркъ или конскія ристанія открылъ англійскій берейторъ Катсъ, увѣдомивъ публику слѣдующей афишею: «По Высочайшему повеленію недавно пріѣхавшій сюда славный англійскій берейторъ Катсъ, который чрезъ долговременную науку до нѣизмѣннаго совершенства въ берейторскомъ искусствѣ дошелъ, такъ что ни въ Англіи и нигдѣ еще никто не выдалъ, будетъ показывать охотникамъ слѣдующее искусство: 1) Тѣдить онъ верхомъ на двухъ лошадяхъ на открытомъ полѣ нѣсколько разъ кругомъ во всю прыть. 2) Тѣдить вдругъ на трехъ лошадяхъ во всю прыть; переметывается между тѣмъ съ одной на другую удивительнымъ образомъ. 3) Тѣдить на трехъ лошадяхъ во всю прыть, стоя ногами на обихъ боковыхъ лошадяхъ; обѣ отпускаетъ, и скачетъ на третью, не пріяетствуя лошадямъ къ бѣгу. 4) Тѣдучи на одной лошади во всю прыть, соскакиваетъ съ оной и опять вскакиваетъ съ удивительнымъ проворствомъ и черезъ ся прыгаетъ. Онъ (Катсъ) пріяетъ притомъ, чтобъ зрители никакихъ собакъ не приводили, дабы ему въ бѣдѣ не адѣлалось помѣшательство. Съ каждою челювѣка браво будетъ по одному рублю». Наѣзжали также еще карлики и маленькіе люди бѣтъ рукъ и знаменитый въ свое время великанъ Бернандъ Жидли ростомъ 3¹/₂ аршина. Каждая персона за смотрѣніе платила по 40 коп., знатымъ же особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ произволію, сколько кто пожелаетъ заплатить. Этого великана имѣлъ большой успѣхъ, и векорѣ даже имѣлась любочная картинка, какъ онъ прогуливается по Дворцкому полю на гулянкѣ 13-го мая.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, какъ мы выше уже говорили, царяла при дворѣ пышность представлений; государыня очень полюбила итальянскаго интермедія, и въ Петербургъ была вывезена труппа итальянцевъ для игранія комедій, съ которыми въ перемежу, однажды въ недѣлю, представлялись итальянскія интермедіи съ балетомъ, гдѣ фигурантами бывали кадеты сухопутнаго корпуса, обучаемые танцевальнымъ Лауде. Между танцовщицами-кадетами были такіе, что ничѣмъ не уступали итальянцамъ; особенно славился Чолюковъ, впоследствии камергеръ и придворный императрицы Екатерины II. Придворные балы также въ то время были блестящими, дамы поражали блескомъ своихъ брилліантовъ, жена временщика Вирона являлась подъ тяжестью брилліантовъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ шахматы и шашки тогда уже не играли, а замѣнили ихъ картами; тяжелыхъ просяторовъ не танцевали, а замѣнили въ «а ла грекъ» и «клонунисъ», медъ и вина отошли тоже на задній планъ, и пили только орнады и лимонады. Дворъ не принималъ участія въ частныхъ балахъ, а сталъ давать ихъ самъ по нѣскольку ежегодно; особенною роскошью отличались такіе балы въ честь пословъ: китайскаго, турецкаго и бухарскаго, и по случаю разныхъ торжествъ. Только одна Масляница была посвящена русскимъ играмъ и забавамъ, пляскѣ и пѣнямъ по старинѣ. Императрица заботилась и о томъ, чтобы русскія національность не утратилась совсѣмъ.

III.

Маскарады.—Метаморфозы.—Благородные фигуранты.—Балы.—Значеніе слова «балъ».—Маскарады.—Катальнія горы.—Увеселительные сады вельможъ.—Вокзалъ Медокса.—Александръ.—Розенштейнъ.—Павловская эпоха.—Продѣлываніе бульваровъ при Александрѣ.—Тризенскіе пруды.—Первые садовые капельмейстеры.—Фейерверки и иллюминаціи.—Ив. Ив. Изяръ.—Французская оперетка.

Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, вошелъ въ потребность маскарады; родивъ онъ еще въ XVI столѣтіи,—русскій народъ тогда ридился въ хари и маски; шапанъ, козы и медвѣдь были самыя употребительнѣйшіе возлюблы. Но эта потѣха, какъ мы выше уже говорили, строго преслѣдовалась нашимъ духовенствомъ: обычай ридиться считался богопретивымъ. Переряженіе къ намъ было перенесено повгородскою вольницею, которая переняла его у Ганзы.

Первоначальные маскарады наши ограничивались тѣмъ, что представляли себѣ, навыворотъ, т. е. мужчины—одѣвались въ женское, а дамы—въ мужское платье. Такіе маскарады носили названіе «метаморфозы». Первый изъ нихъ былъ устроенъ въ Москвѣ въ 1744 году. Что можеть быть прощальнѣе и панинѣ этого? Самой царницѣ очень шель мужской парадъ:

указій мундиръ превосходно обрисовывалъ ея красивыя формы. Женское кокетство не оставалось безъ усѣха, и то, что могло быть недостаткомъ въ женскомъ платьѣ, отлично приталось въ ботфорты и прикрывалось лампасами. Дѣйственная скромность исчезла подъ свободными приемами мужчины. Въ это время только постигли всю прелесть баловъ и маскарадовъ и всѣ выгоды сближенія, все очарованіе женской прелесть. Ловкій танцевальщикъ Лауде началъ учить будущихъ тансеровъ русскаго войска; первый шляхетный корпусъ достался ему въ передѣлъ, и всѣ русскія ноги сдѣлались тогда благовоспитанными. Прыжки, широты вѣривались во дворцѣ, въ обращеніе вошли грація и ловкость, ноги шаркали съ душою, поклоны стали ниже и фигурише, улыбки выразительнѣе. Лауде публично, на всю Европу, токаривалъ: «кто хочетъ видѣть, какъ правильно, пѣжно и непринужденно менуеты танцевать надобно, тотъ долженъ прѣхать къ императорскому русскаго двору». — «Сіе изреченіе», замѣчаетъ Штедлингъ, «конечно, не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елисавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору примѣръ правильнаго и пѣжнаго танцованія; она также чрезвычайно хорошо танцевала и природныя русскія танцы, которые, хотя въ общи и не употребляются больше при дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однако-жъ иногда, а особливо во время придворныхъ маскарадовъ, ихъ танцуютъ».

При дворѣ Анны Іоанновны, какъ мы уже упоминали, въ извѣстныя дни во дворцѣ танцевали по-русски нарочно для того избѣгаемые гвардейскіе унтеръ-офицеры со своими молодыми женами, между которыми бывали отличнѣйшія танцовщицы; съ ними иногда танцевали по-русски и придворные кавалеры. Современники-иностранцы о «русскомъ» отзывались съ большою похвалою и говорили: «всѣ роды европейскихъ танцевъ не могутъ сравниться съ природнымъ русскимъ, когда прекрасная русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ его танцуетъ; и смѣю можно сказать, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который бы въ прелесть могъ русскій превзойти». Первые балеты также носили будущіе воины—кадеты сухопутнаго шляхетнаго корпуса. Извѣстный драматургъ А. П. Сумароковъ составлялъ для нихъ либретто балетовъ. Такъ, въ день тезоименитства императрицы Елисаветы и по случаю одержанной 1-го августа надъ прусскими войсками побѣды при Франкфуртѣ были играны его прологъ «Новые лавры» и хитъ его же балетъ «Прибѣжанце Добродѣтели»—нѣчто похожее на драму въ пяти актѣхъ.

Въ царствованіе Екатерины II празднества, маскарады и балы дѣлались уже совершенно по-европейски. Распространеніе и усовершенствованіе хореографическаго искусства требовало и разныхъ общественныхъ и дамскихъ банкетовъ и баловъ. Кстати, небезынтереснымъ считаю здѣсь сказать, откуда взялось у насъ слово «балъ». Это выраженіе получило свое

начало въ Россіи въ XV столѣтіи. Баль—Ball—слово чисто нѣмецкое, означющее танецъ, мячъ. «Давать балы» нѣмецкій италіанецъ Нахтингалъ объясняетъ стариннымъ германскимъ обычаемъ. Въ нѣмецкихъ деревняхъ на второй и третій день пасхи молодая дѣвушка обыкновенно собиравлась съ тѣмъ, чтобы поднести своимъ подругамъ, вышедшимъ замужъ, по мячику, набитому шерстью или пухомъ. Сперва мячикъ патыкался на длинныя шнуръ, и его носили по всей деревнѣ съ пѣснями; потомъ шестъ вдвигали въ землю передъ домою поворотною, а ей самой подносили мячикъ. Молодая обязывалась угостить все общество и поставить дѣвушкамъ и юношамъ безвозмездно угощеніе и музыку для танцевъ. Сколько было молодыхъ замужнихъ женщинъ, столько давалось мячей или бѣловъ, т. е. вечеринокъ съ танцами.

Одно время въ царствованіе императрицы Елизаветы въ Москвѣ и Петербургѣ сдѣлались публичные маскарады и базы италіанецъ Локателли; цѣну за входъ на такіе маскарады Локателли, по тому времени, назначилъ очень высокую: онъ брать за входъ съ персоны по 3 руб. Этотъ Локателли первый познакомилъ русскихъ съ италіанскою оперою—его опера-буффъ, по словамъ современниковъ, производила постоянный восторгъ и при дворѣ, и въ обществѣ; въ его оперѣ тогда участвовали лучшіе артисты, вышесанные имъ изъ Италіи и Германіи; пѣвцовъ тогда называли оперистами и оперистками; у Локателли были также вышесные танцоры и музыканты. Премьеромъ у него былъ знаменитый кастратъ Массареддини. Театръ его стоялъ у Красныхъ воротъ, назывался онъ «опернымъ домомъ». Позднѣе, при Екатеринѣ, во время коронаціонныхъ торжествъ, въ немъ давались маскарады и благородные спектакли съ балетами. Особенно богато были здѣсь поставлены балеты «Радостное воспринятіе въ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ богини весны»; этотъ балетъ ранѣе былъ представленъ въ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ принимали участіе графиня Синерова—дочь оберъ-гофмаршала, М. П. Нарынкина, графиня Строганова, урожденная графиня Воронцова, графъ Ицль Александровичъ Вутуринъ и другіе. Весь оркестръ тоже состоялъ изъ придворныхъ вельможъ.

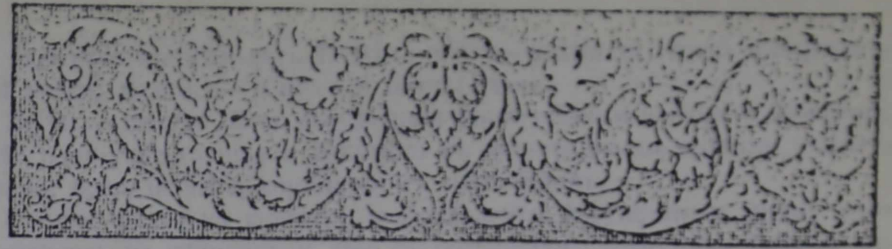
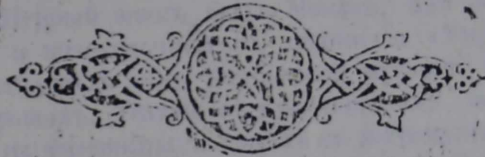
Маскарады въ то время извѣщались афишами—носили они названіе: «Локателли» или «Локателли маскарады». Вотъ одна изъ такихъ афишъ: «Черезъ сіе объявляется, что для удовольствія знатнаго дворянства и прочихъ здѣшнихъ столичнаго города жителей, что съ будущаго воскресенья начнутся здѣсь вольныя маскарады. Желающіе въ оныя маскарады прѣзжать иль съ платить съ каждой персоны за входъ по три рубля. Къ-жъ пожелать ужинать, также кофе, чаю и питья, оныя будутъ получать въ томъ же домѣ за особливую плату. Маскарады будутъ начинаться ко двору, пока събудутся столько масокъ, чтобы балъ зачать можно было. И съ сего времени съѣзды въ маскарады имѣть быть всякое воскресенье въ 17 часу пополудни, а безъ маскараднаго платья, также

и подлые люди никто впущены не будутъ. Билеты-жъ и маски всякаго сорту могутъ желающіе покупать въ томъ же домѣ отъ 8 часовъ утра до разсвѣда». Служившая у этого Локателли танцовщица Пюденъ публиковала также не разъ въ газетахъ, что она «обучаетъ благородныхъ танцовать минаветы, контратанцы и верхніе танцы», т. е. придворные.

Въ ряду разныхъ увеселеній стараго времени первое мѣсто занимали также катальныя горы, карусели, качели и т. п. игры, вошедшія въ большое употребленіе въ царствованіе Екатерины II. Всѣ эти удовольствія были устраиваемы на площадяхъ для увеселенія народа во всю масленицу, и всякій могъ туда «собирается, смотрѣть разными играмица, пляски, комедіи кукольныя, фокусы-покусы и разныя телодвиженія и катанья съ горъ во всю недѣлю, съ утра и до ночи, въ маскѣ или безъ маски, кто какъ похочетъ всякаго званія люди». Такія катальныя горы и другія затѣи были устроены въ Москвѣ при Покровскомъ дворцѣ, куда императрица, по примѣру своихъ предшественницъ, ѣздила веселиться со всею дворомъ. Катальная гора тамъ была устроена по образцу существовавшихъ въ Ораніенбаумѣ и Царскомъ селѣ. Горы были зимнія и лѣтнія, двухэтажныя; въ нижнемъ была устроена машина съ колесами и со всею инструментами, дѣйствовавшая посредствомъ лошадей; при ней канатъ чрезъ всю гору на четырехъ мѣдныхъ шкивахъ. Съ верхняго этажа спускался по лугу къ Лувъ форсъ или скать изъ сосновыхъ брусель въ длину въ 186 саж. 1 аршинъ, шириною въ 4 сажени. Для зимняго катанья этотъ форсъ настилали дѣломъ по снѣгу; лѣтнимъ расчищали толщиною въ 3—4 вершка, клали ихъ и поливали водою. Съ одной стороны форса устроены были ящики или канатъ шириною въ 4, глубиною въ 5 вершковъ для «хожденія каната», которымъ обратно поднимали наверхъ санки и коляски. Зимомъ по бортамъ форса приближались для украшенія елки. Въ концѣ форса, куда скатывались, устроены были щиты шириною въ 16½ сажени. Къ веснѣ, къ маю, этотъ щитъ былъ украшенъ тридцатью преніективными картинками. Для зимняго катанья употреблялись санки и лодки, обитыя сукномъ, на стальнахъ полозьяхъ на «голованкахъ»; у однихъ было рѣзное изображеніе льва, а у другихъ—лебеди; также были еще два лебеди бѣлыхъ съ крыльями, обитые холстомъ, на зимнемъ ходу,—одни съ рулемъ, другія съ полозкомъ. На горѣ стояли двѣ деревянныя рѣзныя статуи, на которыя надѣвались бумажныя, крашенныя черною краскою, головы для сниманія ихъ коньями налету во время катанья. Такихъ головъ при этихъ статуяхъ было еще десять.

На горѣ въ лѣтнее время были устроены карусели, качели и т. д., и сама гора преобразована: ледъ сколотъ, и по форсу устроено лѣтнее катанье на колескахъ. Нѣкоторыя колески отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Эти увеселительныя затѣи сперва были доступны однимъ дворянамъ, но затѣмъ вскорѣ отдавались на откупъ купеческимъ и

не вель-годы все-таки стали изменять; тогда жаждущая публика устре-милась к новому источнику, где стали ее поднимать непредусмотрен-ною в русской мифологии богиней—опереткой. Первая такая оперетка «La grande duchesse» была поставлена въ 1868 году тѣмъ же П. Н. Павло-вымъ. Неизбѣжная у насъ фуруръ шансонетная и опереточная пѣ-вица была г-жа Анна Пюль, приглашенная въ Петербургъ изъ театра «Follies Françaises».

Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маска- радовъ въ Россіи.

Въ блестящій вѣкъ Екатерины эстетическія забавы и наслажденія получили широкое развитіе. Роскошь и великолѣпіе ея общественныхъ пировъ и торжествъ доходили до степени сказочнаго азіатскаго волшебства. Рядъ такихъ блестящихъ празднествъ начался съ прибытіемъ импера-трицы въ Москву для коронаціи. Первымъ такою большою историческимъ праздникомъ былъ назначенъ на шестой мѣсяць по совершеніи коронаціи. За мѣсяць до этого торжества появилась афиша, которою извѣщались: «Сего мѣсяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, т. е. въ четвертокъ, субботу и воскресенье, по улицамъ: Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Касаннымъ, по Мясницкой и Покровскъ, отъ 10-ти часовъ утра до полудни, будетъ ѣздить большой маскарадъ, названный «Торжествующая Минерва», въ которомъ изъяснится гнусность пороковъ и слава добродѣтели. По оконча-ніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ представить народу разныя игралница, пляски, комедіи кукольныя, фо-кусы-покусы и разныя телодвиженія, станутъ доставать деньги своимъ проворствомъ охотники бѣгать на лошадяхъ и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масленицы, съ утра и до ночи, въ маскѣ и безъ маски, кто какъ похо-четъ, всякаго званія люди».

Устройство маскарада стоило большаго хлопотъ; программу, по при-казанію императрицы, составлялъ извѣстный первый русскій актеръ Се-доръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763), объяснительные стихи къ программѣ сочинилъ М. М. Херасковъ, а хоры къ маскараду пѣли

А. П. Сумароковъ. Машины и другія аксессуарныя вещи дѣлать механикъ италіецъ Бригонцій¹⁾.

Всѣхъ участвующихъ лицъ въ этомъ маскарадѣ было болѣе 4,000 человекъ, дѣлали огромныхъ колесницъ были везены, запряженными въ нихъ отъ семи до 24-хъ въ каждой, разубранными волами. Это торжественное шествіе уподоблялось бывшимъ въ древности римскимъ увеселеніямъ.

Подробности этого маскарада описаны въ книжкѣ, напечатанной въ 1763 году въ Москвѣ при университетѣ, съ такимъ заглавіемъ: «Торжественная Мисера, общенародное зрѣлище, представленное бывшимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года, генваря (?) дня²⁾. Маскарадное шествіе открывалось предвозвѣстникомъ торжества со свитою и раздѣлено было на отдѣленія. Предъ каждымъ несли на богато украшенномъ шестѣ особенный знакъ. Первый знакъ былъ Моисея, или пересѣленика, на немъ были трубки и колесомышки съ надписью «Упрямленіе малоумныхъ», за нимъ слѣдовали хоръ комической музыки, большіи литауры и два знаменъ Моисеевыхъ. Театры съ куколышками, по сторонамъ двѣнадцать человекъ на деревянныхъ коняхъ съ погрмушками. Флейтчики и барабанишки въ кольчугахъ. Далѣе ѣхали верхомъ Родомино, Забияка, храбрый дуракъ, за нимъ слѣдовали пажы, поддерживая его косу. Послѣ него служители Панталоповы, одѣтые въ комическое платье, и Панталопъ — нуле вѣсть въ портшезѣ, который несли четыре человека. Потомъ шли служители глухого педанта, одѣтые скарамушами (?), слѣдовала книгохранилищица безумнаго вряля; далѣе шли дикари съ ассистентами, несли мѣсто для арлекина; затѣмъ два человека вели быка съ приделанными на груди рогами; на немъ сидѣлъ человекъ имѣлъ на груди оконницу и держалъ модель кругомъ вертѣвшагося дома; передъ нимъ двѣнадцать человекъ въ шутовскомъ платьѣ, съ дудками и погрмушками. Эту группу программа объясняетъ такъ: «Момъ, видя человека, смѣялся, для чего боги не слѣдали ему на грудяхъ окна, сквозь которое бы въ его сердце можно было смотрѣть; божу смѣялся, для чего боги не поставили ему на грудяхъ рога, и тѣмъ лишили его большой силы, а вадѣ до вѣдѣ смѣялся, отчего не можно его, если у кого худой сосѣдь, поворотитъ въ другую сторону».

Момъ съ своєю свитою заключалъ первое отдѣленіе маскарада. Вто-

¹⁾ Извѣстный строитель Царскосельскаго театра, затѣмъ сценъ Эрмитажнаго и Большаго театровъ. Убиты при кладкѣ фундамента государственнаго банка довели этого художника до сумасшествія, и онъ покончилъ съ жизнью, бросившись въ Фонтанъ у банка. Итого же по смерти его императрица запретила употребленіе машинъ на театрахъ.

²⁾ Это шествіе было вынуждено въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Краткія описанія на него были въ «Мавкѣ» 1810 г. и «Москвитинѣ» 1820 года. Всѣ подробности неполны и сдѣланы съ большими пропусками; мы воспроизводимъ теперь по возможности напечатанное у насъ экземпляра этой рѣдкой книжки.

рое отдѣленіе представлялъ Бахусъ; знакъ—козлиная голова и виноградныя кисти; надпись—«Смѣхъ и безстыдство».

Затѣмъ—пещера Пана, окруженная плянундами и воющими шимфами; далѣе плянунціе сатиры и вакханки съ виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и козлиными съ виноградомъ.

Сатиры ѣхали на козлахъ, пересѣхаемые бѣгунцами за ними; двое подвигались на свиньяхъ и двое съ обезьянами. Колесница Бахуса, заложенная тиграми, и сатиры съ тамбуринами и бряцалками; далѣе сатиры вели осла, на которомъ сидѣлъ пьяный Силентъ, поддерживаемый сатирами; наконецъ, пьяницы танцли сидящаю на бочкѣ толстаго краснотлицаго откупщика; къ его бочкѣ были прикованы корчменши и шесть крочковъ. Затѣмъ слѣдовали цѣлокальнички съ мѣрками и насосами и двѣ стойки съ штыкѣ, на которыхъ сидѣли чумаки съ гудами, балабайками, съ рылями и вольниками. Отдѣленіе Бахуса заключалъ хоръ пьяницъ. Предъ третьимъ отдѣленіемъ маскарада былъ знакъ съ надписью «Дѣйствіе злыхъ сердець»; онъ представлялъ ястреба, терзающаго голубя, наука, спускающагося на муху, козачью голову съ мышью въ зубахъ и лисицу, давищую пѣтуха. «Нестройный хоръ музыки, гдѣ музыканты наряжены въ видѣ разныхъ животныхъ; забіяки, борцы и кулачные бойцы окружають дискордію, или несогласіе, бютелъ, борютелъ, бѣгаютъ съ убійственными орудіями и три фурии съ ними».

Четвертое отдѣленіе представляло «Обманъ»; на знакѣ была изображена маска, окруженная змѣями, кроющимися въ розахъ, съ надписью «Пагубная прелесть»; за знакомъ шли цыгане и цыганки, пьющіе, поющіе и плянунціе колдуны, и ворожен и нѣсколько дьяволовъ. Въ концѣ слѣдовали обманъ въ лицѣ прожектеровъ и аферистовъ.

Пятое отдѣленіе было посвящено посярженію невѣжества; на знакѣ изображены были: черныя сѣти, петухъ и ослиная голова, надпись «Вредъ и неотребуется». Хоръ представлялъ слѣпыхъ, ведущихъ другъ друга; четверо, держа замерзшихъ змѣй, грѣли и отдували ихъ. Невѣжество ѣхало на ослѣ. Праздность и злословіе сопровождала толпа дѣтншихъ.

Отдѣленіе шестое изображало «Мадонство». На знакѣ было изображеніе гаріи, окруженной крашней, крочками, денежными мѣнками и палочными вѣсами. Надпись гласила «Всеобщая пагуба». Ибедники, сопровождаемые духами ябеды, и странній крочкотворецъ открывали шествіе. Подъячье шли съ знаменами, на которыхъ написано было крупными буквами «Завтра». Нѣсколько замаскированныхъ длинными остроконечными крочками танцли за собою зараженныхъ акциденцію, т. е. крочкошниковъ, обѣшанныхъ крочками; повѣренные и соинители ябды шли съ сѣтями, опутанная и страшикая идущихъ людей рѣзкою жаниа; хромая «Прянда» танцлалась на костылахъ съ переломленнымъ вѣсомъ; сутиги и аферисты гнали се, востоя въ спину тую набитымъ денежными мѣнками. Затѣмъ вели крочку, или акциденцію, сидящую на ябды,

изъ которыхъ выдунулись гаріи. Два друга Кривоудъ-Обиралоиъ и Вязконобъ-Одуралоиъ ѣхали, бесѣдуя о вѣткахъ, при нихъ состояли панотники, которые разсыпали вокругъ на пути крапивныя сѣмена. Въ концѣ за ними шли обобращные тяжущіеся съ пустыми мѣшками, печально оупустивъ головы.

Седьмое отдѣленіе изображало міръ навыворотъ, или «Превратный свѣтъ»; въ знакъ видѣлось изображеніе летающихъ четвероногихъ звѣрей и человѣчье лицо, обращенное внизъ; надпись—«Непросвѣщенные разумъ». Хоръ шелъ въ развратномъ видѣ, въ одеждахъ наизнанку, два трубача ѣхали на верблюдахъ, литавричекъ на быкѣ, за ними четверо шли задомъ, слуги въ дивреяхъ вели открытую карету, въ которой разлеглась лодка; вертопрахи-цеголи вели другую карету, съ посаженною въ ней обезьяною; нѣсколько карлицъ съ трудомъ посѣвали за великанами, за ними подвигалась люлька съ спеленатымъ въ ней старикомъ, котораго кормилъ грудной мальчикъ. Въ другой люлкѣ лежала старушка, играла въ бубны и сосала розокъ, а за нею присматривала маленькая дѣвочка съ розгой; затѣмъ вели свинью, покоящуюся на розгахъ; за нею брелъ оркестръ пѣвцовъ и музыкантовъ, въ которомъ дѣйствующія лица были: поющій осель и козелъ, играющій на скрипкѣ; при нихъ состояло нѣсколько лицъ, одѣтыхъ развратно. Далѣе вели химеру, которую разрисовывали четыре плохихъ маляра и нѣснослонили два рифмача, ѣхали на козлахъ; Диогенъ съ фонаремъ въ рукѣ катился на бочѣ. Гераклѣи и Демокритъ, т. е. смѣхъ и горе, несли земной глобусъ, а за ними шествовавшіе странно одѣтыхъ, съ вѣтринными мельницами, представляли любителей празднословія.

Восьмое отдѣленіе глумилось надъ снѣбью; знакъ украшался павлиньимъ хвостомъ, окруженнымъ парцизами, а подъ ними зеркало съ отраженною въ немъ надутую харей съ надписью: «Самолібіе безъ достоинства». Хоръ составляли рабы, съ трубачами и литаврицами, за ними шли: скороседы, лакеи, важи и гайдуки, предшествуя пышному рыдвану снѣи и окружая его.

Отдѣленіе девятое представляло «Мотовство и бѣдность съ ихъ свитами». На знакъ видѣнъ былъ опрокинутый рогъ изобилія, изъ котораго сыпалось золото, по сторонамъ курящаяся кадилница; надпись гласила: «Вѣчно о добрѣ». Хоръ шелъ въ платьяхъ, обшитыхъ картами; два знамени были составлены изъ множества сшитыхъ картъ; потомъ шли рыдемъ по ровной вѣлѣ, король и дама, за ними трюфный вѣлетъ, король и дама, послѣ того червовыя и бубновыя фигуры картъ. За ними слѣдовали снѣбая фортуна, затѣмъ счастливые игроки и несчастные съ разстрепанными волосами, брели и двѣнадцать нищихъ съ котомизами. Затѣмъ еще толпа картежниковъ и кюстариниковъ; шествіе замыкала колесница обращенной Венеры съ сидищимъ возлѣ нея кунидономъ. Изъ колесницы были прикованы гирляндами цвѣтовъ нѣсколько особъ обоего

пола, затѣмъ шла «Роскошь» съ мотами-асистентами. Хоръ женщинъ бѣдниковъ и скудость съ своими послѣдователями, скригами, въ характерныхъ маскахъ; четырнадцать куницовъ шли за скригами съ ихъ инструментами, за ними подвигалась часть горы Этны, на которой Вулканъ съ цикалами кокалъ громовыя стрѣлы на пожеланіе покровѣ.

За этимъ отдѣленіемъ начиналось самое торжественное и величавое шествіе—маскарадъ; открывалось оно колесницей Юпитера-громоверзца, и затѣмъ слѣдовали персонажи, изображавшіе золото вѣтъ.

Впереди этой группы шелъ хоръ пастуховъ съ флейтами, за ними слѣдовали двѣнадцать пастушковъ, и хоръ отроковъ съ оливковыми вѣтвями, слави дни золотого вѣка и принестіе Астреи на землю. Двѣнадцать четьре часа, въ одеждахъ, блестящихъ золотомъ, окружали золотую колесницу, въ которой Астрея призывала радость; вокругъ нея тѣснились стихотворицы толпой, увѣчанные лаврами, призывая миръ и счастье на землю; далѣе появились цѣлый Парнасъ съ музами и колесница для Аполлона; потомъ шли земледѣльцы съ ихъ орудіями, несли миръ въ облакахъ, пожигавшихъ военныя оружія; затѣмъ шла группа Минервы съ добродѣтелями; впереди были трубачи и литаврички; за ними науки и художества, при торжественныхъ звукахъ трубъ и литавръ, предшествовали колесницѣ добродѣтели, которую окружали маститые старцы въ бѣлой одеждѣ и лавровыхъ вѣнкахъ; герои, прославленные исторіей, ѣхали на бѣлыхъ коняхъ, за ними шли законодатели, философы. Хоръ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зеленцовыми вѣтвями, съ вѣнками на головахъ предшествовалъ на колесницѣ торжествующей Минервы. Надъ нею видна была Викторія (побѣда) и слава. Хоры и оркестры роговой музыки гремѣли:

Ликоствуйте днесь,
Ликоствуйте адѣсь,
Воздухъ, и земля, и вода!
Веселитесь, народы,
Матерь наша, россы, вамъ,
Затворила Яна храмъ.
О Церера, и Помона, и прекрасная Флора,
Получайте днесь,
Получайте адѣсь,
Безъ пренятствъ даръ солнечнаго поора!
О душевна красота,
Жизни сей утѣха, жизни сей отрада,
Раствори врата
Храма своего, Палада!

Маскарадное шествіе заключалось горой Діаны, оскрещенною лучезарными свѣтлами.

Три дни двигался этотъ маскарадъ по московскимъ улицамъ, собираваясь на полѣ, предъ Аншинскимъ дворцомъ или Годовицкимъ, прѣ-

тинь. Имя этой слободы, за Яузюю, и шель через всю слободу Басманную и возвращаясь по старой Басманной через мосты: Елохоишь и Салтыкоишь, къ зимнѣмъ торгамъ, иллюминационнымъ разноцветными фонарями. Не смотря на холодную погоду, все окна, балконы и крылени домовъ были покрыты разноцветными¹⁾, и, кромѣ того, толпы народа провожали эту процессию.

Народъ изволялъ непритворною радостью; всадѣ раздавались веселыя пѣсни, звуки дудокъ, флейтъ, бой барабановъ и т. д.

Вотъ что пѣли хоры, участвующіе въ процессіи. Хоръ сатировъ пѣлъ:

Въ сырыя дни мы примѣчали,
Три дня и три ночи на рынкѣ:
Никого мы не встрѣчали,
Ктобъ ни коснулся хмѣля крынкѣ.
Въ сырыя дни мы примѣчали:
Шумъ баетаетъ,
Шаль мотаетъ,
Дурь летаетъ,
Хмѣль шалаетъ,
Разумъ таетъ,
Зло хватаетъ,
Наглы враки,
Сметни, драки.
И прыгаютъ какъ собаки.
Примирились!
Рыда жалѣйте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Не деритесь!

Хоръ пьяницъ пѣлъ:

Двоемля водки, водки скляница!
О Бахусъ, о Бахусъ, горькой пьяница!
Проемъ, молимъ васъ,
Утѣшайте насъ;
Отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ,
И болѣе всѣхъ
Достойны утѣхъ;
Всякъ часъ возвращаемъ кабацкой мы сборъ:
Подъ вирь-вирь-вирь, донь-донь-донь, протчи служба водоръ!

Хоръ къ обману пѣлъ слѣдующее:

Пусть мошенникъ шарать, не велико дѣло:
Срѣзана мошенка, государство дѣло;
Таль-заль, ла-ла, ра-ра!
Плутинку ошь пара.

¹⁾ Это мажордакъ стоялъ жонки его автору О. Г. Волкову. Разъѣхавъ перхотъ для публичнаго за порядкомъ мѣста, Волковъ сильно простудился и слегъ въ постель. Онъ скончался 4-го апрѣля 1763 года. См. «Опытъ словаря о русскіихъ писателяхъ», М. И. Новикова, стр. 40.

Къ ябедѣ приказной устремленъ догадкой.
Правду гонить злото кручкотворецъ гадкой,
Таль-заль, ла-ла, ра-ра,
И плуту ошь пара.
Откупщикъ усердной на Руси народу
Въ прибавъ государству откупать воду;
Таль-заль и т. д.
Къ общу благоденству кто прерветъ дороги,
Ежели приставить ко лбу только роги!
Таль-заль и т. д.

Хоръ невѣжества пѣлъ:

То же все въ ученой рождѣ,
То же въ мудрой кожѣ:
Мы полезнаго желаемъ,
А на вредъ ученія ласемъ;
Прочь и азъ, и буки,
Прочь и все литери изъ рядъ!
Грамота, науки
Вышли въ мръ пль ада.
Лучше жить безъ работы,
Убѣгать работы.
Лучше бѣть, и пить, и спать,
Нежели въ умѣ копати.
Трудна къ тѣмъ хоромамъ
Въ гору отъ земли подѣзати,
Въ коньхъ астрономамъ
Плываться на звѣздахъ.

Хоръ къ «мздоимству» пѣлъ:

Есть ли староста бездѣльникъ, такъ и земской плуть,
И совѣтъ они забыли, что ремешой кнутъ.
Витки въ жизни красота,
Сладце меда и сота:
Такъ-то кручкотворецъ мелитъ,
Какъ на вилки кручкомъ цѣлитъ;
Такъ-то староста богатой,
Сельской насмѣцаясь платой,—
Такъ ихъ все содомъ.
Кручкотворецъ жена—
Такой же сатана!
А отъ вѣдой наведки—
Такой же и дѣтки;
Съ ними твари-ми одинаки
Батраки ихъ и собаки:
Всеъ таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ пренятному свѣту:

Пришла къ намъ на берегъ собака,
Изъ западочнаго моря,

Иль-за холоднаго океана;
 Прилетѣть отгодъ и соловейка,
 Сирашиналь гостю прѣзаку,
 За моремъ какіе обряды.
 Гостя прѣзакая отивчала:
 Многое худы тамъ достойно,
 И бы расказати то умѣла,
 Есть ли бы сатиры пѣть и смѣла,
 А теперь я пѣти не желаю,
 Только на пороки я полаю;
 Соловей, давай и оброки.
 Провинци заморскіе пороки—свистъ,
 За моремъ хамъ-хамъ-хамъ-хамъ и т. д.

Хоръ въ юркости исполнять:

Гордость и тщеславіе выдумалъ бѣсъ,
 Шеринъ да Беринъ, лисъ-тра-фа,
 Фаръ-фаръ-фаръ, люди-сръ-арца,
 Шинда-шиндара, трацдру-трацдара,
 Фаръ-фаръ-фаръ-фаръ и т. д.

Хоръ въ прокопъ голосиль:

Подайте картежникамъ милостинку;
 Черви, бубны, винны, жлуди вѣхъ насть разорили
 И, лишивъ насть проинтанья, глаломъ поморили.

Хоръ въ златому вѣку воспѣвать:

Блаженны времена настали
 И ветины лучезъ Россію облетали.
 Подсолнечна, шемли!
 Астрия на земли,
 Астрия во странахъ російскихъ водворилась,
 Астрия воцарилась.
 Рокъ щедрый рекъ:
 Настани росамъ ты, алатой желанный вѣкъ—
 И се струи російскихъ рѣкъ,
 Во удивленіе сосѣдомъ,
 Млекою текутъ и медомъ.

Хоръ въ Парнасу пѣть:

Лейтесь, токи Инокренъ,
 Вы съ Парнаскія горы,
 Орошайте вы долины
 И прекрасныя дуга!
 Нанояйтесь, россияне,
 Тѣми сладкими струями.
 Ков Греція шла,
 И, имѣя на престолахъ,
 Вы, аоніскую богиню,
 Будьте аоніице вы!.

Государыня смотрѣла на маскарадъ, обѣзжавъ улицы Москвы въ рехолощенной каретѣ, запряженной въ восемь красныхъ неаполитанскихъ лошадей, съ цвѣтными кокардами на головахъ. Императрица сидѣла въ ало-бархатномъ русскомъ платьѣ, унизанномъ крупными жемчугомъ, съ вышивками на груди и въ брилліантовой діадемѣ на головѣ. За нею тинулся огромный полкъ высокихъ тяжелыхъ золотыхъ каретъ съ крыльцами по бокамъ,—каретъ, очень похожихъ на вѣзга, на низкихъ колесахъ, въ которыхъ видѣлись: распушенные головы великосныхъ царедворцевъ, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотомъ или унизанные блестками съ большими стальными или стеклянными пуговицами, носовые камелы, досиные чинчиры въ обтяжку и т. д. Въ другихъ осмистекольных ландо видѣлись роскошно одѣтая дама въ атласныхъ роборнтахъ и каллисахъ на проволокахъ, въ пышныхъ полонезахъ, въ глазетовыхъ платьяхъ и длиннохвостыхъ робахъ съ прорѣзками на боку, съ фижками или бочками, головы были также распушены—прическа à la Vallière, или палисадинкомъ; ноги въ бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ стерлядкою (т. е. востроносомъ). Лакеи съзади каретъ стояли одѣтые турками или албанцами; были и настоящіе арабы.

Отъѣздъ императрицы въ Москву на свою коронацію, по отчетамъ полицейскимъ, потребовалъ на переѣздъ до 19,000 лошадей и около 80,000 народа. Петербургъ на это время совершенно дѣлался пустынь: на его улицахъ не было видно ни одной кареты, и даже улицы заросли травою.

Въ первые года царствования Екатерины, въ Петербургѣ часто проходили карусели, или турниры, на Царицыномъ лугу. Этими играми императрица воскрешала времена рыцарства.

Великолѣпная такая первая карусель была дана въ С.-Петербургѣ лѣтомъ, въ 1766 году, 18-го іюля. На эту карусель была вышита золотая медаль, на которой съ одной стороны—изображеніе императрицы Екатерины II, съ надписью: «В. М. Екатерина II, императрица и самодержица всероссийская». На оборотѣ представлено въ отдаленіи ристалище, надъ которымъ паритъ орелъ съ вѣнкомъ, а на первомъ планѣ геній, съ надписью: «Съ Алфеевыхъ на Невскіе берега». Ведомейеръ говоритъ: «Богатая одежда, доспѣхи, панцири, драгоцѣнные камни, красота женщинъ—все это представляло зрѣлище необыкновенное».

Участовавшіе въ карусели были въ костюмахъ разныхъ народовъ и раздѣлялись на четыре кадрили: славянскую, индійскую, римскую и турецкую. Надъ послѣдними двумя начальствовали графы Григорій и Алексѣй Орловы. Церемоніймейстеръ въ французскомъ платьѣ носилъ на полѣ шаръ съ золотою бахромою, и въ конвоѣ его были 1 унтеръ-офицеръ, 8 человекъ конныхъ и 2 трубача. Для вспоможенія, дано ему восемь человекъ герольдовъ; каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ четверть юншихъ и одного трубача. При какадерахъ особые люди носли дубинки, пинки, вилочки; участвовавшіе въ турнирахъ выказывали свою ловкость,

отрубил головы кукламъ, изображавшимъ мафровъ, и прохвиз коньями тигромъ и кабаномъ, сдѣланныхъ изъ картона. На мѣста, назначенная для казулы, пускали по билетамъ. Дѣйствительныя ложи были приготовлены — одна для императрицы, другая для великаго князя. Судьи, въ числѣ которыхъ быть главнымъ фельдмаршалъ Минихъ, прѣхали въ придворныхъ каретахъ и вошли въ свои ложи, причѣмъ играли трубы и литавры. Посреди карусельнаго мѣста находилась трибуна, въ которой присутствовать главный судья; онъ чрезъ трубачей давалъ сигналъ къ выѣзду и выѣзду карусельныхъ кавалеровъ. Кромѣ него, было 12 судей, записанныхъ число выигранныхъ призовъ, сохранялъ ли рыцарь на лошади должное положеііе, съ правой ли ноги лошадь начинала скачку, и не сбивалась ли съ ноги. Позволено было и неизвестнымъ кавалерамъ принимать участіе въ турнирѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы они избрали для себя девизъ и знамя, какой заблагорассудить, и чтобы при появленіи своемъ извѣстили оберъ-италмейстера императрицы о своемъ имени и фамиліи съ доказательствомъ о дворянствѣ, а оберъ-италмейстеръ ручался бы своею честью сохранить тайну некарунимо, и никому оной безъ дозволенія того кавалера не объявлять. Если неизвестный кавалеръ не хотѣлъ открыться и оберъ-италмейстеру, то могъ назвать кого либо изъ знатныхъ особъ, присутствовавшихъ на карусели, которая бы ручалась за его дворянство.

По окончаніи турнира судьи и кавалеры возвращались во дворецъ; кавалеры въ особой залѣ ожидали назначенныхъ призовъ; судьи присуждали ихъ по большинству голосовъ; рѣшительное опредѣленіе дѣлалъ главный судья. По окончаніи этого, оберъ-церемоніймейстеръ со всеми герольдами ввѣдиль кадрили въ залу, для полученія призовъ.

Фельдмаршалъ Минихъ, какъ главный судья, произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ; вотъ она въ переводѣ:

«Знаменитые дамы и рыцари!

«Вѣдѣе вамъ извѣстно, что не проходитъ дня, ни минуты, когда бы не вырвалось вниманіе ея императорскаго величества, нашей всемогущей государыни, къ умноженію славы ея имперіи и благоденствія ея подданныхъ вообще, и въ особенности къ возвышенію блеска ея дворянства. Ся несравненная монархиня назначила сей день, чтобы доставить случай избранному дворянству ея имперіи ознаменовать свое искусство въ различныхъ управленіяхъ блистательной карусели, какой до сихъ поръ еще въ Россіи не было видано. Кто не раздѣлитъ со мной чувства удивленія и благодарности, которыя она такъ справедливо внушаетъ своею добротою и прозорливостію материнскими. Знаменитые дамы и рыцари! Ся благородныя управленія выполнены вами достойнымъ образомъ, и такъ, что вы можете быть увѣрены въ благоволеніи ея величества, ея высочества цесаревича и во всеобщемъ одобреніи».

Целуясь, обратясь къ графинѣ Бутурлиной, которой было присуждено

первый призъ, она сказала: «По порученію ея величества, вамъ, милостивая государыня, долженъ я вручить первый призъ, прѣбрѣзливый ловкостью необыкновенной, заслужившей всеобщее одобреніе: поспѣйте, милостивая государыня, мнѣ первому принести поздравленіе съ симъ почетнымъ отличіемъ, доставляющимъ вамъ право на рѣсдачу изъ рукъ вашихъ прочихъ заслуженныхъ призовъ».

Въ 1770 году, во время прѣзда принца Генриха, брата короля прусскаго, императрица Екатерина II велически старалась сдѣлать его пребываніе въ Петербургѣ приятнымъ. При дворѣ почти ежедневно были даваемы праздники; особенно былъ замѣчательнъ маскарадъ, данный для него въ Царскомъ Селѣ: императрица, великій князь, принцъ Генрихъ и разныя придворныя особы, числомъ шестнадцать, сѣли, когда смерклось, въ огромныя сани, запряженныя шестнадцатью лошадьми, и поѣхали изъ Петербурга въ Царское Село; сани были внутри и снаружи обставлены двойными зеркалами, отражавшими все безвѣстныя предметы внутри и снаружи; за этими санями слѣдовало болѣе двухъ тысячъ другихъ саней; сидяще въ нихъ все были замаскированы и одѣты въ domino. Въ семи верстахъ отъ Петербурга, они прѣхали сквозь болынія триумфальныя ворота, великолѣпно освѣщенные. Затѣмъ на пути чрезъ каждыя семь верстъ стояла пирамида, искусно иллюминированная, и противъ нея гостиница; въ каждой изъ нихъ сидѣли люди различныхъ націй, которые плясали и играли на инструментахъ. На Пулковской горѣ былъ предстаетель Везувій, извергавшій пламя — это изверженіе продолжалось во всю ночь. Отъ Пулковской горы до Царскаго Села стояли деревья, на которыхъ висѣли разноцвѣтные фонари въ видѣ гирляндъ. По прибытіи въ Царское Село, дворецъ былъ освѣщенъ à giorno; послѣ танцевъ, по выстрѣлу изъ пушки, балъ прекратился, вмѣстѣ съ нимъ погасли и все огни во дворцѣ; затѣмъ все стали у оконъ и увидѣли великолѣпный фейерверкъ. Новый шумный выстрѣлъ далъ сигналъ, и моментально опять засвѣтился дворецъ; за этимъ послѣдовало роскошный ужинъ. Принцъ Генрихъ послѣ этого бала отправился въ Москву и прибылъ туда съ изумительною быстротою — въ 36 часовъ!

Не менѣе торжественными и богатыми бывали маскарады и другія празднества, которыя давали въ честь императрицы богатые вельможи ея царствованія. Такъ, извѣстный М. А. Нарышкинъ далъ для Екатерины маскарадъ, стоившій ему болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей. Описание этого маскарада мы беремъ изъ приближенія къ № 85 «Московскихъ Вѣдомостей» 1772 года.

«29-го іюля 1772 года Л. А. Нарышкинъ всеподданнѣе прхлѣтъ государыню Екатерину II удостоить высочайшимъ присутствіемъ своимъ его приморскій домъ, именуемый Левендалъ, гдѣ въ роцѣ предначинать онъ быть маскараду и представленію увеселительныхъ ошей, на что, получивъ высочайшее благоволеніе, старался заблаговременно пригласить чрезъ

билеты и приглашения чужестранных министров и знатных особь обоего пола, такъ и мушкетерское кучество. Но приглашенію, въ 3 часа пополудни, какъ (благодарствуй), такъ и гражданство въ великомъ множествѣ начали собираться, и прежде 6 часовъ вся роща наполнена уже была народомъ, гуляющимъ между деревь и съ пріятностію взирающимъ на различіе предметовъ, и на виды ихъ усаждающихъ. Одни съ удивленіемъ смотрѣли на дома и бѣжки, по вкусу и образу китайцевъ состроенныя, другіе, входя въ рощу, читали на разныхъ языкахъ изображенное на доскѣ отъ хозяина означеніе въ слѣдующей силѣ: «Хозяинъ зданнаго дому весьма будетъ радъ, если пріѣзжіе пожелаютъ посѣщать сіе мѣсто своимъ гуляніемъ, когда угодно». Некоторые осматривали мѣста, неперенными всякаго рода цвѣтами, кустами различныхъ растений, иные восхищались изысканнѣйшимъ теченіемъ рѣчки, протяженіемъ острововъ, дикостію буераковъ, безвѣтрнымъ веденіемъ дорогъ, непрозрачною густотою лѣса, мрачностью пещеръ, возвышеніемъ при удаляхъ горъ и другими привлекающими вѣнчаніе явленіями. Между тѣмъ, при наступленіи семи часовъ изволили явиться изъ Петергофа императрица съ ея высочествомъ и со всего двора своего свитою. При приближеніи императрицы къ дамѣ, играла музыка на трубахъ и литаврахъ въ горней китайской бесѣдкѣ, стоящей при входѣ въ рощу. При пріѣздѣ государыня вошла въ покои хозяина, затѣмъ изволила пойти въ провозаніи домохозяина въ рощу, куда вѣкорѣ послѣдовали и цесаревичъ. Звукъ разной музыки раздавался по всей рощѣ, и въ каждомъ мѣсто украшено было особаго рода увеселеніями. Островъ, гдѣ находится качели и другія игры, наполненъ былъ представленіемъ разныхъ забавныхъ игръ и позорищъ. Государыня, пройдя это мѣсто по излучистой дорожкѣ, обсаженной кустами и деревьями, незамѣтно пришла въ густоту дремучаго лѣса, внутри котораго находилась глубокая пещера, мохомъ и дерномъ обросшая; цвѣты и плоды, служащіе пищей и увеселеніемъ пустынныхъ жителей, находятся на поверхности оной. При вхождѣ въ пещеру, императрица вдругъ услышала голосъ пастушьихъ свирѣлей. Слѣдуя сему звуку, нечувствительно приближалась къ холму, покрытому мхомъ и непереннымъ цвѣтами, на верху коего стояла пастушка хитрая; подъ нею на пологости горы видны были пастухи, стережущіе овецъ, и пастушки, упражняющіяся въ собираніи цвѣтовъ для украшенія хитринны своей; но какъ только увидѣли оныя императрицу, вдругъ музыка умолкла, и двѣ первенствующія пастушки, Филлида и Лида (это были дочери Нарышкина—Паталья и Екатерина), будучи одѣты въ прехотное и пріятное пастушье платье, и держа въ рукахъ увитыя цвѣтами вѣтки, разговаривали съ собою о пріѣздѣ столь драгоцѣнной гостьи и рѣшили на долю для приглашенія ея въ свою хитрину. Ея величество изволила сидѣть у подошвы горы сея, на сдѣланной изъ дерну скамейкѣ, и, взявъ усердному сихъ пастушекъ прошенію, благоволила къ хитринѣ и къ воспріять путь, который усыпали они благовошными и пре-

красными цвѣтами. Но не меньше ихъ, какъ и всѣхъ зрителей, было удивленіе, какъ гора, къ которой государыня подходила, вдругъ расступилась и вмѣсто хитринны открылся огромный и великолѣпный храмъ победы, состроенный о двухъ жилихъ, для входу въ которой сооружены были крыльца; при дверяхъ каждаго входа стояли истуканы, представляющіе победы, на морѣ и на сухомъ пути торжественнымъ оружіемъ императрицы одержанныя. Въ срединѣ свода въ видѣ орла съ распростертыми крыльями, у коего на груди было выведено имя императрицы, а въ когтяхъ свитокъ съ надписью «Екатеринѣ II побѣдительницѣ».

«Сей храмъ окружали два перехода, наполненные вооруженными ратниками. Видъ оружія и звукъ военной музыки изору и слуху пріятнѣйшее представляли зрѣлище. Столпы, увитыя лаврами, пальмы и трюфен, поставленные всюду, усаждали очи каждаго. Глава храма украшена огненными сосудами. Слава, стоящая на поверхности, трубою своею возглашала вселенной торжество побѣдоносныхъ оружія императрицы».

«Першій победы (Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ), вышедъ для снѣженія государыни при входѣ въ храмъ, несъ въ рукахъ снѣженнѣйшій лавра вѣнчекъ, подавалъ оный государынѣ, изъявивъ причину произнесеннаго передъ нею рѣчию, которая кучно съ рѣчными пастушкѣ и съ планомъ храма особю книжкою напечатана на французскомъ языкѣ, и съ планами храма и горы давана была присутствующимъ тутъ зрителямъ. Лишь только императрица изволила вступитъ въ храмъ, украшенный трюфенми, завоеванными у турокъ и татаръ, какъ по выстрѣлу изъ пушки, картины, представлявшія трюфен, превратились въ изображенія побѣдъ, которыхъ содержаніе было слѣдующее: 1-я картина представляетъ взятіе Хотина, 9-го сентября 1769 года. Надъ городомъ и войскомъ окруженное сіиномъ божество держитъ надпись: «Супротивленіе было бы тщетно»; 2-я картина—сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ, 7-го іюля 1770 года. Здѣсь сидящая на облакахъ Слава гласитъ тако: «Не снѣ однимъ окончится»; 3-я картина—сраженіе и побѣда при рѣкѣ Кагулѣ, 21-го іюня 1770 года. Тутъ Минерва, вихрющая со сводами небесныхъ, на свѣткѣ держитъ сіи слова: «Число прѣодоливо хитростію»; четвертая картина—флотъ оттоманскій, сожженный и истребленный на Архинелагѣ при Чесмѣ, 24-го іюня 1770 года. Тутъ виденъ на воздухѣ парящій орелъ и испускающій молнію со словами на свѣткѣ: «Небылае невоинство».

«Пятая картина—взятіе Бендеръ, 16-го сентября 1770 года; здѣсь виденъ на тверди небесной, неперенной звѣздами, Беллона, мечащая на городѣ стрѣлы, въ одной рукѣ горящій факель, а въ другой держитъ хартию съ сею надписью: «Что можетъ постоять?» Шестая картина—покореніе Кафы и всего Крыма, 1771 года. На шестѣ зрител Слава, держащая въ рукахъ лавры, для увѣщанія русскійхъ турокъ. Крымъ, всеединѣнъ владычествомъ премудрая обладательница, итѣ-

являть русскъ свою симъ на свѣтѣ; написанными словами: «Коль сла-
доки нѣшь: крѣбой мой». Осмотри все сіе, государыня изволила пойти
къ такъ называемому «Китайскому урочищу», гдѣ построены дома, сады
и палисадники до вкуса китайскаго, наполненные птицами; служители
домовъ этихъ, одѣтые китайцами, играли на разныхъ китайскихъ музы-
кайскихъ орудіяхъ. Между этими домами была воздвигнута изъ рѣдкихъ
морскихъ камней, раковинъ и окаменѣлостей горка; на площадкахъ стояли
высокія мѣртвы, украшенныя китайскими съ колокольчиками нагодами и
разновидными флагами. Государыня, здѣсь отдохнуть немного, пошла
черезъ малѣнькій мостикъ, въ правую сторону рощи, гдѣ слышались были
разнообразныя съ рожковъ деревенскихъ пастырей и пѣніе ликующихъ
поселянъ радость. Здѣсь, посреди лѣса, на лугу, видны были шалашки
хлѣбопашцевъ, а немного подалѣе открылись ихъ дома, огороженные плет-
нями и вмѣстѣ въ себѣ все, чѣмъ семейные и зажиточные крестьяне
набавлять могутъ. Любимое деревенское ховяство съ восхищеніемъ ви-
дѣли живое и наглядное представленіе здѣсь деревни; любители полей,
жатвы и пашенниковъ—каждый съ удовольствіемъ находилъ тутъ соот-
вѣтствующее своему вкусу предметъ. Государыня отсюда пошла къ пло-
щади храма, намощенной досками для танцевъ, которые тотчасъ и откры-
лись при вступленіи въ переходы храма огромной музыки. Государыня
послѣ пошла въ верхніе покои, гдѣ накрытъ былъ великолѣпный вечер-
ній столъ, съ кушаніемъ и десертомъ, изъ рѣдчайшихъ плодовъ шибени-
наго времени года на 80 персонъ, прочіе же, коихъ было болѣе 2,000
лицъ, угощенья были по разнымъ беседамъ и покоемъ, въ рощѣ, на
парочко устроенныхъ столахъ, наполненныхъ кушаніемъ и питіемъ. Въ
это время присекты, рощи, зданія и все мѣста, какъ и крыльца верх-
нихъ покоевъ и ограда всего дома, освѣщены были вазными воскомъ
глиняными и стеклянными сосудами, и разноцвѣтными свѣдяными и
другими фонарями.

«Но окончаніи ужина, при рѣкѣ, именуемой «Красной», зажжены
были фейерверкъ, коего щитъ представлялъ Астрею, возвращающую зо-
лотой вѣкъ; въ одной рукѣ держала она вѣсы равенства, а въ другой—
рогъ изобилія, внизу видны были пастухи, веселящіеся спокойно пас-
вою овецъ, и удаляющіеся отъ нихъ, въ видѣ фурій, несогласія и раз-
доры; по обрваніи щита, пушено вверхъ нѣсколько тысячъ ракетъ и уве-
селительныя огненныхъ шаровъ; причемъ зажжены и разные огнемечу-
щія колеса представляющія глазами наиприятнѣйшее зрѣлище. Вся вели-
чество и величественство изволили сію огненную потѣху смотрѣть изъ
парочко и тѣлеснаго для сего на лугу намета, изъ котораго лишь только
изволили выйти, то открылось между деревъ другое прозрачное огнен-
ное явленіе, представляющее въ колесницѣ Феба, держащаго въ рукахъ
освѣщающія ихъ пресвѣтлыми лучами освѣщенное вензелевое имя импе-
ратрицы, въ которомъ внизу виденъ былъ образъ престарѣлаго индѣй-

скаго брамина, стоящаго съ благоволеніемъ между пальмовымъ и раці-
тагонимымъ азовымъ деревомъ, и твориваго вѣдѣніемъ руки сему имя
обожасемому свѣтилу поклоненіе. У корня одного изъ этихъ деревъ
изображенъ гербъ домохозяина. Когда это зрѣлище окончилось и все по-
лагали, что оно послѣднее, какъ вдругъ увидѣли еще освѣщенный сія-
ніемъ среди перспективы мраморный столбъ, наверху котораго видѣлся
двухглавый орелъ, съ вензелевымъ именемъ государыни, а внизу, на под-
пешки, состроенномъ изъ дикаго камня, на мѣдныхъ доскахъ, бронзовыми
буквами была изображена слѣдующая надпись: «Сей изъ обрѣтеннаго въ
Сибири мрамора сдѣланный и отъ всецѣлѣбныя государыни Екатерины
Второй въ даръ полученный столбъ, въ незабвенный знакъ къ ея импе-
раторскому величеству благодарности на семь мѣствъ поставилъ Левъ Па-
рышкинъ, лѣта, въ кое руссійскій флотъ прибылъ въ Морю и истре-
билъ турецкія морскія силы». Наверху сего показалось пріятнѣйшее
зрѣлище восходящаго солнца, лучами своими озаряющаго всю рощу,
такъ, что если бы часы не показывали полуночи, то можно бы поду-
мать, что наступилъ уже день. Никто изъ находившихся тутъ стихо-
творцевъ, при открытіи сего явленія, начертить карандашемъ слѣдую-
щую надпись:

О новое, что видятъ здѣсь народъ!
Въ необычайной часъ зрѣтъ солнечный восходъ:
Конечно, Фебъ, узнавъ приходъ Екатерины,
Вознесся въ полночь здѣсь, оставивъ пучины;
И не хотѣя идти еще на твердь небесъ,
Узрѣть се предсталъ во Лесендальскій лѣсъ:
Влаетъ радостныхъ огней собой усугубая
И храмъ побѣды ей сіишею окружая,
Простри свои вездѣ чистѣйшіе лучи,
Чѣмъ озаришь оныя тутъ пресвѣтлѣй день въ ночи.
Монархиня! тебѣ кругъ солнечный движется,
Такъ дивна ли, что народъ твой, види зракъ, чудится?

«Послѣ осмотра всего этого императрица и ея дворъ отправились въ
храмъ, гдѣ продолжались танцы. Мракъ, тишина и теплота ночи и прі-
ятность лѣтней погоды соответствовала празднику. Въ часъ ночи ея
императорское высочество, и въ началѣ третьяго часа, государыня, изъ-
явивъ хозяину свое удовольствіе, изволили возвратиться въ Петербургъ,—
въ четыре часа ночи и все гости, оказавъ хозяину благодареніе, разо-
шлись по домамъ. Въ заключеніе чего вышелею нѣсколько разъ въ
пушкѣ, чѣмъ празднество сіе окончилось».

По смерти этого Парышкина, сынъ его, Ал. Львовичъ, удивляясь
Петербургу тоже своими праздниками, подобія которыхъ, какъ гласитъ
фельетонистъ того времени: «находили только въ новѣстяхъ Востока, гдѣ
многолюдная торжества Бассоры, Багдада, бывшій театръ приключе-
ній забавныхъ и всѣхъ удивительныхъ, могутъ безцѣрными шумомъ,

картинъ, дѣлательнымъ движеніемъ сравниться съ подобными зрѣлищами, видѣнными у него на праздникахъ». Ал. Львовичъ Парышкинъ возобновилъ петербургскія серенады, бывшія въ большомъ употребленіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Передъ домомъ его (Англ. безая набережная), въ продолженіе почти трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, богато освѣтлыми почамъ, съ шести часовъ вечера до поздней ночи, разставляли по Невѣ иллюзійки съ разнаго рода музыкаю: роговою, духовною, хоромъ и бѣвчихъ съ рожками, бубнами и тарелками; набережная во время такихъ прогулокъ была покрыта народомъ. Этотъ Парышкинъ былъ послѣдствіемъ очень хорошимъ директоромъ театровъ; расточительность его не имѣла границъ, и онъ частенько нуждался даже въ небольшомъ суммахъ.

Между вельможами вѣка Екатерины также отличался широкимъ гостепріимствомъ и великолѣпнѣе своихъ предшниковъ оберъ-камергеръ графъ Петр. Борисовичъ Шереметевъ. У него часто устраивались праздники, маскарады и спектакли, въ которыхъ участвовали и цесаревичъ. Особенно интересны были спектакли 21-го февраля 1766 года, распорядителями котораго были: директоромъ—генераль-поручикъ графъ Пв. Гр. Чернышевъ, учительницею мѣсть—жена его, собирателемъ билетовъ—графъ Зах. Гр. Чернышевъ, директоромъ оркестра—тайный совѣтникъ князь П. П. Трубецкой, канцеляристомъ—баронесса Е. П. Черкасова, музыкантами въ оркестрѣ были: князь П. П. Репнинъ, Л. А. Парышкинъ, тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ и многіе другіе вельможи двора. На театрѣ давали сочиненіе де-ла-Гранжа, комедію «Le contretemps»; дѣйствующими лицами въ комедіи были: князь Щербатовъ, двѣ дочери хованна, графиня Чернышева, графъ Сольмъ—прусскій посланникъ, графъ Станюковъ и другіе высокіе особы; въ заключеніе дана была комедія Кальпани—«Зенона»; въ числѣ актеровъ были и цесаревичъ, графиня Шереметева и двѣ графини Чернышевы; на четырехъ лицахъ, въ ней играли, было бриллиантовъ на два милліона рублей. Но особенно великолѣпнѣе праздники графъ Шереметевъ далъ въ честь императрицы въ своемъ подмосковномъ имѣніи Куусковѣ, во время проѣзда ея черезъ Москву въ Крымъ. Въ этотъ день по дорогѣ изъ Москвы до села были устроены арки и триумфальныя ворота съ аллегорическими эмблемами и надписями въ устроенныхъ надъ ними галереяхъ, во время проѣзда царицы, раздавали трубы и литавры. Графъ съ семьей встрѣтилъ государыню на границѣ своего села, при въѣздѣ въ которое были устроены ворота итальянскаго ордена, росписанными надъ мраморъ, бѣлый съ краснымъ, сѣрымъ и желтымъ золотой рѣзкой и съ четырьмя золочеными гербами, изображенными Пентуна, Аполлона, Марса и Меркурія. Внутри воротъ изображена была летящая слава съ трубой, вокругъ которой надписи гласили: «стеленіемъ приумножаетъ славу свою»; на боковой стѣнѣ верхняя картина представляла городъ и часть моря, озаренные солнцемъ;

нимъ освѣтены; въ среднѣ ихъ возвышалось имя Екатерины съ надписью: «лучами своими озаряетъ». Другая, нижняя картина изображала въ окружности цирка шествіе, въ видѣ большой непоколебимой скалы, на которой лежала книга, означенная «Учрежденіе законовъ», щитъ, шлемъ и мечъ, свѣзанные лавровымъ вѣнцомъ, съ надписью: «утверждаютъ и охраняютъ». На другой сторонѣ верхней картины было изображено солнечное свѣтъ съ вѣнцемъ въ среднѣ именемъ государыни, а подъ нимъ въ перспективѣ городъ Москва съ надписью: «въ столицѣ присутствіемъ»; нижняя картина изображала въ перспективѣ Куусковскій садъ, часть оранжерей и мраморный обелискъ. Наверху вѣнчекъ галерея, на которой, во время проѣзда государыни играла музыка. Предъ воротами, по обѣ стороны, находились вызолоченныя цирки съ шинами, въ которыхъ были поставлены померанцевыя и лимонныя деревья, обремененныя плодами. За каретами царицы, иностранныхъ посланниковъ и придворныхъ тянулся нескончаемый рядъ экипажей почетныхъ гостей. Когда императрица подѣхала къ селу, ее солдаты на шестнадцати разноцвѣтныхъ, полосканоцими въ воздухѣ, флагами. На шоссе выступили попарно куусковскіе жители, одѣтые въ цвѣта графской лифрей, съ корзинами, полными цвѣтовъ; за ними шли дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и устилали путь царицы живыми цвѣтами. Государыня осмотрѣла весь домъ графа, затѣмъ отправилась садомъ въ новопостроенный для этого случая театр, въ которомъ была представлена опера: «Самнитскіе браки съ билетомъ». Вечеромъ садъ былъ ярко иллюминированъ, въ немъ горѣли щиты съ изображеніемъ имени Екатерины II и царей надъ нимъ славы. Шумныя каскады были тоже въ огнѣ, на большомъ озерѣ стояла на якорѣ раззолоченная шестипушечная яхта, качались иллюзійки, ходили по водѣ челноки, ботки, гондолы съ разноцвѣтными флагами; по водамъ также разбѣгались исеенники въ русскихъ костюмахъ. Передъ фейерверкомъ Екатерины поднесли голубя; съ ея руки полетѣлъ онъ къ щиту, и освѣтилось все Куусково. Послѣ всего государыня пошла въ покои, гдѣ играла въ карты; въ 11 часовъ былъ сервированъ въ галерей роскошный ужинъ на 60 куввертовъ, съ золотыми ложками, тарелками и проч. Передъ государыней стояло¹⁾ изображеніе горы съ каменной руиной, украшенной алмазами, изумрудами и жемчугами; карты и другія украшенія были осѣнаны бирюзой, рубинами и другими драгоценными каменными. Во время стола гремѣла музыка и пѣлъ хоръ и бѣвчихъ.

¹⁾ Графъ Комаровскій въ своихъ запискахъ говоритъ (См. «Восемнадцатый Вѣкъ», ч. I, стр. 322): «Что на этомъ великолѣпномъ праздникѣ больше всего мнѣ удивило, такъ это—плато, которое поставлено было предъ императрицею за ужинкомъ; оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на возвышеніи томъ была возведена императрица на довольно крупнѣхъ бриллиантахъ».

На обратномъ пути въ Москву дорога ярко была освѣщена фонарями и смѣльными бочками. Когда государыня въѣжала въ Москву, были уже утреннюю зорю.

Такое необыкновенно великолѣпнѣе было празднѣе, данный въ честь императрицы Шлихтенбургъ кадетскимъ корпусомъ, въ 1775 году, по случаю мира съ Портою, заключеннаго въ этомъ году. Описание этого аллегорическаго празднества мы беремъ изъ рѣдкаго периодическаго изданія того времени «Journal de littérature et choix de musique», выходившаго въ 1788 году въ Дрезденѣ у герцога; вотъ переводъ описанія:

«Одинъ только рассказъ объ этомъ чудесномъ празднѣе уже даетъ возможность върять въ великолѣпнѣе публичныхъ игръ, устраиваемыхъ древними греками и римлянами; но, взглянувъ въ это описаніе волшебства, которое мы сейчасъ представимъ читателямъ, остается только изумиться блестящему воображенію устроителя празднества. Каковы же были эффектъ при выполненіи всѣхъ его предначертаній!..»¹⁾

«Вѣдь, какъ и въ Россіи, для исполненія подобнаго празднества можно найти декораторовъ, архитекторовъ, музыкантовъ, актеровъ, машинистовъ; но что является въ этомъ случаѣ единственной принадлежностью Петербурга, это 700 молодыхъ дворянъ, обученныхъ декламации, искусству пѣванія, верховой ѣзды, единоборства и прочимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, введеннымъ у древнихъ народовъ. Эти молодые люди и были главными исполнителями празднества; къ нимъ присоединили еще 300 другихъ лицъ, что составило вмѣстѣ 1,000 человекъ, которыми г. Поппе и воспользовался съ рѣдкимъ умѣньемъ.

«Передъ площадью, болѣе обширной, нежели Тюльерійскій садъ, было, по плану г. Поппе, выстроено вокругъ центральнаго пункта амфитеатръ, настолько удобный, что всѣ зрители, въ количествѣ 1,200 человекъ, могли, не оборачиваясь и не двигаясь, видѣть все, что происходило во всѣхъ концахъ этой обширной окружности. Центральнымъ пунктомъ, по сторонамъ котораго воздвигалось это строеніе, являлась триумфальная колонна, въ 50 футовъ вышины, украшенная сверху статуей богини Славы, окруженной знаменами и знаками, отнятыми у турекъ. Богиня, при звукѣ трубы, давала сигналъ къ началу упражненій, предписанныхъ актерамъ и статистамъ. Къ амфитеатру вели четыре аллеи, обнесенныя перестроенными изъ зелени, въ промежуткахъ которой, на извѣстномъ раз-

¹⁾ О г. Поппе, главный изобрѣтатель этого празднества, руководившій и его исполненіемъ, г. Поппе, бывший директоръ общественныхъ удовольствій въ с.-петербургскомъ Шлихтенбургскомъ кадетскомъ корпусѣ, въ настоящее время состоитъ на службѣ его свѣтлости палатника герцога дрезденскаго, въ качествѣ директора французской школы мажорантовъ, танцовщиковъ, комедіантовъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить въ № 1-мъ нашего журнала; отъ него-то мы и получили планъ празднества.
Примѣч. «Journal de littérature».

стояннѣ, были поставлены статуи и вазы, наполненныя апельсинами и другими фруктами. Аллеи эти освѣщались гирляндами разноцвѣтныхъ огней. Амфитеатръ, видимо, подавлялъ своимъ величьемъ повернутыя около него аллегорическія фигуры «Живой политики», «Моры», «Пожара» и «Возмущенія», изображенныя въ страдальческихъ позахъ.

«Зрѣлище (или, вѣрнѣе, четыре отдѣленія зрѣлища), устроенное для развѣтленія въ теченіе іюня мѣсяца, начиналось въ полночь, подъ свѣдомъ нѣба, бывшаго въ то время, по счастью, чистѣйшаго лазореваго цвѣта и покрытаго звѣздами. Взоръ зрителя не отвлекался по сторонамъ, благодаря устройству амфитеатра, позволявшаго видѣть только то, что было передъ глазами.

«1-е аллегорическое зрѣлище»¹⁾.

«При звукахъ трубы, воздвигенныхъ богиней славы, представлялась среди выполненныхъ артистическаго украшеній, обширная арена, изображавшая остатки разваливъ храма; вокругъ нихъ—поврежденныя колонны, вазы и подножія занимали сцену. Одна только статуя находилась на своемъ пьедесталѣ,—это «эмблема любви къ отечеству». Въ глубинѣ театра возвышались горы, покрытыя деревьями, колеблемыя вѣтромъ.

«Аполлонъ, осужденный стеречь стадо Адмета, улаживаетъ скуку своего новаго положенія, оказывая всевозможныя благодѣянія. Сосѣдніе пастухи, наученные его примѣромъ, живутъ счастливо и безблужно подъ сѣнью мира. Ихъ невинныя сердца, тронутыя благодѣяніями Аполлона, воздаютъ ему почтеніе, тѣмъ менѣе льстивое, что они не подражаютъ его божественнаго проношенія. Пастуха Сильвія, украшенная всеми дарами природы, возбуждаетъ въ Аполлонѣ живѣйшую страсть, отвѣчая ему взаимною любовью. Любовники уже готовы увѣнчать свои стремленія предъ алтаремъ любви къ отечеству, какъ вдругъ, въ самый моментъ торжества, они видятъ себя разлученными живою политикою, которая, завидуя ихъ счастію, вооружила противъ нихъ всѣхъ фурій ада. Вдругъ статуя «любви къ отечеству» оживаетъ и, ставъ во главѣ витязей благодарности, беретъ на себя защиту любовниковъ; она побѣждаетъ чудовищей и приковываетъ ихъ къ колоннамъ храма. Эту минуту богиня судьбы находитъ удобнымъ, чтобы возвратитъ Аполлону его божественное начало: счастье бога искусствъ оказывается совершеннымъ,—тѣмъ болѣе, что въ Сильвіи онъ узнаетъ богиню благополучія,

¹⁾ Въ этомъ аллегорическомъ зрѣлищѣ, равно какъ и въ трехъ слѣдующихъ, г. Поппе, для довершенія очарованія, введенъ, во время таинственныхъ моментовъ дѣйствія, звукъ отрывки изъ оперъ гг. Глюка, Филлидора, Пиччини, Моцарта, Флоса и Гудольфа; отрывки эти исполнялись оркестромъ изъ ста музыкантовъ.

Примѣч. «Jour. de littér.»

которая удерживалась под видом наступки, чтобы разделить участь любимого своего, съ которыми она и соединится навсегда. Между тѣмъ, театръ украшается иллюминированными транспарантами; колонны, вазы, pedestals и другіе остатки храма благополучія внезапно поднимаются, занимаютъ старые мѣста и образуютъ триумфальную колоннообразную галерею, укрепленную трофеями. Горы песчинокъ и замѣняются триумфальной аркой, образующеюся при звукахъ марша, въ продолженіе котораго группы рыцарей, въ торжественныхъ колесницахъ, увлекаютъ за собой въ своемъ шествіи живую политику и законныхъ въ цѣли фигуръ. Съ одной стороны виденъ корабль, ведомый тритонами; это—новый памятникъ славы, воздвигнутый въ честь богини благополучія. Богини вмѣстѣ съ Аполлономъ замыкаютъ шествіе. Она садится на колесницу, едущую въ видѣ плута и запряженную четырьмя бѣлыми быками, руководимыми «любовью къ отечеству». Этотъ блестящій кортежъ окруженъ 400 рыцарей, сидящихъ на поддѣльныхъ лошадяхъ, удивлявшихъ зрителей правдою и точностью ихъ движеній.

Этимъ съ этою оканчивался соединеніемъ обоихъ любовниковъ у алтаря «любови къ отечеству», помѣщенному подъ триумфальной аркой. Праздникъ счастливое событіе, большинство рыцарей исполнило воинственные танцы при многократныхъ возгласахъ витязей благодарности; въ репертуарѣ ихъ игръ, въ виду всѣхъ появился двуглавый орелъ, спускавшійся надъ аркой съ августѣйшимъ вензелемъ Екатерины II, окруженный перьевыми листьями и гирляндами, которые и образовывали вокругъ триумфальной арки пѣвотворный родъ балдахина¹⁾.

«2-е аллегорическое зрѣлище.»

При звукахъ трубы «Славы», амфитеатръ съ 1,200 зрителей, повернулся вокругъ своего центра и направилъ взоры зрителей на новую арену, на которой изображался балетъ-пантомима слѣдующаго содержанія, сходяго на аллегорическомъ смыслѣ съ военнаго его императорскаго величества великаго князя, его женитьбой и учрежденіемъ новыхъ губерній, соединенныхъ мудрыми предначертаніями Екатерины II.

Театръ представлялъ храмъ бога искусствъ, въ которомъ находилось нѣсколько статуй, приведенныхъ въ уныніе и обезсилешию склонившихся

¹⁾ Благополучію императрицы Екатерины II, оказываемая подданными ей народомъ, со дня ея вступленія на тронъ, и составляютъ главное основаніе сюжета этой аллегоріи. Войны, мря, пожары и наводненія, разорившія ей имперію, прекратили на время благополучія, которыми она всегда надѣлала иностранцевъ, равно такъ и прекратилъ вѣденье, оказываемое ею иностранцамъ; авторъ дѣлаетъ здѣсь намекъ на въ эти случаи и провозглашаетъ возвращеніе благоденствія для иностранныхъ искусствъ и общаго благополучія.

передъ своими начатыми содѣйствіями, представлявшими рядъ аллегорическихъ фигуръ, извлеченныхъ гениями изъ глыбъ мрамора.

«Богиня благополучія, которую несчастія разлучили съ ея дѣлами, питомцами Аполлона, находитъ, по своему возвращеніи, гения заслуги (аллегорическій намекъ на его свѣтельство князя Панина, воспитателя великаго князя), который, какъ новый Нималоупъ, оказывается плененнымъ въ свое произведеніе. При видѣ богини вдохновеніе артиста въ немъ пробуждается; онъ показываетъ богинѣ свою работу: изображеніе гениевъ правды и добродѣтели, находящихся въ объятіяхъ другъ друга и изданныхъ славнымъ скульпторомъ изъ лучшаго парискаго мрамора. Гений заслуги высказываетъ богинѣ желаніе видѣть оживленнымъ свое произведеніе. Богиня благополучія, взявъ лиру у Аполлона и вдохновеніемъ тремя граціями, даетъ жизнь произведенію гения заслуги. Слѣдуя примѣру богини, Аполлонъ оживляетъ всѣ статуи, наполняющія театръ. Эти новые питомцы богини благополучія окружаютъ ее; Аполлонъ и граціи образуютъ картину благодарности; они держатъ въ рукахъ знамена съ изображеніемъ на каждомъ герба какой нибудь губерніи. Тогда храмъ Аполлона превращается въ великолѣпный транспарантный садъ, украшенный каскадами и фонтанами; показывается богини изобилія, дочь богини благополучія, сопровождаемая 24 гениями, которые обогатяютъ своимъ даромъ алтарь богини.

«3-е зрѣлище.»

Упоительное забвеніе зрителей прервалось опять сигналомъ, даннымъ богиней славы, вслѣдствіе котораго амфитеатръ вновь обернулся около своего центра къ третьей сценѣ. Тамъ было изображено Марсово поле въ видѣ цирка; арена, длиною въ 700 футовъ, оканчивалась тропомъ въ китайскомъ вкусѣ, на которомъ помѣщалась богиня благополучія съ двумя питомцами заслуги по бокамъ и окруженная толпой мандариновъ, бояръ и т. п.

Игры, служившія основаніемъ этому новому зрѣлищу, представляли повтореніе тѣхъ упражненій, которыя входили въ программу воспитанія кадетовъ корпуса и которыя были введены въ это заведеніе г. Поневъ.

Сцена освѣщалась 200 хрустальными люстрами, съ 25 свѣчами въ каждой. Циркъ былъ украшенъ, съ правой и лѣвой стороны, арками, между которыми на скамьяхъ помѣщались витязи благодарности, принимавшіе участіе въ первомъ зрѣлищѣ. Посреди цирка питомцы благополучія занимались всевозможными упражненіями, сгруппированными такимъ образомъ, что всѣ зрители въ одно и то же время наслаждались ихъ лицеарніемъ.

Одинъ изъ нихъ старался перескочить черезъ ровъ, въ 15 и 20 футовъ ширины; другіе молодые люди вступали въ единоборство или состязались въ фехтованіи; нѣкоторые бросались одѣтые въ прудъ, стре-

мясь и бороться первыми на скользких мачтах, водвинутыя среди пруда; и они сварились оттуда, псы в руках стрелы, пущенные их товарищами в чучела птиц, прикрепленных къ мачтамъ, высотой въ 60 футовъ.

И гимнастическое состязаніе сопровождалось каруселью, во время которой беснующиися гарфокли на настоящихъ лошадиныхъ старикахъ выхватывали благодарственный взглядъ или рукопожатіи ихъ благодѣлательницы.

«Примечательна» казалась и раздача наградъ, которыя были розданы получившимъ ихъ самой богиней, выступавшей вперёдъ съ своимъ кортежемъ при звукахъ цимбаловъ. Любовь къ отечеству и богъ искусства сопровождали это блестящее шествіе, идя въ главѣ гонимъ заслуги и воспитанности, удостоенныхъ награды.

«4-е аллегорическое зрѣлище.

Радостные возгласы были прерваны звукомъ трубы богини славы, по знаку которой амфитеатръ въ послѣдній разъ обернулся къ новой сторонѣ зрѣлища, долженствовавшего достойнымъ образомъ увѣщивать этотъ земной праздникъ.

Тутъ представлялъ храмъ Януса, смежный съ храмомъ Моды. Въ немъ была представлена небольшая лирическая комедія, сочиненія г. Понза, подъ названіемъ: «Мода, личина коей сорвана гонимъ любви къ отечеству». 24-хлѣтнее пребываніе автора въ Россіи дало ему возможность изучить эту страну и передать ей дворинству нѣсколько полезныхъ идей, могущихъ произвести добрыя послѣдствія.

Посмерти императрицы Елисаветы, финансовое положеніе государства было въ больномъ безпорядкѣ. Любовь къ роскоши и страсть къ игрѣ вошли въ обычай у знатнѣйшихъ семействъ имперіи, всегда готовыхъ подражать примѣру двора. Императрица Екатерина II, по восшествіи своемъ на престолъ, рѣшилась зашить искорененіемъ этихъ злоупотребленій; но чтобы вѣрнѣе отъ нихъ избавиться, надо было найти способъ искусно на нихъ подѣйствовать. Тогда-то и родилась идея устроить знаменитый аллегорическій и сатирический маскарадъ, подъ названіемъ: «Извращенный міръ», составленіе программы котораго было поручено г. Понзу. Тамъ можно было видѣть колесницы, запряженные ослами, волами, свиньями, сопровождаемыя обезьянами, и болѣе 1,000 лицъ, представленныхъ въ смѣшномъ видѣ: судей, переодѣтыхъ лисицами, офицеровъ — урками, купцовъ — цыганскими и, наконецъ, воронъ и коршуновъ, разряженныхъ въ накинновыя перья и т. п.

А исторія эта являлась въ смѣшномъ мягкомъ видѣ, чтобы раскрыть глаза русскому дворинству относительно его смѣшной страсти къ модѣ и другимъ порокамъ; безпорядочность оставалась попрежнему, не смотря на повѣданныя усилія императрицы вырвать съ корнемъ обычай, могущіе

послужить къ разстройству націи. Славная повелительница поставила, наконецъ, себѣ за правило — удостоивать своей благодарностью только лицъ, заслужившихъ это, и устранять отъ дѣлъ и занятій восточныхъ престоловъ тѣхъ лицъ благороднаго сословія, которыя были жадными прѣлками прежней придворной жизни¹⁾. Правило это послужило основаніемъ комедіи «Мода, личина коей сорвана любовью къ отечеству». Вотъ ея фабула:

«Меркурій, завидуя могуществу благополучія и не имѣя возможности помѣнять счастію Аполлона, у котораго онъ успѣлъ только съ помощью бога Момуса похитить лиру, рѣшается, изъ жадной мести, развѣстать права подданныхъ благополучія. Мода, будучи предметомъ ихъ поклоненія, является въ самомъ пріятливомъ видѣ. Ее несутъ на богатомъ паланкинѣ, вѣтомъ ею въ долгу и никогда не оплаченномъ; въдова ея украшена самыми пахучими цвѣтами; она шествуетъ въ сопровожденіи Момуса, превратившагося въ ея управляющаго, жадующаго се же развѣрить, насмѣхающаго адвоката, картежника — офицера, живаго ухажера, лихомѣнца и взяточника — таможенника; этотъ кортежъ замыкаютъ эмигранты и аптекари, представляющіе все вмѣстѣ поклонниковъ моды, приобретающихъ ею во владѣніяхъ благополучія.

«Является богъ любви къ отечеству, держа въ рукахъ зеркало истины. Онъ подходит къ питомцамъ благополучія, ослѣвленнымъ модою. Взвѣтивъ имъ зрѣніе, онъ разбиваетъ аптекарскіе сосуды и извлекаетъ изъ нихъ огни оливковаго цвѣта, отражающіеся на лицахъ поклонниковъ моды. Онъ пользуется этимъ моментомъ и представляетъ имъ зеркало истины. Устыдясь видѣть себя въ непривлекательномъ и смѣшномъ видѣ, они отрекаются отъ своего заблужденія и при радостныхъ восклицаніяхъ надеются наверхъ модой и ея единомышленниками, которые со стыдомъ удаляются, видя себя уличенными въ глубинѣ въ то время, когда надѣялись быть повелителями. «Любовь къ отечеству» освобождаетъ изъ цѣпей лицъ, возвращенныхъ имъ къ истинѣ, и предлагаетъ одной изъ особъ собранія основной конецъ гирлянды, служившей имъ цѣлью. Вдругъ внезапно, по искусному знаку, непостижимому даже для особы, живившей за гирляндою, глубина театра воспламеняется и обра-

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого самоубійства, что натрали оконечности пальцевъ кезовъ для пріобрѣтенія болѣе вѣрнаго ощущенія во время игры въ карты; другіе же изъ боязни карты, предпринятой противъ себя игрою, не смѣли пріобрѣсти къ себѣ въ карты, придумали способъ держать пари на выигрышъ отъ этихъ отвратительныхъ пафкомовъ, даже названія которыхъ употребляли въ нашихъ странахъ. Столъ закрывался печальною равниною для этихъ блуждающихъ въ повои рѣдѣ; игла, вбитая въ середину стола являлась достойнымъ барьеромъ въ ихъ соперствіи. Одинъ молодой русскій умѣлъ такъ искусно приготовить подобная игла, успавшия поводомъ, что изъ множества банкотъ, которыя вкладывались по этому поводу, дѣлъ артистъ выигралъ выигралъ на его долю.

звезды фейерверк изъ китайскихъ огней, изображающій «Разрушенный храмъ моды» — Этотъ фейерверкъ освѣщаетъ мѣсто для статуи Петра I, изображеннаго въ видѣ Конфуція, какъ законодателя имперіи. Это — новый памятникъ, воздвигнутый «любовью къ отечеству» въ честь «благополучія».

«Въ то время, какъ болѣе четверти часа продолжался фейерверкъ, «любви къ отечеству» и ея новыя сподвижники пригласили собраніе сойтись съ амфитеатра и повели зрителей, какъ бы желая дать имъ возможность ознакомиться, подъ сводами, иллюминационные разноцвѣтными огнями. Когда зрители были приведены къ концу этой темной аллеи, богъ вручилъ ключъ фельдмаршалу князю Голицыну. Тотъ отперъ дверь, и собраніе пошло въ ротонду, раздѣленную на 12 залъ, представившихъ 12 знаковъ зодіака. Тамъ находились столы, покрытые рѣдкими лѣтками, фонтаны и мозаики, бившіе прохладительными ваннами. Но что представляло изъ главнымъ случаемъ верхъ иллюмін, такъ это — новыя триумфальная арка, воздвигнутая надъ ротондой въ формѣ галереи, гдѣ можно было видѣть всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ исполненіи праздника.

«Въ это время музыка пригласила желающихъ къ танцамъ; и въ теченіе двухъ дней, какъ продолжалось вышеописанное зрѣлище, собраніе не расходилось раньше зори.

«Въ предѣлахъ находятся нѣкоторыя подробности, упущенныя нами; и, съ небольшою помощью воображенія, читатель можетъ себя представить все волюнтарно картинъ, только что описанныхъ нами».

Последній изъ каруселей на открытомъ воздухѣ былъ данъ при Александрѣ I въ Москвѣ, на обширной равнинѣ, противъ Александринскаго дворца и сада (Нескучнаго¹⁾): здѣсь былъ выстроенъ огромный амфитеатръ съ галереями и ложами для пяти тысячъ человекъ, въ окружности до 350 саженой. Въ назначенные дни, зрители, почти изъ однихъ дворянъ, по билетамъ, занимали амфитеатръ; а кругомъ его стеченіе народа было до 30,000 человекъ. По первому сигналу главные ворота въ циркъ отворялись и рыцарскія кадрили, каждая съ особенною своею музыкою, выѣзжали изъ ближайшаго дворца, и въ виду народа, восхищавшагося такими необычайнымъ зрѣлищемъ, приближались къ воротамъ. Всѣ рыцари, составившіе кадрили, были верхами на лошадахъ рѣдкой красоты, съ богатыми чепраками. Одежда ихъ поражала зрителей своимъ вкусомъ и великолѣпствомъ. Почти на всѣхъ блистали драгоценныя камни. Проѣхавши нѣсколько разъ кругомъ ложъ и галерей, рыцари производили свои турниры съ конемъ, на всемъ быстрѣйшемъ скаку копытами попадали въ щѣлы и повѣшенные небольшія кольца. Много было и другихъ эволюцій, сферируемыхъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ этомъ особенно отличались: Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій и Алексѣй Ми-

хайловичъ Пушкинъ. При кадрили Всеволожскаго былъ хоръ музыкантовъ, едка ли не первый тогда въ Россіи. Его сравнивали даже съ оркестромъ князя Эстергази, въ Вѣнѣ, гдѣ былъ Гайднъ капельмейстеромъ. Хоромъ Всеволожскаго управлять извѣстный въ то время Мауреръ. Правила карусели были заимствованы изъ историческихъ свѣдѣній времени Людовика XIV. При немъ, какъ извѣстно, карусели были любимымъ занятіемъ великаго дворняга. Въ нихъ участвовали и самъ король, по разамъ всѣхъ своимъ искусствомъ и богатствомъ наряда.

Устройство московской карусели произведено съ высочайшаго соизволенія генералемъ-отъ-кавалеріи Ст. Ст. Анракинымъ, обь устройствѣ которой и правилахъ первый подать мысль оны самъ; жена его, Екатерина Владиміровна, была избрана для раздачи отличившимся рыцарямъ приличныхъ призовъ, при звукѣ трубъ и литавръ.

Рыцари подѣлывали къ ложѣ г-жи Анракиной, салатовали своими коньями и получали изъ рукъ ея назначенные призы.

При императрицѣ Екатеринѣ II каждую пятницу при дворѣ бывали маскарады, на которые допускались всѣ, кто имѣлъ право носить шинягу; впрочемъ, кучеству отводилась «особая зала», но она имѣла сообщеніе съ дворняской, и не запрещалось кучамъ ходить по другимъ комнатамъ.

Отъ двора къ каждому маскараду раздавалось до четырехъ тысячъ билетовъ; въ 6-ть часовъ пополудни публика начинала съѣзжаться; сама императрица имѣла обыкновеніе туда приходить въ седьмомъ часу и, поговоривъ съ нѣкоторыми вельможами, садилась за карты; въ девятомъ часу она обыкновенно удалялась во внутренніе покои. Во второмъ часу ночи маскарадъ кончался. Во время маскарадовъ публикѣ разносились разные напитки, закуски, конфекты и пр.

Особенно большою непринужденностью пользовались маскарады въ Царскомъ Селѣ. Это случалось болѣе зимою; здѣсь давался особенный родъ маскарадовъ, въ которыхъ мужчины наряжались въ женское платье, а дамы — въ мужское. Узкій мужской костюмъ отлично обрисовывалъ красивыя женскія формы, дѣвственная скромность печекла подъ свободными пріемами мужчины, и, наоборотъ, прямой мужской станъ отлично приходился къ мадаману и роброну. На такихъ маскарадахъ необыкновенно красиво были въ женскомъ нарядѣ извѣстный приближенный Екатерины II Гр. Гр. Орловъ¹⁾.

Весьма оживленные и веселые также маскарады давались въ Орми-такѣ, которые носили названіе «Сюриризы»: собирались придворныя, по-

¹⁾ Въ 1742 году вышелъ указъ, какъ ѣздить въ маскарады: «въ хорошихъ, а не въ грубыхъ платьяхъ — т. е. въ шелкахъ, подшубкахъ и кокошникахъ»; не чиновникамъ запрещено было носить шелковую подкладку; только первые 5 классовъ могли носить кружева. Знать приглашалась имѣть побольше лакеевъ: 1-й и 2-й классы должны были имѣть отъ 8-ми до 12-ти лакеевъ, по 2-4 скорохода, по пажу и по два егеря. Лица 4-го класса должны были имѣть по четыре лакея у кареты и т. д.

¹⁾ Описание карусели въ «Московскхъ Вѣдомостяхъ» 1811 года.

добудут к театру, видятъ двери закрытыми, съ надписью на нихъ: «повернуть направо» и направо, мужчинамъ направо. Тамъ гости находили платье двухъ цвѣтовъ—пунцового и бѣлаго цвѣта, и вмѣсто ожидаемаго спектакля шла въ маскарадъ. Иногда придворные получали весьма странные костюмы: ихъ наряжали: кого вътрюбою мельницею; кого башнею, хитриною, косо кунцомъ, сиреемъ, молочницею; гости, встрѣчаясь, другъ друга не узнавали. Однажды всѣ явились на ужинъ и заняли мѣста, слуги съелись, но резервные блюда оказались пустыми. Императрица встала съ неудовольствіемъ, гофмаршалъ былъ нѣмъ отъ испуга и оплошности кухви. Императрица обратилась къ великому князю Александру Павловичу и сказала:

— Тамъ мы пойдёмъ къ тебѣ, я ѣсть хочу.

— У васъ, отвѣчалъ великій князь,—принятоены куншаня только для нашего малого двора, мы врядъ ли можемъ угостить все общество!

— Нѣтъ нужды, проговорила императрица:—мы раздѣлимъ по куску.

Все общество отпиранилось и нашло роскошный ужинъ, съ великодушными и щедрыми блюдами.

Во время шведской войны, въ день придворнаго маскарада, было получено неприятное извѣстіе, и, чтобы не прервать вечера и скрыть несчастіе отъ публики, императрица посылаетъ за графомъ Строгановымъ.

— Я уверена, говоритъ она:—что ты исполнишь, что я тебѣ прикажу.

— Съ сердцемъ, государыня.—Что прикажете?

— Садитесь же, подавайте поскорѣе.

Приносятъ женское платье, сублираютъ ему голову; графъ не понимаетъ, что былъ это значило.

— Идите въ маскарадъ, говоритъ императрица:—дай руку моему князю, сохрани мою походку и представь мою особу.

Графъ повиновался и рассказывалъ по маскараду величавою дамою, и всѣ признали его за царицу!

Но обшлагою прелестно въ то время были для нашихъ вельможъ такъ называемые вольные дома съ маскарадами; ихъ посѣщали какъ всѣ знатные обою пола, такъ и вся простая публика, маскированная и безъ масокъ. По словамъ Энгельгардта, императрица очень часто, инокшито замаскировавшись, въ сопровожденіи А. Д. Манского, статсъ-дамы графини Враницкой и камеръ-фрейлины Протасовой посѣщала вольные маскарады. На послѣдніе прѣзжала она въ чужой каретѣ и вслѣдствіе стала скрывать себя; но полиція всегда узнавала государыню и ея свиту. Многіе не догадывались, или съ намѣреніемъ шутили, прѣзжали перѣею. Государыню это очень забавляло и смѣшило; иногда ей очень доставалось отъ тѣсноты. Навелъ Сумароковъ рассказывалъ: «однажды императрица усѣлась подлѣ знакомой г-жи Д—ской, которую очень жаловала и донескала къ себѣ въ кабинетъ; государыня, перемѣнивъ госуд., вступила съ ней въ разговоры и долго ее интриговала. По-

слѣдствіи, створяя отъ любопытства, желала узнать, кто ее интригуешь, и кого ни называетъ, все получала отрицательный знакъ головою. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, срываетъ маску съ императрицы и, поразительная открытіемъ, сильно смутилась и оробѣла. Императрица тоже не менѣе была удивлена дерзкимъ поступкомъ.

— Что вы сдѣлали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили прѣдъ бланшристойности! проговорила государыня; затѣмъ встала и тотчасъ же ушла изъ маскарада. Смѣлая дама навѣкъ потеряла благоволеніе императрицы.

Не касаясь описанія тѣхъ торжествъ, что давали въ своемъ Таврическомъ дворцѣ князь Потемкинъ. Одинъ послѣдній праздникъ, устроенный имъ, походилъ на воссозданіе сказокъ тысячи одной ночи: одного воска, въ свѣчахъ и свѣчкахъ, сожжено было на 70,000 руб., такъ что воска, бывающаго въ Петербургѣ, не достало, и за нимъ по почте посылали въ Москву. На этомъ праздникѣ, по описанію, танцевало двадцать четыре пары изъ знатнѣйшихъ фамилій, въ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которые въ итогѣ стоили десять милліоновъ рублей. Самъ Потемкинъ имѣлъ на головѣ шляпу, которую, по тяжести отъ брилліантовъ, не могъ надѣть, и ее носилъ за нимъ въ рукахъ одинъ изъ его адъютантовъ.

Не смотря на такіа роскошныя частыя празднества, тогдашнее высшее общество очень любило «вольные дома»; здѣсь оно освобождалось отъ оковъ этикета и вполне предавалось веселости и шалости, конечно, не выходя изъ предѣловъ приличія.

Грибовскій въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ про канцлера графа Безбородко, что онъ былъ большой охотникъ тамъ проводить свое время и почти ежедневно, по выгдѣ изъ дворца послѣ доклада императрицѣ, надѣвалъ простой сюртукъ и такую же шляпу, пускался въ такіе дома, въ общество прелестницъ, которыхъ покидалъ только тогда, когда видѣлъ подобнаго себѣ гостя. Грибовскій говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ то время подавали другиму примѣръ къ вольной жизни.

Лучшіе маскарады и вечера такого сорта въ то время бывали на Мойскѣ, какъ мы выше уже говорили, въ увеселительномъ саду Нарышкина.

Основателемъ ихъ былъ извѣстный поддиректоръ императорскихъ театровъ, баронъ Книжурка. Здѣсь каждую среду и въ воскресенье давались праздники и маскарады съ танцами, съ платою по рублю съ persons. Вечера начинались съ весьма часонъ вечера. Посѣтители могли приходиться въ маскахъ и безъ маски. Въ залѣ для танцевъ играло два оркестра музыки: роговой и большой. На открытостъ театрѣ давали пантомимы и сожигали фейерверки. Иногда здѣсь шли и большія представленія, какъ, на примѣръ, «Канитана Кука совместно на островъ, съ сраженіемъ, поставленнымъ фехтмейстеромъ Мире», или «Новый годъ

индифферентны, народными пляски и т. д. При этих представлениях публики платила два рубля. Здесь показывали свое искусство «путешествующие актеры и мастера разных физических, механических и других искусств», музыканты на органах и лютнях, искусники разных театров, гимнасты, сильные люди, великаны, мастера верховой езды, люди с остроконечными и другими редкими зобами, искусными лошадьми, художники потанничьих ошейников и т. д.

Затем еще публичные маскарады устраивали в большом каменном театре мариинск. Домьеры и танцовщицы Ганцолес. Последние о днях маскарадов извещали публику афишами; приводим одну из таких афиш: «Мариинск. Домьеры и танцовщицы Ганцолес, уведомляя пощепу публику, что первый их маскарад будет октября 14-го дня, просит патристичные удостоить оный своимъ благосклоннымъ посещениемъ. Начало будетъ въ 6 часовъ, за билеты платить по 1 рублю; паркетъ подниметъ паровикъ съ театромъ, такъ что будетъ одна прѣстранная китайская зала, убранная и освещенная великолѣпнѣйшимъ образомъ, по сторонамъ которой будутъ разные покои, какъ-то: залы для контраданцевъ, горница для играния въ карты, иные для паншюковъ, другіе—со столами, для ужина, иные—съ лавками для продажи маскарадныхъ платьевъ, масокъ, перчатокъ и прочихъ галантерейныхъ вещей. Если кто пожелаетъ имѣть особенный ужинъ, то можетъ оный заказать у Надервилья, содержателя французскаго трактира «Парижъ», заблаговременно».

Танцы в этих публичныхъ маскарадахъ начинались «польскимъ открытымъ» (какъ говаривали); за польскимъ слѣдовали: «очаковская» кадрили, полька-басъ, чудный веселостью контраданецъ, съ превычурными фигурами. Для выучки этихъ танцевъ требовались тогдашніе профессора французскихъ выправокъ и балансеовъ, разные гг. Сабюли, Бюссели, Парадизъ, Морели. Долге въ нашихъ танцахъ слѣдовали кадрили французскія, тонныя балеты, минуэты à la Reine, по правиламъ танцевальнаго искусства, которыхъ раньше не начинали, какъ послѣ трехъ церемоній: поклоновъ дамамъ; во время же танцевъ едва касались пальцами и пальцевъ, а когда оканчивали, то изъявляли свою благодарность, держа ей руку. Затемъ слѣдовали простые польскіе, горлицы, аллеманды и круглый польскій, съ эластическимъ распаркиваниемъ, съ премудрыми выгибами ногъ, присѣданиями, поклонами и проч. Въ концѣ концовъ кадрили, но обыкновенно, заключались «Метелицею» или «Татьяновою»; здесь уже пары выстунали особенныя, выраженные русскими молодежниками и молодежницами. Это, впрочемъ, не были простые смертные, а часто титулованныя особы, ученики и ученицы извѣстнаго въ свое время русскаго Вестриса, танцора Бублика.

Въ послѣднихъ годахъ императорскаго столѣтія, въ Петербургѣ маскарады ставились у Фельета. Здесь, на мѣстѣ императорскаго зданія Главнаго штаба, стоялъ прекрасный полукругомъ великолѣпный домъ графа Кушелева;

въ этомъ домѣ были театры съ роскошными комнатами. Это были палатки въ миниатюрѣ; лучшее петербургское общество здесь танцевало и проводило время; рестораторомъ здесь былъ французъ Тардина, цѣна у него на вино и кушанья была весьма дешева. Такъ, за бутылку краснаго вина платили тридцать копѣекъ и за жаренаго рыбчика двадцать копѣекъ. Въ этомъ же домѣ были лучшіе иностранные магазинныя столѣцы.

Не менѣе превосходныя маскарады въ Екатерининское время давались въ роскошномъ домѣ, на углу Невскаго и Екатерининскаго каналовъ, въ домѣ, теперь принадлежащемъ Учетному банку.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, придворныя маскарады въ Зимнемъ дворцѣ составили тоже эпоху. Больше тридцати тысячъ билетовъ раздавалось желающимъ быть въ этомъ маскарадѣ. Но разнобразіе костюмовъ и многочисленности посѣтителей маскарада подобаю не было. Съ восьми часовъ вечера безконечный рядъ великолѣпныхъ комнатъ дворца открывался и въ какой нибудь часъ времени наполнялся нестрою толпою. Черкасы, грузины, армяне, татары въ національныхъ костюмахъ, толпа кунцовъ съ окладистыми бородами, въ длинноволыхъ сибиряхъ и въ круглыхъ шляпахъ, съ женами и дочерьми въ парчевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, въ жемчугахъ и брилліантахъ, офицеры, иностранныя посольства, въ парадныхъ мундирахъ, и присутствие монарха съ августѣйшей фамиліею и дворомъ.— все это дѣлало такой маскарадъ вполне торжественнымъ. Государь являлся всегда привѣтливымъ, внимательнымъ и удостоивалъ некоторыхъ посѣтителей разговоромъ и вниманіемъ.

Во время маскарада раздавался желающимъ чай, медъ и разные лакомства. Въ маскарадахъ этихъ царствовать необыкновенный порядокъ, сохранялся оный безъ содѣйствія полиціи, которая сюда не допускалась.

Въ тридцатыхъ годахъ имѣла большой успѣхъ въ императорскомъ обществѣ маскарадная затѣя слѣдующаго содержания. Несколько молодыхъ людей разучивали одно изъ дѣйствій комедіи «Горе отъ ума», преимущественно третій актъ, и въ костюмахъ и маскахъ разыгрывали его вроду въ каретахъ, съ шестью или семью музыкантами, и, останавливаясь передъ освѣщенными окнами своихъ хорошихъ знакомыхъ, посылали хозяевамъ визитныя карточки съ надписью: 3-е дѣйствіе «Горе отъ ума». Молодыхъ людей приглашали войти; замаскированные являлись съ своимъ оркестромъ, разыгрывали актъ и оканчивали вечеръ веселыми танцами.

Въ сороковыхъ годахъ блестящіе маскарады давались въ дворницкомъ собраніи и въ Большомъ театрѣ; такіе бывали ежегодно на масленицѣ и раннею весною. Сюда относится такъ называемый маскарадъ—томболо.

Въ послѣднее, въ часъ ночи, на особой эстрадѣ, при звукахъ трубъ

жизни были разными галантейными венци. Этимъ маскарадомъ окончилась осень баловъ и маскарадныя собранія петербургской публички. Къ вышесказанному мы находимъ необходимымъ присовокупить, что первыя маскарады въ Россіи введены императоромъ Петромъ Великимъ по случаю мира со шведами, въ 1721 году; они продолжались тогда три дня съ днёмъ сряду. Въ снытѣ свиточныхъ игръ и переодѣваній, маскарады были еще извѣстны при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Маскарады въ Европѣ появились въ обихъ въ 1540 году; ученикъ Микель-Анджело, Грассини, устроилъ первый такой торжественный маскарадъ въ честь Павла Медича. Слово «маскарадъ» заимствовано съ арабскаго «мушкаръ», что въ переводѣ значитъ «шутка».

Полубарскія затѣи.

Въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія въ нашемъ дворянскомъ быту театръ и музыка получили широкое развитіе; наши бары тогда сосредоточили особенное вниманіе на сценическихъ представленіяхъ; и не было ни одного богатаго помѣщичьяго дома, гдѣ бы не гремѣли оркестры, не пѣли хоры и гдѣ бы не возвышались театральныя подмостки, на которыхъ и приносили посильныя жертвы богинямъ искусства доморощенные артисты. Эти затѣи бары, какъ ни были онѣ иногда смѣшны и неудачны, но все-таки развивали въ крѣпостныхъ людяхъ, обреченныхъ косить въ невѣжествѣ, грамотность и понятія о изящности. Многіе изъ крѣпостныхъ актеровъ впоследствии сдѣлались украшеніемъ отечественной сцены.

Въ Екатерининское время «собственными актерами» славилась большая труппа графа П. В. Шереметева. У него существовало три театра — одинъ въ Москвѣ и два въ подмосковныхъ селахъ: въ Кузьмоихѣ и Останкинѣ. Въ первомъ селѣ была еще устроена воздушная сцена изъ липовыхъ пилятеръ съ большимъ амфитеатромъ. Здѣсь, по большей части, давали балеты и оперы; у графа былъ свой крѣпостной авторъ и переводчикъ пьесъ Василій Вроблевскій¹⁾; на обязанности послѣдняго лежало также составлять разные торжественныя званія, настоinals и т. д.

Въ 1787 году, по повелѣнію Екатерины II въ Кузьмоихѣ, сдѣлали по поводу этого случая даль на своемъ театрѣ оперу съ балетомъ «Самнитскіе браки». Государыня такъ осталась довольна игрою актеровъ и актрисъ, что приказала ихъ представить себѣ и «пожаловала къ рукѣ»²⁾.

¹⁾ См. «Краткое описаніе села Спасскаго, Кузьмоихаго, Москва, 1787 г.

²⁾ См. Ведомствъ: «Дворъ и домашныя люди», стр. 46.

Стороны, главный на этом спектакль, говорить, что балет удивил его не только богатством костюмов, но и искусством танцовщиц и танцовщиков. Наиболее ему показалось странным, что стихотворцы и музыканты, авторы оперы, как и архитекторы, построивший театр, живописцы и писавший декорации, так и актеры и актрисы, — все принадлежало графу и были его кривостные люди.

Спектакли у Шереметева бывали по четвергам и воскресеньям¹⁾; сюда стекалась вся Москва. Хераскович иначе не называл Кускоев, как «новыми Ушнями»; вход для всех был безплатный.

В виду этого обстоятельства, тогдашний содержатель московского частного театра Медокс²⁾ обратился с жалобой къ князю А. А. Прозоровскому на графа, въ которой говорилъ, что онъ платитъ условленную часть своихъ доходовъ воспитательному дому, а графъ отбываетъ у него зрителей. На эту жалобу вотъ что отвѣтилъ Прозоровскій: «Фасадъ вашего театра дурень, нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурныхъ пропорцій; онъ представляетъ скорѣе грудь киринца, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и мимой въ немъ брызгаетъ течь, сквозь худую кровлю вездѣ вѣтеръ хохочетъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и высочайше подтвержденному плану. Внизу нѣтъ свѣтоты, нѣтъ опредѣленныхъ входовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ, въ верхній этажъ лѣзъ одна деревянная лѣстница; въверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случаѣ пожара. Врубомъ театра, вмѣсто положенной для разбѣга улицы, деревянное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно. Декорации и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: зимой нѣтъ резонанса, зимой ея не топятъ, оттого вѣ слышать въ ней шуметь, когда же топятъ — угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть, что два или три старухи³⁾; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно хорошихъ, ни знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ ни капельки слухой и балетмейстеръ хромой. Изъ вашей школы не вышло ни одного пѣвца, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ пьесъ вы неудачны» и т. д.

Медоксъ хотѣлъ выстроить въ Москвѣ новый каменный театръ «Петровский»; архитекторомъ былъ у него Розбергъ; открытъ онъ былъ драгою Мессингою «Странники»; кресла въ немъ стояли по два рубля,

¹⁾ Истинный спектакли у Шереметева окончились въ годъ его смерти, въ 1788 году.

²⁾ Михаилъ Егоръ Медоксъ, родомъ англичанинъ, былъ наивѣстнѣе въ свое время въ Москвѣ и Петербургѣ. Ходилъ всегда въ красномъ плащѣ, — народъ его за это звалъ кардиналомъ.

³⁾ Это старыя актеры были: Померанцевъ, Плавильниковъ, Шустеринъ, Сандуновъ; актрисы: Сандунова, Сивинская, Калиграфова.

а партеръ внизу за креслами 1 рубль мѣдно. Медоксъ этимъ театромъ не удовлетворялся: вездѣ онъ приобрѣлъ на Таганкѣ у вдовскаго ассессора Мисонова домъ, гдѣ устроилъ «театръ». Для открытія вокала В. П. Майковъ сочинилъ оперетту: «Ариэль и Приса», музыка Берцелли. Здѣсь потомъ представили другія оперетты: «Бочаръ»¹⁾, «Два охотника»; въ послѣдней главную роль играли медоксы, затѣмъ здѣсь же имѣло большой успѣхъ «Несчастіе отъ карты». Вокальн. Медокса привлекалъ множество публики — до 5,000 человекъ, входная плата была рубль мѣдно, а съ ужинкомъ 5 рублей. На вокальномъ театрѣ играли молодые артисты небольшія пьесы. Это былъ низменный театръ. Садъ по программѣ увеселеній напоминалъ пышные сады Ариадн и Ливадн.

Декорации прехитрыхъ московскихъ публичныхъ театровъ почти вѣсь были на домашній ладъ; многія изъ нихъ писывали, какъ тогда говорили, «Ефремы, русскіе странъ маляръ». Механическая часть московскаго театра шла также въ такомъ видѣ; въ костюмахъ кривостныхъ актеровъ играли первыя роли: китайка, коломянка и крашенка. Только актеры-аристократы, такіе, какъ Плавильниковъ, Померанцевъ, Шустеринъ, имѣли свой гардеробъ. На Урасова, какъ на занесенаго цезаря, работали лучшіе изъ московскихъ портныхъ — Робертъ. Что же касается до мѣсть въ театрѣ, то они оставались на полной отвѣтственности годовыхъ абонентовъ; послѣдніе были обязаны ложки оклеивать на свой счетъ обоями, освѣщать и убирать, какъ хотѣли. Каждая ложка имѣла свой замокъ, и ключъ хранился у хозяина ложки. Для театраловъ ставились подлѣ оркестра табуреты, гдѣ единственно и сидѣли пристрастные поклонники театровъ. Разсказывали, что Дидеротъ, въ бытность въ Петербургѣ, всегда сидѣлъ въ театрѣ зажмурясь. «Я хочу», говорилъ онъ, «слыться душою съ душами дѣйствующихъ лицъ, а для этого мнѣ глаза не нужны; на нихъ дѣйствуетъ мнѣръ вещественный, а для меня театръ — мнѣръ отвлеченный!»

Въ ряду театровъ вельможъ Екатерининскаго времени отличался своею царскою роскошью при постановкѣ пьесъ театръ графа С. П. Юзужинскаго; у него, въ числѣ кривостныхъ актеровъ, былъ Мих. Матинскій, личность крайне талантливая, съ глубокими познаніями въ наукѣхъ;

¹⁾ Два одноактная оперетта была переведена студентомъ Федоръ Геппемъ. Сюжетъ она въ театре въ В. П. Мисонова, въ 1781 г. Это была вдовскаго ассессора Мисонова. Передъ «Бочаръ» актеръ Окогинъ, тогдашній необходимость московскаго театра. Окогинъ былъ актеръ высокаго роста, съ оченъ комическою физиономіей, въ родѣ покойнаго Живогина. Голова у него была густой башей, довольно широчень, сноватой. При всякомъ выходѣ Окогинъ театръ пощипывалъ со смѣху. Окогинъ былъ происхожденъ изъ «Медальникъ» Мессингою; по этому же медальникъ Окогинъ являлся въ «Кордоду де Герера», въ оперѣ «Мадридъ вещь», въ «Бочарѣ Мартынь» и т. д.

онъ, помимо таланта актера, обладать качествами музыканта и композитора. Опера его «С.-Петербургскій гостинный дворъ» долго не сходила со сцены и имѣла три изданія¹⁾. Ими другого крѣпостного актера князя Волонскаго, подъ инициаломъ О. Л., тоже встрѣчается подъ многими весьма неурными переводами и драматическими произведеніями прозаго языка.

Въ Москвѣ, въ Знаменскѣ, въ тѣ года существовалъ обширный театръ графа С. С. Анракенина. Въ труппѣ С. С. Анракенина были извѣстныя бѣды Малаховъ и замѣчательный теноръ Булахонъ (отецъ), съ металлическимъ голосомъ и безукоризненной методой: онъ впоследствии пѣлъ на императорской сценѣ; про него итальянцы говорили, что если бы онъ родился въ Италиі и выступилъ на сцену въ Миланѣ или Венеціи, то убить бы всѣ до него извѣстныя знаменитости. Здѣсь, помимо крѣпостной труппы, нрывали и благородные артисты. Изъ послѣднихъ извѣстны были Фед. Фед. Коконкинъ и А. М. Пушкинъ. На этомъ театрѣ иногда шесы ставились съ роскошно изумительной. Такъ, во время представленія оперы «Діана и Эндиміонъ» по сценѣ бѣгали живые олени, трубили охотничьи рога и слышался лай гонимыхъ собакъ. Театръ Анракенина, кажется, судьбой былъ предназначенъ служить храмомъ искусства; здѣсь долго играли императорскіе актеры и была опера итальянскаго, воиисанная и учрежденная также при содѣйствіи Анракенина. Впоследствии этотъ домъ, кажется, былъ домомъ призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры.

Въ постановленіи императора Павла домашніе театры до того размножились, что въ 1797 году, главнокомандующій Москвой князь Юр. Влад. Долгоруковъ доносилъ о томъ императору и получилъ отъ государя слѣдующій рескриптъ: «Но представленію вашему о начавшихся въ Москвѣ въ частныхъ домахъ спектакльмъ, запрещать ихъ никакой надобности не вижу, а замѣтить нужнымъ почитаю: 1) Чтобы не были представлены никакія шесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя чрезъ цензуру не прошли. 2) Для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ было сохранено надлежачій порядокъ, а равно для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ подишеуемаго, быть всегда частному присутствію, который за то и отвѣчать долженъ».

Въ снѣдливое время вольности на сценѣ барскихъ театровъ иногда бѣгали до невозможности безграничны. Князь Виземскій въ своихъ воспоминаніяхъ сообщаетъ одинъ изъ такихъ спектаклей на крѣпостномъ театрѣ А. А. Стрѣльцова, гдѣ шла шеса «Оленька», соч. князя Блосельскаго-Блосельскаго²⁾.

1) «С.-Петербургскій гостинный дворъ» былъ напечатанъ въ 1781, 1792 и 1799 годахъ; кн. Мих. Матвѣевова писательница: «Начальныя основанія геометріи», «Описаніе различныхъ вѣрвъ», «Васни и сказки Геллерта» и многія музыкальныя и театральныя шесы.

зерскаго³⁾. «Сначала», говоритъ онъ, «все было чинно ишло благополучно. Благопристойности ничто не нарушалось».

Но Блосельскій былъ не разъ бѣдамъ началю.

Вдругъ посыпались шутки и даже не двусмысленно-пресрачные, а прямо на-блго и на-голо. Въ публикѣ удивленіе и смущеніе. Дамы многія, вѣроятно, по чушло, чувствуютъ что-то нехорошо. Дѣйствіе переходить со сцены на публику; сперва слышатся шепоты, потомъ рожоты. Однимъ словомъ, театральныи скандалъ въ полномъ разгарѣ. Некоторые мужья, не дождавшись конца скандала, поспѣшно съ женами и дочерьми выходятъ изъ залы. Дамы, присутствующія тутъ безъ мужей, молодыя особы, чинныя старухи слѣдуютъ этому движенію. Зала пустѣетъ. Слухи объ этомъ спектаклѣ доходятъ до Петербурга, и спустя некоторое время,—какъ разсказываетъ князь Виземскій,—Блосельскій тревожно бѣгаетъ къ Карамзину и умоляетъ его, говоря: «Спаси меня, императоръ Павелъ повелѣтъ, чтобъ немедленно прислать ему мою оперу; сдѣлай милость, исправь въ ней всѣ подозрительныя мѣста, очисти ее какъ можешь и какъ умѣешь». Карамзинъ, не теряя времени, тутъ же перемарываетъ и передѣлываетъ шесу; Блосельскій тотчасъ же печатаетъ у себя въ селѣ и отсылаетъ въ Петербургъ. Исторія кончилась благополучно: ни автору, ни хозяину театра не пришлось быть въ отнѣтъ.

Если бывали въ то время представленія неособенно цѣломудренныя, то и были такія, которыя отличались неслыханнымъ чистотомъ нравотъ. Такъ, въ 1798 году наѣзжать въ Москву, жившій въ своемъ ардатовскомъ имѣніи, въ селѣ Юеуновѣ, полковникъ князь Николай Григорьевичъ Шаховской. По разсказамъ Вигеля, онъ ужаснѣйшимъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисомъ царствѣ. Все, что онъ находилъ неприличнымъ или двусмысленнымъ, онъ безпощадно выкидывалъ изъ шесы. Въ труппѣ своей онъ вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеры во время игры никогда не могли коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинъ, а когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживать ее.

Вся княжеская театральная труппа помещалась въ особомъ, довольно большомъ деревянномъ домѣ, поодаль театра. Домъ этотъ былъ разделенъ на двѣ половинны—мужескую и женскую, никакъ сообщеніе которыхъ другъ съ другомъ было строжайше запрещено, подъ страхомъ и подишеуемаго тѣлеснаго наказанія. За всѣ провинности артистовъ и артистокъ

«Оленька», или первоначально «любимъ», сдѣло Я. Шесъ, 1796 г.—авторъ-ей сестра, княгиня Блосельская (1752—1811 г.). Въ близость послѣднихъ съ Туринъ, онъ имѣлъ театральныя представления на французскомъ языкѣ: 1) «C'est le cantate», 1792; 2) «L'opéra de l'opéra», 1793; 3) «L'opéra de l'opéra», 1794; 4) «L'opéra de l'opéra», 1795; 5) «L'opéra de l'opéra», 1796; 6) «L'opéra de l'opéra», 1797; 7) «L'opéra de l'opéra», 1798; 8) «L'opéra de l'opéra», 1799; 9) «L'opéra de l'opéra», 1800; 10) «L'opéra de l'opéra», 1801; 11) «L'opéra de l'opéra», 1802; 12) «L'opéra de l'opéra», 1803; 13) «L'opéra de l'opéra», 1804; 14) «L'opéra de l'opéra», 1805; 15) «L'opéra de l'opéra», 1806; 16) «L'opéra de l'opéra», 1807; 17) «L'opéra de l'opéra», 1808; 18) «L'opéra de l'opéra», 1809; 19) «L'opéra de l'opéra», 1810; 20) «L'opéra de l'opéra», 1811.

трехмной индивидуальности тотчас же творилась павказанія, въ родѣ такъ называемыхъ «рогатокъ»; напротивъ, герои въ родѣ Эдина ставили на бѣдѣ или мѣтѣ продолжительное время, смотря по степени вины, посреди комедии и водили его въ шюю тремя рогатками. Для музыкантовъ существовалъ особый родъ непракленія, въ видѣ стула, съ прикованной къ нему желѣзною цѣпью, съ ошейникомъ: провинившагося сажали на такой стулъ, надѣвали на него ошейникъ и въ такомъ положеніи несчастный свободный артистъ обреченъ былъ иногда находиться по цѣлымъ днямъ; кромѣ этихъ специальныхъ мѣръ, еще общемо мѣрою были рѣзги и палки. Зоркимъ искусствомъ чистоты правды театральнаго дѣла была приближеніи князя г-жа Зарезина, имѣвшая обязанностью подкупать въ самомъ началѣ малѣйшее проявленіе эротическихъ наклонностей княжеской труппы не только въ домѣ, но и на сценѣ.

Всѣхъ артистовъ въ труппѣ князя¹⁾ было болѣе ста человекъ, изъ которыхъ лучшими считались Н. Залѣскій (трагедія и драма), Я. Завидовъ (драма), соединившій съ драматическимъ талантомъ еще способности певца-баритона, музыканта, композитора и балетмейстера; А. Вышеславцевъ (ведувиль) и, кромѣ того, теноръ; Андрей Ершовъ, комикъ и певецъ бретского; Д. Завидовъ и Н. Шурова (драма), А. Залѣская, Т. Стрѣковъ, Ф. Вышеславцевъ (комедія). Но главнымъ украшеніемъ его сцены были: Елена Рокъ и Новиковъ, который болѣе былъ извѣстенъ подъ именемъ «Миная»; онъ постоянно приводилъ публику въ восторгъ, особенно въ рѣчахъ Богарюнова (Провинціалъ въ столицѣ), португальца Фибаса (Спасное селѣдство) и т. д. Театръ Шаховскаго по архитектурѣ былъ не отличивъ, хотя довольно помѣстительнъ: въ немъ было 27 ложъ, 159 кресель, партеръ на 100 человекъ и галерея на 200 человекъ. Каждый вечеръ содержалъ театр въ Нижнемъ, — какъ говоритъ Вигель, — не отличивъ, то у него изъ экономическихъ видовъ отличалась одна сцена: въ партерѣ можно было играть въ жмурки, а въ ложахъ, чтобы разговаривать другъ друга въ лицо, каждый привозилъ съ собою кто въ кофѣ, кто салютную свѣчку, а иные даже лампы.

Въ деревнѣ князя, въ видѣ публики, сгонялись въ театръ крестьяне по паряду и добывали эту повинность бездомочно, такъ какъ тому, кто былъ въ театрѣ, кромѣ удовольствія поглазѣть и похохотать, доставалась еще чарка княжеской водки.

Нижегородскій театръ князя Шаховскаго, на которомъ играли его холопи, описываетъ князь Н. Мих. Долгорукой²⁾ такъ: «Какого ожи-

дать дарованія отъ раба неклочимаго, котораго можно и выдѣть и въ стулъ посадить по одному призыву? Слѣдственно, и толпа его зрителей, которыхъ очень много, играетъ точно такъ, какъ вѣдь беретъ тѣвкъ, когда его черкасъ прутомъ гонить. Я не въхожу къ причинѣ, отчего крѣпостной человекъ не можетъ имѣть превосходнаго таланта. Скажу только просто, что артиста театральнаго весьма хороши въ Нижнемъ для людей его разряда, но, назавани ихъ актерами, почти нельзя безъ отвращенія смотрѣть на ихъ тѣлодвиженія: они не играютъ, а такъ скажутъ площаднымъ словомъ, кривляются; но поверимъ, что для холоней и это болѣе, нежели чать должно». По словамъ Долгорукова, въ Нижнемъ существуетъ хорошій постоянный театръ, но князь Шаховскаго всѣмъ годъ еще ставить на скорую руку для театра домашній сарай на ярмаркѣ и на весь годъ привозитъ свою труппу. Тамъ она отличается ежедневно всѣмъ вечеромъ: въ 8 часовъ комедія, и всѣ мѣста живы; они раздѣляются на ложи и кресла. Рукоплесканія не умолкаютъ; послѣ представленія вызываютъ на сцену всѣхъ актеровъ по очереди, потому что каждый изъ нихъ, особливо артиста дѣлаки, кому нибудь изъ зрителей не нравится. Самолюбіе содержатели въ превеликомъ торжествѣ, за которыми слѣдуетъ и значительный прибыль. Цѣна за входъ московская, декорации изрядны, но крайности не отвратительны. Одежніе, хотя не всегда сообразно съ характеромъ пьесы, однако бредеть. Оркестръ князькой изъ его же людей и слуху не противенъ. Ослабленіе всего хуже потому, что вездѣ горитъ сало и обоняніе терпится. Прѣ постоянный нижегородскій театръ онъ говоритъ слѣдующее: «Здѣсь дается представленія отъ сентября мѣсяца до Макарьевской ярмарки три раза въ недѣлю. Ложи въ театрѣ въ два ряда и надъ ними нѣсколько лавокъ для партера. Этотъ порядокъ не такой, какъ въ другихъ театрахъ, гдѣ партеръ за креслами, имѣть свою разумную причину: во-первыхъ, сцена освѣщается саломъ и слишкомъ близка къ зрителямъ, и потому чѣмъ далѣе въ глубинѣ сидитъ театрѣ, тѣмъ меньше страждетъ обоняніе и болѣе удовлетворяется оутика. Отѣлки снъ гораздо чувствительнѣе для людей благородныхъ, нежели для нижегородскихъ рядовичей и подьячихъ, коими наполняется партеръ для усиленія дохода. Кресла очень сазты, и это нѣсколько тѣснитъ зрители. Ложи и кресла разбѣжаются поудно, театръ полонъ, публика очень любитъ эту забаву; актеры иногда играютъ лучше, иногда хуже, но почти всегда только что спосие; прирактъ съблюдеть по возможности, комическій актеръ, одинъ удачно отираваеть свое мастерство и весьма нравится зрителямъ. Они часть его выключаютъ и бьютъ въ ладоши съ восхищеніемъ. Изъ актрисъ трудно какую нибудь хвалить. Одежы всегда хорошо, прилично, согласно съ характеромъ своихъ ролей. Мѣщанку не увидишь на театрѣ въ декоантинѣ съ шлейфомъ, или даму благородную въ стамедной робѣ, какъ иногда и не въ Нижнемъ примѣчать удавалось». Говоря дальне объ этомъ театрѣ, онъ

¹⁾ Подробнѣе о труппѣ князя можно найти въ книгѣ Гайцкаго: «Нижегородскій театръ»; затѣмъ въ «Воспоминаніяхъ» Ф. Вигеля, у Храмовова: «Нижегородскій театръ», «Патриотъ», 1846 г. Съ романтическими прикраами въ драмѣ Н. Боборыкина «Вѣстия до» и въ романѣ г. Михайлова «Перелетная птица».

²⁾ Описание это относится къ 1813 году.

добавилась, что репертуары ихъ съесть было почти одинъ и тотъ же: такъ, нѣтъ комедии такъ часто повторяется въ зиму, что, кромѣ свиданій съ людьми, не остается причины для самой комедии прѣзжать въ театр. Книжко Долгорукому пришлось здѣсь увидеть предѣланіе своей оперы «Любовное несчастье»; самъ авторъ называетъ ее пелѣницей. Онъ ее и не думалъ никогда отдавать на сцену. «Къ особому моему счастью, или несчастью», говоритъ онъ, «мои опера попала въ руки князи Шаховского; онъ ее и соизволилъ изуродовать и догнать». Опера полюбилась и ее стали играть каждый день; самому автору Шаховской прислали раскрасочный билетъ съ разными атрибутами и надписью: «Для входа въ Нижегородскій театр. здѣсь». Вотъ какъ описываетъ Долгоруковъ предѣланіе своей оперы: «Занавѣсъ поднялся. Начали актеры «трелодить», и все пошло навыворотъ. На сценѣ предѣланіе ебюжастъ, кромѣ поютъ хоръ. Тутъ я увидѣлъ мажъ на дочекахъ, который мужики подхватили и вынесли его съ досками воиъ. По этому началу оставилось ожидать и послѣдствіе. Недурна, думать я, — выдумка театральная дилетантъ. Музыкальные инструменты не поспѣвали переливать музыкальныя трели, актеры волновались поминутно. Музыканты ушарались всеи бородой въ скрипку и, тряся смычкомъ какъ плетью, наслау догнали канцельмейстера, который какъ въ набѣтъ ударилъ своимъ кошикомъ на палочникъ для такты. Суфлеръ въ поту ежеминутно кричалъ: «мѣбный декорацию!» а машинистъ въ мыль, какъ почтовая лошадь, не зная, куда бѣжать впередъ, чтобы или лѣвъ спрятать, или опить его и отвезти. Буфъ, который игралъ роль весельчака, забавлялъ чрезвычайнѣе своими тѣлодвиженіями; словомъ, эзекуція соответствовала произведенію. Величество внесенное въ чертогъ, гдѣ садилась Венера и амуръ на премудрой престои, произошло отлично, и машинисту можно было дать въ родку за труды. Публика любовалась на зрѣлище съ исторіемъ, а мои опера не несчастлива въ Нижнемъ, и ее долго будутъ играть здѣсь, и дай, Анеллогъ, моему театральному подмадану много лѣтъ здравствовать! Чувствительно благодарю князи Шаховского за его ко миѣ признаніе и ласку; я, прѣзхавши домой, отъ всего сердца хотѣла надѣсь собой, какъ сочинителемъ, и надѣсь моими тиранами, которые открыли обыкновенный опытъ изъ дурацкаго произведенія сдѣлать еще ибѣтъ глумлѣ, и подѣсь названіемъ оперы представлять изумленному зрителю такую сумятицу, во время которой никому ни изъ движущихся, ни изъ сидящихъ тирей, образумиться нельзя на одну минуту. Это хорошо! Благо-бравненько!»

Други Шаховской вмѣстѣ со своимъ братомъ выведеть княземъ А. Шаховскимъ въ комедіи «Подубарскія затѣи». По смерти князи, въ 1827 г., его театр со всеи гардеробомъ и всеи принадлежностями, какъ и домами, бѣ жили актеры, купили за 100,000 рублей у наследниковъ князи г. Распутинъ и Климовъ. Покупщики послали актерамъ и

актрисамъ. *) въ обязанность, по полученіи отъ нихъ волныхъ, играть на нижегородскомъ театрѣ десять лѣтъ. Трушша Шаховского въ Нижнемъ просуществовала до 1839 года.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Алатырскомъ уѣздѣ, была еще трушша князи Грузинскаго; здѣсь особенно прѣдѣлали балеты, оперетты, пасторали. Вотъ расказали роети прѣдѣланіе бывшаго дофранко: «Когда занавѣсъ поднимется, видеть съ боку красавица Дунишка — тѣмъ дочь, волосы наверхъ подобранны, панурены, цвѣтами украшена, на щекахъ мушкетъ напѣлены, сама въ помнадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посылъ пастушескій съ алыми и голубыми лентами. Станеть князи широкими подражывать, и когда Дунишка считаетъ, Паркиса подойдетъ, испра дочь. Эта пастушккомъ наряжена, въ пудрѣ, въ пѣнахъ и въ камельѣ. И стануть Параша съ Дунишкой широкими про любовь да про овецъ расо-аринать, сидуть рядкомъ и обнимутся. Педки во четыре дѣвокъ, бывало, тѣмъ широкими съ голосу Семенъ Титыча сочинитель учить, были неграмотны. Долго, бывало, маютея, сердечный, да какъ разъ нятокъ ихъ для поитія выдеруть, выучать твердо.

«Андрюшкку-поваренна сверху на переизахъ спустить, бога фоба онъ прѣдѣлываетъ, въ аломѣ кафтанѣ, въ голубыхъ пѣнахъ, съ золотыми блестками. Въ рукѣ доска прорѣзаная, золотой бумагой оклеена, прѣдѣляется лирой, вокругъ головы у Андрюшки золоченная прѣдѣлала намыканы, въ родѣ сѣнны. Съ Андрюшкой девять дѣвокъ на переизахъ, бывало, спустить; панурены все, въ бѣлахъ робочахъ; у каждой въ рукѣ нужная вещь: у одной скрипка, у другой-свиточная хара, у третьей зрительная труба. Подѣсь музыку стихи проноютъ, князи ибавоъ подадутъ, и тирой пасторально всеи утѣшены. Князь велить посылъ сочинителя Семена Титыча, чтобы подарокъ посылать, но иногда его прѣвести было невозможно. Каждый разъ не годился и въ своей горничѣ за камель на привизи сидѣти. Песнопѣтъ во хмѣлю бѣлеть»...

Въ Симбирскѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, существовали двѣ трушши крѣпостныхъ актеровъ: Татинцевская и Ермоловская. Обѣ были неамчательныи.

Въ Казани извѣтна была трушша Петр. Вас. Есипова. Последній, старый холостыкъ, угощать своихъ друзей, помимо театральнахъ прѣдѣланій, еще какханаліями съ крѣпостными актрисами. Ф. Вигель говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ дворянъ, ушѣбѣнахъ театромъ, которые имъ во всеи жизни (онъ воевалъ въ свѣтлѣ публичный театр въ Казани). Обѣдъ у этого помѣщика описываетъ Вигель такъ: «Я крайне удивился, увидѣвъ у него съ дошкату дошкату паридныхъ женщинъ. Я зналъ, что дама его не пошѣлаоъ. Это все были Оши, Матреша, Ариши, крѣпостныи актрисы хвойсьа трушши;

*) Всеи артистовъ съ дѣтьми было 96 человекъ.

я еще был изумлен, когда они вошли съ нами къ столу и когда, въ противоположность тогдашнему обычаю, чтобы женщины сажались всё на одной стороне, они разместились между нами такъ, что я очутился промеж двухъ женщинъ... На другомъ концѣ стола сидѣли, — можно ли повѣрить? — актеры и музыканты Есенина, т. е. его слуги, которые смѣшались, вѣроятно изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него сажались... После обѣда всё они наряжались и говорились поганить весь оперъ «Cosa tata», или «Редкая вещь»... Играли и пѣли они, какъ и все тогдашніе провинціальныя актеры, «не хуже не лучше».

Когда Есенинъ уже дѣлалъ публичный театръ въ Казани, то въ немъ произошло слѣдующее событіе, характеризующее тогдашнія новитя и религіозное направленіе казанскихъ татаръ¹⁾. Есенинъ поставилъ однажды на сцену пьесу «Магометъ»; въ театрѣ было много татаръ. Едва увидѣли они на сценѣ чалму Магомета и произнесено было имя его, между нами начелось смѣтеніе: съ криками: «алла!» Одни бѣжали изъ театра; другіе, дѣлая болѣе простое, изображали настоящего Магомета, который пришелъ для укоризны ихъ за посѣщеніе инобѣрнаго собранія; они падали ницъ и сбрасывали свои туфли, тоже съ криками: «алла!» Съ этого времени татары долго не посѣщали театра.

Аксаковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказывая романтическую исторію Отелло, крѣпостной актрисы Есенина, говоритъ, что онъ первый открылъ въ Казани театр; послѣднее обстоятельство не вѣрно: уже въ 1728 году въ Казани начались драматическія представленія въ архіерейской школѣ, и затѣмъ открытая въ Казани гимназія начала конкурировать въ драматическихъ представленіяхъ съ семинаріей.

При учрежденіи новой итатъ гимназіи, въ 1760 году, кураторъ Московскаго университета Шуваловъ предписалъ директору гимназіи Веревкинѣ доставить въ университетъ отраздиковать эту милость императрицы Елизаветы. Веревкинъ устроялъ обѣдъ на 117 человекъ, благодарственный молебень, и послѣ обѣда представлена была комедія Мольера «Школа мужей». Веревкинъ, опившись это торжество Шувалову, говоритъ: «Вотъ въ Татаріи Мольеръ уже извѣстенъ». Подобию Екатерина II поручила губернатору Казанину-Самарину содѣйствовать въ гимназіи устройству театральныхъ представленій. Въ 1791 году губернаторъ князь Варшавскій устроилъ съ дѣйствіемъ приглашеннаго въ Казань придворнаго актера Бюровскаго постоянный театръ.

Театръ Есенина существовалъ въ Казани по 1814 годъ; актеры Есенина были: Осдоръ Лявоиъ—герой и первый любовникъ; Михайло Калмыковъ—главный комикъ; Николай Комаковъ—буффъ-арлекинъ; Анисья Комарова—любовница въ драмахъ и комедіяхъ; Осела Анкиёва—первый

танцовщикъ на роли перьяхъ любовницъ въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и операхъ; Марфа Анкиёва — молодая любовница, преимущественно въ операхъ. Главныя насмѣны актеры были: г. Волковъ—режиссеръ и театральныи utility на всякія роли; г. Грузиновъ на роли благородныхъ особъ; г. Расторгуевъ на роли молодыхъ любовниковъ, повѣсь и весельчаковъ; г. Призывовъ на роли слугъ.

О существованіи въ 1810 году крѣпостнаго театрѣ въ Пестовѣ мы находимъ небольшую замѣтку въ путешествіи князя П. М. Дашурова въ Одессу. Вотъ что онъ говоритъ о немъ: «Мы взяли билеты и вошли; дѣлали «Минданина въ дворянствѣ». Двухъ актеровъ и трехъ, которые бы однимъ варіантомъ говорили: кто по-русски, кто по-черкасски, кто по-малороссійски, иной и по-польски. Смѣшеніе языковъ полное! Никакой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говоритъ, другой отвѣчаетъ, шепчетъ про себя свою роль, чтобы не забыть того, чего слѣдуетъ. Что за актрисы! Какое платаніе! Какія тѣлодвиженія! Куклы на ниткѣ не такъ надобитъ, какъ эти живыя машины. Сперва я дѣлалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ, разсудилъ хохотать и умиль было со смѣха! Говорить, что гдѣ-то актеры, подобныя имъ, берутъ съ зрителей деньги не за входъ, а за выходъ: не худо бы имъ перечитать жуть образъ контрибуціи, они бы вѣрно большой доходъ получили, потому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу. Духота была страшная, воздухъ самый крѣпкій, можно бы, я думаю, витьмахъ жакель свѣчку; такой былъ паръ отъ любителей театра! Освѣщеніе къ тому же самое смрадное: ежесекундная копоть; кресла безъ дна, стулья безъ спинки. Представьте, что бы каждый изъ насъ занялъ за то только, чтобы выгнать на чистый воздухъ. Вышедъ оттуда, я былъ счастливейше узника, который получать свободу».

Въ городѣ Орлѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, существовалъ публичный театръ (Сер. Мих. Каменскаго¹⁾), сына фельдмаршала. Театръ съ дѣломъ, гдѣ жилъ графъ и всё его крѣпостныя актеры, манништы, декораторы и музыканты, занимать огромный четырехугольникъ на Соборной площади. Стрѣенія были всё одноэтажныя, деревянные, съ колоннами; внутренняи отдѣлка театра была недурная—съ двумя ярусами ложа, съ райкомъ на верху, нумерованными креслами и т. д. Для графа была устроена особая ложа и къ ней примыкала галерея, гдѣ обыкновенно сидѣли такъ называемыя пансіонерки—дѣворныя двушники, готавлившіяся въ танцовщицы и актрисы. Для нихъ было обязательно посѣщеніе те-

¹⁾ При составленіи статьи о театрѣ Каменскаго, мы пользовались разсказами отъ своихъ старожилонъ: князя Д. М. Софеева-Забавина, П. О. Мадяка и затѣмъ записками графа М. Д. Вутураина (см. «Русскій Архивъ» 1839 г., стр. 1707), князя П. С. Жорженича (см. «Русская Старина» 1875 г., стр. 572) и непамятными извѣщающаго въ насъ распоряженіи записками бывшаго редактора журнала «Другъ Россіи», издававшегося въ Орлѣ въ 1817 году г. Ошменцомъ.

²⁾ См. о подробностяхъ историческихъ достопримѣчательностей гор. Казани С. М. Шинделскаго, Казань, 1873 г.

атра; графъ требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ пред-
квалифицировалась какой нибудь монолоемъ изъ представленной пьесы или про-
тагонизма (въ вчерашней «на»). Въ ложѣ передъ графомъ на столѣ лежала
книга, куда онъ собственноручно вписывалъ замѣченныя имъ на сценѣ
ошибки или упущенія, а сиди его, на стѣнѣ, висѣло нѣсколько пле-
токъ и по слѣдствіи вѣснаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои
расчеты съ виновными, вошли которыхъ иногда долезали до слуха зри-
телей. Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была звучна слово и
слово, говорилъ бы безъ суфлера и бѣда была тому, кто вынется; по соб-
ственно отъ игры актера графъ мало хлопоталъ. Иногда сходить съ кре-
сла, который дни нею были въ первомъ ряду. Во второмъ ряду, тот-
часъ же за нимъ, сидѣла его мать и съ нею двѣ его дочери, а позади
матери, въ третьемъ ряду, г-жа Курилова, любовница графа съ огром-
нымъ его портретомъ на груди¹⁾. Въ антрактахъ публицъ въ креслахъ
разносили поочередно яблоки и груши, варѣдка пастилу, но чаще всего
вареный превкусный медъ. Публика всегда собиралась во множествѣ, но
не изъ высшего круга, которая только прѣзвизала съ компаніей ради
смѣха надъ актерами. Разъ посетилъ театръ корнуэный командиръ ба-
ронъ Корбъ вмѣстѣ съ дамами. Графъ Каменскій замѣтилъ ихъ на-
смѣшки, захотѣлъ потушить все лампы, кромѣ одной, и нарядить въ залѣ
запахомъ масла. Прислуга при театрѣ была въ либрешныхъ фракахъ съ
красными, синими и бѣлыми воротничками. Билеты для входа графъ
продавалъ и раздавалъ самъ лично, сиди у кассы съ своимъ Георгіев-
скимъ крестомъ 2-й степени. Шалуны того времени платили графу за
ложу мѣдью или деньгами, которыхъ пересчитывать ему иногда приходи-
лось по случаю и больше.

Репертуаръ пьесъ, дѣваемыхъ на театрѣ, былъ самый разнообразный:
ставили комедіи, трагедіи, оперы и балеты²⁾. Музыкантовъ было два
хора—балетный и роговой, каждый изъ 40 человекъ, одѣтыхъ въ воен-
ную форму и полную одежду. Какъ актеры, такъ и остальные часть дворни
желала на сценѣмъ положеній, на пайкахъ, на общемъ столѣ, собирались
на обѣды и расходились по баркавану съ волторной и за столомъ никто

¹⁾ Если г-жа Курилова парлекала чѣмъ нибудь на себя неудовольствіе графа, то
портретъ отъ нея отбирался, и на мѣсто его давался другой, точно также одѣ-
данный, но на которомъ лица не было видно, но видѣлась одна синяя; портретъ этотъ
въ палатѣ стояло на синюю, и въ такомъ видѣ на соблазнъ всемъ должна была по-
казываться въ залѣ. Кромѣ этого наказанія, назначалось и другое, несравненно жестооче:
въ квартирѣ Куриловой ставилась смѣна дворовыхъ людей подъ командою урядника,
которой на сценѣ 1/2 часа входила къ ней и говорила ей: «Грѣшно, Акулина Васильевна,
развердиди бѣготнику графа, молитесь». И бѣдная женщина должна была сейчасъ класть
поклоны, и такъ что ей приходилось по спать и по ночамъ даже не вставать съ поклономъ.

²⁾ Такъ и ходилъ въ «Другъ Россіи», что театръ графа Каменскаго, въ 1817 году,
съ начала своего открытія по 28-е июля (за полгода) представилъ къ увеселенію публики
82 пьесы, въ коихъ было 18 оперъ, 15 драмъ, 41 комедія, 6 балетовъ и 2 трагедіи.

не смѣлъ сиди бѣсть, а непременно стоя, по замѣчанію графа «что такъ
будешь бѣсть до-сыта, а не до безчувствія». Пьесы на театрѣ чѣсто мѣ-
нялись и ставились иногда болѣе чѣмъ роскошно; такъ, въ «Кашфѣ
Багдадскомъ» бархату, шелку, турецкихъ шальей и струсовыхъ паразей
было болѣе чѣмъ на 30,000 рублей.

Главные персонажи труппы Каменскаго были: гг. Баронъ, Соловоя,
Жѣновъ, Протасовъ, Мининъ, Ремизовъ, Щотоя, Кривошея, дѣв-
стры Кожевникова, Рычкова, большая Кошкикова, Кузьмина, Цвѣткова, Криво-
нова, Кубышкина, Олешка и многіе другіе.

Вышеизяемъ качества актрисъ и актеровъ изъ имѣющейсѣ у насъ
рукописи: первый Баронъ, въ чинѣ губернскаго секретаря, былъ большо-
отпущенный графа и состоялъ режиссеромъ труппы; Кузьмина, по сло-
жкѣ рукописи, своими отличными дарованіями, прѣобрѣвшая особенное
вниманіе орловскаго публика, справедливо имѣла предъ прочими своими
компаніонками преимущество въ трагедіяхъ и драмахъ; плѣнительная
она чувствя представляла на подобіе славной «Мантуани». Въ оперѣхъ
она являлась съ великолѣпнѣмъ и улыбкою неподражаемой «Замбони»
(извѣстная того времени итальянская пѣвица), а въ комедіяхъ, по своей
ловкости и веселости, кажется быть другая Кетнеръ.

Кожевникова, послѣ Кузьминой, достойна имѣть первое мѣсто. Она
весьма способна къ представленію великихъ и важныхъ лицъ. Въ роли
богини, царицы и цюпки Кожевникова весьма пріятна, чувстви-
тельна, исполнена величія и пріятности.

Цвѣткова не только въ комическихъ, но даже и въ трагическихъ ро-
ляхъ весьма удачно и счастливо выдерживаетъ свой характеръ. Какъ
натурально она представляла или престолердіе доброй женщины, или
капризы злобой и вѣтренной женщины, или же крикъ, плачь и обѣрѣжъ.

Большая Кошкикова, въ комическихъ роляхъ, кажется, имѣть болѣе
дарованія: ея ловкость, прѣзрѣтво и веселый характеръ не можетъ не
правильно публицъ.

Рычкова довольно пріятна въ представленіяхъ невинной дѣвцы и
ловкой служанки. Въ балетахъ она, кажется, превосходить другихъ тан-
цовницъ своими дарованіями.

Краснова въ представленіяхъ деревенскаго дѣвца въ оперѣ «Цѣль и
поисѣлки» умѣла соединить пріятность голоса и плѣнительную наруж-
ность съ невинностью и скромностью, приличною поселянцѣ.

Олешка весьма утѣнительна и весела въ своихъ представленіяхъ. Въ
«Филаткиной скарѣбѣ» можно было видѣть великую ея смѣлность къ
комическимъ ролямъ.

Степанова, при своей развѣнующей способности къ изнанкамъ и
чувствительнымъ представленіямъ, обнадѣжанная публицу своимъ при-
веденіемъ своихъ дарованій въ лучшее совершенствію.

Ремизова въ роли служанокъ и деревенскихъ дѣвицъ весьма хорошия имѣть способности.

Лыганъ въ комическихъ представленіяхъ весьма способенъ, ловка, проворна и сѣкла.

Кубышка въ оперѣ «Дѣвчурники и крестьяне» довольно удачно и пріятно явилась передъ публикою въ роли Паранни и Вари, и т. д.

Далеко находимъ извѣстіе и про искусство крѣпостныхъ актеровъ театра Карачекаго, таланты которыхъ у всѣхъ «концессеровъ» театра заслуживаютъ всеобщее одобреніе. Такъ говорится, что игра актера Барсова въ трагедіи «Кокретьво и любовь» доставила весьма чувствительную картину, и глубокою слезою у зрителей; актеръ Городецкій «умѣлъ вынести весьма удачно чрезвычайныя терзанія», а Протасовъ хорошо «представилъ ожриата интриганта». Въ драмѣ «Юлія» появленіе г. Барсова, его терзанія и любовь къ дочери ибливали публику до слезъ.

Протасовъ въ комедіи «Богъ» превосходно изобразилъ характеръ грубоумнаго и добродѣтельнаго англійскаго куниа, а Жбановъ въ роли покровителя имѣлъ надежду, что незадолго будемъ въ немъ видѣть не посредственнаго актера. Въ трагедіи «Леаръ» («Король Миръ»), соч. Шекспира, г. Барсовъ оказалъ свои отличныя дарованія въ трогательной роли древняго англійскаго короля Леара; Кузьмина — въ любовной и чувствительной его дочери Корделии; г. Соколова и Миниева — въ пламенныхъ роляхъ приверженнаго къ несчастному царю вельможи и герцога его сына, и т. д. Въ оперѣ «Ягъ» восхищалась орловская публика музыкаю Карачекаго и пріятнымъ ибнѣмъ его актеровъ Кравченко, Лопухина и Жбанова; въ этой оперѣ забавно отыгралъ актеръ Широконъ «бѣднаго Филатку, и т. д.

Но слава графа М. Д. Бутурлина, всѣ пѣвцы и танцоры, восхваляемые предвѣстнымъ авторомъ ханисокъ, были никакъ никакой посредственности; вотъ что онъ речекажетъ про этого хваленнаго перваго тенора Кравченко: «Онъ былъ на сценѣ чистый холопъ, ибтъ столько же носомъ, сколько горломъ, не речекажался никогда съ носовымъ платкомъ, который онъ комчалъ въ рукахъ и въ который поминутно плевалъ». Второй, будто бы, теноръ Миниевъ болѣе шевелилъ губами и махалъ руками, но слезы выпускалъ звуки изъ усть, и потому трудно было определить, къ какой категоріи принадлежалъ его голосъ. Чего либо похвалою на сценѣ въ трунѣ не было, хотя лица, предназначенныя для басовыхъ партій, сидѣлисе речека въ брюхомъ. Дворочка дѣвца, дурнолицая примадона, обладавшая пронзительнымъ иискливымъ голосомъ, была пречислаго роста и имѣла также свой особенный иискъ, состоявшій въ почти безпрерывномъ поворачиваніи головы къ одному плечу. Въ балетѣ особенно были хороши первый танцоръ Васильевъ, росту необыкновенно высокаго, въ тѣлесно-дѣльномъ трико, съ плохообритою бородою,

пускавшійся въ граціозныя позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые антраша, голова его уходила почти въ облакъ сѣрена.

Изъ балетовъ на сценѣ графа шли: «Амуровы шутки», «Необитаемый островъ» съ морскими сраженіями, кораблекрушеніемъ и громкими ударами, «Русскія пляски», «Сельскія увеселенія» и разные дивертисменты; изъ оперъ давали: «Діаннино древо» съ мнѳологическимъ костюмомъ; Кола рара, или Речека речека» съ вензельнымъ костюмомъ бѣлыяги, «Три брата горбуны» съ турецкимъ костюмомъ, «Трубачество» и другія. Театральныя декорации, по словамъ панегириста театра Каменскаго, были украшены проспектами городовъ, деревень, острововъ, крѣпостей, замковъ, рощъ, садовъ, полей, лѣсовъ, горъ, моря и кораблей; при лучезарномъ солнцѣ, свѣтлой лунѣ, громахъ и молніяхъ, палибахъ, кораблекрушеніяхъ и сраженіяхъ на сценѣ являлись: цари, царицы, герои, князья, графини и крестьянки, воины, граждане и куницы, ремесленники и поселане, также философы и сочинители, профессора и доктора, судьи, приказные и полиціанты. Кромѣ обаяковенныхъ костюмовъ русскіихъ, французскіихъ, англійскіихъ, случалось видѣть древніе костюмы, а также и мнѳологическіе великолѣпные, и т. д.

Гр. Каменскій имѣлъ болѣе 7,000 душъ крестьянъ, но, когда онъ умеръ, буквально негѣмъ было похоронить его: отъ громаднаго состоянія ничего не осталось, все богатство пошло на театръ.

Точно такое же колоссальное богатство прожилъ на балетъ речекаскій помещикъ Речекаскій; онъ болѣе чѣмъ до страсти былъ преданъ хореографическому искусству; въ богатомъ его домѣ въ Москвѣ, на Никитской, былъ сдѣланъ роскошный театръ, здѣсь у него была также устроена танцевальная школа, гдѣ и обучывались изъ дворянскихъ дѣвокъ и парней будущіе жрецы и жрицы Терпсихоры; изъ его трунны поступили на московскую балетную сцену талантливыя солистки: Ситникова, Харламова, двѣ сестры Михайловы, Карасева и многія другія. Про него, кажется, находимъ намекъ у Грибоѣдова «на крѣпостной балетѣ», и т. д.

До 1806 года, на московскомъ императорскомъ театрѣ (Петровскомъ) почти вся трунна, за небольшимъ исключеніемъ, состояла изъ крѣпостныхъ актеровъ Ал. Емел. Столыпина. Этихъ артистовъ на театральныхъ афишахъ отличали отъ свободныхъ артистовъ тѣмъ, что не употребляли прибавлять къ ихъ фамиліи букву Г., т. е. господина или господа¹⁾.

Въ 1806 году эти бѣдники услышали, что ихъ помещикъ намѣренъ воевать ихъ продать; они вырвали изъ своей среды старшана Речекаскій Карачонъ, который отъ лица всѣхъ актеровъ и музыкантовъ въ началѣ 30-го августа на имя государя прошение: «Всемилющійся Императоръ!» —

¹⁾ По словамъ Жихарова (см. «Дѣвчурники студента») съ ними тогда происходила церемонія, и если они заиблились, то дѣлали выговоръ особаго рода.

говорила: «Богъ въ немъ, — слезы несчастныхъ никогда не отвергались милосердіемъ твоимъ, отцомъ, иужель божественная его душа не вместитъ стону всемоу. Узнавъ, что господишь нашъ Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ намъ продать, осклбидясь намъ къ стонамъ милосердіишаму государю и молить, да щедрота его иекунитъ намъ и дастъ новую жизнь тѣмъ, кто имѣють уже счастье находиться въ императорской службѣ при московскомъ театрѣ. Благодарность услышана будетъ. Сдѣлаемъ вѣдѣній и Обществу свѣдѣно ихъ». Просьба эта черезъ статсъ-секретаря князя Гурьмина была препровождена къ оберъ-камергеру Александру Львовичу Барышнику, который вмѣстѣ съ ней представилъ государю слѣдующее обещаніе: «Г. Столыпинъ находящійся при московскомъ нашемъ императорскомъ величества театрѣ труппу актеровъ и актрисъ, и музыкантовъ, остоище съ дѣтьми ихъ изъ 74 человекъ, продать за сорокъ два тысячи рублей. Умѣренность цѣны за людей образованныхъ въ своемъ искусствѣ, польза и самая необходимость театра, въ случаѣ отбраніи оныхъ могущаго затрудниться въ отысканіи и должностующаго за великое жалованье собирать таковое количество нужныхъ для него людей, коими наче актрисъ, никогда со стороны не поступающихъ, требуютъ непрерывной покунки оныхъ.

«Всеи милосердіишій государю! По долгу знанія моего, съ одной стороны, иже люди выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, отъ пріема за несравненно большее жалованье произойти измѣненія, а съ другой, убѣждаясь человеколюбіемъ и просьбою всей труппы, обещаніемъ всеми силами жертвовать въ пользу службы, осклбидясь беспощаднѣйше представить милосердію вашему императорскому величеству жребій столь великаго числа нужныхъ для театра людей, которымъ со свободою отъ руки товарищей даруется новая жизнь и способы усовершенать свои таланты, и испрошивать какъ соизволенія на покунку оныхъ, такъ и отпуска значительнаго количества денегъ, котораго ежели не благоволено будетъ принять на счетъ казны, то хотя на счетъ московскаго театра съ вычета изъ суммы, каждагодно на оной отпускаемой.

«Подписать оберъ-камергеръ Барышникъ. 13-сентября 1806 года».

Бумага эта была доложена государю 25-го сентября 1806 года. Его величество, находя, что просящая г. Столыпинымъ цѣна весьма велика, повелѣлъ директору театровъ склонить продавца на умѣренную цѣну.

Столыпинъ уступилъ десять тысячъ, и актеры, по высочайшему повелѣнію, были куплены за 32,000 рублей.

Изъ сдѣленныхъ актеровъ были въ свое время извѣстны слѣдующіе¹⁾: Пуршевъ, Ювъ Прокофьевичъ—очень талантливый комикъ-буфль;

А. П. Касаткинъ—пѣвецъ и актеръ такого же амилуа; Як. Як. Солодовъ, молодой пѣвецъ-теноръ, замѣчательно бѣлъ въ оперѣ «Фосифъ» и въ «Водопадѣ»; Лисцинь, любимецъ райса, — какъ говорилъ Жихаревъ, — гримаса въ разговорѣ, гримаса въ движеніи, представлялъ роли дураковъ; Кавалеронъ игралъ роли слугъ; актрисы: Барышкова—въ роляхъ благородныхъ матерей и большихъ барынь въ драмахъ и комедіяхъ; Кареничова, по словамъ Жихарева, роли молодыхъ любовницъ, превосходила въ старыхъ; Песопа, водевильная актриса, съ превосходнымъ голосомъ, чистой натурою; Бутенброкъ—неудачная пѣвица; сестра ея Лисцина играла роли старухъ — обѣ были очень талантливыя актрисы. Последняя выдвинулась случайно: во время представленія «Русалки», играемая роль Ритимы Померанцева внезапно была порожена удрученіемъ на сценѣ. Кто-то сказалъ, что молодая Лисцина, еще неопытная актриса, можетъ замѣнить ее; Сандуновъ убѣдилъ Лисцину согласиться сыграть за нее и самъ разряжалъ дебютантку лицо сухими красками, такъ что она долгу плакала отъ боли, и когда надѣла костюмъ, то ей сестра и другіе товарищи приняли ее за Померанцеву и съ участіемъ стали разспрашивать о здоровьи. Лисцина провела свою роль хорошо и съ тѣхъ поръ стала любимцею публики.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, въ Москвѣ было до двадцати барскихъ театровъ, со своими оркестрами и даже пѣвчими. Такими владѣльцами театровъ были: кн. В. И. Щербатовъ, гр. Н. В. Шереметевъ, Д. Е. Столыпинъ, Н. Е. Мисюковъ, кн. М. П. Болконской, кн. В. Г. Шаховской, В. Е. Салтыковъ, А. П. Зиньковъ, П. Я. Влудовъ, С. С. Априкинъ, В. А. Всеволожскій, П. А. Дурасовъ, П. А. Нодняковъ, и др.

О Дурасовскомъ театрѣ говоритъ миссъ Вильмотъ²⁾; по ея словамъ, когда она разъ посетила его театръ, у него на сценѣ и въ оркестрѣ было около сотни вѣрностныхъ людей, но хвѣнныя рождался на счетъ бѣдности постановки, которую они принимали рабочей вофъ и жалки, отискившей почти весь его персоналъ, за исключеніемъ той части людей, которую успѣлъ собрать для представленія. Самый театръ и декорации были очень нарядны, и исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ антрактахъ разносили подносы съ фруктами, пирогами, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженымъ. Во время представленія ароматическія куренія сожигались въ продолженіе всего вечера.

Въ Москвѣ, на Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, до нынѣшняго французскій и по-русски сдѣланъ вѣрностной театръ П. А. Ноднякова; спектакли у него ставилъ нынѣшній актеръ Сандуновъ; въ распоряженіи его труппы находились актеры и пѣвица не безъ дарованій; въ труппѣ этой славилась пѣвица Любошеская, которая превосходно пѣла-

¹⁾ Горько рече (въ 1793 году) изъ Столыпинской труппы была извѣстна очень талантливая актриса «Варенька»; она некогда вышла замужъ за извѣстнаго литератора того времени П. И. Стрхова, издателя «Сатирическаго Вѣстника».

²⁾ См. письма изъ Россіи въ 1806 году, «Русск. Арх.» 1873 г., стр. 1889.

была рожена жены президента въ «Водоводе» и Ранду въ «Оборотняхъ». На сценѣ балетовъ и маскарадахъ Поднякова бывала вся Москва. Въ маскарадахъ сами Подняковы всегда ходили париженымъ переиначенномъ или витайномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что про него скажутъ Грибѣдовы: «На збу пансионъ! театр и маскарадъ». У него же Грибѣдовы слышали «шваца зимой и горы лѣтней». Это были его садовники-бородаты, который преходили цѣловать сорочень. Примеръ Москвы дѣйствовали и на провинцію; особенно въ Пензѣ въ это время существовало много крѣпостныхъ театровъ: гг. Аршова, Бекетова, Паничулдрова и В. О. Машева. Затѣмъ въ городѣ были одинъ еще публичный «Гладковской»; стоялъ онъ на холмѣ горы, которая вела отъ присутственныхъ мѣстъ; содержалъ его помещикъ крайне безпутный, В. Р. Гладковъ. Зданіе было тоже весьма неприличной вѣщности; трунна состояла частью изъ крѣпостныхъ людей (Гладкова, частью изъ мѣстныхъ чиновниковъ. Первый персонажъ этого театра былъ «Гринка», отчаяннѣйшій изъ всѣхъ существовавшихъ трагиковъ, какъ говоритъ Писарскій¹⁾. Гринка этотъ даже въ сценѣ наводилъ на всѣхъ трепеть; онъ достоинно, какъ и его баринъ, былъ «въ помѣтѣ»; другая звезда на этомъ театрѣ былъ другой трагикъ, Бурдаевъ; послѣдній служилъ столоначальникомъ гражданской палаты, служенію въ драматическаго искусства предавался изъ любви къ театру. Былъ тамъ еще комикъ Гондитаровъ. Женскій же персоналъ былъ весь крѣпостной; первую пѣвицу звали Санкой, первую танцовщицу называли «Шинкой». По разсказамъ Писарскаго, на этомъ театрѣ въ одно время шло два представленія: одно шло на сценѣ, другое неизбежное шло въ сценѣ, гдѣ главнымъ и единственнымъ артистомъ являлся самъ хозяинъ театра, Гладковъ. Публика хорошо знала привычки его и слѣдила за нимъ съ вниманіемъ; едва ли не болѣе, чѣмъ то, какое отдано на представленію на сценѣ. Возвлецы сценическіе сбѣжались съ возвлецами Гладкова. Въ то время, когда какой нибудь царь или герой въ лицѣ Бурдаева или крѣпостнаго Гринки ревелъ на кого нибудь изъ своихъ подданныхъ, Гладковъ, несколько не стѣсняясь, парилъ громы на этого царя или героя и называлъ его дуракомъ или скотиной, смотря по тому, что онъ вѣдлуживалъ, вълѣдствіе эстетической оцѣнки хозяина театра. Этого мало. Часто, по окончаніи какого нибудь явленія, Гладковъ на видѣ всѣхъ бурно срывался съ своего мѣста и громо летѣлъ на сцену. Всѣ артисты, что этотъ неистовый полетъ имѣлъ цѣлѣю немедленную расправу въ артистомъ или артисткой посредствомъ пощечинъ или зуботычинъ. После подобной расправы дѣйствующее лицо поныкалось на сцену съ расквашенными щеками и заплаканными глазами.

Въ 1830 и 40-хъ годахъ въ Орловской губерніи славился театръ очень

богатаго помещика Василія Сергѣевича Талфена. Въ его имѣніи Елизаветинскій уѣзда (въ 40 в. отъ Ельца и въ 50 в. отъ гор. Задонска Рязанской губ.), въ селѣ «Архангельскомъ», устроено было два театральныя зданія. Одно деревянное, вновь выстроенное, имѣло всѣ принадлеженія для большихъ представлений, какъ-то: машины, подъемы, люки, полеты. Все было доставлено изъ Москвы. Къ этому театру вела торцовая дорога изъ барскаго дома. Въ немъ дѣлались драматическія представленія, балеты и оперы. Исполнителями были: обученная крѣпостная прислуга interchangeably съ разными провинціальными актерами. Въ другомъ театрѣ, переделанномъ изъ каменнаго барскаго дома, преимущественно дѣлались благородныя спектакли, въ которыхъ, въ качествѣ исполнителей, являлись самъ помещикъ, его жена, урожденная Повинкина, сестры и братья жены, родственники, соборія семейства и нѣкоторыя лица изъ губернской знати. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Архангельскомъ спектакли бывали почти ежедневныя въ теченіе осени и зимы. Оркестръ состоялъ изъ 45 человекъ крѣпостныхъ. Спектакли иногда были такъ велики, что для порядка необходимо было нѣчто въ родѣ полиціи, съ каковою цѣлѣю въ эти дни охотники (т. е. служившіе въ охотѣ помещика при царскомъ дворѣ) сажались на своихъ коней, одѣвались въ особую форму и разъѣзжались около театра въ качествѣ конныхъ жандармовъ. Послѣдній спектакль у Талфена состоялся въ январѣ 1848 года въ «благородномъ» театрѣ, т. е. каменномъ. Давалась комедія «Харьковскій женихъ».

Въ 1849 году послѣдовало разореніе, и всѣ имѣнія были проданы съ аукціоннаго торга. Архангельское досталось генералу Кривошеину.

Жизнь Василія Сергѣевича Талфена послужила его родственнику, кн. Гр. Вас. Кутузову, фабулою для известной повѣсти «Корнетъ Оглетаскъ», написанной въ 50-хъ годахъ.

Въ Курскѣ были известны трунны крѣпостныхъ актеровъ, гг. Анисимова и графа Волкенштейна; изъ послѣдней вывелъ М. С. Щегининъ.

Въ Петербургѣ въ Николаевское время славился домашній театръ съ балетами, живыми картинами у гг. Митлевыхъ и князя Долгорукова; послѣдній первый вывелъ на сцену живыя картины, которыя у него оставались иногда съ царскою пышностью. Дома, гдѣ дѣлали спектакли съ благородными артистами и съ крѣпостными, были слѣдующіе: графъ Васильевъ, Грибѣдовъ, князь Долгоруковъ, князь П. А. Гагаринъ, графъ Комаровскаго, у Рязановыхъ, Андрушиныхъ П. А. Боконкина и А. П. Боконкина, Храповицкаго, Титова, Комаровыхъ, Бакушина, Рудина; у послѣдняго развѣрнувшись только шельма самого хозяина, въ 1831 году самъ авторъ играть роли обезловесныхъ животныхъ, подкапываясь передъ публикой на четверенькахъ, въ роли лисы и тигра.

Въ двадцатыхъ годахъ, въ Петербургѣ, прѣлзала по зимамъ со своимъ деревенскимъ оркестромъ, актерами, пѣвцами и соловьями богатый

тогда же А. А. Кологривов¹⁾, ходивший въ огромномъ парикѣ и въ короткомъ фракѣ.

Все артисты этого барина были подстрижены въ скобку и окрашены черной краской.

Когда Кологривовъ сфиникати, зачѣмъ онъ привозить въ Петербургъ своихъ артистовъ, то онъ отвѣчалъ:

— У меня на сценѣ, какъ и приду посмотреть, все актеры и вообще раскланываются, и я имъ раскланываюсь. Къ какъ же придется въ театрѣ, никто меня звать не хочетъ и не кланяется.

Пятидесять лѣтъ тому назадъ процвѣтали театры петербургскихъ богатѣйшихъ меценатовъ: на дачѣ Рыбюю, за Охтой, у Всев. Анд. Всеволожскаго, да еще у другого, тоже ссѣла послѣдняго, Алек. Пик. Оленина, на дачѣ его «Прютино»; для этого театра писали небольшія пьески воздушный другъ Оленина, Ив. Ан. Крыловъ.

Въ сѣбѣ съ сценической пѣвчихъ баръ ридомъ шла мода составленія и хора пѣвчихъ. Любовь къ пѣвчимъ у послѣднихъ восходитъ до времени Елизаветы Петровны, когда известные регенты придворныхъ пѣвчихъ, Рендгегий и Березовскій, помаленьку стали вводить въ церковное пѣніе западную музыку. При Екатеринѣ II: Галуни, Керцель, Сарти, Вортинскій уже совсѣмъ водворяютъ въ нашу церковь пѣніе концертное. Павелъ I противъ этого издалъ указъ (1797 года, мая 18-го), въ которомъ говорилось: «Немотрѣвъ, что въ нѣкоторыхъ церквяхъ поютъ стихи, сочиненные съ произволенію, поведѣнно никакихъ выдуманыхъ стиховъ въ церковную пѣнію не употребляютъ и вмѣсто концертовъ пѣть или приличныя похвалы, или обыкновенный каноникъ». Хоры пѣвчихъ въ Александровское время были извѣстны: В. А. Всеволожскаго, П. А. Дурасова, Бекетова, Минникова и кунца Колокольниковъ. Пѣвчіе послѣдняго были особенно изъ кунцовъ; онъ посылалъ дѣтей послѣднихъ въ Италію, гдѣ тѣ обучались пѣнію; изъ хора Колокольниковъ вышлеть родоначальникъ артистической семьи Самойловыхъ; пѣвчіе хора Колокольниковъ каждое воскресенье пѣли въ церкви Никиты Мученика въ Васманной улицѣ; здѣсь были слышны лучшей московской публички не для моленія, но болѣе для слушанія пѣнія и свиданія. Во время чтенія или службы священника большая часть знатной публички разокричала и даже переходила съ мѣста на мѣсто, но какъ скоро запоютъ пѣвчіе, то все умолкло и слушало. Жихаревъ²⁾ говоритъ, что отъ нихъ черномазый Визшуръ³⁾, не знамо—грабъ или вивавъ, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что оемкнулся заклоди-роба. Полиціймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти.

Въ Петербургѣ позднѣе пользовались такою славою хоры пѣвчихъ графа Щереметьева и Дубенскаго.

¹⁾ И. пашски академикъ Солнцева въ «Русской Старинѣ».

²⁾ И. «Дневникъ студента», стр. 31.

³⁾ Визшуръ, эмигрантъ-мулатъ, былъ женатъ на дочери кунца Сахарова, отъ которой у него дѣтей бывахъ и чернахъ; онъ былъ въ 1812 году расстрѣлянъ какъ шпіонъ Императоромъ.

Нашъ театръ въ эпоху Отечественной войны.

Въ знаменательный годъ Отечественной войны, дѣятельность русскаго театра въ Петербургѣ не прерывалась. Напротивъ, репертуаръ новыхъ патріотическихъ пьесъ какъ-то обогатился; появилось даже много билетовъ, относящихся къ военнымъ событіямъ того времени.

Спектакли въ этотъ годъ давали только на Маломъ театрѣ (нынѣшній Александринскій) и въ домѣ Кушелева, гдѣ теперь Главный штабъ. На первомъ играли французы и русскіе; на второмъ—нѣмцы и молодежь русскаго трунна, составленная изъ воспитанниковъ театрального училища и немногихъ вновь опредѣляющихся дебютантовъ.

Въ то тяжелое время всеобщій патріотизмъ сильно отразился на нашей сценѣ. Каждый стихъ, каждое слово, примѣнимое къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствомъ, вызвало цѣлую бурю рукоплесканій и самые неистовые, неслухенные крики: «браво», «bis!» Когда, напримѣръ, въ трагедіи «Фингалъ»—актеръ говорилъ:

«Могила храбраго отечеству священна!»

или въ «Дмитріи Донскомъ»:

«Уиремъ, козь смерть въ бою назначена судьбою!»

или когда бояринъ возвѣщалъ Ксеніи побѣду, произносилъ:

«Радостной слухъ бѣдѣтѣ, Россия освобождена!»

оглунительные единодушные аплодисменты неслись и раздавались повсюду. Акторъ стоялъ безмолвствуя по получасу, но сѣбя продолжать монолога.

При исполненіи драмы С. П. Висковатова «Всеобщее ослѣпленіе», одинъ изъ зрителей, видя, какъ на сценѣ все приносятъ въ даръ отъ

честь свое имуществу, до того забылся, что бросил на сцену свой бумажный мешок, вскричав: «вот возьмите и мои последние 75 рублей!»

В этой пьесе маститый семидесятилетний старец Н. А. Дмитриевский исполнил главную роль учителя-офицера Усердова, который, не имея сил идти в ополчение, приносит свои медали в ползу общества; артист изображал больного дряхлого мужа, увлеченного сединою, с открытым челомъ, въ рубищѣ, то одушевленного порывомъ патриотизма, то плачущаго о своемъ безвѣстнѣ, то трепещущаго за свитую свою родину. Около старца было какой-то святяной, и минуты его умиленья были высокія минуты. Все плакали отъ умиленья, самъ Дмитриевскій рыдалъ и не могъ выговорить слова, когда послѣ единственнаго выхода хотѣлъ благодарить публику. Заслуженнаго артиста почти безъ памяти привезли домой. На другой день, рано, онъ получилъ замечательный ящикъ, въ которомъ лежалъ драгоценный перстень съ запиской: «Истинному сыну отечества и великому актеру».

Это былъ подарокъ великаго князя Николая Павловича.

Изъ-за того же патриотическаго спектакля шель багетъ сочиненія Вальберха и Огюста—«Любовь къ отечеству» съ хорами и пѣніемъ, музыка сочиненія Кавоса; пѣвецъ Самойловъ представлялъ русскаго генерала и пѣла артию. Въ драмѣ и багетѣ вся труппа была на сценѣ.

Въ тотъ день, когда было получено извѣстіе о Клястицкомъ и Кобринскомъ сраженіяхъ, шла русская опера «Старинныя свитки» и Сандунова играла «Настасью». Когда, по обыкновенію, она зашла пѣсно: «Слава Богу на небѣ, слава», то вдругъ остановилась, подошла къ рамѣ, и съ самымъ пламеннымъ чувствомъ зашла:

«Слава храброму графу Витгенштейну,
Порабившему силы вражескія Слава!
Слава храброму генералу Тормасову,
Поборовшему суновата нашего! Слава!

Труппа задрожала и потряслась отъ рукоплесканій и криковъ «ура!» Когда же пѣвицу заставили повторить, то она снова подошла къ рамѣ и мощно зашла тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

«Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему жизнь свою за отечество! Слава!

Изъ-за того разъ, весь театръ залился слезами вѣдетъ съ пѣвицей. Энтузіазмъ артистовъ нерѣдко выходилъ и далѣе; актеры и артистки забывали свои роли и неудержимо предавались патриотическому чувству. Такъ, знаменитая трагическая артистка К. С. Семенова, узнавъ некаянно за кулисами о новомъ торжествѣ русскаго оружія, съ радости выбѣжала на сцену и закричала: «Побѣда! Побѣда!» Разумѣется, этого ни въ пьесѣ, ни въ роли ей не было.

Артисты ежедневно давали что нибудь патриотическое, и зала театра всегда была полна; восторгъ зрителей, при каждомъ словѣ, неизменно.

какую нибудь аналогію, доходить до изступленія. Любимыми въ то время пьесами были: «Ползарскій», «Дмитрій Донской», «Всѣобщее ослѣпленіе», «Илья Богатырь»; въ послѣдней пьесѣ куплеты: «Побѣда, побѣда русскому герою» всегда приводили публику въ патриотическій восторгъ. Багетъ «Любовь къ отечеству» и множество дивертиссементовъ, въ которыхъ Н. А. Корсаковъ вставлялъ свои куплеты, всегда приходились по вкусу зрителей.

При вступленіи русскихъ въ Парижъ и по полученіи о томъ извѣстія, поставленъ былъ на сценѣ багетъ Огюста «Геній Благости». Это былъ аллегорическій аподеосъ виновнику славы Россіи, Александру Благословенному. При перемѣнѣ декорацій аллегорія оканчивалась и побѣдители являлись въ Парижъ, гдѣ побѣжденные и побѣдители вѣдѣтъ праздновали торжество «Генія Благости». Стихи:

«Честь Александру,
Хвала царю царей!

пѣтые актеромъ Бобровымъ, не пѣвцомъ, производили громадный эффектъ. Въ комедіяхъ «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» насмѣшки и каррикатуры на французовъ вызывали также полный и неудержимый смѣхъ.

Иногда и французскіе актеры, нравившіе въ то время въ Петербургѣ, жертвуя своимъ роднымъ патриотическимъ чувствомъ, разыгрывали русскія патриотическія пьесы на французскомъ языкѣ. Такъ, известный въ то время актеръ Дальмакъ поставилъ въ свой бенефисъ Озерскаго «Дмитрія Донского», а знаменитая трагическая артистка Жоржъ исполнила роль княжны «Кесинъ». Но такіе спектакли въ петербургской публикѣ не находили сочувствія и встрѣчали одно холодное вниманіе.

Все вышеназваннаго артиста, съ открытіемъ войны, перестала посѣщать французскій театръ. Рассказываютъ, что передъ объявленіемъ войны случилось въ немъ слѣдующій казусъ:

Въ то время существовать обычаемъ вѣдѣтъ со сцены составъ спектакля на слѣдующій день, и актеры, выходя всегда съ тремя обычными поклонами, говорили: Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner и прочее. Когда же началась война, то однажды первый актеръ Дюрентъ, выйдя для анонса и начавъ свою всегдашнюю фразу: Messieurs! увидѣвъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель, и то, кажется, довольно постыдное лицо, а потому тотчасъ же перемѣнилъ начало рѣчи и сказалъ: «Monsieur, demain nous aurons l'honneur...» закрыть спектакль, распустивъ труппу и т. д.

Ненависть къ французамъ, въ годъ войны, въ народѣ была чрезвычайно сильна. Много людей востридало за то только, что не оставило обыкновенія говорить на улицѣ по-французскіи. Простой народъ останавливалъ такихъ господъ, подхрипалъ ихъ въ шпіонствѣ и передавалъ въ руки полиціи. Чуть-чуть за такую привычку говорить по-французски не платились жизнью директоръ петербургскихъ театровъ, князь Тюринъ.

книги, запертый въ Казанскомъ соборѣ, во время обѣды, со своимъ знакомымъ на этомъ неизвестномъ въ то время языкѣ. Только находившаяся и порядительность довела полицейскаго офицера спасла жизнь князя. Онъ пробился сквозь толпу и учтиво попросилъ князя Тюрякина послѣдовать за нимъ къ главнокомандующему, графу Вязмитинову. Князь повиновался и нѣсколько сотъ людей послѣдовали за нимъ въ Большую Морскую. Волна эта безпрестанно возрастала дорогою; всѣ твердили, что поймали князя. Толпа эта увеличивалась и безъ полицейскаго конвоя едва ли князь остался бы живъ. Графъ избавилъ князя отъ печальныхъ сценъ, выпустивъ его изъ другихъ воротъ и выслалъ къ народу полицеймейстера Чихачева съ объявленіемъ, что приведенный человекъ вовсе не князь, а русский князь.

Въ Петербургѣ за все время войны спектакли не прерывались. Но въ Москвѣ ихъ уже не было. Грозный громъ битвы подъ Бородинымъ уже гремѣлъ въ жерны, и жрецы Талии и Мельомены испуганно бѣжали изъ предѣловъ Визокаменной.

Князь Долгоруковъ въ «Канищѣ моего сердца» рассказываетъ два эпизода изъ жизни паннихъ актеровъ изъ Москвы во время вступленія французскихъ партизанъ неприятельскіе уже начинали грабить около нашей невинной, тогда мы снабдили подводами семейства актеровъ: Мочалова съ женою и дочерью и пѣвицу Посову съ матерью—и доставили имъ возможность добраться до Ярославля, куда изъ Москвы выѣхали ихъ начальники. При вземъ горѣ и несчастіи, въ которомъ великій изъ насъ тогда находился, были минуты, въ которыя нельзя было не рехотаться. Напримеръ, когда я увидѣлъ, что Посова натянула дугу у телеги сама въ нее впрягала лошадь. Посову, которую и помню въ театрѣ, французскую оперу въ свой бенефисъ, которой, кромѣ четырехъ тысячъ съ собой въ одинъ вечеръ, летали еще изъ партера на сцену коньки съ дегтяремъ и ключи—было жалко и смѣшно... Не меньше было забавно и Мочалову, когда онъ вдругъ прибѣжалъ къ матери моей и трагически вопіялъ прошив неизбежна нашего управителя. Дѣло было въ слѣдующемъ: Мочаловъ, видя, что мы спланируемъ стѣпенны, желалъ нанять квартиру на заводѣ, отъ котораго мы жили въ верстѣ разстоянія. Управителемъ въ ведомствѣ, узнавъ, что онъ актеръ, запретило ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покараетъ весь заводъ за то, что онъ принятъ въ такое важное время грѣшныя актеры.

Послѣднее театральное представленіе въ Москвѣ дано 30-го августа 1812 года во вновь построенномъ театрѣ у Арбатскихъ воротъ. Шла драма С. П. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль въ этой драмѣ играла Наталья. Представленіе это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Театръ не простоялъ и двухъ мѣсяцевъ, и съ первыхъ же дней

представленія онъ неохотно посѣщался публикой и сѣрами едва окупала ежедневные расходы. Графъ Растропчинъ, тогдашній губернаторъ Москвы, по открытіи его, сказалъ: «Чтобы поддержать его, нужно купить двѣ тысячи дунъ крестьянъ и принисать ихъ къ нему, такъ какъ на одну публичку надѣяться нельзя». Въ этомъ театрѣ шли спектакли на русскомъ и французскомъ языкѣ—послѣдніе, впрочемъ, уже очень неохотно посѣщались—были даже такіе неизвестныя французскія, которые публично выражали свое неудовольствіе къ французскимъ актерамъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Русятниковъ, человекъ почтенныхъ лѣтъ, изъ купеческаго сословія, но французились въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Онъ былъ большой театралъ и поклонникъ, извѣстной пѣвицы Лидіи Саидуновой, добивавшей уже свои аріи. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представлений извѣстная французская пѣвица Анриэ Андріэ. Русскіе театралы извѣдывались и вооружились противъ француженки. Поклонникъ Саидуновой и всего отечественнаго, Русятниковъ, сталъ во главѣ неудовольныхъ, и въ первый же спектакль садится въ первый рядъ кресель, и только что начинается Анриэ дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ кресель и съ заткнувшими ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая направо и нѣлво взгляды презрѣнія и негодованія на всѣхъ французскихъ, какъ ихъ тогда уже называли, съ легкой руки патрота С. П. Глинки.

При вступленіи Наполеона въ Москву, ни одного уже театра не существовало. Префектъ двора императора, генералъ Боссе, изгнать театры для придворныхъ представлений. Во время занятія Москвы французами, уцѣлѣлъ отъ пожара, но не отъ разграбленія, одинъ только частный театръ Позднякова, на Никитской улицѣ, гдѣ теперь домъ князя Юсупова. Этотъ театръ славился въ старой Москвѣ своею роскошью, своимъ зимнимъ садомъ и своими затѣями великоко пропедагога възла. Его спектакли привлекали массу посѣтителей. Крѣпостная труппа Позднякова была вполнѣ прекрасная. Вся Москва такъ и рвалась смотрѣть ихъ.

Этотъ-то домъ Позднякова и избралъ генералъ Боссе для представлений уцѣлѣвшей французской труппы во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ еще до вступленія Наполеона, въ Москвѣ существовала труппа французскихъ актеровъ, подѣ управленіемъ даровитой г-жи Бюрсей. Збытая всѣми во время всеобщаго бѣгства въ Москву, семья этихъ артистовъ пріютилась въ отъомномъ домѣ князя Гагарина, въ Басманной, въ части города, совершенно противоположной той, куда давала была вступитъ армія.

Вотъ какъ описываетъ актриса Фюси свое пребываніе въ то время въ Москвѣ (см. «Souvenirs d'une actrice, par madame Louise Fusil»): «Начался пожаръ Москвы; отъ сильнаго вѣтра огонь разнесся съ не-

обмывали быстротою. Ночью мы не закипали спать, потому что было гораздо светлее нежели днем. По временам раздавались перывы, в виде русских выстрелов. Домъ, въ которомъ мы думали найти безопасное убежище, загорелся, и мы съ трудомъ успели вынести изъ себя изъ своихъ вещей изъ сада. Мы хотѣли искать убежища въ Петропавловскѣ, но безъ военного конвоя не смѣли туда отправиться. Кудожникъ изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, мы всецѣ находили бедныя гробовыя и оубытныя. Между тѣмъ приказано было отыскать артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, изъ которыхъ одни должны были пѣть во дворцѣ, другіе играть комедіи. Исполненіе такого приказа казлось весьма затруднительнымъ въ городѣ, вначистѣ ограбленномъ: гдѣ было найти нужныхъ костюмовъ, декораций, свѣтъ, масла для лампъ и т. д. Короли успѣли утратить свои цуригуровыя мантии и одѣлись въ одежды сержантовъ. Мантии замѣнили имъ державныя сандалии. Въ такомъ печальномъ положеніи нашли питомцевъ музы генераль Вессе. Они доложили императору о печальной участи артистовъ. Императоръ приказалъ немедленно имъ выдать значительную сумму денегъ.

Г-жа Борсей представила генералу Вессе всѣхъ членовъ своей труппы, которая состояла изъ гг. Адие, перваго трагика парижскаго театра Сен-Мартенъ, Перу, Гессе, Лефевра и г-жъ Андре, Перигюа, Мекенъ, Фюви, Ламираль и Адие.

Но въ каземъ жалкомъ видѣ предстали эти артисты передъ взоромъ своего начальника: первый трагикъ явился въ фризовой шинели и шинель ополченія, первый любовникъ въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ; второродный отецъ безъ сапогъ и съ дырявыми локтями; злодѣй безъ необходимой части туалета — безъ штатова, въ коротенькомъ пиджакѣ. Дамы были еще смудѣе одѣты — вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ индичь и бродягъ. Одна только Борсей, г-жа Борсей, была одѣта въ красной дунгрѣйскѣ на киченьку, мѣху и въ головномъ уборѣ Маріи Стюартъ съ чернымъ страусовымъ перомъ и въ чашкѣ, въ которой некогда играла въ «Трехъ султанахъ» и «Заирѣ».

Полупарушенный театръ Пондвикова былъ приведенъ въ порядокъ. Его отъ дини, выбѣлини, доски одѣли драшировкою, занавѣсъ сняли изъ цѣльной кирпичи, которой довольно нашлось въ золотокружныхъ ридяхъ, спасенныхъ отъ разграбленія. Повѣшено было стосемидесятимѣстное панцирѣ, изъ чистаго серебра, которое некогда украшало храмъ Вожій. Сцена была убрана съ роскошью. Богатѣйшая мебель, драгоценныя украшения, бронзы явились въ изобиліи. Ихъ извлекали изъ-подъ гонимъ и изъ погребовъ, куда жоквичи прятали свои сокровища, предавая жизнь огню. Кремлевскія палаты, катерен Чудова монастыря и волоколеса Пивна Великаго были биткомъ набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Графъ Дома, которому Наполеонъ поручилъ надзѣть за Бр-млемъ, все это отрылъ въ подземельяхъ и редушно открылъ эти богатства передъ новымъ директоромъ театра, который и обратилъ ихъ въ бутылочныя и гардеробныя пенци. Гардеробъ наполеоновскаго театра могъ представлять богатствомъ и роскошью невиданною и неслыханною. Здѣсь не было ничего мишуриата, все было чистое золото и серебро. Фиги роскошныя: «нельзя себѣ представить той издности, съ которою обрѣзанные, почти нагіе артисты бросились вскрыть тяжелые сундуки бояръ московскихъ. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ, женщины снимали другъ у дружки старинныя атласныя робонды бѣлушечки и т. д. Въ порывѣ восторга актеры и не замѣчали, что подъ пышною одеждою у нихъ не доставало самаго необходимѣйшаго — бѣлья». Три дни спустя послѣ приказа Наполеона, театръ былъ открытъ для военной публики. Вотъ первая афиша, которую передаемъ съ фотографическою точностію.

Théâtre Français à Moscou

Les comediens français auront l'honneur de donner mercredi prochain
7 octobre 1812

Une premiere representation
du Jeu de l'amour et du hasard,
comédie en 3 actes et en prose de Mariveau
suivie
de L'amant auteur et valet
comédie en 1 acte et en prose de Ceron.

Dans le «Jeu de l'amour»: M-rs Aduet, Perroud, St. Clair, Belcour,
Bertrand. M-mes André, Fusil.

Prix de places

Premières galeries 5 roubles ou 5 francs.
Parquet 3 roubles ou 3 francs.
Seconde galerie 1 rouble ou 1 franc.

On commencera à 6 heures précises.

La salle du spectacle est dans la grande Nikitskaia, maison de Poniakoff.

Первый спектакль прошел блестяще, зрители не переставали аплодировать и кричать bravo. Въ первомъ актѣ замѣчались изъ которыхъ старыя драбанти гвардіи сидѣли въ первыхъ рядахъ въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Оба ряда ложи были наполнены чиновниками штаба и офицерами всѣхъ войскъ и павіи. Публика при великой вѣрнѣйшій кричала: «Vive l'Empereur! Vive»

Нароботы: Понного женщину можно было насчитать из театр; из присутствивных женщин почти все были обитательницы Кузнецкого моста — модистки и несколько гувернанток без места. Оркестр состоял из лучших музыкантов гвардии и был вполне превосходный. Между тем как солдаты аплодировали и кричали bravo артистам, товарищи их попеременно охраняли театр. Кой-где разложены были огни, и чрезвычайное множество бочек с водою и ведер стояло около самого театра. По всей же Никитской и по бульварам тянулись сторожевые кавалеры и шкеты: такая строгая мера предпринималась на случай пожара, могущаго произойти на сцене.

За все время пребывания французов в Москвѣ дано было одиннадцать представлений. Пьесы, имѣвшія особенный успехъ, повторялись несколько разъ, давали: «Три султана», «Migano», «Le procureur arbitre», «Side et Zaïra» и многія другія.

Но не весело было актерамъ и актрисамъ. Вотъ что говоритъ Фюзи: «Когда намъ велѣли играть комедію, мы думали, что надъ нами шутятъ. У насъ не было ни платья, ни бѣлья, ни баннаковъ. Однако, ленты и шкеты посылались на насъ градомъ, ихъ находили въ казармахъ и вѣдъ гвардіи; къ стыду французовъ — эти казармы гвардіи, гдѣ разбѣжались ленты, были свѣтые соборы Кремлевскій, Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій». Но преданію, самъ Наполеонъ не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного представленія. Впрочемъ, Фюзи въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что онъ заходилъ однажды въ спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префектъ Боссе устроилъ совершенно другаго рода удовольствіе: между иностранцами, жившими в Москвѣ и уцѣлѣвшими при обстрѣлѣ, наняли итальянца — гѣвца Таркино. Онъ пользовался популярностью в Москвѣ какъ преподаватель пѣнія. Къ нему дошли и письма Мартини, сына автора оперы: «Рѣдкая вещь» (La cosa rara) и «Діанно древо». Еще знали пѣвицу романсовъ и аристокъ г-жу Фюзи. Артисты были представлены ко двору и каждый вечеръ представляли Наполеону концертъ изъ пьесъ любимыхъ его авторовъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ концертовъ г-жа Фюзи:

«Я была романсъ, которымъ прославила себя въ московскихъ гостиныхъ. Въ присутствіи Наполеона зрители не аплодировали; но романсъ, никому неизвѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ-то во время пѣнія, не слышалъ романса; однакожъ, шумъ и вѣдъ заставилъ его спросить о причинѣ графа Боссе. Мы приказали ему повторить романсъ. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король Неаполитанскій вѣспросилъ у меня музыку. Романсъ этотъ написалъ въ рыцарскомъ духѣ»...

На театрѣ также привлекалъ особенное вниманіе портретъ публички родъ Боссе — или разнохарактернаго дивертисемента, который пѣли въ

быть вѣсть французскими актерами у русскихъ. Онъ состоялъ изъ разныхъ танцевъ и преимущественно изъ русской пляски, которую превосходно плясали двѣ сестры Ламираль — по рожденію русскія.

«Седьмого октября», разсказываетъ графъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ, «императоръ призвалъ меня и началъ разспрашивать объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ перечислять артистовъ, которыхъ можно взять съ театра большой комедіи въ Парижѣ, не вѣдая его составу. Отвѣтилъ имена ихъ карандашемъ на лоскуткѣ бумаги, онъ повѣрилъ о мѣркахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву. Списокъ не былъ еще конченъ, какъ наши занятія были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адъютанта Мората. — «Что новинка?» спросилъ императоръ, все еще разсматривая свой списокъ... — «Государь! Мы разбиты!» отвѣчалъ посланный. Наполеонъ ядаль отъ русскаго императора мирныхъ переговоровъ; онъ шель въ нему. Отвѣтъ этотъ былъ — пораженіе короля Неаполитанскаго подъ Тарутиннымъ войсками Беннигсена».

Въ тотъ же вечеръ были отданы приказъ выступить изъ города и строиться за Калужскою заставой. Эта внезапная вѣсть изумила все войско. Графъ Боссе поспѣшилъ уведомить о ней свою труппу, предоставляя на волю актеровъ, оставаться въ разграбленной Москвѣ, или слѣдовать за войскомъ.

Выступленіе французовъ изъ Москвы продолжалось нѣсколько дней сряду. Сначала выступили команды съ захваченными сокровищами, потомъ пошли обозы, лазареты, наконецъ потянулись и самыя полки въ разныхъ заставы. Девятаго октября маршалъ Мортие вывелъ изъ Москвы послѣдній остатокъ войска.

Очень немногіе изъ актеровъ Наполеона вернулись на родину.

Выѣхали артисты изъ Москвы довольно забавно: первый любовникъ похвально верхомъ, трагики и комики помѣстались въ лазаретномъ фургоу. Перваго любовника, г-жа Андре, вмѣстѣ съ директоршею, г-жею Бюросей, раздобыли ладо — и выѣхали на тройкѣ лошадей, подпеченныхъ имъ префектомъ. До Смоленска еще кое-какъ они дотащались, но уже въ Смоленскѣ обрушились на нихъ всевозможныя несчастія. Пероне, первый любовникъ, потерялъ тамъ своего буцафала и отморозилъ ноги; при выѣздѣ же изъ Смоленска, въ лазаретной фуркѣ, онъ былъ безжалостно брошенъ на большой дорогѣ и умеръ съ холоду. Аде, первый сюжетъ труппы, тоже скоро навѣдалъ всю превратность судьбы человѣческой: въ Смоленскѣ онъ забавлялся дивертисемъ, рукоприкладіемъ и колотками и на пути отморозилъ себѣ руки и ноги, а при переездѣ черезъ Березину утопилъ свою колеску и жену. Г-жа Андре и Бюросей долго путешествовали на одной хромой кавалерійской лошади въ стужаго зимняго радиомъ янчикѣ, но ночь кончилась на одѣжѣ ихъ и началась, во время переезда черезъ Березину, ядра раздробило ихъ. Бюросей и таже долго

г-жу Анну, отчего первая любовница скоро на пути и умерла. Сам директор театра граф Бессе, долго путешествовал верхом на пуникѣ, отморозилъ ноги и кое-какъ добрался до Франціи. Одна водевиллиши актриса Фокс, послѣдовательница этого скорбнаго путешествія, благополучно и съ особенныхъ приключеній добралась до предѣловъ родины и еще одна отговляла свой походъ дѣломъ человеколюбія; во время входа французскихъ войскъ въ Вильну, въ суматохѣ, какіе-то родители потеряли ребенка; Фоксъ взяла его подъ свою защиту, и при всей своей бѣдности, она дѣлалась съ пріемнымъ послѣднею крохою и воспитала дѣвочку, которую французы презвали «вилленской сырткой». Впоследствии ея исторія дала поводъ Скрибу написать драму «Ольга, русская сырота».

По возвращеніи французовъ, первый поставилъ придворный театр императора Александръ знаменитый драматическій писатель князь А. А. Шаховской. Вотъ какое печальное зрѣлище онъ увидѣлъ: на сценѣ валялись дохлая лошадь и падаль, лѣстница, корридоры и залы были зарюмужены мебелью, зеркалами, инструментами. Въ уборныхъ валялись обрѣзки бархатныхъ и шелковыхъ матерій, изъ которыхъ артисты выкраивали себѣ кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и шинсеры, и т. д.

Въ ожиданіи возрожденія Москвы и московскаго театра, нѣкоторые изъ московскихъ артистовъ жили въ Петербургѣ, хотя и считались московскими.

Это были: Зловъ, Телченокъ и Саудуновъ; всѣ они подъ конецъ перешли на задѣльную сцену; только передъ смертью Саудунова покинула Петербургъ и умерла въ Москвѣ.

Театръ московскій возродился въ 1814 году. Первая пьеса, имѣвшая на московскій сценѣ большой успѣхъ и игравшая болѣе тридцати разъ къряду, была драма Бориса Одерова «Крестянинъ-офицеръ, или извѣстіе о возвращеніи французовъ изъ Москвы».

Въ 1814 году, въ Москвѣ, первоначально театральныя представленія давали въ домѣ Ст. Ст. Апраксина, на Знаменкѣ. Спектакли открылись 30-го августа любимую въ то время оперою «Старинныя свитки»; затѣмъ, пошло названнаго нами пьесы, имѣли большой успѣхъ драмы: «Храбрый кавалеръ при вѣнчаніи враговъ», соч. Вронченки. Затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всегообщее околѣченіе» и комедія Бориса Одерова «Докторъ Борисовичъ Правдухинъ».

Даже сюжеты были применены къ обстоятельствамъ того времени и носили чисто патріотическіе характеры; вотъ они: «Любовь къ отечеству», «Русскіе въ Германіи», «Русскіе въ Парижѣ», «Кавказъ въ Лондонѣ», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій».

Позднѣе, въ 1815 году, большой успѣхъ производилъ дивертисементъ «Семьдесятъ два гулянья на Марьиной рошѣ»; въ этомъ дивертисементѣ

русскіе солдаты славили подвиги русскаго оружія, лучшіе пѣвцы и пѣвицы пѣли патріотическія пѣсни, и балетныя артистки рисовались въ русской плькѣ въ богатыхъ національных костюмахъ. Здѣсь же знаменитый въ то время пѣсенникъ Лебедевъ пѣлъ со своимъ хоромъ. Этотъ семикъ былъ перенесенъ балетмейстеромъ Глушковскимъ на сцену Останкинскаго театра, гдѣ и давался во время пребыванія тамъ короля Прусскаго.

День генералиссимуса Суворова.

Русский «чудо-богатырь» Суворовъ остался загадкою для потомства. Быстрый, решительный, предприимчивый не только въ военныхъ дѣйствіяхъ, но и въ своихъ поступкахъ, разнообразный до безконечности, какъ разнобразны были окружающія его обстоятельства, великій вождь и въ то же время странный старикъ, который то шалить какъ ребенокъ, то обнимать мысленно цѣлый міръ, рѣшаетъ въ своемъ умѣ самыя сложныя вопросы, касавшіеся счастья миллионовъ людей, или судьбы государства. Человѣкъ, обладавшій всеми способами и средствами по своему знанію, но не пользуется ими, презираетъ роскошь, спитъ на соломѣ, пьетъ воду, довольствуется солдатскимъ сухаремъ, борется съ собственными страстями, обуздываетъ ихъ и остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ, какъ и въ дѣйствительной войнѣ. Истинные свои замыслы онъ всегда прикрываетъ фарсами и лакомическими остроуміями.

Дѣянія Суворова принадлежатъ исторіи, мы ихъ не коснемся, но возьмемъ одну его частную жизнь и домашнія привычки, которую по черпнемъ изъ разсказовъ его приближенныхъ и слугъ.

Всѣхъ его слугъ было пятеро: старшимъ изъ нихъ былъ его камердинеръ, прохоръ Дубасовъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Прошки». Этотъ вѣрный слуга фельдмаршала пережилъ своего барина и умеръ въ 1823 году въ семьдесятъ лѣтъ. Въ уваженіе заслугъ его господина, въ день откритія памятника Суворова на Царицыномъ лугу¹⁾, онъ былъ пожалованъ императоромъ Александромъ I въ классный чинъ съ пенсіею въ 1,200 рублей въ годъ. Помощникомъ этого камердинера, или, какъ его называли, подкамердинеръ, былъ сержантъ, Иванъ Серебевъ; онъ на-

ходилъ при Суворовѣ шестнадцать лѣтъ безотлучно и поступилъ къ нему въ 1784 году изъ Козловскаго мушкетерскаго полка; впоследствии онъ находился при слѣдѣ героя, Аркадія Александровича, до самой его смерти, постигнувшей сына въ той же рѣкѣ, которая доставила отцу славное имя «Рымникскаго». Третьимъ подкамердинеромъ, или, вѣрнѣе, дежурникомъ Суворова, былъ сержантъ Илья Сидоровъ, зятѣмъ принадлежалъ генералиссимусу еще фельдшеръ, который по временамъ пускаться ему кровью. Въ тѣ года кровопусканіе считалось единственнымъ средствомъ отъ многихъ болезней, и многіе прибѣгали къ нему. Пятымъ приближеннымъ слугою Суворова былъ поваръ «Матка». Вся эта прислуга спала въ спальнѣ Суворова; на первый призванъ его являлся къ нему.

День Суворова начинался съ первыми пѣтухами; въ первомъ часу онъ приказывалъ будить себя, но въ военное время онъ пробуждался еще ранѣе, и даже перѣдко и въ мирное время онъ дѣлалъ ученье полкамъ въ ночное время. Ночной бои, говаривалъ Суворовъ, выгодеиъ тому, кто отяжелеиъ и смѣлѣе, ибо тутъ число войска не видно и мало значить, да и отъ стрѣльбы толку мало. Ночной походъ тоже служить въ пользу тому, кто любитъ являться передъ непрителемъ внезапно. Суворовъ приказывалъ себя будить, не слушая никакихъ его отговорокъ. «Если не послушаю, тати меня въ ногу!» Спать Суворовъ на слѣдѣ, укладенномъ татѣ высоко, какъ парадная постель. Надъ слѣдомъ постилалась толстая парусинная простыня, на нее тонкая полотняная, въ головкахъ дѣлѣ его пуховыя подушки, которыя вѣду за нимъ возились; третью простыню служила ему вмѣсто одѣяла. Въ холодное время онъ сверху простыни накрывался своимъ синимъ плащомъ. Ложили въ постель Суворовъ безъ рубашки. Вставъ съ постели, неодѣтый, нагнемъ, онъ начиналъ бѣгать взадъ и впередъ по спальнѣ, а въ лагерѣ по своей палаткѣ; перѣдко въ лѣтнее время онъ бѣгалъ въ такомъ видѣ въ садѣ, гдѣ и маршировалъ въ тактъ. Это продолжалось съ часъ времени; во время такихъ эволюцій онъ держалъ въ рукахъ тетрадки и твердилъ татарскія, турецкія и корельскія слова и разговоры. Для практики въ послѣднемъ изыскѣ онъ у себя держалъ нѣсколько кореловъ изъ собственныхъ своихъ новгородскихъ потчигъ. Послѣ такого урока, онъ умыкался; ему, по обыкновенію, приносили въ спальню два ведра самой холодной воды и большой мѣдный тазъ; въ продолженіе получаса онъ вылискивалъ изъ ведеръ воду себѣ на лицо, говоря, что это помогаетъ глазамъ. Послѣ этого его камердинеръ долженъ былъ оставивъ воду тихонько лить ему на плечи, такъ, чтобы вода стекла рубашкомъ, касаясь до догтятъ, для чего онъ и держалъ докты въ такомъ положеніи. Мытье окончилось во второмъ часу ночи. Обтирался Суворовъ передъ каминкомъ; въ это время входилъ въ спальню его поваръ Матка съ чашемъ; онъ только одинъ имѣлъ право напивать ему чай и даже въ его присутствіи кинять воду. Наливъ половину чашки, онъ подавалъ ему отбѣ-

¹⁾ Погребенъ въ 1801 году, по модели ваятели Козловскаго. Сперва на Марсовомъ полѣ, потомъ перенесенъ къ берегу Нова, по приказанію императора Александра I.

двигать; чай был крѣпко, разбавить водою. Суворовъ любитъ черный чай, лучшаго качества, и еще приказывалъ его просѣивать сквозь сито. Чашки выписывалъ изъ Москвы черезъ своего управлющаго, и при выпискѣ приказывалъ, чтобы прислать ему «наилучшаго, какой только обрѣтается и можетъ... Но цѣны купи какъ бы тебѣ дорого ни показался, выбери его черезъ вѣнатоковъ, да перенеси мнѣ очень сохранию, чтобы посторонній духа онъ отнюдь не набрался, а соблюдать бы свой духъ весьма чистый».

Въ свободные дни онъ пилъ по три чашки со сливками, безъ хлѣба и безъ сахара; въ постные дни безъ сливокъ и строго наблюдать въ посты, исключая среды и пятницы. А во время Страстной недѣли Суворовъ ничего не ѣлъ, а только пилъ одинъ черный чай безъ хлѣба.

При подачѣ чая, требовать бѣлой бумаги для записыванія своихъ уроковъ и вытверженнаго имъ. Суворовъ не писалъ чернилами, а всегда тушию. Письма онъ писалъ на толстой бумагѣ, иногда на небольшихъ клочкахъ самымъ мельчайшимъ почеркомъ; слогъ его былъ кратокъ и мужественъ, и въ выборѣ выраженій такъ мѣтось, что онъ никогда не попракивалъ. Запечатывать онъ ихъ самымъ дорогимъ сургучомъ огромной печатью съ знаменами, пушками и саблями съ надписью: «*virtute et veritate*», т. е. «доблесть и вѣрность» — девизъ Суворова.

Послѣ чая онъ спрашивалъ повара, что онъ будетъ готовить и что будетъ для гостей. Поваръ отвѣчалъ, что будетъ. «А для меня что?» спрашивалъ Суворовъ. Въ постный день поваръ отвѣчалъ: уха, а въ скоромныя — щи; вторымъ блюдомъ было жаркое. Сладкаго Суворовъ не ѣлъ, соевовъ также. Большой же званный обѣдъ для гостей у него былъ изъ семи блюдъ, и никогда болѣе. Если кто желалъ уюстить Суворова, то приглашалъ къ себѣ его поваря; другой стряпни онъ не ѣлъ. Суворовъ очень любилъ, когда у него обѣдали и говорили много за столомъ, но кто много ѣлъ, онъ терпѣть тѣхъ не могъ. Разъ какой-нибудь иностранецъ обѣдалъ у него и удивилъ его и всѣхъ присутствующихъ своимъ апетитомъ. Всякое блюдо быстро исчезало. Суворовъ смотрѣлъ съ изумленіемъ. На другой день не могъ онъ позабыть этого происшествія и сказалъ: «Ну, спасибо гостю, онъ первый изводитъ справедливость искусству моего повара, ѣлъ, какъ будто у него нѣтъ желудка. Онъ не подходитъ подъ указъ Петра Перваго объ отпускѣ двухъ зайковъ; для него мало и четырехъ». Суворовъ не считалъ деньги на парадные обѣды. Потемкинъ много разъ навелъ къ нему на обѣдъ. Суворовъ вѣжливо отлучивался; но, наконецъ, принужденъ былъ пригласить его съ многочисленною свитою. Суворовъ приказываетъ къ себѣ Матоне, метрдотеля, служившаго у Потемкина, приказываетъ ему роскошный обѣдъ и проситъ его не платить денегъ за него, а для себя приказываетъ своему повару приготовить два блюда. Обѣдъ вышелъ роскошный, и удивилъ даже самого

Потемкина, привычнаго къ роскоши. Но выраженію Суворова, за столомъ, «рѣдкая виноградныхъ слезъ неслла на себѣ принести обѣдъ Индій». По самъ онъ, кромѣ двухъ блюдъ, подъ предлогомъ нездоровья, ничего не ѣлъ. На другой день, когда Матоне представилъ ему счетъ, простирившійся за тысячу рублей, то Суворовъ опасался платить его и только надписалъ на немъ: «я ничего не ѣлъ» и отправилъ его къ Потемкину, который тотчасъ записалъ, сказавъ: «Дорого стоить мнѣ Суворовъ!»

По возвратимел опять къ утру Суворова. Послѣ чая онъ, все еще неодолимый, сажился на софу и начинать пѣть по нотамъ духовные концерты: Боргинскаго и Сарти; такое пѣніе продолжалось цѣлый часъ; онъ очень любилъ пѣть, голосъ у него былъ басъ. У Суворова, въ московскомъ домѣ, близъ церкви Вознесенія, у Никитскихъ воротъ, жили даже крѣпостные пѣвчіе и музыканты. Онъ ихъ тамъ держалъ для усовершенствованія въ музыкѣ и пѣніи, и приказывалъ ходить учиться къ другимъ, славившимся тогда по Москвѣ, какъ, напримеръ, Голицынскимъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ управлющему, Суворовъ говоритъ: «А простое пѣніе всегда было дурно и болше, кажется, его испортить. Божень, велимъ гласомъ съ Кабанскаго». Во время своего житія въ деревнѣ, пѣвчіе эти переводились изъ Москвы въ имѣніе.

Послѣ пѣнія Суворовъ сѣвшиль одѣваться; туалетъ свой онъ совершалъ не болѣе какъ пять минутъ и въ концѣ послѣднимъ еще умывалъ лицо холодною водою. Велѣвъ загнѣть онъ приказывалъ своему камердинеру Пронкѣ позвать своего адъютанта, полковника Данилу Дамодовича Мандрыкина, съ дѣлами.

Ранѣе еще семи часовъ Суворовъ отряпался на разводъ и здѣсь каждый разъ прочитывалъ свой катехизисъ, состоящій изъ слѣдующихъ военныхъ афоризмовъ: «Братья! Смѣлость, храбрость, бедность, экзерцицій, побѣда и слава! Береги пулю на три дни. Первую коли, вторую коли, а третью съ пули уберѣ... Ученый одинъ, а неученыхъ — десять. Намъ мало трехъ! Дай намъ шесть, дай намъ десять на одного... всѣхъ побьемъ, покалимъ, въ полонъ возьмемъ... Стрѣлый рѣдо, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пули обшинулится, а штыкъ не обшинулится; пули дура, штыкъ молодецъ».

Къ разводу Суворовъ выходилъ въ мундирѣ того полка, какой былъ тогда въ караулѣ. Послѣ развода, если не было докладныхъ и дѣлъ, онъ приказывалъ инженернаго полковника Фалалона для чтенія иностранныхъ газетъ. Суворовъ выписывалъ до двѣнадцати заграничныхъ газетъ: шесть французскихъ и шесть нѣмецкихъ, и, кромѣ того, «Московскія и Петербургскія Вѣдомости». Изъ оставшихся послѣ Суворова разведеннаго книги видно, что онъ на газеты тратилъ въ годъ около трехсотъ рублей.

Послѣ чтенія газетъ Суворовъ спрашивалъ, подано ли кушанье. Если онъ не садился въ 8 часовъ утра, то тогда у него были парадные обѣды, въ восемь часовъ. Передъ обѣдомъ онъ пилъ ромку тушию

сладкой пудры, иногда на место ее золотой, а когда страдалъ желудкомъ, то вышивалъ в ромбу и биннику съ толченымъ перцемъ. Закусывалъ водку всегда рюмкой. Приборъ за столомъ у него былъ самый простой: оловянная ложка, ножъ и вилка съ бѣлыми костяными черенками; на серебряномъ блюде, говоря: «въ серебрѣ есть ядъ». Супорюмъ никогда не садился въ кухонское мѣсто, а всегда съ боку, по правую сторону стола, на самомъ углу. Передъ обѣдомъ, идучи изъ столу, онъ читалъ громко: «Отче нашъ». Кушанья не ставили на столъ, а носили прямо изъ кухни, съ огня, и чаще въ блюдахъ, обнося каждого гостя, и начиная со старшихъ. Супорюму подносили не всякое блюдо, а только то, которое онъ кушалъ; Супорюмъ наблюдалъ величайшую умеренность въ пище, онъ часто страдалъ расстройствомъ желудка. Камердинеръ его, Пронка, всегда стоялъ передъ его стула и не допускалъ его съѣсть лишнее, прямо отымая тарелку, не убеждаясь никакими просьбами, потому что зналъ, что въ случаѣ недорожья Супорюма, онъ же будетъ въ отвѣтъ и подвергнется строгому наказанію: «Загѣмъ давать лишнее ѣсть?» И если въ такой моментъ развѣданный его баринъ спрашивалъ, по чьему приказанію онъ это дѣлаетъ, то онъ отвѣчалъ: «По приказанію фельдмаршала Супорюма». — «Ему дозволено повиноваться», говорилъ Супорюмъ. Часто Пронка обходился весьма дерзко со своимъ баринкомъ, что случалось, по большей части, оттого, что онъ былъ постоянно пьянъ, но Супорюмъ снисходительнѣе ему потому, что онъ вѣкогда спасъ его жизнь. Король Сардинскій, Карлъ Эммануилъ, прислалъ Пронкѣ двѣ медали на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ императора Павла I, на другой — своего портрета, съ латинскою надписью: «За сохраненіе здоровья Супорюма». Пронка всегда носилъ ихъ на груди.

Въ продолженіе обѣда Супорюмъ пилъ немного венгерскаго или мадлага, а въ торжественные дни — шампанское. Супорюмъ никогда не употреблялъ вина, не ужиналъ. Накормить и напоить онъ не любилъ; нарѣдка только, въ место ужина, подавали ему нарѣзанный ломтиками лимонъ и обильнѣе сахаромъ, да иногда ложечки три варенья, которыя онъ выпивалъ съ медомъ виномъ.

Во время походовъ Супорюмъ никогда не обѣдывалъ одинъ; столъ его накрывали на пятнадцать, на двѣнадцать персонъ для генераловъ и прочихъ чиновъ, составлявшихъ его свиту. За столомъ Супорюмъ имѣлъ предостереженіе: не терѣлъ, чтобъ брали соль ножомъ изъ солонки, двигали ее съ мѣста или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпая съѣсть на тарелку соли, сколько ему угодно, и тому подобное...

Послѣ молебна всегда крестился три раза; вообще онъ молился очень усердно и всегда съ земными поклонами, утромъ и вечеромъ, по четверти часа и даже въ. Во время Великаго поста въ его комнатахъ великій день отправлялись Божественная служба; а когда гонѣлъ онъ, во всю недѣлю пелъ одну чашу, безъ хлѣба. Во время Божественной службы у себя дома,

какъ и въ деревнѣ, онъ всегда служилъ дячкомъ, зная церковную службу лучше многихъ причетниковъ. О Святой недѣлѣ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню въ церкви, онъ становился въ рядъ съ духовникомъ и христосовался со всѣми, кто бы ни былъ въ церкви. Во все это время его камердинеры стояли сзади его, съ лужонками крашеныхъ лицъ, и Супорюмъ каждому подкидывалъ яичко, а самъ ни отъ юго не бралъ. Во всю Святую недѣлю паша и куличи не сходили съ его стола и предлагались каждому изъ гостей.

Въ Троицкій день и Семикъ онъ праздновалъ по старинному русскому обычаю; обѣдывалъ всегда съ гостями въ рощѣ подъ березками, украшенными разноцвѣтными лентами, при иванѣ и вѣвчнхъ или ивсепниковъ и при хорахъ музыки. Послѣ обѣда самъ игралъ въ хорободахъ съ дѣвчонками и съ солдатами. Въ походахъ, во время Святыхъ, если это случалось въ городахъ, то всегда праздновалъ ихъ шумно, приглашая множество гостей, забавлялся игрою въ фанты и въ другія игры, и особенно очень любилъ игру: живъ, живъ, курилка. На масляницѣ онъ очень любилъ гречневые блины и катанье съ горъ. А также на этой недѣлѣ давалъ балы, иногда раза три въ недѣлю. Самъ онъ на нихъ присутствовалъ до обыкновеннаго своего часа сна, и когда тотъ наступалъ, онъ потихоньку уходилъ отъ гостей въ спальню, давая гостямъ веселиться до утра. Именины и день своего рожденія никогда не праздновалъ, но всегда съ большимъ почтеніемъ праздновалъ торжественные царскіе дни: въ эти дни онъ бывалъ въ церкви во всѣхъ орденахъ и во всемъ парадѣ, и послѣ обѣда приглашалъ гостей, а иногда дѣлалъ балы.

Въ обыкновенные дни, послѣ обѣда, Супорюмъ умывался, вынималъ стаканъ англійскаго шна, съ натертой лимонной коркой и съ сахаромъ — злеть напитокъ тогда вела въ употребленіе книжка Данилова — читалъ, раздѣлялся со всѣми до-вѣла и ложился въ свою постель спать часа на три. Вставъ послѣ сна, онъ одѣвался очень быстро. Одежда его, кромѣ бѣлья, состояла изъ некакого камифасаната платя съ гульфиками; садясь на стулъ, онъ надѣвалъ наколѣвники и китель, бѣлый камифасаный съ рукавами. Это былъ его домашній, комнатный нарядъ. И въ заключеніе надѣвалъ на шею Аннинскій или Александровскій орденъ. Зимой ни въ какой морозъ не носилъ онъ мѣхового платя, ни даже теплыхъ фуфусокъ или перчатокъ, хотя бы цѣлый день долженъ былъ стоять на морозѣ. Плана и сюртука не надѣвалъ въ самую большую дѣждь. Въ самые суровые морозы, подѣ Очаковомъ, Супорюмъ въ лагерѣ былъ въ одной сукончатѣ съ кашей на головѣ, а въ царскіе дни — въ мундирѣ и въ шинели, и всегда безъ перчатокъ. Императрица Екатерина II послала ему дорогую соболью шубу польскаго покрою, крѣпкую расшитыми зеленымъ бархатомъ съ золотыми петлицами и кистями. Но Супорюмъ никогда не надѣвалъ ее и только изъ повиновенія два дня надѣвалъ, когда выходилъ изъ кареты, въ которой съ большимъ удовольствіемъ вонять ее.

Зимую Суворовы любили, чтобы въ комнатахъ его было такъ тепло, какъ въ банѣ; онъ разгуливалъ безъ великаго платья по комнатамъ. Въ Варшавѣ и въ Херсонѣ его квартиры были всегда съ садомъ, по которому онъ гулялъ всегда въ одномъ бѣлизѣ и въ сапогахъ. Квартира его состояла изъ трехъ комнатъ. Первая комната была его спальня, вторая съ тѣмъ кабинетъ, вторая шла за столовую, гостиную и кухню, а третья—назначалась для его слугъ. Въ спальнѣ его всегда горѣли двѣ восковыя свѣчи, а въ камердинерской, воелъ его спальня горѣла одна свѣчая, въ тазу, во всю ночь.

Суворовъ часто свѣтъ накинчилъ, и оттого подвергался приливамъ и крикамъ; во время такихъ припадковъ прислуга должна была будить его. Суворовъ очень любилъ мазаться помадою и прыскаться духами; особенно онъ любилъ одеколонъ, которымъ великій день смазывать узелокъ своего платка. Табаку онъ никогда не курилъ, но любилъ нюхать очень часто рульной табакъ. Табакерку въ будничные дни онъ имѣлъ золотую, а въ праздники осыпанную брилліантами; такихъ у него было нѣсколько, все подарки царственныхъ особъ; онъ не любилъ также, чтобы нюхали его табакъ. Неплющеніе было только для князя Г. С. Волконскаго, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ. Онъ не терпѣлъ, чтобы въ домѣ его были зеркала, и если въ отведенной ему квартирѣ оставались зеркала, то ихъ закрывали простынями. «Номилуй Богъ» говорилъ онъ, «я не хочу видѣть другого Суворова». Если же случалось ему увидѣть незнакомое зеркало, то тотчасъ отвернется и во всю прыть проскачетъ мимо, чтобы не увидѣть себя. Однажды только въ Херсонѣ, по усильной просьбѣ дамы, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней комнатѣ маленькое зеркало, которое онъ прозвалъ «для дамы, кокетки» и самъ въ эту комнату не входилъ. Да и дамы послѣ такого его отказа не смѣли туда идти. Во время пребыванія Суворова въ Таврическомъ дворцѣ, по приказу императрицы, самое точное вниманіе было оказывалось къ причудамъ фельдмаршала, уже не говоря о томъ, что всѣ зеркала были завѣшаны и дорогая мебель вынесена; но и комнаты были приспособлены такъ, какъ у него въ домѣ. Такъ, для спальни назначили комнату, гдѣ есть каминъ; для кабинета же особой комнаты не дали. Въ спальнѣ фельдмаршала, посрединѣ, къ стѣнѣ настлали сѣна, которое покрыто простыней и одѣяломъ; въ головы положили двѣ большія подушки, въ составило всюданною его постель. У окна поставили столъ для письма, двое кресель и маленький столикъ, въ которомъ его по вечерамъ пили чай. Кушанья для Суворова подѣлавались въ скоромные дни были приготовляли въ пяти горшечкахъ. Въ скоромные дни были: разными пряными веществами говядина, подѣлаваемая изъ свѣжей или кислой капусты; иногда калмыцкая похлебка—бармакъ, пельмени, каша изъ разныхъ крупъ и жаркое изъ картофеля. Въ постные дни: белые грибы, различно пригото-

вленные, шпроты съ грибами, иногда жидовскія щука; готовилась она такъ: снимаютъ съ щуки кожу, не отрѣзавши головы, и очистивъ мясо отъ костей, растираютъ его съ разными пряностями; фаршируютъ имъ щучью кожу и, скрививъ, подаютъ съ хлѣбомъ... Суворовы любили и просто разварную щуку, подѣлаванную щучи съ голубями перомъ.

Суворовъ не любилъ зеркала не терпѣлъ и своихъ портретовъ. Кажется, курфирстъ Саксонскій первый упросилъ его списать съ него портреты для дрезденской галереи. Онъ прислалъ къ нему извѣстнаго живописца Миллера. Суворовы очарованы его своими разговорами.

— Вана князь, сказать онъ ему, — изобразить черты лица моего: онъ видима, но внутренній человекъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Тренцу, но люблю моего близкаго; въ жизнь мою никого не сдѣлать я несчастнымъ, не подписать ни одного смертнаго приговора, не раздавить моею рукою ни одного наѣзжанаго, бывають малъ, бывають великъ!

При этихъ словахъ онъ вскочилъ на стулъ, прыгнулъ со стула и прибавилъ:

— Въ приливѣ и отливѣ счастья, упокая на Бога, бывають я неподвиженъ такъ, какъ теперь: онъ сѣлъ на стулъ.—Вдохновитесь гениемъ и начинайте, сказать онъ Миллеру.

— Твой гений вдохновитъ меня! воскликнулъ Миллеръ.

Суворовъ при себѣ не носилъ никогда ни часовъ, ни денегъ, также и въ домѣ его никогда не было часовъ; онъ говорилъ, что солдату они не нужны и что солдату и безъ часовъ должно знать время. Когда надо же было идти въ походъ, никогда въ приказѣхъ своихъ не назначали часа, но всегда приказывалъ быть готовыми съ первыми вѣтхами; для того, онъ выучился вѣтъ вѣтхомъ и когда время настало, выходилъ и выкрикивалъ «кукареку». Голова его немедленно раздвигалась и воиска выступали въ походъ.—Также не держалъ при себѣ Суворовъ никакихъ животныхъ, но, увидѣвъ на дворѣ собаку или конку, любилъ ихъ приласкать; собакъ кричалъ: «гамъ, гамъ», а коншѣ: «миу, мяу», подражая ихъ голосу.

Живилъ въ деревнѣ съ Покрова или въ Великомъ посту, въ одной изъ своихъ комнатъ устранивалъ родъ садка; полъ горницы приказывалъ устилать нескомъ, поставитъ тамъ слоки и сосенъ, поставитъ ящики съ кормомъ и напуститъ туда скворцовъ и великой мелкой птицы. Такъ до Свѣтой недѣли тамъ и жили птицы у него какъ въ саду. А въ Великій праздникъ, когда станеть потеплѣе, велитъ ихъ выпустить на волю. Онъ скажетъ, — промахнулся, рано прилетѣли, и на свѣту имъ было вѣтъ нечего... Вотъ теперь до тепла, пускай у меня поживутъ на свѣтѣ.

Въ поморскомъ своемъ имѣніи Суворовъ въ домашней жизни былъ еще неприхотливѣе: точно также рано вставалъ, ходилъ въ церковь, по праздникамъ звонилъ въ колокола, игралъ съ ребятишками въ бѣбазъ; на Масляной недѣлѣ строилъ лединую гору; на Свѣтой—качели, катанья по

лду на коньках, любить утопать всѣхъ виномъ, но самъ не пить и не любить пьянства; даже зимой приказывать поливать водой у колодца такихъ крестьянъ, которые плохо пьянствовали. Простота его въ жизни доходила до того, что онъ на мѣсто лодки переправлялся на рѣкѣ въ чану, утвердивъ канаты съ берега на берегъ. Суворовъ говоритъ: что военному надо на всемъ умѣть переплывать рѣки—и на бревнѣ, и на доскѣ.

Суворовъ ежедневно ходилъ по десяти и болѣе верстъ, и когда усталъ, то бросался на траву и, валиясь нѣсколько минутъ на травѣ, держась ногами къверху, приговаривая: «это хорошо, чтобъ кровь стекла!» То же приказывалъ дѣлать и солдатамъ. Докторами, какъ мы выше уже говорили, съ нимъ сильно не добликались, и когда его подчиненные просились къ больному, то онъ говорилъ имъ: «Въ богадельню эту не ходите. Первый день будетъ тебѣ постель мягкая и кушанье хорошее, а на третій день тушь и гробъ! Доктора тебя уморять. А лучше, если нездоровъ, вынеси верочку вина съ перцемъ, побѣгай, попрыгай, поваляйся и вдоройся. Будешь!».

Когда Суворовъ захворалъ смертельно и когда сыпь и пузыри покрыли все тѣло его, то онъ слегъ въ постель и велѣлъ отыскать аптеку блаженной памяти Екатерины.—Она мнѣ надобна только на память, говорилъ Суворовъ, не любившій лекарствъ.

Простота и воздержность Суворова сроднилась его съ недугами и научила его переносить легко и безъ ропота; суровая жизнь закалила тѣло его отъ невзгодъ и была хорошей боевой школой. Школа Суворова хорошилась и подъ его причудами, только не сразу до смысла причудъ можно было добраться.

Грѣхъ Сетюръ говоритъ въ своихъ запискахъ: «что Суворовъ прикрывалъ бисестія достоинствъ странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованій сильныхъ завистниковъ». Потемкинъ сказалъ о немъ: «Суворовъ ни на что не «пересуворить». Екатерина, желая вывести Потемкина изъ обаянаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, посоветовала ему подслушать въ разговорѣ въ соседней комнатѣ. Удивленный глубокомыслиемъ и умомъ Суворова, Потемкинъ какъ-то упрекнулъ его за то, что онъ съ нимъ говорилъ такъ: «Съ царями у меня другой языкъ», отвѣчалъ Суворовъ: «Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, онъ сказалъ окружающимъ: «Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили цари, обидли воины, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворѣ надо мною смѣялись; я бывалъ при дворѣ, но не при дворѣ, а Ээномъ и Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ и благодѣлательствомъ Россіи, кривлялся и корчился. Я нѣтъ шутухомъ, пробуждаю сонливыхъ, утомляю буйныхъ враговъ отечества; если бы я былъ царь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его, но всѣмъ чуждался бы его пороковъ!».

Отецъ Суворова.

Въ нашей исторической литературѣ нѣтъ совсѣмъ биографіи Василія Ивановича Суворова, а между тѣмъ это былъ человекъ далеко не заурядный. Для облегченія будущаго биографа В. И. Суворова, я сообщаю въ настоящей запискѣ тѣ немногія и отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя мнѣ удалось найти какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ источникахъ.

Отецъ генералиссимуса Суворова, генераль-аншефъ Василій Ивановичъ Суворовъ родился въ 1705 году, въ Москвѣ; отецъ его, Иванъ Григорьевичъ, былъ въ царствованіе Петра Великаго генеральнымъ вѣстовымъ писаремъ. Вотъ что говоритъ о своихъ предкахъ фельдмаршалъ Суворовъ: «Въ 1622 году выѣхали изъ Швеціи Паумъ и Суворъ и по ихъ челобитью приняты въ Россійское подданство; именуемы честные мужи раздѣлились на разныя поколѣнія и по Сувору стали называться Суворовы».

Изъ документовъ, представленныхъ въ 1786 году фельдмаршаломъ Суворовымъ въ Московскую Дворинскую Опеку, видно, что отецъ его, Василій Ивановичъ, былъ крестникомъ Петра Великаго и началъ службу въ должности дешифратора и переводчика, и, по кончинѣ императора, императрицею Екатериною Первою былъ вышущенъ лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ сержантомъ.

Векоръ Вас. Ив. Суворовъ былъ пожалованъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ онъ и продолжалъ службу до капитана. При императрицѣ Аннѣ Бонаповнѣ онъ служилъ въ полкахъ въѣзжихъ прекуроромъ и въ это время участвовалъ, вмѣстѣ съ Ушаковыми, въ Тобольскѣ, въ разсылкѣ надъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, извѣстнымъ фаворитомъ и оберъ-камергеромъ императора Петра Второго, мужа не менѣе знаменитой княгини Наталіи Барановны.

Въ царствованіе императора Іоанна VI Суворовъ, февралю 2-го

1741 года, уволен от должности полковой службы прокурора и определен к гражданским делам с чином коллежского советника. В том же году он назначен прокурором в генераль-берг-директорию в Санкт-Петербурге. В 1753 году, марта 29-го, Суворов произведен в обер-прокуроры Синода, но по высочайшему повелению пожалован в бригадиры и в декабре того же года произведен в генераль-майоры и назначен членом Военной Коллегии.

В чине д-та Военной Коллегии за 1754 год находится указ об отставке от Оренбургского гарнизона Пензенского полка подполковника Романа Давыдова, за имевшимся у него болельными от пошской и питательной службы, подписанный января 31-го генераль-майором Василием Суворовым. В 1758 году, января 7-го, Вас. Пв. Суворов произведен в генераль-майоры в генераль-поручики, с оставлением в Военной Коллегии; апреля 20-го 1760 года, Суворов командирован к русской армии, находящейся за границей, и состоит при прованском правлении. На дорожные его с штабом издержки выдается по тысяче рублей.

Во время его пребывания за границей в этой должности, императрица Екатерина поручала ему большие денежные операции, очень благоволила к нему, и в июле того же года пожаловала орденом святого Александра Невского. В этом же году государыня ему писала:

«Решившаяся к вам из Познани от 6-го июля к нам отпращивая, причинила вам особенное удовольствие. Что в Познани, не смотря на все бывшие затруднения, однакожь столько вами провизанта запасено, что армия наша с собою слишком мала; то потому упомянуем, что ревностным вашим старанием и в Калише не с меньшей скоростью потребный магазин основан не будет. Число съездов и операций за тем отнюдь остановлено не будет. Число ради великодушнейшего апробуем заключенный вами с графом Гуровским и комиссаром Циманом на то контракт и за передачу не ставим, что приложить Ян Остенъ за меньшую сумму несколько дешевле, а хлеб, который уже поспевает, и так, конечно, в провизанте недостатку не будет. Что до денег принадлежит, то, во-первых, повторим вам наше благоволение и признанием за знак прямого усердия все трудности преодоления, что вы и не имея денег, столько однакожь части успели, что в Познани будут и остатки; а потому контракты свято исполнять надлежит. Но как теперь и деньги не весьма скоро к вам доставлены быть могут, хотя векорь значительные суммы отпращиваются, то коротко рекомендуем вам нужную экономию хранить; особливо же того смотреть, чтоб армия в пропитании недостатка, а в провизанте остановки, не имела, в чем мы на вас совершенно по-

лагаем и для того почитаем, что всемерно надлежит вам лучше ближе к армии быть, нежели далеко назади в Познани оставаться. Мы пребываем к вам императорскою милостью благосклонны. Дать в Царском Селе июля 18-го 1760 года.

Августа 16-го, того же года, государыня назначила Суворова сенатором; в сентябре, 12-го числа, состоялся другой указ на имя его: «О повелении из армии до окончания кампания назначенного 16-го августа в сенаторы Суворова». В декабре того же года государыня назначила его в должность генераль-губернатора заведенной части Пруссии. Указ о назначении был тоже очень милостивый.

«Отзывки нашего», говорилось в нем, «генераль-поручика из Пруссии губернатора Корфа сюда для определения генераль-полковника, всевысочайше восхотели мы определить вас на его место точно на таком же основании и с таким жалованьем, какое он получать. Почему и имеем мы немедленно в Кенигсберг ехать и его сменить, а мы уверены пребываем, что и в семь новых постов с тою же ревностно службу вашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вам наше удовольствие и благоволение, пребывая императорскою милостию вам благосклонны. Дать в С.-Петербурге декабря 1760 года по именному ея императорскою величества указу. Подписали: князь Трубецкой, граф Михаил Воронцов, граф Александр Шувалов, граф Шувалов (второй), Иван Пеплов, князь Яков Шаховской, статский советник Волков».

Числа в указе не было выставлено; но так как курьеры из Петербурга в Познань приехали в девять дней, то следует полагать, что это назначение состоялось 12-го декабря 1760 года.

Известный Андрей Бологов, в своих записках, дает нам характеристику В. П. Суворова. Из разговора его с ним, по приезде в Кенигсберг, он замечает, что Суворов был «довольно обо всем сведущ», но только в нем не было ни малейшей пышности и величавости такого, какое примамки они видят в президе губернаторе. Губернатором он был разумным, деловым и притом крайне трудолюбивым; вставал он так рано, что уже в два часа пополуночи бывал всегда одет и можно было его всякому видеть. Стать его была очень умбранный, гостей к себе он никогда не звал и вообще отличался расчетливостью. Он входил во всякое дело с основанием и не давал никому водить себя за нос. Делу при нем шли очень хорошо; усердие его к службе было так велико, что он не только работал, но и исправлял все, чего требовал долг его. По словам Бологова, он днем и ночью помышлял и о том, как бы доход, получаемый тогда с королевства и простиравшийся только до двух миллионов талеров, из которых один миллион тратился на расходы по управлению, сдвигать больше и значительнее. В конце концов, Суворов

своими стараниями и трудами дошелъ до того, что сократилъ многочисленныя расходы и увеличилъ почти цѣлымъ милліономъ доходы съ малороссийскаго государства, чѣмъ и приобрѣлъ особенное благоволеніе императрицы Елисаветы.

Жить онъ началъ отъ всякой пышности и великолѣбія и рѣдко, только въ торжественныя дни, всталъ на обѣды, но когда къ нему прѣѣхали дѣти его дочери, то онъ сталъ жить нѣсколько открытѣе, и нѣрѣдка для дочерей събиралъ давать балы; обѣ дочери уже были тогда невѣсты, и одну изъ нихъ онъ въкорѣ выдалъ замужъ за генераль-пробіантмейстера лейтенанта князя Пана Романовича Горякова.

Прѣѣхавъ къ нему въ Кенигсбергъ на короткое время и будущій фельдмаршалъ, въ то время еще подполковникъ, но уже славившійся за большого чудака и оригинала.

При вступленіи на престолѣ императора Петра III, Суворовъ былъ уволенъ отъ губернаторства и на мѣсто его назначенъ генераль-поручикъ Пашинъ. Указъ объ отозваніи его изъ Пруссіи состоялся 27-го декабря 1761 года. Волостовъ пишетъ, что «все сожалѣли искренно добраго, усерднаго и справедливаго губернатора», все привыкли къ его крикуму и хорошему прозу и считали какъ бы своимъ роднымъ. Его проводили со слезами. Прѣѣзжая съ своими прежними подчиненными, онъ расцѣловалъ всѣхъ ихъ дружески, пожелавъ имъ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Суворовъ перенесъ невѣжество государя мужественно, не выказавъ ни малѣйшаго неудовольствія, тотчасъ сдать всю команду и все управленіе новому губернатору и немедленно отправился въ Россію.

30-го января 1762 года генераль-лейтенантъ Василій Ивановичъ Суворовъ назначенъ на мѣсто Соимонова, Тобольскимъ губернаторомъ, но, какъ слѣдуетъ думать, въ Тобольскъ не уѣхавъ, такъ какъ, спустя полгода, находился еще въ Петербургѣ.

Въ запискахъ Штеллина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III говорится, что В. И. Суворовъ вмѣстѣ съ Ад. Вас. Олеуфьевымъ былъ посланъ въ Ораниенбаумъ съ отрядомъ гусаръ и конной гвардіи для арестованія голландскаго генералитета со всѣми оберъ- и унтеръ-офицерами и прочими войсками. Здѣсь голландцы отдали Суворову свои шпаны и тесаки, послѣ чего онъ объявилъ ихъ военнопленными и заключилъ въ крѣпость.

Суворовъ приказалъ составить описъ всѣмъ находившимся во дворцѣ голландцамъ, суммамъ и драгоценнымъ вещамъ. На другой день Суворовъ съдалъ разборы всѣмъ арестованнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Изъ нихъ русскіе, малороссіине и ливонцы были приведены къ присягѣ въ дворцовой церкви, а голландцы и другіе иностранцы посажены на суда и перевезены въ Кронштадтъ. Вечеромъ въ тотъ же день Суворовъ объявилъ офицерамъ, что правительство полагается теперь на ихъ присягу, и кардиналъ имъ разойтись по квартирамъ, съ тѣмъ, чтобы они

на слѣдующій день готовы были ѣхать въ Петербургъ. На другой день, все оставшіяся въ Ораниенбаумѣ войска преобразованы были подъ прикрѣпемъ гусаръ въ Петербургъ. Затѣмъ, на слѣдующій день, они вступили въ Петербургъ и вечеромъ расположились по квартирамъ въ Московско-Ямской. Этимъ и ограничили дѣйствія В. И. Суворова въ знаменательные дни вступленія императрицы Екатерины II на престолѣ. Государыня произвела его въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ премьеръ-майоромъ и въ лейбъ-гвардіи Измайловскій — подполковникомъ.

Въ началѣ августа 1762 года губернаторамъ и воеводамъ были посланы указы собрать справки о томъ, сколько гдѣ имѣется нерозданныхъ земель и дикихъ полей, а также лѣсовъ и всякихъ угодій, и представить ведомости въ Сенатъ. Императрица повелѣла продавать эти земли съ публичнаго торга въ С.-Петербургской Военной Канторѣ подъ глазами вѣдѣемъ сенатора В. И. Суворова. Въ началѣ же 1763 года была учреждена подъ его предѣлительствомъ особая коммисія о продажѣ казенныхъ земель и «въ дачахъ не бывалыхъ земель»¹⁾. Въ концѣ того же года, государыня наградила Суворова чиномъ генераль-аншефа; а черезъ три года, въ день восшествія своего на престолѣ, пожаловала его орденомъ св. Анны первой степени.

Вас. Ив. Суворовъ умеръ въ Москвѣ, въ 1775 году, генераль-аншефомъ и сенаторомъ. Родовой его домъ находился на Царницкой улицѣ, называвшаяся Большая Никитская; домъ этотъ былъ третьимъ отъ церкви Вознесенія. Въ тѣ года, эта церковь еще была помещикомъ обителью во имя Осодора Студита, основанная родоначальникомъ дома Романовыхъ.

За алтаремъ этого храма даже послѣ 1812 года существовали могилы родителей великаго Суворова, покрытыя деревянною крашеною кровелькой; впоследствии камень съ высѣченною на немъ надписью отъ небреженія утратился, или употребленъ на починку церкви.

По разсказамъ старожиловъ-прихожанъ, фельдмаршалъ, когда бывалъ въ Москвѣ, всегда служилъ каноникомъ, а въ церкви за обѣдней читалъ Апостолъ и раздавалъ милостыню нищимъ за упокой родителей своихъ. Теперь уже нѣтъ никакого признака могилъ родителей Суворова; онъ сравненъ съ землей.

Домъ Суворова былъ каменный, одно-этажный; надъ нимъ надстроили другой этажъ только въ шестидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Недалеко до 1812 года онъ былъ купленъ княземъ-то дворяномъ. Въ тридцатыхъ годахъ имъ владѣлъ купецъ Велеръ, а въ семидесятыхъ годахъ домъ принадлежалъ барону Шеннигу.

В. И. Суворовъ былъ очень экономенъ, вѣрнее сказать до скупости, и очень свѣдущъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ приказовъ императорскому двору по имѣніямъ, видно, что онъ часто приказывалъ своимъ управлю-

цать строгим придерживаться порядковъ, существовавшихъ при покойности его отца.

В. П. Суворовъ зналъ нѣсколько языковъ и перевелъ известное сочиненіе П. Пана «Основаніе крѣпостей».

Женатъ былъ В. П. Суворовъ на Авдотѣ Оедосѣевнѣ Мануковой; отецъ ея служилъ при Петрѣ I дьякомъ и описывалъ Ингерманландію по урочищамъ. Во время празднованія свадьбы князя-кнѣзя отъ участвовало въ торжественной процессіи, одѣтый по-польски, со скринкою въ рукахъ. При имени князя Анни Юанновнѣ отъ былъ петербургскимъ воеводою и въ концѣ 1737 года судился за злоупотребленія по службѣ. Дочь его, Авдотья Оедосѣевна, какъ это видно по раздѣльной записи, принесла въ приданое имѣніе въ Москвѣ и имѣніе въ Орловскомъ уѣздѣ.

Внучка она замужъ въ концѣ 20-хъ годовъ. Въ 1760 году Авдотья Оедосѣевна въ завѣхъ уже не было; въ перепискѣ съ сыномъ, за все время ея долгой жизни, не говорится о ней ни слова, также не встрѣчается ни одного письма или воспоминанія.

В. П. Суворовъ имѣлъ двухъ дочерей и сына — старшая его дочь Анна Васильевна¹⁾, какъ мы упоминали, была замужемъ за генераль-поручикомъ княземъ Пикномъ Романовичемъ Горчаковымъ; родилась она въ 1744 году и умерла въ 1813 году, похоронена въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ близъ главной церкви; на семейной могилѣ Горчаковыхъ три черныхъ урны — на средней изъ нихъ слѣдующія эпитафія:

«Здѣсь прахъ почтеть тебѣ, что слава и серебра
«Среди міра тѣшимаго въ себѣ жизни не печала,
«Но добродѣтели на небо возлетала:
«Со Горчакова мать — Суворова сестра!»

Внучка также: сочинять г. Дерзавинъ.

Младшая дочь В. П. Суворова, Марья Васильевна, была замужемъ за действит. ст. сов. Алексѣемъ Васильевичемъ Оленевымъ, служившимъ воеводою въ губернскимъ предводителемъ дворянства. Оленевъ жилъ въ роскошно устроенномъ своемъ имѣніи, Ермоловѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Вологды. Онъ былъ человекъ весьма образованный по тому времени: имѣлъ у себя хорошую бібліотеку и самъ писалъ и переводилъ книги философскаго и нравственнаго содержанія; также книги и переводилъ невѣстно на нѣтъ. Какъ жена генералессимуса, такъ и онъ самъ съ сноровкой жилъ у него въ имѣніи. Оленевъ прожилъ съ женой всего три года, и въ слѣдствіи былъ женатъ на другой. Онъ былъ очень друженъ съ невѣсткой въ свое время потомъ, тоже вологжанinomъ, Мих. Шук. Муравьевымъ. Оленевъ умеръ въ 1788 году, въ Петербургѣ, и похороненъ въ

Новскомъ монастырѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ. На могилѣ его найдены слѣдующія эпитафія:

«Сіе изъ мрамора и металла надгробіе положила оставшаяся по немъ вторая жена и рожденная отъ нея снѣтъ его, неутѣнно слѣдующіе о разлученіи съ нимъ и горестно оплакивающіе его кончину.

«Останки тѣшимаго того сокрыты тутъ,
«Кой вѣчно будетъ жить чрезъ свой на снѣтъ трудъ,
«Чѣмъ Шпальдинъ, Домулинъ и Юмъ себя прославилъ,
«То Оленевъ своимъ соотчичамъ оставилъ.
«Былъ воинъ, судья, мудрецъ и экономъ,
«Снискавшій честь сохой, и шпагой, и перомъ.
«Жилъ добродѣтельно и кончилъ жизнь безъ страху
«Читатель, ты, его похвалъ почтенье праху,
«Къ Всевышнему мольба усерднѣ вознеси,
«Да духъ блаженствуетъ его на небесахъ.»

¹⁾ Анна Васильевна владела въ Москвѣ домомъ въ приходѣ Трехъ Святителей на Большой Явницкой ст. 5-я квартира, по нумераціи дома 2.

Стародавнє старчки, пустосвяты и юродцы.

Въ самомъ началѣ появленія юродивыхъ, уже явились люди, которые для своихъ корыстныхъ цѣлей пользовались легковѣрjemъ народа. Юаннъ Грозный во второмъ посланнiи къ собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы бѣгаютъ изъ села въ село, въ поле и бѣлье, съ распущенными волосами, трясутся и бѣютя, и кричатъ: св. Анастасія и св. Пятница взялиъ имъ» и пр. ¹⁾

Въ слѣдующемъ жалбѣ столбци злоупотребленія въ этомъ отношеніи достигли крайней предѣлы, такъ что патриархъ принужденъ былъ запретить прѣдаться въ церкви юродивыхъ и нищихъ. «Посеке — сказано было въ огульной грамотѣ 1646 г. — отъ ихъ крику и шеску православнымъ христіанамъ божественнаго гласа не слышать; да тѣмъ въ церкви въ Божіи приходитъ аки разбойники съ наски, а подъ тѣми наски у нихъ бывають конейца желѣзныи и бывають у нихъ межъ себе брани до крови и лии смрадная».

Въ началѣ XVIII вѣка въ обихѣ столицахъ развелось особенно много юродивыхъ и другихъ странныхъ и полунорманнскихъ людей, которые явились въ церкви въ «концунныхъ одеждахъ», кричали, пѣли и дѣлали разныя безнечетки во время богослуженія — единственно изъ корыстнаго желанія обратить на себя вниманіе богомольцевъ.

Такіе порядки въ церквахъ вызвали со стороны св. Синода слѣдующее постановленіе отъ 14-го іюля 1732 г.: «юродивыхъ по церквамъ въ столицахъ бродить не допускать, въ концунныхъ же одѣвннхъ и въ церквахъ не впускать, а въ приличномъ одѣвнн они могутъ входить, но стояли бы съ должною тихостію не между народомъ, но въ удобномъ уединенномъ мѣстѣ. А буде они стануть чинить каковыи своеволия, и

ихъ къ тому не понуждать и наказывать за то имъ, изъ юродивыхъ, отъ свещенно-церковнослужителей угрожительные способы. А ежели они отъ того страху никакого имѣть не будутъ, то ихъ во время всякаго церковнаго гласа изъ тѣхъ церквей высылать вонъ. Каковыи же нишѣ юродивые при здѣшнихъ церквахъ суть, тѣхъ сыскать въ духовное правленіе и какими возможно способами испытывать, нишѣ о томъ, не притворствуютъ ли они, и потомъ слѣдовать какъ надлежитъ: чей онѣ крестьянинъ, какъ и отъсюда принять и гдѣ пристанище имѣть, и отъсюду пищу и одежду получаетъ, и собираемыи отъ подателей деньги куда они отдають».

Изъ этого указа видно, что Синодъ преслѣдовать не юродство, а только соблазнительные недостатки юродивыхъ; тѣмъ болѣе, что въ то время нѣкоторые изъ юродивыхъ жили даже при дворѣ, и имъ поручались многія благотворительныя дѣла, какъ, напримеръ, раздача милостыни и пр. Императрица Анна, пугливая и подозрительная, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за появившимися въ рязнѣхъ вогнищамъ, какъ она выражалась, «якобы свитыми», т. е. тѣми типическими проходимцами черезъ всю исторію Россіи, такъ называемыми «юродивыми», перѣдѣо вѣдѣвннми въ иносказательной формѣ о рязнѣхъ тѣхостяхъ и печаляхъ народныхъ, о злоупотребленіяхъ власти и т. д. При дворѣ матери императрицы Анны Іоанновны, набожной царицы Прасковьи Оедровны, находилось множество рязнаго рода калѣвъ и юродовъ. Историкъ Татищевъ, посѣщавшій царицу, разсказываетъ, что у нея были цѣлая гонималъ уродовъ, юродовъ, ханкей и палуновъ. Изъ числа ихъ особеннымъ почетомъ пользовался нѣкто Тимофей Архипычь; у него цѣлокли руки, просили благословенія, ждали пророческихъ сказаній, и каждому съ простому слову придавали загадочное и таинственное значеніе.

I.

Тимофей Архипычь.

К. Тромонинъ ¹⁾ говоритъ о немъ слѣдующее: «1731 году, мая мѣ. 29-й день, при державѣ благотворившей великой государыни нашей императрицы Анны Іоанновны всей Россіи, преставилъ рабъ Божій Тимофей Архипычь сыгы, который, остави шашонное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ; а жилъ при дворѣ матери еи императорскаго величества государыни императрицы благотворившей государыни царицы и великой княгини Параскеви Оедровны двидѣть осемь лѣтъ и

¹⁾ См. крапне рѣдкое изданіе «Достопримѣчательности Москвы», изд. въ 1812 году, 6 стр., стр. 73.

по себе. 30-й день мая въ Чудовомъ монастырѣ, въ стѣнѣ церкви Ангела, наружу съ южной стороны.

Къ этому относится картина, гдѣ Тимофей изображенъ лежащимъ въ гробѣ; видно, какъ извѣстно по преданію, императрица Анна Иоанновна.

Болтинъ говоритъ про Тимофея Архипьяча, что онъ умѣлъ ловко уловить черты осуждающаго его общества и весьма мѣтко сформулировать свойственныя свойства характера Анны Иоанновны. За ея благоуміе и монашеству онъ называлъ ее «Аноисой» и въ монастырѣ, а ея строптивость и самодурство выражалъ въ присловіи, которое произносилъ постоянно при видѣ Анны Иоанновны: «Донь, донь, донь!—царь Иванъ Васильевичъ!»

Татищевъ рассказываетъ, что Тимофей Архипьячъ его не долюбилъ за то, что онъ не былъ суевѣренъ и руки его не изловчатъ. «Однажды», пишетъ Татищевъ, «передъ отъѣздомъ въ Сибирь, я пріѣхалъ проститься съ царицею, она, жалуя жени, спросила моего шалуна: скоро ли я возвращусь? Онъ отвѣчалъ на это: «руды много ископаетъ, да и самого ископаетъ».

Пророкъ это, однако, не сбылось. Другая царица Прасковья, Настасья Александровна Нарышкина, питала къ Тимофею Архипьячу чувство глубокаго уваженія и довѣрія, чтла его память и послѣ его смерти. Ея правнучка, Елисея Алек. Нарышкина, Тимофей Архипьячъ слѣдующее²⁾: «По занятіямъ этого блаженный былъ живописецъ и съ юныхъ лѣтъ расписывать храмы; послѣдней его работой были въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, по преданію, помѣстилъ портреты царицы и ея друга Нарышкиной; всѣмъ изученнымъ тамъ имъ деньги за работы, какъ и все свое остальное, онъ роздалъ бѣднымъ, и послѣдніе годы своей жизни употребилъ на странствованія по Святѣмъ мѣстамъ».

Дальше же именитая дама приводитъ слѣдующій религіозно-мистическій и историко-политическій разсказъ, который мы передаемъ въ сокращеніи:

«Въ послѣдніе годы жизни П. А. Нарышкина, по обыкновенію своему, пребывала въ своей молельной. Однажды, болѣе чѣмъ когда либо озаренная будущаю своею потомствомъ, въ виду возмущавшихъ ее дуну пресоборствъ и реформъ, введенныхъ въ Россію Петромъ I, она пала на колѣна и, въ пылу религіознаго увлеченія, возносила къ небесамъ молитву о томъ, чтобы родъ ея неизмѣнно оставался вѣрнѣмъ истинному православію и не прекращался никогда. Внезапно ее озарило видѣніе:

она видитъ передъ собою, на воздушьхъ, колѣнопреклоненнымъ Тимофея Архипьяча, держащаго въ рукѣ свою длинную сѣдую бороду. Обращаясь къ ней, онъ произнесъ: «Настасья, ты молила Бога, чтобы родъ твой не пресѣкался и пребывалъ въ православіи; Господь опредѣлитъ иначе, и молитва твоя вполнѣ услышана быть не можетъ. Но я замолить Всевышняго, и доколѣ въ семьѣ твоей будетъ сохраняться въ цѣлости мой борода, желаніе твое будетъ исполнено, и родъ твой не прекратится на землѣ».

Устраненная и изволнованная этимъ видѣніемъ и словами, Нарышкина упала и лишилась чувствъ. Когда ее подняли, и она пришла въ себя, то въ рукахъ ея оказалась длинная сѣдая борода, «та самая, которую я, приближаясь ей правнучка, видѣла у свекра моего Ив. Алек. Нарышкина, родного внука Наст. Алек. Нарышкиной». Борода эта сохранилась въ особенномъ ящикѣ, на днѣ котораго лежала шелковая подушка съ вышитымъ на ней крестомъ, и на этой подушкѣ покоилась эта реликвія, или семейный талисманъ.

«Мнѣ особенно памятна эта борода», продолжаетъ Е. А. Нарышкина, «потому что вскорѣ послѣ моего замужества свекровь моя настояла, чтобы я временно перевезла ее къ себѣ въ домъ, въ надеждѣ, что ея присутствіе въ нашемъ домѣ принесетъ съ собою благословеніе Божіе и что у насъ съ мужемъ будутъ дѣти. Не могу теперь достоверно опредѣлить, въ какую именно эпоху борода исчезла и, не смотря на самыя тщательныя розыскы, не могла быть отыскана. Когда хватились бороды и не нашли ее, то послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ, мы остановились на томъ убѣжденіи, что мой свекоръ, переѣзжая въ новый домъ, подумалъ помѣстить въ этомъ ящикѣ свою коллекцію бѣлыхъ мышей, которыхъ онъ очень любилъ и для которыхъ ещѣ это помѣщеніе весьма удобнымъ хранилищемъ при переѣздѣ. Затѣмъ остается предположить, что мыши привели эту бороду въ такое состояніе, что самъ Нарышкинъ, боясь уцѣлокъ жены, выкинулъ ее по пріѣздѣ въ новый домъ; или прислуга, приводя въ порядокъ шкапулку, забросила или потеряла эту бороду; при этомъ достойно замѣчая, что въ годъ исчезновенія бороды получены были извѣстія отъ старшаго брата мужа, проживавшаго съ семьей за границею, что у единственнаго сына его Александра проявились первые признаки того тяжкаго недуга, который свелъ его въ могилу; такъ какъ онъ наследниковъ послѣ себя не оставилъ, эта вѣсть Нарышкиныхъ, послѣ кончины моего мужа, дѣйствительно пресѣкалась».

¹⁾ См. приключенія на исторію Россіи г. Леклера, т. II, стр. 497.

²⁾ См. Рус. Архивъ 1874, т. I, стр. 642.

Ксения Григорьевна.

Во время императрицы Елизаветы Петровны известна была горючих «Ксения Григорьевна»¹⁾, жена придворного певчего Андрея Оедорыча Петрова, состоявшего в чинѣ полковника. Ксения въ молодыхъ годахъ оставилась вдовою (26 лѣтъ); раздавъ все свое состояніе бѣднымъ, она надѣлась на себя одежду своего мужа и подѣ ей именемъ странствующаго солдата нить лѣтъ, не имѣя нигдѣ постоянного жилища. Главнымъ мѣстопробытіемъ ея служила Петербургская сторона, приходъ св. апостола Матфея, гдѣ одна улица называлась ея именемъ «Андрей Петровъ». Но предвѣдѣ, Ксения пользовалась особеннымъ уваженіемъ у петербургскихъ вѣдомствъ, которые, завидя ее гдѣ нибудь на улицѣ, наперерывъ одинъ передъ другимъ предлагали ей свои услуги, въ томъ убѣжденіи, что которому изъ нихъ удастся хотя нѣсколько провезти Ксению, тому непременно повезетъ счастье.

Годъ смерти Ксении неизвѣстенъ; некоторые утверждаютъ, что она погребена въ Смоленскомъ кладбищѣ еще до перваго наводненія, случившагося въ 1777 г.; при жизни предавала жителямъ Петербургской стороны смерть императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г. Ксения ходила по Петербургской сторонѣ и говорила жителямъ: «Неките башны, вся Россія будетъ нечъ башны». На другой день императрица внезапно скончалась. Но другимъ рассказамъ Ксения скончалась въ царствованіе Павла Петровича, но это неизвѣстно: въ спискахъ кладбищенскихъ за это время имени ея не встрѣчается.

Но предвѣдѣ, въ скоромъ времени послѣ ея погребенія посѣтители претворили всю могильную насыпь. Сдѣлана была другая, и усердную работу начали на могилѣ положена плита. Но плита скоро была разломана и разнесена по домамъ. Другая плита также недолго оставалась цѣлою. Когда разбиралъ землю, посѣтители бросали на могилу Ксении въ насыпи денежки пожертвованія, а кладбищенскіе нищія этимъ пользовались и собирали деньги собѣ. Тогда къ могилѣ привѣрили кружку и на соборѣ такимъ образомъ пожертвованія надъ могилою Ксении поставили памятникъ въ видѣ часовни, которая существуетъ и теперь. Здѣсь всегда ходитъ кружка, куда жертвователи опускаютъ свои приношенія. Бютовина собираемой такимъ образомъ суммы поступаетъ въ пользу посѣтительствъ, а другая остается въ церкви на неугасимую лампаду на соборѣ Ксении. Всей суммы въ теченіе года влѣщается изъ этой кружки около 300 руб. сер. Могила Ксении посѣщается ежедневно на

Смоленскомъ кладбищѣ массою посѣтителей, и ни на одной изъ могилъ не служится столько панихидъ. Надпись на могилѣ Ксении следующая: «Кто меня знаетъ, да возмнеть мою душу дни спасенія своей души».

Въ распоряженіи нашемъ имѣется крайне интересный архивный документъ, касающійся пророчества этой горючих. Это собственно прошеніе о бѣдности къ императору Павлу I, поданное надворнымъ совѣтникомъ Думаневымъ, 15 іюня 1797 г. Вотъ извлеченіе изъ него, касающееся нашего повѣствованія: «Прими, монархъ славы, о чемъ доношу, есть либѣ со мною все то не совершилось поднесъ и съ особою вашею умолю бы навсегда, но теперь на совѣти десить, чтобъ вамъ не доносить. Въ 1766 году, генваря 10 дня, былъ день моего рожденія; наканунѣ моихъ именинъ, прожить я съ моею женою девять мѣсяцевъ въ Петербургѣ, не получить никакой милости кромѣ крайняго прозванію, и надобно вамъ было отъѣзжать въ Москву. Мы жили тогда въ домѣ вмѣстѣ съ покойною несчастною фрейлиною Анною Алексеевною Хитровою, именнымъ повѣщеніемъ намъ приказано жить съ нею и взать вмѣстѣ въ Москву; жена моя ей была вначатная сестра, по оному родству она намъ была и поручена.

«Вдругъ въ оное число явилась къ намъ Богу угодила горючихъ женщина, называемая Андрей Оедорычъ, весь городъ ей знать и почитать таковою. Мы все весьма обрадовались ея приходу и испугались, за счастье считали—къ кому она войдетъ въ домъ. Между многими отъ насъ вопросами она мало говорила, и надобно вслушиваться, что скажетъ; о прошедшемъ случаѣ матери моей и о несчастіи съ нею сказала догадками; что я завтра именинникъ и что мы этотъ день будемъ плакать и молиться и все люди пани; я спрашивать, да за что и отъ чего? она сказала: ну да царь заставитъ васъ плакать отъ радости, и пока: еще много слезъ будетъ у васъ; я говорю: какой царь, скажи мнѣ.—Ну да какъ запоютъ Христова Воскресе, увидишь¹⁾, покажи руками на свою голову, и окружила и пальцами сдѣлала крестъ; мы, государь, изумились. Говоритъ: онъ очень будетъ счастливы; женѣ моей говоритъ: ты у меня такъ дородна, какъ его жена.—Какая жена и чья? спрашивали.—Ну, вотъ его жена!—указала на вѣшь портретъ, она вѣшь, опять показала пальцами крестъ. Даже мы, монархъ, трѣе другъ съ другомъ не смѣли говорить,—совершилось подлинно въ именнымъ году въ свои именинны генваря 11 дня, получить извѣстіе отъ Дмитрія Прокофьевича Троицкаго²⁾ о вѣшихъ ко мнѣ милостивъ пожалованіемъ денегъ на оплату долговъ; рыданій и моленій мною было сіе число, а паче меня удивило, क्या за мою ногу, шпоры укрѣли, и плакала, то

¹⁾ Императоръ Павелъ I короновался въ 1-й день Пасхи.

²⁾ Обер-прокуроръ въ царствованіе императора Павла I и министръ при императорѣ Александрѣ I.

¹⁾ Слѣдуетъ это имя брать изъ описанія Смоленскаго кладбища, составленнаго священникомъ Осифомъ Опатовичемъ.

донесу об этом, когда государь в несчастии матери моей накануне
нашего отъезда из Петербурга.

«Государь! Вашъ родитель, мой отецъ и божество мое, изводитъ ма-
тери моей сію, а мнѣ пятьдесятъ червонныхъ прислать на дорогу и мнѣ
шиоры съ оныхъ пожесть, съ тѣмъ, чтобъ это было негласно; оныя
шиоры по всей прусской походѣ неоцѣненнымъ даромъ при мнѣ храни-
лись, и когда я бываю за майора, всегда на мнѣ, но, по возвращеніи
изъ Пруссіи въ Россію, въ Валдаяхъ, меня въ ночи всего обократи, остался
изъ чести бѣжать, много плакалъ объ оныхъ шнорахъ, послѣднія сказала:
«я не дождусь праздника Петра и Павла, а вы доживете. Дайте, государь,
умолчу описать подробно, что она говорила о царѣ; дай, Боже! чтобъ
еще остался въ Россіи по ея предѣзанію, и она сказала покойному
Николаю Федоровичу Рослакину, онъ тогда былъ въ гвардіи майоромъ,
и былъ посыланъ къ оной Андрею Оседорьму; послѣ онъ намъ пересказа-
лъ за счастіе предъ своею смертію, — все сбылось, что она ему сказала,
въ предвѣднемъ 1796 году.

«Государь не пріемли отъ вашего намъ подданнаго за выдумку и
слогъ, клевету присягою вамъ, крестомъ и Евангеліемъ и моею головою,
а каинимъ мечомъ, что все сіе поднесъ истинная правда».

III.

Семенъ Митричъ.

Самымъ замѣчательнымъ на поприщѣ юродства въ Москвѣ, въ началѣ
нашней столѣтія, былъ «Семенъ Митричъ» (родился въ 1770 г., умеръ
31 декабря 1860 г.). Въ молодости онъ занимался банниною торговлею на
Столенинскихъ рынкахъ. Начало его юродства можно отнести къ эпохѣ По-
винскаго въ Москвѣ пожара, въ 1804 г. У него сторука лавка; потеря
всего имущества сильно подѣйствовала на него. «Пламя пожара обѣсило
передъ него всю широту и суестьность земныхъ заботъ и попеченій», го-
воритъ его анонимный биографъ въ «Домашней Бесѣдѣ» В. Н. Леконей-
скаго. Изъ другихъ сказаній, было въ Москвѣ одно купеческое семей-
ство, которое еще изъ отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти
отца, сыновья поссорились и раздѣлились; при раздѣлѣ одинъ обманулъ
другого, и тогда начали жить они отдѣльно, проклинающа другъ друга.
Одинъ изъ братьевъ скоро умеръ, учивъ отъ себя свою долю въ Никитскій
монастырь, въ ономъ жилъ до послѣднихъ временъ, и тогда весь про-
дѣлъ свой, съ тѣмъ, чтобъ юродствовать и наконецъ сдѣлался Семеномъ Митричемъ.
Онъ сиротѣ, приходя на пируги уришереви въ Дроновъ, въ пекар-
ню, и тогда прочимъ, должностямъ и чинамъ, и тогда говорилъ, что ему

Французовъ онъ не выходилъ изъ Москвы и бродилъ по пустырямъ и
обгорѣлымъ мѣстамъ.

Въ 1816 г. онъ поселился на Арбатѣ, въ домѣ купца Дронова, а въ
1821 г., при встрѣчѣ на улицѣ съ московскимъ оберъ-полиціймейстеромъ
Шульгиннымъ, взятъ былъ въ сумасшедшій домъ. По испытаніи, его не
признали умалишеннымъ и выпустили на свободу. Семенъ Митричъ вы-
рылъ себѣ землянку во дворѣ дома купца Ильина, но вскорѣ поселился
опять на Арбатѣ, къ тому же Дронову. Наконецъ, въ 1826 г. онъ пере-
селся на житье въ приходъ св. Николая, что на Щенахъ, въ домѣ
купца Чамова; отсюда онъ выходилъ рѣдко, а съ 1836 до 1852 г. почти
постоянно оставался въ саду, лѣтомъ и зимою.

Прежде онъ все зимою бѣгалъ на рѣку умыкаться, бѣгалъ босой, въ
одной рубашкѣ, въ какую бы то ни было погоду: зимой, стужа, 20' мо-
река дни него не существовали. Ходилъ онъ съ открытой головою, иногда
набивать вѣлухъ; но ни у кого ничего не брать и не просить. По-
томъ онъ засѣлъ дома и началъ предсказывать. Чтобы попасть къ нему,
надо было, выйти въ ворота, пройти черезъ грязный переулочекъ — на зад-
немъ дворѣ, спуститься въ подземелье, и тутъ направо была кухня, гдѣ
онъ жилъ.

Кухня — въ рѣдѣ подвала со сводомъ, прямо русская печь, направо
окно и стѣна, установленная обрѣзками съ горящими лампадами; направо,
въ углу, лежать на кровати Семенъ Митричъ; возлѣ него стояла лохань;
въ подвалѣ мракъ, сырость, грязь, вонь.

Прежде Семенъ Митричъ лежалъ на печи, потомъ легъ на постель, съ
которой ни разу не вставалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Пред-
ставлялъ онъ изъ себя какую-то массу живой грязи, въ которой даже
трудно было различить, что это — человеческій ли обрѣзокъ или животное.
Лежа на постели, Семенъ Митричъ совершалъ всѣ свои отпущенія.
Прислуживавшая ему женщина одѣвала и раздѣвала его, иногда по два
и по три раза обтирала, мыла и перемывала на немъ бѣлье.

«Если же не догляднись», рассказывала она: «такъ онъ и лежитъ...»
«А то, прибавляла, и ручку, бывало, замазаетъ: ты подойдешь къ нему,
а онъ тебѣ и перекреститъ».

Такую жизнь Семена Митрича почитали за великій подвигъ. Церкви
онъ не вѣдалъ; Богу тоже не молился; не любилъ, чтобы его спрашивали
о чемънибудь; притыхъ отвѣтъ онъ не давалъ, а о себѣ говорилъ въ
третьемъ лицѣ. Понимать его надо было со своеобразіемъ. Спроси, напримѣ-
ръ, его ктонибудь о женѣ или о ребенкѣ, или, какъ одна барыня
спросила, куда ее мужъ убѣжалъ, — онъ или обещаетъ помолца, или об-
дастъ глаза какоюнибудь нечестью.

По рассказамъ современниковъ, онъ будто бы обладалъ глубокимъ про-
зорливствомъ, но для укрѣпленія его отвѣта оная нужна была спорщина,
потому что онъ иногда говорилъ, что ему непередеть на умѣ: «спрашю,
кто бы на умѣ».

тараканъ, оса, вояка, ворона и т. п. Почтительницы его надъ каждымъ его слѣгомъ ломали голову, отыскивая въ немъ таинственное значеніе. Какъ онъ умѣлъ надѣшь надъ его гравированнымъ портретомъ: «онъ узнавалъ и старое и новое, даже предсказывалъ нѣкоторые случаи, и они не обманывали его».

Богатая купчиха изъ Рогожской выдавала дочь замужъ и прѣехала спрсить у Семена Митрича, каковы женихъ? выдавать ли за него дочь и т. п. Рита и сбѣла она, а онъ и говоритъ: «доски». — Что за доски? спрашиваетъ купчиха: — какия у меня доски! у меня все сундуки, набитые шелкомъ, да бархатомъ!

— А вы отвѣчаете ей, говоритъ его прислужница: — что не знаемъ, а сами думаете: «какъ не знать, извѣстно, что значить доски — гробъ». Такъ и дѣлалось: дочь-то купчихи умерла.

Самъ Семенъ Митричъ умеръ на девятидесятомъ году отъ рожденія. Во время его жизни цѣлая толпа купчихъ не отходила отъ него. Въ день похоронъ его стеченіе народа было страшное. Хоронили его птабель-капитанъ Завенѣтъ да его сиуртъ изъ купческаго рода. Гробъ лежалъ тѣло, тутъ не было пролѣтъ. Дверя постоянно были открыты. Все имущество его развѣсили на память; одинъ танцуть подушку его, другой какую нибудь его тарелку, третій локоть, четвертый его опорки и т. д. Хоронили его на четвертый день послѣ смерти, но многіе сердились на то, что такъ скоро его хоронили. Переулки, примыкающіе къ дому, гдѣ онъ жилъ, были переполнены народомъ. Въ церкви, во время обѣды, у гроба его стояла стѣна почитателей: всѣ лѣзли, кто приложился, но только чтобъ до него дотронуться. И вся эта масса народа по означенію означенія, подняла гробъ и понесла на Ваганьово кладбище.

Впередъ всей процессіи скакать наземь никому не дозволено, а назади скакать, скакать, скакать — остановится, три раза поклонится гробу и снова скакать... Потомъ несли образъ, или иконку, да свѣчи, да пѣніе, да звонъ. На кладбищѣ ревнивателями было устроено обильное угощеніе (даже и похороны). И долго еще Москва, извѣстнаго круга, ни о чемъ болѣе не говорила, какъ о Семенѣ Митричѣ. Двѣ, но разсказали, въ то же время стали писать его житіе: студентъ и священникъ, но, къ сожалѣнію, ни одно изъ нихъ не появилось.

IV.

Михаилъ Дурасовъ, Евсей Соломоня и Неонилла.

Въ царствованіе императора Александра I въ Москвѣ, кромѣ Семена Митрича, пользовались извѣстностью еще нѣсколько юродивыхъ. Такъ, въ Симоновомъ монастырѣ проживалъ Мих. Зин. Дурасовъ, въ мѣрѣ общественной чинъ, генераль-лейтенанта; жить онъ въ монастырѣ тайно съ высочайшаго дозволенія, и чинъ его былъ извѣстенъ одному настоятелю монастыря. Онъ былъ ревностный ученикъ и послѣдователь знаменитаго саровскаго подвижника Серафима и отличался самою строгою подвизническою жизнью. Перѣдко онъ казался весьма страннымъ, совершеннымъ юродивымъ; но подъ этою странностью, по словамъ знавшихъ его, онъ скрывалъ цѣлу высокаго своего добродѣтели и уклонять отъ себя мѣръ со всѣми прелестями его. Дурасовъ скончался 20 іюня 1828 г., 56 лѣтъ, погребенъ онъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Въ Страстномъ монастырѣ проживалъ въ это же время монахъ Евсей (скончавшійся въ 1836 году). Это былъ тогда самый популярнѣйшій юродивый въ Москвѣ. Онъ отличался вообще безупречною жизнью и, по словамъ монаховъ, «былъ сластенъ особенно по великому терпѣнію кривыхъ поношеній и бѣдъ отъ непонимающихъ его сокровенной духовной жизни».

При отиѣваніи и похоронѣ тѣла его изъ Страстнаго монастыря до Симонова, многія тысячи народа окружали и сопровождали гробъ его. Надъ гробомъ его было сказано, что въ его лицѣ «было видимое торжество вѣры и нищеты духовной, которыхъ слава и величественіе великаго блага богатыхъ и сильныхъ земныхъ; это надробное слово говорилъ извѣстный въ то время проповѣдникъ архимандритъ Мельхиседекъ».

Въ то время въ Симоновомъ монастырѣ, у юго-восточной бани, было отведено особенное мѣсто для юродивыхъ, на которомъ обиталъ и жилъ безвозмездное послѣднее пристанище всѣхъ страннымъ и нищимъ духовъ, которыхъ въ народѣ зовутъ также блаженными. Еще до сихъ поръ тамъ цѣлы могильныя плиты двухъ знаменитыхъ въ свое время юродивыхъ, дѣвцы Соломоня и Неонилла. На памятникѣ первой написано: «Подъ снѣгомъ погребено тѣло рабы Божьей дѣвцы Соломоня, скончавшейся 1809 года, мая 9, на 55-мъ году отъ рожденія». На памятникѣ второй: «Подъ снѣгомъ погребено тѣло рабы Божьей дѣвцы Неониллы Болянецой, скончавшейся въ похоронѣ 29-го 1824 года».

V.

Аннушка.

Въ Петербургѣ, въ царствованіе императора Николая I, пользовалась большою популярностью юрודики старушка «Аннушка» или «Анна Ивановна». По вѣдѣности это была небольшого роста женщина, лѣтъ шестидесяти, съ весьма тонкими красивыми чертами лица, одѣта всегда бѣдно, съ ридикомъ въ рукахъ, всегда полнымъ рваныхъ дырчій. Особенностью этой юрודиной была страсть къ похотельному табаку. Анна Ивановна происходила изъ знатной фамиліи¹⁾; говорили даже, что она была княжескаго рода; воспитаніе она получила чуть ли не въ Смольномъ институтѣ, притомъ говорила по-французски и по-нѣмецки; въ молодости влюбилась въ гвардейскаго офицера, который женился на другой. Тогда она покинула Петербургъ и, спустя нѣсколько лѣтъ, явилась въ немъ юрודиной. Она не смотря ни на какую погоду, ходила по городу, собирала милостыню и раздѣляла ее другимъ; болынею частью она проживала на Сѣнной, у одного домовладѣльца Дурьинкина, и въ квартирѣ священника Чулкова, вѣвѣстнаго отца Василія, вышедшаго изъ народа и пользовавшагося самою большою популярностью между кунцами, мастерами и великимъ бѣднымъ народомъ.

Раньше бродя по городу, Аннушка жила въ Лавру и, встрѣтившись здѣсь съ однимъ архимандритомъ, предложила ему полученіе епископскаго сана. Дѣйствительно, архимандритъ вскорѣ былъ хиротонисанъ во епископа и оставленъ въ Петербургѣ викаріемъ. Онъ опредѣлилъ Анну Ивановну въ Охтенскую богадѣльню подъ вымышленной фамиліей Ложкиной. Впрочемъ, и послѣ опредѣленія въ богадѣльню она торжесто чаще жила на Сѣнной, у своихъ благодѣтелей, — говоритъ, потому, что жизнь богадѣльни ей не нравилась. Да и сама она не слишкомъ-то правилась: въ богадѣльнѣ за сварливость и частыя ссоры. Одѣта въ отвратительныя лохмотья, она заводила ссоры, бранилась съ извозчиками и перѣдко, вмѣсто платы за провозъ, била ихъ палкой. Такая торжественность не могла быть пріятною; зато на Сѣнной площади она пользовалась чрезвычайнымъ уваженіемъ. Торговцы, мастеравые, чернорабочіе и даже весьма знатныя особы лица въ Петербургѣ видѣли въ ней юрודиную Христа ради и не смѣли жаловаться ей наружно. Мнѣ передать одинъ изъ старожильцовъ Петербурга слѣдующій фактъ, случившійся въ домѣ его отца:

«Анна Ивановна часто бывала у моего отца; у него жилъ бѣдный аптекаръ. Разъ, придя къ отцу, она спросила:
«— Гдѣ аптекаръ!»

¹⁾ См. писаніе Смоленскаго кладбища Опатовича.

Когда послѣднимъ позвони къ Аннѣ Ивановнѣ, то она подошла ему въ рогу десятирублевую бумажку, сказавъ:

— Крѣпко будешь париться въ банѣ, нѣмецъ!

Не прошло двухъ дней послѣ этого, какъ аптекаръ, составивъ чѣмъ-то на плитѣ, жестоко обжегъ себя: лицо и грудь и даже послѣ того лечился въ больницѣ.

Недолго до своей смерти Анна Ивановна пришла на Смоленское кладбище, принесла покровъ и, разстлавъ его на землѣ, прѣстала протѣреть отслужить панихиду по рабѣ Божіей Аннѣ. Когда панихида была отслужена, она пожертвовала покровъ въ церковь съ тѣмъ, чтобы имъ покрывали убогихъ покойниковъ, и просила протоіерея похоронить ее на этомъ мѣстѣ. Послѣ этого приходили къ ней монахини изъ женскаго монастыря и предлагали мѣсто на своемъ кладбищѣ, но она отказалась. При погребеніи ее присутствовали почти все обитатели Сѣнной площади. На могилѣ ей стоитъ деревянный крестъ и положена плита съ надписью. Могила постоянно вѣщается народомъ; посягатеи берутъ землю изъ-подъ плиты и уносятъ ее съ собою, какъ средство отъ болѣзней.

VI.

Иванъ Яковлевичъ.

Изъ всѣхъ вѣвѣстныхъ лексикороговъ ни одинъ не пользовался такою большою вѣвѣстностью, какъ жившій въ Москвѣ, въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, «Иванъ Яковлевичъ Корейкинъ». Онъ долженъ занимать первенствующее мѣсто въ исторіи различныхъ чудачествъ. Про него почитатели его говорили: «Онъ отъ писаній скажетъ и зданнейшей премудрости научить, и табачокъ освѣтить!»

Иванъ Яковлевичъ Корейкинъ родомъ происходилъ изъ смоленскихъ священническихъ дѣтей; обучался въ духовной академіи, затѣмъ жилъ въ Смоленскѣ, управляя чѣмъ-то, но надѣвля что-то недоброе и ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юрודествовать¹⁾. Крестьяне нашли его въ лѣсу въ нащипанномъ калыко землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку, стали къ нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сдѣлалось вѣвѣстнымъ во всей окрестности. Такое начало подвѣвѣстической жизни Ивана Яковлевича было въ древне-русскомъ духѣ. Вѣтерину все старцы и старцы уходили въ лѣсъ, въ пустынные мѣста, въ особенности на сѣверъ, гдѣ у нихъ являлась землянка или земля. Вскорѣ молва о пустынныхъ достигла деревень и селъ, и тогда собирались, чтобы принять благословеніе, послушать вѣвѣстныхъ рѣчей и т. д.

Но строгой подвѣвѣстической жизни Ивана Яковлевича не суждено

¹⁾ См. ст. Прижова: «Наше Врѣмя» 1830 г., стр. 347.

было до недавняго развитія. Въ двадцатыхъ годахъ, въ Смоленскѣ, жила одна боярыня и званіемъ барыня; у ней была дочь-невѣста, створенная за одного гоеннаго, героя двѣнадцатаго года. Свадьба уже была назначена, и нечѣмъ издумалось съѣздить къ Ивану Яковлевичу. И вотъ мать съ дочерью ѣдутъ въ лѣсъ, къ землянкѣ Ивана Яковлевича, и спрашиваютъ у него: счастлива ли будетъ замужемъ такой-то раба Божій?

Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, всакиваетъ со своего мѣста, стучить кулаками о стѣну и кричить: «разбойники! воры! бѣй! бѣй!»

Возвратившись домой, невѣста объявила, что она замужь за своего жениха не пойдетъ, потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ. Женить, узнавъ причину отказа, тотчасъ же отправился къ Ивану Яковлевичу, изрядно поколотивъ его, а потомъ просилъ губернатора извинить общество отъ поношеннаго изувѣра, рекстракционнаго семейнаго дѣла.

Такъ какъ дома для умалишенныхъ въ Смоленскѣ не было, то Иванъ Яковлевичъ былъ отряженъ въ московскій «безумный домъ», какъ тогда его называли. Невѣста же замужь совѣмъ не пошла, а переселилась въ монастырь, гдѣ была неменьшей и вела переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ по своей смерти.

Въ то время Иванъ Яковлевичъ въ Москву, а слава о немъ близка шире, распространяя слухъ, что ѣдетъ пророкъ, чудесно все угадывающій и предсказывающій. По приѣздѣ въ Москву, Иванъ Яковлевичъ былъ поведенъ въ домъ умалишенныхъ. Вотъ описаніе его комнаты и его самого, заимствованное нами изъ газетъ того времени: «Въ его палатѣ стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня какавъ. На полу, въ рядъ образами, стоитъ большой высеребренный подевѣшникъ съ масою свѣтъ; въ подевѣшникъ ставятъ свѣчи.

На стѣнѣ висятъ молитвы странникъ съ растрепанными волосами и въ поряжкѣ отъ солнца кафтанѣ. Направо, въ углу, еще ниже молитвы баба. Притомъ на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, на полу, вѣтъ него, и вѣтъ на стѣнѣ виситъ мошкетеръ. Увидя въ передней людей, она встала, опустила на лѣвую свою платъ, поднятое вверхъ, чтобы не замазать его на полу, подвела къ нему подъ благословеніе своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла.

Иванъ Яковлевичъ, въ углу, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до пояса одеяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ предвѣщаетъ, делать; на вѣхъ больныхъ надѣто бѣлье изъ полотна, а у Ивана Яковлевича и рубанка, и одыло, и паровочка изъ темнокатаго цѣпка. У него темный цѣпъ бѣлый, и обывай Ивана Яковлевича совершатъ на вѣхъ нищевыя потребности, какъ-то обѣды и ужины (онъ все ѣтъ руками — будь это щи или каша — и о себя обгладитъ) — все это дѣлать въ его постели какую-то темногрязную массу, къ которой трудно и подойти.

«Ложить онъ на спинѣ, сложить на груди жилистыя руки. Ему лѣтъ около восьмидесяти; добъ волосій, голова лысая, лицо какое-то приданное. Онъ молчитъ или почти не отвѣчаетъ на всѣ предлагаемые ему вопросы. Сторожкѣ ему говорить:

«— Иванъ Яковлевичъ, что же вы не скажете ничего господамъ? Скажите что нибудь имъ.

«— Я устать, отвѣчалъ онъ, но потомъ сказать кое-что очень обличительное».

По великимъ постамъ, онъ велѣтъ принести себѣ постыя и сиромныя кушанья, мѣшать ихъ вмѣстѣ и самъ ѣтъ, и другихъ кормитъ. За обѣдомъ и ужинамъ принимаетъ онъ и водочку. Кушанья, коворяя дома не обходится безъ постнаго сахара, вѣтъ у Ивана Яковлевича сиромныя кушанья, вѣруя, что это богоугодное дѣло.

Вообще же мѣшанье кушаньевъ имѣло въ глазахъ почитателей его какое-то мистическое значеніе. Принесутъ ему копанной канусты съ лукомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ канустный листъ, обмокаетъ его въ сокъ и положитъ къ себѣ на лѣвъ, и сокъ течетъ съ его головы; остальную же канусту смѣшаетъ съ горохомъ, ѣтъ и другихъ кормитъ: скверное кушанье, а всѣ ѣдятъ. Впрочемъ, поклонники его и не это дѣлали. Князь Алек. Долгоруковъ¹⁾ рассказываетъ, что онъ любилъ одну г-жу А. А. А., которая, сѣдуя въ то время общей московской доверчивости къ Ивану Яковлевичу, ѣдила къ нему, цѣловала его руки и пила грязную воду, которую онъ мѣшалъ пальцами. Князь добавляетъ, что «я на нее крѣпко рассердился за это и объявилъ ей, что если она еще разъ нашьется этой гадости, то я до нея дотрогиваться не буду. Между тѣмъ, спустя три недѣли, она отправилась вторично къ нему — и когда онъ по очереди сталъ опять пить этой водой, то, добѣ до целъ, отеконить и три раза прокричалъ: «Алексѣй не велѣтъ!»

Вотъ сорока лѣтъ онъ предсказывалъ о женихахъ, угадывалъ о мѣстахъ, пророчествовалъ о морокахъ, о вѣсухѣ, буряхъ, холерѣ, о войнѣ и т. д. Ему носили дары «съ уюваніемъ и вѣкя пользы», но онъ самъ ничѣмъ не пользовался, а раздавалъ окружающимъ.

Кромѣ того, при домѣ умалишенныхъ была устроена кружка, куда доброхотные датели клали свои лепты, перѣцъ и красненькія булочки, какъ это дѣлали замоскворѣцкія кушанья. Принимые же ему дары состояли обыкновенно въ калачахъ, яблокахъ и нюхательномъ табакѣ. Принятые Иваномъ Яковлевичемъ, такіе дары пріобрѣтали въ рукахъ его какую-то необыкновенную чудесную силу, потому же раздавались всѣмъ приходившимъ къ нему и производили минимы чудеса.

Одна барыня, услышавъ однажды о немъ, пришла къ нему, взяла у ней бутылку воды на руки, и медики присудили его отрѣзать, съ-

¹⁾ См. «Органонъ животнаго mesmerизма», Соч. князя Долгорукова.

завь, что если она не отбьется пальца, то скоро нужно будет рвать ей всю руку. Несколько дней продолжалась ужасная боль в ее пальце, и не зная она, что ей делать и куда дѣваться. И вдруг вспомнила, что в якомодѣ лежит свертокъ табаку, подареннаго ей Иваномъ Яковлевичемъ, съ надписью: «Табакъ отъ Ивана Яковлевича». Она велѣла подать этотъ табакъ, посылала имъ палецъ, и—чудо!—палецъ тотчасъ же пересталъ болѣть и скоро зажилъ.

— Такимъ образомъ все вани доктора, продолжала она:—шарлатаны, а Иванъ Яковлевичъ истинный врачъ.

Кресты прохвательства табаку, другимъ служили лекарствомъ записочки, которыми онъ раздѣлать приходившимъ. Записочки эти носили на крестѣ; онѣ не избавили зубную боль, но, главное, по смыслу написаннаго въ нихъ указывалась судьба.

Писать Иванъ Яковлевичъ очень часто, но нахѣсто слово иногда дѣлать нахукулымъ, чтобы въ его писаніи было больше чудеснаго.

Съ этою же цѣлью употребляетъ онъ греческія и латинскія слова. Предсказанія его и записочки были всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно было видѣть все и ничего не видѣть, а потому, объяснимыя съ известною цѣлью, они постоянно сбываются.

Въ послѣднее время своей жизни Иванъ Яковлевичъ рѣдко писалъ записочки; писаніемъ ихъ занимался его послушникъ Александръ Васильевичъ, который былъ прежде дякономъ и все это къ батюшкѣ ходить, а подъ конецъ, какъ передавали поклонницы Ивана Яковлевича, выпрочелъ изъ дяконовъ, да при немъ и остался.

Вотъ нѣсколько образчиковъ писемъ Ивана Яковлевича: писано къ одной дамѣ, измѣнившей съ нимъ сношеніе въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ. Каждый шагъ этой дамы, вся участь ея дѣтей, все это предикторъ подвергалось осужденію его. Напримеръ, дама писала: «Что ожидаетъ Петра—женитьба или монастырь? О чемъ думаетъ Петр?»

Отвѣтъ Ивана Яковлевича былъ слѣдующій: «Я не думала и не гадала ни о чемъ въ свѣтѣ туги. А когда пришло время: кивля грудь тамить и вѣсть подь лекомъ (зикономъ), но подь благодатью!»

Вопросъ. Иди ли рабъ Божій въ монастырь?

Отвѣтъ. Цорная риза не спасаетъ, а алыя (альба, т. е. бѣлая) риза у ереси не увидитъ. Будьте мудры, яко ехидны, и кѣян, яко коломн(ны) голуби и неслѣнень яко ар(б)норекъ (деревья) кипариси и лѣвки и кедрѣ 1832 рздъ меншекъ (мѣсяць) Іулія XXII студентъ холодныхъ родъ Іоануель Виконель.

Вопросъ. Скоро ли получить рабъ божій Николай (семинарист)?

Отвѣтъ. Во веслія (т. е. въ селы).

Вопросъ. Женится ли Х.?

Отвѣтъ. Безъ працы не бонды коланы (sic).

Вопросъ. Великъ ли выдать мнѣ прощенья?

Отвѣтъ. Въ мѣру дати аргентъ (серебро) боится.

Вопросъ. Что случится съ рабомъ Александромъ?

Отвѣтъ. Александръ Львовъ Филиппа Васильевичу Македону Урѣу (sic). Надо замѣтить: московскій прорицатель не церемонился съ буквами и писалъ вмѣсто б—и и т. д.

Незадолго до своей смерти Иванъ Яковлевичъ¹⁾ написалъ къ одному лицу въ Москву слѣдующее письмо: «Юанъ Яковлевичъ, отгенокъ петлѣннко свѣта тышетъ къ лучю петлѣннко свѣта безмертнаго луча и свѣта...²⁾ на брениной землѣ... свѣтъ міру, а лучъ пражославный на земли и на водахъ ей витѣетъ. Духъ да поцѣтъ свѣтъ отъ трудовъ своихъ; не привѣтствуя Вася... какъ всегда готовю для всемірной славы, тако міръ благовѣствую. Болѣе гораздо квадратныхъ лѣтъ ради Бога съ его народами тружусь у пещки на двухъ квадратныхъ сажняхъ. Кто ищетъ Царствіе Небесное нудится, а нуждинцы вѣхнѣннотъ. Благодарю Создателя моему, что Онъ меня, пораженнаго болѣзнями, не отринуть, послать нечленіе. Ты, Господи, все стихіею сотворишь зем; Души праведныхъ въ руцѣ Божіи, отъ петлѣннко свѣта брениной свѣтъ ишетъ... обратите милостивое ваше вниманіе на Ивана Яковлевича, неходатайствуйте ему свободу изъ больницы на чистый прохладный безболѣзненный воздухъ къ родной племянницѣ моей, дяконницѣ, Маріи въ село Петровское, за такое ваше милосердіе вѣдастъ камъ Богъ и Господь и Духъ Святый вѣдраніе во Единой Троицы славимый? Аминь».

По этому письму Ивана Яковлевича хотѣли выпустить изъ дома умаличенныхъ, но когда ему объявили это, то онъ сказалъ, что «идти никуда не хочетъ, а тѣмъ болѣе въ адъ».

Изъ разныхъ способовъ, которымъ приписывалась вѣрующая сила Ивана Яковлевича, замѣчательны были слѣдующіе: дѣвушка онъ сажать къ себѣ на колѣни и вертѣть ихъ; больныхъ женщинъ онъ облизывалъ и обмазывалъ разными нечистотами, рвать имъ платки, драгоси и ругался; всему этому придавали суевѣры символическое значеніе.

Книжница В., большая, поддерживаемая двумя лаками, прѣехала къ нему спросить о своемъ здоровьѣ. Въ это время у Ивана Яковлевича были въ рукахъ два большіе яблока. Ничего не говоря, онъ ударилъ книжницу этими яблоками по животу. Съ ней сдѣлалось дурно, она упала и позогъ, какъ говорили, болѣзнь какъ рукой спило; она выздоровѣла.

Приложивъ въ своей книгѣ³⁾ приводить нѣкоторые семейныя воспоминанія о Корейнѣ: «Бабушка моя, тетунка и матунка», говорятъ онъ, «были усердными почитательницами Ивана Яковлевича. У бабушки жила шутиха, нѣкая Лизавета Иванова, старая безцвѣтная дѣвка, аба-

¹⁾ См. книгу 24 московскихъ астрологовъ. М. 1838 г.

²⁾ Письмо это не годится для печати и приводится нами съ пропусками.

³⁾ См. «Житіе Ивана Яковлевича», стр. 22.

плывшая в бѣдѣ, такимъ же штуками, какія Берхгольцъ видѣлъ при дворѣ Прасковьи Ивановны. Отпразднись разъ къ Ивану Яковлевичу, бабушка вышла съ собой Лизавету Ивановну, у которой тогда болѣла голова. Вотъ, вошли они на дворъ «безумнаго дома»; Лизавета Ивановна шла впереди. Увидѣвъ ее, Иванъ Яковлевичъ, гулявшій тогда по саду, бросился на нее, поклонилъ ее на землю, сѣлъ на нее верхомъ и началъ бить ее по головѣ моченымъ яблокомъ и билъ до тѣхъ поръ, пока не замочилъ въ яблоко. Еле-еле убралась отъ него Лизавета Ивановна, и—представиле, что сдѣлалось!—у ней отъ побоевъ перестала болѣть голова».

Изъ почитателей Ивана Яковлевича извѣстны: г. Олеуфьевъ, купчиха Залозская и г-жа Г. Разекавичани, что послѣдняя дама имѣла въ Москвѣ судебное дѣло, въ которомъ отказано ей было во всѣхъ инстанціяхъ. Подала она нѣсколько просьбъ начальству, и кончилось тѣмъ, что ей обѣзали подпиской не безпокоить болѣе начальства. Что ей дѣлать? Она бросилась къ Ивану Яковлевичу; онъ ей сказалъ: «Не бойся! ступай въ Питеръ и проси священника Александра». Она поѣхала въ Петербургъ; такъ тамъ, неповадилась парочку у священника Александра и выиграла дѣло. У ней же за долги было назначено въ продажу изгнѣе. Забра аукціонъ: что ей дѣлать? Она къ Ивану Яковлевичу.— «Не бойся», говоритъ онъ ей на своемъ мистическомъ языкѣ, «все будетъ хорошо!» Она, грѣшная, не вѣрять, идетъ домой... и что-жъ? ей дають каймы денегъ, она платитъ ихъ, и имѣние остается за нею! Но не во всѣмъ дѣлѣ бывалъ Иванъ Яковлевичъ. Приѣзжаютъ разъ къ нему три жирныя и очень извѣстныя московскія купчихи въ тысячныхъ салопахъ, и одна изъ нихъ, беременная, спрашиваетъ: кого она родить—мальчика или дѣвочку? Иванъ Яковлевичъ выхватилъ ихъ всѣхъ и не сталъ съ ними говорить.

Приѣхавъ къ нему извѣстная нѣкогда красавица-купчиха П. и спрашиваетъ его, о чемъ ей было нужно, а онъ подиалъ ей платье и говоритъ: «Его растрясла,—поди прочь!»

Настанутъ дурники. Иванъ Яковлевичъ терпѣть не могъ и гонять отъ себя, но особенно онъ не любилъ, когда къ нему обращались съ нелѣпыми вопросами.

Въ числѣ его почитателей много было важныхъ лицъ, и когда они приѣзжали, то къ нему никого больше не пускали.

Такимъ почитателемъ Ивана Яковлевича считалось одно извѣстное лицо, которое, по его запискамъ, написаннымъ на клочкѣ сѣрой бумаги, обозначалъ покровителемъ его родственикамъ. Такъ, напримеръ, племянникъ Ивана Яковлевича былъ переведенъ изъ села Петровскаго въ село Черноево.

Эти черноевскіе родственники сильно хлопотали, чтобы взять къ себѣ Ивана Яковлевича и такимъ образомъ открыть у себя торговлю. Изъ помощи было В.; говоритъ, что послѣдній былъ прежде дьякомъ, похва-

жилъ на купчихѣ, былъ учителемъ, по ходатайству одного лица перѣдъ губернаторомъ, кивкомъ С. М. Голлицынымъ, поступилъ въ службу, гдѣ, по милости князя же, доужился до владѣнскаго ассесора, потомъ поступилъ въ монахи, а теперь опять сдѣлался свѣтскимъ. Она подавала тоже прошеніе, чтобы взять Ивана Яковлевича изъ служаснеднанаго дома. Иванъ Яковлевичъ недѣли за три до своей смерти впаде въ бѣшмятство, и все это время уста его не говорили вѣдкихъ словъ; посетители выходили отъ него съ грудю нерѣшенныхъ вопросовъ; за все время его агоніи публики входила въ его комнату безплатно.

Изъ предсмертныхъ его особенныхъ дѣйствій извѣстно, что за восемь дней до смерти онъ приказалъ кушить восемь окушей и сварить уншу; покушавъ послѣдней немного, онъ отложилъ ее до утра. Потомъ, разъ ночью, выдвинулся онъ на средину комнаты и легъ ногами къ окнамъ, какъ прилично покойнику, но внимательными заботами сторожа былъ водворенъ на прежнее мѣсто, въ уголь къ печкѣ.

Наконецъ пришелъ роковой часъ, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная вѣсть о его кончинѣ быстро пронеслась по всѣмъ концамъ Москвы. Множество поклонниковъ събило къ нему, и всѣ несли ему укусуу, спиртъ, масла, духомъ для умащенія его тѣла.

Два дня стоялъ онъ въ своей комнатѣ, и масса народа не отходила отъ него, прикладывалась къ нему и помазала его для уничтоженія появившагося злоухонія. Благоразумные поклонники, опасаясь, что отъ усерднаго патриванія трупъ окончательно испортится, сочли нужнымъ вынести его въ часовню.

«Московскія Поллицескія Ведомости» сообщали, что умершаго въ Преображенской больницѣ Ивана Яковлевича Корейна отпаваніе тѣла будетъ въ воскресенье, 16 числа, въ 10 часу утра, въ приходской, что въ Екатерининскомъ богадѣльномъ домѣ, церкви, а погребеніе—въ Покровскомъ монастырѣ.

Въ назначенный день, тѣмъ-свѣтъ, стали стекаться къ нему почитатели; но погребеніе не состоялось за возникшимъ споромъ, гдѣ именно его хоронить. Говорятъ, что чуть не дошло до драки, и брань ужъ была, да и порядочная. Одни хотѣли везти его въ Смоленскъ, на мѣсто его родины; другіе хлопотали, чтобы онъ былъ похороненъ въ мужскомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ даже вырыта была для него могила надъ церковью; третьи умиленно просили отдать его прахъ въ женскій Алексѣевскій монастырь, а четвертые, уцѣпившись за гробъ, тащили его въ село Черноево, гдѣ у покойнаго осталась племянница въ замужествѣ за дьякономъ, который по сему нажалъ себѣ благодѣтели. На послѣдней сторонѣ больше всего было силы, и она одержала¹⁾.

Изъ спасенія, чтобы не утратить тѣло Ивана Яковлевича, стоявшее в

¹⁾ См. въ «Московскихъ Ведомостяхъ» погребеніе до кончины г-жи П. М. 18...

часовни: сначала приставили къ нему сторожа, а потомъ внесли въ церковь, съ суда уже никакъ нельзя было его украсть. Во все это время шли дожди, и была вездѣ странная прелесть, но, не смотря на то, во время перенесенія тѣла изъ квартиры въ часовню, изъ часовни въ церковь, въ церковь въ кладбище женщины, дѣвушки, барышни падали ницъ, показывали божь гробомъ, ложились по дорогѣ, чтобы надъ ними пронесли гробъ. Принесли его въ церковь. Вблизи гроба поставили три кружки, и эти кружки быстро наполнились деньгами, а затѣмъ деньги, которые не взяли въ кружки, посыпались въ гробъ.

Гробъ до самой могилы несли мужчины и женщины. Хоронили его на счетъ Ивана Заливскаго, хотя онъ былъ католическаго вѣроисповѣданія. Этого же самый Заливскій хоронилъ и Семена Дмитрича¹⁾.

Къ стѣнѣ праха изъ церкви собралась отовсюду уроды, горемы, ханки, армячки, странники. Въ церковь они не входили вѣнчатою и стояли на улицѣ.

И тѣмъ, среди бѣлаго дня, среди собравшейся толпы, дѣлалось народу по себѣ, совершались явленія и видѣнья, изрекались пророчества, хулы, собиравлись деньги, издавались злобнѣйшія рыканія и проч., и проч.

Г. Самаринскій²⁾ указываетъ еще нѣсколько особенностей погребенія Ивана Яковлевича. Въ продолженіи пяти дней его стоянія отслужено было двусотъ панихидъ; всадьярь читали молебнишки и отъ усердія нѣкоторые дамы покойника безпрестанно обкладывали ватой и брали се назадъ съ чувствомъ благоговѣнія; вату эту даже продавали; овсѣмъ играть такую же роль; цвѣты, которыми были убранны гробъ, расхватаны вширь; нѣкоторые изувѣры, по увѣренію многихъ, отрывали даже цѣпки отъ гроба.

Бѣлыя провожали гробъ воемъ и причитаніями: «ра кого ты насъ, батюшка Иванъ Яковлевичъ, оставилъ, покинулъ спротивушекъ (последнее слово нѣлось и тинилось такимъ тономъ, что звенѣло въ ухахъ), кто насъ бьетъ тебя отъ всякихъ бѣдъ спасетъ, кто на умъ-разумъ наставитъ, батюшка-а-а?»

Многіе почивали около церкви. Могила вѣнчана была камнемъ на подобіе стѣны: многіе въ нее спускались и ложились. Долгое время на могилѣ гуляли по двадцати панихидъ въ день. Московскія купчихи, швейцарки въ дорогія турецкія шали свѣчи и ладанъ, бѣдутъ на могилу Ивана Яковлевича и отдавая тамъ свои дары, говорятъ: «свѣчи и ладанъ поспѣту батюшкѣ, а шаль священнику».

С. Калонинъ, редакторъ «Зрителя», описываетъ день похоронъ съ слѣдующимъ образомъ: «Я видѣлъ, какъ среди двора, окруженные разнородными фигурами, горячо спорили два священнослужителя, городской и сельскій, имѣи самозваннымъ ассистентомъ третьимъ. Составители ока-

зались равно тождѣнными дилектиками, но наконецъ стилистическое краснорѣчіе превзошло. Вѣжскость Ивана Яковлевича отличалась болѣею торжественностью. Шли пѣвчіе и духовенство; гробъ несли женщины на головахъ; подъ покровъ, распростертый въ видѣ шатра, проходили, какъ, видѣтъ, я, проходить подъ обрѣзъ. Гробъ былъ украшенъ цвѣтами, къ нему безпрестанно прикладывались, отрывая листья и цвѣты, подносили дѣтей, брали опять зерна изъ-подъ покрова и т. д. По окончаніи панихиды, какая-то женщина изъ простонародья стала метаться у гроба и произнесла нѣсколько такихъ словъ, что се вывели. Ревъ и вой въ народѣ не прекращался, крикуны оркали, какъ зарѣзанныя, и металась, какъ бѣгомъ одержимая; на кладбищѣ была странная дѣла».

Нижне Калонинъ говоритъ: «Я видѣлъ въ Москвѣ похороны двухъ извѣстныхъ русскихъ людей, Гоголя и Ермолова; того и другого провожала толпа. Но это были не тѣ проводы, не тѣ и почести: за Гоголемъ съ благоговѣйнымъ сознаніемъ шель университетъ, къ которому принадлежала горсточка просвѣщенныхъ людей, свѣтъ, привычній къ университетской церкви, гдѣ стоялъ прахъ великаго человека. За Ермоловымъ народъ шель потому, что тутъ были войска, пушки, музыка, словомъ, даровое зрѣлище. И тѣмъ той торжественности, которою были произнесуты послѣднія почести Ивана Яковлевича, никто не видать вѣкрутъ останковъ гениальнаго поэта и славнаго вождя».

Неутѣнныи толпа, по словамъ газетъ, прямо съ похоронъ пошла въ слѣдующій домъ и вѣнчала тамъ на мѣсто Ивана Яковлевича позвоню юроднаго, который уже лежалъ на его мѣстѣ, и шель малую толку отъ заушечной чашки.

Новый преемникъ Ивана Яковлевича еще при жизни писалъ записки; говорить онъ не устаки, говорить много, но совершенно безотносительно къ нуждамъ посѣтителей, и все болѣе о политическихъ неутѣткахъ иностранныхъ державъ, до которыхъ поклонникамъ свитови дѣла не было.

Не смотря на то, что прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, а ревнителю умершаго Ивана Яковлевича до сихъ поръ не могутъ забыть своего любимца и глубоко скорбятъ о своей неказнатной потерѣ.

VII.

Цыганъ Гаврюша.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Замоскворѣчье съ величайшимъ наслажденіемъ униклось разными разсказаніями и ласкою отъ Гаврюши замоскворѣчскаго, или, попросту, «Гаврюша Осодоршска». Этотъ куцунскій былъ происхожденіемъ изъ молдаванскихъ цыганъ, но про себя онъ разсказывалъ,

¹⁾ См. «Сверную Пчелу» о похоронахъ Ивана Яковлевича.

²⁾ «Очерки Москвиты», т. II, стр. 212.

что онъ былъ черноморскій магометанинъ и перешелъ въ православіе въ слѣдствіе каждаго совершившагося съ нимъ чуда.

Видомъ онъ былъ сухощавъ, съ небольшою сѣдою бороδοю. Разныя чудеса, пріемы, къ несомненной радости его почитателей, никогда не покидали отца Гавриила, и разныя демонскія искушенія не оставили его ни днемъ, ни ночью.

По словамъ его, демоны все болѣе старались свратить его блудною страстью и являлись къ нему въ видѣ разныхъ предестиницъ и разныхъ морскихъ чудовищъ, разныхъ аспидовъ и василисковъ.

Отецъ Гавриилъ во всемъ этомъ видѣлъ «переть», указывающій ему одинъ выходъ на Афонъ; но такъ какъ туда дорога была дальняя, и путь не дешевъ, то усердныя подаянны на дорогу и снискалъ ему за годичицею отъ добрыхотныхъ деятелей ежедневно.

На ишіе же юнцы и на танцы Прощады онъ не взираетъ и затыкаетъ свои уши воскомъ, какъ хитроумный Удальсъ. Такимъ образомъ, набравъ денегъ и выходя чуть ли не десяткомъ разъ изъ Визюкаменной, онъ набралъ состояніе въ нѣсколько тысячъ рублей.

Для временнаго пребыванія въ Москвѣ одинъ богатый его поклонникъ, купецъ, устроилъ ему въ саду келью, гдѣ и проживалъ отецъ Гавриилъ. У купца этого, впрочемъ, въ самое короткое время успѣли съумѣть вселить въ семьѣ такой раздоръ, что подъ конецъ былъ изгнакъ съ позоромъ.

Послѣ этого сына его немного поколебалась, и онъ долженъ былъ идти въ одинъ скитъ близъ Москвы, но и тутъ ему не жилось; и вотъ, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ появляется на Москвѣ, заходя къ старымъ знакомымъ съ разными образками, сдѣланными изъ кости рыбы-единорога, съ прочими ирками и слезками Богородицы.

Богословъ кунечество всегда радо было видѣть его дорогимъ своимъ гостемъ и получало его стертывкой ушницей, до которой онъ былъ большой охотникъ, такъ же какъ и до разныхъ почестей, въ родѣ цѣлованій рукъ и земныхъ поклоновъ.

Въ разговорахъ онъ всегда былъ грубъ и говорилъ болѣе аллегорически. За катишкой Гаврииломъ Осодоровичемъ и богатыя купчихи выставляли всегда готовый экипажъ, въ которомъ онъ катался весьма любознательно.

По словамъ, онъ былъ негласнымъ участникомъ въ лошадиной торговлѣ и пріятнаго московскаго барышника В—на, у котораго цыганъ прежде служилъ работникомъ на дворѣ, когда тотъ еще держалъ звѣриную охотню.

Такъ Гавриилъ Осодоровичъ слѣлъ въ Москвѣ за хорошаго конопала, умѣвшій давать людямъ «обратную кладь» и шукать кровь изъ «соколка».

VIII.

Андрей-старчикъ.

Другой такой же пустосвѣтъ извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ «отца Андрея»; онъ родомъ былъ изъ духовнаго званія и воспитывался въ Петербургской духовной академіи, «но убоился премудрости и возвратился всинь».

Послѣ выхода изъ академіи за разныя неизбавимыя предѣлки, онъ пошелъ въ острогъ и тамъ принялся юродствовать.

Сначала онъ ходилъ по Москвѣ божомъ, въ бѣлой поирзовой шлпфѣ, но, развиваясь понемногу, сталъ ридиться въ разные костюмы для разныхъ случаевъ. Въ домѣ церковнаго староста, въ день храмоваго преданша, онъ являлся въ одеждѣ послушника, подпоясанный ремнемъ, на головѣ скуфейка; въ домѣ богатой барыни онъ входилъ въ сюртукъ и шлпфъ съ лорнеткой; на гуляньяхъ онъ одѣтъ былъ купцомъ или крестьяниномъ.

Видомъ онъ былъ похожъ на порядочнаго человека; у него очень длинныя влощсея русые волосы и красивая такая же борода, правильныя черты лица; онъ хорошо говорилъ по-французски, да еще такимъ мягкимъ и врадивымъ голосомъ. Явившись къ богатой аристократкѣ, онъ выдавалъ себя за дворянина, знатной фамиліи, рассказывалъ, что онъ бросилъ почести и все земное «Бога ради», и что съ малолѣтства возымѣлъ желаніе спасти свою душу подвигомъ юродства.

Въ обществѣ старухъ, ханжей и купчихъ онъ толковалъ о смерти и адѣ, о своихъ великихъ согрѣшеніяхъ и т. п.

Въ домѣ благочестивыхъ онъ надѣвалъ на себя вериги и облекался въ рубинце; если его оставили тамъ почивать, то онъ не ложился на крокетки, а гдѣ нибудь на полу. «Посинишь адѣкъ мяго — усинишь тамъ жестко», говоритъ онъ. Также прикидывался онъ великимъ постыжовомъ въ домѣ ханжей, съѣдать только два грибка, да соленый огурчикъ. Гдѣ нибудь въ трактирѣ, между кутящими купчихами, онъ былъ первый собесѣдникъ и дѣлался душой общества: пѣлъ скабрезныя пѣсни, пилъ болѣе всѣхъ, плясалъ и т. д.

Онъ проживалъ долгое время во Рязанѣ, у нѣкогда поселившейся тамъ молодой ханжи, богатой почетной гражданки М—ной, но адѣкъ ге задалъ съ извѣстной ей опекушкой В—т., извѣстной тоже пустосвѣтвой и лиценфркой, лѣтъ пять назадъ судимой за мошенничество и сосланной въ Сибирь.

По рассказамъ москвичей, отецъ Андрей въсклѣдствіи покончилъ съ юродствомъ и, въ компаніи съ нѣкоторою разбитною женщиною, занялся другимъ предпріятіемъ въ собственномъ обществѣ ханженин.

IX.

Кириуша-старчикъ.

Никогда изъ Москвы проживать на Зацѣвѣ лиценціанта морочивый благоушоую слѣбноту; съ виду очень благообразный, сухощавый, начитанный и краснорѣчивый старикъ «Кириуша», родомъ изъ крестьянъ. На вопросъ, кто онъ и что онъ, у него былъ одинъ отвѣтъ: «азъ семь рабъ божій Кириуша».

Носилъ онъ всегда на груди сумку, которую никогда не снималъ. Сначала отъ ни къ кому не ходилъ, и его трудно было звать изъ гости.

— Барышка Кириушенька, упрямиваетъ его какая нибудь кунчиха:— зѣди чайку откушать!

— Не пойду, не пойду, отвѣчаетъ онъ:— радъ бы въ рай да грѣхи не пустишь.

Такия смѣшныя словеса только щекотали и раздражали женское любопытствіе.

Разъ, впрочемъ, одна лабазница, извѣстная изъ Москвы богатая купчиха, какъ-то обманомъ залучила его. Войдя на дворъ, онъ началъ креститься, но не дойдя до крыльца, закричать благимъ матомъ:

— Пола не мыты, полы не мыты, немы были! и ушелъ.

Купчиха перетолковала это такъ и рассказала всѣмъ:

— Барышка-то угадалъ, вѣрѣ у меня былъ учитель дочери, немецъ— значитъ, сумурманъ, нехристь...

Учителя тотчасъ прогнали, полы вымыли, окна и двери окропили святой водою и отслужили молебенъ— потому послали за Кириушей, предъ кагильнымъ приглашеніемъ всѣхъ знакомыхъ посмотреть, какъ блаженный будетъ почитать свою святость.

Когда съ были уже въ сборѣ, тихой поступно вошли въ комнаты и Кириуша, войдя, свилъ свою сумочку и, обращаясь къ собравшимся дамамъ, спрашивать ихъ:

— Мужатыи вы или вдовицы?

Когда желѣдоваль отвѣтъ, что мужатыя, т. е. замужнія, то Кириуша спрашивать:

— Собираете ли себя? чисты вы или нѣтъ? Если нечисты, то не приступайте— иначе обличены будете!

Послѣ этого робкій и перѣбнителный отвѣтъ, что все чисты; тогда онъ приступалъ всѣмъ кланяться до земли и, ставъ на колѣни, началъ вынимать изъ сумки рѣзные венцы.

— Вотъ говоритъ онъ:— покажу вамъ прежде «стму египетскую», то панушечку на фаянона, — и покажетъ черную стекляночку, къ которой всѣ приклеивались:— а вотъ часть младенца, убитого Иродомъ; а вотъ

перышко изъ крылышка Михаила Архангела; вотъ вѣточка Кузьма-Демьяна; вотъ камешъ, который Моисеи при переходѣ чрезъ Чермное море; вотъ коньго калкамакской ослицы; вотъ кость отъ того кита, въ которомъ пребывалъ Иона; вотъ щепочка отъ той лѣстницы, что видѣлъ Исаи въ снѣ».

Изъ всего показаннаго все было раскуплено за дорогую цѣну знакомыми лабазницами.

Кириуша отчитывать больнахъ, лечить младенцевъ отъ безсонница, жечь благодѣтельныхъ отъ безплодіи и т. д. Но самъ не могъ уберечь себя отъ слѣтей прекраснаго пола и, поѣщая одну лабазную порцину, влюбился въ ея мастерицу, которую и завилъ на содержаніе, открылъ ей магазинъ; но та, какъ только отобрала у него все деньги, выгнала его вѣтъ, а сама вышла замужъ за писаря изъ участка. Репутациі блаженныя послѣ этого пала,—онъ сталъ загуливать и, какъ-то, погнѣсь невѣжатию, но потомъ снова поправился, опять началъ пророчествовать и, поѣжившись во второй разъ, уже занялся торговлею и долго былъ въ Москвѣ кулакомъ-старьевщикомъ.

X.

Второй Кириуша.

Не менѣе описаннаго Кириуши былъ извѣстенъ въ Москвѣ презрѣвѣннѣй въ домѣ княгини N другой «Кириуша», извѣстный еще болѣе перваго своими странностями; родомъ онъ былъ изъ одного села Борисоглабѣскаго уѣзда. Проивилъ себя этотъ нутоевитъ сначала въ двухъ губернскихъ городахъ, — Тулѣ и Воронежѣ.

Остриженный и обрѣтый, въ легкомъ черномъ демитойформѣ полукафтаниѣ, безъ шапки на головѣ, онъ зиму и лѣто ходилъ по улицамъ. Въ правой его рукѣ постоянно былъ жезлъ съ привѣшаннымъ на концѣ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ; палка эта была внутри пустая, вслѣдствіи свинцомъ; что придавало ей большую тяжесть; букетъ цвѣтовъ имѣлъ онъ постоянно свѣжій, даже и зимою, цвѣтъ, конечно, былъ обманъ своимъ почитателямъ прекраснаго пола. Лицо у Кириуши цвѣло адронемъ. Чтобы лучше обморочить простодушныхъ своихъ поклонниковъ, онъ притворился нѣмымъ и болѣе полугода ни съ кѣмъ не говорилъ; но когда, по его соображенію, настало время окончательно одурманить слушателей, онъ заговорилъ. Эта выходка порвала всѣхъ:— «Заговорилъ, такъ прхрестилъ» твердили его обогатели. Кириуша, въ свою очередь, тоже смекнулъ, чего отъ него ожидаютъ, и началъ пророчествовать. Несколько удачно сказанныхъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ фразъ доставили Кириушѣ громкую славу великаго пророческаго и открыли ему двери богатыхъ домовъ.

Воронежа, где онъ широко и пользовался разными дарями и разбазаривать въ богатыхъ значкахъ. Особенно благоволю Кириону купечество. Одно время жила онъ въ домѣ почетныхъ гражданъ А—хъ; въ нижнемъ этажѣ ему была отведена особая комната; знали, что всѣ домашніе, отъ прислуги до хозяевъ, жадно слѣдятъ за нимъ, Кириона велъ себя осторожно. Каждый вечеръ онъ затворился въ комнатѣ и усердно клалъ земные поклоны. Любопытные смотрѣли на него въ дверную скважину, и, чтобы оглянуться отъ послѣднихъ, онъ вдругъ, не оборачиваясь, говорилъ: «Знаю, знаю, что вы на меня смотрите!» Зрители, внутренно укоряя себя въ любопытствѣ, со страхомъ расходились, крестясь.

Одинъ только человекъ въ домѣ этого купца прилежно наблюдать за походящими блаженничкаго; это былъ кучеръ Николай, и любопытный не остался въ накладе — онъ подсмотрѣлъ, что послѣ моленья Кириона имѣлъ привычку пересчитывать свою выручку, добрался какъ-то до нея и утащилъ весь капиталъ лжепорока.

Въ одну ночь, когда кучеръ уже не видѣлъ ничего любопытнаго въ надворьи Кирионей, послѣдній поднялъ страшный крикъ въ домѣ; всѣ сбѣжали; Кириона волновался въ припадкѣ злости, но о деньгахъ не говорилъ ни полслова.

— Простите меня вѣгъ отсюда! кричалъ онъ пенетово: — не хочу больше здѣсь оставаться...

Послѣ уже узнали о покражѣ у него. Оправившись изъ Воронежа въ Тулу, Кириона тамъ поселился на жительство у богатого купца Д.; для него была отведена особая комната, которая и носила названіе «Кирионина».

Въ Тулѣ онъ пользовался большою популярностью и, по рѣзкому, который находимъ въ книгѣ двадцати шести московскихъ лжепороковъ, стр. 143, въ тотъ годъ, когда въ Тулѣ былъ большой пожаръ, Кириона передъ отходомъ своимъ въ Воронежъ былъ въ домѣ купца М—ва; посмотрѣвъ въ окна, онъ указалъ на городъ и проговорилъ: «скоро, скоро будетъ большая суета... все будетъ чисто...» Спустя немного времени по уходѣ Кирионы изъ Тулы, городъ сгорѣлъ; слава лжепорока черезъ это утвердилась.

Въ Москвѣ, какъ мы уже говорили, княгиня N отвела для него въ своемъ домѣ особую комнату, которая постоянно вся была убрана цвѣтами. По приходу Кирионы, каждый отцвѣтшій горшокъ съ цвѣтами былъ замѣненъ новымъ, цвѣтущимъ. Такъ блаженничать Кириона цѣлый годъ. Наконецъ советъ заговорила въ немъ: ремесло обманщика надобно ему, и онъ, огрѣстивъ себѣ бороду и волосы на головѣ, уѣхалъ въ свое родное село, гдѣ первымъ деломъ сдѣлалъ на свой счетъ иконо-стасъ для сельской церкви и выстроилъ себѣ домъ съ хорошимъ плодовымъ садомъ. Когда онъ разъ, проѣздомъ черезъ Тулу, зашелъ, по старому привычкѣ, въ гости къ почетному гражданину А—ву, гдѣ когда-то онъ

постоянно жилъ, тотъ спросить его за чѣмъ: не приходитъ ли ему и теперь еще когда чинбуда охота блажить попрежнему? Кириона просто душно отивчалъ:

— Нѣтъ! никогда! подурчился, да и будетъ!..

По словамъ А—ва, изъ бывшего пустосвята вышелъ очень хорошій садоводъ.

XI.

Матушка-кувырокъ.—Никола-дурачокъ.—Феодосій-веригоносецъ, да Петръ-прыгунокъ.

Въ числѣ нравственныхъ уроковъ на Москвѣ былъ извѣстенъ «Матюшка», родомъ изъ крестьянъ, небольшого роста, съ русой бородой; ранѣе своего пустосвятства онъ былъ нищимъ въ городскихъ рядахъ, гдѣ для именитаго купечества кувыркался турманомъ, ходилъ колесомъ, пѣлъ пѣтушникомъ и т. д. Уставъ на этомъ приницѣ, онъ поступилъ въ монастырь, но его оттуда скоро удалили за хитрое и неодобрительное пріиселеніе въ монастырь «оломастры міра, сирѣчь юдана».

Послѣ этого Матюшка уже явился въ преобрѣженномъ видѣ, въ послушническомъ парядѣ, ходилъ по купцамъ, какъ пѣкій начетникъ духовныхъ книгъ и пророчливый старецъ, поддвигая ихъ съ преданіемъ, съ ангеломъ, собираетъ на скиты и монастыри и изречаетъ утѣшныя слова: «жупель, обѣде, гонца огнена» и т. д.

Изъ числа служившихъ погѣхою честному купечеству стоитъ тоже вниманіе пѣкій «Николаша-дурачокъ». Его пріютила московская матрѣвская богадельня, извѣстная содѣствомъ съ тѣмъ безумнымъ домомъ, гдѣ проживалъ Иванъ Яковлевичъ. Такъ какъ въ этой сторонѣ нѣтъ ни театровъ, ни балагановъ, ни увеселительныхъ садовъ, то благодѣтельное купечество, глядя на Николашу, утѣшало себя, надрыкая свои записки.

Николаша былъ очень простое, доброе и слабое существо, великій охотникъ до рѣны и, къ несчастію, до мати-сивухи, къ которой пріучили его благодѣтели-торговцы Преобрѣженскаго рынка. Они выучили его также пѣтъ отвратительныя пѣсни; наряжали его въ шутовской костюмъ, на-примѣръ, въ лифчикъ, лакемъ, и заставляли его пѣть и плясать, а сами хохотали надъ нимъ и дразнили его, какъ собаку, заставляли чинуть рѣчь пятьдесятъ, зѣвнуть разъ сто; онъ зѣвалъ и чихалъ до боли, до невозможности. Словомъ, этотъ несчастный представлялъ для московскаго захолустья обычную ему уличную идиллію.

Извѣстенъ также былъ въ Москвѣ, на грустномъ пути пустосвята, пѣкій отецъ Феодосій; родомъ онъ былъ изъ крестьянъ Дмитрѣвскаго уѣзда и проживалъ въ Хамовникахъ. Ходилъ онъ всегда босшомъ, носилъ желѣзныя вериги и пророчествовалъ. Видомъ онъ былъ адронный мужикъ,

далье роста, съ окладистой бородой, илѣанный. У него была дочь, молодая девушка, которая и отбирала у него деньги. Съ нимъ же всегда ходилъ другой юродивый, «Петръ Устюжскій», въ послушническомъ полуфартушѣ, подпоясанный ремнемъ. Онъ ходилъ въ припрыжку, отчего и носилъ вличку «блугуна».

Петрушка очень любилъ все съветное — въ особенности сладкое — и библѣ, которыхъ вымывать вербочками, ибночками, киварожками, ланушками и т. д. Вѣрующіе ставили ему это въ добродѣтель юродства.

Онъ отличался настолько большимъ апетитомъ, что заразъ съѣдать дѣсять арбузовъ, какъ бы онъ великъ ни былъ; при видѣ арбуза онъ кричалъ: «искушение, искушение, великое искушение!» и хватилъ, кинувъ его въ колѣны, съѣлъ до тѣхъ поръ, пока отъ него оставались одиѣ корочки.

Онъ также же прозорливостью накидывался онъ на икру и не переставалъ ее жевать, пока не останется ни зернышка. Полюбовавшійся, зная его пристрастіе къ этимъ яствамъ, угощали его до отвала, види въ этомъ какой-то подвигъ юродства.

XII.

Иванъ Степановичъ и Кеенофонть, отрокъ его. — Данило-пустоосвятъ и Феодоръ.

Въ числѣ лжепророковъ на Москвѣ знаменитъ былъ и «Иванъ Степановичъ», старикъ-мужикъ, одѣтый въ послушничье платье. Говорилъ онъ довольно краснорѣчиво; родомъ изъ крестьянъ, прежде онъ былъ извозничья-лихачемъ, стоялъ у Ермолая на Садовой, востѣ Ковчихъ. Онъ одно время ходилъ по Москвѣ босикомъ и пророчествовалъ. Полиція привлекла его за бродяжничество и безнравственность и посадила въ острогъ. Выйдя изъ послѣдняго, онъ сталъ уже ходить пристойнѣе, въ сапогахъ, и бросилъ юродство, но посещать дома кунцовъ сталъ уже какъ «наставникъ въ благочестіи».

Встарѣ онъ успѣлъ сколотить этими дѣлами капиталецъ, купилъ на рѣкѣ Пурѣ домикъ, въ которомъ и основалъ свой пріютъ.

У кунцовъ Замоскворѣчья и на Самотекѣ Иванъ Степановичъ пользовался какимъ-то особеннымъ расположеніемъ; приходи онъ въ домъ считался особенною благодатью. Придетъ Иванъ Степановичъ повеселитъ — и всѣ знаютъ, что будетъ бѣдѣ. Захворай ктонибудь постѣ его посѣщенія, хотя бы черезъ годъ — и все говорятъ: «Иванъ-то Степановичъ былъ и исцелилъ, вотъ и захворала Акулина Михайловна!» Умри ктонибудь черезъ полгода: — «Вотъ, скажутъ, Иванъ Степановичъ-то все хмурился, вотъ оно къ чему!» и т. д.

Иванъ Степановичъ очень любилъ читать поученія, и всѣ они клонились къ тому, чтобы вызвать побольше покаянія отъ благодушной слепоты.

Подъ конецъ жизни у Ивана Степановича были свой съютный дворъ, откуда онъ и посылалъ своимъ благодѣтелямъ ясную дичину, мяско, творогъ, сметану и яйца.

У этого Ивана Степановича былъ и ученикъ, ибфакто «Кеенофонть Пехорскій», ходившій босикомъ съ большою палкой въ рукахъ, съ непокрытой головой, постыжился и будто бы болѣвнй мужикъ.

Явился онъ въ Москву въ 1848 г., во время холернаго времени: въ такое время чернь особенно падала на этихъ фокусниковъ. Началъ онъ юродствовать слѣдующимъ образомъ: ѣлъ онъ мало, но по вечерамъ читалъ книги, въ рѣчи вставлялъ тексты изъ Священнаго Писанія, чая нить мало, да и то не иначе, какъ съ деревяннымъ масломъ изъ лампадки, смотреть внизи, вздыхать громко, съ горничными не заговаривать, вообще вести себя смиренно.

Разъ три въ годъ ходилъ онъ на богомолье, собравъ предпритенно хорошія деньги на монастыри. Промыкавъ такъ ибвездько дѣтъ, онъ рѣшился пересчитать свой капиталецъ и, найдя не одну тыщечку, въ одно прекрасное утро скинулъ еѣ себя шутковской костюмъ и сдѣлалъ пресоломъ, женился и сталъ поживать прииѣвничю, подѣ хмѣломъ разсказывая о своихъ похожденияхъ à la Казанокъ между московскими кунцами и другими барыными, великая ихъ разными съобными именами.

Среди другихъ московскихъ пустоосвятно-юродивыхъ личность «Данилушки Коломенскаго» отличается ореоломъ какой-то псевдо святости. Масса неправдоподобныхъ разсказовъ о его прозорливости, чудесахъ и т. д. возбуждала ибвсегда въ средѣ московскаго купечества и мѣщанства особенное къ нему сочувствіе и любопытство. Онъ былъ одно время центромъ, къ которому прилеталось все чудесное и таинственное, хотя бы оно и не принадлежало ему.

Родомъ Данилушка былъ изъ села Лыкова, Московскаго губ., Коломенскаго уѣзда. Отецъ его былъ крестьянинъ, богатый заоренкамія раскормникъ, и имѣлъ у себя на дому молельню; мать его считалась большою вачетницею старыхъ духовныхъ книгъ. Данилушка не былъ любимцемъ родителей и росъ одиноко, даже играть со сверстниками ходить въ другое село, вереть задесять.

Въ дѣтствѣ Данилушка считался лучшимъ игрокомъ въ бабки и, не смотря на то, что былъ очень близорукъ, наигрывать ихъ въ недѣлю на хорошую сумму, которую и отдавать на церковь церковному старостѣ. Послѣдній любилъ Данилушку за сиротливость, кормилъ, поить, оставилъ перѣдно у себя почитать и пріучалъ его къ церкви, какъ такъ его ибѣтъ на клиросѣ по слуху и торговать свѣчами. Отецъ Данилушки сердился на старосту и жаловался на него своему барину.

Баринъ, когда узналъ, что Данилушка — мальчикъ смиренный и добрый, кинуть его къ себѣ въ домъ, сдѣлалъ какъ-то, сталъ одѣвать и хотѣлъ даже учить его грамотѣ; но Данилушка въкорѣ надѣло все это, и онъ

одно утро спалъ съ собою одежку и сапоги и принесъ барину, сказавъ, что ходить въ томъ не можетъ, потому что все падаетъ съ него; послѣ этого Данилушка ужъ никогда больше не носилъ сапоги.

Въ праздники и въ будни онъ постоянно пребывалъ въ церкви, а когда въ будни бывало служба въ селѣ, то бѣгалъ за дѣв, за три и за пять верстъ въ соседнія села.

На зарѣ еще темно, а Данилушка уже бѣжить куда нибудь къ заутренѣ, и какъ бы рано она ни началась, а онъ ужъ вѣрно посѣтитъ къ началу. Его не оставяли никакой морозъ, хотя бы въ тридцать градусовъ. Въ одной рубашкѣ, по колѣни въ снѣгу, по оврагамъ и полямъ бѣжить онъ къ заутренѣ; если, случалось, придетъ онъ раньше благовѣста, то пойдетъ къ ближайшему крестьянину и тамъ дожидается.

Когда онъ покинулъ свое село и пришелъ въ городъ Коломну, то обыкновенно принималъ его, какъ настоящаго юродиваго.

Тамъ обыкновенно ходилъ онъ по улицамъ, по церквамъ; ему давали деньги, — онъ деньги бралъ, опускалъ ихъ за пазуху и вечеромъ относитъ въ свою квартиру къ купцу К. Разъ въ недѣлю навѣщалъ его церковный староста и брать у него деньги. Данилушка, собирая деньги, любить шутить съ купцами. Если купецъ будетъ толстъ, то, потрепавъ его по плечу, говорилъ: «Эй ты, кошолка!»; одного онъ называлъ «спиницъ», другого «звоникомъ».

Если стѣбалъ, они говорили ему: — «Данила, ноги-то отморозилъ», то онъ отвѣчалъ: «Самъ отморозилъ» и, заложивъ руки за спину (его обыкновенная походка), продолжалъ идти далѣе и навѣщать про себя: «О веселая мать» или «Милосердія двери отверзи».

Такъ живя нѣсколько лѣтъ въ Коломнѣ, онъ успѣлъ собрать денегъ на постройку цѣлой колокольни. Самая же церковь въ его селѣ на его же собранія подвиги была расписана внутри и снаружи.

Воспитаніе Данилушки, совершившееся въ средѣ благотворныхъ купцовъ, шло впередъ, и вотъ онъ вскорѣ началъ предсказывать. Только-то гали библ., что Данилушка три раза предсказывалъ пожаръ въ Лыковѣ, а въ третій разъ сказать, что Лыково сгоритъ въ Великую субботу, и вслѣдствіе сгоритъ и его отецъ, — что и сбылось.

Побывать Данилушка въ Москву очень часто, здѣсь ему жилось въ Замоскворѣчьи какъ нельзя лучше; тамъ онъ былъ гость желанный.

Гдѣ-то въ пригородной слободѣ, на дачѣ богатаго купца, проживалъ пустосвѣтъ «Осодоръ»¹⁾ съ двумя своими малолѣтними сыновьями; ходилъ онъ въ черномъ засаленномъ полукафтаньѣ, съ длинными волосами, безъ шапки и босой во всякое время года. На головѣ у него были какой-то бѣлочки, обернутыя черною салыною тряпичкою, съ нашитымъ въ ней деревяннымъ крестикомъ; носить онъ длинную палку съ же-

лѣзыми на нижнемъ концѣ остріемъ, на верхнемъ же сдѣланъ былъ крестъ, оббитый шелковыми тряпичками, на которыхъ развѣшаны были металлическіе и стеклянные образки.

Въ такомъ видѣ онъ свободно ходилъ по улицамъ, площадямъ, церквамъ и монастырямъ города, громко распевавши духовные псалмы. Нерѣдко случалось, что пѣвшемъ своимъ онъ нарушалъ порядокъ церковной службы и съ желанными воздержалъ его вступать въ громогласный споръ.

Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія его была монастырская галерея, въ известныя времена года биткомъ набитая богомольцами изъ селъ и деревень. Иногда онъ громко пѣлъ, а иногда молча молился Богу, дѣлая раманшестые кресты съ сильными ударами по голови, груди и плечамъ; земные поклоны его сопровождались сильнымъ стучаньемъ лба о полъ. Около него группировались толпы любознательныхъ, богомольцевъ и надеялись его милостынею, приговаривая: «помини за упокой или за зданіе такого-то»; Осодоръ молча бралъ деньги и громко творилъ поминаніе.

По окончаніи церковной службы, когда весь народъ скончался около монастыря, онъ становился среди монастырской площади, отставлялъ одну руку съ жезломъ для цѣлованія креста въ тряпичкахъ, гдѣ, по его словамъ, зашиты были частицы мощей, а другую протягивалъ для сбора денегъ. Каждый богомольецъ подходилъ, прикладывался къ образамъ на палкѣ и давалъ копѣйку.

Безпрерывный перечень дунгъ, которыхъ онъ обзывался поминать, надождать ему, и вотъ, едва крестьянинъ или крестьянка откредитъ ротъ и успѣетъ вымолвить «помини», пустосвѣтъ прерываетъ начатую фразу лаконошескимъ возгласомъ и киваньемъ головы: «знаю! знаю, кого!..» Удивленные богомольцы благоговѣнно крестятся и шепчутся между собой: «Вотъ ужъ подлинно-то святая душевья! ты только ротъ расинешь, а ужъ онъ и знаетъ, кого нужно поминуть...» Этотъ пустосвѣтъ прежде долго морочилъ жителей Воронежа, но какая-то исторія сквернаго свойства открыла тамъ глаза ослѣпленныхъ.

XIII.

Мандрыга-угадчикъ. — Дуня Тамбовская. — Агаша. — Марья-затворница и Маша-пещерница.

Въ 60-хъ годахъ, въ Москвѣ, проживалъ человекъ неавѣстной національности, по вѣнностіи перебинный или ерфей, сухощавый, небольшого роста, черноволосый, съ небольшими черными глазами. Популярность его была значительна, онъ въ короткое время успѣлъ нажить де-

¹⁾ См. Жизнь московскихъ 26 леопроконовъ.

мигъ за Денежскимъ монастыремъ, у воротъ котораго съ утра до вечера стояли сани. Мандрыга занимался гаданьемъ, давать наидательная поученія житейской мудрости; у него въ комнатѣ стоялъ аналой, на которомъ лежала свещенная книга; въ праздники происходило служеніе, которое сиречь самъ пустосвятъ, въ фантастической одеждѣ; множество его поклонницъ ловили каждое сказанное имъ слово и крестились усердно.

Деребенъ этого пустосвята въ одно время дошла до геркулесовыхъ столбовъ, и онъ за конушество былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и умеръ, находясь на покаяніи.

Въ роду пустосвятковъ, подвизавшихся на поприщѣ юродства и благи, извѣстна была въ шестидесятыхъ годахъ, въ Москвѣ, проживавшая гдѣ-то на Тиманкѣ, «Евдокія Тамбовская», женщина лѣтъ пятидесяти, сухая, блѣдная, въино босая, въ черномъ каленкоровомъ платкѣ, повязанная чернымъ платкомъ. Она останавливала проходящихъ на улицѣ со словами: «миленькій братецъ (или миленькая сестрица), благословите на кофенку». Если миленькій братецъ или миленькая сестрица подвизался или подвизалась, то подавая она начинала крестить и цѣловать, а если ей не давали, то она страдала «жужеломъ огненнымъ» и всякими геенскими муками; приди же къ комунибудь въ домъ, она садилась на полъ и рассказывала о разныхъ явленіяхъ и видѣніяхъ.

Въ разговорахъ она была нещюль попросить и водочки. Если же при этомъ кто либо замѣчалъ, что водку ей пить не подобаетъ, то на это она отвѣчала:

— Водку-то? водку-то можно пить, поелику мы люди такіе: водку просимъ — воду пьемъ, воду просимъ — водку пьемъ!

Въ жизни средняго купечества, гдѣ нѣтъ разумно выработанныхъ отношеній, гдѣ нѣтъ общества въ полномъ значеніи этого слова, гдѣ живишь идишь въ издавна пробитой глухой колесѣ, въ быту, въ которомъ къ разумному все безучастно, — такіе разговоры находятъ полное сочувствіе, и тянутъ — или долгими часами, благо зтигнуло жиромъ уши православныхъ, — или только къ подобнымъ разговорамъ и колокольному звону. Весь нашъ идеальный міръ неидетъ дальше, какъ къ бѣлорыбицѣ, къ здорювни, къ племени кучеру, да къ какойнибудь псевдоюродивой, или пусто-свиуту, или гадателю.

Другая такая старуха, съ блѣднымъ лицомъ, въ заячьей шубкѣ и повязанная бѣлымъ платкомъ, по прозванію «Агаша», тоже собирала вокругъ себя большія толпы купчихъ и разныхъ праздныхъ барынь, сперва въ Алексѣевскій монастырь, гдѣ она проживала, а потомъ, когда его уничтожили, въ Вознесенскій монастырь.

Иногда, бывало, эта старушка по церкви, разстакляя свѣчки передъ образами и приговаривая: «Это тебѣ, Иванушка! это тебѣ, Николаша, — это отъ меня, а другая отъ рабы Великой Марыи».

А раба Великой Марыи слышнть это и начинать усердно являться, креститься да кланяться.

Не менѣе была извѣстна въ Хотьковѣ другая такая пустосвятка, по прозванію «Марса Герасимовна затворница». По рассказамъ, она пребывала въ самокаунориваніи чуть ли не 30 лѣтъ и выходила на свѣтъ Великой только въ экстренныхъ случаяхъ. Каждый такой выходъ принимался въ предзнаменованіе какого нибудь большого несчастія, возбуждали говоръ и наводили на всѣхъ ужасъ; начинали являться разные видѣнія и слышаться разные глаголы...

— Гляди, говорили кумушки: — мать Марса Герасимовна вышла... быть бѣдѣ... быть бѣдѣ... И несло это слово повсюду, и слышали, какъ звонили въ полночь колоколь на колокольнѣ; другая видѣла самого домового или вѣдму, какъ она прилетала на метлѣ. Въ воздухѣ даже пахло тарью, грудныя дѣти по ночамъ издавали въ страхѣ, — даже кухонные коты и коники жаллись сиротливо къ печкамъ и всѣхъ пугались.

Но Марса Герасимовна входила снова въ затворъ и начинала опять плестъ кружева, изрѣдка высовывалась изъ своего жилища въ оганко, изрѣдка отсюда зару или спасеніе, смотря какъ ей вздумается. И снова толпы купчихъ и разныхъ барынь тѣснятся у ея окошечка, ожидая милости, какъ манны небесной.

Къ ней по большей части прѣзжали купчихи попросить благословенія на братья дочери и получить знаменіе, т. е. кружева. Дать кружева — цѣлуютъ и прячуть; не дала — плачуть: это великое несчастіе. Окружающіе разсраиваются, какой кусочекъ дала, короткій, широкій или узкій, — и, смотря по отвѣту, дѣлають приличныя предзнаменованія.

И какихъ примѣтъ не наблюдается въ купеческомъ быту при отдачи невесты, и откуда эти суевѣрїи? За недѣлю до свадьбы бѣдную невесту совсемъ заматываютъ по гаданкамъ — дни три до брака она говѣетъ, профора да свѣтая вода. Сколько боязни, сколько заботъ о будущемъ счастьи, — и все-таки мирное, тихое, свѣтлое семейное счастье такъ рѣдко въ купеческомъ быту.

Деньги, которыя дала Марса Герасимовна, она конила, тщательно ихъ пряча. После смерти нашли у нея цѣлая куча серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и бумажекъ, усердныхъ совсемъ пропратиться въ прахъ.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, въ с. Буенѣ, жила «Манаша-пенцекончательница». Подвизаніи юродства послѣднимъ начала заниматься съ пятнадцати лѣтъ. Народная молва процела про нее, что, когда она рожетъ пенцера, въ то время все кругомъ нея освѣщается необыкновеннымъ свѣтомъ, а рожетъ она по особенному, бывшему ей глазу, что она тутъ должна вырвать икону.

Всѣ или и бхали, чтобы посмотреть «Ману»; пенцера, гдѣ она жила, была ничто иное, какъ глубокая яма, на стѣнѣ которой висѣла икона съ горѣвшею лампадой; на полу лежала ветхая одежда труженица, а она

сама, съ зернуномъ въ рукахъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ и съ распущенными волосами, распѣвала звонкимъ голосомъ духовныя пѣсни.

Приходившіе опускали ей въ яму деньги, кашани, сайки, а камѣны иль яны брѣди песокъ и щепочки. Слава о ней быстро росла и привлекала толпы народа.

Вскорѣ изъ это дѣло вмѣшалась полиція. Ману звали и отвезли въ Москву, гдѣ она на допросѣ показала, что была научена это дѣлать корыстными людьми.

Маня была отдана на показаніе въ одну изъ женскихъ монастырей и подѣлывать жила въ с. Свибловѣ, на сукошной фабрикѣ Кожевникова, въ сукошникахъ.

XIV.

Марья Ив. Скачкова.—Татьяна босая.

Въ одной изъ московскихъ богадѣленъ, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, жила богадѣленка изъ купеческаго рода Скачковыхъ, Марья Ивановна. Старуха страдала крѣпко физическими недостатками: была хрома, глуха и кривонога; въ богадѣльнѣ она жила единкомъ уже сорокъ лѣтъ¹⁾, какъ вдругъ стала всѣмъ разсказывать, что ей привидѣлось во снѣ и даже слышался ей голосъ, говорившій ей: «Марья, благослови воду на исцѣленіе другихъ!» Водѣ это повторялось нѣсколько разъ.

Но вотъ однажды приходитъ въ богадѣльню какой-то мужикъ и спрашиваетъ Марью Ивановну: ему снится сонъ, чтобы онъ шелъ въ Москву, въ такую-то богадѣльню, спросить такую-то богадѣленку и попросить ее, чтобы она благословила воду для исцѣленія его жены.

Скачкова исполнила просьбу мужика. Спусти нѣсколько дней послѣ этого, приходитъ въ богадѣльню барыня, отыскивая Скачкову, тоже по сонному видѣнію, для благословенія воды.

Слава Марьи Ивановны росла, къ ней съѣзжались московскія барыни и купчихи; наконецъ, она вылечила одного откушника. Послѣдній вѣсть ее изъ богадѣльни, помѣстивъ въ Мѣдвѣнскій переулокъ, въ богатой квартирѣ; у ней былъ поварь, карета и пара лошадей, на которыхъ она разъѣзжалась по монастырямъ. Съ этихъ поръ Марья Ивановна приобрѣла славу великой цѣлительницы и въ подмогу къ себѣ взяла бѣдную дворенку, дѣвочкой вѣроятно купила домъ. Благодарный откушникъ съ этихъ поръ не знаетъ, какъ угодить Марьѣ Ивановнѣ, и всякую ея прихоть исполняетъ. Разъ, уѣзжая въ Петербургъ, онъ испрашиваетъ у нея благословенія и при этомъ проситъ: какого бы гостинца привезти ей.

— Привези мнѣ, говоритъ Марья Ивановна; — органъ, который бы играть обидно.

¹⁾ См. «Вѣстн. 26 московскихъ леопородковъ».

Какъ ни трудно было отыскать такой органа, который бы играть обидно, но откушникъ отыскать такой.

Не одинъ откушникъ даритъ Марью Ивановну. Отвѣду ей везли и песни, что ей только хотѣлось — и чего у ней не было! И табакерки съ музыкой и съ поющими птичками, и шитые ковры, и священныя книги, дорогія подушки и всякія лакомства.

Особенно боготворить ее одинъ генералъ, занимавшій очень видное мѣсто. По словамъ незнакомкаго біографа Скачковой, онъ, близко пріѣдуть, соберутся еще двое-трое важныхъ стариковъ, ей усердными поклонниками, запрягутся все они въ колясочку на рессорахъ и катаютъ Марью Ивановну по саду.

Марья Ивановна со всѣми своими знакомыми обшарилась свасола и даже весьма грубо, что еще выше поднимало ее въ обществѣ мѣщанъ. Всѣхъ она безъ различія званій и пола называла одними именами: Иванъ, Петръ, Степанъ, Катерина, Анна, Александра и т. д.

Въ ея гостиниѣ рѣшались разные общественныя и домашнія дѣла; тутъ возстановился миръ между мужемъ и женою, отцомъ и сыномъ и т. д. Очень почитно, что примиренные несли ей дары. Черезъ нея получались выгодныя мѣста. «Иванъ, дай мѣсто Петру», говорила она, и мѣсто давалось безпрекословно. Или: «Григорій, опредѣли такого-то», и такого-то опредѣлили.

Въ домѣ ея шесались и поднесывались духовныя, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ и заговорить не смѣли. У ней также заключались браки, и все новости столицы были ей извѣстны. Ходила Марья Ивановна все въ черномъ, волосы стригла по-мужски и голову иногда покрывала шапочкой. Собой она была худощава, мала ростомъ, имѣла пронзительные глаза и рѣзкій голосъ. При ея выѣздахъ огромные лакеи брели ее на руки и носили въ карету и изъ кареты.

Въ послѣдній годъ ея жизни ее звали переѣхать въ Петербургъ, гдѣ пріискали ей богатую квартиру; послѣ большихъ просьбъ, она выѣхала изъ Москвы, но на дорогѣ захворала и въ Торжкѣ скончалась; похоронена она была съ большимъ парадомъ. Все богатство она завѣщала своей компаньонкѣ Катеринѣ, которая впоследствии поступила въ монастырь, гдѣ и умерла въ постригѣ.

Въ сороковыхъ годахъ на московскихъ улицахъ была извѣстна молодая дѣвушка, недурная собой, стройная, съ распущенными волосами и босая, покрытая чернымъ платкомъ. Юрдики дѣвушка эта сначала называлась «Татьяной», а потомъ «Татьяной Степановою босоноскою».

Родомъ она была изъ купеческаго семейства; послѣ рудныхъ остатковъ сиротой и жила въ одномъ дворническомъ домѣ, гдѣ получила образованіе. Послѣ одного неудачнаго любовнаго похищенія она покинула домъ своихъ воспитателей, познакомилась съ ханжами и сама начала ханжить и юродствовать. Жила она съ сестрами на Плющихѣ въ своемъ домѣ, гдѣ

отчитывала и приченных и больных; потомъ распустила слухъ, что явилась у ней ико́на доми́и чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее съ утра и до ночи.

Она продавала свѣчи, пузырки съ деревяннымъ масломъ, кату и т. д. О себѣ она разсказывала, будто въ сновидѣннхъ ей бывають разные глаза и явленія. Старухи-хашки, старыя дѣвы и несчастныя молодыя дѣвушки, девицы, по ея совѣтамъ, отказывались выходить замужъ, жили у ней съ утра и до ночи, а нынѣ и почекали. Эти постоянныя собранія у босоножки, безразличныя чудеса и разныя неблаговидныя сцены, бывавши такъ по ночамъ, обратили на все вниманіе полиціи; икона была взята въ одинъ монастырь, а босоножка было приказано прекратить сборы.

Послѣ того «босоножка» все собиралась выйти замужъ, но не вышла; кѣмъ завидовалась ея любовью. Домъ ея постоянно былъ наполненъ разными невидимыми вдовцами съ москками и бѣлками на рукахъ; разные отставные унчи и другіе выхлещенные джентельмены несли у ней протекціи и кивитіи. Ея жильныя комнаты носили какой-то специфическій запахъ; свѣтлаго человека, какъ только войдетъ, такъ и обдавать запахъ бѣлки, румянъ, пудры и тому подобныхъ снадобій. Босоножка векорѣ уже стѣснителен не стала и открыто стала заниматься прибыльной профессіей извѣстной «мадамы».

• XV.

Голубица.

Въ ряду извѣстныхъ такихъ женщинъ-пустосвятокъ, пройдохъ и ханжей, сияла какъ «адаманти», въ Москвѣ и Петербургѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, толстая и красивая баба, лѣтъ сорока пяти, съ лицомъ бѣлымъ и безблѣднымъ. Называлась она «Ольга Макарьевна», или просто Макарьевна; величала, впрочемъ, себя она «вдовицей», «стрелницей», «цтицей (бѣдой)», «голубицей» и «оливичной».

Старыя петербургскіе гостинодворцы еще должны помнить, какъ она бродила по улицамъ, въ черномъ суконномъ подрясникѣ съ широкими рукавами и широкая большимъ ремненнымъ поясомъ; на головѣ у ней красовалась черная остроконечная бархатная екуфья, но переду хаживала она въ повязанная краснымъ фуляровымъ платкомъ съ распушенными по угламъ волосами. Въ рукахъ у ней была огромная палка, которую она называла «жезломъ іерусалимскимъ»; въ рукахъ же она, по большей частіи, держала пучокъ восковыхъ свѣчей; на шеѣ надѣты были четки съ большимъ крестомъ, а иногда и нѣсколько образовъ, писанныхъ на финикѣ или выгнеченныхъ на единорогѣ іерусалимской работы.

Всѣхъ встрѣчныхъ Голубица благословляла и давала имъ цѣловать

свои руки. Говорила она всегда иносказательно, о себѣ же простодушнымъ купчихамъ болтала всякую ложь, только въ самыхъ высшихъ и вѣдѣрчивыхъ слокахъ:

— Вамъ, другъ мой милый, говорила она какойнибудь купчихой благодушной етъотѣ:—жена я была боярекал; задла въ царствѣ драгой и устроеной муссией и серебромъ, и имѣла аргамакъ и кони многи съ гремичими ченьями. Женила лица моего сѣла, яко дреде въ Парантѣ вдовы Юдион или древней Девои или Эсоири, жены царя Артаксеркса. Но разъ въ пощи быеть мѣ видѣние и кличь неподобный: «Жено, пошто очи твои на нищихъ и убогихъ не зриають?» И, вставъ отъ сна и памятуя сѣи слова, пала я ницъ, прося отпущка грѣховъ своихъ. Персты же рукъ моихъ возношавне на чело, на пушь и на обѣ рами. Изъ очей моихъ слезы яко бисеріе драгое нехождаху, а изъ глубины сердца быеть вопль велій — воздыханія же тераху утробу, яко облацы вѣдухъ возмудху. И съ того часу ноги мои дивно стуканіе възмѣли по темницамъ, по всямъ и распутиамъ, пося милостивно отъ дому своего, пося деньги и ризы и другая потребная—оному рубль, а ницѣ десять, а иному и сотельный билетъ. Ближніе же моя меня, яко звѣрие дикіе, за это терзаху сердце и плоть риху...

Заканчивала она свои разглагольствованія по большей части речными выпрашиваньями, начинавшимися такими словами: «и я тѣбѣ, свѣту моему, о своихъ бѣдахъ и пакостяхъ возвѣщу».

Родомъ Макарьевна была московская мѣрица. Подъ конецъ своей жизни она уже не выѣзжала изъ Москвы и жила между купчихами Таганки и Замоскворѣчья, гдѣ пользовалась большимъ уваженіемъ и почетомъ, и считалась необходимою принадлежностью на всѣхъ поминкахъ, похоронахъ, свадьбахъ, при отпущкѣ поѣсть подѣ вѣнецъ; пошмо ея, никто не смѣлъ подвизать въ мѣничкахъ, въ которые кладутъ четверговую соль, кусочекъ хлѣба, уголецъ, иголку, булаву, маковую головку, ладанку, плакунъ-траву, корень Петровъ-крестъ.

На поминкахъ и на похоронахъ она играла тоже роль угѣнительницы: надѣвала на плачущихъ четки, крестъ съ собою, говорила разные подходящія тексты и т. д., садилась за столомъ между духовенствомъ, толковала о раѣ и адѣ и пр.

На дѣвишничкахъ она благословляла сундуки, куда будутъ класть приданое, клала кусочекъ хлѣба съ солью, въ каждый уголокъ по серебряному нитачку, подвизывала вѣстѣ извѣстныхъ карманъ съ мичанскимъ¹⁾ снадобьемъ, въ составъ котораго вѣстѣ съ названными вещами входила еще боровицкая свѣча, и другая свѣча отъ имени Гурія, Самона и Авины, деревянная палочка съ дванадцатью зарубками, розовая шеловница и какое-то заклинаніе отъ порчи.

¹⁾ Иосифъ — ишло отъ ивѣстѣ ой московской старухи-старки Мичанинѣ.

Тогда она также купила въ баняхъ, пользуясь отъ разныхъ педутонъ, покровица и отъ безплодія какой-то косточкой.

Особенно молодые вдовы и молодые жены, а также и молодые мужья любили посидеть ей квартиру. Кругъ дѣйствій Макарьевны не ограничивался одной Москвою, она посѣщала Нижегородскую, Кореиную и другія ярмарки.

Въ какое время она держала при себѣ дѣвушку, однимъ выдавая ее за дочь, другимъ—за военитанницу. Дѣвушку эту подконецъ она выдала замуру на конесторскаго чиновника, давъ за ней приданнаго тысячу денегъ.

Жизнь Макарьевна подчасъ очень весело, и вечеркомъ перѣдко можно было встрѣтить ее катающеюся на извозчикѣ-лихачѣ, красивомъ и румяномъ. По смерти у ней осталось болѣе семидесяти тысячъ капиталъ, который и получила ее военитанница или дочь.

XVI.

Батюшка Шамшинъ и мѣщанинъ Кочуевъ.

Въ самое недавнее время въ Петербургѣ славился своими пророческими пониманіемъ Шамшинъ; содержался онъ сперва на Удѣльной, затѣмъ былъ переведенъ въ больницу Николая Чудотворца, гдѣ и умеръ. По словамъ «Петербургской Газеты», на четвертый день его пріѣзда въ Петербургъ уже стали притекать «вбрующіе» въ него. Управление больницы, однако, твердо охраняло покой большого Шамшина отъ «вопросителей», не давая вѣры притекающихъ отъ этого не унимаясь.

Въ церкви больницы, какъ говорить «Газета», шла ежедневная служба, и желающіе видѣть батюшку Шамшина приходили въ церковь съ надеждою его тамъ встрѣтить. Но это было напрасно: Шамшинъ къ церковной службѣ не ходилъ. Сильно вбрующіе въ него принимали другія вѣры и дѣлали энергическіе опыты.

Въ етюдной поведѣльницѣ два кушца одушевились такъ, что даже явились въ контору больницы съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы Шамшинъ былъ имъ «выданъ», такъ какъ онъ будто бы вовсе не померъ, а находится въ полномъ разсудкѣ, и «отецъ Іоаннъ благословилъ имъ это выдать».

Требованіе было такъ настойчиво, что главный докторъ вынужденъ былъ призвать вывести этихъ благословенныхъ людей вокъ, что, разумѣется, было исполнено; но благословенные, по удаленіи изъ конторы, перешли въ церковь и здѣсь тоже не убѣди устѣха. Въмѣсто Шамшина они случили наслаждаться нѣсколько религіозною бесѣдою Звѣ—некаго, измѣнявшаго величественную манію о своихъ будто бы непосредственныхъ

соотношеніяхъ съ Богомъ. Большой же Шамшинъ помещался въ одной изъ общіхъ палатъ во второмъ отдѣленіи. Онъ былъ совершенно тихъ и не говорилъ ни съ кѣмъ ни одного слова. Весь день онъ сидѣлъ на своей кровати или вставалъ и, молча, въ одиночествѣ прохаживался тихими шагами по корридолу. Онъ былъ свѣтлый блондинъ, дѣтъ за короткія ла видѣ, съ пріятнымъ чистымъ золотистымъ отливомъ въ цвѣтѣ волосъ, остриженъ по-русски «въ скобку», борода русая, длинноватая и раздѣликованная. Голубые глаза смотрѣли чрезвычайно крѣпко, со смѣшаннымъ выраженіемъ доброты и грусти или даже, пожалуй, страданія. Смотрѣлъ онъ на говорящаго съ нимъ внимательно, но не уставился, а какъ подстрѣленная птица. Не отвѣчалъ никому ни на какіе вопросы. Въ рѣдкихъ случаяхъ прилагалъ руку къ сердцу и тихо кланялся, какъ бы извиняясь или прося оставить его въ покоѣ. Кушалъ до-сыта, но безъ всякой жадности и ничего не просилъ. Спать онъ спокорно; руки у него были чистыя бѣлыя и красивой продолговатой формы, какихъ не бываетъ у людей, занимающихся черными работами.

Писать онъ плохо, какъ пишутъ мелочные лаичники, но писемно отвѣчалъ на все вопросы коротко и очень вѣжливо. Вообще это была натура мягкая, и все движенія его были тихія и по-своему даже граціозныя, симпатичныя.

Молитвы онъ въ последнее время писать не хотѣлъ. Писать онъ карандашомъ, держа бумажку на колѣнѣ. Написавъ одинъ отвѣтъ и начиная писать другой, онъ всегда прежде зачеркивалъ въ первомъ отвѣтѣ послѣднее слово.

Незадолго до смерти Шамшина его посѣтили одинъ хорошо знакомый намъ литераторъ, который передъ тѣмъ былъ опасно боленъ. Онъ попросилъ его написать что-нибудь на листкѣ памятной книжки. Шамшинъ скоро взялъ карандашъ и написалъ нѣчто очень подходящее, а именно: «Я не знаю, чего вамъ писать, вамъ написаннаго не перечитать. Онъ болѣзнь васъ Господь спасъ»; послѣднюю фразу онъ подчеркнулъ; потомъ прижалъ руку съ карандашомъ къ сердцу и умоляющимъ взглядомъ просилъ, чтобы карандашъ ему оставили, что и было исполнено съ разрѣшенія тутъ же бывшаго доктора.

Помѣнательство Шамшина было самое тихое.

На вопросъ литератора—напишите мнѣ что-нибудь въ томъ родѣ, какъ другимъ дѣлали, Шамшинъ далъ отвѣтъ:

— Я даю тѣмъ, кто правды жаждетъ. Стѣпену подакать силъ. А какъ правда известна, вы не слѣпой.

По словамъ Н. Аристовъ¹⁾, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ Симбирской губерніи, были особенно сильныя урѣзай на юрдинахъ, которые бродили болѣею частью съ цѣлью расширенія расказан-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1880 г., ноябрь.

чужих учени. Другіе, впрочемъ, прикидывались блаженными, чтобы ради мнимой святости добывать безбѣдное существованіе безъ всякаго труда и работы. Третьи, наконецъ, дѣйствительно скорбные главоу отъ природы, бредли по міру, какъ нищіе и лишніе члены общества. Всѣ они внушали населенію суевѣрный страхъ и почтеніе; имъ принимали различныя необычайныя силы духовныя, особенно даръ предвидѣнія и предсказанія будущаго; каждое дѣйствіе, жестъ, слово или мычаніе непремѣнно старались считать не простымъ явленіемъ, а знакомъ таинственнаго выраженія воли Божія, и это не одни простомудры, но и помѣшанки.

Въ двѣдцатыхъ годахъ жилъ въ Симбирскѣ мѣщанинъ Кочуевъ, который считался Божьимъ человекомъ, хотя былъ раскольникимъ начетникомъ. Онъ служилъ приказникомъ у макарьевскаго купца Олопцева, который послалъ его по дѣламъ въ Астрахань. Недолго удалось ему жить спокойно: за распространеніе раскола и за безнравственность его хотѣли арестовать полицію, но онъ успѣлъ скрыться и поселился въ Жигулевскихъ горахъ; здѣсь онъ старался вести строгую отшельническую жизнь и превратился совершенно молчаливымъ. Такое поведеніе нецерковнаго затворника среди рыбаковъ поразило ихъ, и послѣдніе, въ знакъ любви и привязанности къ нему, стали носить ему свѣжую рыбу; потому распространявшаяся молва стала привлекать къ нему массу приверженцевъ изъ раскольниковъ міра. Наконецъ, слава о немъ, какъ о святомъ мужѣ, пошла далеко, и толпы уже осаждали его нецерку и самую воду родника, находившагося недалеко отъ его жилища, стали считать священною и пить для исцѣленія различнхъ болѣзней. Наконецъ, симбирскіе коноводы раскольниковъ Валдышевы вывели его изъ Жигулевскихъ горъ, помѣстили въ своемъ домѣ и окружали доволствомъ. Юродивый все выдерживалъ съ такою задачу молчаливика при всѣхъ, исключая одной дѣвицы, съ которой завелъ любовную связь; ихъ взаимныя отношенія были открыты, когда поделушались тайный разговоръ молчаливика съ дѣвицей и поняли, что она беременна.

Тогда отъ неурядицъ Кочуевъ убѣжалъ къ иргизскимъ старцамъ и потомъ переселился въ Москвѣ. Онъ собралъ много рукописей и старыхъ книгъ и въ слѣдствіи едѣлаея виднымъ человекомъ между московскими раскольниками; утверждали, будто онъ первый подаль-мысль учредить старообрядческую іерархію и искать архіерея.

XVII.

«Дядя домой».

Другой юродивый симбирскій, Навель, происходилъ изъ города Алатыря; онъ дѣйствительно былъ всюду подъ названіемъ «дяди домой», потому что, кромѣ этихъ словъ, не говорилъ ничего, притворяясь нѣмымъ. Онъ двадцати лѣтъ отъ роду скрылся изъ родительскаго дома и черезъ два

года явился въ родномъ городѣ, но уже совершенно въ другомъ видѣ. Лѣтомъ и зимой ходилъ онъ босикомъ, носилъ легкое длинное, до пятъ, полукафтанье, которое не мѣнялъ по году. Онъ былъ высокаго роста и красивой наружности, распускалъ свои длинные волосы по плечамъ и никогда не покрывалъ головы; въ рукахъ онъ держалъ высокую палку, на верху которой навязаны были разноцвѣтныя ленты, и каждому встрѣченному выкрикивалъ одно и то же: «дядя домой!» Такъ онъ держалъ себя съ лицами незнакомыми, а кто принималъ его съ усердіемъ и кому онъ доверялъ, тѣхъ удостоивалъ своей тайной бесѣды. Когда давали ему серебряныя деньги, онъ бралъ ихъ, мѣдныя же бросалъ на землю. Своимъ наружнымъ благочестіемъ Навель привлекъ къ себѣ много людей; особенно барыни и купчихи были его поклонницами. Въ селѣ Стамасѣ «дядя домой» очень часто ходилъ въ домъ зажиточнаго крестьянина, у котораго былъ сынъ Оедоръ, парень лѣтъ 16-ти; этотъ юноша сильно привязался къ юродивому и вскорѣ пронать изъ дома. Черезъ годъ стамаские крестьяне увидели его въ лѣсу, вереть за двадцать отъ села, вмѣстѣ съ Навлемъ и другимъ юродивымъ-бродягомъ изъ горъ Алатыря; они сидѣли втроемъ на полянѣ, но, увидѣвъ людей, разбѣжались въ разные стороны. Спустя нѣсколько времени, всѣ они явились въ село Стамасѣ: Навель въ своемъ подрясникѣ, а Оедоръ и алатырскій блудецъ въ одиѣхъ длинныхъ рубашкахъ и босые. Въ разныхъ домахъ этого села и сосѣдняго они привлекли къ себѣ многихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя стали называться старницами, ходить въ черномъ одѣаніи и обмывались не вступать въ супружество. По вечерамъ молодые парни и юноши старницы сходились въ одну избу, гдѣ юродивые учили ихъ читать, писать и пѣть. Въ собраніяхъ участвовали только посвященныя лица; не одиѣ сельскія дѣвицы попадались имъ въ ловушку, но иногда и образованныя дѣвушки. Въ то время въ горъ Алатырь жила дѣвица благородныхъ и побожныхъ родителей, только что окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ; въ домъ къ нимъ заходилъ нѣмой юродивый, молодой и красивый мужчина, лѣтъ двадцати пяти; ему подавали какое угощеніе и надѣляли деньгами. Однажды, во время закуски юродиваго, институтка осталась съ нимъ вдвоемъ въ комнатѣ и любовалась его выдающейся фizioноміей, роскошными волосами и атлетической фигурой: вдругъ нѣмой юродивый обратился къ ней съ рѣчью на отличную французскомъ языкѣ:

— Вотъ, по нашимъ свѣтымъ, чистымъ и дѣвственнымъ заповѣдямъ, сказалъ онъ:—Господь не только развѣчать мнѣ языкъ, но и надѣлать разумомъ и даромъ разныхъ глаголовъ...

Потомъ онъ сталъ говорить по-русски очень умно и краснорѣчиво, но просясь никому не сообщать объ этой благодати.

Отъ величайшаго изумленія институтка ринула ротъ и не могла вымолвить слова, точно сама цвѣтнулась въ нѣмую юродивую, такъ

перешло с него ожидаемое чудное явление. После этого чаще и чаще появлялись и везутику заведомый молодой человек, говорить с ней один-на-один по-французски о посвященных божественных предметах в мистическом направлении, а при других молчать...

Живые таинственные речи о любви Христовой, об одиозности между любовью Царства Божия на земле и о пребывании св. Духа внутри человека вспомнили молодую девушку до того, что она стала раздвигать с минимальными усилиями любовь земную.

Эта связь тянулась недолго: немного юридическим арестовали за распространение слухов «людей божьих» и за побег от симбирского помещика из Парижа, где он служил больше пяти лет помощником повара. Такое неожиданное открытие для гордой и нервной барышни оказалось гибельным, и она отравилась, может быть, еще и потому, что чувствовала себя чужим человеком. Этот рассказ г. Аристов слышал от алатырского доктора В. В. Преображенского.

Этот Павел нередко заходил к архиепископу симбирскому Осодотию. Власть не доверяла ему и считала его юродство притворным. Он убивал его бросить юродство; но Павел на все вопросы отвечал только: «дады домой». Пресвященнейший предостерегал его: «смотри, не улетит тобой по широкой дороге в Сибирь!»

Предсказания пресвященнейшего оправдались: полиция заподозрила Павла в каких-то монашеских делах и отыскала в глухом лесу, около липовской пристани к запертой келье Павла, ведя его с собою, он сказал: «дады домой! Получишь за это 500 рублей...» Но тот отвечал, что теперь уже поздно, и напел у него спрятанными в келье много денег и серебряной посуды и все отобрал. На следствии он чистосердечно показал во всех своих похождениях и дал подписку впредь не юродствовать.

XVIII.

Андреюшка.

В числе юродивых шарлатанов в Симбирске находились и настоящие юроды и дураки. В ряду таких был там юродивый «Андреюшка» сын бедного мещанина Огородникова, лишенный способности видеть даром природы: немой, не могший без движения стоять на одном месте, а, подобно маятнику качавшийся из стороны в сторону, не сумевший безреставно и издавая какие-то звуки. Он ходил всегда в одной только длинной рубашке и босой, даже в сильные жары стоял на снегу, и, бегая по снегу, он не обнаруживал никаких признаков движения ступи. Он любил пить только один чай; занятость

его было цокать нога, ступа, углы и венцы, которая ему попадалась в руки или на глаза; голосом издавать от одного дикого членораздельные звуки; черным хлебом предпочитать блину и любить его есть намазанным медом. Не лишнее от быть органа слуха и на время отбивать звуками, движением рук и головы. Он был весьма неопытен, но любил мыться в бане; вода должна была быть чуть теплая, и мыть его надобно было, начиная с головы до ног; если же чуть горячее нарушалось, то никто его в бане не мог удержать, и он убегал нагой. Холодной воды он чрезвычайно боялся, и словами «подайте Андреюшке воды!» обыкновенно выгоняли его из дома, где посвящения его надобно было. Когда священник давал ему цокать крест при водосвятии, то он придерживал своей рукой крест и махал им все лицо... В церкви он бывал редко и то на минуту, всегда с полным равнодушием, и никто не видел, чтобы он молился в ней когда; только часто он один толкался на пантели церковной с обычными ему выражением—подобие медведя, сосунца лану.

Бегая по улицам, он подбирал доскутки, щепочки и раздавал их ветряным, даже кидал в экипажи—все эти действия считались пророческими предзнаменованиями. Он носил сумку, в которую ему клали подаяние; при этом он иногда оставался спокойным и молчал, а иногда выбрасывать подарки и монеты в сторону. Подаяние раздавал сам другим, кто ему излагается, и без счета, сколько захватит, будто без дельи и размышления. Все это считали каким-то особенным даром от него, и многие сберегали и деньги, и пустая вещи. Торговцы все наперед в даром приглашали его брать из лавки, что ему угодно, но он, по какому-то чутью, у одного когонибудь возьмет какую-нибудь ничтожную вещь, а у другого ни по какому ублажению и значительной вещи не возьмет. Когда насильно давали ему что-нибудь, то он изорвет, если это какая-нибудь материя, или бросит с презрением в сторону, хотя бы вещь стояла и значительной ценой. Если пьяные причинили ему побои и оскорбления, то он с терпением и кротостью все переносил.

В годину бедствий, в 1812 году, когда набожность развилась во всех сословиях больше обыкновенного и когда многие значительные особы симбирские явились в Саровскую пустынь к затворнику Серафиму, последний отказывал в благословении богомольцам, отсылал их в Симбирск к юродивому Андрею.

Андреюшка прожил в Симбирске около семидесяти лет; перед его кончиной народ толпами осаждал квартиру его, так что полиция вынуждена была для порядка приставить чиновника с командой. Кончина его вызволила не одного жителей города, но и окрестное население; стечение народа было чрезвычайное... Не словами его божьими откуда-то явился и возвысился в людской среде на саровском поск-

кахъ, отътой бархатомъ, показались два дорогіе покроя, открылось кру-
гомъ гроба множество подервишниковъ съ пылающими деши и пощю во-
сковыми стѣнами... Въ богатый гробъ его положили въ томъ же обла-
чении обжарочномъ, въ какомъ онъ всегда ходилъ, т. е. въ одной ру-
банкѣ и босой. Прочее все соответствовало особенной пышности, даже
до самыхъ мелочей, и все это сопровождалось усердіемъ значительнаго
дворянства и богатаго купечества... Градекой голова съ обществомъ куп-
цовъ просилъ у преосвященнаго Осодотія позволенія положить его среди
города, около Вознесенской церкви. Архіепископъ, не постигая безотчет-
ной народной признательности къ умершему и убѣждался народнымъ го-
лосомъ, какъ голосомъ Божіимъ, расположился принять покойнаго въ
мѣсто, означенное при архіерейскомъ домѣ, что въ Покровскомъ мона-
стырѣ, на концѣ города, гдѣ съ некашмивныхъ временъ погребаютъ зна-
менитые дворянскіе роды... Чтобы удовлетворить народному какому-то
безусловному энтузіазму, онъ дозволилъ до погребенія на сутки перенести
гробъ юродника въ Вознесенскую церковь, чтобы продолжать время усерд-
ствующему народу усѣсть проститься съ такимъ замѣчательнымъ покой-
никомъ. Народъ держалъ его четверо сутокъ въ хизинѣ, а одинъ сутки
въ церкви; подобно обильной рѣкѣ, безпрестанно притекала къ гробу и
съ особеннымъ благоговѣніемъ касался бранныхъ останковъ умершаго.
Но въ четверо сутокъ духота и жаръ не имѣли вліянія на тѣло умер-
шаго, и никакого не происходило запаха, а это въ особенности поддер-
живало къ нему народное признаніе и сопровождало весьма многими тол-
пами. Тѣло на лицѣ, сначала блѣднѣе, показались синія пятна, но это
надобно отнести къ жару и непрерывному прикосновенію къ его лицу...
При выносѣ и при погребеніи юродника тотъ только изъ жителей го-
рода оставался въ своемъ домѣ, кому не было возможности сдѣлать од-
ного шага; даже закоренные раскольники разныхъ сектъ рѣшились при-
сутствовать въ церкви во время литургій и погребальнаго чиноположенія
и тоже съ благоговѣніемъ проводили его гробъ до мѣста. Хорошилъ Ан-
дрей армяндритъ, ректоръ семинаріи, съ городскимъ и сельскимъ ду-
ховенствомъ; однихъ священниковъ было до тридцати душъ. Гробъ несли
съ хоругвями и звономъ на прострѣвѣхъ болѣе версты, при ежеминут-
ныхъ возгласіяхъ носильщиковъ: лучшее купечество и дворяне попере-
ривъ одинъ у другого перешивали гробъ, стараясь улучшить случай по-
вторить его нѣсколько разъ, и оттого около гроба тѣнота и давка была
невнятна. Экипажей счесть нельзя. Изъ двухъ дорогихъ покрововъ
чернь сильно домогалась одинъ пріобрѣсти, чтобы разорвать его на куски
въ воспоминаніе покойнаго, но не допущена къ тому полиціей, безъ по-
мощи которой могло бы случиться даже вѣселие¹⁾.

¹⁾ Сказаніе о похоронахъ и жизни Андрюшки написалъ какой-то симбирскій по-
томарь.

Въ числѣ другихъ юродивыхъ, пользовавшихся большою извѣстностью
въ Симбирскѣ, надо еще упомянуть объ Ильѣ Герасимовѣ, помещицѣ изъ
крестьянскіхъ села Арской слободы; сначала онъ былъ только болящимъ,
потомъ прикинулся юродивымъ и сталъ пророчествовать; ходить онъ въ
длинной рубахѣ и босой. Пользуясь уваженіемъ крестьянъ, онъ весьма
удачно свращалъ ихъ въ поморское согласіе²⁾.

XIX.

Фекла болящая. — Вѣра Матвѣевна. — Старецъ Глѣбъ. — Антонъ Воздерж-
никъ. — Устинья-пророчица.

Въ городѣ Петровскѣ, Саратовской губерніи, извѣстна была «Фекла
болящая». Жила она, что называется, «и въ людяхъ, и на усторонѣхъ»,
одиноко на рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ своемъ домишкѣ. Заболѣть ли кто въ
городѣ, другое ли какое горе приключится кому либо, сейчасъ къ Феклѣ
болящей. Слыла эта Фекла за богобоязненную женщину и была хорошо
знакома съ монахинями Кирсановскаго монастыря, которыя всегда оста-
навливались у Феклы во время поѣздокъ «за сборомъ». Разумнаетъ она
отъ монахинь тѣ или другія свѣдѣнія о богомольцахъ, да и воспользуетъ
этими свѣдѣніями по-своему, на утѣшеніе всѣхъ приходившихъ къ ней.
Отъ болѣзней она лечила однимъ секретомъ «водицей», а сама все-таки
оставалась болящею, да такъ и Богу душу отдала.

Въ Кирсановскомъ уѣздѣ прославилась иная свѣтая и убогая «Вѣра
Матвѣевна». Эта раба Божія жила не одиноко, а съ какою-то другою
старницею. Хизина Вѣры Матвѣевны была въ лѣсу, на р. Воронѣ. Знать
языки говорили, что у рабы Вѣры много пріюта давалось рабамъ ворон-
ства, стѣжанія и другихъ наместей, при посредствѣ которыхъ она знала,
гдѣ и когда что украдено; могла угадать, найдется ли украденное.
Последнее обстоятельство всегда зависѣло отъ количества лентъ, прино-
сенной рабѣ Божьей. Если украденная вещь не стоила тѣхъ денегъ или
подарка, какіе приносились съ просьбой «прощать» грабители, то указыва-
лось мѣсто или случай, при которомъ вещь найдется, и заглавъ укра-
денное или подбрасывалось, или зарывалось въ землю, а потомъ «про-
зорливая» давала указаніе, и такимъ образомъ проказка «судодѣйствіемъ»
возвращалась къ хозяину или хозяйкѣ. А какъ въ критику дѣла никто
не входилъ, то «Вѣра Матвѣевна» упорно слала «прощальницею» и
открытыя воронства приносывались побожными людьми ей молиться.
Для монахинь Кирсановскаго монастыря у Вѣры Матвѣевны были изво-
бленныя пріюты, которыми всѣ сестры этой обители держали и пользо-

²⁾ См. «Православный Собесѣдникъ» 1877 г., I, 46—49.

важнейшим гостеприимством во время своих объездов по сбору.

Всобщо Иркутскій уездъ богатъ былъ разными пустосвятами; такъ, здѣсь извѣстенъ былъ подвижникъ «Грибъ Лаврентьевичъ», родомъ изъ крестьянъ; славился онъ, между прочимъ, своимъ строгимъ воздержаніемъ. Но это только дома, такъ какъ Грибъ Лаврентьевичъ занимался болѣе путешествіями по Святымъ мѣстамъ: въ Кіевъ, Воронежъ, Москву и другіе города. И ходить онъ всегда пѣшкомъ, дѣлая по 60—80 верстъ въ сутки; потому воздержаніе его было крайне сомнительнаго свойства. Къ чести «Гриба Лаврентьевича» нельзя не отнести того обстоятельства, что во время своихъ путешествій, собирая милостыню, онъ служилъ на собраніяхъ деньги выстроить въ с. Паникѣ, гдѣ онъ жилъ, величественный храмъ, остринце украсилъ его и снабдилъ богатою церковною утварью, такъ удивилъ ему это сдѣлать — судить трудно.

Почупирность его стала особенно замѣтною по поводу его предсказанія своей смерти. Въ одинъ прекрасный день рабъ Божій «Грибъ» вдругъ объявляетъ односельчанамъ, что ему нужно идти въ городъ Ломовъ и тамъ умереть. Отправился онъ въ Ломовъ къ мѣстному городничему, гдѣ былъ всегда любезно принятъ, и тамъ, дѣйствительно, скончался. Какъ строителю храма, Грибъ былъ торжественно похороненъ при соборной церкви города Ломова.

Въ Сектовѣ и Пензѣ знаменитъ также былъ пѣкто «Антонъ Григорьевичъ», изъ купческаго званія; извѣстенъ онъ былъ, какъ постникъ и человекъ, всю душою ненавидѣвшій пьянство. Кофе и чаю онъ вовсе не пилъ, табаку не курилъ и не шпачать и терѣть не могъ табачниковъ.

Въ Сектовѣ разъ онъ замѣтилъ, что одинъ изъ священнослужителей поношалъ табакъ въ алтарь. Вскрикнула душа Антона Григорьевича; влетаетъ онъ въ алтарь и, не смотря на то, что слытъ за человека богобоязненнаго, со всего размаху угостилъ шпачавшаго табакъ двумя полновѣсными дурными оплеухами.

Приездъ онъ былъ за это прощенье на судъ къ мѣстному каафѣ, а потомъ и къ архіерею; но прѣосвященный постарался замить дѣло и отпустить раба Божія Антона безнаказанно, что было восторгомъ для вслѣдствіе.

Жилъ Антонъ Григорьевичъ, всегда окруженный массою нищихъ, калѣкъ и слѣпыхъ и невольныхъ, слѣпыхъ, глухихъ, хромыхъ и прочей братіи. Въ дни этой жизни купецъ бросилъ торговлю, домъ и семейство.

Умирая, онъ завѣщатель похоронить его непременно въ близкомъ шелковомъ холмѣ, наподобіе древнихъ, чтимыхъ церковью, «городничихъ», что и исполнено было однимъ изъ петровскихъ купцовъ г. Лысковцевымъ.

Въ Саратовской губерніи извѣстна была пѣкая пророчица «Устинья», происшедшая изъ земли Иркутскія. Появившаяся пророчица творила чу-

деса въ с. Каменскѣ; жила она у одного старобрядца на огородѣ, принимала же учениковъ и предсказывала въ молении.

Пророчица явилась одѣтая вся въ бѣломъ, подпоясанная рѣзкою шелкового лентою и съ распущенными волосами, перевезанными лентою голубою лентою. Предсказывала она за столомъ съ курицею ладанницею.

Говорила она болѣе слѣдующія слова: «Приходить, людие, послѣднее время, небо и земли потрясется, чистыя звѣзды на землю скатятся; сойдеть Михаилъ Архангелъ и затрубитъ въ трубу живогаденую: встанайте все живые и мертвые на судъ къ Богу. По правой сторонѣ идутъ души праведныя—въ лицахъ все свѣтлѣютъ, волосы яко конья-трапа, ризы на нихъ шелковые. Идутъ они на судъ къ Богу, радуются. Встрѣчаютъ ихъ владычица мать-Богородица: подите, мои христовлюбивыя вѣрныя, да покаянные, постражденные, вотъ вамъ царствіе уготованное. Принимаетъ ихъ самъ Господь, Царь Небесный. По лѣвой сторонѣ идутъ души грѣшныя, въ лицахъ темнѣютъ, одѣныя странное. Идутъ они на свою муку и слезно плачутъ: Господи, царь небесный! пошто ты насъ въ царствіе не пустишь? мы все люди, христіане. Глаголетъ Господь, Царь Небесный: пойдите вы, грѣшныя, проклятыя, во три пропасты земли: вы не въ мою вѣру вѣрочны. Да провалится все грѣшныя въ пропасты! Составитъ Господь все муки въ одну, не извидятъ грѣшныя свѣту благаго, не извидятъ они солнца свѣтлаго, не слышатъ они гласу ангельскаго. Во вѣки вѣковъ аминь...»

Но, главное, пророчица отгадывала воронъ и находила спрятанное, какъ говорило простонародье: «сокровенная человѣчески» узнавала. И ходили къ ней какъдодневно рѣзные бабы и мужики, спрашивая:

— Скажи мнѣ, боролюбикъ жена, кто у меня украсть недавно халсты съ огорода?

— Люди злые, отвѣчала пророчица:—которые схоронили ихъ на рѣкѣ, у плотинъ, подъ хворостомъ,—сходи и обрѣчь.

Или говорилъ мужичекъ:—Новѣдай мнѣ, избранная Божья раба, кто увель у меня сѣраго мерена или гнѣдую кобылу?

— Замѣтники злые, отвѣчала пророчица и указывала мѣсто, гдѣ кони привязаны:—пойди и найденъ.

Понятно, народъ вѣрилъ сначала въ чудеса, но потомъ частыя покражи навлекли и на пророчицу подозрѣнія, и въ концѣ концовъ она была уличена полиціей въ соучастіи въ этихъ воровскихъ продѣлкахъ и уведоухъ лошадей. И пророчица оишь была сослана на мѣсто своей родины.

Тамбовскій Симоны.—Солдаты Ванюшка.—Блаженный Егорушка.—Пьяница Пашка.—Иванушка-дурачекъ и Иванушка Рождественскій.

Въ гор. Тамбовѣ любилъ щегольнуть своѣй «ревностно по вѣрѣ блаженнической купецъ Симоны»; онъ тоже былъ «болящій». Зимой онъ не показывался—холодно, а лѣтомъ обыкновенно фадилъ въ своѣй кибиткѣ, любилъ останавливаться посреди улицъ и всегда собирать толпу вѣзакъ.

«Симоны болящій» любилъ наставлять, какъ нужно жить по-христіански. Всѣ наставленія его обыкновенно начинались и кончались почти одною и тою же фразою: «въ пересказывающихся грѣшникахъ нѣтъ ни вѣры въ Бога, ни самого Бога!»

Какъ вѣровать самъ болящій—неизвестно, но родные Симоны признавали его «блаженнымъ» и содержали на свой счетъ, не позволяя ему брать какую либо ленту отъ добрыхъ его слушателей.

Тамъ же, въ Тамбовѣ, известенъ былъ «пророкъ», солдатъ «Ванюшка Зимний». Онъ былъ сумасшедшій и лезъ въ долги умалишенныхъ, но легковерующіе тамбовцы вѣровали въ него, какъ въ пророка. Закричитъ Ванюшка ни съ того, ни съ сего: «пожаръ! пожаръ!»—записываютъ тамбовцы день и часъ; когда кричалъ Ванюшка, и поелъ окажется, что дѣйствительно въ записанное время гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Тамбова на самомъ дѣлѣ былъ пожаръ. Вотъ и «пророчество».

Вѣровать «Ванюшка», какъ сумасшедшій, всегда безвѣдно, себѣ подѣвель, а тамбовцы ухитрились понимать его слова по-своему и ломали слово: что бы это значило, что сказали Ванюшка?

Вѣнецъ Ванюшка казался по землѣ—быть бѣдѣ и покойнику; придумалъ Ванюшка поднимать что-то имъ воображаемое и дѣлаетъ тѣлодвиженія въ родѣ тѣхъ, какъ бы перекидываетъ вѣнцы черезъ заборъ—смотритъ, что будетъ гдѣ нибудь кража; изредаетъ въ голову Ванѣ лить воду—значить, берегись: придется заливать пожаръ и т. д.

Замѣтательнъ былъ въ Тихвинѣ блаженный «Егорушка». Это былъ высокаго роста мужчина; ходилъ онъ всегда въ разноцвѣтныхъ рясахъ, со свѣщенническою тростью въ рукѣ, въ пуховыхъ шляпахъ или съ непокрытою головою, всею увѣшанный крестами, крестиками и образками на разноцвѣтныхъ лентахъ. Егорушка очень любилъ форенуть одеждою, которую обыкновенно носили у насъ духовными особами. Но умственнымъ развитіемъ Егорушка былъ простой и глухой человѣкъ. Говорить онъ ничего не говорилъ, а издавалъ только какіе-то членораздѣльные звуки, но не былъ совсѣмъ лишенъ дара слова, выучился самой славянской брани и ругался охотно и отчетливо.

Въ церкви, во время Божеслуженія, Егорушка бродилъ среди богомольцевъ, заглядывалъ въ лица молящихся, а самъ никогда не молился, даже ни разу не обвѣшилъ себя крестнымъ знаменіемъ, не говоря уже о поклонахъ.

Не смотри на такое поведеніе въ храмахъ, «Егорушка» слылъ изъ Тихвинѣ «блаженнымъ». Большинство тихвинцевъ и множество набѣжныхъ людей, призвавшихъ въ Тихвинъ на поклоненіе мѣстной свѣтыи, считали долгомъ хотя посмотреть только на Егорушку; если удавалось при этомъ повѣстѣ на блаженного какой либо крестикъ, напомнилъ тихвинской свѣтыи увѣзавъ домой шлолѣ счастливымъ, съ оснаніемъ, что онъ удостоился зрѣть свѣтого мужа, и «водѣтъ на него жертвену».

Жилъ Егорушка постоянно у одного изъ тихвинскихъ купцовъ, известнаго въ мѣстномъ простонародіи подъ именемъ Миши. Купецъ этотъ хорошо торговалъ, и люди объясняли его удачу въ торговлѣ тою благодатью, которую испосылалъ Егорушка Мишѣ своими молитвами, хотя Егорушка никогда никакихъ молитвъ не зналъ; на самомъ дѣлѣ хорошая торговля Миши зависѣла отъ примѣрной добросовѣстности этого купца.

Жилъ въ названномъ домѣ въ особой комнатѣ, уставленной кѣстами и образами и освѣщенной лампадами, Егорушка любилъ облачаться въ свѣщенническія ризы, бралъ имѣвшееся въ домѣ кадило и начиналъ служить, при чемъ вмѣсто молитвенныхъ словъ издавалъ одинъ крикъ. Отслуживъ и накадившись вдоволь, «Егорушка» разоблачался и отправлялся путешествовать по улицамъ Тихвина. Онъ выбиралъ для прогулокъ сухія улицы и по грязи не любилъ шлепать, хотя ходилъ нерѣдко по срединѣ дороги. Идетъ Егорушка и поестъ, или, лучше сказать, востъ ему одному вѣдомо что, а тихвинцы повиснутъ любовными головами въ окна и форточки и смотреть, любуются, слушаютъ и пытаются то, что поестъ.

Надобѣсть Егорушкѣ мычать, онъ начнетъ ругаться отборною бранью, отчетливо, отчетливо каждое слово, при чемъ беретъ, что попадетъ подъ руку—кирпичъ, камень—и начинаетъ бросать камнями за заборъ или въ огорода какого нибудь мирнаго гражданина.

— Ума не приложу, съ чего это Егорушка началъ нынѣ бросать камнями и ругаться, да вѣдь каками еще площадными словами, говорили суевѣрные тихвинцы, глядя на такое поведеніе юрота.

— Быть какой ни на есть бѣдѣ, отымали на это такіе же другіе суевѣры.

По бѣдѣ особенныхъ въ Тихвинѣ не было, и граждане продолжали вести ту же дѣшную и полную сидельнъ жизнь.

Иногда Егорушка нечалъ изъ Тихвина и ходилъ по окрестнымъ монастырямъ и селамъ. Люди, признавшие его за блаженного, говорили, что Егорушка молится въ дѣву, вдали отъ міра, за грѣшныя людей, на самомъ же дѣлѣ за молитвой никто никогда не видѣлъ Егорушку. Вѣнцы

сбегающий в жизни вышеназваннымъ купцомъ, Егорушка никогда не бралъ годяний, хотя охотники жертвовать въ его карманъ всегда находились бы. Будь это не идиотъ, а юродствующій прохождимецъ, Егорушка господамъ казался бы богатыми приношениями, но этотъ блаженный, если и получалъ иногда либо деньги, то или разбрасывалъ ихъ тутъ же по улицѣ, или рвалъ на мелкіе куски, если это были кредитные билеты.

Ублаженіе Егорушку тихвинцы ухитрились придавать и этому безцѣльному уничтоженію денегъ значеніе какихъ-то пророчесственныхъ дѣйствій, прощать и извинять которыя можно было только понимая Егорушку, такъ неразумнаго ребенка, оставшагося неразумнымъ и до старости лѣтъ.

Когда Егорушка умеръ, то погребенъ былъ съ большимъ почетомъ въ мѣстномъ мужскомъ монастырѣ.

Въ томъ же Тихвинѣ слыла за юродивую какая-то отвратительная грязная женщина, ходившая всегда въ лохмотьяхъ, часто босая и вѣчно съ конелемъ, въ который клала и куски хлѣба, подаваемые ей суетливыми и приики, найденными на улицѣ, и ценки съ камнями, поднятыми на дорогѣ, и т. д. Въ томъ же конелѣ клала она и деньги. Простой народъ, мужчины звали эту идиотку «Манкой», потому что видѣли въ ней часто полную глупую бабу; но женщины благоволили къ этой глупой бабѣ. Ругаться площадными словами «Манка» умѣла тоже отчетливо, но женщины уверили, что она не умѣетъ ругаться, а мычить только. При видѣ женщинъ «Манка» стихала.

Была въ Тихвинѣ также еще блаженный «Иванушка-дурчюкъ», родомъ бывшій причетникъ, сивинскій съ круга. Ходилъ Иванушка часто босой, съ тикеловскою желѣзною палицею, въ родѣ лома, въ рукавѣхъ, въ монашеской скуфейкѣ, которая была сдѣлана изъ желѣзнаго листа, звался Иванушка въ подрясникѣ. Этотъ человѣкъ заслужилъ репутацію блаженнаго и юродиваго, между прочимъ, потому, что ни съ кѣмъ никогда не говорилъ ни слова. Если же кто начиналъ насмѣхаться надъ нимъ, то онъ убѣгалъ или въ сторону, или за самимъ насмѣшникомъ, смотря по виду человѣка смѣющагося, или же произносилъ какой либо текстъ изъ Слова Завѣта.

Поддѣнія Иванушка очень любилъ, но никогда о нихъ не просилъ, и брать взятое ему молча. Подносившій кушакомъ, Иванушка всегда за пазухой возилъ кучу разныхъ разностей. Судя по виду тому красному носу этого блаженнаго, иные предположали, что онъ очень любилъ тоже поливать бѣдѣ, который, вѣроятно, и имѣлъ себѣ мѣсто у него за пазухой.

Полнѣе этотъ Иванушка не совѣмъ-то любилъ и ходилъ всегда по такимъ мѣстамъ и улицамъ, гдѣ рассчитываютъ полицію не встрѣтить.

Судящими тихвинцами Иванушка очень уважался, и встрѣча съ нимъ считалась за счастье.

Въ Вологдѣ были извѣстны два юродивыхъ: Алеша и Петроаврафскій дяконъ—оба они отличались строгою подвижническою жизнью, последній—даромъ прозорливости.

Въ селѣ Рождествѣнѣ, Царкосельскаго уѣзда, въ бывшей потнишѣ царевича Алексѣя Петровича, съ 1799 по 1836 г. прожилъ у мѣщанина Русаковой юродивой «Иванушка». Росту онъ былъ средняго, лицо имѣло смуглое, волосы и брови черные; тѣло всегда грязное. Зимой ходилъ онъ въ одной рубашкѣ, безъ шапки, босой, заложивъ руки за спину; лѣтъ, что ему давали; спать на печкѣ, хотя бы даже горячей, зимой и лѣтомъ; милостыни не собиралъ; деньги, которыя ему давали, опускалъ въ часовенный ящикъ. Когда, по случаю болѣзни ноги, онъ пролежалъ шесть недѣль, не собравъ денегъ, то въ часовенномъ ящикѣ было денегъ на 60 руб. монелье. Опуская деньги въ ящикъ, онъ говорилъ: «спасибо, ступай домой». И, спустивъ деньги, бѣжалъ по селу, крича: «спасибо! Богъ дать». Къ церкви онъ былъ усерденъ, но словамъ мѣстнаго духовенства, по къ службѣ ходилъ не всегда; крестился вѣсмъ кулакомъ; сильно билъ лбомъ о полъ; если хвалилъ службу, то говорилъ: «спасибо, пошь! страхъ». Покойниковъ провожалъ до могилы; къ священникамъ былъ почтителенъ.

Онъ много предсказывалъ такъ, въ 1831 г. сиворинскому священнику Евтихію Литвину предсказалъ смерть; одной крестьянкѣ предсказалъ скоропостижную смерть ея мужа, жившаго въ Гатчинѣ; князю Гагарину, командиру квартировавшаго въ селѣ кирасирскаго эскадрона, предсказалъ, въ 1832 г., пожаръ гумна, въ которомъ стояло нѣсколько лошадей; въ 1836 г., за годъ до смерти, предсказалъ пожаръ села Рождествѣна; во время польскаго мятежа, въ 1831 г., провозилъ бѣжавшаго чрезъ село императора Николая, бросалъ вѣтви его щѣбенку и кричалъ: «Ахъ, спасибо! Богъ дать», предсказывая этимъ прекращеніе мятежа, какъ это облыснило мѣстное духовенство. Свою хозяйку Иванушка отвратилъ отъ раскола. Ставнивъ се съ печки и поставивъ въ передній уголъ, предъ иконой, онъ сказалъ: «Баба, молнѣ Богу, Богъ въ церкви, Богъ дать». Одной лугской помѣщицѣ предсказалъ выдвореніе большой ея дочери, за что дочь ешила ему рубашку; графу Растинину, бѣжавшему въ Кіевъ съ большой дочерью, не кладѣвшею ногами, Иванушка предсказалъ выдвореніе, за что Растинины подарили ему бѣлую камиллаву, обшитую золотымъ газомъ, привезенную изъ Кіева отъ Іоанна Многострадальнаго. Въ этой камиллавѣ Иванушку и похоронили.

Предъ смертью Иванушка страдалъ болѣзнию ноги, приключившеюся отъ попаннаго ему въ ногу стекла. Стекло вытанили, и при этомъ онъ сказалъ пожелавшей его хозяйкѣ: «спасибо, бабка, нога дозволъ!»

На погребеніе его собрался народъ во множествѣ. Надъ его могилою вносѣдствіи была поставлена «толубецъ» въ родѣ дощиа съ крестомъ наверху.

XXI.

Кузька-богъ.

Въ Нижегородской губ., между Нижнимъ городомъ и Арзамасомъ, гдѣ обитаетъ племя мордва-терюхане, въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ замѣчательнѣйшій пустосвятъ, джепророкъ «Кузька-богъ» или «Кузя-богъ»¹⁾. Память о немъ по сейчасъ жива въ мѣстномъ краѣ, хотя сказанія уже приняли легендарный характеръ. Мордва-терюхане произносятъ имя его съ благоговѣніемъ, не смотря на то, что всѣ они почти обрусѣли.

Кузька проживалъ въ мордовской деревнѣ «Макранѣ» и славилъ между сельчанами за великаго знахаря и кудесника. Кузьма представлялъ собою явленіе довольно небывалое въ мордовскомъ народѣ: онъ былъ грамотный; обыкновенное его занятіе было — лечить людей и скотъ, отыскивать по-краденнымъ вещи, открывать воровъ, выгонять пагайкой шайтановъ изъ кликушъ-морденокъ, а иногда и изъ русскихъ бабъ, предугадывать будущее и дѣлать другіе фокусы.

Кузька всѣ свои дѣйствія облачалъ видомъ непосредственнаго содѣйствія небесныхъ силъ. Пагайка, которую онъ выгонялъ чертей изъ бѣшеныхъ бабъ, хранилась у него въ почетномъ мѣстѣ, въ особомъ ящикѣ, вышитъ съ ясными образками: по тайному разглашенію мордовскаго знахаря, эта пагайка была та самая, которою Михаилъ Архангелъ согналъ съ Небесъ нечистую силу въ преисподнюю бездну.

При такихъ условіяхъ векорѣ распространилась молва между мордвами русскими, что Кузя — святой, пророкъ, чудотворецъ и «человѣкъъ Боговой», и что къ Кузѣ по ночамъ летаютъ ангелы и т. д.

Хитрый и ловкій мордвинъ въ короткое время завоевалъ себѣ эту славу, и просторная его келья съ утра до вечера была наполнена приходившими мордвинами и русскими. Видомъ Кузька былъ довольно высокъ ростомъ, черноватъ, съ густой, окладистой и широкой бородой; чрезвычайно рѣбе и некрасивое лицо его было какого-то суроваго очертанія; осанка важная, глаза мелкіе, лукавые, умные, взглядъ тяжелый, притомъ повелительный; рѣчь его была грубоватая, рѣзкая и таинственная; во всей его физиономіи проглядывало что-то злоищщее.

Волосъ онъ не стригъ и носилъ съ прямымъ проборомъ на лбу, закидывая ихъ за уши, подобно лицамъ духовнаго званія; одѣвался опрятно, въ темный кафтанъ, походившій на причетнической подрясникъ, подпоясанный широкимъ ремнемъ. Въ Кузкѣ понятіе о грамотности успѣлъ возбудить только одинъ богатый раскольникъ изъ секты

«душителей», у котораго даровитый мальчикъ долго жилъ и успѣлъ перенять въ полномъ совершенствѣ искусство ладѣмбрить и мѣлчить людей и пользоваться вѣрой для корыстныхъ цѣлей.

Кузька въ домѣ этого раскольника былъ часто свидѣтелемъ религиозныхъ обрядовъ «душителей», при которыхъ самъ учитель изображалъ Христа, нѣсколько мужиковъ были апостолы, нѣсколько бабъ представляли Богородицу, жентъ-мифроносца, и эта секта имѣла девизомъ: «не согрѣша, не умолишь»; въ ней также практиковалось душеніе самовольныхъ мучениковъ, и послѣ каждаго общественаго моленія дѣлались свальный грѣхъ.

Поселившись въ деревнѣ, Кузька сдѣлался религиознымъ наставникомъ и обманщикомъ въ дѣствіе слѣдующихъ причинъ. Часто бывая въ Нижнемъ по торговымъ дѣламъ, онъ останавливался въ одномъ изъ дворовъ дворѣ, гдѣ въ одной изъ комнатъ проживалъ пьянчужка пришедшій въ свѣтъ съ хорошею женою. Не смотря на свою степенную и нещадную паружность, Кузька былъ очень влюбчивъ. Эта несчастная страсть развилась въ немъ во время воспитанія въ распутной раскольничьей сектѣ и не покидала во всю жизнь, которая вся и была непрерывною исторіею заблужденій этого рода.

Вмѣсто того, чтобы ѣздить съ товаромъ въ Арзамасъ, Нижний или Казань, Кузька сталъ ѣздить въ Нижній и вмѣсто того, чтобы вѣнчать дѣло въ сутки, затягивалъ ихъ на недѣлю и больше. Здѣсь онъ, не взирая на свою мощную душу, познакомился съ ѣдкою сердечною тоскою и съ изнурительными безсонными ночами. Нѣсколько словъ, сказанныхъ попомомъ, вкружили ему голову и распалили страстное его сердце, и онъ влѣкъ въ разсташенія для него сѣти.

Однажды, когда пьяный подъячій спать мертвецки, красавица-женка шепнула ему, чтобъ онъ ночью постучался къ ней въ дверь. Кузька съ замѣраніемъ сердца исполнилъ это, и въ теленской горенкѣ съ занавѣшеннымъ окномъ и съ двуспальной кроваткою въ углу Кузька извѣдалъ наслажденіе любить и быть любимымъ вполне. Но когда онъ, на утро, очнулся отъ сна, то не нашелъ ни своей жены, ни денегъ. За наслажденіе быть любимымъ безкорыстно онъ поплатился въѣзъ своимъ состояніемъ. Кузьку хотя и прошибъ холодный потъ и была лихорадка, но онъ, призывая на помощь все присутствіе своего крѣпкаго духа, одрился и затаялъ убитыишнюю скорбь въ глубинѣ своего сердца.

Потерявъ все состояніе такъ глупо, въ одну ночь, онъ долженъ былъ начать трудовую жизнь безъ денегъ. Но это бѣдствіе не осилило его, а только заставило переизмѣнить образъ жизни.

Въ жизни своего наставника-раскольника, который богачѣе, лежа на печи, онъ видѣлъ единственный теперь идаль своей жизни. И вотъ, пріѣхавъ домой, Кузька притворился больнымъ на нѣсколько дней. Во время болѣзни къ нему неоднократно являлся во снѣ Христосъ съ

¹⁾ Исторія Кузьки-бога въ «Запискахъ» 1806 г., т. 1.

Кузька упоминается въ «Отечественныхъ»

ангелами и вкряпко ему приказывать немедленно оставить торговлю, все деньги отдать нищей братии, самому отойти в келью на уединение и молитву. Выздоровивъ отъ необычайной болѣзни, онъ, собравъ некоторые долги, ушелъ въ святые мѣста на богомолье, чтобы расточить небывалое богатство на монастыри и нищую братию. Вернулся Кузька домой уже въ черной сѣмелкѣ, въ монашескомъ подрясникѣ и подпоясанный широкимъ ремнемъ.

Первою его заботою, по возвращеніи домой, было—построить келью, въ которую онъ вскорѣ и удалился отъ всехъ суетъ міра. Здѣсь онъ расположился слѣдующимъ образомъ: на столѣ его постоянно лежала раскрытая библія книга «Старовѣрскій псалтырь». Каждую ночь передъ иконами въ его кельѣ горѣла неугасимая свѣча, и при зашпакетованныхъ внутри волоковыхъ окнахъ казалось, извигъ, будто онъ все ночи простаиваетъ на молитвѣ.

Между тѣмъ мнимый богомолецъ, забившись ночью со свѣчей въ подполье, дѣлалъ тамъ опыты надъ бумажными вырѣзками, изображающими свѣтоварничай ангеловъ, и съ помощью долгихъ опытовъ довелъ это искусство до такого совершенства, что трудно было издаль различить изображение отъ живого существа.

И потянулъ къ Кузькѣ-отшельнику легковѣрныя пажобныя старухи-мордовки, поморы и русскія. Но къ Кузькѣ влекли людей не одиѣ религиозныя думды: онъ былъ и лекаремъ всевозможныхъ болѣзней, и сошпакетовкомъ въ мірскихъ дѣлахъ, и прорицателемъ будущаго, и открывателемъ сокровеннаго, и всемъ для всехъ.

Когда Кузька былъ уже провозглашенъ Богомъ, то каждую ночь стали наивѣщать его въ кельѣ ангелы съ разными наказами отъ Христеиска. Кузька-Богъ угощалъ летающихъ къ нему ангеловъ сычнымъ пивомъ, медовымъ квасомъ, зеленымъ виномъ, лучшей мордовской стряпней, до которыхъ они, дескать, были большіе охотники.

Мордва по случаю посѣщеній ангеловъ, закликала Кузьку предметами ангельскаго угощенія. Кузька разъ намекнулъ обшпакетовкамъ, что если кто въ такую-то ночь, около первыхъ пѣтуховъ, заглянетъ въ окно его кельи, тотъ сподобится увидѣть прилетѣвшихъ къ нему ангеловъ.

Между тѣмъ Кузька въ назначенное время поставилъ въ простѣнчкѣ между окнами своей кельи три закрытыхъ ящика, наглухо отдѣленныхъ другъ отъ друга; въ стѣнкахъ ящиковъ, обращенныхъ къ противоположной стѣнѣ, повѣсилъ по бумажному вырѣзку, зашпакетовалъ каждый тонкой перемываемой бумагой, а передъ вырѣзками приготовилъ по свѣчѣ; противоположная стѣна состояла изъ темной и плотно сколоченной досчатой шпакетовки; передъ доской поставленъ былъ столъ, на которомъ стояло нѣсколько буркамовъ, деревянныхъ стакановъ, криницныхъ деревянныхъ блюдъ со стряпней и лакомства.

Въ сумерки около кельи Кузьки зашпакетовала толпа любопытныхъ

мордочекъ. Мордва такъ и палилась въ непрогляднотемную обнѣ. Кузька, наблюдавшій за движеніемъ толпы, заложъ все три свѣчи въ закрытыхъ ящикахъ, потомъ быстро снялъ все три занавѣски, и на противоположной стѣнѣ мгновенно появились, словно проникли сквозь стѣну, три свѣтлыхъ ангела, которые осѣтили стоящій передъ ними столъ, сидицаго передъ нимъ Кузьку и всю келью. Кузька, посредствомъ проткнутой иголки, пониживала свѣчами—и ангелы шевелились.

Пораженная печальностью и чуднымъ видѣніемъ, мордва отскочила отъ окна, давая прѣсторъ глядѣть другимъ; черезъ нѣсколько минутъ ангелы мгновенно исчезли, мелькнувъ въ воздухѣ и оставивъ послѣ себя въ кельѣ мрачную темноту; мордовки принли въ ужасъ; закричали, завскакали и разбѣжались безъ памяти по домамъ, разгланая видѣнное ими чудо.

Божественная карьера Кузьки очень прочно утвердилась; совершаемыя имъ чудеса вознесли его въ мнѣніи народномъ на необлѣтную высоту; слава о немъ быстро распространилась по всему краю не только между мордовою, но и между русскими. Всеобщая увѣренность въ сверхъестественныхъ силахъ Кузьки помогала ему лечить болѣзни самыми пустыми средствами. Для него часто достаточно было ободрить больного однимъ словомъ, чтобы больной почувствовалъ облегченіе. Незалечимыя болѣзни Кузька удаивалъ съ необыкновенною точностью, вследствие своей наблюдательности и долговременной практики, и отъ неотвѣтливыхъ докукъ въ этомъ случаѣ онъ очень удачно отдѣлывался популярнымъ изреченіемъ: «Такъ на роду написано», или что скорая смерть раба Божія уже написана въ большой книгѣ Христеиска...

Пользуясь довѣріемъ народа, онъ зналъ непосредственно многія тайны, и это обстоятельство, въ соединеніи съ его особенною прорицательностью, помогало открывать ему воровъ и краденныя вещи. Онъ очень оригинально выцупывался въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ открыть тѣхъ или другихъ. «Летающіе по свѣту ангелы», говорилъ онъ обшпакетовому, «не доглядѣли вора, да и не попали на то мѣсто, гдѣ лежитъ похорона».

Богослуженіе, утвержденное Кузькой, состояло изъ трехъ элементовъ: древней мордовской вѣры, изъ богослуженія православной церкви и изъ обрядовъ знакомой ему раскольнической секты. Моленіе по кузькиной вѣрѣ происходило на лѣсной полянкѣ; самъ Кузька игралъ здѣсь роль архіерея: на груди его висѣло божественное изображение; это изображение, по словамъ его, вышпакетовала Христеиска матушка со свитой Питищей; въ богослуженіи участвовали двѣнадцать вѣрныхъ «апостоловъ» и свита Питища (содатка Степанида, его любовница). Перже моленіе начиналось слѣдующими словами: «будьте же вы, рабы Божіи, хонми апостолами; а ты, раба Божія Степанида, будь моею Питищей. Служите мнѣ, да Христеиску, вѣрой-правдой! Ушпакетовайте народъ отъ воровства, отъ мошенства, отъ пьянства, отъ распутства, да отъ всехъ недобрыхъ дѣлъ; а вы, правдѣ»

славныи мудра, люди боговы, ихъ слушайтеся! Наказываю веѣмъ вамъ сохраните панну свѣтую вѣру въ тайной тайности. А кто не сохранитъ нашей тайности, того я велю разорвать вонъ на этихъ двухъ дубахъ согвутьхъ. Варшый мой апостоль Григорій, покажи примѣръ, чтобы веѣ казнилисе отъ малаго до великаго».

Апостоль Григорій, получившии приказаніе, схватилъ на плечи приготовленнаго теленка и направился къ согнутымъ дубамъ. Тамъ онъ привязалъ теленка задними ногами къ вершинамъ того и другого дуба и, повелевши его, повелъ левѣею косою по толстой веревкѣ, связующей согнутыя вершины. Дубы съ визгомъ выпрямились; живой теленокъ разорвался такъ быстро, что не могъ усмотрѣть глазъ; разорванныя части мелькнули въ воздухѣ, мелькающія брызги теплой крови понеслись по долині и въ видѣ красноцвѣтнаго пара охватили народъ и близкія вещи; оборванная голова взвилась вверхъ и упала въ сотнѣ саженихъ отъ мѣста; большая половина туловища, оторвавшись отъ веревки, плещулась на землю; мѣльная, обвивши вершину, повисла на ней. «То, православная мордва, люди боговы», сказала Кузька, «что вы теперь видѣли, то будетъ вѣроному, кто скажетъ русскимъ про панну вѣру и укажетъ мѣсто, гдѣ мы собираемся на моленье». После того Кузька выбралъ для себя трехъ чистыхъ дѣвиць-красавиць для послушанія и поручилъ ихъ своимъ апостоламъ, чтобы они выучили избранныхъ молиться въ два перета, да по четвергь. Обязанность же Нятницы была — свидѣтельствовать дѣвиць въ откровеніи чистоты тѣлесной. По окончаніи богослуженія, Кузька облачался въ свою обыкновенную одежду и выходилъ на поляну, гдѣ почетнѣйшимъ старикамъ давался обѣдъ и раздавалась милостыня нищимъ мѣдными деньгами.

Мы не описываемъ обряда постриженія дѣвиць и воя, и завыванія речныхъ рыбъ бѣдными будущими затворницами. Кузька, сказавъ имъ приличное слово, пострадалъ ихъ карою за несоблюденіе дѣвства, объявивъ, что Христосишь велѣлъ ему такихъ, связавъ по рукамъ да по ногѣмъ съ дѣбѣемъ, обонхъ живыхъ законать въ землю. «А вы, вѣрные мнѣ апостолы, десять воскресеній ериду наряжайте сюда по двадцати няги коньщниковъ — рыть могилы глубокия для устраниенія дѣвиць, да другиче двадцать шить человекъ тѣ могилы заканывать».

Послушанія дѣвиць начались тѣмъ, что каждая изъ нихъ должна была дежурить по ночамъ въ кельѣ сладострастнаго Кузьки. Божинъ быть законанной въ могилу оказала мало сопротивленія: Кузька уиришь дѣвиць, что любовная связь съ нимъ совѣмъ не то, что съ простымъ человекомъ, не составляетъ никакого грѣха и не лишаетъ дѣвушки чистоты и непорочности. И непорочныя дѣвицы исполняли послушаніе у Кузьки каждую ночь. Самъ Кузька посѣщать ихъ каждодневно, обиралися съ ними ласково и посылъ имъ орѣхи, пряники, варенье и другія сладости.

Черезъ нѣдѣлю тайнаго владычества Кузьки-бога надъ мордовскимъ на-

родомъ духовенство не могло не замѣтить, что мордва явно холодѣетъ къ церкви, коснѣя ея все рѣже и рѣже и въ мѣньшемъ количествѣ. Изъ содержателей окружныхъ кабаковъ, по случаю нештѣя водки мордовою, многіе доходили до банкротства; губернская власть тоже стала хлѣбчатъ, что частныя доходы отъ мордово-терюханскаго населенія совершенно прекращаются.

Слухи между тѣмъ о какихъ-то мордовскихъ жертвоприношеніяхъ начали ходить во всемъ мѣстномъ край. Но мордва, поголовно преданная Кузькѣ, хранила «тайное таинство». Когда священники начали серьезно приставать съ вопросами къ своимъ прихожанамъ, то Кузька приказала поить ихъ виномъ «до положенія» и выдавать имъ отъ міру золотыя монеты. Такимъ образомъ мордва отдѣлилася и отъ разныхъ набожнѣщихъ на нихъ чиновниковъ, которые, познанившись на мѣстѣ, представляли дѣло вышнему начальству въ наиблѣжайшемъ цѣлѣ.

По любовнымъ похождениямъ этого лжепророка, наконецъ, довели его до законнаго возмездія. Надо сказать, что Кузька сильно, безумно привязалась къ послѣдней своей любовницѣ, Афросинѣ, та, въ свою очередь, также безумно привязалась къ молодому парню Нахомкѣ-спиритникѣ, которому во время своихъ тайныхъ свиданій пересказала все штуки этого обманщика. Нахомъ, возмущенный этимъ, перedalъ все духовенству. После дѣше, зная сотекихъ, отправилось отыскивать мѣсто тайнаго жительства Кузьки-бога, но ночью заблудилось и чуть не погибло въ болотахъ.

Кузька, узнавъ про это, казнила несчастнаго Нахома той безчеловѣчною смертью разорванія на дубахъ, которою онъ казнилъ для примѣра въ началѣ нашего разсказа теленка. Афросинѣ была свидѣтельницей этого зѣрства; отъ ужаса она тутъ же сошла съ ума и вскорѣ утопилась въ колодець.

Кузька съ потерей своей любимицы потеряла всю энергію, всю силу своего характера и окончательно палъ духомъ.

Вѣсть о странной казни Нахома быстро облетѣла весь мѣстный край и на веѣхъ жителей навѣяла суевѣрный страхъ. Велѣды за этой вѣстью стали ходить слухи, что двухъ залутавшихся въ лѣсу мужиковъ, случайно попавшихъ на священную поляну, мордва убила дубиками и тѣла ихъ затопила въ близнемъ болотѣ.

Чтобы наполнить свое тѣгостное одиночество и избавиться отъ невизной тоски, Кузька стала предаваться чувственнымъ удовольствіямъ до необузданности, умножая свой гаремъ до десятка молодыхъ послушницъ, а иногда уединилась въ своей кельѣ и жить истымъ аскетомъ, склоняя къ тому же и своихъ молодыхъ послушницъ.

Фанатики его вполне овладѣли имъ и помыслили своимъ идеаломъ по своему произволу: они заключили Кузьку безвыходно на священной полянѣ и окружили ея съжаемаю собою неуслышимымъ карауломъ. И вскорѣ велъ мордва приуродила ея учредить самовольное крещеніе владычицы,

внимание бредовъ, отиваніе покойниковъ и исправленіе всѣхъ грѣбъ, съ которыми до того времени обращалась къ русскимъ священникамъ, и такимъ образомъ довела свою иѣру до селкательной гласности.

Въ духовные и гражданскіе суды Нижняго-Новгорода полетѣли отъ мѣстной администраціи разные доносы, раскрытіемъ мордовскаго бога и мордовскую иѣру съ религіозной и уголовной стороны. Къ заблужденнымъ стали посылать, по распоряженію духовнаго начальства, краснобрѣнныя увѣщателей. Мордва встрѣтила ихъ тоже краснобрѣнно съ дубинами въ рукахъ. Наконецъ захватить Кузьку-бога было поручено нижнегородскому капитану-неправнику, и тотъ, собравъ новитыхъ въ количествѣ болѣе 500 человекъ, двинулся на поляну.

Мордва, узнавъ объ угрожающей ихъ богу опасности, поголовно ополчилась на его защиту и устроила за собою поперекъ дороги нѣсколько заборовъ изъ хвороста, тяжелыхъ деревьевъ и разнаго дѣснаго мусора, а также разбѣжала всѣ мосты черезъ ручьи и овраги.

Первая экспедиція во главѣ съ неправникомъ кончилась для послѣднихъ весьма печально. Человекъ десять разъяренныхъ фанатиковъ окружали экзальта, въ которомъ фикль неправникъ, вытаскали его оттуда, скрутили ему руки, повели къ известнымъ двумъ дубамъ, которые были согнуты, и повторили надъ нимъ злѣбную исторію Нахома-спротки.

Собранныя части разорваннаго неправника съ ругательствами и проклятіями были отнесены и брошены въ ближнее болото, гдѣ мордва и затоптала ихъ. Русская партія, двинувшись главы своей, поворотила назадъ; болѣе всѣхъ струсили рѣзвые мелкіе чиновники, рѣзвыми поклами которыхъ прежде всѣхъ явились въ городъ.

Черезъ недѣлю въ село прибылъ изъ Нижняго сильный отрядъ солдатъ съ пачальникомъ и новымъ неправникомъ. Кроме палокъ, пачаекъ и розогъ, въ судейскомъ поѣздѣ были уложены какія-то особые орудія, употребленіемъ которыхъ тогда только въ рѣдкихъ случаяхъ. Нѣсколько заборовъ, сдѣланныхъ поперекъ дороги поперекъ, были быстро расчищены, появившаяся мордовскимъ партиямъ была данъ залгъ изъ холостыхъ ружей, и партія, наконецъ, достигла священной поляны; но въ длину всей поляны стояла цѣлая стѣна вооруженной мордвы, грудью загородивъ собою избу Кузьки-бога. Неправникъ сталъ увѣщавать, чтобы они выдали своего Кузьку-бога, обиадеживая ихъ прощеньемъ, но мордва не соглашалась выдать Кузьку. Тогда былъ данъ залгъ изъ ружей, отъ которыхъ мордва и разбѣжалась.

Команда вошла въ домъ Кузьки, гдѣ нашла его «аностола» Григорія Бакулинъ.

— Скажи, гдѣ ваши плуть-Кузька? грозно вскричалъ неправникъ.

— Никакого плута-Кузьки не вѣдаю, а нашего святаго Кузьку-бога вѣдаю, твердо отвѣтилъ Бакулинъ: — и хоть знаю гдѣ онъ, но не скажу.

Долго угрожать этого изувѣра нечаянникъ, наконецъ добился отъ его сына, что Кузька находился въ подпольѣ.

Тотчасъ же изба была раскидана по брѣнну, поджиганый ходъ былъ разрытъ, и въ концѣ его, подъ самымъ сараемъ, найденъ былъ Кузька-богъ, который, прижавшись въ уголъ, трясся словно въ лихорадкѣ.

На допросахъ Кузька-богъ во всемъ признался; касательно убійства неправника онъ покакалъ, что оно совершено прѣтвиръ его воли крестьяниномъ Бакулинымъ; въ растлѣнн дѣвѣцѣ онъ оправдывался тѣмъ, что это растлѣніе не было сопряжено съ насильемъ. Судъ рѣшилъ наказывать мордвина Кузьму Пеляидина ста ударами кнута на избытѣ и, по вырванн поздрей и наложенн клеймъ, сослать его въ каторжную работу.

Казнь Кузьки проеходила въ сентябрѣ въ торговомъ селѣ Константиновѣ; въ день казни въ село мордва-торехане собрались почти поголовно. Кузька, когда его привозыкали къ избытѣ, поклонился на всѣ четыре стороны и легъ на кобылу безъ сопротивленія.

Мордовскій богъ странно похудѣлъ и посѣдѣлъ, что подало поводъ мордвѣ утверждать, что истинный, подлинный Кузи-богъ взятъ на небеса, а здѣсь подмѣненъ другимъ человекомъ. Во время самой казни поднялся всеобщій вой и ревъ мордовскаго народа.

Послѣ казни цѣлыя девять лѣтъ мордва-торехане ожидали возмездія на землю съ небесъ Кузи-бога и во все это время свято исполняли всѣ его наказы и заповѣди. Самые преданнѣйшіе изъ нихъ ходили украдкой на разоренную поляну и тамъ молились, плали и ревѣли; нѣкоторымъ чудились тамъ сверхъестественныя явленія, которые долго поддерживали въ мордвѣ Кузькину иѣру.

XXII.

Вороножскій Никаноръ.—Антонушка.—Отецъ Серафимъ.—Полицейскій колдунъ.

Въ дѣлѣ темнаго и дикаго суевѣрія не отстать и гор. Вороножскъ. Вътъ подвиги нѣкоторыхъ простосвѣтовъ, которые мы беремъ въ краткомъ видѣ изъ «Вороножской бесѣды» г-на де-Пуле.

Въ 30-хъ годахъ жилъ себѣ уединенно на Богомышенской горѣ близнй помѣщичій крестьянинъ г. Викулина, локскій малый, по ирѣвнцу Никаноръ. Присмотрѣвшись къ толкамъ богомольцевъ, отовсюду стазаннхся для поклоненія вновь открытымъ мощамъ св. Митрѣ-фака, онъ крѣпко соблазнился возможностью собрать нѣчто-ничто мнѣхастъ трудовыхъ, но легко бросаемыхъ грошей. И вотъ Никаноръ обиадется въ черную власицу, отдавшесть себѣ бороду и волосы и пречашается такимъ образомъ въ отца Никанора. Въ этомъ новомъ чинѣ онъ сватала терелъ около простосердечныхъ гринельцевъ, мужичковъ и бабъ, попомъ,

принекая, собѣ ловкихъ «индбрихачей», вдругъ скрылся. Затѣмъ разнесся слухъ, что Никаноръ затворился и жаждающимъ истины пророчаетъ будущее. Для этой новой профессіи онъ придумалъ слѣдующую приличную обстановку: избралъ собѣ тѣсную келью, въ которой устроилъ установленную сверху до низу иконами божницу, съ пугающими лампадами и свѣчами, а посреди комнаты поставилъ черный гробъ, въбѣщавшій въ собѣ послѣдніе атрибуты жизни—покрывало, свѣчи и ладанъ.

Въ этой-то свѣтилицѣ, въ присутствіи постороннихъ, надалъ онъ нищѣ и мошна. Усердные гласнати зазывали богомольцевъ удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валилъ темный людъ въ открытую изгородь съ носильными приношениями. Никаноръ, ничѣмъ не стѣсняясь, благословлялъ посѣтителей и вралъ имъ все, что могъ придумать.

Удавалась спекуляція и жажда славы, соединенной съ богатыми дарами, довели его до дерзкаго кощунства: въ кельѣ Никанора, посредствомъ поверженной въ потолокъ дыры, сталъ слышаться гласъ свиньи, отпущенной грѣхъ лежанцамъ на полу въ покаянномъ смиреніи бабамъ. Но, къ счастью, гласъ этотъ, при всей своей мягкости, достигъ до уха полиціи, и отецъ Никаноръ былъ изгнанъ изъ затвора, а потомъ же нился. Дальнѣйшая судьба этого проказника окончилась ссылкою въ Сибирь за какия-то новыя дѣянія.

Въ Задонскѣ жилъ и называлъ въ Воронежѣ небольшого роста, съ рѣдкой бѣленькой бородой, въ сѣрой свѣтилицѣ, пожилыхъ лѣтъ, отъ природы дурачекъ-мужичекъ «Антонунка». Худощавый и слабосильный отъ природы, Антонунка былъ совершенный ребенокъ; при полномъ отсутствіи разсудка онъ рѣдко говорилъ; если же проговаривалъ иногда два-три слова, то уже твердилъ ихъ нѣсколько разъ безостановочно. «Видимъ этого пустехива въ ранніе годы своей юности», разсказываетъ авторъ его біографіи: «такъ теперь, представляется намъ фигура этого старичка съ всею длинными волосами, въ сѣромъ низко подпоясанномъ кафтанчикѣ, съ камешками и вежкою дрянью за пазухой. Вотъ онъ сходить съ церковной скамьи, его окружаетъ толпа женщинъ и дѣтей всѣхъ сословій и съ благоговѣніемъ цѣлуетъ его грязныя руки».

Антонунка имѣлъ постоянное пребываніе въ Задонскѣ и славился тамъ, какъ величайшій пророчатель и чудотворецъ. Многіе издалека прѣзжали къ нему съ большими дѣтьми просить исцеленія. Такъ, Уманьскаго уѣзда, села Чамлына, мѣщаника Елена Солодовникова, у малолѣтняго сына которой поражены были неизлечимымъ недугомъ ноги, ходила съ нимъ въ Задонскъ къ Антонункѣ. Придя къ нему въ комнату, мать большого годовскаго ребенка и просила совѣта, чѣмъ лечить его. Антонунка не лезалъ на ноги больного, потеръ нѣсь своими словами и сказалъ: «спирь будетъ здоровъ». Предсказаніе, однако, не исполнилось.

Жители Воронежа очень желали имѣть Антонунку у себя, и одна

сметливая ханжа издалека доставляла поременамъ воронежскому обществу духовное наслажденіе слышать безвѣрный и безмысленный лепетъ этого пустехива и искать въ немъ таинственнаго духовнаго смысла пророчества. Вотъ образецъ пророчества Антонунки. Въ 183... г. семейство богатаго и уважаемаго въ городѣ кунца П. П. С—ва пожелало благодатнаго присутствія Антонунки, за которымъ и посланъ былъ экипажъ. Молодые члены семейства и особенно сыновья кунца, учившіеся въ то время въ гимназіи, желали видѣть Антонунку просто ить любознательства; но старички и старушки ждали его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его святости, и потому нѣкоторые изъ нихъ во все время обладанія, затворившись, усердно клали земные поклоны, прося Господа о томъ, чтобы онъ сподобилъ достойно встрѣтить лжепророка. Послѣ этого дерзонаивнаго богохульства, когда раздался крикъ: «идеть, идеть!» всѣ валили на крыльцо, ссадили желаннаго гостя, снесли его съ пролетки, казнить, и съ благоговѣніемъ ввели подъ руки въ комнату. Пророкъ былъ въ старомъ армякѣ, пантѣ и рукавицахъ. По срединѣ комнаты встрѣтила его почтенная старушка, глава семейства; она съ подобоющею честию протянула къ нему сложенные одна на другую руки, преклонила голову и сказала: «благословите, Антонунка!» Между тѣмъ Антонунка, едва переступивъ порогъ, началъ повторять фразу: «чи собаки брешутъ? чи собаки брешутъ?». Провинную благословенія старушку, не снимая рукавицъ, онъ слегка ударилъ по щекѣ; сконфуженная нежданной шалочкой дурачка, она отвернулась въ сторону, потеряла щеку и въ угашеніи собѣ сказала: «хорошо, что еще не дерется!» Затѣмъ посадили Антонунку на переднее мѣсто, подъ образа. Члены семейства, желая каждый услышать предсказаніе о будущемъ, выходили по-одиночкѣ изъ другой комнаты и показывались Антонункѣ. При входѣ одного изъ сыновей кунца онъ началъ повторять: «паромы плывутъ... паромы плывутъ...» Вышла дѣвушка, Антонъ заговорилъ: «чи дивка, безъ котомъ пришла... чи дивка, безъ котомъ пришла». При появленіи другой онъ сказалъ: «вари кулешу, вари кулешу». Другому кунцу, родственнику перскаго, Антонунка прорекъ: «чи мене на поселенье соплотъ? чи мене на поселенье соплотъ?» Антонунку почествовали и отвѣтали по-своему.

Въ другой разъ привезли Антонунку на дворъ; онъ раскислся, какъ дитя, и не хотѣлъ сойти съ пролетки; его насильно втащили въ комнату, но онъ вырвался и побѣжалъ къ воротамъ, которыя оказались затворенными; лжепророкъ бросился въ подворотню, но одинъ изъ сыновей кунца схватилъ его за ноги и втащилъ обратно на дворъ. Начали ублажать Антонунку, какъ ребенка: утѣшались, катали по двору на пролеткѣ, но ничто не помогало: онъ рыдалъ и плакалъ. Неудавшись за сѣю спекуляціей, которая, покатавшись съ нимъ по двору, вышла въ комнату и съ таинственнымъ благоговѣніемъ объявила, что Антонунка не разболелся, сегодня говорить... съ тѣмъ шумомъ его дочей.

Антонина умерь въ Задонскѣ и погребенъ въ тамошнемъ монастырѣ. Независимости, что въ день погребенія въ рукахъ его неизвѣстно откуда взялся запечатанный пакетъ съ надписью: «на погребеніе Антонинки» въ пакетѣ найдено 300 рублей. Этотъ случай тоже обратили въ чудо.

Последнее дивное блаженнаго фокусника на Воронежѣ было въ 1859 г. а въ это же время на смѣну ему появился уже другой чудотворецъ — государственнй крестьянинъ Нижегородскаго уѣзда, села Воздвиженки, Ермилъ Сидоровъ. Онъ бросилъ жену и семейство, преобразился въ отца «Серафима» и пошелъ таскаться сначала по деревнямъ и уѣзднымъ вѣдкамъ, а потомъ покатался на виситное мѣсто и въ Воронежѣ.

Хорошо обутой, одѣтый въ суконное полукафтанье, съ монашеской скуфейкой на головѣ, онъ скоро втерся въ нѣсколько купеческихъ домовъ, да и пророчествовать, какъ только доставало умѣнья. Одна почтенная старушка, купеческая вдова, имѣя собственный каменный домъ, пригласила у себя отца Серафима. При домѣ ея былъ садъ, въ которомъ находилась флигелекъ въ одну комнату; въ немъ-то и поселился Серафимъ.

Со вдовою жилъ ея сынъ, холостой человѣкъ, да приказчикъ, ея племянникъ; каждую ночь сынъ вдовы послѣ ужина, прощаясь на сонъ грядущій съ матерью, обращался къ ней съ просьбой:

— Мамашка, позвольте мнѣ пойти къ отцу Серафиму — помолиться Богу!

— Ну, что-жъ, ступай, Христовъ съ тобою! было обычнымъ отвѣтомъ.

Въ одинъ вечеръ сынъ раба обожновеннаго обратился къ матери съ подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подумала, которую орудь держалъ въ своихъ рукахъ и которую никогда не бралъ съ собою ни гдѣ, поселила въ ней какое-то безотчетное подозрѣніе.

Спустя два часа, мучимая разными предположеніями и сомнѣніями (сынъ робилъ немножко покутить), старушка позвала къ себѣ приказчика.

— Гринна, а, Гринна! пооди, батюшка, посмотри, что мой Ваня дѣлаетъ у отца Серафима?

Гринна, мужчина лѣтъ 47, тотчасъ же отправился по порученію хозяйки въ садъ, гдѣ, подойдя къ дверямъ кельи, но обычно монастырскому преданію протворилъ нарасивъ входную фразу: «Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!»

— Ашнь! отвѣчать голосъ за дверью.

Гринна, возгелъ и остобѣнѣлъ отъ удивленія: на столѣ былъ штофъ водки и остринна, а за столомъ сидѣла мертвецки пьяная женщина; Ваня былъ не въ лучшемъ положеніи; Серафимъ однакожь не былъ пьянъ. Все это Гринной было передано вдовѣ, и Серафима прогнали вонъ.

Изъ дома одного чиновника, гдѣ было нашель пристанище отецъ Серафимъ, выгнали его за то, что онъ, не смотря на тяжесть носимыхъ

имъ веригъ, спяникомъ ужъ замѣтно ухаживалъ за хозяйкою въ отсутствіе ея мужа.

Молоденькая купеческая жена Ф—ва, кончившая куръ въ одной изъ частныхъ пансіоновъ, но сильно хворавшая отсутствіемъ, очень ласково принимала Серафима и благоволило выслушивать всю чушь, которую онъ говорилъ ей. Вотъ что рассказывала одна молодая дама, хорошая знакомая Ф—вы. У мужа первой пропали изъ комнаты деньги; пока производился розыскъ ихъ позицію, она со своею сестрою-дауакою, зная, что у Ф—вы будетъ Серафимъ, отправилась въ любоватства туда — исполнить его пророчество.

При входѣ послѣдней съ сестрою хозяйка пошла чаемъ Серафима, а онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, говорилъ:

— Ты мнѣ послаже, послаже палецъ, положи побольше сахару, да вренья не жалѣй! не жалѣй! Потомъ, не обращая вниманія на введеніи, онъ сказалъ:—Вотъ пришли! Они думаютъ, что я цыганъ, буду имъ ворожить о деньгахъ. Деньги украла рыжая дѣвка.

Но эта фрка не одурачила пришедшую женщину: она сейчасъ же догадалась, что плутъ Серафимъ уже слышалъ о провалѣ денегъ изъ разговоровъ сестры ея, часто бывающей у Ф—вы, и потому не обратила особеннаго вниманія ни на пророка, ни на пророчество.

Серафимъ показывалъ прѣхавшимъ свою скуфейку и говорилъ, что она не обыкновенная, а желѣзная; показывалъ также вериги; называлъ сестру прѣзлей своею невѣстою, становился съ нею передъ образами и, снявъ съ ея пальца золотой перстень, надѣлъ его себѣ и сказалъ, что теперь они уже обручены другъ другу. Перстень онъ унесъ съ собою и не отдавъ назадъ.

Неизвѣстно, откуда онъ взялъ себѣ полную одежду схиамника — схиаму въ то время въ Воронежѣ изъ монаховъ никто не принималъ; шарлатанъ этотъ ходилъ въ схиамѣ только у себя дома, во время бодрости. Не очень долго, однако, поплатился этотъ обманщикъ по Воронежску и въѣхалъ куда-то нечужь.

Случалось, что даже и сама полиція прибывала къ помощи такихъ пустовитовъ. У полиціоника Л. очень ловко была украдена шкатулка съ драгоценными вещами. Л. на другой день обратился съ просьбою о розыскѣ вещей прямо къ губернатору, который тотчасъ же приказалъ полиціи принять всѣ мѣры къ отысканію. Должность полиціи именно непрактичалъ въ то время состоявшій при губернаторѣ порученій подполковникъ П. Послѣдній канулся покатъ въ городъ, собралъ съ собою всю полицію, измучился и самъ, но вещи какъ въ воду канули, даже слѣда не открыли. П. сталъ шутникъ. Думалъ-думать онъ и наконецъ придумалъ: вынести изъ пригороднаго села въѣздною по части колдовства бородачаго мужа въ сумрѣмъ кафтанѣ. Проваливъ его черезъ нѣ одну изъ городскихъ частей и помѣстивъ въ кривовирскъ муз., что Жик

объявить, что гадание должно быть «на тонце сердце». На утро полицейскія власти собрались въ канцелярскую часть и съ покорностью ожидали вѣдѣхъ слова мага. Бородатый плутъ, потребовавъ миску чистой воды, поставилъ ее на столъ подъ образами и началъ что-то нашептывать. Окончивъ свои заклинанія, онъ отступилъ шага на три отъ стола съ мискою, обратился къ присутствующимъ и съ суровой таинственностью сказалъ: «молитесь все до единого въ землю!» Чудная была картина: здоровый мужичище дѣлать размашистые кресты и стучать лбомъ о полъ; за нимъ съ благоговѣющимъ смиреніемъ усердно кланялись земные поклоны подполковникъ, частный приставъ, ратманъ и все предстоившіе. Когда же окончилась молитва, знахарь взялъ миску и сталъ смотреть въ воду. Н. наострилъ уши и весь превратился во вниманіе. Знахарь бормотать примѣты вора, объявить признаки мѣста его жительства и, говоря о томъ, гдѣ спрятаны вещи, распуститъ честную компанію. Н. раскинувши умомъ-разумомъ и посоветовавшись съ кѣмъ нужно, прискакалъ вора по примѣтамъ и сейчасъ же нагнулъ на какой-то дворникъ. Всполошили всехъ соседей, перепугали хозяевъ дома, перевернули все вверхъ дномъ, но не только вещей, даже и слѣдовъ подозрѣній не отыскали. Новхаль Н., понуривъ голову и чуть не плача, но знахарь, говорятъ, маленько посѣлки и отпустили во-своихъ.

XXIII.

Блаженный Антонушка.

Въ деревнѣ жилъ до 50-хъ годовъ блаженный старецъ Антоній Алексѣевичъ; родомъ онъ происходилъ изъ села Клинова, принадлежавшаго некогда помещицѣ Разумовой. Будучи семи лѣтъ, онъ разъ во время сильной бури, пронесшейся по селу Клинову, скрылся изъ родительскаго дома и черезъ три недѣли отысканъ былъ въ полѣ у ручья, близъ котораго росъ горохъ, служившій для него пищей. На вопросы о причинахъ его скрывательства онъ или не отвѣчалъ, или отвѣчалъ невнятно. Такъ, по преданію, началась блаженно-породицкая жизнь Антонія Алексѣевича, продолжавшаяся болѣе ста лѣтъ.

Въ то время, когда онъ жилъ въ Клиновѣ, отчимъ заставилъ его обрабатывать землю. По спорамъ съ отчимомъ, онъ перѣбрался въ деревню, гдѣ жилъ въ избушкѣ. Когда мать Антонія умерла, жестокий отчимъ выгналъ своего пасынка изъ дома. Съ этого времени Антоній и сталъ проводить дни въ лѣсу, чтобы не стѣснить никого своимъ присутствіемъ. Ходилъ онъ въ кафтанѣ изъ дешеваго бѣлаго сукна, надпоясанный краснымъ куша-

рафимъ. См. Блаженный Антоній Алексѣевичъ. Спб., 1865 г.

комъ или ремнемъ, а обувался въ суконныя опучи и кожаные, особаго покроя, коты. Онъ не разувался и не раздѣвался ни днемъ, ни ночью и ходилъ всегда съ наполненною чѣмъ ни пошло изухомъ, изъ которой иногда давалъ встрѣтившимся съ нимъ: кому—огурецъ, кому—хлѣбъ, а иному—камень или стекло. И все это имѣло у него особенное значеніе. Къ деньгамъ онъ былъ вполне равнодушенъ, да и не зналъ имъ цѣны. Въ одно время отправился онъ кушить рукавицы и, отдавъ за нихъ 28 рублей, съ дѣтскимъ восторгомъ показывалъ, что кушилъ «за серебряные-то!» Не заботился онъ нисколько и о чистоплотности. Люди, помнившіе его, разсказывали, что онъ былъ необыкновенно кротокъ, послушенъ, со всеми обходителенъ, привѣтливъ и съ дѣтской улыбкой на устахъ, которою невольно привлекалъ къ себѣ сердце каждаго; перѣдъ онъ съ свойственной ему лаской говаривалъ нуждавшемуся въ его помощи и утѣшеніи человѣку: «Сударикъ ты мой! я ничего: такъ Богъ далъ; знать, такъ мать тебя обрекла!» Въ другую же пору представлялся онъ какъ бы тревожнымъ, озабоченнымъ, иногда дерзкимъ и подчасъ грознымъ: въ такую пору онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, а иногда цѣлую недѣлю не принималъ ни пищи, ни питья. Въ тѣ дни онъ безпощадно обличалъ въ некоторыхъ не только за пороки, а за малѣйшія слабости, не смотря ни на вваніе лицъ обличаемыхъ, ни на положеніе ихъ въ обществѣ.

Взвивъ длинную палку, ходилъ онъ и бѣгать ночью по монастырю и выгонять кого-то съ крикомъ: «Урю! урю! урю! экъ ихъ нашло сколько!» Или, схвативъ кочергу, выгонять кого-то изъ-подъ дивана, либо изъ печки, приговаривая: «Зачѣмъ ты сюда зашелъ? пошелъ въшь въ лѣсъ!» А на вопросъ—кого онъ выгоняетъ, отвѣчалъ: «Вироконъ», т. е. волковъ. Иной разъ вскрикнетъ: «Ахъ, какъ стонуть-то, какъ горько тамъ!..» — Гдѣ, батюшка? спроситъ его. — «Ахъ, не слышишь, какъ бѣдныя стонуть-то тамъ, подъ землею?»

Изъ числа многихъ предсказаній этого породикаго бюргера его, епископъ Герасимъ, описываетъ слѣдующіе случаи: однажды, встрѣтившись съ настоятелемъ монастыря, Антоній Алексѣевичъ поклонялся у него на груди крестъ и сказалъ:

— Князь! мы съ Аюнькой большіе вору, уведемъ у тебя лошадей. Только бы звесте намъ ихъ за уголь, а тамъ помниай какъ жали!

Архимандритъ-настоятель принять слова эти за предсказаніе объ обыкновенномъ конокрадствѣ, усилить караулъ, сдѣлать новыя заборы; однакожь не уберечь лошадей, къ которымъ былъ прирастены: двѣ пашинхъ, особенно любимыя имъ, скоро пали.

Къ тому же архимандриту въ обитель принесли рѣзку корюшай, злая противъ царскихъ вратъ на амвонъ и скатился на полъ. Небось, подожди къ панихиному столу, квалъ съ него крестъ и, подавая архимандриту, сказалъ: «На, цѣлуй его!» На слова же архимандрита, что

онъ съ нѣмъ дѣлать, отвѣчалъ: «Не моя воля, такъ Богъ велитъ!» Ровно черезъ годъ послѣдовать указъ объ увольнении настоятеля на покой.

За нѣсколько лѣтъ до открытія мощей святаго Тихона, бесѣдуя разъ съ келѣшнымъ казначеемъ, Антоній Алексѣевичъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и, какъ вдохновенный, воскликнулъ: «Сколько народу-то идетъ! видимо-невидимо!.. А денегъ-то, денегъ сколько несутъ! Одни только Господь знаетъ, да мой душенька!» На вопросъ же келѣшного: — Куда это, батюшка, народъ-то идетъ? — «Къ Оськѣ въ яму!» сказалъ Антоній Алексѣевичъ. Подъ ямою разумѣть онъ гробовую пещеру, гдѣ покоилась тогда мощи чудотворца мощи угодника Божія Тихона, а Оською называли іеромонаха Црншея, служившаго при мощахъ святаго Тихона около 20 лѣтъ.

Въ другой разъ, сидя на крылечкѣ съ келѣшникомъ казначея и указывая ему рукой на пустое мѣсто—это было въ 1837 г.—Антоній Алексѣевичъ сказалъ: «Смотри-ка, какая большая церква стоитъ, да хорошия, поважи! Когда же послушникъ казначея отвѣчалъ, что не видитъ тамъ никакой церкви, юродивый настойчиво утверждалъ, что стоитъ тамъ церква. Черезъ 8 лѣтъ дѣйствительно на томъ самомъ мѣстѣ былъ построенъ съ обители храмъ.

Въ 1841 г. въ Задонскѣ былъ большой пожаръ. За мѣсяць передъ этимъ пожаромъ блаженный заходилъ въ тѣ самые дома, которые послѣ сгорѣли, и говорилъ: «Палки жарко горять! палки жарко горять!.. Воды надо, воды!»

Другой разъ, оставившись близъ одного дома въ Задонскѣ, онъ началъ закручивать дождевую лужу и, на вопросъ: для чего это дѣлать, отвѣчалъ, что вода будетъ нужна, потому что сюда прилетитъ красный петухъ. Согласно предсказанію, домъ этотъ сгорѣлъ до-гла.

Разъ зашелъ онъ къ квартальному надзирателю гор. Задонска; послѣдній вывелъ къ нему восьмилѣтняго своего сына и сталъ просить у юродиваго благословенія отдать его въ училище. Но Антоній Алексѣевичъ, посмотрѣвъ на ребенка, сказалъ: «Я возьму его на поляну». Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того сынъ квартальнаго умеръ...

Зайдя разъ къ одному задонскому мѣщанину, юродивый спросилъ у него: можно ли на такой-то улицѣ выстроить двѣнадцать домовъ? Тотъ отвѣчалъ, что всѣ мѣста уже застроены... «Нужды нѣтъ», сказалъ юродивый: — «Я таки выстрою...» Черезъ десять лѣтъ на этой улицѣ дѣйствительно сгорѣло двѣнадцать домовъ, которые и были выстроены живыю.

Сбратившись однажды къ дочери того же мѣщанина, онъ говоритъ: «У тебя мать Анна: люби ее!» Дѣвушка отвѣчаетъ, что мать у ней Екатерина, а не Анна. Но Антоній Алексѣевичъ продолжалъ утверждать, что Анна, и, смотря даже на личное присутствіе матери, которой онъ какъ бы и не замѣчалъ. Спустя годъ мать ея Екатерина умерла, и отцы дѣвочки женили на другой женѣ, которую дѣйствительно звали Анной.

По смерти архимандрита Иларія одинъ братъ спросилъ блаженнаго: кто будетъ у насъ княземъ?—«Князь у насъ будетъ», отвѣчалъ юродивый, «изъ дяконошъ». И дѣйствительно хатушникъ мѣсто покойнаго архимандрита былъ изъ дяконошъ.

Не разъ Антоній Алексѣевичъ видѣли, какъ онъ въ сильномъ безпокоѣствѣ ходилъ по двору около подъяконома задонскаго монастыря и, махая около него голыкомъ, приговаривать: «Пошли прочь! кто насъ якаетъ сюда?» Однажды вечеромъ онъ въ сильномъ безпокоѣствѣ пришелъ къ одному брату въ келью, гдѣ были еще двое изъ братіи, и прилетѣть было на постель; но, пролежавъ немного, вдругъ вскочилъ и, сколько есть мочи, прокричать три раза: «Карнушка! Карнушка! Карнушка!» (такъ онъ обыкновенно звалъ этого послушника), затѣмъ, вставши, пошелъ, сказать какъ бы про себя: «Ну, такъ и быть: схватилъ вольно овечку!» На завтра нашли этого послушника повѣсившимся въ то самое время, какъ блаженный кричалъ: «Карнушка!»

Разъ, придя къ другому послушнику, потребовалъ онъ бумаги, чернилъ, сургуча и печать. Послушникъ подаль ему все это. Юродивый написалъ что-то и запечатать: «На, возьми! это тебѣ подарю!» Черезъ недѣлю совсемъ неожиданно послушникъ этотъ отправился въ Москву.

Одному послушнику при каждой почти встрѣчѣ старецъ постоянно твердилъ, что уйдетъ онъ къ отцу—пахать землю; послушникъ и слушать не хотѣлъ, но черезъ семь лѣтъ дѣйствительно покинулъ монастырь.

Въ 1847 г., придя разъ въ келью къ знакомому монаху, старецъ спросилъ его: «Чей это въ сѣняхъ гробъ, большой, пестрый?» поволокъ, немного помолчавъ, продолжалъ: «Домъ бы и умерать: какъ-жъ прѣлзать опять въ монастырь?» Черезъ мѣсяць монахъ, изболѣвъ, пожелалъ съѣздить на родину для поправленія здоровья, но, пробывъ тамъ около мѣсяца, возвратился въ Воронежъ, гдѣ вскорѣ, отъ свирѣпствовавшей въ то время холеры, и умеръ.

Во время холеры Антоній Алексѣевичъ заходилъ во многіе дома обитателей Воронежа безъ всякаго со стороны ихъ приглашенія, и гдѣ ставилъ онъ столы посреди комнаты и пѣлъ «вѣчную память», тамъ почти всѣ жильцы вымерли отъ холеры.

Проходя разъ мимо одного каменнаго дома, дворъ котораго обветрѣлъ, былъ досчатымъ заборомъ, Антоній Алексѣевичъ остановился передъ канавкой, по которой стекали со двора нечистоты, и, немного подумавъ, пошелъ бокомъ по этой канавкѣ по двору и, поцупавъ у кладовыхъ замки, тѣмъ же путемъ вышелъ на улицу, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ со стороны стоявшихъ свѣдѣтелей этой сцены. Но прошествіи нѣсколькихъ дней эта загадка объяснилась: чрезъ ту самую канавку прѣшли по дворъ ночью воры, обобрали всѣ кладовыя и бѣжали тавомъ.

За годъ до своей кончины пришелъ Антоній Алексѣевичъ къ одной помѣщицѣ, которая купила домъ въ Задонскѣ, и говорилъ ей: «Богъ и

къ ками: такъ Богъ ветхѣ!» Потомъ, разболѣвшись, говоритъ ховийскѣ: «Мама! дай онъ называть се), пока мнѣ умреть; похорони меня во спасеніе души твоей въ монастырѣ и заплати за меня пять рублей...» А когда та подумала, что едва ли можно будетъ похоронить его за такую сумму, Антоній Алексѣевичъ, отвѣчая на ея мысли, присовокушилъ: «Ну, 500 рублей отдай впередъ. Хотя у тебя и былъ нынѣ недородъ хлеба, зато у меня его много. Вотъ, дастъ Богъ, я перейду, тогда и тебя возьму къ себѣ; да ещей мнѣ новый бѣлый кафтанъ съ низкими бѣлками и купи новый кунакъ». Духовника своего, къ которому всегда самъ приходилъ, когда нужно было исповѣдаться или приобщиться, просилъ еще сшить себѣ новые коты. А недѣли за двѣ до Покрова говоритъ ховийскѣ дома: «Мама! неси блины въ субботу, подъ Покровъ». Наступила эта суббота, и юродивый скончался на 120-мъ году жизни.

Тѣло его погребено было съ большою торжественностью въ Задонскомъ монастырѣ подъ алтаремъ Вознесенской церкви. На похоронахъ его присутствовало многочисленная толпа народа.

XXIV.

Старецъ Алексѣй. — Томскій Осинька. — Семейная Домна. Лже-Разумовскій. — Лже-Александръ. — Данилушка на кровлѣ.

Въ Ростовѣ были извѣстны старецъ Алексѣй изъ имѣнія графа Панина; онъ юродствовалъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ 32 года. Родомъ онъ былъ изъ духовнаго званія, жизнь велъ воздержную, ходилъ въ одной верхней рубашкѣ, босой зиму и лѣто. Временно жилъ онъ въ сторожкѣ монастырской, любилъ читать апостолъ за раннею литургіею. Постѣ ранней общины въ своемъ монастырѣ весьма часто уходилъ въ ростовскій Успенскій соборъ, отегаящій отъ Борисоглѣбскаго монастыря на 18 верстъ, къ поздней литургіи, гдѣ также читалъ апостолъ.

О странствіи его ходилъ разсказывающъ слѣдующій случай. Одна помѣщица, отправившись въ Ростовъ на богомолье на тройкѣ лошадей, посѣтила у Бориса-Глѣбца отца Алексѣя и сѣтовала на то, что ей мало времени оставилось, чтобы побѣдѣ побесѣдовать съ Алексѣемъ, такъ какъ сѣла въ Ростовъ, чтобы поспѣть къ литургіи въ соборъ. Алексѣй, замѣтивъ это, сказалъ ей: «Мы увидимся въ Ростовѣ». Къ удивленію своему, помѣщица приѣхавъ, замѣтила въ соборѣ Алексѣя, который прибылъ туда раньше ее, хотя она ѣхала на тройкѣ лошадей. Вотъ какъ быстро ходилъ Алексѣй.

Странствы еще разсказывали изъ его жизни, что однажды люди, встрѣтивъ его выходящимъ изъ лѣса, спросили: — Гдѣ ты былъ, Алексѣй Степановичъ?

— Въ банѣ былъ, прекрасно выпарился, ни одного мѣста не осталось невыпареннымъ.

На самомъ же дѣлѣ нѣкоторые видѣли его въ то время сидящимъ въ муравейникѣ. Вотъ какова была его баня!

Часто онъ хаживалъ въ нѣкоторые дома Борисоглѣбскихъ жителей и никогда ни дверей, ни воротъ не затворялъ. Не смотря на то, какъ разсказывали, ни скотъ со двора не уходилъ, ни похищенія никакого не было.

Утверждали, что Алексѣй обладалъ и даромъ пророчества. Такъ, будучи въ одномъ домѣ, гдѣ мать сильно безпокоилась о томъ, что давно не получала никакого извѣстія отъ сына, жившаго въ Петербургѣ, Алексѣй сказалъ: «Рыба Пела глубока, много въ ней тонуть». И дѣйствительно, чрезъ недѣлю мать получила извѣстіе, что сынъ ея утонулъ въ Пелѣ.

Однажды Алексѣй передъ бурей разбиралъ пространство земли близъ колокольни села Троицкаго, что въ Бору. Окружающіе его спросили: Что ты дѣлаешь, Алексѣй Степановичъ? — «А вотъ мѣряю, куда крѣчь упадетъ съ колокольни». Когда нашла буря, крѣчь съ колокольни сорвалась, и онъ упалъ на то мѣсто, гдѣ указалъ Алексѣй.

Предъ пожаромъ въ селѣ Вонцажниковѣ, въ десяти верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря, Алексѣй Степановичъ расхаживалъ по улицамъ и говорилъ вслухъ: «Ахъ, какъ жарко! ахъ, какъ жарко!» хотя на самомъ дѣлѣ и не было жарко. Въ слѣдующую ночь былъ сильный пожаръ въ Вонцажниковѣ.

Умеръ Алексѣй 16-го октября 1781 г. и погребенъ за алтаремъ; постѣ его смерти какой-то неизвѣстный выстроилъ надъ его могилою каменную часовню, гдѣ на стѣнахъ изобразилъ Алексѣя. Память объ этомъ юродивомъ чтится въ монастырѣ по сейчасъ.

Городъ Томскъ изетари богатъ былъ разными пустосвятами. Въ числѣ такихъ нѣкогда знаменитъ былъ тамъ «Осинька», который, судя по разсказу, переданному намъ столѣтней старицею Марою Леоновой, знаменитъ былъ тѣмъ, что всегдъ показывалъ пальцы, да по ночамъ ходилъ и предсказывалъ пожары, говорилъ: «Стопочка строить, стопочка строить».

Не менѣе его была извѣстна въ этомъ городѣ старуха самой перинливой вѣщности, таскавшая за плечами въ мѣшкѣ дохлахъ лягушекъ, кошекъ и разную дрянь и отиравшая все свои физіологическія отяжеленія тамъ, гдѣ ей это приходило въ голову — въ комнатахъ, церквяхъ и т. д. Родомъ она была дворянка, помѣщица и была прислана въ Сибирь за жестокое обращеніе со своими крѣпостными. Извѣстна она была подъ названіемъ «Домны Карповны», ходила зимой и лѣтомъ босыми и жизнь вела пощую; знала только одну рѣчь, которую и твердила постоянно: «Пресвятая Богородица, спаси отъ горячихъ бѣсовъ». Изъ разсказовъ о ней извѣстны одни, какъ она по дорогѣ въ городъ Канскъ встрѣтила архіерея и предсказала ему смерть.

Изъ замѣтныхъ пустосвятовъ въ этомъ городѣ была извѣстна еще

пикто Разумовскій, выдававший себя за гетмана. Этот самозванецъ особенными нравственными качествами не отличался; разсказывалъ старухамъ бабамъ про блудную Арацію и о выплывавшихъ будто бы на гору изъ озера крокодилахъ, что мѣняли постройки будущаго томскаго собора, и тому подобныя несурзности; въ сущности этотъ Разумовскій былъ негласный опекунъ томскаго веселаго заведенія и родомъ полякъ, присланный въ Сибирь за мошенничество.

Въ томъ же Томскѣ у простаго народа и особенно у купцовъ пользовался большимъ уваженіемъ пикто столѣтній старецъ Федоръ Кузнецъ или Александръ; происхожденія послѣдній былъ неизвѣстнаго, но есть данныя предполагать, что онъ извогда принадлежалъ къ высшему петербургскому обществу. Парушность имѣлъ старецъ Федоръ красную, величавую, уста были большого, съ правильными чертами лица и большой окладистой бородой. Онъ зналъ языки, на которыхъ говорилъ очень правильно, и отличался необыкновеннымъ даромъ слова. Сибиряки въ этомъ таинственномъ отшельникѣ видѣли будто бы покойнаго императора Александра I; какъ ни нелѣпо было это предположеніе, но оно крѣпко существовало въ томскомъ купеческомъ обществѣ. Старецъ Федоръ жилъ у купца Хомова за городомъ, на дачѣ. Онъ похороненъ въ Томскѣ, въ оградѣ Александровскаго монастыря. На его памятникѣ существовала очень загадочная надпись, которую, въ бытность мою въ Томскѣ, въ 1882 г., въ маѣ мѣсяцѣ, стерли и закрасили, такъ что прочесть ее не было возможности. Старецъ Федоръ тоже будто бы отличался пророчествомъ и предугадываніемъ будущаго: такъ, онъ одному изъ мужичковъ предсказалъ, что тотъ найдетъ золото, что и случилось. Жизнь онъ велъ строгую.

Въ Томскѣ были извѣстны еще изъ сибирско-кавказскихъ пикто «Данилушка». Онъ также предсказывалъ и отличался большими странностями — жилъ въ лѣсу, питался кореньями, а въ городахъ — преимущественно на крышѣ дома, гдѣ и сидѣлъ цѣлыми часами въ созерцательномъ молчаніи.

XXV.

Авраамій. — Діомидъ юродивый. — Старецъ Вася.

Лѣтъ 30 назадъ въ одной изъ сибирскихъ губерній пронеслась молва, что явился отшельникъ «Авраамъ», надѣленный даромъ пророчества и чудотвореній. Столетняя молва, варьируя эти разсказы, разнесла вѣсть объ отшельникѣ по всей Сибири.

Въ самомъ дремучемъ лѣсу, далеко отъ всякаго поселенія, жилъ въ большой пещерѣ моленной отецъ Авраамъ. Когда все кругомъ лѣса погружалось въ ночь, у отшельника пробуждалась жизнь. Сотни поклонниковъ тянулись къ нему на молитву, гдѣ вмѣстѣ съ псевдо-религіозностью проламывался чудовищный развратъ.

Авраамъ считался основателемъ секты отшельниковъ. Последователи его, мужчины и женщины, входя, сбрасывали съ себя всякую одежду и оставались въ однихъ рубахахъ съ босыми ногами. Учитель становился на возвышеніи и былъ одѣтъ въ черной рябѣ, въ родѣ монашеской. Обрядъ молитвы заключался въ слѣдующемъ:

— Да приблизится избранная моя! провозглашалъ Авраамъ; въ отвѣтъ на это входила на возвышеніе молодая дѣвушка и становилась на колѣни.

— Облобыхай мои! говорилъ онъ...

Дѣвушка цѣловала его ноги.

— Творите, какъ я творю, братіе.

При этихъ словахъ подѣ каждую мужчину становилась дѣвушка и, по примѣру избранницы Авраама, цѣловала ноги мужичка.

— Да будетъ плодородіе вамъ, яко плодородіе маслинъ! говорилъ Авраамъ, обѣняя стоящихъ вѣковой сѣвкою. — Чисты ли и непорочны ли вы всѣ?

— Освящены отъ рожденія! слѣдовало общій отвѣтъ.

— Имѣете ли твердость истиннѣи плоти омытиса?

— Имѣемъ! отвѣчали всѣ, падая на колѣни.

— Омытиса же.

Вслѣдъ за этими словами каждый изъ отшельниковъ бралъ нукъ рясу въ руки и начиналъ имъ бить по плечамъ и по спинѣ своихъ сестръ.

Вичерканіе это продолжалось довольно долго, кровь струилась по обнаженному тѣлу добровольныхъ мученицъ. Послѣ этого спрашивалось: — «Очищены ли вы есте, сестры мои?» Слѣдовало отвѣтъ, что очищены и чисты, какъ сѣвѣ. — «Очищены ли вы?» обращался онъ къ мужичкамъ. — «Не очищены», отвѣчали послѣдніе. — «Омытиса!» И снова начиналось истязаніе, — истязуемыми на этотъ разъ была мужская братія; послѣ этого всѣ очищенные удалялись изъ моленной.

Отецъ Авраамъ жилъ въ сектѣ со своею избранницею, какою-то блудою солдатскою женою Аленою, и жилъ, благодаря богатымъ приношеніямъ, весело, пока полиція не провѣдала о немъ. Впрочемъ, Авраамъ успѣлъ улизнуть отъ руки правосудія, а его последователи сошли моленную, чтобы она не попала въ руки нечестивыхъ. Но ихъ разсказамъ, Авраамъ чуть ли не живой былъ взятъ на небо вмѣстѣ съ Аленою. Авраамъ же, какъ оказалось послѣ, жилъ въ Москвѣ у богатой купчихи С—овой въ дворничихѣ, и тамъ его уже звали Семеномъ. Какъ мужикъ еще весьма красивый и пригомы дождій, онъ пользовался особннымъ расположеніемъ своей хозяйки. Жизнь его у нея была самая беззаботная, подчасъ онъ кутилъ не хуже богатаго купца.

Разъ какъ-то его хозяйку посетилъ бѣдный раскольниковый монахъ и, не заставъ хозяйки дома, зашелъ къ дворнику, гдѣ за грабачкомъ вѣдалъ убійца Семена обокрасть купчиху и блудить. Результатомъ этой бѣды

было то, что въ одно прекрасное утро у хозяйки нечаянно пропала съ 40,000 рублей и двѣрники Семенъ.

Какъ ни искала полиція похитителя денегъ, все розыски остались тщетными. Благодаря паспорту Авраама, красноярскаго мѣщанина, который и мыслилъ ему ноги, онъ благополучно добрался до Сибири и, увидѣвъ утраченную сумму, поселился въ дѣсу и опять началъ проводить свое пустошество.

Послѣ исчезновенія отца Авраама въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ поселился богатый сибирскій купецъ. Купилъ онъ себѣ домъ и началъ торговать хлѣбомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ имя его стало извѣстно во всѣхъ промышленныхъ низовыхъ губерціяхъ.

Въ одной мѣстности губерній орловской, смоленской и калужской каждому изъ обитателей какъ городовъ, такъ и сельскихъ мѣстности были известны лѣтъ 20 назадъ 80-лѣтній старикъ, юродивый «Діомидъ», мѣшавшій по дѣсамъ и скрывавшійся тамъ на деревняхъ; всегда босой, въ одной рубашкѣ зимой и лѣтомъ, Діомидъ бродилъ по дѣснымъ добрымъ. Это былъ вполне дѣсной человекъ, съ ногъ до головы обросшій волосами. Ходилъ онъ не молча, а всегда что-нибудь мурлыкалъ или напевалъ себѣ подъ носъ. Откуда онъ былъ родомъ—никто не знаетъ, и когда начать вести такую суровую бродячую жизнь—тоже покрыто было тайною. Бродя по селамъ, Діомидъ заходилъ иногда къ мужикамъ, но относился не къ духовенству, котораго онъ не терпѣлъ, бѣгалъ и боялся.

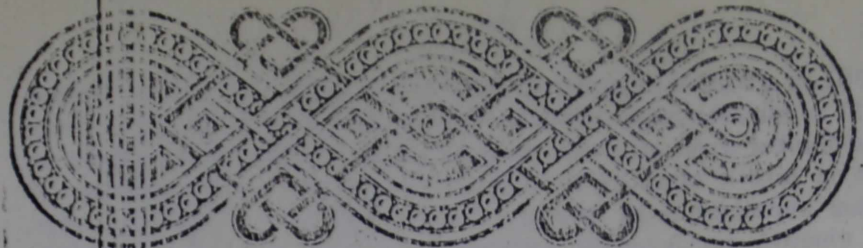
Въ Боровѣ въ эти же года извѣстенъ былъ старикъ «Вася», вѣчно раздѣтый и босикомъ лѣтомъ и зимой. Посѣщеніе его въ домахъ обитателей считалось очень желательнымъ и счастливымъ, и каждый спѣшилъ захватить съ калачикомъ и водкой, до которой онъ былъ большой охотникъ. Васи было просто идиотъ, лишенный дара слова и ничѣмъ не отличавшійся отъ людей такого сорта.

Здѣсь перечислены все или почти все изъ «словуцкихъ» старичковъ и юродцевъ, просіявшихъ въ недавнее время, во многихъ случаяхъ противъ принятое до-петровскаго періода и времени самого императора Петра, который въ великомъ рядѣ своихъ государственныхъ заботъ обращалъ вниманіе и на вредъ, причиняемый обществу святостествомъ старичковъ и юродцевъ. Твердая рука пераго императора не миловала этихъ пустошавшихъ, которые приносили тотъ несомнѣнный вредъ, что понижали въ людяхъ понятіе о промышленности, выдавая себя за какихъ-то довѣренныхъ агентовъ, адвокатовъ и ратителей воли Бога, какъ будто нуждающіеся въ ихъ посредствѣ и избравшаго ихъ для этого назначенія. Но въ видѣть въ этихъ поступкахъ «лицемѣріе, глупость и злобное стремленіе къ обману простодушныхъ невѣждъ». То же самое продолжалъ видѣть въ этомъ и все русское законодательство при послѣдующихъ императорахъ, и исполнительная власть постоянно считала

себя призванными оказывать сопротивленіе пустошеству юродивыхъ и старичковъ; но въ обществѣ иногда встрѣчалось столько неслучайнаго довѣрія этимъ плутамъ или дуракамъ, что исполнители чиновники оказывали енисхожденіе и смотрѣли на дѣло сквозь пальцы. Это не переставало и до сего дня, и наши списки почитаемыхъ старцевъ новейшихъ временъ представляютъ цѣлую груду такихъ «достопоклоняемыхъ» лицъ, которые все были или плуты, или дурачки, или служакшество. Притомъ изъ нихъ только три-четыре человека обнаруживали нѣкоторую доброту и мягкость въ отношеніи къ людямъ, а все остальные были грубы, неосострадателны, злы, жестоки и чрезвычайно жадны. Наибольше же всего имъ общаю и притомъ замѣчательною ихъ чертою является выходящая наклонность къ промышленнымъ предпріятіямъ, къ выкапыванью большинства изъ старичковъ и юродцевъ, обращается послѣ пріобрѣтенія денежнаго капитала, нужнаго для начала торговли.

Вынести это можетъ только распространеніе настоящихъ христіанскихъ понятій и невиннаго просвѣщенія во всехъ слояхъ общества.

Историческіе колокола.

«Колокола—это голоса церкви, возу- щій издавна и посылающей равномер- ный призывъ дворцу и лачугѣ».
Паоло Мантегацца.

I.

Начало упот- реленія колоколовъ.—Значеніе слова колоколовъ.—Клещала и била.—Легенда и тѣ.—Сказаніе о древнихъ новгородскихъ колоколахъ.—Чугунные, стале- ные и деревянные колокола.—Подраздѣленіе колоколовъ.—Исторія на- колотого колокола.—Вѣчеліе колокола.—Колокола краснаго звона.—Извѣ- стныя колокола.—Царскіе золотые и медные колокола.—Отличія колоко- ловъ по звуку колокола.—Криптографическія надписи на колоколахъ.— Свѣтъ.—Крещеніе колоколовъ.—Надписи на колоколахъ.—Царь-колоколъ и Іванъ Великій.—Большой Успенскій колоколъ.—Случай при поднятіи колокола: Реутъ, Водневный, Медвѣдь, Лебедь, Широкий, Слободекой, Ростовскій, Изъминъ, Глухой и Кореунскіе завожные.

Начало упот- реленія колоколовъ.—Значеніе слова колоколовъ.—Клещала и била.—Легенда и тѣ.—Сказаніе о древнихъ новгородскихъ колоколахъ.—Чугунные, стале- ные и деревянные колокола.—Подраздѣленіе колоколовъ.—Исторія на- колотого колокола.—Вѣчеліе колокола.—Колокола краснаго звона.—Извѣ- стныя колокола.—Царскіе золотые и медные колокола.—Отличія колоко- ловъ по звуку колокола.—Криптографическія надписи на колоколахъ.— Свѣтъ.—Крещеніе колоколовъ.—Надписи на колоколахъ.—Царь-колоколъ и Іванъ Великій.—Большой Успенскій колоколъ.—Случай при поднятіи колокола: Реутъ, Водневный, Медвѣдь, Лебедь, Широкий, Слободекой, Ростовскій, Изъминъ, Глухой и Кореунскіе завожные.

Начало упот- реленія колоколовъ.—Значеніе слова колоколовъ.—Клещала и била.—Легенда и тѣ.—Сказаніе о древнихъ новгородскихъ колоколахъ.—Чугунные, стале- ные и деревянные колокола.—Подраздѣленіе колоколовъ.—Исторія на- колотого колокола.—Вѣчеліе колокола.—Колокола краснаго звона.—Извѣ- стныя колокола.—Царскіе золотые и медные колокола.—Отличія колоко- ловъ по звуку колокола.—Криптографическія надписи на колоколахъ.— Свѣтъ.—Крещеніе колоколовъ.—Надписи на колоколахъ.—Царь-колоколъ и Іванъ Великій.—Большой Успенскій колоколъ.—Случай при поднятіи колокола: Реутъ, Водневный, Медвѣдь, Лебедь, Широкий, Слободекой, Ростовскій, Изъминъ, Глухой и Кореунскіе завожные.

Начало упот- реленія колоколовъ.—Значеніе слова колоколовъ.—Клещала и била.—Легенда и тѣ.—Сказаніе о древнихъ новгородскихъ колоколахъ.—Чугунные, стале- ные и деревянные колокола.—Подраздѣленіе колоколовъ.—Исторія на- колотого колокола.—Вѣчеліе колокола.—Колокола краснаго звона.—Извѣ- стныя колокола.—Царскіе золотые и медные колокола.—Отличія колоко- ловъ по звуку колокола.—Криптографическія надписи на колоколахъ.— Свѣтъ.—Крещеніе колоколовъ.—Надписи на колоколахъ.—Царь-колоколъ и Іванъ Великій.—Большой Успенскій колоколъ.—Случай при поднятіи колокола: Реутъ, Водневный, Медвѣдь, Лебедь, Широкий, Слободекой, Ростовскій, Изъминъ, Глухой и Кореунскіе завожные.

Слово «колоколъ», по догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, имѣетъ корень «склкнуль», означающее клещала или била. Первые колокола

Слово «колоколъ», по догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, имѣетъ корень «склкнуль», означающее клещала или била. Первые колокола

при церквяхъ на Западѣ введены въ употребленіе въ концѣ VI и Литле первыхъ колоколовъ приписываютъ Павлину, епископу Нолиты, что въ Кампаніи; думаютъ, что отъ этого и произошло латинское названіе campana и pola.

При христіанскихъ храмахъ колокола, надо полагать, вошли въ употребленіе на Западѣ не раньше конца VI или начала VII вѣка; существуетъ преданіе, что когда въ 650 году волека Клотаріа осадили Орлеанъ, то орлеанскій епископъ Луиъ велѣлъ звонить въ соборный колоколъ при церкви св. Стефана; осажденные, испугавшись этого звука, приняли его за голосъ ангела и посильно усилили осаду города. На Востоцѣ, колокола употреблялись весьма рѣдко; при востигъ Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только въ многихъ мѣстахъ Сиріи и Палестины. Турки заперцали колокола въ тѣмъ предположъ, что будто бы звукъ ихъ всмущаетъ покой дунгъ, таящихся въ воздухѣ.

Колокола, какъ у древнихъ, такъ и у христіанскихъ народовъ, употреблялись въ разныхъ случаяхъ: звонъ ихъ призывалъ народъ въ храмъ извѣщать о времени, возвѣщать о началѣ дѣйствій военныхъ и насилій войскъ въ походѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звонили въ колокола: когда вели на казнь преступниковъ, случался пожаръ въ городѣ, и смерть цари, епископа и даже частнаго лица. Въ небольшихъ городѣхъ и монастыряхъ, какъ уже мы замѣтили, колокола замѣнялись клещалами, билами, или просто досками, какъ напримѣръ, въ Греціи, гдѣ ихъ называли «симандрами»; это были просто деревянные и желѣзные полосы, въ которыхъ были наизами или вытисками. Подобныя доски находились въ XII и XIV вѣкахъ въ новгородскихъ и псковскихъ церквяхъ—они и теперь еще употребляются на Алтаѣ и въ Сибири въ старобрядческихъ скитахъ.

Въ слободѣ «Плотной», составляющей одну изъ предмѣстій нѣмецкаго города Пронска, на колокольномъ тамбонѣ приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданію, замѣнявшее вѣсело, въ старину «вѣчевой колоколъ». По разсказамъ стариковъ, это било перенесено для чего неоднократно переносили изъ Пронска, вѣсть за нить въ село Ельшину, но било опять уходило на старое мѣсто въ Пронскъ. Преданіе говоритъ, что оно принадлежало женскому монастырю, нѣтъ уничтоженному, бывшему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь соорудена приходская церковь, сохраняющая еще доселѣ чужое било. У этой церкви похоронены многіи князья и княгини Пронскія. Било это выложено «кладно» въ церковь съ тѣмъ, чтобы оно принадлежало вѣчно одной и той же церкви. И, по народному повѣрью, нѣкоторо слово перемѣнно присвоить било съ того мѣста, которому оно завѣдано.

О колоколахъ новгородскихъ упоминается съ XI вѣка, какъ это видно изъ повѣствованія о приходѣ въ Новгородъ литовскаго князя Вислани.

Бричане, снявшаго съ Софійской колокольной колокола въ 1066 году, и изъ этого предподобнаго Антонія Римлянина, пришедшаго въ 1106 году въ утрени къ Новгороду и слышавшаго изъ немъ великій звонъ¹⁾. По колокола эти, вѣроятно, были другого устройства и едва ли сохранились до нынѣ, хотя и признается преданіемъ въ Антоніевомъ монастырѣ одинъ большой колоколъ за колоколъ предподобнаго Антонія Римлянина (1147).

О новгородской Филипповской церкви²⁾, по случаю снѣтїа перваго колокола въ 70 пудовъ въ 1558 году, сказано: «и не бысть колоколъ большаго и шикаваго и отъ созданїи церкви каменныхъ св. апостолъ Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лѣтъ, а было желѣзное и клепава». Также въ церковной описи Звѣрица монастыря за 1682 годъ показана въ числѣ клепава «доска желѣзная». Впрочемъ, до XIV вѣка еще упоминается о колоколахъ вѣчевыхъ и корсунскихъ³⁾, а съ XIV и XV вѣковъ о наибольшихъ колоколахъ церковныхъ. Первый изъ этихъ колоколовъ, какъ извѣстно по лѣтонисямъ, снѣтъ въ 1342 году изъ Софійскому собору московскимъ мастеромъ Борисомъ, по приказанїю архіерея Ісидорія, а въ XV вѣкѣ при архіереископѣ Евфимїи были ли колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII вѣковъ, то отъ этого времени осталось мало колоколовъ и даже съ надписями русскими и иностранными, привычными на русскихъ и западныхъ колокольныхъ мастерахъ.

Колокола обыкновенно отливаются изъ такъ называемой колокольной мѣди, состоящей изъ сплава 78 процентовъ чистой мѣди и 22 процентовъ олова. Но бывали примѣры, что колокола дѣлались изъ чугуна, стекла, латуны, дерева и даже серебра. Такъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ, существовалъ одинъ колоколъ чугунный, отлитый въ 1403 году. Въ Уинчестерѣ, въ Шотландїи, снѣтъ колоколъ изъ стекла, превосходнаго звука. Въ Вѣннѣ, при церкви св. Владїа, хранится какъ рѣдкость одинъ деревянный колоколъ, снѣтъ очень старый, лѣтъ около трехсотъ, называвшійся при царицѣмъ св. великаго пятака; онъ употребился во время еще изъ царицъ и въ него звонили на Страстной недѣлѣ. Въ Соловецкомъ монастырѣ найдены глиняные колокола, неизвѣстно когда и кѣмъ стлѣвлены.

Колокола у насъ существуютъ многихъ видовъ и названїй: вѣчевые, набатные, царские, янѣиные, сѣдые, разноцветные, полудейные, золоченые и даже лыки существуютъ еще небольшїе колокола подъ названїемъ «стандїи» или «Иглы» и служатъ звончарю на колокольной о времени благовѣста или

Первый изъ набатныхъ колоколовъ висѣлъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, подъ Спасскихъ воротъ, въ настиномъ шатрѣ или полубашнѣ¹⁾; онъ назывался также царскимъ, сторожевымъ и вселожнымъ; въ него звонили во время нашествїа враговъ, мѣтжа и пожара; такой звонъ назывался «вселожнымъ» и набатомъ²⁾. На этой полубашнѣ висѣлъ прежде колоколъ, вѣчевой колоколъ, привезенный въ Москву изъ Великаго Новгорода, послѣ покоренїа его Іоанномъ III. Существуетъ предположенїе, что Новгородскій вѣчевой колоколъ былъ перелитъ въ Московскій набатный или вселожный въ 1673 году. По указу царя Алексея Алексѣевича, онъ сосланъ былъ 1681 году въ Корельскій Николаевскій монастырь (гдѣ погребены дѣти Новгородской посадника Марья Борцовой) за то, что звонкомъ своимъ въ полночь испугалъ царя. На немъ вылита слѣдующая надпись: «лѣта 7182 июля въ 25 день, вылитъ сей набатный колоколъ Кремля города Спасскихъ воротъ, вѣсу въ немъ 150 пудовъ». Къ этой надписи прибавлена другая, вырѣзаная: «7189 году, марта въ 1-й день по именному великаго государя царя и великаго князя Алексея Алексѣевича всея великіа и малыя Россїи самодержавцу указу дати сей колоколъ къ морю, въ Николаевскій-Корельскій монастырь за государственное многолѣтнее зданїе и по его государскимъ родителямъ въ вѣчное поминанїе посылается при игуменѣ Арсенїѣ»³⁾.

По свидѣтельству старожиловъ, у другого набатнаго колокола, который висѣлъ на башнѣ Спасскихъ воротъ послѣ перваго колокола и который теперь хранится въ Оружейной палатѣ, по приказу Екатерины II, былъ снятъ языкъ за то, что онъ во время Московскаго бунта въ 1771 году съзывалъ народъ: въ такомъ видѣ онъ висѣлъ до 1803 года, когда былъ снятъ съ башни и поставленъ подъ каменнымъ шатромъ у Спасскихъ воротъ вмѣстѣ съ большими пушками. Но сломкѣ шатра, онъ былъ сперва помѣщенъ въ арсеналъ, а потомъ въ Оружейную палату: на немъ находится слѣдующая надпись: «1714 года июля въ 30 день вылитъ сей набатный колоколъ изъ стараго набатнаго же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасскимъ воротамъ, вѣсу въ немъ 108 пудъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Пикакъ Маторинъ».

Вотъ что находимъ о набатномъ колоколѣ въ статьѣ Г. В. Есипова⁴⁾: въ 1803 году стѣны и башни Московскаго Кремля во многихъ мѣстахъ начали разваливаться и Московскїа Кремлевскїа экспедиція осмотрѣла ихъ и неправоуказанно — главноуправляющій Кремлевскою экспедиціею Н. С. Якушевъ, командировалъ чиновника въ набатную башню съ приказанїемъ снѣтъ осторожно колоколъ и сдать его въ экспедицію для храненїа въ

1) Колоколахъ въ Киевѣ упоминается въ 1171 г. (См. «Полное Собранїе Русск. Ист. Дѣл.» т. II, стр. 100.)
 2) (См. «Синодикъ XVIII вѣка.»)
 3) «Ист. Госуд. Рос.» Карамзина, т. VI, стр. 110—123.

1) Государя Россійскіа послѣ коронаціи своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.
 2) (См. «Русскїа Старина», сост. А. Мартыновымъ, Москва, 1848 г.)
 3) «Словарь Географич. Рос. Госуд.» Соч. Шварцова.
 4) См. «Историческій Вѣстникъ», 1881 г. 2, стр. 418.

кладовой впереди до исправления башни. — Когда свели колоколь и хотели везти в кладовую, явился офицеръ съ солдатами и заявилъ, что комендантъ приказалъ оставить колоколь на площади, и поставилъ къ нему двухъ солдатъ. Сконфуженный чиновникъ донесъ Валуеву объ арестѣ колокола. — Валуевъ отличался непомыслимым самолюбиемъ и послалъ къ коменданту чиновника, который на словахъ заявилъ ему: чтобы онъ немедленно возвратилъ колоколь. — Комендантъ потребовалъ письменнаго объясненія. — Валуевъ не замедлил такое послать и немного спустя.

Комендантъ зналъ тогъ письма да и самое требованіе немного оскорбительнаго и пожаловалъ московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующій, впрочемъ, тоже не совсемъ довольный тѣмъ, что Валуевъ обратился къ коменданту помимо его, въ тогъ же день уведомилъ Валуева, «что онъ находитъ дѣйствія коменданта совершенно законными и проситъ въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ нему, главнокомандующему, и содержать коменданта въ томъ вниманіи, какому онъ заслуживаетъ по отличному усердію и исправности, въ тоинкогда своемъ проходе въ важнаго служения своего оказаннымъ».

Валуевъ стало понятно, что сдѣлалъ ошибку, погорячился и что главнокомандующій можетъ довести объ этомъ до высочайшаго свидѣнія, а главнокомандующій и Валуевъ, какъ два медведя въ берлогѣ, жили не въ ладу, и Валуевъ посѣлчилъ искать покровительства въ любимцѣ императора Троицкомъ, мимо котораго въ случаѣ жалобы графа Салтыкова дѣло не могло пройти.

«Онъ проситъ, что главнокомандующій представитъ о дѣлѣ своемъ мажоромъ до высочайшаго усмотрѣнія, доному вашему высокопревосходительству (писалъ Валуевъ къ Троицкому), яко единственному благодѣлю о встрѣтившейся неприятности отъ коменданта и главнокомандующаго, думая, что меня поперемѣнно пустыми отношеніями».

«Но въ отношеніи моему о пользѣ казны и славѣ моихъ государей, истребить я, безъ огласки, прошедшимъ лѣтомъ два застѣника, яко намятники времени дѣланныхъ и безчеловѣчныхъ, употреби изъ оныхъ матеріалы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть обереженными въ позднѣйшія времена и что этимъ оправдать я ваше покровительство, списать всеобщую жителей московскихъ эстиму и заслужилъ монаршее благоволеніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ спрятавъ у меня давно извѣстнаго колокола, служащаго возвѣстителемъ въ случаѣ возмущеній стрѣльцкихъ и возмущенія во время чумы въ царствованіе Императрицы Премудрой».

Послѣ этого напоминанія о своихъ заслугахъ, оказанныхъ государю и отечеству и московскимъ жителямъ, Валуевъ въ письмѣ къ Троицкому разсказываетъ, какъ комендантъ арестовалъ колоколь и оставилъ его подъ арестомъ на площади «гдѣ прохаживаютъ, можетъ быть, дѣлать»

о томъ разные толки и заключенія, а главнокомандующій, не осмѣиваясь и не разспрашивая о томъ у меня, нишетъ ко мнѣ отношенія, которое я оставилъ безъ отвѣта, какъ для ублаженія дальнѣйшихъ и такъ и потому, что отвѣтствуя, обязанъ бы я былъ объяснить съ точностью, что колоколь, изъ уваженія, есть памятникъ эсть русскій, заслуживающій быть забытъ всеми благомыслившими отечества ея намятникъ беззавѣна покойнаго отца его, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную, за что и оставленъ, и дана преемнику его инструкция, въ которой упоминается о побитіи».

Испивши свою злость на главнокомандующаго и даже на его наго отца, Валуевъ принялся за коменданта:

«Комендантъ говоритъ, что безъ начальства колокола отдавать не жеть. Буде колокола принадлежать къ военной дисциплинѣ; и акности, почему же не воспринять отвѣтъ мнѣ прошедшимъ лѣтомъ рать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой?»

«Обязанъ я былъ объяснить ему (главнокомандующему), что въ чинѣ, служба несорочно 50 лѣтъ, разумѣть я долженъ, кому какія дувженія, не погрѣшая противъ коменданта, о которомъ онъ самъ вѣдалъ, что онъ пинница и знаетъ только службу канцелярскую».

Вступивъ на дорогу сплетней и злорѣчій, Валуевъ не остановилъ самыхъ ничтожныхъ мелочныхъ объясненій Салтыкова и коменданта.

«Злоба коменданта происходить отъ того, что не удовлетворяютъ пустяныя требованія о снабженіи его дома немовѣрнымъ числомъ дивными мебельми, о набитіи льдомъ его погребовъ и пр. и пр., и домъ его не въ ведомствѣ экзекуціи; злба главнокомандующаго неблагодарности ко мнѣ окружающихъ его зятя Ударова и вители канцеляріи Карюка».

Какъ ни старался Валуевъ въ глазахъ Троицкаго, который донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующаго, не постыдившись даже, по случаю колокола, выказать тѣмъ военноподданія фамиліи графовъ Салтыковыхъ о поступкѣ одного изъ семейства во время чумы въ Москвѣ 1771 году, какъ ни лизать Троицкому разными подобострастными и лакейскими фразами, но Салтыковъ остался цѣлъ и невредимъ и 28 мая 1803 г. сообщилъ Валуеву, что государь императоръ высочайше повелѣлъ сохраннымъ батный колоколь сохраннымъ навсегда на своемъ мѣстѣ (т. е. на той башнѣ гдѣ онъ висѣлъ), въ случаѣ же починки башни сохраннымъ колоколъ надежномъ мѣстѣ до исправленія ея, а по исправленіи опять вѣстать свое мѣсто».

Валуеву осталось, впрочемъ, утѣшеніе, что въ рѣшеніи дѣла было упомянуто о спрятанномъ имъ извѣстѣ отъ колокола.

Кромѣ набитныхъ, были еще колокола «вѣстовые»; они существо-

старину, въ Сибири и во многихъ порочинныхъ городахъ южной и западной Россіи. Ими давали знать о приближеніи неприятеля къ городу. Въвѣные колокола у насъ были въ Новгородѣ и Псковѣ и, какъ надо полагать, посѣдніе не отличались большимъ весомъ. Еще въ началѣ XVI столѣтія во всей Новгородской области не было колокола болѣе 250 пудовъ весомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ лѣтописецъ, упоминая о колоколѣ «Благовѣстникѣ», слитомъ въ 1530 году ко святой Софїи новгородской архіепископа Макарія: «слить бысть колоколъ велики великъ, яко такою величествомъ не бывало въ великомъ Новѣградѣ и во всей Новгородской области, яко странной трубѣ гласица»¹⁾.

«Красными» колоколами называли такіе, которые издаютъ звонъ красивый, т. е. хранимый, усладительный, веселый; красные колокола тоже, что красивые, благозвучные. Въ Москвѣ, въ Юшковомъ переулкѣ, существуетъ церковь свитателя Николая «у красныхъ колоколовъ»; этотъ храмъ болѣе чѣмъ два вѣка славился своимъ «краснымъ звономъ». Есть въ Москвѣ еще другой храмъ, за Неглинною, на Никитской улицѣ, известный подъ именемъ «Вознесеніе хорошая колокольная».

Но лучше по тону колокола въ Россіи, это въ Ростовскомъ соборѣ. Колоколами этого храма замѣчательна своимъ устройствомъ и музыкальными звонами колоколовъ. Звонъ тамъ названъ по именамъ учредителей: Юннѣ, по имени митрополита Юны Сусоевича, который съ 1652 г. по 1691 годъ въ теченіе 39-ти лѣтъ правилъ митрополіею Ростовскою; Георгіевскіи, особенно хорошій, какъ говорятъ знатоки, принадлежалъ архіепископу Георгію Даниколу, правившему Ростовомъ уже по уничтоженіи митрополіи съ 1718 года по 1731 годъ; Іоакимовскіи, по имени архіепископа Іоакима, 1731 — 1741 годъ. Колокола висятъ въ лѣтню и различаются весомъ: первый въ 2,000 пудовъ, второй въ 1,000, третій въ 500 и т. д. до 20 пудовъ и менше. Всѣхъ колоколовъ тринадцать. Звонари сплотились такъ, что могутъ видѣть другъ друга и согласиться въ тактѣ. Но одно изъ условій гармоніи. Митрополитъ Платонъ приѣзжалъ слушать эти звоны и хотѣлъ учредить у себя такіе же въ Вѣнѣ. По этому сказали: «дайте такую же колокольную и такіе же колокола». Историческіе ростовскіе колокола: Сусой, Поліелейный, Лебедь²⁾, Голодарь, Варанъ, Красный, Козель и Ісаакъ.

«Ильиные» колокола имѣются на колокольныхъ многихъ нашихъ церквей; особенно богата ими Петербургская губернія, отчасти Москва и часть Сибирь. Изъ замѣчательныхъ шведскихъ старинныхъ колоколовъ, одинъ находится въ Петербургѣ за Невскою заставою на Фарфоровомъ

¹⁾ Новгородская Лѣтопись, III, стр. 216.

²⁾ По преданію отца Илариона, Лебедь этотъ колоколъ названъ потому, что когда пали, при немъ трубною устройствомъ дыхательнаго горла своего, производилъ громкій звукъ, подобный по звуку къ скаканью лебедя.

³⁾ Названъ такъ потому, что въ него благовѣстить въ великій постъ.

заводѣ, весомъ въ тридцать пудовъ, съ латинскою надписью: «Soli gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686 Holmiae Mis Bader». По рассказамъ однимъ, этотъ колоколъ найденъ былъ въ землѣ при постройкѣ каменной церкви, на мѣстѣ которой старину строили кирка. По другимъ преданіямъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ шведомъ императоромъ Петромъ Великимъ. Между колоколами Москвитинныхъ имѣется тоже нѣсколько. Замѣчательно тамъ одинъ «пѣселей»¹⁾ съ буквами Е. Р. и обывочною надписью: «Espoir en toi de ce cloche es Chonaem st. tas en fraci». Этотъ древній колоколъ ситъ на колокольной церкви св. Николая, въ Юшковомъ переулкѣ.

Въ Красноярскѣ, на соборной колокольной, имѣется одинъ колоколъ, неслыханный какими-то восточными письменами. По преданію, онъ взятъ изъ Буддійскаго храма, по другимъ рассказамъ его нашли лѣтъ пять ситъ тому назадъ при разрытіи одного кургана въ Минусинскомъ сѣ

Во время войны цари Алексѣя Михайловича съ Польшею, въ Сибирь было послано много плѣнныхъ поляковъ и литовцевъ, а съ ними отпущены и колокола. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ колоколовъ привезены даже въ Енисейскъ. Но война съ Польшею кончилась и вслѣдствіе друсовскихъ договоровъ, по царскому указу, плѣнники, одушевленные подушевленные, потянулись обратно въ свои прежнія мѣста. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что какъ многіе изъ литовцевъ и поляковъ добровольно остались въ Сибири и послѣ вступили то въ городское, то въ лихое казачьи, такъ и колокола, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, не возвратились на родину²⁾.

«Сельныхъ» колоколовъ, кромѣ известнаго Углицкаго, что виситъ въ г. Тобольскѣ, существуетъ тоже нѣсколько; по большей части присланы въ отдаленнѣйшіе монастыри благочестивыми, но глупыми царями.

Помимо Углицкаго колокола, въ Сибири известны еще «царскіе колокола», жертвованные царственными особами. Такъ въ Сибирь къ намъ церквямъ прислано не мало колоколовъ Борисомъ Годуновымъ. Потомъ жертвовали къ сибирскимъ церквямъ и въ монастыри цари: Іоаннъ Михайловичъ, Федоръ Алексѣевичъ и Петръ съ Іоанномъ. Этихъ колоколовъ три въ 160, въ 130 и 40 пудовъ, дитые первыя въ 1682 году, а два послѣдніе въ 1678 г. и присланные въ 1680—1682 годахъ, по сіе время въ цѣлости существуютъ въ Тобольскѣ, на колокольнѣ Софійскаго собора. Былъ на этой колокольной и 4-й царскій колоколъ въ 110 пудовъ, пожертвованный къ собору царемъ Алек

¹⁾ Колоколомъ поліелейнымъ называется такой, въ который благовѣстять въ великій постъ. Слово «поліелей» греческое и означаетъ многогласное.

²⁾ См. «Истор. обзоръ Сибири» Сфонцова, кн. I, стр. 118.

³⁾ См. Грамоты, помѣщенные въ Сибирской Исторіи Миллера.

Михайловичемъ въ 1651 году, но онъ растопился во время пожара, бывшаго въ 1688 году.

Кромѣ того, царскихъ колоколовъ сохранился: одинъ въ Турханскомъ монастырѣ въ 50 пудовъ, присланный Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1660 году въ затѣмъ есть еще четыре колокола въ Кондинскомъ монастырѣ, привезенные туда въ 1679 году царемъ Осодоромъ.

«Золотые» колокола имѣются, кажется, только въ городѣ Тарѣ, въ Сибири, въ церкви Казанской Божіей Матери. Ихъ тамъ шесть; всѣ они небольшіе: отъ 1 до 45 пудовъ. Вызолочены они тарскимъ мѣднникомъ Семѣемъ Можантиничемъ по слѣдующему случаю. Любимый братъ этого мѣдника, бывъ по торговымъ дѣламъ въ степи, попалъ въ плѣнъ къ киргизамъ; братъ, узнавъ объ этомъ, дѣлъ обѣтъ, что если плѣнникъ благополучно возвратится изъ плѣна, то онъ позолотитъ колокола. Братъ вернулся и истинность братской любви заставила выполнить данный обѣтъ. По другимъ разсказамъ, колокола позолотил Можантиничъ изъ любви къ церковному благоумію.

«Лыковские», какъ и карноухіе колокола, тоже принадлежатъ къ самымъ новымъ и самымъ. Лыковские колокола, это рѣдкіе разбитые и затѣмъ свезенные лыкомъ. Одинъ изъ нихъ имѣется, какъ мнѣ передавалъ С. В. Максимовъ, въ одномъ изъ монастырей Костромской или Витекой губерній; онъ присланъ сюда изъ Москвы царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Лучшіе колокольные заводы находятся въ Москвѣ, но есть также въ Костромѣ, Валадѣ, Воронежѣ, Петербургѣ, на Уралѣ въ Тавилѣ и въ Сибири въ Енисейскѣ. Московскіе заводы на Бадкаинѣ славятся около трехъ столѣтій; самые древніе изъ нихъ Самгина и Богданова; послѣдній замѣчательнѣе тѣмъ, что большая часть большихъ московскихъ колоколовъ отлита на немъ. Древній Царь-колоколъ отлитъ тамъ же, мастеромъ Маторинымъ, отъ котораго заводъ перешелъ къ Слизову, отъ него къ Калининскому, а отъ послѣдняго въ 1813 г. къ М. Г. Богданову, который отливаетъ и поднимаетъ самъ на Ивановскую колокольную фабрику московскій большой колоколъ въ четыре тысячи пудовъ. Московскіе заводы настолько хорошо дѣлають колокола, что заказы получаютъ изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ Сибири и заграницы. Мѣдь для колоколовъ употребляется лучшаго качества, иногда старый колокольный ломъ. Для раскатки 100 пудовъ мѣди сжигается до трехъ сажней дровъ; для тысячи пудовъ не менѣе десяти сажней, для 10,000 пудовъ—до 30 сажней. Когда мѣдь совершенно расплавится, къ ней прибавляютъ, минутъ за пять или за десять до отливки, известное количество олова, полагаютъ его 22 фунтъ на каждыя сто фунтовъ мѣди, тщательно размѣшавши мѣдь. При отливкѣ въ котлы изъ присутствующихъ, благоумію крестятся, бросаютъ въ растопленную массу серебро, принося этимъ посылную денгу; другіе же говорятъ, что отъ этого звонъ будетъ чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемоніею. Хо-

зяннъ завода до начала литья приносятъ въ мастерскую икону, крестъ передъ нею свѣчи и всѣ присутствующіе молятся. Хозяинъ считаетъ везухъ особую, соответственную случаю, молитву, а мастру рабочіе ее повторяютъ. Послѣ этого всѣ двери затворяютъ и хозяинъ дѣланъ начинать дѣло. Несколько рабочихъ проворно и ловко берутъ переносъ рычаги и, раскачивая его, пробиваютъ въ плавильной печи верхніе поды, откуда тотчасъ же огненнымъ клятежъ вырывается расплавленная мѣдь. Въ это время нужны все искусство и ловкость рабочи для того, чтобы мѣдь лилась ровно, исподволь, по мѣрѣ ея вливанія въ форму, и не переполнила бы колокола; въ противномъ случаѣ, она часть же выстучаетъ изъ него и половина ея вылетаетъ на землю, а съ ея не достанетъ хоть на половину ушей колокола—вся работа пропадетъ и колоколъ надо вновь перековать. При литьи колоколовъ, обыкновенно дѣтейники распускали какойнибудь самый желѣзный слухъ.

На эти колокольные разсказы, известные подъ именемъ «литіе колоколовъ», не разъ полиція обращала вниманіе и брала съ заводчикъ поднески и дѣлала имъ строгія внушенія. Но съ литіемъ колокола эти освятенныя звѣнами обычай снова восстанавливалъ изъ самой желѣзной формы Тавилъ изъ такихъ, разблагословенныхъ разсказовъ, въ Москвѣ обратило всеобщее вниманіе одною, о которомъ упоминаетъ А. Н. Милославскій въ своихъ воспоминаніяхъ. «Однажды на Покровкѣ вѣчали свадьбу, и въ священникъ пошелъ жениха и невесту вокругъ налоя, брачные вѣнчаніе ссорились у нихъ съ головы, вылетѣли изъ окна церковнаго кувала опустились подъ наружные кресты, утвержденные на главахъ церкви колокольной. Слухъ этотъ настолько былъ силенъ въ Москвѣ, что церкви свѣзались экипажи въ такомъ количествѣ, что проходу не было; женихи сердца къ этому добавляли, что женихъ и невеста были родъ братья и сестра и что они этого не знали—и что только чудо не достало до грѣховнаго брака».

Другой такой же дикій и желѣзный слухъ, пущенный дѣтейниками повѣствователю слѣдующее. Дѣло было зимою въ трескучіе морозы. Говорили, что генераль-губернаторъ наканунѣ большого праздника, жетей Никольна дня, давать балъ, на который приглашено было полъ рода. Домъ горѣть огнемъ. Всю ночь продолжалась танцы и вѣтъ, время полного разгара удовольствій, при громѣ большой музыки, р дался съ Ивановской колокольной первый ударъ колокола къ заутри. При этомъ торжественномъ звукѣ люстры и канделябры въ губернаторскомъ залѣ въ одну секунду погасли, струны на инструментахъ лопнули стекла изъ двойныхъ рамъ, звѣны, попадали на улицу, и въ страннѣйшій темнотѣ волна моржанаго вѣдуха хлынула на обитателей и на танцующихъ дамъ. Раздался крикъ ужаса. Испуганныя гости бросились толпою къ дверямъ, но онѣ съ громомъ захлопнулись и никакія усилия не могли отворить ихъ до трехъ часовъ, пока не кончился въ Кремлѣ балъ.

говеть. Въ этому политическому режисажу добавили, что въ большой залѣ найдено нѣсколько замерзшихъ и задвленныхъ и въ томъ числѣ самъ хозяинъ праздника.

По отшествіи колоколовъ остаются въ землѣ иногда нѣсколько дней, до тѣхъ поръ, пока совершенно остынутъ. Послѣ того, какъ колоколъ остынетъ, его отрываютъ осторожно, снимаютъ съ него, или лучше разбиваютъ, колухъ и переносятъ въ точнолю. Тамъ его облачиваютъ точиллами, — и вся работа колокольно-литейнаго дѣла кончена. Когда колоколъ совсѣмъ готовъ, призывается священникъ для «чина освященія камнана». Въ молитвѣ, читаемой при освященіи колоколовъ, церковь молить о ниспосланіи особенной благодати, вливающей въ камнаны силу, «яко услышавше вѣрнии раби гласъ звука его — въ благочестіи и вѣрѣ укрѣпятся и мужественно веѣмъ дьявольскимъ наветамъ сопротиво ступить... да урочятся же и утишатся и пристанутъ наивадоуща бури вѣтринныя, грады же и вихри и громы страшныя и молнии злоастворенія и вредныя вѣздухи гласомъ его» и проч.

Парадоксъ мудрость такъ охарактеризовала колоколъ въ старинной загадкѣ: «Бѣду я на гоѣ, гоѣ, гоѣ, и ударю я гоѣ, гоѣ! Разбужу цари въ Москвѣ, короли въ Литвѣ, старца въ кельи, дитю въ колыбели, пона въ терему».

Главное достоинство колокола состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ звонокъ и имѣлъ густой и сильный гулъ; послѣднее зависитъ отъ относительной толщины края и всего тѣла. Если, наиримѣрь, край слишкомъ тонкій, то колоколъ выйдетъ звонокъ, но при лишней толщинѣ звукъ его будетъ дробиться; напротивъ, при лишней толщинѣ звукъ будетъ сплошной, но непродолжителенъ. Въ звукѣ колокола пужно различать три главныхъ отдѣльныхъ тона: первый звонъ есть главный, самый слышимый звонъ, происходящій тотчасъ же послѣ удара; если звонъ густъ, рогенъ, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колоколъ считать превосходно. Такой звонъ зависитъ отъ математически-правильной и соразмѣрной толщины веѣхъ частей колокола и происходитъ отъ союжанія частицъ металла, главнѣйше, въ средней его трети. Второй — гулъ, который хотя происходитъ тотчасъ же за ударомъ, но явственно слышится спустя нѣсколько времени. Гулъ распространяется не такъ далеко какъ звонъ, но держится долѣе его въ воздухѣ, и чѣмъ онъ сильнее, тѣмъ колоколъ считается лучшимъ; гулъ происходитъ отъ дрожанія тонкихъ частей металла въ краяхъ колокола, или вѣрнѣе въ нижней его трети; отъ того-то чѣмъ толще край его, тѣмъ гулъ сильнѣе, хотя отъ лишней толщины ихъ онъ разносится не такъ далеко. Третій тонъ есть тотъ, когда колоколъ не звонитъ, не гудитъ, а звенитъ. Это звенѣе происходитъ отъ дрожанія частицъ металла въ верхней трети колокола; звонъ этотъ довольно непріятенъ; онъ тѣмъ слышнѣе, чѣмъ толще двѣ верхнія треть колокола и чѣмъ массивнѣе его уши. Въ не-

большихъ колоколахъ звукъ сливается съ звономъ и потому едва слышенъ и то въблизи, но въ большихъ онъ довольно слышенъ и прозвонителенъ; такъ, наиримѣрь, въ московскомъ большомъ колоколѣ въ тихую погоду онъ слышенъ версты за двѣ и не заглушается звономъ веѣхъ окружающихъ колоколовъ. Для устраненія или, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія его, верхнюю треть колокола и дно его стараются дѣлать какъ можно тоньше, обыкновенно вдвое или втрое тоньше края. Если размѣры колокола правильны и пропорція мѣди и олова математически точна, тогда звукъ колокола, происходящій отъ сочетанія трехъ главныхъ тоновъ, достигастъ необыкновенной чистоты и вѣвучести. Такіе колокола весьма рѣдки. Изъ нихъ по красотѣ звука извѣстны только два знаменитые колокола, — это воскресный Симоновскій въ Москвѣ и большой Саввино-Сторожевскій въ Звенигородѣ. Въ Симоновскомъ колоколѣ 1,000 пудовъ, — лить его «мастеръ Харитонка Пяновъ, сынъ Поповъ, съ товарищемъ Петромъ Харитоновымъ, сыномъ Дурасовымъ, въ лѣто отъ созданія міра 7186, а отъ Рождества Бога Слова 1677, мѣсяца сентября 30-го дня при держаніи благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича». «Слыся же сей колоколъ, какъ гласитъ на немъ надпись, во хвалу и во славу Бога всемогуща во единомъ существѣ въ трехъ лицахъ суца, и въ честь родившія воплощенно Слово; сей колоколъ сооробенъ на Симоновѣ, въ обитель Успенія Богини Матери, да гласомъ созываетъ во храмъ его вѣрныхъ, хвалу Ему о благахъ вселенскихъ даяти, и о нуждахъ молитвы теплы прѣдлинати».

Знаменитый колоколъ Саввино-Сторожевскаго монастыря вѣситъ 2,425 пуд. и 30 фунт. — отлитъ мастеромъ Григорьевымъ въ 1667 году, сентября 15-го дня. Кромѣ превосходнаго звука, онъ замѣчателенъ и по двумъ надписямъ, изъ которыхъ верхняя состоитъ изъ шести строкъ, окружающихъ колоколъ и олитыхъ стариннымъ русскимъ письмомъ, яено сохранившимся и до сихъ поръ. Въ ней упомянуты веѣ особы царскаго семейства съ полнымъ ихъ титуломъ и вселенскіе патріархи: Александрійскій, Антиохійскій и Московскій.

Другая же, нижняя надпись, окружающая колоколъ тремя строками, состоитъ изъ криптографическаго или тайнаго письма, употребившагося у насъ въ XVII столѣтіи иногда въ дипломатическихъ перепискахъ, а иногда для записыванія болѣе или менѣе важныхъ предметовъ, которые хотѣли скрыть отъ современниковъ и сохранить для потомства. Въ письмѣ этомъ съ перваго взгляда буквы кажутся славянскими, но, между тѣмъ, каждая изъ нихъ до того измѣнена какою нибудь чертою, точками или другими знаками, что дѣлается совершенно неопознаною; въ этихъ часто русскихъ іероглифхъ значеніе имѣють особенныя тѣла.

Криптографическая надпись съ этого колокола въ первый разъ была списана историкомъ Миллеромъ и напечатана бібліотечаремъ Академіи Наукъ Вакшепестромъ, но оставалась неразбранаю до 1822 года. Ра-

Церковные колокола, по указу французского короля Генриха IV, запрещено было покупать, но дозволялось приобретать их в виде мины. Размёр колоколов также подвергался цензуре. Так, например, монастырские стрелы запрещалось иметь такие колокола, которые бы заглушили приходские. Иностранные колокола часто украшались надписями, из которых по большей части колоколь говорит о себе. Слозь надписей всегда краток и важен. Так, например, на Шерборнском колоколе из Англии подаренномъ городу кардиналомъ Вольсесемъ, надпись гласитъ слѣдующее: «Даръ Вольсесемъ» — «я измѣрю время для всѣхъ и привлеклю людей къ веселью, печали и въ храмъ». Надпись на Шафгаузскомъ большомъ колоколѣ: «Vivos voco, mortuos plango, fulfura frango», т. е. живыхъ привлеклю, обь умершихъ плачу, молнію сокрушаю». Эта надпись такъ понравилась Шиллеру, что онъ взялъ ее въ эпиграфъ своей «Мени о колоколѣ». На большомъ Парижскомъ колоколѣ при церкви Notre Dame de Paris выбита надпись слѣдующаго содержания: «Слава истиннаго Бога, зываю народъ, собираю клиръ церковный, оплакаю усопшихъ, прогношу заразу, украшаю празднества»; внизу выбита другая: «1683 года Флорентинъ де Гей... градоначальникъ Парижскій вывелъ меня». Самымъ большимъ колоколомъ въ Западной Европѣ считается соборный въ Руанѣ, весомъ въ 900 пудовъ. За нимъ слѣдуетъ вѣнскій, въ церкви св. Стефана, отлитый въ 1711 году императоромъ Иосифомъ I изъ пушекъ, взятыхъ у турокъ въ 1683 году, при осадѣ Вѣны; весъ его 885 пудовъ, въ избытѣ 33 пуда, раскатываютъ его 12 человекъ. Въ первый разъ онъ зазвонилъ въ 1712 году, при торжественномъ вѣдѣ императора Карла VI въ Вѣну. Послѣ него, берлинскій, отлитый въ 1497 г., названный при крещеніи Maria Gloriosa (Славная Марія) весъ въ немъ 690 пудовъ, на колоколѣ надпись: «славною хвалою воздѣяно свитыхъ и укрощаю молнію и злыхъ демоновъ, сомыкая звукомъ вародъ во храмъ для священнаго пѣнопѣнія. Герардъ Камнейскій отлилъ меня въ лето отъ воплощенія Господни въ 1497 году». Но замѣчательный изъ всѣхъ по звуку, это эрфуртскій. Затѣмъ идутъ колокола страбургскій и бреславскій; въ первомъ вѣсу 20,400 фунтовъ, во второмъ 500 пудовъ. По величинѣ славится колокола китайскіе и японскіе, весьма древніе. Въ Міако, весѣ главнаго храма Будды, веситъ огромный мѣдный колоколь, который вѣситъ 5,000 пудовъ; въ Пекинѣ колокола въ три и четыре тысячи пудовъ не рѣдкость. Но самый большой колоколь въ свѣтѣ это нашъ московскій Царь-колоколь.

Въ половинѣ XVI вѣка, на мѣстѣ колокольной Ивана Великаго стояла церковь Иоанна Предвѣстника и при ней вѣсѣтъ небольшой Царь-колоколь¹⁾, весомъ въ тысячу пудовъ, слитый во времена отричания Иоан-

¹⁾ Изъ слѣдствій отъ колоколовъ были переданы съ добавленіемъ еще мѣди и позлащеніи на пристройствѣ въ Ивану Великому — названъ онъ былъ сиротничинскимъ; въ него ударили три раза большою раскаткою по смерти царя, или когонибудь изъ его семьи, а также по смерти патриарха.

номъ Грознымъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 году, на мѣсто его былъ слитъ другой уже гораздо большій колоколь, весомъ въ 8,000 пудовъ. Предшій говоритъ, что такъ какъ никто не брался поднять его, то онъ оставленъ безъ употребленія до 1668 года, когда уже рѣшился поднять его механика-самоучка — царскій прирѣчатникъ. Колоколь этотъ вѣсѣтъ подлѣ Ивановской колокольной, но въ пожаръ 1704 года, июня 19-го, отъ жару или пролившейся на него вода, онъ треснулъ. Въ 1731 году его сняли, а въ 1734 году, по повелѣнію Анны Иоанновны, приказано было къ нему прибавить еще тысячу пудовъ вѣсу, при чемъ предполагали придѣлать къ Ивану Великому особую небольшую колокольную для этой громады. Графу Миниху, сыну фельдмаршала, императрица поручила съестись съ славнымъ тогда золотыхъ дѣлъ мастеромъ и членомъ Парижской Академіи Наукъ Жерменомъ. Минихъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Сей художникъ удивился, когда я объяснилъ ему о вѣсѣ колокола, и сначала думалъ, что я шутилъ; но, увидѣвшись въ истинѣ предложенія, составилъ планъ, гдѣ до того увеличить трудность работъ и стоимость ихъ, что императрица отказалась отъ его плановъ». Артиллерій колокольныхъ дѣлъ мастеръ Иванъ Осдоровъ Маторанъ взялся за работу и не подумалъ испугаться, когда колоколь опредѣлено было вылить въ 12,000 пудовъ. Устроили въ Кремлѣ литейную яму, между Чудовымъ монастыремъ и Иваномъ Великимъ, и Маторанъ принялся за дѣло. Ему отпустили 14,124 пуда и 29 фунтовъ мѣди, считая съ старымъ колоколомъ, и тысячу пудовъ олова. Работа оказалась сначала неудачна. По переѣсу, послѣ того, металла принято 14,814 пудовъ 21 фунты; олова отпустили еще 498 пудовъ 6 фунтовъ, что все вмѣстѣ составило 15,312 пудовъ 24 фунта. Мѣдь, прибавленная къ старому колоколу, привезена изъ сибирскихъ заводовъ; въ ней оказалось серебро и золото, оттого колоколь и отличается блеклымъ цвѣтомъ; но неспытаннымъ, дѣланнымъ въ 1832 году, въ немъ нашли: на одинъ пудъ мѣди $1\frac{3}{100}$ золотника золота и $31\frac{2}{100}$ золотника серебра. По другимъ изслѣдованіямъ, содержаніе золота и серебра въ колоколѣ втрое противъ показаннаго количества.

Въ остаткѣ послѣ вторичной, уже счастливой, отливки, оказалось металла 2,985 пудовъ 8 фунтовъ; слѣдовательно, вылитый колоколь вѣсѣтъ 12,327 пудовъ 19 фунтовъ¹⁾. Его подвинули надъ ямою и повѣсили на особыхъ подмычкахъ. Страшный пожаръ въ 1737 году, въ Троицкнъ день, начавшійся отъ каменной свѣчки, зажженной предъ образомъ женою Марьею Михайловою, въ домѣ отставнаго генерала Александра Милославскаго, опустошилъ Москву и Кремль. Колоколь упалъ

¹⁾ Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1,214,000! Изъ этого числа на одну печь пошло 330,000, на основаніе и подъ лѣто 300,000 и на утряхровку внутри болвана и снаружи кожуха 250,000.

съ сбортывъ изъ брусьевъ въ ту яму, гдѣ были его, и при паденіи ли вышибленъ край отъ удара, или оттого, что, желая потушить огонь въ ямѣ, залили въ нее воду, онъ треснулъ, и изъ него вывалился большой кусокъ; такимъ образомъ къ употребленію онъ уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотѣла опять перелить его. Слѣва, ей представившая, въ 107,492 руб. 47³/₄ к. (прежнее отлитіе, кромѣ металла, стоило 62,008 руб. 9 к.) показавшая ей слишкомъ большою и неподвижною, была въ своей ямѣ. Много было потомъ относительно его проектовъ: въ 1770 г. архитекторъ Форстенбергъ брался принять къ нему отшибленный край; въ 1797 г. поручили механику Гирту составить планъ вынуть колокола изъ ямы; въ 1819 г. генералъ Бетанкуръ поручалъ архитектору Монферану осмотрѣть и описать его; потомъ велѣно было осмотрѣть его инженерному генералу Фабру. Императоръ Николай I, узнавъ о невозможномъ способѣ починки колоколовъ, предполагалъ вынуть колоколъ, починить его, построить для него особую колокольную и повѣсить его на ней. Но громадныя размѣры колокола заставили отложить такое намѣреніе. Между тѣмъ, онъ безобразилъ Кремлевскую площадь своей обширною ямою. Царь-колоколъ лежалъ въ глубокой ямѣ напротивъ Мудова монастыря, надъ ямою была настлана деревянный помостъ съ подземной дверью, отъ которой ключи хранились у зюварей Ивановской колокольной. Любопытные спускались смотрѣть колоколъ въ подземелье по крутой деревянной лѣстницѣ, велѣвъ за проводникомъ, который шелъ впередъ съ зажженнымъ фонаремъ. Въ 1836 году, велѣно было вынуть колоколъ и поставить на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ колокольной Ивана Великаго. Монферанъ приступилъ къ этой работѣ и послѣ одного неудачнаго опыта, 23-го іюля, въ 43 минуты, двадцатью воротами, колоколъ былъ поднятъ изъ ямы, а 26-го передвинуть на пьедесталъ, гдѣ онъ и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченное ядро съ крестомъ, а внизу, на мраморной доскѣ, надпись золотомъ: «Колоколъ сей вылитъ въ 1733 году, повелѣніемъ государыни императрицы Анны Іоанновны, пребывавшей въ землѣ его и три года и волею благочестивѣйшаго государя императора Николая I поставленъ лѣта 1836, августа въ 4-й день».

Надпись на пьедесталѣ сочинена архитекторомъ Монфераномъ, и въ ней сдѣланы двѣ существенныя ошибки. Первое — колоколъ вылитъ не въ 1733 году — указъ сенату о литіи его послѣдовалъ 26-го іюля 1730 года. Въ январѣ 1734 года, сенатская контора доносила, что болванъ и болванъ изъ ямы оконченны и неграмматически позволенія обжигать и приступать къ литіи; слѣдовательно, онъ вылитъ въ 1734 г., но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже въ 1735 году. Затѣмъ: колоколъ пребывалъ въ землѣ не сто три года. Пожаръ Москов-

скій происходилъ въ 1737 году, когда Царь-колоколъ уналь, а вынули его въ 1836 году, слѣдовательно онъ пребылъ въ землѣ 99 лѣтъ.

На Царь-колоколѣ находится двѣ надписи; до настоящаго времени, въ первой изъ нихъ явственно сохранилось только нѣсколько словъ, а въ другой — ни одного; вѣрный печатный списокъ съ этихъ надписей помѣщенъ въ «Горномъ Журналѣ», 1833 г., т. I. Вотъ эти надписи: первая: «Блаженныя и вѣнодостойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца повелѣніемъ, въ первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, слить былъ великій колоколъ, семь тысячъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162, съ Рождества же по плоти Бога Слова 1654; изъ мѣди сего благоуветить начали въ лѣто міроуданія 7176, Христова же Рождества 1668 и благоуветить до лѣта міроуданія 7208, Рождества же Господня 1704 года, въ которое мѣсяца іюня 19-го дня, отъ великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара, поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра и Христа, въ мѣсяцъ Рождества, прибылъ безгласнѣй». Вторая надпись: «Благочестивѣйшіи Самодержавиѣйшіи Великіи Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы всея Россіи повелѣніемъ во славу Бога въ Троицѣ славимому въ честь Пресвятыя Богородицы, въ первособорной церкви славнаго Ея Успенія, отлить колоколъ изъ мѣди прежняго семь тысячъ колокола пожаромъ поврежденнаго съ прибавленіемъ матеріи двухъ тысячъ пудъ, отъ созданія міра въ 7242, отъ Рождества же по плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствование въ четвертое лѣто».

Колоколъ украшенъ наверху изображеніями — московскихъ чудотворцевъ, а по срединѣ — особъ императорской фамиліи; изъ нихъ императрица Анна Іоанновна изображена во весь ростъ; на ясно видны только голова и корона. Высота колокола съ пьедесталомъ 34 фута; высота самаго колокола 20 футовъ 7 дюймовъ; ширина въ отверстіи 22 фута 8 дюймовъ. Форма колокола очень красивая; отшибленный край лежитъ подлѣ пьедестала¹⁾.

Самый большой колоколъ въ Москвѣ на колокольнѣ Ивана Великаго, называемый «Успенскій или праздничный», ударомъ въ который дѣлалъ начало торжественному звону всѣхъ Московскихъ церквей въ великую ночь передъ Пасхой. Весомъ колокола четыре тысячи пудовъ. — Онъ перелитъ въ 1819 году изъ старца, унавигаго въ 1812 году, при исрыніи Кремля французами. До переливки онъ весилъ 3,355 пуд. 4 фунта. Ста-

¹⁾ Иакоже самый большой колоколъ, протоиерей Иванъ Павловъ, какъ мы слышали, считаетъ возможнымъ перелить Царь-колоколъ, дать ему гармоническій тонъ и повѣсить на колокольную. На это, какъ онъ предполагаетъ, надо будетъ затратить не менѣе 50,000 рублей. За послѣднее время было въ газетахъ напечатано нѣсколько проектовъ починки Царь-колокола.

рыи быть сняты в 1760 году мастером Сизовым по приказу императрицы и высказывать предание, быть много лучше нового. На колокольи изображены: Спаситель, Богородица, Юангъ Предвѣда, Успеніе Богоматери и Петръ и Алексѣй, митрополиты московскіе; а подъ святыми изображеніе императора Александра I-го и всей августѣйшей фамилии. На старомъ же колокольѣ были изображены тѣ же святые—съ портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъемѣ этого колокола случилась слѣдующая исторія, надѣлавшая въ то время много шума въ Москвѣ. Еще до подъема, митрополиту Серафиму довели, что пострѣнная мастеромъ Богдановымъ каланча для подъема на колокольно Иванъ Великій большого отлитаго имъ колокола, крайне непрочна, да и брусья на колоколыѣ не надежны. Слухи эти настолько были распространены въ народѣ, что митрополитъ просилъ военнаго генераль-губернатора назначить архитектора для освидѣтельствованія каланчи и колоколыни. Назначенные губернаторомъ, графомъ А. И. Тормасовымъ, чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусель не надежною. Но Богдановъ стоялъ на своемъ и ручался за прочность. Такая увѣренность Богданова расположила митрополита въ его пользу и просвѣщенный далъ ему позволеніе поднять колоколь. Въ назначенный для подъема день митрополитъ Серафимъ прибылъ въ Успенскій соборъ. Площадь была покрыта несметнымъ количествомъ зрителей. Вдругъ митрополиту докладываютъ, что Богдановъ сидитъ на каланчѣ и горько плачетъ. Вѣсть эта Серафима крайне встревожила; ему доказалось, что Богдановъ отчаявается въ успѣхѣ; онъ приказываетъ позвать подрядчика и узнать отъ него, что тотъ плакалъ потому, что ему мѣшало. Просвѣщенный, успокоивъ Богданова, идетъ и освидѣтельствуетъ колоколь по церковному чиноложенію и затѣмъ благословляетъ поднимать его, колоколь пошелъ очень ходко и ровно вверхъ и уже былъ на половинѣ высоты, какъ вдругъ раздается со всѣхъ концовъ крикъ: «Иванъ Великій падаетъ, каланча падаетъ!» Къ этимъ крикамъ и вносятся еще крики женщинъ и дѣтей, кинувшихся бѣжать, — паника и тѣпота сдѣлалась ужасная! Оберъ-полицеймейстеръ, А. С. Шубининъ, не потерявъ присутствіе духа и бросился въ толпу, увѣряя, что это выдумки мошенниковъ. Народъ, види, что каланча не упала и Иванъ Великій стоитъ, понемногу пришелъ въ порядокъ. Богдановъ во время этой суматохи не растерялся и, какъ и прежде, стойко удерживалъ дѣйствіями многихъ воротовъ, посредствомъ колоколыни и вѣшечки съ навѣскими на ней платкомъ и все время умѣлъ удерживать работниковъ на своихъ мѣстахъ и своею расторопностію отратить большую бѣду. Но такъ какъ полиція на площади оказалась немнога и боялись, что карманные мошенники охотъ не проведутъ безпорядка, то просвѣщенный и распорядился приостановить поднигіе колокола и объявить народу, что онъ будетъ поднятъ завтра. Послѣ этого толпа на-

рѣдѣ стали расходиться; и когда народу на площади осталось немного, то Богдановъ командовалъ рабочимъ продолжать поднигіе, и черезъ нѣсколько минутъ колоколь былъ поднятъ на колокольно благоудачно. Въ день поднигія колокола, Михаилъ Гавриловичъ Богдановъ былъ приглашенъ къ столу митрополита. За обѣдомъ Серафимъ спросилъ Богданова:

— Ну! еслибъ я не согласился позволить тебѣ поднять колоколь и послать бы бумагу спросить объ этомъ въ Петербургъ, что бы ты сдѣлалъ?

— Я уже рѣшился, отвѣчалъ Богдановъ,—я бы ночью пришелъ къ колоколь и поднятъ его потихоньку своими работниками.

Рассказываютъ, что нѣсколько минутъ до поднигія колокола, извѣстный тогда иностранецъ архитекторъ, изъ сожалѣнія къ Богданову, упрямивъ его бросить это дѣло, доказывалъ ему невозможность поднять такую тяжесть, но Богдановъ ему отвѣчалъ: «Приходи завтра звонить въ колоколь».

Въ такъ называемой Филаретовой пристройкѣ находятся еще три замѣчательныхъ историческихъ колокола; всѣхъ же колоколовъ на этой колоколыѣ двѣнадцать девять. Самый большой изъ трехъ колоколовъ это «Реутъ» или «поліцейскій», какъ онъ названъ по указу 1689 года патріарха Іоакима. На немъ слѣдующія надписи: «Божією милостию повелѣниемъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Осодоровича, всея Россіи Самодержца, и по благословенію по плетскому расуденію отца его государева, а по духовному чину отца и богородица, великаго господина и свѣтѣйнаго патріарха Филарета Никитича, московскаго и всея Россіи, епископа сей колоколь въ соборной церкви Успенія Пречистая Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны, лѣта 7130 (1622), дѣлать колоколь пушечный мастеръ Андрей Чеховъ».

Въ этомъ колокольѣ, какъ полагають, до 2,000 пудовъ. «Реутъ» замѣчательнѣе тѣмъ, что при взрывѣ Кремля въ 1812 году, у него только отбило уши, которыя впоследствии очень искусно вѣдкали; колоколь отъ этого не измѣнился въ толщѣ. Этотъ колоколь замѣчательнѣе еще тѣмъ, что во время звона въ него къ присягѣ императора Александра II онъ упалъ въ самый низъ, причѣмъ пробилъ три каменныхъ свода, два деревянныхъ пола и чугунную лѣстницу. Колоколь не повредился—только пострадала уши. Теперь въ него не звонять: боится за вѣдканныя двѣнадцать ушей.

«Воскресный» называтъ такъ тѣмъ же патріархомъ Іоакимомъ въ 1689 году; слить онъ первоначально въ 1652 году мастеромъ Емельяномъ Даниловымъ и имѣлъ вѣсу 998 пудовъ 30 фунтовъ; но такъ какъ онъ оказался впоследствии треснувшимъ, то императрица Екатерина II приказала въ 1783 году перелить его мастеру Якову Зыблову. Теперь онъ, какъ свидѣтельствуеть на немъ надпись, вѣситъ 1,017 пудовъ 14 фунтовъ.

«Воскресный» или «семисотенный» отлитъ въ 1704 году Иваномъ Маторинымъ; вѣсъ его 798 пудовъ.

Изъ замѣчательныхъ другихъ колоколовъ въ нижнемъ ярусѣ висятъ: перелитый въ 1775 году изъ древняго новгородскаго (1501 г.) «Медвѣдь»; вѣсъ его 450 пудовъ. Другой колоколъ носитъ названіе «Лебедь», вѣсомъ 475 пудовъ, отлитъ въ Москвѣ въ 1532 году; онъ перелитъ въ 1775 году съ сохраненіемъ прежняго вѣса и формы. Кромѣ надписи, на немъ видны иностранныя слова: «Nikiwas obracer, 537 г.».

Затѣмъ рядъ историческихъ колоколовъ есть еще одинъ, подъ названіемъ «Новгородскій». Надпись на немъ слѣдующая: «Лѣта 7064 (1556) мѣсяца сентября 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, въ царствѣ Ивана Васильевича, при пасты: митрополита Макарія всея Россіи, по повелѣнію пресвященнаго Пимена архієпископа Новгородца и Пскова, а мастера Михаила сдѣлать бысть сей колоколъ въ богоспасемый великій Новгородъ ко святой соборной церкви Софіи Премудрости Божіей». На этомъ колоколѣ наверху находится и другая надпись, изъ которой видно, что онъ перелитъ въ 1730 году и вѣсу въ немъ 420 пудовъ.

Подъ нами одно время, что этотъ колоколъ и есть знаменитый «Взвѣсѣль» новгородскій, но это невѣрно; послѣдній, какъ мы выше уже говорили, поступилъ на переливку для «набатнаго» московскаго колокола.

«Широкій» слитъ въ 1679 году, вѣсу въ немъ 300 пудовъ. Затѣмъ въ этомъ же ярусѣ помѣщаются колокола: «Слободскій» въ 309 пудовъ, перелитый въ 1614 году изъ стараго «Слободскаго»; далѣе «Ростовскій»; изъ надписи на немъ видно, что онъ литъ въ 1687 году въ Бѣлогостиинскій монастырь находившимся въ ростовской епархіи мастеромъ Филиппомъ Андреевымъ.

Въ среднемъ ярусѣ изъ старинныхъ колоколовъ висятъ «Новый» или «Успенскій»; вылитый въ 1651 году; послѣ него «Безымянный» съ иностранною надписью. Затѣмъ идутъ «Даниловскій» 1678 года, по преданію вылитый въ г. Переяславль-Залѣсскомъ; «Глухой» 1621 года; потомъ «Корсуновскій», называемый этимъ именемъ потому, что перелитъ изъ стараго корсунскаго, по повелѣнію Іоанна Грознаго, въ 1559 году, мастеромъ Петромъ Никишовымъ Псковитиновымъ. Есть еще колоколъ, называемый «Безымяннымъ», и «Маринскій» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7170 (1663 г.) марта въ 23-й день, вылитъ сей колоколъ въ церкви Преподобныя Маріи Египетской по дунахъ блаженныя памяти боярина Бориса Ивановича Морозова, да по женѣ его боярыньѣ». Тамъ же висятъ еще пять другихъ колоколовъ «перекорные»; на одномъ изъ нихъ надпись, свидѣтельствующая, что колоколъ приложенъ 1697 года стольникомъ Лешуновымъ въ Коломенскую его отчину село Троицкое.

Въ верхнемъ ярусѣ находится еще десять колоколовъ. Изъ нихъ историческое значеніе имѣютъ только четыре; два такъ называемыхъ «Корсунскихъ» или «Фоническихъ»; цвѣтъ они имѣютъ бѣловатый и звукъ самый рѣзкій; повѣствуютъ, что въ нихъ много серебра. Колокола эти вывезены въ Москву, какъ думаютъ, однимъ изъ митрополитовъ греческихъ въ

то время, когда Москва вступила мѣсто Кіева и была убѣжищемъ гонимыхъ турками грековъ. Въ 1775 году, колокола эти перелиты вновь. Третій колоколъ «Арсенскій» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7193 (1685) марта въ 13-й день сей колоколъ по столынкѣ Федосѣи Осиповичу Арсеневу въ Соловской уѣздѣ, въ Новгородской ставкѣ, въ волчину столынка Дмитрія Федосѣевича Арсенска, село Покровское къ церкви Покрова Богородицы съ прочими угодинками, при священникѣ Кириллѣ Кирилловѣ слитъ, дать сей колоколъ столынкѣ Дмитрій Федосѣевичъ Арсеневъ». Четвертый колоколъ боярина Феодора Ивановича Шереметева, отлитый въ 1620 году.

Не лишнимъ считаемъ прибавить, что на колоколахъ Ивана Великаго всѣхъ ступеней считается 409, и исторію у колоколовъ читали царскіе указы громогласно, во всю Ивановскую, какъ тогда говорили.

II.

Колокола Троице-Сергіевой лавры: Большой, Годуновъ, Карноухій, Лебедь и Переспоръ.—Колокола Кіевской лавры: Успенскій и Вальикъ.—Историческіе колокола Ново-дѣвичьего монастыря.—Переливка колоколовъ на пушки.—Тобольскій большой колоколъ Демидова.—Колоколъ амстердамскаго литья.—Углицкій сѣзанный колоколъ и его исторія.—Замѣчательные колокола Софійскаго собора.—Старые новгородскіе колокола и Осадный речевой колоколъ города Пскова.—Муромскій колоколъ князя Борятинскаго.—Казань-Керменскій колоколъ въ г. Полтавѣ.—Шведскіе колокола въ Финляндіи.—Замѣчательные колокола въ Петербургѣ.

Одной изъ первыхъ, по колоссальности, колоколовъ считается колокольня Свято-Троицкой Сергіевой лавры подъ Москвою. На этой колокольнѣ всѣхъ колоколовъ съ часовыми 34. Главный изъ нихъ вѣсомъ въ 4,000 пудовъ; онъ перелитъ былъ въ 1746 году по именному указу Елисаветы Петровны на средства монастыря изъ стараго рѣзанаго царскаго колокола, вѣсомъ въ 3,319 пудовъ. Второй колоколъ, «Годуновъ», сдѣланный владомъ бывшаго царя Бориса Феодоровича Годунова, вѣсомъ въ 1,850 пудовъ. Третій, «Карноухій», вѣсомъ въ 1,275 пудовъ, литый 1684 году монастырскою казною. Четвертый, «Лебедь», вѣсомъ въ 625 пудовъ, владомъ конюшана боярина Бориса Феодоровича Годунова. Пятый, «Переспоръ», вѣсомъ въ 315 пудовъ 28 фунтовъ, литъ въ 1780 году.

Въ Кіевской лаврѣ нѣтъ ни очень большихъ, ни очень старыхъ колоколовъ. Самый большой колоколъ здѣсь «Успенскій» вѣсомъ 1,000 пудовъ, а самый старый «Вальикъ», вылитый въ 1719 году; всѣхъ же колоколовъ десять.

Но величій замѣчательный колоколъ также на колокольнѣ храма Спасителя въ Москвѣ; всѣхъ ихъ съ небольшимъ сорокъ штукъ; ст-

литы они из заводов московскаго купца Н. Д. Финляндскаго; вѣсъ въ нихъ 4,008 пудовъ 39 фунтовъ, стоимость 88,184 рубля. Изъ нихъ самый большой колоколъ «Торжественный», вѣсомъ 1,654 пуда 24 фунта.

Въ Москвѣ, въ Новодевичьемъ монастырѣ, есть нѣсколько колоколовъ, имѣющихъ историческое значеніе. Старѣйшій изъ нихъ колоколъ «малый златоносный», отлитый въ 1551 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и архіепископѣ Макаріѣ. На второмъ, отлитомъ въ 1628 году, мая 3-го, находится слѣдующая надпись: «Дать сѣи колоколъ в дом Пречистой Богородицы Смоленской въ Новодевичь монастырь князь Алексѣй Ивановичъ Воротынецкой по кнѣгине Маріе князи Ивана Михайловича Воротынецкаго, по кнѣгине Маріе Петровне, по своей матери и по своихъ родителяхъ». Третій, отлить, какъ гласитъ надпись: «Лѣта 7138 (1630), апрѣлы въ 13-й день при великомъ государе царѣ и великомъ князе Михаилѣ Осеоровиче всея Руси самодержце иъ его государские державы въ 17 лѣто и при благоверномъ царевиче и великомъ князе Алексѣе Михайловиче всея Руси и при великомъ господине свѣтѣйшимъ патріархе Филарете Никитиче московскомъ и всея Руси, поставила сѣи колоколъ мати государи цари и великаго князя Михаила Осеоровича всея Руси инока великаго государыни старика Марѳа Ивановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевичь монастырь по своей душе; нуменьше с сестрами, которые въ томъ монастыре будутъ за тотъ нашъ вкладъ душу мою в севадники пансвати, по вся дни поминати».

Четвертый, иностраннаго дѣла, съ надписью: «Me fecit, Daventriae, a 1673. Hetzuck. Thor. Horst. Amor vincit omnia», т. е. «меня сдѣлать въ Девентурѣ, 1673 года Генрихъ Торъ Горстъ. Любовь все побѣждаетъ». На наружной сторонѣ этого колокола двуглавый орелъ, на груди котораго изображенъ въ клеймѣ конь безъ всадника, похожій на единорога.

На пятомъ слѣдующая надпись: «Божіимъ изволеніемъ сѣи колоколъ поставили старцыи Темирака приказу Засецкаго 500 человекъ великому чюдотворцу Николѣ, что на горкахъ за Московю рѣкою».

На шестомъ колоколѣ надпись: «Слить сѣи колоколъ на Москвѣ в домъ Пречистые Богородице Одигитріе, чюдотворные иконы Смоленскія, Божією милостию повеленіемъ благовернаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича въ Новодевичь монастырь что за посадомъ, лѣта 7159 (1654) году сентября въ 1 день, а деньги здавали владники по общаину. Мастеръ Миклооръ Барановъ. Вѣсу въ сѣмъ колоколѣ 200 пудъ».

Интересенъ седьмой колоколъ: «Лѣта 7192 (1684) мѣсяца августа 3 дни сѣи колоколъ вылить въ похвалу и славу и честь Богу въ Троице славимому и Пресвятѣй Богородицы и всемъ свѣтымъ въ домъ ея Пресвѣтѣй Богородицы явленія иконы Смоленскія Одигитрии, нарицаемѣй Новодевичей монастырь, повеленіемъ благочестивѣйшихъ, великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Юхана и Петра Алексѣевичей всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ общими же съ ними

великими государи изволеніемъ и согласіемъ сестры ихъ государския великія государыни, благоверныя царицы и великія княжна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, поже она, государыня, того святаго дому на давнихъ лѣтъ строительница, а нынѣ иначе имѣть прилежное попеченіе къ устроенію, какъ отъ всѣхъ видимо. Вѣсу въ немъ 540 пудовъ. Лить сѣи колоколъ мастеръ Осеодоръ Маторинтъ».

Восьмой колоколъ съ точно такимъ же титуломъ и надписью, почти слово въ слово, только лить послѣдній колоколъ мастеръ Михаилъ Лодыгинъ и вылить онъ былъ 1-го декабря 1688 года.

Судьба многихъ историческихъ колоколовъ въ Москвѣ рѣшилась во время войны Петра Великаго съ шведами. До этого государя въ древней столицѣ считалось сорокъ сороковъ церквей, а другіе насчитывали ихъ болѣе двухъ тысячъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, половина была приходскихъ, и при каждой были колокола. Въ 1700 году, послѣ неудачи русскихъ подъ Нарвою, Петру Великому кто-то изъ приближенныхъ къ нему иностранцевъ указалъ на непомѣрное множество колоколовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Петръ приказалъ лить разныя крѣпостныя и полевые орудія изъ тѣхъ колоколовъ, которые признаны будутъ лишними. И въ тотъ же годъ, зимою или нѣсколько раньше, было отлито сто большихъ пушекъ, 143 полевыхъ пушки, 42 мортиры и 13 гаубиць. Распоряженіе царя вызвало почти общее неудовольствіе. Вотъ что по поводу этого разсказываетъ С. Григоровъ¹⁾ о такъ называемыхъ въ народѣ «Пенюкорныхъ колоколахъ», которые сопротивлялись указу царя. Русскіе люди, видѣвшіе въ колоколахъ украшеніе своихъ церквей, дорожили ими и, поэтому, изыскивали всевозможные способы, чтобы не отдать своихъ колоколовъ на литье пушекъ; при этомъ, конечно, дѣло не обошлось и безъ чудесъ. Приводимъ здѣсь разсказъ Гаврилы Тверитинина объ одномъ изъ такихъ чудесъ, описанный С. Григоровымъ съ рукописи подъ № 432, находящейся въ библиотекѣ Петербургской духовной академіи.

«Я и сестра моя Ирина, пишетъ Гаврило Тверитининъ, въ 1701 г. были у Троицы-Сергіева монастыря, тогда отъ великаго государя царя Петра Алексѣевича былъ указъ вездѣ въ городскихъ монастыряхъ и въ Москвѣ и у всѣхъ приходскихъ церквей брать колокола и отъ вероубову четвертую долю мѣди вѣса на пушечный дворъ на литье пушекъ и въ томъ Сергіевѣ монастырѣ также; а въ монастырѣ колоколовъ 26 было. Архимандритъ и братіи его великаго государя указу противиться не смѣли и колокола съ колокольной сымакъ повелѣли. Вечеромъ нѣкоторые ухватили снить одинъ старинный колоколъ; вѣсу что въ немъ того не знали, а гласомъ былъ глухъ и не яроу; но за неидиостью онаго не смѣли. Монастырь ночью крутомъ заперся и всегда также и тако посто бытъ.

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ» 1880, № 8, стр. 790.

запереть на створе же архимандриту являть доносить, что того колокола на колокольни и братья не ведала кака и гдѣ онъ дѣлся. Архимандритъ же, услышавъ объ этомъ, повелѣть всадѣ искать по келіямъ у братьи и въ погребахъ, и когда нигдѣ не могли обрѣсти (книжечке ему чудотворцу отъ сего не позволено), тогда архимандритъ Маріонъ повелѣть другой свить, какакъ вѣсу въ немъ не ведам и тотъ свить повелѣть и разбить и мѣдъ свести въ Москву. Когда колоколь свили, человекъ, чтобъ разбить оный, ударилъ по колоколу молотомъ; но колоколь отъ того удара не разбиел, но началъ гласъ отъ него три сутки день и ночь непрестанно. Велѣдвіе этого «архимандритъ и того колокола не велѣть вести въ Москву, а повелѣть сымаъ два другіе колокола по-нѣшного мастера, но сихъ колоколовъ не могли свить никонми дѣлами». Въ то время, когда «архимандритъ и братья, боясь указа государя, съ узломъ смотрѣли на сіи колокола; колокола же сіи два братьяника идуть сами собой съ колокольни свекочили, пали и стѣны обломали». Божественный колоколь въ это время также отыскался за монастыремъ въ прудѣ. «Во время тое на монастырь въ погребъ ледъ во-вили и уши отъ того колокола видѣли, а потомъ его отъ воды того пруда извили». Объ всемъ этомъ донесли Петру, который, по увѣренію Гаврилы Тверитинина, хотя «въ монастырь приходилъ, плакалъ и прощенья просилъ у чудотворца Сергія о своемъ соизволеніи; однако колокола два братьяника повелѣли вести въ Москву, гдѣ онъ въ литѣ пушечнаго дѣла не пошла и не испорчены, потому что мѣдъ была жестка, въ дѣло негодна и дошла въ тѣ колокола стояще на пушечномъ дворѣ цѣлы какъ и были».

Число колоколовъ въ Москвѣ въ настоящее время далеко превышаетъ количество трехъ тысячъ; а сколько ихъ всѣхъ въ Россіи—трудно подсчитать. Даже отдаленная Сибирь можетъ похвастаться порядкомъ количествомъ ихъ. Самый большой колоколь тамъ въ Тобольскомъ соборѣ, вѣситъ оубъ 1,011 пудовъ и 22 фунта и литъ, какъ значится по надписи на немъ, въ 1738 году на Тагильскомъ заводѣ, тираніемъ митрополита тобольскаго Антонія и иждивеніемъ дворянина Акинша Никитича Демидова; звукъ его прекрасный и видъ красивый. Кромѣ Тагильска, въ Сибири лили колокола еще въ Тюмени и Енисейскѣ, но большей частью грубой отдѣлки, небольшіе и не особенно благовучные. Сибирскіе колокола преимущественно привозные и некоторые изъ нихъ привезены изъ-за границы. Такъ, въ Тобольскѣ, на Богородицкой церкви, имѣется одинъ выписной изъ Голландіи; надпись на немъ гласитъ: «me fecit Jan Albert de Grave Amstelredami Anno Domini 1719» (литъ я въ Амстердамѣ Иваномъ де-Граве въ лето отъ Рождества Христова 1719-е).

Изъ привозныхъ въ Сибирь колоколовъ въ историческомъ отношеніи замѣчательнъ «Углицкій карноухій», въ который били въ Углицѣ въ набатъ по случаю умерщвленія царевича Дмитрія. Борисъ Годуновъ со-

стать изблнчителей одумектенныхъ и. Пеламъ, а вощунокеннаго, съ отѣченіемъ уха, въ Тобольскѣ въ 1595 г. Этотъ неуничтожій сильный вискъ сперка на Спасской колокольнѣ, потомъ перемѣненъ былъ на соборную и, наконецъ, въ 1837 году, по распоряженію архіепископа Антонія, снятъ оттуда и повѣшены подлѣ архіерейскаго дома, при престовой церкви, подлѣ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ. Цѣлю послѣднюю перемѣненія было то, чтобъ показать, если потребуется, эту историческую достопримѣчательность посѣтившему, въ 1837 году Тобольскъ, наследнику престола. Въ настоящее время углицкій колоколь свиваетъ къ боюслуженію; но до этого времени, когда онъ висѣлъ на соборной колокольнѣ, въ него отбивали часы и при пожарныхъ случаяхъ били въ набатъ. Вѣсъ въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ, онъ карноухій, т. е. съ отѣченными ухомъ; это сдѣлано было, какъ выше нами сказано, по приказанію Бориса Годунова. Звукъ у него рѣзкій и громкій; надпись на немъ по кромѣ вырѣзка, а не вылита; она гласитъ: «Сей колоколь, въ который били въ набатъ при убіеніи благовернаго царевича Дмитрія, въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку и градъ Тобольскъ къ церкви Всемилостиваго Спаса, что на Торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитной». Какъ складъ надписи, такъ и форма буквъ новѣйшаго времени.

Въ «Ярославскихъ Губернскихъ Ведомостяхъ», въ сороковыхъ годахъ, было напечатано, что существуетъ слухъ, будто этотъ колоколь не настоящій углицкій, что углицкій по какому-то случаю разбиелся и его перелили, но ухо отѣкли у вновь отлитаго потому, что такъ было у его первообраза. По изъ этого слуха никакого точнаго вывода нельзя сдѣлать. Въ бытность мою, въ 1882 г., въ городѣ Тобольскѣ, мнѣ пришлось лично видѣть этотъ колоколь; поверхность его, очевидно, очень старая и отъ древности самая мѣдъ сѣраго цвѣта, надпись же несомнѣнно новѣйшая. При самомъ тщательномъ осмотрѣ не найдется ни малѣйшаго даже намека на то, что этотъ колоколь не настоящій углицкій, а только перелитый изъ него, да и многовѣковая увѣренность жителей не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. При томъ и слѣдствіи, и преданіи тобольскія говорятъ, что это действительно тотъ самый колоколь, которымъ, въ 1591 году, въ роковой день, 15-го мая, въ часъ послѣобѣденнаго сна, соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ и двѣи священникъ Осодъ, прохаживаемъ Огурецъ, встрѣтили ширинъ Угличъ; и что передаваемый «Ярославскими Ведомостями» слухъ о разбитіи и переливѣ его не заслуживаетъ никакого вѣртіи и не можетъ никакако поколебать подлинности этого колокола.

Въ декабрѣ 1849 года въ Углицѣ возникла мысль о возвращеніи сюда сибирскаго колокола; мѣстные жители, въ числѣ сорока человекъ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому съ просьбою объ исходатайствованіи изъ высшаго разрѣшенія для возвращенія

изъ Тобольска на ихъ счетъ колокола. По докладу министромъ означенной просьбы императору, повелѣно: «Удостоверись предварительно въ справедливостъ существованія колокола въ гор. Тобольскѣ и по отношеніи съ оберъ-прокуроромъ просьбу сію удовлетворить». Министры вошли въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ и, по предложенію послѣдняго, синодъ обрѣдился съ вопросомъ о колоколѣ къ тобольскому архіерейскому Георгію. Изъ отвѣтнаго на этотъ вопросъ сношенія пресвященнаго Георгія оказалось, что въ Тобольскѣ при крестовой Свѣтодуховской церкви тамошняго архіерейскаго дома действительно находится карпоухій колоколъ, слышній съ дальнѣйш., и что въ сочиненной въ Тобольскѣ книгѣ, подъ названіемъ «Краткое показаніе о сибирскихъ воеводахъ», есть извѣстіе о присылкѣ, въ 1593 году, въ Тобольскъ въ ссылку карпоухаго колокола, въ который били въ Угличѣ въ пабать при убійніи благовернаго Дмитрія царевича. Затѣмъ синодъ сдѣлалъ предписаніе Ярославской духовной консисторіи «собрать самыя вѣрныя свидѣнія—не извѣстно ли епархіальному начальству, или же духовенству гор. Углича, чего либо положительнаго о томъ колоколѣ, о возвращеніи котораго изъ Тобольска просить угличанъ граждане». Велѣденіе это и консисторія, съ утвержденіемъ тогдашняго архіерейскаго ярославскаго и ростовскаго Евгенія, указомъ отъ 25-го Іюля 1850 года, сдѣлала сообразное тому предписаніе угличскому духовному правленію. Въ этомъ предписаніи велѣно было обратить вниманіе и на форму прѣдметнаго; но такъ какъ хранящіеся въ немъ бумаги восходятъ къ началу 1740 года, то, разумѣется, они и не могли послужить никакимъ документомъ по вопросу о колоколѣ. Не оказалось также по розысканію угличскаго духовенства ничего относящагося къ этому вопросу и при тамошнихъ церквяхъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые лица изъ означеннаго духовенства выставили на видъ мѣстное преданіе, свидѣтельствующее о присылкѣ угличскаго пабатнаго колокола въ Тобольскъ, и извѣстія объ этомъ же обстоятельстве, находящіеся въ «Древней Россійской Вѣдомостѣ» — Повинковъ, въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина и въ «Извѣщеніяхъ Московской древности» Снегирева. Пресвященный Евгеній, донося объ этомъ синоду, прибавилъ, что епархіальному началу «ничего положительнаго объ означенномъ колоколѣ не извѣстно».

Синодъ, рассмотрѣвъ приведенныя угличанамъ духовенствомъ свидѣнія о колоколѣ, счелъ ихъ, точно такъ же, какъ и сообщенныя архіереемъ Георгіемъ, предварительными, и въ опредѣленіи своемъ, подписанномъ 11-го Іюля 1851 года, объявилъ, что сими свидѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возищено били въ Угличѣ убійце царевича Дмитрія, и что, вѣроятно, мысль сія уже возмѣлила въ понятіяхъ самихъ угличскихъ жителей извѣстѣмъ, напечатаннымъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1850 года, № 5. Этимъ и окончилось дѣло о возвращеніи колокола. Въ 1888 году, въ

Угличѣ, опять возникло въ средѣ гражданъ дѣло о колоколѣ, и въ Петербургъ привезать выборный отъ городской думы г. Соловьевъ хлопотать о возвратѣ его изъ гор. Тобольска и, какъ слышно, въ 1892 году колоколъ будетъ уже въ Угличѣ.

Въ Новгородѣ, на колоколы Свѣтосвѣтскаго собора, имѣется нѣсколько историческихъ большихъ колоколовъ. Самый большой изъ нихъ вылитъ въ 1660 году, въ царствованіе Алексея Михайловича. Литъ его свѣтосвѣтскій домовый мастеръ Ермолай Васильевъ.

«Вседневный» литъ тоже въ Новгородѣ, на деньги новгородскаго архіерейскаго дома, въ царствованіе Осодора Алексѣевича, въ 1677 году; весомъ 300 пудовъ; литъ мастера: Василій и Яковъ Леонтьевы дѣти.

Интересны тамъ еще два небольшие колокола, отлитые въ 1566 году, при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, при церкви Воснесенія Христова (которая уже не существуетъ), находившейся въ Прусской улицѣ, усердѣемъ прихожанъ. Тамъ находится еще небольшой колоколъ, литый въ Тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь, въ 1637 году, женой одного гостя Ивана Юдина Кесеніею Осодоровою для пошлюженія сына ея, Григорія, и родителей.

Въ Новгородѣ древнихъ колоколовъ не мало съ надписями, какъ русскими, такъ и иностранскими. Такъ, въ Клопскомъ монастырѣ есть два колокола XVI вѣка: одинъ въ 15, другой въ 9 пудовъ; оба съ одинаковою надписью: «Лѣто 7039 литъ колоколъ сей обители Живоначальныя Троицы и чудотворца Николая и къ Покрову Святыя Богородицы и свѣтителю Михаилу, при благоверномъ и великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ всея Руси при архіерейскомъ Великаго Новгорода и Пскова владыкѣ Макарьѣ и при игуменѣ Іоаннѣ».

Въ Хутыньскомъ монастырѣ, вседневный колоколъ съ надписью вверху и внизу: «Вожіею милостію цари и государи всея Руси Владимірскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иныхъ, при державѣ царства благоверныхъ и христоробиныхъ и великихъ князей Василіа Ивановича» и пр. При нѣкоторой обивчивости, съ какою читается надпись на колоколѣ, видно, впрочемъ, что онъ устроенъ въ послѣдній годъ княженія Василія III.

Въ Знаменскомъ соборѣ колоколъ съ надписью, изъ которой видно, что онъ слитъ въ Новгородѣ къ этому храму въ 1551 году, повелѣниемъ и по завету пресвященнаго Нимена и всѣхъ православныхъ христіанъ великаго Новгорода, «чтобы избавить насъ Богъ и Пречистая Богородица православныхъ крестынь (sic) отъ смертоубойнаго язвы и отъ пакостной смерти»; литъ мастеръ Иванъ.

Въ Успенской церкви укрежденнаго Кожемяка монастыря есть два колокола, литые при Іоаннѣ IV.

Въ Духовѣ женскомъ монастырѣ три колокола XVI вѣка. Изъ нихъ

интересна надпись на одномъ, «который поставилъ въ 1589 году въ Новгородѣ, въ монастырь Сшествіе Святого Духа и Живоначальныя Святыя Троицы, конюшой бояринъ Борисъ Федоровичъ Годуновъ».

Но написаны заслуживаютъ вниманія въ Хутыномъ монастырѣ три колокола конца XVII вѣка.

Въ Свято-Передицкой церкви есть колоколъ съ надписью, что онъ отлитъ при царѣ Осодорѣ въ монастырь къ Спасу Передницы — «да въ тотъ колоколъ Осодосей приказать по себѣ и по своихъ родителяхъ. Литъ мастеръ Тимошей новгородецъ».

Къ описаннымъ колоколамъ XVI вѣка можно отнести небольшую металлическую кандію, находящуюся въ ризницѣ Софійскаго собора. Она въ видѣ небольшой чашки, вокругъ поддона ея надпись: «лѣта 779 (1541 г.) поставилъ ея кандію въ домъ свитому Николы на Борюно старецъ Андрей». При кандіи небольшой желѣзный язычекъ для удара, которое совершалось ветарину, напримѣръ, во время чтенія Евангелія въ первый день Пасхи. Въ письменномъ уставѣ XVII вѣка Софійскаго собора¹⁾ на св. Пасху сказано: «и на всякомъ возгласѣ протоіаконовъ Евангелія маряють въ кутейникѣ по одиноци въ кандію и въ вѣстовой колоколетѣ». Въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», отд. I, № 76, «кандія» счислена къ числу трансныхъ чашъ, въ которую ударили настоятели за братскою трансозою при перемѣнѣ кушанья. Въ гор. Ростовѣ, Ярославской губерніи, имѣется одна такая «кандія», носящая имя «Паскы».

Почти во всѣхъ новгородскихъ церквяхъ имѣются колокола XVII вѣка съ древними русскими, но есть колокола съ польскими, латинскими и нѣмецкими надписями. Такъ, въ Борисо-Глебской церкви хранится колоколъ, на которомъ надпись: «Gloria in Exselsis Deo Anno 1636». Въ Воскресенской церкви, на Мяшинѣ, два колокола съ одинаковою вылитой надписью на латинскомъ языкѣ по верхней части: «M. Kordt Kleiman me fecit». Другая однаязыковая русская надпись на нихъ вырѣзана внизу кругомъ: «лѣта 7155 (1647) года; марта 1 дня при благовѣрномъ г. ц. и в. князѣ Алек. Мих. в. в. и ли Р самод. дали сѣи три колокола Великаго Новгороду церкви Всемилостиваго Спаса Перукотворенному образу у Нолшпекныхъ царств... Бога молить, а по смерти за ихъ души ихъ поминать доколѣ сѣи св. церкви Богъ благоволилъ по вѣрѣ христіанъ стояти, а пріемъ и писанъ въ 177 (1669) году мая 1 дня».

Въ Клеиномъ монастырѣ колоколъ въ 50 пудовъ нѣмецкаго литья. На немъ въверху кругомъ вылита готическая надпись: «Kleiman aus Lubbeck hat mich gegossen, aus dem feur an ich geflossen anno 1647», т. е. «Клейманъ изъ Любека литъ меня; изъ огня разомъ я вылился 1647

года». Другая надпись вырѣзана поперекъ первой и послѣ нея снизу семь лѣтъ: «лѣта 7162 (1653) года ноября 29 день при царѣ государѣ и в. князѣ Алек. Мих. далъ сѣи колоколъ вѣсомъ въ 50 пудовъ въ Клеи-ский монастырь Живоначальныя Троицы и чудотворцу Михаилу государѣ дворянину Иккигъ Луккигъ Донецкой». Въ Новгородской Георгиевской церкви небольшой колоколъ съ надписью «Soli Deo, Assilius Koster me fecit Amstelodami 1671». Въ Никитской церкви два колокола съ латинскими надписями; на одномъ: «1643 Gloria in Exselsis Deo», а на другомъ: «Anno Domiani 1673 Ab». Въ Пришеиной Осодорожской церкви на Торговой сторонѣ колоколъ съ латинскими надписями въверху около ушей: готическими нѣмецкими четыре слова и годъ 1680. Въ Деревянницкомъ монастырѣ есть колоколъ пятипудовой древней перусской работы; на немъ вылиты сдвиги на тронѣ апостолъ Петръ съ ключемъ и съ надписью надъ главою: S P T; поныне апостола вылита латинская надпись, къ сожалѣнію, почти сглажившаяся.

Городъ Псковъ имѣетъ также множество старинныхъ колоколовъ, но большая ихъ часть безъ надписей; они сходны между собою, какъ и храмы этого древняго города.

На колокольнѣ Псковскаго кафедральнаго собора двадцать два колокола, изъ которыхъ самый большой, имѣющій въ діаметрѣ $3\frac{1}{2}$ аршина, вѣсомъ 600 пудовъ.

Однимъ изъ старинныхъ колоколовъ считали въ Псковѣ колоколъ въ церкви св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (на бѣло), основанной въ 1373 году. Колоколъ этотъ унасъ съ колоколыни въ 1804 г. и уничтожить даже придѣтъ въ церкви во имя Знаменія Пресвятой Богородицы.

Въ церкви св. Василия Великаго (на горѣ), основанной въ 1413 г., находился некогда «осадный колоколъ». Этотъ колоколъ во время приближенія непріятеля давалъ знать объ этомъ псковичамъ своимъ звономъ.

Во Псковѣ существовать, какъ и въ Новгородѣ, свой «вѣстовой колоколъ», но въ воскресенье утромъ, 13-го января 1510 года, въ послѣдній разъ ударили въ этотъ колоколъ, вмѣстѣ съ покорностью псковичей московскому царю; колоколъ былъ снуцать съ колоколыни св. Троицы и свезенъ на Сибѣторское подворье, въ подваль церкви Іоанна Божьего, при общихъ слезахъ псковичей о своей старинѣ и утраченной имп. вольѣ. 26-го января 1510 года, вмѣстѣ съ тремя еками семействъ псковичей, «вѣстовой колоколъ» былъ отвезенъ въ Москву княземъ Михаиломъ Даниловичемъ Щелгувымъ. При отъѣздѣ же своемъ великаго князя и въ Пскога онъ взялъ съ собою и другой любимый псковичами колоколъ, называвшійся «Корсуенскимъ», каменный колоколъ уже въ 1518 году прислать имъ къ соборной Троицкой церкви большой колоколъ.

Въ Муромскомъ уездѣ, Владимирской губерніи, есть с. Мошна, въ древности почти въ князей Воротыньскихъ. На колокольнѣ этой церкви

¹⁾ Архивное описание церковныхъ древностей въ Новгородѣ, Архивскаго Макария.

сеть колоколовъ съ надписью, что онъ пожертвованъ въ 1546 году княземъ Алексеемъ Ивановичемъ Воробьянскимъ. Колокольчикъ этотъ давно разбитъ; но народъ бережетъ его какъ святыню, и каждый изъ стариковъ этого села во время Пасхи хоть одинъ разъ побываетъ на колокольнѣ, чтобы удруить въ разбитый колокольчикъ. Народное преданіе почему-то почитаетъ этотъ колокольчикъ за святыню.

Не менѣе замѣчательный колокольчикъ находился въ Полтавѣ, въ оградѣ соборной церкви. На немъ слѣдующая надпись:

«Въ року тысяча шестьсотъ девять десятъ пятомъ,
 «Но славою Казн-Керменѣ отъ христіанъ вѣютъ,
 «За царство Россіихъ царей Петра, Іоанна,
 «За гетьманство Мазепы, Богомъ дарованна,
 «Сооруженъ есть звонъ сей къ Божіей славі,
 «До храму Успенія во градѣ Полтавѣ,
 «Иль звукъ Казн-Керменскихъ арматныхъ здобичныхъ,
 «Зъ приделками матерій до звона приличныхъ,
 «Комтомъ его милости войскъ Подтавскихъ вѣда
 «Мавра Семеновича Украина вѣда».

Внизу надъбѣлать Афанасій Петровичъ», подъ ушами вокругъ колокола: «Рубу 1695 проемврія днѣ 10»; направо отъ надписи семиконечный крестъ въ епископѣ, потомъ гербъ Герциковъ, въ щитѣ сердце (Herz) съ четвероугольнымъ равноугольнымъ крестомъ (такъ называемымъ греческимъ), сверху изъ страусовыхъ перьевъ выходящая рука съ конькомъ, остриемъ кверху, и наконецъ, изображеніе Божіей Матери, въ ростъ съ предвѣщаніемъ младенца на десной рукѣ; возлѣ, у главы Царицы небесной херувимы, а внизу, у самыхъ ногъ, два ангела.

Въ бюварѣ Бучневича о Казн-Керменскомъ колоколѣ невѣрно сказано, что упомянутое изображеніе представляетъ где Успеніе (sic!) Богоматери, при чемъ г. Бучневичъ опустилъ главное: по сторонамъ герба Герцика стоять въ щитахъ буквы: Н. П. В. П. Н., справа: Ц. В. З. П. С., т. е., инициалы царскихъ величествъ войскъ запорожскихъ, etc... Этотъ рисунокъ памятника слѣдой старинныя назначенъ къ уничтоженію по волѣ настоятеля Успенскаго полтавскаго собора — и въ нынѣшнемъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ привезенъ въ Москву на заводъ г. Финляндскаго для слѣпки изъ него новаго колокола. Управление московскаго историческаго музея посѣщивъ и сдѣлать эстампажъ съ надписей на колоколѣ, а съ остальныхъ изображеній — копии изъ гипса.

Неужели въ самомъ дѣлѣ, не нашли никакихъ средствъ спасти отъ гибели этотъ замѣчательный колокольчикъ?

6-го іюня 1890 года, въ гор. Харьковѣ, на колокольномъ заводѣ П. П. Рыкова, состоялся отливка царскаго колокола изъ серебра — колокольчикъ для Успенскаго кафедральнаго собора. Въ первомъ ярусѣ колокольнаго утраникается изъ желѣза раковина, въ которой и будетъ висѣть колокольчикъ; благовѣсть его будетъ раздаваться ежедневно въ часъ

крупнѣя императорскаго поѣзда близъ станицы Борокъ. Этотъ колокольчикъ имѣетъ 47 пуд. 35 фунт. чистаго серебра и незначительное количество мѣди и олова, необходимыхъ для сплава. Сооруженіе этого памятника-колокола состоялось по мысли архіепископа Амвросія на пожертвованія, поступившія отъ духовенства и другихъ сословій харьковской епархіи. Царскій колокольчикъ имѣетъ аршинъ съ четвертью высоты; на лицевой сторонѣ его находится рельефныя изображенія имени Ихъ Императорскихъ Величествъ, а подъ ними расположенны пять медальоновъ съ надписями славянскаго языка: Николай, Ксентій, Георгій, Ольга и Михаилъ. На оборотной сторонѣ надписи, кто соорудилъ колокольчикъ, а вокругъ края отмѣчено самое событіе, въ ознаменованіе котораго отлитъ колокольчикъ.

Въ православныхъ нашихъ церквахъ на Сѣверѣ, и особенно въ Финляндіи, большая часть колоколовъ иностраннаго литья. Такъ, въ Бекстольмскомъ соборѣ колокольчикъ вылитъ въ Стокгольмѣ и имѣетъ слѣдующую надпись: «Anno 1649 Gloria in excelsis Deo. Duxett Gottes Hoff. in Kurken Pudensen me fecit Stocholmen. Quis contra nos, si Deus pro nobis». Въ Сердобольскѣ, въ Петропавловской церкви, точно такой же шведскій колокольчикъ съ надписью: «Soli Deo Gloria, anno 1680. Gloria in excelsis; mo funderat Holmiae (Стокгольмѣ).

Въ 72-хъ верстахъ отъ Петербурга, въ с. Рождествинѣ, въ бывшей вѣтчинѣ царевича Алексея Петровича, имѣются два историческихъ колокола: первый изъ нихъ — даръ царя Осодора Іоанновича, въ 1588 г. — вѣситъ онъ изъ новгородскаго Антоніека монастыря въ 1713 году; второй — иностранный съ слѣдующей надписью: «Laudo Deum, populum solo. En ego campana pingam denuncio vana. Congrego devum (?) Anno dom 1619 iuni. Iosephi Henrici Ledio fusa in Limingo.

Самый большой колокольчикъ въ Петербургѣ на колокольнѣ Исаакіевскаго собора, вѣсъ его 1,860 пудовъ 23 фунта, кромѣ языка, который вѣситъ 49 пудовъ 29 фунтовъ; всѣхъ же колоколовъ одиннадцать; общій вѣсъ ихъ 4,349 пуд. 14 фун., стоимость 62,029 руб. 89¼ коп. Всѣ они отлиты въ С.-Петербургѣ, Валдайскимъ колокольнымъ мастеромъ Иваномъ Макаровымъ Студолжскимъ.

На Петропавловскомъ соборѣ всѣхъ колоколовъ четырнадцать; самый большой изъ нихъ 209 пудовъ. Но замѣчательными здѣсь являются часовые колокола, которыхъ 38, различной величины; на каждомъ изъ этихъ колоколовъ имѣется литая надпись на голландскомъ языкѣ, вѣсъ въ нихъ 16,506½ фунтовъ, вѣсъ въ молоткахъ 1,843 фунта. Въ Казанскомъ соборѣ замѣчательны первые четыре колокола, бывшіе на колокольнѣ церкви Рождества Богородицы. Первый большой, «призвонный», вылитъ въ 1796 году мастеромъ Антипомъ Дмитриевымъ, вѣсу въ немъ 264 пуда 13 фунтовъ; второй колокольчикъ «подіелейный»; литъ его въ 1762 году адъерманъ Константинъ Сидоровъ въ Петербургѣ, вѣсу въ немъ 129 пудовъ 25 фунтовъ; третій «новосдѣленный» вылитъ февраля 9-го 1762 года тѣмъ

же мастеромъ, вѣсу въ немъ 61 пудъ 18 фунтовъ; оны разбиты и по
уноги истреблены. Четвертый колоколъ вылитъ въ Петербургѣ «1734 года,
ноября 30-го, лить его комисаръ Семень Леонтьевъ», разбитъ и тоже безъ
уноги истребленъ. На Смоленскомъ соборѣ большой праздничный колоколъ, вѣ-
сомъ въ 607 пудовъ, лить вадрайскій мастеръ Смирновъ въ Петербургѣ;
третій «сподобейный» лить мастеръ Константинъ Слизовъ въ Москвѣ въ
1757 году, вѣсъ его 240 пудовъ 5 фунтовъ. Въ Симеоновской церкви
большой колоколъ, вѣсомъ въ 267 пудовъ 17 фунтовъ, лить въ гор. Вадаѣ,
въ 1811 году. На Спасо-Брновской колоколышѣ вѣсхъ колоколовъ пятнад-
цать: главный изъ нихъ вѣсомъ въ 542 пуда 18 фунтовъ; вылитъ
въ Москвѣ въ 1780 году января 20-го на заводѣ Ивана Струговицка;
языкъ при немъ желѣзный въ 17 пудовъ 5 фунтовъ; надписъ слѣдую-
щій: «Ассесора Саввы Яковлева къ церкви Успенія Пресвятой Бого-
родицы что на Свнной». Существуетъ преданіе, что при жизни Саввы
Яковлева, очень тщеславнаго человѣка, вышедшаго изъ крестьянъ Твер-
ской губерніи, звонили въ этотъ колоколъ только тогда, когда оны это
дозволяли, и будто бы языкъ изъ чему-то прикрѣплялся особою цѣпью,
которую Яковлевъ заирать замкомъ, а ключи держалъ у себя и выда-
валъ то, когда хотѣлъ. Другой колоколъ «Богородичный» въ 274 пуда
26 фунтовъ отлитъ въ 1780 году. Больше другихъ древнихъ колоколъ «сло-
веседнейный» въ 78 пудовъ 32 фунта, отлитый въ 1762 году ко дню
возвращенія Екатерины II изъ Москвы, послѣ коронаціи. Въ заключеніе
слѣдуетъ еще сказать о двухъ колоколахъ, которые въ Псковой лаврѣ.
Первый, самый большой, виситъ на сѣверной башнѣ въ числѣ другихъ
колоколовъ, вѣсъ въ немъ 800 пудовъ; оны вылиты въ 1658 году фунда-
ціемъ свѣтлаго патриарха Никона и перевезены сюда изъ Псковскаго мо-
настыря въ 1724 г. Другой колоколъ на южной башнѣ «сподобейный»,
вѣсомъ въ 200 пудовъ. Вѣсхъ колоколовъ въ Петербургѣ насчитывается
болѣе 1,400 штукъ, изъ числа которыхъ едва ли треть будетъ прошед-
шаго столѣтія.

Въ нынѣшнемъ году заграницей изобрѣтены инструментъ, цѣль ко-
торого камбнитъ колокола — названіе ему «кодонофонъ». Новый инстру-
ментъ имѣетъ видъ шара. Въ немъ помѣщается нѣсколько десятковъ
трубокъ, по которымъ ударяетъ особенный молотъ. Говорятъ, что по силѣ
звука кодонофонъ не уступаетъ самымъ мощнымъ частотнымъ колоко-
ламъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Какъ былъ старину	1
Азартныя игры старину	20
Моды и модники стараго времени	58
Начало арлецивъ, башонъ, маскарадовъ и другихъ общественнахъ увеселеній въ Россіи	105
Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскарадовъ въ Россіи	137
Нашъ театръ въ эпоху Отечественной войны	157
Дѣятели генерал-фельдмаршала Суворова	198
Отецъ Суворова	207
Стародавніе старинки, пустосвиты и юродцы	211
Историческіе колокола	225

